

Василий Чернышев

---

ЛЮБОВЬ  
КАК  
ВСЕМИРНОЕ ПРИПЯЖЕНИЕ

*Посвящается \*\*\**

*КНИГА ТРЕТЬЯ*

**ПРОЩАНИЕ с Н**



© В. И. Чернышев, текст. 2016 - 2017  
© «NAPISANO PEROM». 2017

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ЧАСТЬ первая. Дневник несчастной любви</b>	
Введение...	5
Глава первая. <b>Страх</b>	12
Глава вторая. <b>После страха</b>	19
Глава третья. <b>Новая жизнь</b>	26
Глава четвертая. <b>Новая жизнь не удалась</b>	32
Глава пятая. <b>Зачем и для кого я еще пишу?</b>	38
Глава шестая. <b>Осматриваясь в себе и в мире</b>	43
Глава седьмая. <b>Отчаянье</b>	55
<b>ЧАСТЬ вторая. Любовь, разделяющая мир</b>	
Глава восьмая. <b>Что надо изменить?</b>	60
Глава девятая. <b>О чем и зачем писать?</b>	69
Глава десятая. <b>Краеугольные скрепы</b>	76
<b>ЧАСТЬ третья. Поиски новой жизни</b>	
Глава одиннадцатая. <b>Расставание со старой жизнью?</b>	85
Глава двенадцатая. <b>Триединство человека</b>	87
Глава тринадцатая. <b>Третья составляющая в сущности человека</b>	112
Глава четырнадцатая. <b>Горестные итоги</b>	128
<b>ЧАСТЬ четвертая. Пойди туда, не знаю куда</b>	
Глава пятнадцатая. <b>Куда же идти?</b>	134
Глава шестнадцатая. <b>Идти ли за Христом?</b>	141
Глава семнадцатая. <b>О чем писать?</b>	145
<b>ЧАСТЬ пятая. Метафизика на пепелище</b>	
Глава восемнадцатая. <b>Категорический императив</b>	147
Глава девятнадцатая. <b>Комментарии</b>	169
Глава двадцатая. <b>Сверх-история, сверх-жизнь</b>	184
Глава двадцать первая. <b>Христианство как линия разрыва</b>	192
<b>ЧАСТЬ шестая. Пепелище вместо метафизики</b>	
Глава двадцать вторая. <b>Естественные пределы мира</b>	205
Глава двадцать третья. <b>Обычный человек в мире</b>	213
Глава двадцать четвертая. <b>Чем же привлекает христианство?</b>	224
Глава двадцать пятая. <b>Любовь и вера</b>	228
Глава двадцать шестая. <b>Последнее заседание</b>	241
Глава двадцать седьмая. <b>Заключительная речь</b>	255
Глава двадцать восьмая. <b>В завершение предыдущих глав</b>	269
Глава двадцать девятая. <b>Строительство бани в деревне</b>	272
Глава тридцатая. <b>Строительство бани в деревне. Второй этап.</b>	294
<b>ЧАСТЬ седьмая. Преступная любовь. Переписка с N</b>	
Глава тридцать первая. <b>С чего все началось?</b>	309
Глава тридцать вторая. <b>Строительству бани нет ни конца ни краю</b>	315
Глава тридцать третья. <b>Строительство бани подвигается медленно</b>	336
Глава тридцать четвертая. <b>Когда же вобью я последний гвоздь?</b>	360
Глава тридцать пятая. <b>Дополнения и замечания. Подведение итогов</b>	389

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*ДНЕВНИК  
НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ*



## ВВЕДЕНИЕ

**22 декабря 2015 года, 9-14.** Приходили волхвы, как обычно, около семи. Теперь я догадался, почему они не приходили в прошлом: тогда мне бывало плохо из-за вина, если я накануне выпивал лишнего, то ночью болело сердце, и в семь утра мне было хуже всего, начиналась аритмия, мне было не до волхвов. А в последние месяцы я почти не пью, и в семь часов полу-просыпаюсь для разговоров с ними.

Кстати, вчера, цитируя Розанова, я спросил себя: Когда же я сам начну уметь? И сегодня они мне сказали: *Кажется, ты наконец-то начинаешь немножко уметь и сам, а не только чужими идеями...*

И кстати, о Розанове и о других "умных"...

Толстого (Анну Каренину), я прочитал в одиннадцать лет, перечитал в тюрьме Большого Дома, почти через двадцать лет, восприятие было то же, и в одиннадцать я все в ней понимал, потому что я был деревенский мальчик, и вся жизнь была для меня открыта, ничего тайного в ней, казалось, не было. А "Войну и мир" прочитал перед девятым классом, и в девятом «Записки из мертвого дома» Достоевского, и затем ранняя юность была посвящена ему, и словно кто-то руководил моим чтением, так все было во-время! Но руководила, как видно, судьба. Волхвы, кстати, и о судьбе сегодня сказали тоже: *Начинай ей снова доверять, не лезь на рожон, судьба о тебе заботится.*

На первом курсе я создал подпольный кружок по изучению «Капитала» Маркса. В девятнадцать лет нашел на подоконнике кусочек из книги Оскара Уайльда (задняя обложка с приклеенными последними страницами из статьи "Душа человека при социалистическом строе"), тогда же начал читать Библию, "Науку логики" Гегеля, Аристотеля, Александра Грина, Фихте и Беркли. И вслед за этим познакомился с Розановым, с "Легендой о Великом инквизиторе", Коробами листьев... А дальше я как-то почти и не развивался, волхвы думают, что меня какие-то силы задерживали в развитии, чтобы я не стал "кем-то" и не начал продолжать других. Так я выдерживался, пока не "замшел", и почти в шестьдесят лет началась вторая молодость (или третья?), при этом я снова начал нравиться девушкам, даже совсем юным, чуть ли не с трех-пяти лет (вот у Анны младшая дочка точно на меня *глаз положила*, и если с Анной дружба не получится, то буду дружить с ее дочкой, ей четвертый год...)

Из сегодняшних разговоров с волхвами:

**Правильные и неправильные люди:** если за шкалу или меру принимать меня, считая *правильным* (то есть довольно образованным, в меру умным, не слишком пьяницей, но и не слишком трезвенником, свободомыслящим, то есть не подпадающим под власть учений и мифов), то обыденный человек, как раз существенный в норме жизни, будет *неправильный*, но они почему-то ко мне притягиваются (как Г. и И.), и я вдруг подумал: а так ли уж они плохи? Г.С. не читает книг (так и моя мама их не читала до старости), И--на любит теперешнего царя (а многие зато любят недавних тиранов, что еще хуже), но разве и моя жизнь не проходила среди иллюзий? Разве я "молитвы женщинам чужим" не "творил усердно и всечасно"? И вот в связи с этим пора сказать

*про любовь*. На меня обращали внимание такие же, как я, "правильные", то есть выпадающие из обыденной нормы жизни, следовательно, по народному пониманию "неправильные". Если сравнить русских и немцев, то, конечно, образец *правильности* Кант и Гете, а типично русские: Достоевский, Розанов и В.И. Немцы, попадающие в Россию, портятся, становятся еще страннее русских, не зря многие юродивые на Руси – это немцы. И среди современных "*русских немцев*" необычные, симпатичные мне люди встречаются чаще, чем среди других. Вот, например, лет пять назад, на старой работе, где я работал сторожем, была вечеринка, попала на нее девушка, *русская немка*, нас познакомили, мы минут пять поговорили, потом в перерыве еще обмолвились несколькими словами, я даже танцевал с нею, она уходила раньше, я вызвался проводить ее на улицу. Мы вышли и я говорю ей: Времени на ухаживания у меня не было, встретимся ли, не знаю, так как вся жизнь на бегу, поэтому давайте целоваться, пусть и без предварительных ухаживаний, а то, кто знает, будет ли еще случай? Она подумала и говорит: "Ты удивительный! Давай!"

И какие же это были сладкие поцелуи! (Не буду оправдываться. Вот у Вл. Соловьева есть "Оправдание *добра*", так, кажется, *добро* он оправдал... Может быть, мне написать "Оправдание жизни"? И начать с того, что "жизнь не нуждается в оправданиях" – да настоящую жизнь и невозможно оправдать?!)

Много думал про *ласточку*, и почти полночи проплакал... Я многое начал понимать по другому. Она мне была дана как чудо, а я ее принял как должное, как то, чего я достоин. Нет, это был дар мне, недостойному, и надо было ее ценить сильнее. Когда в начале августа она со мной порвала по неведомым причинам, мне надо было не бунтовать, а умолять о милости, и если умоления бы не помогли, "затаиться в ожидании", умоляя судьбу о новом чуде. А я гордо и почти ненавидяще отошел в ожидании, когда она покается... Потом начал сходить с ума и бунтовать (на коленях)... И вот теперь, презираемый и ненужный, что я буду делать?

Самое разумное – забыть и разлюбить! – но сердце горит и плачет (а она пишет мне: молись Богу, Он добрый, он тебя утешит! – и я в ярости готов ее растерзать за эти слова, дурочка, наверное, она сама ни в кого не влюблялась, не жаждала в бессилии зарезать или стать на колени!)

Но совсем уж неразумно: стоять перед ней на коленях теперь и умолять о милости, но теперь уже поздно, только вызову отвращение, женщина НЕ милосердна, она не любит слабость, это мужчина жалеет и утешает, его к слабым и тянет, как меня...

Остается пока жить, пока дают жить, чего-то ждать, пытаться карабкаться в горы в литературе и в философии, ища в них утешения, если уж умолять, то волхвов и судьбу, вдруг все же случится чудо? А *её* надо продолжать любить, утешаясь искорками прекрасных воспоминаний, составить книгу из наших писем и напечатать в двух экземплярах, для нее и для меня.

Да, *ласточку* надо *еще нуще любить*, хотя слезы надо и спрятать и к ней не приставать, любить тайно. Писать для нее стихи, обожать ее, стремиться к известности – только для нее, женщины тщеславны, и этим я могу ее вдруг задеть. И жить тоже надо, мои другие женщины, когда она о них узнает, ее могут тоже задеть и заставить вспомнить меня... (например, "Манон"...)

**Христианская церковь.** Мифы вообще ВНЕ нравственности, они НАД добром и злом, хотя и Ветхий и Новый Завет наполнены рассуждениями о заветах (среди которых, правда, главный – любить Бога!). Но нравственность (то есть Завет о нравах – это правила поведения между людьми, среди близких, в своем народе, в семье, с теми, кого любишь. А миф описывает отношения человека и Бога, а не отношения людей, которые описывает культура. Итак, Миф жесток. С самого начала, с Рождества – гонения, преследования, пытки и казни сопровождают Христа и христиан. Эти все две тысячи лет борются с инакомыслящими, с мыслящими, с культурой, с любовью, с семьей и рождением детей, со всем человеческим, насаждая и защищая только нечеловеческое.

Кто-то из них начнет оправдывать их борьбу, доводов можно привести немало, и цельность учения... и т.д. Но ПЫТКИ зачем? Расстреляли миллионы около рвов и дорог, на полях сражений Отечественной войны, посжигали всех отважных – а в чем необходимость *мучений*? Христос обещал, что там, в аду, уже мы помучаемся, но там ведь Дьявол и черти нас будут мучить, Христос ведь не собирался сам и не назначал на эту стезю последователей, это уж их собственное усердие! И вот не поучительно ли, не доказательно ли, что наибольшее усердие – в преследованиях, почти всё на них уходило, а не на насаждение добродетелей и не на заботу о страждущих?! (Я пишу так, что смешиваю временами нечаянно большевиков и христиан, но это потому, что особенной разницы в них я не нахожу. Центральные мифологемы их только представлением отличаются, царствие небесное и земное царствие, которое они нам обещали, оба фальшивые...)

**Моя девочка!** Я тебя не могу бросить, не могу разлюбить! Но я не встану перед тобой на колени и просить милости у тебя не буду (но если вернешься ко мне, тогда даже тропинку, по которой вернешься, буду целовать!!!) Но теперь, отвергнутый, умолять не буду, разве бы я тебе, униженный, и стал бы дорог? Женщины ведь не милосердны, они любят только героев, победителей, вот и я, побежденный, к тебе не пойду, это подруга может пожалеть, ей я и поплачусь на плече... И далее уместно сказать

**О дружбе.** Христиане до нее вообще дорасти не сумеют, у них и чувства такого нет, их выдуманная и какая-то назидательно-показательная "любовь к ближнему" (особенно когда преподобный Игнатий собирается за разбойником, *ближним* для него, в ад пойти, чтобы там оплакивать его падение и восхищаться образом божьим в нем!) иногда, в самом благородном, не жеманном и не лживом случае, может походить на сожаление, сочувствие, но никак не на дружбу. Да, кстати, вот что напоминает мне их "любовь к ближнему" – доминиканский монах, сопровождая жертву инквизиции на костёр, гладит его по голове и целует, призывая покаяться и обещая за него молиться. Моя миленькая, отвергнув меня и не согласившись на прощание встретиться хотя бы на минутку, в своих лживых письмах пишет мне, что она за меня молится и любит меня по христиански (а шевельнулось ли у нее хоть раз в сердце сочувствие ко мне по человечески?) Увы, убеждаюсь я, что *христианские чувства* все те же, что у доминиканского монаха. Уж хоть вы то, мои подруги, жалейте меня по-женски, а не как *христианки*, мечтающие о гробе...

### *Странные люди и малые дети*

**16 июля 2015, Полночь.** Многое важное не сказал и забыл, но да бог с ним. Все не скажешь, да надо что-то и оставить – и самому себе, и другим.

Этим летом удивительны происшествия на дорогах: один я или с женой оказываюсь на шоссе, голосуем, иногда приходится ожидать долго, чтобы кто-то остановился, наконец дожидаемся, садимся, и водитель, довезя нас до Соинского (на шоссе), вдруг изъявляет желание свернуть с шоссе в сторону и довезти нас до дому (четыре километра), при этом не берет за проезд денег. И разговоры по дороге затеваются удивительные, часто говорим о детях, особенно о тех, которым приходится помогать.

И сегодня из Боровичей водитель довез нас до Сушилова. Мы пошли в магазин, вдруг нас от дома окликнули ребяташки и поздоровались; на обратном пути мы к ним подошли, угостили конфетами, поговорили, среди них была двенадцатилетняя Эля, она меня спросила, не становлюсь ли я популярным. Нет, ответил я, пока только в твоих глазах, но я еще на популярность надеюсь и всеобщую.

Но отчего дети ко мне притягиваются – чем я их привлекаю?

Это какое-то тайное союзничество, словно они знают нечто особенное, и чувствуют во мне сообщника, человека из их мира ... Да, этим я еще больше отличаюсь от христиан, слишком серьезных, суровых, мрачных, стремящихся «к страданиям ради Христа».

Не все вспомнил, но хватит...

**2015 год.** Константин Леонтьев утверждает, что смысл христианства в том, что человеку не дано утешения, этот мир существенно не исправить, только паллиативы, вроде компресса к горячему лбу.

И именно с этим я не согласен

И странность состоит в том, что все образованные христиане это знают и это отстаивают (так и проповедовал Христос), а верующий народ в целом исповедует какое-то свое христианство, совсем другое. И с кем же я спорю? И для кого же я пишу?

Я хочу изменить мир к лучшему, и именно это и является АНТИхристианством с богословской точки зрения.

Христианство же состоит в том, что надо всему поклониться, верить в бога и ждать... всякого...

Ну, ладно. Так же и с материализмом спор был бессмыслен, потому что Маркс говорил одно, а марксисты совсем другое, а народ верил в третье, так я писал-писал, ни до чего не дописался, пока Маркс сам не рухнул. Так вот, с кем возможен ДИАЛОГ и о чем разговаривать?

Я думал, что с женщиной по крайней мере возможно хотя бы разговаривать о любви, пока батюшка не повелел ей со мной навсегда расстаться, меня возненавидеть и стереть из памяти как нечистую силу.

Если бы только женщина... Мой товарищ, бросивший в меня Призвание литературы, объяснил, что батюшка сказал, что у меня бешенство ума и меня надо... в общем, отринуть...

Вчера слушали Моцарта и Чайковского, эта музыка символизировала Эпоху, когда человек словно очнулся от летаргического сна, в котором были Грех, покаяние, искупление, вера, смирение, унижение гордыни, спасение, ввержение в вар и в смолу или восшествие к ангелам... вот все то, что сегодня можно встретить только в каких-то иступленных сектах.

И Моцарт, и Чайковский, и даже Вольтер, и Пушкин с его Гаврииладой и Сказкой о попе – мы тоже верим в бога, и Пусси Райот верят, но наш бог посылает шестикрылого серафима к поэтам, а их бог распинает пророков (ибо ведь это Бог руками Каиафы и Иерусалимской толпы распял Иисуса! Ибо разве был кто-нибудь выше Каиафы?)

И этот подлинный дух христианства сохранился только в сектах и у старообрядцев и у бывших большевиков, уверовавших в Бога).

Остальные верят в бога так же, как в Деда Мороза, то есть не вредно и не страшно. И даже мою книгу не заметят и сжигать не будут.

Как Революция или Война – часть исторического целого, так и Любовь – часть жизни, проявляющаяся в чувствах, мыслях, переживаниях, нечто не сводимое к одному определенному чувству или определенной мысли – но она же и ощущение, или чувство, переживаемое влюбленным (и кто не испытывал этого чувства или ощущения как боли, страха, света, тепла, радости, жажды... тот не может говорить, что он был влюблен). Но нет *любви к ближнему, духовной любви и любви к Богу*, потому что нет соответствующих им чувств или хотя бы ощущений, хотя эти любви можно принимать как символы сострадания, заботы, жалости, любви...).

Но помимо веры и любви, помимо знания и сомнения человеку дана *совесть*, источник которой и не в природе человека, отчасти, может быть, в метафизике, но по существу она надо всем, и «знает кошка, чье сало съела», даже если не хочет в этом сознаться. Мы видим, что вера и любовь, страх смерти и страсти бросают человека из огня да подымают, и есть ли компас, есть ли ориентир, помогающий отличить правду от лжи? – а это *совесть и сознание долга*, и они даны каждому, и только это и позволяет человека обвинить или оправдать, а не отговорки, что *тогда, мол, время было такое*.

У веры трансцендентный источник, как часто и у любви, поэтому и изумляют нас и «невесты христовы», и страсть, с которой возгорается у юных существ любовь к Христу, и «люди лунного света», и невольно думаешь, не «лунная ли это форма человеческой любви»?

Но я не пытаюсь найти исчерпывающий ответ об источниках веры, если даже источник любви мне неясен.

К вере прибегали, разочаровавшись в любви, как преподобный Игнатий, и сколько обманутых дев бросались за утешением в монастырь, заточая себя в него словно в склеп! Но так как у женщины любовь и семья, рождение детей – судьба и предназначение, то отказываясь от них, она обрекала себя на медленную смерть.

Отчасти объясняет любовь сравнение ее с дружбой, соединяющей людей и разных полов и одного пола, при этом в отличие от любви, которая дается не всем, дружбой почти каждый наделен в той или иной мере.

### *Заметки о любви*

Хотя я и грешен, но я забочусь о родных, о друзьях, забочусь о тех или иных деревенских ближних, редактирую авторов и пользуюсь их признательностью и почти даже любовью. Люблю ли я ближних? Нет, к большинству я равнодушен. Но если я захочу измениться и воспылать любовью и к этому большинству, то даже та не слишком большая забота, которую я уделяю тем или иным, кому я сочувствую, станет невозможна – я буду любить всех *ближних*, мне некогда будет помогать *избранным*. Проповедь всеобщего полюбления – замечательный пример религиозного обскурантизма.

Но и те, кто лучше меня, в существенном таковы же, они были превосходными учеными, литераторами или собирали коллекции граммофонных записей или рисунков и акварелей – но они не сделали своей профессией любовь к ближним, хотя и были безупречны, а если бы исполняли монашеские наставления, стали бы только хуже.

К счастью, любят (или жалеют) всяких, и любят по разному, и это и делает наш мир не только сносным, но даже прекрасным.

Конечно, я не образец для христиан, и не только потому, что пишу про любовь и всемерно ее восхваляю, но и потому, что это всемирное притяжение притягивает меня чаще, чем других. Влюбился я в первый раз в десять лет (но Толстой в повести о детстве рассказывает, что влюблялся и еще раньше), но все мои влюбленности были благопристойны, я не *жаждал* и не стремился к тому, что понимают под любовью современные юноши и девушки. Я хотел любви, и я испытывал состояние влюбленности, я его чувствовал так же, как чувствуется тепло и холод, и именно само это состояние меня и притягивало.

В двадцать лет я пережил свой первый трагический роман. Начиналось все как у всех, она шла навстречу, что-то в ней меня зацепило, мы остановились, чтобы расцепиться, но дальше пошли вместе, а вечером целовались, сидя на подоконнике третьего этажа в общежитии на Детской улице. Потом мы встречались и гуляли каждый день и она слушала мою «Песнь соловья» – я говорил о религии, философии, поэзии, смысле жизни. Мы проводили вместе по десять часов ежедневно, когда этого времени уже не хватало, я переселился в ее комнату, где жили еще три девчонки, за шкаф. Утром завтракали, шли бродить и разговаривать. А что же другие девчонки, как они решились меня поселить? Значит, мы были сумасшедшими, не меньше чем жаждущие духовной любви и распятия любви душевной. А психиатрия устанавливает понятие нормы психической жизни – да не безумны ли ищущие норму и верящие в нее – еще больше, чем те, кто от нормы их отклоняется?

Итак, мы встречались, гуляли, я пел свою песнь, иногда мы целовались. И вдруг я почувствовал, что я целую ее как часть себя, как свою подругу, сестру, ученицу, дочь, и испытал сильное чувство неловкости. И мы целоваться перестали. Но через год произошло землетрясение, взрыв кометы, небо засияло всполохами Северного сияния, и я испытал новое чувство, охватившее меня всего целиком, которого раньше я не испытывал,

я ее полюбил – в течение одного мгновения, я шел по лестнице, и между двумя ступеньками, я их помню, ВРЕМЯ ОСТАНОВИЛОСЬ! Все стало другим.

И я понимаю апостола Павла, он испытал подобное состояние, которое относилось к Богу, к Сыну Божьему, Иисусу Христу, и после этого уже было неважно, жить или умереть, теперь или потом (хотя, почему-то, он еще жаждал *воскресения* после смерти, а мне было достаточно одной любви). Такое мгновение одно способно заменить всю жизнь.

Вероятно, у меня уже была своя особенная судьба, я не должен был остаться в этом состоянии инобытия, пробуждения, веры, любви, мне надо было из него выйти... возможно, хотя я уже в это не верю, но есть некий замысел высших сил в отношении меня, и многое совершается не по моей воле... или же я сам начинаю действовать в соответствии со своими смутными ощущениями того, что еще более необходимо?

Одновременно с влюблением я *уверовал*, бросил университет, скитался... ходил в храм, слушал пение, читал Библию... *И Бога глас ко мне воззвал!*

Но я не стал пророком. Я все забыл, что услышал тогда. Почти все. И я знаю, что так и должно было быть. Я вочеловечился снова, стал как все, даже математическая карьера моя прервалась (хотя одна моя единственная теорема, пока непризнанная, достаточна, чтобы я сохранился в истории математики... впрочем, это неважно, не так важно...)

Потом я встретил *другую*... Но этот роман никогда не закончится, поэтому писать про него невозможно – разве лезть написать о том, что не имеет завершения?

Потом тюрьма, сумасшедший дом... Потом как у всех, то пьянки, то работа, то мимолетные знакомства...

В любви, являющейся следствием притяжения полов, есть нежность и есть жажда наслаждения, но и из того и другого может пристоекать и наслаждение и нежность, ибо и плоть и душа не разделены пропастью. Постель, в которую ложатся двое, входит непременно и в любовь; нежность, сопровождающая их взаимоотношения или по крайней мере сопутствующая постели, тоже входит в любовь. Воздержание может быть только временным состоянием любви. Если двое не стремятся к постели или их не связывает нежность, то они не испытывают *любви*. Ибо постель соединяет двух не менее, чем душа, она же и разъединяет, когда женщина уходит к другому. (Но бывает и другая любовь, в которой многое совсем по другому....)

*Несколько слов моей ласточке.* Ну, разлюбила. Может быть, и не любила вовсе, ошибалась. Я за это не сержусь. Но я из-за тебя страдал, беспокоясь о тебе, не зная, что с тобой происходит. Ты должна была мне посочувствовать, проститься со мною, но вдруг стала жестокой. Вот в чем моя мука: я не сомневаюсь в том, что ни к какому Богу ты не приближаешься, ты погибашь, ты в каком-то бреде или в наркотическом опьянении. Поэтому я прошу у Бога чуда только для тебя, я согласен больше с тобою не видеться. Это все, что я могу заплатить за твое спасение...

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

## СТРАХ

*9 февраля 2016 г.* Полтора года назад, *26 сентября 2014-го*, я начал первую книгу Трилогии о Любви «Любовь как всемирное притяжение», и в середине июля 2015-го года ее закончил, то есть писал ее чуть больше девяти месяцев, на две недели больше.

Тут же начал писать вторую книгу, *14 июля 2015-го года, а 24 декабря* и ее закончил, то есть писал ее чуть больше пяти месяцев.

Третью книгу я начал писать *23 ноября*, еще не закончив вторую книгу, и ее дописал *7 февраля 16-го года*, следовательно, написал ее за два с половиной месяца. Невероятно!

Итак, на все три книги ушло от *26 сентября 2014-го до 7 февраля 16-го года* шестнадцать с половиной месяцев, менее полутора лет, менее полутора на книгу. Если мне еще суждено что-то написать, то надо написать нечто совершенно другое...

*10 февраля, среда.* В последние недели моя жизнь состоит из **страха болезни, страха смерти**, и из **отчаяния**, что жизнь моя заканчивается крахом. Я не только не стал известным писателем или философом, но и не написал нечто значительное.

**Несчастливая любовь...** Но страдаю я прежде всего не потому, что она меня не любила или разлюбила, а оттого, что не знаю, что случилось с нею: жива ли она, в здравом ли уме, счастлива или страдает. Если бы я увидел ее и убедился, что с нею все хорошо, то я постепенно бы от нее отвязался и вспоминал бы без страдания, а как счастливую пору моей жизни.

Книги про любовь закончены, и до следующей осени ничего нового писать не буду, только понемногу буду записывать что-то в дневник.

Но не все исчерпывается Книгой.

1. Обдумываю Идею создания коммерческого «Товарищества русских писателей», нечто вроде кооператива, объединяющего несколько человек (семь – двенадцать) по образцу Товарищества, созданного в начале двадцатого столетия и выдвинувшего на Российский рынок Горького, Леонида Андреева и нескольких других.

Оно будет предлагать Издательству сочинения, способствовать их отбору, пропаганде, распространению... Издательство – демократично, для ВСЕХ. Товарищество – элитарно.

2. Обдумываю Идею создания «Союза (или объединения) русских писателей», отдельного от всех и всяких союзов и от государства, некой духовной силы, своего рода Ордена... Сначала надо посеять семя. Потом оно начнет произрастать. Что же будет этим семенем?

Если я сам за пятьдесят лет не стал «пророком в своем отечестве», то стану ли им через год? Через пять лет? Через десять? И кто же?

Это никогда не известно заранее, но в самом возникновении чего-то

Исключительно нового и трансцендентного лежит Чудо прежде всего. Если Чуда не будет, то хотя бы собрались вместе Лев Толстой, Розанов, Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и Н. Я. Данилевский, ничего сверхзначительного не случится.

Те, кто сводит с ума наших подруг и похищает наших детей, самодовольны и счастливы.

Те, кто сходит с ума, начиная жить с Богом, трагически несчастны, они в отчаянии, они умирают.

Что умирает моя подруга, мое прекрасное дитя, увидим мы, читая Кьеркегора.

Что умер Кьеркегор, увидим мы, читая меня.

Прочная философская система, учение о некотором ряде важных явлений, например, теория революции, прибавочной стоимости, классовой борьбы, учение о семье и браке, о морали, о красоте обычно представляют собою слаженный и связанный ряд положений, взаимообуславливающих и обусловленных, так что и мышь не проскочит, как кошка его уже и сползает. "Но чему учишь ты, в чем корень и центральная идея твоих поучений?" – с гневом нападает на меня читатель. – Вот ты излагаешь причины русской революции, приводишь примеры, соображения, возможные поводы и невозможные следствия, и читатель уясняет только одно – что причины эти не известны даже тем, кто революцию эту замыслил и готовил, что и сам Господь пока в них еще не разобрался, но возможно, что имело значение то... или другое... и третье...

И так ты пишешь обо всем. В основании любви у тебя и инстинкт, и жажда (которая тоже инстинкт), и дружба, и сострадание, и раздражение, и обольщение, и восхищение, и плоть и душа... И чего больше, говоришь ты, сказать невозможно, так как все зависит от случая, воли и чуда.

И так не только в любви, так во всем. Научиться у тебя невозможно ничему кроме сомнения, невозможно поверить, невозможно знать определенно.

Но и в христианстве, как во всяком великом мифе, объемлющем или стремящемся обнять бытие человека и народа от начала до конца, не все связано так, как в математической теореме. И любовь не основана на знании. На чем же она основана?

Христианские проповеди призывают к смирению и воспевают человеку "редактировать" мир, как я редактирую тексты (да отчасти и свою жизнь). [Но, все же, какую свободу находят в христианстве философы? Свободу снова стать листом на дереве Господнем?] И все же, доказательств своего воскресения Он не дал, Фоме язвы свои открыл, но лучше, сказал, не знать и верить (верить, не зная, или – не знать?).

Правда, во что верят толпы верующих? Только в чудо, то есть в доказательство, припадают к свечам и ждут, когда они зажгутся с неба. Значит, Бог есть. Или верят и любят, как женщина (и как Леонтьев), через страх! Ну, дескать, *таков человек, он мал и мерзок* (но зачем Он пришел на землю?!). Вот моя милая от меня отрелась – и все же как она очаровательна и мила, сколько в ней нежности и совершенства! Я ее забуду, стараюсь забыть –

потому что моя любовь ей не нужна и обременительна... Со слезами ухожу от нее, но это я ее не достоин – *те, которых я был достоин, во мне не сомневались и меня не предавали.*

Итак, первое противоречие христианства состоит в двусмысленности Христа: Он и человек и Бог; и лишил свободы человека и не лишал; и подтвердил Закон и отменил его, призывая благодать; и пришел спасти только единоплеменников, но принял его язычники... И проклял род людской и вар и смолу пообещал ему, а спасение лишь малой горстке. И не сказал почти ничего о той новой земле и новом небе, которые будто бы ждут нас по воскресении ("теперь все новое") – надо ли туда стремиться? Не пришел ли Он только к отчаявшимся, которые воистину здесь уже ни на что не надеются, согласны сей мир проклясть и прах его отряхнуть с обуви своей?

Но главное противоречие христианского учения в неопределенности. Мир испорчен, посему все тленно и временно (и во всем виновата Ева! – не мог же Бог признать, что не сумел создать мир нетленным) – и в полном соответствии с архаическими ожиданиями, в которых почти все сводилось к *магии*, оказывалось, что исправить положение можно только *магически*, кровью.

Бог запретил человеку менять мир, велел ему покорно ждать конца сего света (хотя, как кажется, как следует и из Писания, и Христос и ученики надеялись, что чудо преображения мира наступит сразу же.)

Конст. Леонтьев уточняет, что даже когда все в мире станут христианами, это еще не будет означать победы христианства.

Но мы не можем понять, надо ли и нам брать крест Христа и идти переворачивать скамьи в храме; надо ли смиренно лежать во гробе; можно ли соблазнять девиц и предаваться страсти или слушаться юродивых Августина и Иеронима (лучше я о них сказать не смогу).

*11 февраля, четверг, 14-06.* Продолжаю редактировать «Чтения о русской поэзии», многое в них вызывает во мне желание продолжить свои предыдущие рассуждения в «Призвании литературы» и в «Легенде о Великом инквизиторе».

Основная идея, вокруг которой бьются мои мысль и чувство, раздражение и отчаяние – это идея власти. Россия гибнет, Россия больна и не только умирает, но сгнивает заживо. Подавляющая часть русского народа живет плохо и теряет свою Родину, с каждым годом из численности мы теряем от миллиона до двух, через двадцать лет нас станет меньшинство в этой стране, в Москве мы станем меньшинством уже через десять лет. Геноцид русского народа идет уже теперь, но через десять лет он станет явной государственной политикой. Рожаем мы мало не потому, что нам запрещают рожать, но в деревне у нас нет работы, в городе нам негде жить, ни один средний русский не в состоянии приобрести квартиру даже в рассрочку, следовательно, по большей части квартиры приобретаются пришельцами с окраин или из-за окраин, в России для нас земли нет. Сегодня существуют богатые и бедные, разрыв между ними превосходит в пять раз аналогичный разрыв в Европе, социальная защищенность бедных почти нулевая, выживаем мы только не рожая.

Но и богатые не однородны, предприниматели еще более бесправны, чем

мы, они поставлены в положение дойной коровы, существуют лишь до тех пор, пока доятся чиновниками. Основные богатства и власть принадлежат чиновникам и сращенному с ними криминалитету. Выдоив богатых предпринимателей, власть пустит по миру эту страну, а потом продаст ее Западу, сама же сбежит под защиту их пушек. Настанет новое татаро-монгольское иго.

Понимает ли это русский народ? Нет. Но ничей народ не понимает, хорошо или плохо им правят, а русский в особенности приучен любить всякую власть и всякой власти покоряться.

Что же делать?

Не знаю.

Я писатель, отчасти философ, отчасти редактор. Я иногда умею исправлять ошибки в чужих сочинениях, но убеждать других в своей правоте я не умею. Иногда мне кажется, что я скоро умру, не успею увидеть, как доживает некогда великий народ. Но будет ли мне от этого легче?

Поэтому, пока дышу, ищу выход из безнадёжного положения.

16-24. Не могу ее забыть, не могу перестать о ней беспокоиться, Это не любовь, нет, это что-то другое – это беспокойство о судьбе подруги, которую я не могу бросить, пока не узнаю, что с нею.

Попытаюсь вот что сделать: февраль, март, апрель я ничего не делаю, в мае ее нахожу, схожу для этого на ее работу, узнаю, что с ней, может быть, увижу, посмотрю в глаза. Если она не нуждается в помощи, то больше приставать к ней не буду.

**Горестные размышления о судьбе России.** Все в ней рушится, только власть крепнет – в своих собственных интересах, противоположных интересам России.

Истина, христианство, государственная центральная и поместная власть – каковы отношения между ними?

Освященная церковью власть, словно бы получившая санкцию самого Бога – это власть царская. Царь – помазанник божий, его власть поддерживается Богом, выступать против царской власти – все равно что выступать против Бога. Всякие другие власти назначаются царем и теми, кто им назначен, и потому они все под божественным покровительством благодати.

То же и в церкви – папа римский получает власть от Бога, епископы от папы, священники от епископов. То же и в православной церкви, где вместо папы патриарх (власть которого, как и власть папы, правда, не передается по наследству.)

Но вот эта связь власти государственной и церковной, и власти божественной, являющейся самой истиной (АзЪ есмь истина! – как сказал Христос) словно бы не только приобщает государственную и церковную власти к Истине, но и превращает их в истину – да только так ли это?

Точно ли Истина и церковь и само церковное учение – одно?

Точно ли Истина и государство и государственная власть – одно?

История, по крайней мере, с ее войнами, бунтами, расколами, отпадениями, с ее восстаниями и революциями против авторитетов и покорности и смирения заставляет в этом усомниться.

Великая Французская революция низвела власть с неба на землю, отрубив Людовику голову. Великая Русская революция сбросила в шахту всю императорскую династию. Неужели этого мало для того, чтобы разрушить припаиванность власти к Богу? Чтобы не превращать царя в наместника Бога а то и вышее, а Бога – в жестокого, самовластного самодурного тирана-царя?

И все же я надеюсь, что начавшаяся в России в восемнадцатом веке ревизия неприкосновенных святынь, сначала с помощью удавки, потом подушки, и наконец солдатской винтовки... а далее пошлы по конвейеру, первый при помощи маузера и яда, второй под видом чахотки, один с запозданием при помощи ледоруба (а как был уничтожен самый кровавый тиран, мы не знаем, вероятно, как принято на востоке, яд сыграл главную роль) – поэтому, надеюсь, сколько бы ни возобновлялось коленапоклонение народа перед властью, это все равно что заморозки весной – они временны.

И я верю... или, хотя бы, надеюсь, что еще доживу до того часа, когда воскликну: "Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!"

*12 февраля, пятница, 11-30.* Спал не очень плохо, а под утро заснул крепко и проспал до десяти. Только что на Политехе встречался с типографом, получил 4 экземпляра "Легенды", еду в филармонию за билетами, сегодня играет несравненная Полина, надеюсь ей вручить цветы и книгу.

Жаловался типографу на жизнь: в долгах, болен, жить практически не на что, не то чтобы содержать усадьбу, пока еще в состоянии печатать свои книги раз в месяц по четыре экземпляра (на тысячу рублей), которые раздариваю друзьям.

Пить бросил, и на этом я буду экономить 250 рублей в месяц, то есть по *три тысячи* в год. Перестали выпендриваться, не покупаем воду в ларьке, пользуемся водопроводной, экономим на этом по пятьдесят рублей в день, по тысяче в месяц, или *12 тысяч* в год.

Выгоднее покупаю хлеб, экономлю по 15 р. в день, скажем, пятьсот эр в месяц, *шесть тысяч* в год.

Книг буду печатать вполтину меньше, экономия *шесть тысяч*.

Всего в год экономия **двадцать семь тысяч**.

Вчера в Союзе обсудили впятером Проект издания Журнала Литературной критики, литературоведении, философии и истории литературы.

Создали Редакционный совет, избрали Председателя, Главного редактора, Заместителем по связям с издательством назначили меня. Будут Отделы 1) критики, 2) философии и истории, 3) поэзии 4) художественной литературы, 5) публицистики, 6) библиографии.

Через две недели продолжим обсуждение (надо написать Проект ж-ла) и договоримся о специальной встрече.

Редактирую Чтения о русской поэзии Н. И., выставим их в издательстве и будем рекламировать и продавать и зарабатывать деньги и славу.

И, наконец, подготовлю к изданию Легенду, в которую войдет все то, что о ней писали другие, но с дополнениями и комментариями.

Все эти начинания я предпринимаю для того, чтобы поддержать издательство, во-первых, и стать знаменитым, чтобы привлечь *её* внимание...

Ах, моя ласточка, я о тебе вспоминаю... И сожалею, что вовремя не опомнился, не установил между нами то расстояние, которое бы тебя не смущало, так чтобы могла продолжаться наша дружба.

Но теперь ничего уже нельзя исправить. Не буду пока о тебе думать, вспоминать, страдать, подожду до мая, а там подумаю, что делать. Вероятно, схожу на твою работу и узнаю, что с тобой, работаешь ли, как себя чувствуешь... Может быть, попытаюсь встретиться, ... или нет?

14-30. Итак, любовь пока откладываю... И займусь насущными делами...

14 февраля, воскресенье, 22-56. Завтра узнаю результаты биопсии, надеюсь, что судьба будет ко мне милостива. Страх от меня отчасти отступил, также надеюсь, что и капкан, в который мы попали, удастся открыть...

Рассматривал ее фотографии... Ах, какая она милая! Какая прелесть!

Разве у меня были неблагоприятные желания по отношению к ней? Нет. Я только хотел встречаться с нею, ходить на концерты, переписываться, иногда говорить по телефону, я ничего от нее не требовал и не ждал. Зачем она меня бросила, зачем потребовал от нее священник меня бросила?

15 февраля, 12-39. Еду в поликлинику узнавать результаты, потом, возможно, встречу с Манон, звонил ей незадолго, она куда-то едет, по дороге готова пересечься со мной.

"Манон, – говорю я ей, – ты не можешь мне *дать* хотя бы из сострадания? Мне кажется, что моя жизнь летит под откос, как когда-то летела только машина, в которой летел я в город."

"Мне тебя жалко, – ответила она, – но я не могу в машине... я не совсем уж такая... я поцелую тебя в щечку!"

Ах, женщины! Я из сострадания даже влюбился, а им жалко для *многого* даже ту малость, которую Мопассановской героине было не жалко для *любого*!

Но, может быть, я еще не умру?

Поэтому поговорю о жизни, а не о смерти.

Дни были теплые, все растаяло и кругом была грязь. Спал плохо, проснулся и думал... Нет, об этом не буду... Итак, сегодня выпал пушистый снег, еще падает сверху, все чисто и бело... В четверг был на чтениях о Пушкине, говорили о его злосчастной дуэли. В значительной степени это было самоубийство. Но он не подумал не только о нас, которые без него осиротели, не подумал о Лермонтове, которого он не знал, но должен был предчувствовать (а вместе им было бы легче), не подумал о русской литературе, а еще важнее, не подумал о детях, четверых, и молодой жене.

Да, он был в отчаянии, он был стиснут долгами – но на что он оставил свою семью? Не мог же он предугадать, что Николай оплатит его долги, что издаст за свой счет собрание его сочинений, что правительство будет его всемерно пропагандировать и он станет национальным кумиром, светочем для всех, кто любит поэзию и красоту?!

Итак, он был эгоистом и поступил плохо, не потому, что христианский Бог не велит стреляться, но потому, что не велит стреляться долг перед близкими. Надеюсь, что к христианскому Богу он был равнодушен как я.

А мне не намного лучше. Он не должен был считать дни в дырявых карманах жизни, а мне приходится их считать. У него была деревня, в которую он мог уехать вместе с семьей хотя бы на год, а у меня где-то далеко, на отшибе, полуразвалившийся дом, без лошади (или автомобиля), с развалившейся баней, холодными углами и малым запасом дров. Да мне город нужен еще не затем, чтобы блистать на балах и играть в карты, а зарабатывать тощие хоть копейки за счет редакции! Какая-то сучка подала на издательство в суд, плохо издана, дескать, ее книга, никто не читает, и с нас она потребовала моральный ущерб. Я настаивал, что надо явиться на суд, просил доверенность, чтобы представлять издательские интересы, но издатель только смеялся. И зря! Бога, возможно, и вправду нет, а нечистая сила есть, в каждом грязном углу. Судья вlepила нам полтора миллиона! Вероятно, эта судья ненавидит умников и книжников, как Христос ненавидел их тоже.

И вот, денег нет на поездку в деревню. Денег нет на лекарства (потому к половине врачей я уже не хожу, ни шее, ни пояснице, ни спине лечить не буду, пока интересуюсь только желудком, если этот чугунок перестанет варить, не поможет и шея, даже если начнет вдруг вертеться!

Денег нет на лекарства для жены, которую мне жалко (мною можно пожертвовать), нечем помочь внучке (и вчера вечером она *занялась голоданием*), нет денег почти ни на что кроме скромной еды (и кто-то мне скажет: "Не стыдно жаловаться? Другие и с голоду умирали!") (Жаловаться, может быть, стыдно, но... я ведь не христианский святой, чтобы радостно умирать, не жалуясь, а благодаря.)

Но и это не все. Я надеялся целую жизнь, что раз мне было обещано стать спасителем русского народа, то хоть кого-нибудь мне удастся спасти? Увы, даже солнышко мое милое, которую я полюбил ради ее спасения, от меня закатилось. Нет, я ее не виню, я ей благодарен за то, что мы не разминулись, и несколько минут в этой печальной и скоротечной жизни проговорили, держась за руки и глядя в глаза друг другу... и все же, мне не удалось спасти даже ее, поверившую мне больше других!

Но не все и это. Я же рассчитывал научиться писать, написать важные и великолепные книги, которыми мне удастся войти в русскую литературу хотя бы как Розанов... но нет, и его привлекательностью меня "Бог обидел" (он, конечно, прекрасный писатель, но не романист, не Достоевский и не Лев Толстой... а я, оказывается, даже не Розанов). Сидят по темным сырým углам нечистые силы и смеются исподтишка надо мною!

Звонил В.П., сетовал, что я его не слушаю, он мне советовал сократить мое «Призвание литературы» вчетверо, изменить название и сделать вместо книги сборник статей, даже и теперь готов засесть со мною за сей неблагодарный труд. На что это похоже? Как если бы я влюбился в красавицу, знаменитую актрису (вот, например, в Анну), а меня приятель, жалеючи, заманивал ухаживать за ее горничной, а то и за истопницей, ведь тоже близости от предмета моей мечты, и даже обещал бы сей истопнице письма мои носить... да, удивительна жизнь, многообразна, и русское православие советует только одно: *смириться с унижением и даже его полюбить!*

---

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### ПОСЛЕ СТРАХА

*15 февраля 2016, 16-20.* Завтра иду к врачу, выявлять и окружать болезни, которые меня окружили – но главное хорошо: то зло, которого я так боялся, от меня отступило, всего-то-навсего изъязвление брюха – пить нельзя и даже закусывать – но жить можно.

Манон не позвонила, жду В---у и идем к С. праздновать – не то давно прошедший мой День рождения, не то освобождение от «уныния и смерти».

Продолжаю мысленно возвращаться к спорам моим с христианством.

Авторы душеспасительных книг, апостолы, евангелисты, подвижники и богословы призывают пойти за Христом.

Все ли они за ним пошли и насколько, по большей части невозможно узнать и сказать, кое-что известно только о ближайших по времени: Кьеркегор не женился, Аввакума сожгли, сподвижницу его, боярыню Морозову, замучили голодом, в двадцатом столетии расстреливали христиан и нехристиан уже миллионами, кто из них христианин только номинальный, а кто нес крест (сам момент расстрела, несомненно, можно бы счесть за взятие креста своего – но ведь расстреливали даже и атеистов, и большевикореволюционеров, и даже тех, кто расстреливал?) – поэтому спор мой с христианством и христианами словно бы в тумане, мы друг друга все плохо видим. Даже обличителей церкви и тех или иных положений учения нельзя ведь считать сплошь нехристианами, протестанты все принадлежат к обличителям, все они недалеко ушли от Вольтера в нападках на католическую церковь (о которой Вольтер сказал: «Надо раздавить гадину!») – а Лютер сказал разве не так?! – поэтому я в своих спорах и обличениях отличаюсь от других обличителей с одной стороны тем, что те не объявляли себя нехристианами, а, напротив, единственными истинными христианами, с другой тем, что те очень часто под своими обновленческими или восстанавливающими поправное истинное учение знаменами с крестом и мечом двигались искоренять заблуждающихся и упорствующих отступников и еретиков и проливали реки крови (в борьбе католической "матери-церкви" и ее протестантского сына"; в борьбе двух родных сестер апостольской церкви, римской и византийской; в борьбе двух сестер русской православной церкви, *древлего благочестия* и "никонианской" обновленческой; и т.д.)

Но все же, мне надо тоже ясно и строго и понятно определить, против кого я выступаю в своих возражениях... да и за кого...

Вот я еду в толпе в вагоне метро. В этой толпе едут христиане, атеисты, мусульмане (которых теперь в этой толпе с каждым годом все больше), космополиты и националисты, коммунисты, путинисты, патриоты и сторонники "толерантного либерального Запада", сторонники реформ в России и противники всех и всяких реформ, сторонники какого-то обновления жизни – и противники всякого вмешательства в жизнь, согласно учению Христа; довольные своей и окружающей жизнью, потому что теперь, в отличие от

ельцинского времени, все же платят хоть какие-то пенсии и зарплаты, а тогда не платили, и недовольные жизнью, как я...

Но кого я сам отношу к христианам? И что в их учении считаю главным?

1. Возьми крест свой и следуй за мною.

Это ли главное? Таких очень мало, это юродивые, затворники, отшельники, подвижники, те из Афонских монахов, которые живут в мокрых холодных пещерах (о коем рассказывал Константин Леонтьев), они против меня не выступают, никого не обличают и никого ни к чему не призывают, как, например, Серафим Саровский и Ксения Блаженная.

Обычные монахи, живущие в монастырях, тоже со мною не пересекаются, да и ни с кем, если мы о них знаем и думаем и читаем, то либо читая Константина Леонтьева, либо «Братьев Карамазовых» Достоевского, и что они не прикасаются к женщинам, никого не смущает и не обижает и никому не мешает. Старец Зосима был стар и немощен, уже ему было не до женщин. Игумен Авраамий, с которым я подружился, в возрасте девяноста трех лет сам рассуждал о том, что не уйти ли ему из монастыря и не жениться ли. Итак, монахи мне не мешают, как и я им, они наставительных книг не сочиняют, им некогда (да в Оптиной пустыни, возможно, еще помнят, как настоятель ополчился на старца, написавшего Историю Оптиной пустыни – того сослали в Соловки!!!), а меня они не читают, потому что монах потому и ушел из мира, что мир ему неинтересен вместе с его книгами.

Священники обо мне тоже пока не слышали, и мне они не мешают (об исключениях скажу ниже), у них своя служба в церкви, которая не должна пересекаться с мирским в мире, то есть с мирскими страстями, с его работой, работой, творчеством и деяниями, священник крестит, венчает, отпускает грехи, поет и машет руками, приходя с работы, он одевает мирскую одежду, жена у него непременно должна быть, детей больше, чем у мирян, есть дача, огород, друзья, праздники, не грех ему и выпить... человек как человек, не хуже и не лучше среднего человека.

Остаются миряне и *христианские проповедники*. К последним можно отнести, кроме апостолов, Кьеркегора, Константина Леонтьева, Достоевского. Богословов. Преподавателей в духовных учебных учреждениях. Некоторых писателей, таких как Нилус и некоторые из современных, пишущих на религиозные темы. К *христианским проповедникам* относятся бродячие по улицам и поднимающиеся в дома проповедники-сектанты, в частности, Свидетели Иеговы (недавно ко мне двое приперлись), евангелисты и иже с ними. Те *батюшки*, которые советуют своим прихожанкам, кого читать, с кем спать и с кем водиться (так что теперь эти прихожанки живут *как батюшка скажет*), неотличимы от бродячих сектантов, они не совсем православные, а то и совсем не православные, православие после Петра не старалось вмешиваться в жизнь, а эти вмешиваются!

К *христианам* можно бы отнести и тех из мирян, кто достаточно часто ходит в церковь, молится и *причащается* (и последнее особенно важно, это больше, чем ношение креста, чем мало, цитирую тех, кто был на заре христианства, по их отношению к Новозаветному учению (не вдаваясь

особенно в историю христианства), и обсуждаю писания писателей девятнадцатого и последующих столетий в связи с своими спорами с обществом. Итак, вот что существенно: споры мои с обществом. А в спорах этих, во-первых, существенна для меня **свобода личности**, вправе ли была бы Татьяна Ларина предпочесть Онегина Гремину, и вправе ли *моя миленькая* дружить со мною (а я уже, да и с самого, пожалуй, начала, не претендовал отбивать ее от мужа, а только быть ее другом, с которым она могла бы встречаться и ходить на литературные встречи и в концерты – но *батюшка* ей запретил со мною встречаться, и вот эти претензии архаического мифа на полноту моей жизни меня возмущают, как и недавние претензии коммунистического мифа меня растворить в государственной воле). Во-вторых, существенно то, что коммунистическая доктрина прямо запрещала *мне* (и всякому иному кроме верховного правителя) вмешиваться в дела государства и общества под страхом смерти и вmeshивалась в мою частную жизнь, предписывая мне, кого читать и с кем дружить тоже; а христианская доктрина в самой сердцевине своего учения проповедует следующее: 1. **лучше отринуть сей мир** и спрятаться от него в пустыне или в затворе или в монастырской келье, даже не жениться и не заводить детей и книг не писать, 2. **не пытаться изменять окружающий мир** и даже не иметь помыслов его изменения (ибо и Христос отказался спасти его, сей мир погиб бесповоротно) и влечить ту жизнь, которая дана обстоятельствами, спасать свою душу и ждать смерти и Воскресения и Страшного суда.

И расхожусь я не столько с теми, кто называет себя христианином – ну, едут они в толпе в метро и Бог с ними! – но с теми, кто соприкасается со мною и влияет на мою жизнь прямо и косвенно, через жизнь общества и государства, через свои действия и через свои мнения (которые проявляются в разговорах, в их, затем, действиях и в их поддержке несправедливых действий правящих и других, и в их безучастии к чьим-то праведным действиям). Эти для меня своеобразные христиане, даже если они атеисты, ибо важно вот что: жизнь в России ужасна, а они этой жизнью довольны и ничего не хотят в России менять, им лично хорошо; жизнь в России ужасна, а они рады тому, что теперь им лично лучше чем раньше, поэтому ничего не хотят в России менять; есть и те, кто не отрицает, что многое плохо, но причины плохого видит не в государственной власти и не в порче общества, а в порче человека, поэтому готовы бороться то с еретиками, то с «Пятой колонной», то с Западом, то с теми, кто недоволен делами в России. В большинстве своем и те, кто полагает, что ничего в окружающей жизни менять нельзя, а только в своей, и те, кто готов что-то менять в обществе под управлением той власти, которая и является источником всего плохого, являются либо по вере и убеждению, либо по мироотношению, по архаичности сознания, либо по сосредоточенности только *на своем* и безучастности к судьбе России – "христианами". Итак, христианин тот, кто заботится о спасении своей души (как Константин Леонтьев) и кому безразлична судьба близких и России.

Те же, кто думает про себя, что он христианин, но работает, изменяет мир, заводит семью и друзей и живет для здешнего, а не для посмертного бытия – те такие же как я, то есть не христиане.

И крест на груди (как *партилет* в былое время) нас не разделяет "на разные стороны баррикад", бывает и так, что я с человеком знаком и дружен почти полстолетия, а христианин ли он, я и не знаю, я не спрашивал, а он не говорил, некоторые из таких бывали иудеями, другие мусульманами, третьи атеистами, но на жизнь их, как она проявлялась перед моими глазами, их партийная принадлежность никак не влияла.

И только в последнее время христианская принадлежность начала определять взаимные отношения (почти как во времена Гражданской войны разделение на белых и красных), и женщины теперь живут так и с теми, "как батюшка скажет", и даже мои бывшие товарищи начали от меня требовать признания, верю я в Бога или нет, а без этого отказываются со мной выпивать.

*17 февраля, 9-49.* Ночь провалялся, давило брюхо на душу, не зря мудрые в практическом отношении китайцы советуют ужин отдать врагу – жаль, что у меня нет врагов. И все же не буду ужинать или пораньше, а спать ложиться попозже. На текущий день буду составлять список дел, а вечером перед сном отчитываться в его исполнении.

На сегодня: 1. Несколько замечаний в дневник 2. Отредактировать и послать текст для Изд-ва 3. Сходить в магазин за хлебом и пообедать 4. Встретить милку, купить лампочки и вернуть, контролировать Милкино продвижение по лестнице радости 5. Отредактировать Первое чтение и отослать 6. Съездить по делам к Тр. 7. Отчитаться об исполнении, составить список дел на завтра, сделать гимнастику и отправиться к Морфею.

Утром совсем проснулся в восемь, полудремал, пытаюсь заснуть, думал о *ласточке* и был несчастлив. Мне без нее плохо, я так же в ней нуждаюсь, как когда-то она нуждалась во мне, но тогда на каждый ее призыв о помощи я откликался, писал ей письма, звонил по телефону, утешал, говорил о любви, иногда мы встречались.

А она не внемлет моим призывам, не приходит на помощь. Если и любила, то сочувствуя себя, но в ней не пробуждалось сочувствие ко мне. **А любовь – это взаимное сочувствие.** Все же остальное: прикосновения, нежность, наслаждение – только дополнение к любви.

Американские ученые расспросили, как американцы *выбирают* спутницу жизни: оказывается, почти так, как и лошадей. Говорят, Обама сказал, что в случае атомной войны его народ – единственный, который ему жалко. А мне, пожалуй, только их единственных в такой войне было б не жалко. Американские профессора не знают, кто такой Эдгар По, не говоря о других собственных гениях, но знают рок-див и своих победивших боксеров.

Мы, русские, хотя почти самый дурной народ в мире, боремся с гордостью (по заветам Христа), любим вместо женщин своих правителей, но все же не так как лошадей выбираем себе друзей и любимых, а... как-то по другому. Например, девочки, к которым я ходил в общежитии в гости, сказали мне, что они мне не подходят, а та их сожительница, которой я еще не видел, потому что она сидит допоздна в библиотеке, как раз и создана для меня.

Назавтра она меня ждала, я выпил у нее чаю, сделал ей предложение, она обещала подумать и через три года мы поженились. И все еще вместе.

17 февраля, 13-31. Оказывается, экономить можно на масле, покупая белорусское вместо советского, почти в полтора раза дешевле, и если экономить по 15 р. в день, то за год пять тыщ!!!

Важно не выпендриваться и не изображать из себя крутого обывателя, когда карманы дырявые.

Нашел, наконец, важнейшие цели жизни, создаю Товарищество писателей в Петербурге, стремиться мы будем к тому, чтобы навязывать наши книги потребителям, благодаря чему прославимся и разбогатеем, а это поможет мне встретиться с *нею* и начать ее снова обольщать. И если мы будем хотя бы изредка встречаться, я снова стану счастливым.

Осенью начну писать роман про Редактора, например, Бунт.

18 февраля, 8-16. Полнеба охватила утренняя заря – весна уже где-то за близкими горами.

Но спал очень плохо, думал о смерти и о неудавшейся жизни.

Душа изъязвлена и брюхо тоже.

Болят спина и даже ложе.

Внутри меня и тягостно и трудно,

И даже вне безрадостно и нудно.

Вот так, подражая поэзии 17-го века (о коей читаю у Н. И.), могу рассказать о своих невзгодах. Но начал пить лекарства, а пить бросил. Одно и утром и вечером, другое днем – все сие натошак; а третье три раза с едой. Да еще и уголь на ночь. Надолго не замышляю, пока дожить до вторника, когда встречаемся в бане. Потом до марта, когда сначала всеобщее женское торжество (бывшее сначала только еврейское – о, как похоже и на религию: сначала евреи поклонялись своему собственному Богу, потом ему же начали поклоняться все, отнимая его у евреев и евреев начав презирать.)

Наконец, 13 марта День рождения моей жены, и там уже весна начнет выбираться из-за гор и рукой подать до апреля, когда мы, наконец, поедem в деревню и там воскреснем!

Думал и о своей миленькой. Ни на что я уже не надеюсь, но тоже буду ждать мая, а в мае попытаюсь ее увидеть и заглянуть ей в глаза, чтобы *воочию* убедиться, что все у нее хорошо – и успокоиться и отстать от нее.

13-52. Прежде чем что-то сделать, мы представляем себе образ того, что сделать намереваемся, при этом одно сравниваем с другим и выбираем наилучшее. Но при этом выборе мы не можем руководствоваться оценками, встроенными в мир (как это естественно в естественном мире, среди животных), но отталкиваемся от нашей собственной, личной системы ценностей. Выбирая на ночь пещеру, охотник и путешественник будут искать сухую и теплую и защищенную от диких зверей, а христианин выберет мокрую и холодную, чтобы мучиться во славу своего Бога (почему-то их Бог любит смотреть, как они мучаются). Зато, говорит христианин, я буду потом жить в раю и благоденствовать, а ты будешь мучиться... Но так ли это, скорее всего, мы никогда не узнаем.

Итак, мы предпочитаем одно другому, исходя из некоторых

аксиоматических критериев, одно мы считаем худшим, другое лучшим, одно предпочтительным, другое требующим отвержения, и так сравниваем мы вещи, поступки, явления, историю, природный мир, произведения искусства, культуру в целом, сравниваем жизни людей и истории государств.

Россия семнадцатого века, сначала Смутное время, потом Война с Польшей, потом раскол, гонения на старообрядцев, сожжение Аввакума, умерщвление боярыни, ссылка Никона – жизнь и история и деяния во имя Бога (который, неизвестно, существует ли) – и эта история, по мнению христиан, величественна, богата, достойна, а жизнь Франции, с ее Вольтером, Мольером, театром, философией и просвещением – недостойна. Так же сравнивается жизнь одного человека и другого: Жизнь Ксении Петербургской, ночующей в лохмотьях в холодных углах, вероятно, в бессознательном состоянии, которое она воспринимает как один смутный страшный сон – жизнь-подвиг, а жизнь Моцарта, *гуляки праздного*, если не совсем недостойна, то достоинства в ней якобы все же мало.

И так жизнь Игнатия Брянчанинова и Пушкина, а тем более, Лермонтова или государственного преступника Кюхельбекера противостоят друг другу как возвышающаяся к Богу слишком земной, грешной...

И вот жизнь моего отца и моей матери. Мать родила в трех браках пятерых, в Бога отчасти верила, но времени Богу почти не посвящала, а отец погиб на Безымянной высоте, перед тем в офицерской школе вступил в антихристианскую партию – достойно ли они жили? Или, по крайней мере, интересна ли их жизнь, вызывает ли уважение, может ли служить образцом для крестьянских хотя бы детей? *Жизнь с Богом* заведомо ли выше обычной земной жизни с ее многообразием, служащим источником романов? С ее страстями, страданиями, гордостью, стремлениями, помыслами, слабостями, семьей, увлечениями, карьерой, наслаждением?.. А с другой стороны монашеская келья, кладбищенская тишина, спокойствие, пустыня бытия, один день похож на другой...

Я влюбляюсь, пишу книги, толкусь о пропитании для себя и семьи, ищу, как исправить Россию и народ – а сами вот эти поиски самый большой грех с точки зрения христианства! Они же смиряются с тем что есть (по грехам), не смеют думать об убийстве царя, бунте, революции, Гражданской войне и терроре, но терпят и терпят и терпят и ждут награды за терпение. Что они правы, им доказать нечем, кроме их веры, что я прав, мне тоже доказать нечем, и даже книги, которые я пишу, не являются доказательством...

Итак, остается продолжить и жизнь и поиски, тем более что жизнь еще разрешено продолжить..

**19 февраля, 11-58.** Спал ужасно. Но составил план работ и уже работаю. Первое чтение отослал, книгу Виноградова о языке Пушкина скачал, пойду и поеду по делам.

Записал ли я, что иное промочает и впитывает в себя окружающий мир, эпоху, так в Пушкине помещен почти весь Деятнадцатый век, и можно по девятнадцатому веку изучать Пушкина, а можно и наоборот; то же относится к Лермонтову?.. Но не ко всякому человеку...

Еще для сравнения личностей и человеческих жизней.

Представим себе, что мы куда-то идем (и которые никуда не идут, объективно тоже меняются во времени, и они, и вокруг них, они в семье, в обществе, то есть невольно даже и они движутся куда-то сами по себе или со всеми, или и то и другое).

И в конце пути сравним наши жизни.

Один сидел на столпе или в затворе, книг не читал, девок не шупал, не воевал и не работал, жил подаянием... Ну, скажут: приблизился к Богу.

А точно ли?

Другой жил разнообразной жизнью, женился, работал, участник войн, драк и революций, или хотя бы сидел в тюрьме как я – но зато, скажут, отпал от Бога. Но и это точно ли так? Ведь вот о Китае мы думаем (и кажется, справедливо) что он проспал несколько тысячелетий, вроде бы все согласны с такой оценкой... ну, если ни в чем согласиться мы не можем, тогда надо сначала мне сформулировать несколько Аксиом и с ними сверять свои рассуждения, иначе ни до чего не договоримся, и я буду упрекать христианство за уничтожение эллинской и Римской культуры и сдирание шкуры с Гипатии, а старушки будут восклицать: Зато мы столько хворосту натаскали для сожжения ненужного хлама!

Ни до чего почти невозможно договориться, если взгляды на жизнь противоположны, я говорю, что достоинство жизни в ее содержательности и в том, какова она: ум, честь, совесть, труд, творчество, преобразование мира, поиски смысла жизни и истины; а оппонент говорит, что Истина уже найдена, искать ничего не надо, креститься, молиться, НЕ жить и ждать конца света... а если и жить, то унижая все мои ценности жизни: культуру, науку, технический прогресс, достижения медицины, строительство городов, спасение природы и Преобразование жизни к лучшему – то есть исторический и прочий ПРОГРЕСС (как он видится тем, кто все же пытается что-то изменять в мире, хотя бы пропалывать огород от сорняками, ибо если усвоить взгляд, что делать НИЧЕГО не надо, то и сорняками зарастем, и грязно в доме станет, и дом рухнет от ветхости и с голоду умрем.

Правда, зачем я спорю с этими странными людьми?

Только из-за нее. Я хочу понять, почему она меня бросила, счастлива ли она, надо ли ей чем-то помочь или хотя бы узнать, как она живет...

Неужели я не имею права даже узнать, что с нею?

А и в самом деле не могу найти доказательство, что я имею право узнать, как она живет. Я ведь не настаиваю, что имею право приставать к ней – нет, если с нею все хорошо, то приставать не буду.. Кстати, например, тонет человек. Надо ли спрашивать у него, вытаскивать ли его из воды? Однажды я увидел в окне, проходя мимо, как мужчина бьет женщину, я поспешил вмешаться, вошел, женщина ему говорит: А ну-ка задай этому проходимцу как следует! И плохо бы мне пришлось, если бы следом не шли мои товарищи.

Правда, человек просто живет, идет по улице, навстречу идет девушка и в него влюбляется... Так не бессмысленно ли спрашивать, имею ли я право вмешиваться в окружающее меня бытие, если, пока я живу, я уже связан бесчисленными связями с миром и меняю его даже безвольно?!

*19 февраля, 19-19.* Все в руце Божией.

Мда-а... Так кто же виноват в наших несчастьях? Представим себе, что насилуют и истязают четырнадцатилетнюю девочку. Кто виноват? Безусловно, виноват насильник. Но те, кто ее запугивают, держат и мешают убежать? А кто прошел мимо и не помог? А кто испугался? А кто говорит, что человек не должен пытаться изменить бытие, ибо все в руках Божиих? А разве ей не надо кусаться, визжать и царапаться? Хвататься за нож и молоток, за кипяток и все, что ни попало бы под руку? Но так почему же на общество мы не должны влиять, не стремиться к изменению правящей власти? Правильно ли, что заключенный бежит из тюрьмы, как Эдмон (Монте-Кристо), как Солоневич, Кропоткин, герой Пармской обители, как Жан Вальжан, а не влачит свои цепи покорно? Вот водораздел между христианами и людьми мира.

Верстал Чтения о русской поэзии, сделал мало, да и все еще мне плохо.

На завтра план: 1. Для Н.В. 2. Чтение третье 3. Русские страницы 4. За лампочкой

*19 февраля, 17-37.* Ездил за лампочкой, прошел через парк Политехн. Ун--га, там выпили с С--ным «из горла».

*Без одной минуты полночь.* Внук наш, коему без недели два года, заболел гриппом, температура была тридцать девять с половиной градусов, вчера два раза вызывали скорую, я чуть не терял сознание от страха, когда мы звонили по телефону за сводками боевых событий; сегодня ему получше, поят его соленой водой с лекарством, он морщится, говорит на воду «кака!», но пьет. Какова высота понимания жизни в ребенке, понимания необходимости страдать для преодоления зла!

Из вчерашнего плана исполнил одно, купил лампочку и вернул, остальное остается на завтра.

*20-21 февраля, половина второго ночи.* Только закончил Третье чтение. Увы, работа идет медленнее, чем я ожидал.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

### НОВАЯ ЖИЗНЬ

*21 февраля, 10-07.* «Переходящий красный план» на сегодня (как некогда у коммунистов, соревновавшихся за выполнение плана, было «переходящее красное знамя»):

1. Для Н.В. доделать ее сборник
2. Для Н.И. «чтение четвертое»
3. Русские страницы подготовить схематически
4. Возможно, сходить и в баню и \*\*\*

В чем состоит Новая жизнь, я не знаю, начнется ли она – тоже не вем, но когда уже еще обновлять ее? Что-то новое началось: почти не пью (но надобно с сегодняшнего дня совсем не пить, даже рюмки); делаю гимнастику (и делать ее надобно еще неотступнее, она мое последнее лекарство и от болей в спине и в шее; работать больше, своё отложить до лета).

**23 февраля, 18-17.** «Переходящий красный план» перешел на сегодня, продолжаю Четвертое чтение, сегодня надо его закончить непременно. Вчера был в бане, пили шампанское и я перепарился.

**26 февраля, пятница, 12-20.** С деньгами плохо, поэтому, как ни рвется душа в деревню, чтобы вдохнуть свежего воздуха и приостановить продвижение депрессии, но приходится поездку откладывать до полного наступления весны, когда мы с женой поедем уже ставить теплицу и делать что-то еще по хозяйству, так что скорее всего, поедем мы в субботу, 24 апреля, на два дня. Стоить эта поездка нам будет, вместе с скромным пропитанием, две тысячи на двоих. Итак, осталось перетерпеть еще восемь недель...

Напоминаю, что пенсии я получаю 5300 рублей, даже недостаточно для оплаты коммунальных услуг (квартира, электричество, Интернет и прочее), те мелкие заработки, которые я имею, набирая чужие тексты, трачу я на печатание ежемесячно четырех экземпляров своих книг (надо же мне хоть отчасти сообщаться с народом или хотя бы с девушками!)

Пьянки я отставил, воду питьевую не покупаю (пью вместе с народом из водопровода), в баню хожу с товарищами не чаще, чем раз в месяц, за границу и на прочие «отдыхи» не езжу, в карты не играю, книг не покупаю тоже, скачиваю из Интернета. В клиники к платным врачам не хожу тоже, да теперь еще пробую экономить на лекарствах. Совсем их не пить невозможно, ночью болит и брюхо, и спина, и поясница, и ноги, днем меня спасает ходьба и гимнастика, но ночью вставать с постели через каждый час и делать гимнастику – невоготу!

Ну и других семейных проблем множество, мысли о литературном успехе и о заработке при помощи книг меня уже оставили совершенно. Жизнь пройдет зря.

Говорят, что если нельзя справиться с проблемой, то надо изменить отношение к ней (вероятно, так думают прежде всего христиане, они и вовсе учат НЕ справляться ни с чем, а жить в молитве и ожидании смерти).

**27 февраля, суббота, 19-49.** И без выпивки плохо, а сегодня на поминках Тамары Андреевны, вдовы Юрия Борисовича Перепелкина, выпил, кажется, стало еще хуже. А теперь подъезжаем к детям, внуку Паше исполнилось два года.

Думаю о моей недавней *подруге*, напишу ей письмо, которое посылать ей не буду

**10 марта, четверг, 16-43.** Маленькому Паше (внуку) только что исполнилось два года. Он освоил число и слово ДВА, и если ему дают что-то, он тут же требует: *два!*

Дали ему пряник, он закричал: два! Мама разломала пряник на две части и протянула ему – о, как он возмутился, какую устроил истерику с воплями и битьем об пол ногами! Возмутило его жульничество, наглость, с какой эти взрослые смеют обманывать маленьких!

Но сознает ли он разницу между *двумя* и *двумя половинками*?  
Несомненно!

**11 марта, пятница, 8-59.** Спал не так плохо, как в предыдущую ночь, когда уже думал о смерти, а посему – есть надежда, что снова начну выкарабкиваться. Несомненно, что поясница и позвоночник болят из-за желудка, он же давит и на сердце. Но что ему надо? Я уже практически не пью, и болит он вовсе не из-за вина или водки; соленых огурцов и квашеной капусты забыл уже и вкус, не ем творог и сметану, не ем рыбы соленой и копченой, не ем сала, не ем... да что уж, или он требует, чтобы я совсем ничего больше не ел?

Да, братцы, жизнь давит меня со всех сторон, и не из-за этого ли я еще пытаюсь хоть любезничать с девушками? Вчера Юлии в Союзе отнес цветок и книгу о *блаженстве любви*, а перед тем... но об этом я утаю. Свое все я и так знаю, а читателю не надо видеть меня не одетым.

Возмусь-ка я снова за верстку Поэтических Чтений, пока жена еще дышит!

**12 марта, суббота, 23-00.** Написал письмо Н.К.

Как ни удивительно, я не умер, днем решил поправиться и пошел вечером в университет на концерт, пела Анечка Шульгина, она кончала когда-то Философский ф-т, потом аспирантуру, я дарил ей, в частности, Философскую культуру, а теперь она окончила Консерваторию и поет в Маринке. Двенадцать лет назад я ей обещал написать Метафизику любви и полгода назад подарил первый том, а сегодня принес только три цветочка, хотя продолжение уже написано, но время еще есть для подарка.

Пела она с баритональным басом, они были в ударе, я даже охрип кричать bravo.

Когда понес ей цветочки, произошло чудо. Вручая, я сказал, что она покоряет вершину за вершиной и мне ее никак не удастся догнать, хотя я за ней продолжаю бежать – и тут она принародно меня поцеловала! – правда, в щечку. Я с перепугу поцеловал ее тоже.

Итак, теперь я чувствую, что точно весь не умру, к тому же МП начала меня кормить обычным хлебом вместо пробок от бутылок.

В ответ НК написал мне:

«Не моя книга Роман (как вы утверждаете в предисловии), а сами Вы – Роман, со своими пробкой от бутылки масла и Анечкой Шульгиной.

Ваше замечание о трансцендентности сердечных пристрастий Жуковского – тонкое и забавное.»

**16 марта, среда, 14-49.** Продолжаю верстку Чтений о русской поэзии, пора с этим делом завязывать, а то ненароком все перемрем, и книга останется незаконченной.

С декабря болезни и угнетение духа меня одолевают, и Списки дел уже не составляю, и отчеты уже не пишу.

Какие-то мысли пролетали, но некогда их было записывать.

Написал целых три книги о Прощании с любимыми женщинами, о разрыве с христианством, но и с любимыми не простился, и с христианством расстался смутно – не объяснился с ним перед публикой. А надо написать своего рода исповедную речь, почему я с ним расстанусь, в чем обвиняю.

*17 марта, четверг, 10-26.* Веду себя я по-прежнему не правильно, вчера вечером встречался с печатником, получил 4 экземпляра Инквизитора и мы хлебнули по три глотка коньяку из его бутылки: как видно, глотки оказались больше, чем рюмочки, да и я жаднее...

Спал не совсем плохо, но думалось плохо...

Что с литературой? Неужели ее звезда закатилась совсем и даже самый удачный автор может рассчитывать на сотни читателей вместо сотен тысяч, да притом каких- «глотателей пустот»? Неужели никто уже больше не размышляет о смысле жизни, об истине, не нуждается в них?

Христиане мне скажут, что истина уже найдена, и нечего дурью маяться ни писателям, ни читателям, надо читать Библию и душеполезные сочинения святых отцов и благочестивых святителей и преподобных, вроде Игнатия Брянчанинова.

Христос сказал «Азь есмь Истина» – так вот и бери крест свой и следуй за Христом, отвергнув жизнь, мир, близких, и не только удовольствия жизни, но и многие тяготы ее вроде творчества и труда.

Новый Завет проповедует отрицание жизни – для тех, кто его принимает; ну а к немощным, способным из него последовать только за крошками, подобными тем, которым и собакам перепадает со стола, так уж и быть, Учение снисходит, позволяя то это, то другое... да и то надо оправдываться и оправдывать, – как Н.К. оправдывает почти подобострастно занятия *поэзией, внушенной бесами*, по вере христиан (она демонична по природе, что даже и Державин признает)... А мне надо оправдываться в занятиях математикой, тоже внушенной бесами (по уверению Оригена), а Пушкину перед Толстым, "примкнувшим" на старости лет к христианам, – в сочинении *стишков*, за которые еще обезумевшее русское общество, утратившее *страх божий*, поставило ему даже памятник... да и всем, подвизающимся на ниве культуры, надо оправдываться, у культуры другой корень, не тот, что у «благой христианской вести», демонический. Правильный христианин должен выкинуть книги из шкафа, чтобы шкаф не поганили, да лучше и в школу не ходить (что ему надо знать, батюшка скажет), и лекарств не пить (по молитве выздоровление не греховно), да лучше и семью не заводить и даже друзей.. Правда, царя и помещика надо слушаться и на войну, коль прикажут, идти...

Основное противоречие между христианским взглядом на мир и светским состоит в том, что человек, способный к ощущению красоты, воспринимает мир как блаженную и прекрасную обитель, как создание божие, которое надо беречь и преобразжать, а христианин – как обитель тлена и смерти, как мерзость запустения, которую надо как грязь отряхнуть с башмаков своих.

Но христианин "посюсторонний" преподносит мне под видом христианства проповедь о радости и счастье, которые, якобы, ниспосылает человеку Бог, о любви Бога к человеку и миру – а куда девается "юдоль слез и печали"?

НК признает, что «Взгляд легкомысленного Розанова на смех как на низшую категорию человеческой души парадоксальным образом совпадает со взглядом на смех значительной части православных христиан, людей по преимуществу ответственных и серьезных. "Христос никогда не смеялся", – говорят они обычно.»

Христианство – религия мрака и ненависти к падшему человеку (и хотя парадоксальным образом в Новом Завете оправдываются подчас то блудницы, то разбойники – за одно доброе слово, а больше всего не добрые и добродетельные, но *уверовавшие*, но сие не превозмогает отвращение к книжникам и умникам, пронизающее всю жизнь Нового Завета, к заботящимся о семье и близких, об отечестве, о культуре, о тех, кого любишь).

Не добро противопоставлено в нем злу, но *вера* исследованию и вдохновению, нищета духа образованию, уму и культуре, смирение и послушание – труду и творчеству, деятельность в мире – отказу от мира и деятельности, усилия по преображению общества, мира и собственной природы – молитве и ожиданию милостей господних.

Праведность на столпе, достигаемая за счет отказа от жизни как спинной хребет инобытия протистоит моему отцу, павшему на Безымянной высоте, давшему счастье моей матери, давшему жизнь мне самому и спасающему отечество и своих товарищей ценой собственной жизни.

По одну сторону – поэт, кузнец, пахарь, воин, возлюбленный, отец, брат, товарищ, творец в мире и в духе – по другую сторону – богобоязненный молитвенник, девственная вобла, смиренный и не дерзновенный (боже упаси!) «раб божий» (а более всего раб государства, общества, церкви, веры, общественного мнения, авторитета – их есть царствие небесное, для вхождения в которое пахарю и воину, поэту и ученому и многодетной матери, Ромео и Джульетте, Тристану и Изольде, Пушкину, а тем паче Лермонтову, Толстому и даже Достоевскому надо оправдываться!!!!)

Во имя чего?

Чтобы не мучили на том свете.

Следовательно, в основании веры христовой – прежде всего страх наказания. И вы еще говорите о любви вашего бога к человеку?

Давайте поставим точки над *і*, наш спор состоит не в противостоянии человека религиозного атеисту, а в разнице мироощущений. Я ощущаю мир как прекрасное создание Бога и человека как венец творения, а христиане и то и другое как падаль. Я слышу иногда звон небесных колокольчиков, слышу его в театре, в концертном зале, в чтении книг, в гулянии по лесу и парку, в уютном иногда труде (и вот теперь как жду я, когда приеду, наконец, в деревню и впрягусь в повседневный труд в огороде и в ремонте строений!), слышу звон колокольчиков и запах цветов не только около клумбы с цветами, но и в классе и аудитории, когда учу школьников и студентов, в разговоре с неухоженными детьми, когда приношу им куртки или платье, в разговоре с красивой девушкой (а красота всегда одухотворена и никогда не бывает тлетворной и не возбуждает той особенной *похоти очей*, которая сводит с ума пламенных христиан, от апостола Павла до Иеронима и Игнатия! – и у римских писателей неоднократно встречалось сравнение христиан с безумными!)

Я религиозен, потому что воспринимаю мир как **единственное полное Откровение Бога о человеке** – христиане мрачны и суеверны.

Мне не о чем спорить с христианами, но я должен защитить мир и человека, и прежде всего защитить тех, кого я (по счастью или несчастью) полюбил.

Вечером истратил немало времени на кино. Фильм не плох, но это безумное растягивание прежнего кино, в которое мы когда-то охотно ходили, в десятки серий – воистину зло. Но я хотел посмотреть на Анну, была иллюзия, будто я снова пришел к ней в деревню и стою возле ее дома. Она необыкновенна. Но я обещал ей в нее не влюбляться, и поэтому смотрю и буду смотреть на нее только с той же любовью, с которою смотрю на природу, на детей, с той же любовью, с которой слушаю музыку, то есть с *любовью умиленья*. Она – подснежник, который я вдруг увидел, перешагивая через проталину. Добро и красота в ней соединены в какое-то новое состояние, в котором и красота является добром (как и обычно, но в ней сильнее), и добро красотой (как и обычно, но в ней сильнее).

А влюблен я все еще в N, тоже не совсем так, как обычно – я за нее беспокоюсь, если бы увидел ее, поговорил, удостоверился в том, что в душе ее мир и равновесие (и пусть она остается христианкой, но не выплескивающейся за края, как выкипающий суп, а как большинство, сочетающих свое мнимое христианство с нормальной не отвергаемой жизнью) – то и перестал бы досаждать ей даже мысленно и постепенно бы забыл (как надо забыть и Анну, нет оснований, по которым я был бы необходим ей даже в качестве друга).

*17 марта, четверг, 10-26.* Веду себя я по-прежнему не правильно, вчера хотя не пил, но полтора часа истратил на просмотр «оперы». Играют актеры хорошо, некоторые исключительно хорошо, но смотрел я фильм все же из-за Анны, мне казалось, что я еду с нею на «Ласточке», сажу через проход и время от времени на нее посматриваю. Нет, это, конечно, не *любовь*, ничего от *волнения крови*, из-за которого так страдают *потусторонние христиане*, надеющиеся на рай после жизни (и что это они так жизнь не влюбились, что одной лишь мечтою о том свете еле-еле ее вытерпливают?!) – но это и не та «*духовная любовь*», мыслью о которой они еще (хотя и с трудом) живы. Это симпатия, притяжение друг к другу, удовольствие от общения, от просмотра, от того, что она рядом – точно такое же удовольствие, как от взгляда на зарю, на северное сияние, на красивую лесную опушку, на красивые и ароматные цветы.

Не любовь, а радость покоя, тепла, уюта – рядом с деревенской печью.

(Вот бы она удивилась такому сравнению! Но зато она поверила бы, что она мне подруга, сестра, моя милая школьница – но не «женщина», при взгляде на которую испытываешь это ненавистное монахам *волнение крови*. (А *волнение крови* я испытываю при взгляде на хорошеньких девушек, которых я во множестве встречаю в метро и на улице – то самое волнение, которое испытывает пьяница, когда смотрит на вино, льющееся в стакан).

Работы много, надо отправить на печать первый том Чтений и не менее трети работы еще осталось со вторым – хотя уже хочу закончить его в понедельник.) И продолжу свои злобные нерелигиозные заметки...

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

### НОВАЯ ЖИЗНЬ НЕ УДАЛАСЬ

*19 марта, 10-43.* Вчера смотрели кусочками продолжение фильма про воров, менгов и бандитов. Ночью думал о природе зла.

Достоевский в Романе «Преступление и наказание» осуждает право на убийство, которое присваивает себе обыденный человек (Раскольников), ссылающийся на Наполеона. Но осуждает ли он Наполеона? Осуждает ли он Власть, присваивающую себе право на убийство? (Вот в Европе решили, что убивать за преступление нельзя, можно только в тюрьму заключать. А что Россия? Отложила убийства, но вердикта об отмене их пока не приняла, колеблется). А как относится к убийствам христианство? С его инквизицией, пытками и казнями миллионов еретиков и иноверцев, преследованием евреев? С его войнами и разрешением войн, с его *миропомазанием* властителей и признанием за ними права решать, "казнить и миловать"?

В «Преступлении и наказании» Достоевский жутничает, он рассматривает дилемму "Тварь ли я дрожащая или права имею"? – и доказывает, что *права* (на что?) у человека нет, а следовательно, он – "тварь дрожащая". Но рассматривает-то Достоевский право на убийство и доказывает, что именно этого права у человека нет, а навязывает жульнически читателю представление о том, что доказывается будто бы, что у человека ПРАВА нет... какого? Никакого что ли? Ну, в любом случае, *человек бесправен и "тварь дрожащая"*... Но это и доказывать не надо. И затевать споры в «Братьях Карамазовых» по этому поводу бессмысленно, и «Легенду о великом инквизиторе» обмусоливать бессмысленно – ни свободы, ни права у человека нет и не было, и он только тварь дрожащая и должен смириться с сознанием своей мерзости и только в этом смирении и состоит залог его спасения.

Заново задаю сакраментальные вопросы:

Из какого корня растет христианство?

Какова миссия Христа, зачем он вочеловечился и пришел на землю?

Что такое Добро и Зло (по философии, по врожденным представлениям человека, по христианскому учению)?

В чем состоит "Спасение"?

В чем смысл жизни, что такое Красота, как надо жить, к чему стремиться?

И тому подобные вопросы в этом роде...

#### *1. Вина человека*

Виноват ли человек и в чем он виноват?

В романе Солженицына «В круге первом» герой, с которого снимается подозрение о политическом преступлении, говорит следователю: "Так я невиновен, меня можно отпустить?!" – и следователь восклицает: "Как невиновен?! Органы найд-у-ут!!!" Это не сталинистский юмор, это констатация мифа о Первородном грехе, лежащем в основании христианств.

Человек изначально *трансцендентно виновен*, его первородный грех (в чем бы он ни заключался, в любви ли к противоположному полу, в половом инстинкте, в вожделении, в *желании женщины* – а монахи только с этим желанием и борются, умерщвляя свою плоть, а Блаженный Августин, Иероним Блаженный и преподобный Игнатий только плотско-душевное притяжение, притягивание, влечение к женщине и осуждают, и церковь сквозь зубы процедила: черт с вами, женитесь, плодитесь (с нашего разрешения и с нашего пригляду) но НЕ влюбляйтесь! (надоело уже вздорным христианским оппонентам доказывать, что это именно так, перечитайте хоть Розанова, который об этом многожды пишет) – человек виновен по первородному греху (и что он еще в дополнение в своей личной жизни грешит, то сие вытекает из его не отменяемой *трансцендентной виновности*, и сие отпускается любым священником по исповеди грешника в своих личных грехах. Но *первородный грех* не отменим, он преодолевается только Распятием Христа, для которого Он и вочеловечился и пришел на землю.

Я осмелился в праве рассуждать и обсуждать христианскую диалектику, сомневаться в Истине христианства, сомневаться в необходимости веры.

Так ведь и апостолы Павел с Петром о том спорили, спасается ли человек делами или только верой, и в молитве отпускной говорится о спасении верой, и даже в журнале, в котором Н.П. и Н.К. когда-то подвизались, говорится, что «святость наша смердит перед Богом!» - говорится о святости христианских святых! Ну и мои грехи – спорщика и смутьяна, еретика и отступника – не менее чем смердят (как думают христиане). Но я буду оспаривать это Обвинительное заключение, я с ним не согласен.

Я присваиваю себе Право хотя бы не согласиться с обвинением и защищаться (или христиане лишают меня этого права? Христианская юстиция, как и сталинская, чаще всего склоняется к тому, чтобы обвинить человека и даже не дать ему права на Последнее слово).

Что человек виновен – с этого начинается христианский миф. Сомневаться в виновности – сомневаться в основаниях, по которым вочеловечился и пришел на землю Христос. Только отступник может усомниться во врожденном грехе человека, только НЕ христианин. И потому все прочие мои споры, разногласия, защиты и обвинения уже несущественны.

Да и у христиан все глупости об оправдании Красоты, Добра и Творчества и о смысле жизни (ОСМЫСЛЕННО, по христианству, только ее ОТРИЦАНИЕ!) нелепы и несущественны перед смердящей святостью даже подвижника и святого и перед необходимостью жизнь отринуть, растоптать, и "*жить аки спать во гробе*"!

## 2. Добро и Зло

Думал ночью о разбойниках, представленных в фильме красочно и часто загадочно в гениальной актерской игре. Осуждены ли разбойники?

Осуждено ли Зло?

Христос на кресте одному из разбойников, распятых рядом с ним, но покалевшему Христа, сказал: *Нынче же вечером будешь одесную меня в царствии Божиим!*

Итак, НЕ христианин, не заявлявший о покаянии, хотя перед тем погубивший немало неповинных людей, не принимавший веры в Христа, но только *пожалевший* Его, был прощен и ему было обещано воскресение и вечное блаженство.

Я веру в Христа сначала принимал, потом христианское учение отверг (с его первородным грехом и безжалостностью к жизни и человеку), но человека я всегда жалел, также жалел я и Христа (того, который проповедовал, лечил и учил и страдал как все люди, поелику и он как все был человеком – этого же христиане не отрицают? Именно это же знал и разбойник на кресте? Не Бога же он пожалел, а человека?! Думаю, что пожалеть Бога – не будет ли осуждено церковью как святотатство?)

Итак, зло, совершенное разбойником, было прощено, можно надеяться, что и мои грехи будут прощены. Более того, мы еще посчитаемся с христианами, кто из нас лучше, я или они: я ли, думающий о других, заботящийся о несчастных, или они, привязанные к своим грехам и мечте о прощении через свой страх божий и к Страшному суду, заботящиеся всю жизнь о своем личном спасении, а не о помощи другим людям? Что надо христианину только себя спасать, а люди и мир вне наших забот – об этом мне уже противно даже затевать разговор. Хватит! «Никогда, никогда человек культуры, крестьянин и любящий, творческий человек и мыслящий, переживающий свободу и красоту и благо мироздания не станет рабом!!!»

Да и Гете сказал, что «лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» Да и Пушкин сказал о себе, что он «свободы сеятель пустынный...» Да и русская философия устами своих учителей говорила, что «царствие божие внутри вас есть!» Да и Христос сказал, что «кто сделает хоть что-нибудь для малых сих, тот сделает для Меня!» - такое христианство и я принимаю. А бешеный эгоизм и ненависть к человеку (часто даже переходящая в ненависть и к самому себе) мне глубоко противны!

Но продолжим разговор о добре и зле.

### **3. Осуждено ли Зло и оправдано ли Добро?**

«Надобно придти злу в мир, но горе тому, через кого оно приходит!» – это сказал Христос. И не он ли не раз говорил, что пришел в мир, чтобы быть распятым во искупление греха человеческого?

Зло чаще всего не в наших поступках, чаще неразумных, а в нашем желании повредить другому человеку, принести ему боль и страдание. Вчера государство отняло у меня последние деньги, которые были у меня на банковской карточке для оплаты квартиры, газа, воды, телефона, электричества и Интернета. И полностью лишило меня пенсии, выплат полутора тысяч как «дитяти войны» и трех тысяч «компенсации от государства как незаконно репрессированному в 1970-м году. Оно таким образом лишило меня *«права на жизнь»*, ибо для того, чтобы жить, я должен хотя бы иногда есть и покупать лекарства, а для этого должен иметь деньги на хлеб, но даже работу я не могу найти по причине пенсионного возраста.

Так только ли я тварь дрожащая или хоть какое-то право имею – хотя бы на жизнь?

Размышляя о добре и зле, думал я и об отношениях государства к злу и преступлению и к преступникам.

Воры и разбойники живут «по понятиям», менты подчиняются закону. Воры не должны входить в сотрудничество с ментами и выдавать им своих. Однако воры стараются не убивать ментов, ибо за убийство мента их ждет кара, превосходящая ту, что за убийство смерда. Однако в отдельных случаях (в исключениях из правил) и те и другие идут на сотрудничество, и менты прощают воров за помощь (особенно в связи с преступлениями так называемых "беспредельщиков") и воры сдают своих...

Но возможно ли благородство или хотя бы человечность и в мире воров? И не грех ли в произведении искусства вызывать жалость к преступнику, а тем паче к нему восхищение или хотя бы уважение? Об этом стоит поговорить пространнее и серьезнее, и я к этой теме вернусь.

А пока – все ли представители зла его представляют? Все ли осуждены хотя бы христианским судом? Осужден ли **Каиафа**, хотя бы порицаем ли он? Тот, который Христа осудил на смерть, ибо «пусть лучше один человек пострадает, чем весь народ»? Осужден ли иудаизм, осуждены ли иудеи, не принявшие Христа, преследовавшие христиан? Осужден ли еврейский народ за казнь Христа? Толпа, особенно наши православные, думают, повсеместно убеждены, что раз «жиды Христа распяли», то они заслуживают порицания, осуждения, гонений – но догматически учение и церковь осудили ли евреев? И вправе ли одна религия осуждать другую, народы, исповедующие одну религию, вправе ли осуждать те народы, которые исповедуют другую религию? А тем более когда у одного народа даже две религии, как у ливанцев, сирийцев, евреев (многие из которых христиане или атеисты), как у русских, более половины которых атеисты. Вправе ли христиане не только подвергать русских атеистов гонениям, но и презирать?

Я в своих спорах и книгах не говорю, что христиане негодные, не говорю этого о коммунистах (хотя коммунистическое учение осуждаю и тех его сторонников, которые проповедуют избивание людей и лишение человека свободы мыслить и говорить, осуждаю) – но разрешают ли христиане мне думать и говорить по своему? Не кричат ли они во всеуслышание, что я бешеная собака? Не убеждает ли священник свою прихожанку, которая отнеслась ко мне с симпатией, что я слуга дьявола?

Хорошо или плохо христианство, об этом мы поговорим еще, не договорили пока, несмотря на множество уже написанных мною книг – но что такие христиане, которые оскорбляют меня за мои иные от них убеждения, оскорбляют ВСЕХ инаковерных, всех иноверных, всех неверных – плохие – не несомненно ли? Что я негодяй и слуга дьявола, потому что я поэт и математик, потому что я прочел Библию (которую они не читали), потому что я влюблялся и даже предавался осужденной ими страсти?

Разбойник ими оправдан, но «книжники (один из них я) и фарисеи (а по смыслу слова это должны бы быть они) осуждены, как и поэты...

#### 4. Нечистая сила

20 марта, 10-04. Ночью думал о своей изменившейся жизни, из нее не вытаскивались духовные скрепы, всего лишь жестокая и беспощадная Власть украла у меня 12 тысяч рублей (все то, что было на банковской карточке для оплаты ЖКХ, остатки денег прошлого месяца и пенсия и компенсации за март – причем с карточки эти деньги были сняты через час после того, как пришла пенсия, словно бы дьявол ожидал, когда их станет больше, имеющихся семи тысяч было мало). Н.К. упрекает поэта, жалующегося на свои собственные невзгоды, велит ему думать о мире и Боге – а я хотя и больше того прожил и претерпел, но не могу отлепиться от своего нового состояния униженного и оскорбленного, обворованного и растоптанного.

Хотел сочинить стихотворные строки, никак... Да и давно уже музы ко мне не приходят. Тогда попытался написать стихотворение о том, что и жизнь мне изменила, и поэзия оставила меня, и тоже ничего не получалось, а приходили об этом обычные горестные прозаические строки. Вероятно, стихи нельзя писать в горести и угнетении, а только после некоего преодоления раздавленного состояния, может быть поэтому до восемнадцатого века русский человек и изъяснялся только прозой, часто весьма сильной, ибо то татары, то немцы, то поляки, то шведы, то собственные разбойники – какие уж тут стихи?

Утром снова не спалось, опять стал прощаться с поэзией, прикладывая к словам рифмы. Ну, вот, пусть это будет, может быть, слишком грустное, может быть еще не окончательное, но

#### ПРОЩАНИЕ АССОЦИАЦИЙ

Стихосложение, мой друг,  
Ужели та пора минула,  
Когда меняло слово вдруг  
Привычный быт – стакан, уют... –  
И даже в дверь уже не дуло?  
Воображению невмочь  
Остановить бытийный ветер;  
Тяжелый день, пустую ночь,  
Пересоздать, перетолочь  
В «луч света в темном царстве». Дети,  
Мы не взрослеем. Наяву  
Ты не придешь ко мне утешить...  
И я пустой мечтой живу,  
Чтоб только голову не вешать...

Сегодня воскресенье, возвращаюсь к редакторской работе, завтра побегу по присутственным местам, по приемным передним чиновников вымаливать на хлеб... Н.К. защищает государство, власть, Бога от человека, неблагодарного, грубого, злого, завистливого... от поэта, который не удовлетворяется милостью подаяния, но требует **права...** а ему кидается взамен права бесстыдная ложь, будто бы права он требует не для того, чтобы жить, а чтобы убивать. Нет, **смирись, гордый человек!**

Да куда еще то? Уж и так кроткая женщина возразила Христу, что мол ведь и собаке перепадают крошки с хозяйского стола?! Неужели я, поэт (пусть хотя бы и посредственный) должен сознавать себя собакой? Что же за стихи тогда я буду писать? Неужели я, восхищенный женской красотой, должен от нее отрекаться, каяться в незаконности любви (будто бы бывает любовь незаконной?!). И она умница и святая, за то, что у священника попросилась пойти ко мне на свидание, а он на нее шикнул и она забилась в угол?

Я понимаю, что отнять деньги – это меньше, чем отнять жизнь, что в нынешних условиях мы как-то можем с женой приспособиться к более тесному быту (если жену не выгонят с работы, что должно решиться в ближайший месяц) – но благодарить Бога за то, что Он мог отнять жизнь, а «попустил разбойникам» только отнять "живот" и любить такого Бога (именно за это любить) я не могу. И самое главное – я не понимаю, почему христиане озабочены только нашей любовью к Богу, но не нашей жизнью и любовью к человеку? Если бы какой-то христианин упрекал меня в том, что я слишком о себе думаю, вместо того чтобы думать о бедствиях нынешней российской культуры, нынешней науки, образования, о бедствиях примитивной, даже какой-то омерзительной жизни у большинства с телевизором, футболом, водкой, сном, чтивом или без чтива, тамтамом, металлом, роком, телками, скабрёзной болтовней... (но страх божий по Леонтьеву разве лучше?!), то я бы даже обнял его в умилении!

Эх, стало бы наше российское быдло книги читать, так пусть бы это лютое государство подавилось своими пятью тысячами пенсии, которую оно мне платит за сорок пять лет работы, и тремя тысячами лживой компенсации за три года незаконного содержания в тюрьме и сумасшедшем доме, я своим умением редактировать чужие книги эти деньги бы с лихвой заработал! Захотели бы наши обыватели, чтобы их детей учил талантливый и образованный учитель, так и на уроках бы я заработал! Да даже сторожем! Но и малые предприятия разоряются сплошь, и не на что им нанимать сторожей, и нечего у них уже сторожить...

Нет, дорогой Н.К., не могу я восхвалять государство, в котором меня волочат по канавам, и проклинать Степанов Разиных и Пугачевых – и за теми есть своя правда, и неспроста ошалела российская чернь, обовшивевшая в окопах на непонятной войне неизвестно за чьи интересы (ну да, защищая святого богопомазанного монарха от его двоюродного брата, тоже богопомазанного, в союзе с английским королем, назначенным конституцией и без санкции Бога), и неспроста ошалело и российское крестьянство, поддерживавшее все же в большинстве большевиков, хотя и попавшее за это из огня да в полымя!.. Да, я согласен, что *надобно приходить в мир злу* – но не осуждайте меня за то, что я повторяю слова сына Божия: **Горе тем, через кого зло приходит!**

И скорблю и возмущен я больше оттого, что тщеславный безжалостный Бог помогает бесталанным поэтам улучшить слово, чтобы воспеть божество, но мне обрезает секирой голос, чтобы не смел я ЗЛЮ отсекают у *злоподлых!*

Да, я хочу обличить мерзость сытой швали, оккупировавшей мою страну! Да, я хочу воззвать к жалости к тем, кто страдает – потому что и

более страдающих чем я – тьмы и тьмы! Да, я хочу пробудить человека, уснувшего в тяжелом похмелье! Да, я хочу сеять очи! Но Бог *блаженных нищих духом* сам, вероятно, заснул под умильную евангельскую песню, и ему не до нас...

И потому я и возвращаюсь к исследованию отношений неба и земли, о которых написал и так много ненужных и пустых слов, но...

Землю я вижу. И людей на ней. И землю люблю и людям сочувствую.

Но неба не видно. Заволокло его тучами... Есть ли там еще Бог?

Товарищ меня упрекает, что я "в прошлом копаюсь", прошлое помню. Надо, говорит, думать о будущем.

Но что ты о нем выдумашь, спрашиваю я его, поймешь ли даже свой завтрашний день, если забудешь хотя бы только собственное прошлое, например, забудешь детство, забудешь, как дрожал на первом свидании, как любил, надеялся... Какой ты день поймешь и придумаешь, если не будешь в своих чувствах и размышлениях опираться на всю толщу хотя бы одной только собственной жизни?

Но он никак в толк не возьмет, о чем я говорю...

И таковы почти все.

Призывал апостол Павел стать как дети, но добавлял: но по уму будьте совершеннолетни! – но словно бы все "сдетинели", как это бывает в старости... Не то что бы из-за веры придурочка, заменившая комсомольский билет на крестик, наводит евангельские сайты призывами распять душевную любовь и душу умертвить – но из-за поглупления. Стали как дети, даже таблицу умножения забыли, даже пописать, не помнят как...

## ГЛАВА ПЯТАЯ

### **ЗАЧЕМ И ДЛЯ КОГО Я ЕЩЕ ПИШУ?**

*21 марта, 17-51.* С половины шестого утра уже не сплю, в восемь засыпаю на полчаса или час. Утром за завтраком говорю жене: отобрали у меня пенсионные деньги, а других не предвидится... Но если бы узнал я, что снова заболел раком, и надо было бы на операцию сто тысяч, да еще выжил бы или нет – разве эти Навуходносоровы козни хуже тяжелой болезни?

Но отчаянье меня не отпускает, и даже кажется временами, что всё – жизнь закончилась...

А я продолжаю писать... Для кого? Зачем?

Но все же на некоторые вопросы, которые словно бы не ко мне, необходимо и мне ответить. Вот я живу и живу, бываю и счастливым и несчастным, но все же размышляю о том, зачем мы живем, зачем живу я сам, зачем любовь, дети, семья, Родина, Культура? Зачем Бог и религия?

И думаю – а мог ли бы я жить, не размышляя обо всем этом, не пытаюсь найти ответы на все эти уже избитые вопросы, мог ли бы я жить просто так, как растет трава, не зная и не пытаясь узнать, зачем она растет?

Без книг, без театра, без музыки? Мог ли бы я преодолевать эти козни моего государства и ненависть его ко мне?

Отсутствие читателей, поход в Управление судебных приставов с жалкой жалобой на нижестоящих чиновников тем, которые выше и еще лютее, если бы вот сейчас не ехал я в Маринку на оперу Верди? И как они могут жить как трава, не читая книг и не слушая музыку? Не осуждать их нужно, нет, осуждение бесполезно, чернь и не может быть другой – но как же случилось, что весь народ превратился в чернь, умственный уровень народа русского пал, осуществилась мечта Христа о блаженных, которых есть царствие божие...

Тем, что я пишу, я не изменю мир, но если писать не буду, то скорее умру...

*23 марта, среда, 14-51.* Новая жизнь не удалась, как и старая, но я еще жив, хотя ночью снова болело брюхо и не давало ни жить ни спать. И все же, чтобы как-то продолжиться, пусть не в вечном, но хотя бы во временном, надо осмотреться.

Двенадцать лет назад, в июле 2004 года, когда на Заключительном заседании суда нас с сыном приговорили к пяти годам, я не пал духом, сердце у меня не рухнуло вниз и слезы не запеклись в груди.

Два года назад, когда мне объявили, что в желудке у меня раковая опухоль, я пал духом гораздо сильнее, свет словно бы отчасти померк – но все же, пройдясь по Невскому, позвонив сыну, я воспрял духом и отчаяние ушло.

Но вот в эту пятницу, когда нечистая сила сняла единственные десять тысяч с банковской карточки и заблокировала поступление пенсии, я впал в пущее отчаяние, словно бы уже меня приговорили к расстрелу и смерть наступает. Пыгаюсь себя вразумить, но думаю об одном и том же и заснуть ночью не могу. А днем думаю снова о том же самом...

Следовательно, жизненная сила, благодаря которой человек жив, а тем более «сила произрастания», поднимающая вверх телесно и душевно, противостоящая болезни, слабости, унынию, отчаянию – во мне стала высыхать...

Что делать?

Составлю план текущей жизни. Ровно месяц назад я его уже составлял, и многое с тех пор исполнил, но удивительно, все четыре дела переносятся и в новый План.

1. Во первых, сходить в пятницу в баню. Тогда мы в бане побывали, но теперь пойдем снова, закрывать городской сезон, в следующий раз в баню пойду уже в деревне, скажем, в субботу, 23 апреля.

2. Окончательно доделать для Н.И. вторую книгу (всего в них 12 чтений, тогда я застрял на четвертом чтении), в частности, написать Послесловие и послать текст в типографию. Выяснить у заказчиков, сколько они передали мне денег на книги). Получить книги из типографии и отдать заказчикам. И дальше – в этом же роде...

3. Для Н.В. доделать ее сборник

4. Русские страницы подготовить схематически и послать авторам на проверку, но в конце концов когда-то их напечатать.

5. Начать работу над Журналом литературной и философской критики, получить новые тексты, написать критическую статью о современном кино, артистах и т.п. И дальше в том же роде.

6. 24 марта, в четверг, побывать на Заседании секции критики. Обсуждение дел, статья, мой возможный вечер, раздать «Легенду»...
7. Борьба с Нечистой силой за выживание.
8. Аннотация для Лестевой на ее книгу...
9. В субботу звонить Р.С. о встрече в воскресенье, взять книгу Ю.П. для издания.
10. Встреча на следующей неделе с В. и С.
11. Театральная жизнь
12. И прочая жизнь и прочие дела, в том числе мои новые Записки...

### *1. Итак, что и зачем я пишу?*

Начал я вот эти записки как Дневник. Справедливо было бы сказать и так, что это не дневник, не хронограф, а моя собственная форма стенания, или что это нечто вроде заунывной песни кочевника, которую он поет, когда едет на лошади по степи.

Оказывается, что для жизни, кроме воздуха, воды и пищи, бывают нужны еще и стенания, дневники, заунывные песни, ибо действительный человек, помимо утоления потребностей телесных, нуждается в утолении того, что совсем не телесно или телесно только отчасти.

Христос сказал, что надо **прежде** искать царствия божия, а все остальное приложится. Уместны и достаточны ли эти слова, если у меня заболел ребенок, если просит помощи утопающий, если меня пригласили в театр? Если я устал ехать на лошади по безлюдной и безводной степи?

Большая часть того, что мне может помочь, облегчить усталость и боль, никак не относится к поиску царствия божия, но представляет из себя и стенания, и дневник, и заунывную песнь кочевника, и театр, и литературу, лекарства, гимнастику, научные исследования, работу, свидание с друзьями или любимой... все это называется *культурой* (в которую входит и наука и даже *работа*, потому что культура означает всяческое *возделывание* – culture – и мира и человека).

Но большая часть того, чем живы те, кто ищет царствие божие, представляет из себя все то же самое, чем живы мы, люди мира.

Как случилось, что мы пишем стихи и драмы, играем в театре, растим и собираем хлеб, воспитываем детей, защищаем родину в години несчастий – но вынуждены оправдываться перед слугами божьими, оправдываться во всем – и в том, что работаем в поте лица для прокормления и нас самих с детьми и домочадцами, и армии, которая нас всех защищает, и власти земной (часто нас притесняющей), и слуг божьих, которые ничего не умеют ни в поэзии, ни в прозе, ни в науке, но которые присвоили себе право говорить от имени истины?

Странное происходит: великолепный литератор, ученый, знающий и чувствующий русскую поэзию больше других, оправдывается перед Павлом, для которого, невежественного иудея, статуи на улицах Афин – это бесы.

Математику приходится доказывать, что не эти же бесы внушили ему математику, как уверяет в том христианский богослов Ориген.

В чем же дело? Быть может, мы исходим из разных оснований, то, что для христиан является таблицей умножения, не совпадает с известной нам таблицей, и наоборот? Если при социализме математики обещались построить *социалистическую таблицу логарифмов* (вместо, якобы, известной всем *буржуазной*), то не руководствуются ли уже христиане *христианской таблицей логарифмов*?

И несмотря на то, что о взаимоотношениях мира и инобытия, культуры и христианского мифа я написал уже несколько книг, мне кажется, что я еще ничего не объяснил ни себе ни другим.

И поэтому новую книгу, подводящую черту хотя бы под моими вопросами и возражениями придется мне написать.

## 2. Христианство и история.

Христос пришел, как Он говорил, чтобы искупить Первородный грех человека. После сего должен наступить Конец света, Страшный суд, распределение живых и мертвых по обителям ада и рая и "*жизнь будущего века*" – по крайней мере для тех, кто определен был в рай, хотя в чем будет состоять эта жизнь, Священное Писание не сообщает.

Но здешняя жизнь в этом проклятом христианами грешном мире тем не менее продолжается, возродилось искусство после христианского погрома, затем возродилась и наука, и эта эпоха и была названа **Возрождением** (прежних языческих ценностей. Писатели и ученые и общественные деятели Возрождения объявили своей первоочередной задачей просвещение более широких масс населения, по крайней мере из правящего и из имущественно независимого сословий. Пришедшая эпоха была названа веком **Просвещения**.

Вот что пишет о ней христианский философ: «Бесчеловечен дух просветительской философии. В царстве разума не предусмотрено место для маленьких человеческих радостей. А слабости человеческие, неизбежные наши немощи и падения, в которых мы каемся на исповеди, признаются в царстве разума или подлежащими окончательному исправлению (вплоть до гильотины), или, что еще страшнее, оправдываются.»

И это говорит христианин?! Но какие же радости предусмотрены в царстве Креста и Распятия? В «юдоли слез и печали», как называют христиане нашу жизнь? Предусмотрено ли там "место для маленьких человеческих радостей"? Учитывает ли необходимость радости их христианский миф, озабочен ли он счастьем человека, если в бесчисленные века христианства даже детские игры не поощрялись, балаган и скоморохи преследовались, смех и искусство объявлены были дьявольским наваждением? Или я не все у них прочитал? Но в том, что я прочитал, кроме "плача и скрежета зубовного", кроме проклятий по адресу грешников я ничего не увидел. Правда бывали немногие персональные исключения, но и при самых жестоких режимах такие исключения бывали тоже. Но следовало ли из этого, что жестокий режим, безжалостный и к обывателям и к тем, кто выше (книжникам и фарисеям) гуманен? Гуманизм для христианина такое же ненавистное слово, как Просвещение.

### 3. Прощание с любовью.

Я ее еще не забыл, хотя уже не плачу о ней по ночам, и реже вспоминаю.

За последнее время случились всякие неприятные события... правда, меня не приговаривали к смерти, однако я почувствовал себя раздавленным.

**Имею ли я право?** Нет, мне уже не хотелось этот вопрос даже задавать.

**Я – тварь дрожащая.**

Разбойник меня может ограбить, избить, убить. Государственный чиновник может меня унижить, следователь и судья – посадить в тюрьму (если им это прикажут или за это заплатят).

Жизнь меня унижает ежедневно, тем, что я не могу подняться выше того уровня, который она мне назначила. Мне не удастся разбогатеть, книги уже не читают и не покупают, ни чужие, ни мои, поэтому я не стану известным и богатым ни в качестве издателя, ни в качестве писателя.

И из-за этих событий, и из-за внутренней усталости, мне плохо, я тоже нуждался в помощи, как когда-то в ней нуждалась моя миленькая, но тогда я пришел ей на помощь, потому что она была молода, мне понравилась, и я испытывал к ней сострадание. И влюбился в нее...

Но теперь она ко мне на помощь не пришла, ей уже безразлично, что со мной, ей меня не жалко, ей не хочется узнать, как я живу, не хочется меня увидеть и помочь мне или хотя бы пожалеть.

Но я знаю, почему так случилось, что почти два года она радовалась нашим встречам, и вдруг меня бросила, и даже не захотела проститься...

Но я еще хочу встретиться с нею, убедиться в том, что она не страдает, и тогда уж отойти от нее и в собственном уме и воображении.

Может быть, надо написать ей письмо, только чтобы просто высказаться?

Моя родная! Я все еще люблю тебя. Я был счастлив, пока мы встречались, и наши встречи помогали мне гораздо больше, чем я помогал тебе своею заботой. А теперь, когда тебя нет, мне бывает очень плохо.

Если бы мы встретились хотя бы на одну минутку, посмотрели друг другу в глаза, как когда-то смотрели, я уже стал бы счастлив и воспоминания о тебе были бы все наполнены светом...

Вот для чего я мечтаю с тобою встретиться: чтобы расстаться...

И что это ты выдумала, будто я к тебе приставал, будто хотел соблазнить! Да ничего подобного, у меня не было не только запретных чувств, но не было запретных и мыслей. Я любил тебя так же, как влюблялся в седьмом классе, я не выпрашивал поцелуев, я только хотел тебя обнимать, чтобы почувствовать тепло твоего тела, чтобы соприкасались наши души. Да ты и сама это знаешь, но эта дикая идея греха, которая окутала своим ядовитым туманом все христианское человечество, окутала и тебя. Бесцеремонные и самозванные спасители наших душ, незаконно присвоив мандат на спасение от самого Сына Божия, вмешиваются в дела земные (хотя в их ведении должны бы быть дела только церковные), лезут под покрывало и выпрашивают о скровенном. Если таково все христианство, то оно бесстыдно...

Надеюсь, даже не сомневаюсь, что в тебе живая природа, горячая кровь, и от этого безумного сна ты пробудишься. И ты меня вспомнишь. Я на тебя не сержусь. Я тебя обожаю. Я благодарен тебе за внимание. Целую руки твои!

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

### ОСМАТРИВАЯСЬ В СЕБЕ И В МИРЕ

#### 1. Что за мир?

*25 марта, 10-57.* Представим себе, что страна, в которой мы живем, это река, текущая по каким-то своим неведомым законам в неведомое море, мы или пловцы или сидим в лодках. Одни из нас движутся вместе с рекой, другие или на месте стоят или пытаются плыть против течения, а третьи совсем безумны, все мечтают реку поворотить вспять или в другое море направить, это такие как я. Или даже я один такой.

Плывущие вместе с рекой выстраивают свою судьбу, женятся, заводят семью, делают карьеру, достигают высот (или не совсем достигают, но находят, по крайней мере, самих себя, не слишком отщепляясь от других).

Река мелеет, и море, в которое она впадает, мелеет... На наш век хватит (думают они), но дети и внуки наши обречены.

Эти, беззаботные относительно судьбы России, живы какой-то верой в то, что ВСЁ ПРАВИЛЬНО.

Это или христиане, которые знают, что если даже нас ждет в мире катастрофа, погибель, и наша и нашего мира, то это и предсказано, и плакать о сем не надо, а только о собственной душе, которую мы можем спасти, и только этим и надо заниматься.

Другие, не христиане, живут верой в правильность мироустройства.

Вот в девяностые годы страна была оккупирована темными силами, ее раздразнили всю и поглотали алчные и безжалостные и живущие только для того, чтобы возвыситься (в богатстве и власти), а мы чуть не передохли.

И я склонен считать, что наше падение было результатом международного заговора, связанного и с антинациональными силами в самой России и вне ее.

В последние семнадцать лет за счет естественных российских богатств мы чуть приподнялись – то есть даже не страна, а население, мы стали получать зарплату и пенсию (кроме меня), хватает пока и на водку и на закуску и на летнее лежание на берегу у Антали, и даже некоторым хватает на «телку»... Прежнее нищее население осчастливилось.

Но произошло самое трагическое: мы истратили почти все ресурсы на то, чтобы выжить, чтобы относительно безбедно существовать, не размышляя и не читая книг, а самое главное, мы истратили ВРЕМЯ, которого для русского возрождения становится все меньше.

И мы разделились на две противостоящие части.

С одной стороны существует население, которое делится еще на множество частей, с другой стороны один только я, который думает, как спасти Россию (правда, и мне тоже, но я от нее не отделим).

Население делится на следующие части:

Одна, наибольшая, живет себе – и всё, и если думает, то о своем, если читает, то про ментов, бандитов и маркизов... или что-нибудь такое... По ночам они не плачут, не влюбляются, не мечтают о преображении мира и писании книг и поиске истины.

Другая часть живет вместе с Христом, но при этом и с своими заботами, не обременена спасением России и мира, спасти бы хоть свою душу или сделать карьеру или поддержать семью.

Третья часть живет тем же самым, но без Христа.

Четвертая часть в пылу горячечной веры, почти христианской, они знают, что страна на верном пути, у них есть Рулевой, он знает, куда плыть, и надо только перебить предателей, которые продались Западу и *Ему* мешают.

Пятая часть уповает на Запад. Но при этом они либо делают карьеру, богатеют, обрастают мхом, деньгами, известностью, солидностью, положением, либо мечтают *свалить* на свой Запад, здесь перспектив нет, да эту страну они и презирают, она не их страна.

Шестая часть – инородцы, Россия развалится, а у них появятся свои Татарстаны, Чукотки, Тахо Сойху, Тыву Тойво и прочее, как у *кыргызов* и *сарапак*ов и прочих.

Седьмая часть... Ну, здесь много разных, некоторые даже иногда прислушиваются ко мне, другие выпивают не закусывая, а те даже не выпивают, но еще закусывают, многие думают, что хорошо бы вернулся Сталин или Ленин – (и я бы этих всех расстрелял, а они были бы счастливы, они бы думали, что это их расстреливает любимый их Сталин).

Кто же я?

Я – русский националист. Без казенного патриотизма. Без христианства. Без социализма. Без стенаний о Доме Романовых. Без мечтаний о республике по образцу америкосов. Прежнюю уваровскую триаду (православие, самодержавие, народность) я хочу заменить народно-социалистической партией (с умеренным *социализмом «с человеческим лицом»*), народность соединить с мечтой о возрождении России (на основании прежде всего русской, античной и европейской культуры), а самодержавие... быть может, попробовать конституционную монархию? Боюсь я единоличной власти, которая может истощавшую Россию вдруг одним движением неподконтрольной воли погубить... Да и была ли Россия самодержавной в 19-м столетии подобно веку Траянову, Неронову, испанским всевластным королям?

Но возникают вопросы.

Первый, самый главный: есть ли такие, которые сознают, что «всё не так как надо»? Они непременно должны быть НЕ христиане, ибо у тех что бы ни происходило, все по воле божией и значит как надо...

И если такие все же есть, то размышляют ли они о том, зачем они живут, в чем истина, как надо жить... читают ли они книги, слушают ли музыку...

«Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился!», говорит Пушкин. Есть ли кто-нибудь, кто помимо быстротекущей жизни, карьеры, работы, семьи и выпивки и в том же роде (ну, еще, скажем, церкви) **томился бы духовной жаждой**? Парадокс состоит в том, что духовной жаждой не может томиться ни христианин ни социалист ни какой **партийный**, а только беспартийный. Все, кто уже нашел истину, в Христе, Марксе, Сталине, Путине, не нуждается в том, чтобы читать книги (тем более мои), и даже искать, в кого влюбиться так, чтобы плакать по ночам.

## 2. Что за жизнь?

*26 марта, 10-04, суббота.* Мой городской банный сезон "на троих" закончился, баня мне во вред, с ее чрезмерным паром и усиленным охлаждением горячего тела. Во вред мне друзья, товарищи, сабоульники. Не в силах я сочетать выпивку, несчастную любовь, размышления о смысле жизни и саму жизнь в ее односторонней ко мне привязанности, с ее патологической ко мне любовью, в которой она меня ловит и стискивает в объятиях и в смиренной рубашке (для вразумления, поучения, исправления, наказания, я уже понять не могу).

Итак, все живут, работают, выпивают, ходят в баню, в лес, на рыбалку, смотрят сериалы, делают бабки, ищут телок, растяг семью, карьеру, тело, "всё путём!", и в этом находят и смысл жизни и истину, и счастливы, а если еще чего-то не хватает, то идут в церковь, выкидывают на помойку Пушкина (как об этом сообщает Н.И.) и живут "как батюшка скажет", и тогда уж окончательно счастливы в объятиях с истиной, смыслом жизни и Богом – и только я разрываюсь на части: пенсии меня лишили, я подал заявление в управление, в Суд, поеду в Пенсионный фонд, возможно, в прокуратуру, жить мне не на что, и даже должен пять тысяч рублей и даже десяти экземпляров своей книги, той ли или другой, уже мне не на что напечатать; семья моя тоже в долгах, выплачивает займы на 150 000 рублей, и сколько ни платит, долг не меньше, все съедают проценты, уволят жену с работы, и всё, хоть в петлю; о прочих семейных проблемах я уж молчу, мы договорились, что я пишу не исповедь, а потому снимаю только пальто и шапку, но не снимаю рубашку и брюки. Делать карьеру и бабки я уж не знаю как, перестать искать истину значит совсем умереть, а мне еще приходится редактировать повести и романы, за что я денег не получаю, бросаюсь набирать и редактировать тексты и статьи для знакомых, даже и рубль заработанный мне кстати, брошусь через месяц на огород в деревню, вскопаю его весь и весь засажу, доделаю погреб и забью овощами, с голоду авось не умру, а **для души** – буду ломать и перестраивать баню, переставлю ее в конце огорода, на ее месте разобью еще одну грядку. Мечты о том, чтобы переселиться в какую-нибудь деревушку ближе к Питеру мне уже надо оставить, и сил меньше, и денег нет. Правда, дорога в деревню на «Ласточке» (вместе с автобусом) для двоих обходится в 1750 рублей туда и обратно, если ездить два раза в месяц, то с мая по октябрь нужно  $1750 \times 12 = 15$  тыс. Это бы ничего, если молоко не отчислял с работы, то удастся и кредиты погашать, и в деревню ездить, да авось мне удастся и пенсию отсудить у дьявольского государства! В деревне экономнее жизнь, и за 50 дней, проведенных в деревне, мы сэкономим на каждом из нас в день по сто рублей, то есть целых *десять тысяч* за сезон. Но можно и еще изыскать резервы... Да овощей наготовим на целую зиму!

Итак, с *унынием* надо бороться. (Жизнь по христиански – юдоль слез и печали, смеяться – грех, и Христос никогда не смеялся, всегда был серьезен, даже развлечения греховны, культура внушена дьяволом, Пушкина христианину, если он хочет душу спасти, читать нельзя, математикой заниматься – тоже, тело лучше лечить не лекарствами, а молиться о здравии, уповая на Бога... Но как же у них и *уныние* грех тоже?!)

### 3. Что за любовь?

Пока я встречался с моей милой грустной ласточкой, словно ничего плохого и не было в моей жизни, я был весел, деятелен и счастлив. Забота у меня была одна – утешить ее в ее печалих. Мы бегали в театр (и моя жена, и муж ее или ее подруги, то одна то другая), в Союз писателей на семинары, встречались в метро, на улице, я провожал ее до ее дома, иногда мы заходили в кафе, и однажды я провожал ее на электричке к ней на дачу.

Почему она меня бросила? Я уже почти уверился в том, что она придумала свою любовь ко мне, всерьез не любила, и вот, когда всё столкнулось в ее душе: семья, разочарование в творчестве, выдуманная влюбленность, навязчивое христианство, агрессивная церковь (а церковь агрессивна по отношению к слабым людям, и только слабых она и уловляет и придавливает к земле, внушая им мысль и чувство о грехе и наказании) – она почувствовала, что меня нельзя совместить не только с жизнью "как батюшка скажет", но тем более с ее обостренным пониманием **долга**. Ей показалось, что она должна чем-то пожертвовать, и она пожертвовала мною (не потому, что она не милосердна, а потому, что ей не пришло в голову, что меня надо пожалеть, что я тоже несчастный, ей, напротив, казалось, что я сильный и счастливый – я и был сильный и счастливый рядом с нею!).

Она ни в чем не виновата. Но что делать мне? Если судьба когда-нибудь ко мне еще помилосердствует, и я хоть чего-то добьюсь – о книгах ли моих заговорят, читать ли их станут, в тюрьму ли меня посадят – тогда, быть может, она еще вспомнит обо мне. А следовательно, мне нужно жить, писать, стараться сделать что-то важное и *ждать и надеяться...*

### 3. И что это за любовь к ближнему?

Боль – не зло... Но врач старается ее умерить, ученые научились блокировать боль, и не режет хирург ныне по живому, как резал в Крымскую кампанию Пирогов, пока ученые не открыли обезболивающих.

А что говорит Брянчанинов? Ты, мол, и в аду прозревай в ближнем образ божий... Но пожалей ли? Но постарайся ли умерить адские муки, вытащить ближнего из ада? Или, умиляясь, так и смотреть на образ божий в мучающейся грешной плоти?

Да, какое высказывание у христиан ни возьми, отвлеченно оно красиво, оно воздушно, небесно, но не только неприложимо к жизни, но прямо убийственно для нее: *к женщине не прикасайся*, – и что нам теперь, почкованием размножаться, и ветер будет пыльцу разносить от мужчины к женщине, или прекратить род человеческий? (А, следовательно, убить народ, на nive которого произросли и мы сами)? *Не заботься о завтрашнем дне*, и придет ребенок из школы, а муж с работы, "завтра тебе Бог подаст", ответить им на мольбу о пище земной? *Пусть мертвые погребают своих мертвецов* – это уж невыносимо даже и обсуждать, особенно мне, пятьдесят лет мечтающему найти место упокоения моего отца, пять лет искавшему его могилу и, наконец, нашедшему Безымянную высоту, на которой во рву он захоронен со своим минометным взводом.

А чего стоит повеление выбросить Пушкина или Даниила Андреева? А чего стоит заявление Дурылина, что нельзя на одной полке держать Пушкина и Игнатия Брянчанинова? Что математика внушена бесами? Что надо молиться о здравии и это целительнее лекарств? (так, может быть, и хлеб не надо растить, а ждать, пока Бог подаст?)

Вот это безумное противопоставление небесного земному, словно мы уже духи, а не человеки из плоти и души, не безумно ли? Вот это перелаживание на Бога забот о крове, о пище, о здравии, и вообще о мирской жизни – не оскорбительно ли для Бога? Проповедник, проповедующий такую любовь Бога к человеку, очень напоминает мне девицу, выходящую замуж не для того, чтобы заботиться о муже и детях, а чтобы муж теперь ее холил и лелеял, а она жила в праздности. И снова вспомню о любви к ближнему, она как становой хребет, связывающий людей, а поелику на первом месте среди христианских заветов находится завет о любви человека к Богу, Бог же внеположен по отношению к людям, то начинается безумная диалектика, перетолковывающая эту набившую оскомину якобы любовь так, чтобы она была даже не сама по себе, а прямо вытекала из любви Бога к человеку. По Ветхозаветному преданию речь шла о чувстве, должном соединять соплеменников. Чувства, непосредственно притягивающего одного русского к другому или одного еврея к другому, быть может, и вовсе нет, и я на всех смотрю равнодушно, кроме красивых женщин. Но что-то ведь связывает народ воедино? Есть же любовь к родине, "любовь к отеческим гробам", к России, к ее культуре? Эта любовь есть, но она не атомизируется, в том смысле, чтобы мы ощущали ее по отношению к отдельному человеку. Внутри небольшого еврейского племени, скитавшегося по пустыне в окружении враждебных племен, необходимо было, чтобы один еврей был готов придти на помощь другому, вместе они составляли один род, связанный родством, они были *ближними* друг для друга (и это родовое чувство резко противоречило повелению не прикасаться к женщине и не рожать детей), но христианство, отменившее народы, сказавшее, что отныне несть ни эллина ни иудея, но только братья и сестры во Христе, такое христианство должно было переиначить понятную любовь к соплеменникам в непонятную любовь к ближним, не содержащую уже родового единства. Закричит чечен в русском городе «Наших бьют!», и все чечены, сколько ни есть их в окрестности, ринутся на помощь ему. А закричи на Невском кто-то «Русских бьют!» – и кто же бросится на помощь и к кому? Вероятно, ближние – это родичи, это жители одной деревни (и я сам видел, как одна деревня объединялась в битве против другой деревни). Но уже народ – вовсе не ближние, и когда идет война между Германией и Россией, мы объединены каким-то общим чувством к России, но не связаны друг с другом. Да, национальное чувство и национализм, если попытаться их философски объяснить, оказываются трудными для объяснения, и потому и христианство любовь к ближним постулирует как аксиоматическое понятие, но не объясняет. Несомненно одно (если перечитать, как Игнатий Брянчанинов ее объясняет), что человеческого в этой любви нет. Нет душевного, нет движения крови, нет эмоций, только образ Божий в человеке, но не сам человек, только любовь к образу Божьему, но не к человеку..

#### *4. Схоластика и диалектика. Истина как Аксиома*

Мы их переживали в течение семидесяти лет советского строя, когда легко доказывалось, что красное это синее и наоборот, и хотя социализм низверг христианство за его пренебрежение человеком во имя Бога, но и сам обыденного человека принес в жертву "человеку с большой буквы". Чем один отличался от другого, нам было неведомо, но мы не смели о том заикнуться, а только принимали как должное колонны заключенных, как когда-то христианский мир принимал колонны тех, кого вели на костер.

Если спорить с социализмом и христианством всерьез, надеясь выиграть спор, то надо начинать с аксиом. Невозможен правильный спор, если у нас аксиомы не совпадают и у наших противников уже принято как верное то, что еще надо доказать.

В Священном Писании содержится вся истина, начинается с этого христианство, Бог создал мир и человека и поселил человека в раю, но человек нарушил запрет, данный ему Богом, и потому и сам изначально грешен и мир из-за него пал и подвергся тлению, но Сын Божий вочеловечился, чтобы спасти и человека и мир.

Дальше спорить не о чем, тем более что пал человек (и вот тут-то самое важное) не сам по себе, но соблазненный и наученный дьяволом.

Последующая история человечества только подтверждала сию внутреннюю логику, соединяющую причины и следствия, ибо все в нашем мире совершалось по этой же схеме.

Разбил ли окно в школе нерадивый ученик, оказывалось, что он уже раньше попал в дурную компанию, да и отец его был завербован империалистами или пятой колонной, поскольку завел любовницу, которая требовала денег.

Поэтому следствие начинало с главного: кто научил, кто приказал, кто из-за угла науськивал.

Часто спор начинается с того, что спрашивают: "Веришь ли в Бога"? И с верой оказывается связано почти все: можно ли резать людей, воровать, поджигать, насиловать, а если нельзя, то – почему? Если разговор обходится без ссылок на Священное Писание, то что-то в атмосфере спора все равно из него присутствует.

И я пришел к выводу, что разговаривать надо с самим собой (пока не заберут в соответственное учреждение), в крайнем случае, говорить тихо, так, чтобы никто не подслушал. Выслушивать доводы вдумчиво, переспрашивать, искать объяснения, ничего не принимать на веру, все проверять, в крайнем случае, щипать собеседника, чтобы удостовериться, что мы оба не спим.

Начинаю же я вот с чего. Есть несомненно несколько вещей и явлений: есть русский язык, таблица умножения, есть вдохновение, есть несколько общих правил умозаключений, например, что если "а" = "в", то и наоборот, что если они равны "с", то и между собой равны тоже... и этого почти достаточно.

Язык – основа всего. Понятия иногда не совсем определенны, зыбки, но когда говоришь сам с собой, можешь постепенно устранить противоречия в понимании. И только после этого результаты спорной беседы стоит выносить на суд многим.

Начнем с **вдохновения**. Стихи и выдающиеся романы не пишутся просто так, поэт и писатель испытывает особенное состояние, подобное тому, что испытывал Архимед, когда закричал Эврика, что испытывал Пушкин в течение одного *чудного мгновения*, о котором тосковал несколько лет, что испытывал Менделеев, когда ему во сне приснилась его Таблица, что испытывал Толстой, когда писал Анну Каренину.

О Священном Писании христиане говорят как о Богодухновенном, то есть, что его текст написан человеком по внушению Святого духа, так сказать, под диктовку. И я думаю, что это первая аксиома, от которой надо отталкиваться в собеседовании христиан и не христиан.

Если один из собеседников не сомневается, что его главная книга содержит всю истину, только истину и ничего кроме истины, и что ее не только не надо доказывать, но и невозможно доказывать, а подвергать ее сомнению – уже преступление, то дальше не стоит ни о чем спорить.

Уже после этого в споре содержится, что одни из нас христиане, то есть люди, следующие за Христом, Сыном Божиим, а другие – нехристи, сторонники нечистой силы, слуги дьявола, его пособники... а, может быть, их устами даже говорит сам дьявол, как сказал про меня моей миленькой священник, велевший ей со мной больше не встречаться. А она не могла усомниться в том, что он не прав, потому что он – служитель церкви, которую установил Христос, Сын Божий, а я кто? Да, кто же я?

Когда начиналось в 70-м году следствие по обвинению меня в клеветнических измышлениях, направленных против советской власти, то оно исходило из того, что я – враг народа. Потом почему-то было решено, что я – душевно больной, и хотя злобно клевету на советскую власть, утверждая, что при ней нет свободы слова (и судили меня именно за эту клевету), но не отдаю сам отчета в своей клевете, посему меня следует содержать не в обычной тюрьме, а в специальном тюремном сумасшедшем доме.

Где меня следует содержать, исходя из того, что в меня вселился дьявол, священник не уточнял. (Да, а как мне доказать, что во мне дьявола нет? Священнику не надо было доказывать, что дьявол в меня вселился, ибо я отрицал богодухновенность Писания, и этого было достаточно для его умозаключения.) (Кстати, сегодня, после нескольких десятилетий, освещающих теорию и практику сталинского социализма, очевидно, что в так называемый советский народ несомненно вселялся Дьявол, даже с большой буквы, а не с маленькой – но могли мы тогда об этом говорить? Вот и теперь, попробуй сказать, что во многих священниках обитают мелкие бесы – суеверия, самомнения, лицемерия, тщеславия, поверят ли нам прихожанки, для которых церковь и Христос одно?)

Но вернемся к *вдохновению* и *богодухновенности*. Что Писание является Истиной, что оно богодухновенно (и именно поэтому является истиной), не может являться аксиомой, верующие других церквей считают богодухновенными свои Писания, для марксистов истина содержится в Капитале, для мусульман – в Коране, для иудеев – в Библии (то есть в Ветхом завете, который и является Библией).

Кто во что верит, тот то и считает *Богодухновенным*. И только человек культуры переживает явления культуры не в бреде, а в созерцании, восхищении, понимании, и хотя не сомневается, что они созданы человеком, тем или иным (Пушкиным, Толстым, Гете или Гюго), но знает несомненно, что созданы они в состоянии **вдохновения** (которое он и сам переживает неоднократно, тогда ли, когда созидает, когда восхищается чужим, когда испытывает любовь, когда созерцает прекрасное в природе).

Вдохновение испытывал и апостол Павел, и Лев Толстой, и каждый из них велик по своему и неправ по своему. Павел неправ, когда посчитал эллинское искусство результатом воздействия бесовских сил, Толстой неправ, когда свел искусство к смешной теории «заражения», то есть *сопереживания*, возникающего у слушателя, зрителя, читателя под воздействием художественного произведения (особенно часто такое сопереживание возникает у зрителей сериалов, у слушателей массмузыки).

Если исходить из богодухновенности Священного Писания, то все, что бы ни утверждали затем его последователи (а они часто утверждают взаимоотрицающие вещи, почему часто и сжигают друг друга) отвергать невозможно. И разговор на этом следует прекратить и разойтись по своим тюремным камерам.

Но предположим, что найдется христианин, не настаивающий на непогрешимости апостолов и евангелистов и отцов церкви и на осенении Библии Создателем неба и земли – да, вот с ним можно поговорить. А в крайнем случае, если собеседника совсем не найдется, продолжу разговор с самим собою, как с *бывшим* христианином.

Итак, Книга моя – Дневник – то есть заведомо разговор с самим собою или с воображаемым собеседником, мало от меня отличающимся.

Цель книги – «выяснить отношения», понять человека, нашего Истину в Библии и комментариях к ней (включая церковную проповедь), но не отрекшегося еще от жизни, истории, народа и культуры (а подлинный христианин самодостаточен только в церкви, все остальное для него лишь некоторый фон его действительности... если же и жизнь и культура его наполняют тоже, как и меня, то – нас, по существу ничего и не разделяет, он такой же, как я, но кроме нашего общего еще ходит по воскресеньям на философские встречи, как и я хожу, только вместо Киреевского, Достоевского и Розанова обсуждает Паскаля, Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадтского.)

Итак, цель моей книги – понять христианина, нашего Истину в Библии и комментариях к ней настолько, что он выкидывает на помойку Пушкина, читает с придыханием преподобного Игнатия и «Старца Силуана», но еще способен разговаривать с теми, кто не растворился в Библии.

Не знаю, способен ли он понять меня, но мне его хочется понять.

Зачем?

Прежде всего затем, чтобы понять, куда от меня ушла моя миленькая.

Во-вторых, я хочу понять мир человека, живущего без культуры, без романсов, театра, любви к женщине, зодчества, музыки, книг, науки и философии – но все же не одною обыденностью, все же читающего Библию, и мечтающего о другом Бытии, в котором он встретится с Богом.

### 5. Миф и Культура

Большинство христиан, конечно, совершенно меня не понимает: о какой трансцендентной пропасти между мифом и культурой я толкую? Они тоже ходят на работу, в гости, иногда выпивают, женятся и разводятся, заводят любовниц (понимая, что никто из нас не без греха, или даже вовсе об этом не думая), ходят в театр, на концерты, читают книги... а помимо этого еще **заходят** в храм, ставят свечку, слушают службу (это не часто, а потому и не обременительно), причащаются, иногда исповедуются, отмечают церковные праздники, отчасти постятся, **не** говорят постоянно "с богом", "если на то будет воля божия", не закатывают глаза ввысь и не опускают скорбно голову долу, смеются как все, не догадываясь, что это грех, лечатся как все, не уповая на Бога и не молясь об исцелении при гриппе и ангине, пишут книги, размышляют о политике и улучшении жизни и мира, не помышляя о том, что это относится к ведению Бога, а наше дело спасать душу и готовиться к смерти, **не** любят *ближних* (то есть, бывают милосердны, заботятся о **близких**, их и любят – родных и друзей, помогают при случае и дальним, даже кидают копейчку просящим... вот таким был и я несколько десятилетий **между** моим христианством по Кьеркегору, которое продолжалось около года, постепенно остывая, и моим теперешним **нехристианством** (не путайте с атеизмом и богоборчеством, с ними мне еще менее по пути)...

Я принадлежу Культуре и жизни, то есть выпиваю (хотя уже совсем умалюсь, потому что и денег нет уже до крайности, и здоровья нет еще больше), хожу в баню (но тоже завязываю и с баней), даже влюбился (но "одни страдания от той любви"), пишу книги и читаю их... Культуре принадлежат и те **полухристиане**, которые составляют по крайней мере половину всех христиан, скажут они – но они **оправдываются** (бессознательно или осознанно, как Н.И.) перед религией в том, что не растворяются в ней до конца, что еще держат на одной полке Пушкина с Игнатием Брянчаниновым.

Меня, во-первых, унижает и оскорбляет эта необходимость оправдываться, это приниженное стояние культуры на коленях перед Мифом.

Читатель, ты не помнишь, как марксисты объявили, что *марксизм верен, потому что истинен* (или наоборот)? И что наука свидетельствует истинность марксизма? Вот так же миф утверждает как основной догмат своего существования, что Истина только внутри Мифа и что Бог с ними и свидетельствует в их пользу. Но какой миф? У мусульман свой Бог, у христиан свой, у иудеев свой, даже у буддистов свой собственный, и у социалистов, и нет ли бога и у конфуцианцев?

Кто-то ехидно мне скажет, что не хочу ли я выставить свое особенное учение о божестве вместо христианства? Нет.

И вот теперь уместно рассмотреть значение религиозности в творчестве, значение мифа и Бога в культуре. Что Вяземский в Бога не верил, что Ломоносов, Державин, Карамзин были не более религиозны, чем я, что Екатерина Великая была безбожницей и вольтерьянкой, очевидно. Был ли религиозен Пушкин? Входила ли христианская церковность в его творчество?

В культуре Бог несомненно присутствует, как и язычество, как земля и небо, как и любовь, страстная и бесстрастная, как святые и богохульники, кроткие, боязливые и бесстыдные, злые и добрые, в культуре есть даже Фауст и Мефистофель (и не такой уж ужасный дьявол, как о том твердит христианство, но ведь не выкидывают они сочинения Гете на помойку?!)

Теперь вспомним разбор Филаретом, митрополитом московским, стихотворения Пушкина «*Дар бесценный, дар случайный – Жизнь, зачем ты мне дана?*» Вообразим, что при том же самом таланте Пушкин становится Филаретом, чувствует и мыслит как он, а, следовательно, и пишет в соответствии с таковыми мыслями и чувствами, и культура и философия становятся христианскими. Смогли ли бы мы, читатели Пушкина, Державина, Лермонтова, Гете и Бальзака, Достоевского и Вольтера, Толстого и Тургенева, Гюго и Аристотеля, Марка Аврелия и Аристофана – читать такие книги? Мои бывшие знакомые, пламенные комсомолки, ставшие ревностными христианками и на ночь со слезой читающие Игнатия Брянчанинова – смогли бы выжить на одной такой духовной пище, без Моцарта, Чайковского, Скрябина, Шостаковича (не могу перечислить всех)?

Культура не безрелигиозна, она соединяет в себе и землю и небо, только она и оправдывает человека и мир, в котором он живет, только культура человечна, а **миф** божественен, потому бесчеловечен. Произведения искусства созданы людьми культуры, христиане ничего не могли создать и не создали.

Необходимо особенное гармоническое соединение таланта, вкуса, языка, образованности, вдохновения, глубины, чтобы появились Евгений Онегин и Анна Каренина, Борис Годунов (как поэтическая и музыкальная драма) и русский романс. Монах бесплотен и безроден, и христианский Бог таков же, и хотя христианство волей неволей приспособилось к культуре, но внутренне оно противостоит ей. По хулигански я скажу, что культура стремится обладать женщиной, а миф стремится к иссушению и умерщвлению плоти, и своей и женской.

Культура с плотью (как и человек), религия без плоти (как ангелы и бесы).

Дух и душа, казалось бы, должны бы сближать культуру и миф – но христианские проповедники ополчились даже на душу и на все то, что связывает душу с миром. Приемлемо только духовное. А оно существует ли само по себе? И я рассуждаю до обморока (уже и самому себе надоел) о безжизненности *любви к ближнему* (потому что она противостоит не только любви к женщине, но и **народности**). Христианская церковь даже на «Поле Куликово» отрекалась благословить князя Дмитрия – близко ли христианство не только человеку, но и народу? Близко ли оно не только балету и опере, драме и книге, но и русскому делу, России как явлению бытия и истории?

Нет, не близко. Более того, христианство ненавидит и человека и народ (именно в их подлинности, а не в их предполагаемой потусторонности, здесь, а не там). Христианство отвергает Пушкина с его стихами, с его Анной, с его детьми, тщеславием, честолюбием, с его картежной игрой, дружбой со многими беспутными людьми (Чаадаевым, Кюхельбекером, Пушным, Вяземским) – а что оно в нем принимает? Предсмертное смирение, то есть почти ничего из его жизни и творчества.

### 6. Спасение души

Является ли **спасение души** целью жизни? Может ли являться?

В начале своего собственного христианского ослепления я чувствовал так, что мы находимся в особенном обыденном состоянии, которое хотя и является бодрствованием, но отличается от подлинного состояния истины (которое мы называли вслед за Вадимом Саловым **Пробуждением**) так же, как сон отличается от бодрствования. Целью жизни являлось Пробуждение. Вероятно, должны были проснуться те части нашего Я, которых мы обычно или совсем не чувствуем, или только смутно. В пробуждении должен был измениться не только человек, но и мир, в котором он живет, должно было произойти нечто вроде того, что происходит в темноте, когда предметы почти невидимы, мир наполнен тенями, и вдруг возникает свет.

В непробужденном состоянии и душа существовала не так, как должно, она была погружена в грех, она была загрязнена, она была "под властью погибели" (в терминах христианского учения).

Но пробуждение не наступало, не наступало ни преобразование души, ни преобразование мира (а с пробуждением я связывал надежды не только на иное видение и чувствование мира, но и на иные отношения с ним, на приобретение тех мистических способностей, которые Христос обещал своим ученикам по вере, когда скажешь горе "иди" и она пойдет).

Идея пробуждения еще не совсем исчезла из души моей, еще я полагаю себя отчасти и мистиком, то есть человеком, надеющимся на сверхъестественные отношения с миром в особенном состоянии, но уныние более властвует надо мною, чем надежда.

Изменилось и отношение к спасению души.

Я истрепал свой эгоизм о камни трудной жизни, не только мучающей меня, но и поучающей. Я теперь гораздо больше жалею близких, чем в юности. К спасению ли собственной души надо стремиться или есть более важные цели? Например, культура. Россия. Помощь тем. Кого я люблю.

Влюбившись в мою миленькую, я сосредоточился на том, чтобы ей помочь, чтобы вернуть ей радость жизни, избавить ее от тоски и уныния, от отчаяния, чтобы **её спасти**. Идея спасения собственной души показалась мне вдруг такой ничтожной, столь вытекающей из эгоизма, из себялюбия, из самости, я вдруг так почувствовал высоту материнской любви, готовой пожертвовать собой для ребенка, что христианство словно бы истлело на мне и с его страхом наказания, и с его страхом Божиим, и с его желанием воскреснуть после смерти и блаженствовать в раю.

Грешник я или нет, мне уже стало скучно обсуждать. Как спасти Россию, что делать с культурой, которую наша олигархическая власть втаптывает в землю, как спасти русский народ, как помочь близким – вот что мне было важно. Христианству мои новые цели (которые, впрочем, были всегда со мною, с самого невинного детства) были чужды. А мне оказались чужды и антипатичны христианские цели с его тщеславным стремлением превратить человека в безвольный лист на древе Господнем, с его проповедью рабства, смирения, ненависти к здешнему миру и жизни только для мира того.

### 7. Как спасти мир?

Чтобы помочь России, культуре и человеку, надо было стать *лучше* и возвыситься. Для этого подвижники, желающие сподобиться милости божией, зовут в монастырь, в скит, в затвор, зовут отказаться от мира и *жить аки умереть*. Но я пришел помочь миру, а не Богу, у Бога гораздо больше возможностей помогать себе, чем у меня. Почему Бог безучастен к моим заботам, я не знаю, почему Бог решил, что мы кругом виноваты, что над нами довлеет первородный грех и именно поэтому ничто нас не может спасти кроме отказа от жизни и конца света, я не знаю. Но возможно, что дело в аксиомах. Они ведь не доказуемы. Христианин – это человек, кладущий в основание мировоззрения Идею первородного греха. Он начинает с веры в грех, в изначальную **вину** человека, а не с веры в Бога, и потом он верит именно в того Бога, который из этой идеи вырастает, и это даже не Бог Ветхого завета (хотя миф о первородном грехе изложен именно в нем), а Бог христианского мифа, Бог Нового Завета.

Я – не христианин. Чтобы спасти мир, я должен стать лучше, выше, умнее и талантливее, потому что хотя на мне и нет врожденной вины, но я человек природный, а одной природы недостаточно для спасения мира, я должен стать надприродным. Как это достигается, я не знаю, но уверен, что мучительством самого себя это не достижимо, что уйти жить и спать в мокрую пещеру не значит стать лучше.

И я понял, что надо продолжать жить, искать, писать книги, влюбляться, пытаться помочь тем, кто нуждается в помощи, например, детям из соседнего села, которым мы с женой носим мешки с детской одеждой, игрушками и книгами (и кстати, *дьявольское государство*, лишив меня пенсии, лишило детей книг, которые я обычно привозил им в конце апреля).

Стал ли я лучше, продолжая просто жить вместо того чтобы «жить аки умереть», как требует апостол Павел? Мне собственные слабости видимы (вот, например, я все еще выпиваю, хотя мне от выпивки плохо), но Манон время от времени мне говорит по тому или иному поводу «*Ты – лучший!*» (я ей тоже иногда помогаю, например, привез ей поесть, а то мы отвезли ее собаку к ветеринару, а то мы встретились, чтобы сидеть под деревом, и я погладил ее по попчке... правда, она не заметила моих ухаживаний)...

*27 марта, 14-12, воскресенье.* Каждый человек нуждается в деятельном одиночестве. Для меня оно будет состоять в перестройке бани на новом месте, когда я приеду в деревню, ближе к концу апреля.

Духом я пал, уже не верю, что чего-то добьюсь, что смогу снова увлечь мою милую, что она меня вдруг вспомнит и захочет со мною встретиться. Не верю, что мои книги окажутся нужны и я смогу ими привлечь внимание общества. Нет, вероятно, я так и умру, безвестный, отвергнутый, ненужный.

Но надо пытаться помочь семье, насколько мы с женой это еще в состоянии исполнить, и только для этого надо продолжать барахтаться в том болоте, куда нас с женой занесло... Есть ли смысл в писании книг, я уже не знаю, и книгу ли это я пишу, не знаю тоже...

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

### ОТЧАЯНЬЕ

*27 марта, 16-20.* Просматривал старую почту. Вот что она писала мне в апреле прошлого года: «Ты разрешишь мне хоть один раз встать перед тобой на колени?»

Родная моя, и я еще на тебя смею за что-то сердиться? Даже если ты и выдумала свою любовь ко мне, она и выдуманная невероятна, я тебя обожаю и всегда буду гордиться тем, что казался тебе необыкновенным. Прости меня, что я не смог таким и остаться в твоих глазах, что ты разочаровалась во мне.

*Полночь.* Ходили в гости к вдове покойного Ю.П., которому я сверстал и издал Словарь (600 страниц и 300 рисунков) и в твердом переплете. Разговаривали, выпили. Немножко и выпили-то... А чувствую я себя неважно. Да неважны еще и дела с издательством, долги и всякое, о чем не стоит говорить... Так я ли не "Иов много-страдальный", который "был человеком богобоязненным и благочестивым. Всею душой был предан Господу Богу и во всем поступал согласно Его воле?" – откуда только он знал волю Господа? – но и его Бог мучил и испытывал всячески, чего же тогда мне ожидать?

Впрочем, так ли уж я страдаю? Всегда ли? Чуть судьба придавила, я уже и жалуясь. Кстати, вчера сочинил несколько стихотворных строк:

Природа ль мне должна? Природе  
я должен? – я не знаю... Впрочем,  
Мы друг о друга перья точим,  
В писаньи книг и в огороде,  
Где я простой чернорабочий.  
Я то, во что вселился случай,  
Но жажду нисхождения чуда,  
Я вран, клюющий хлеб над кручей  
С краев клонящегося блюда.  
Я тот, с которым ты смеялась,  
Как в полусне смеются дети.  
Я майский дождь, июньский ветер,  
Я оправданье, нежность, жалость.  
Когда закат пробрызнет вечер,  
Ты вспомнишь все, что с нами было.  
Я тот, кого ты так любила,  
Кому смеяться больше нечем.

*28 марта, 10-17.* Ночь была ужасной, брюхо болело и заболела душа, и я уже чувствовал, что смерть меня уговаривает не сопротивляться неизбежному. Это болезнь души, это депрессия, то есть отчаянье, умноженное на бессилие. И все же так многое еще от меня зависит в моем окружении, что я должен сопротивляться падению.

А утром случилось три чуда. Позвонил незнакомый, оказывается, он *читает*; оказывается, он *читает* изданный мною журнал «Русские страницы»; оказывается, ему *понравилось то, что он читает*.

21-43. Ездил «на заработки», издаю для знакомых книжку, накормили ужином и выпил две рюмки хорошей водки. Посмотрим, как буду чувствовать себя ночью и утром. Но мне кажется, что проблемы в диете, помимо молочного, нельзя есть и мясо. Посмотрим... (Возможно, дело все в том, что *нельзя есть!*)

«Чтения» отправил на печать. Многое в них вызывает мои возражения, но не буду же я оспаривать всю книгу, написанную талантливым человеком! Однако, несколько возражений своих все же приведу.

«Мир, из которого "боги удалились", для житья непригоден. Мир без Бога воистину пошл, вернее сказать – пошл его обитатель, завистливый, суевливый средний европеец, устраивающийся в Божьем мире на началах равенства, братства и свободы. ("Свобода" в этой популярной триаде и означает жизненное устройство без Бога и без Царя.)»

Но боги существуют не только в христианстве, они есть и у иудеев и у мусульман, есть боги и у человека культуры, а я так считаю, что только у него они и есть существенно, не неподвижное изваяние древнего иудейского текста, а живой бог, которого европейский человек постигает в культуре в целом, через музыку, литературу, да в том числе и через науку.

И пошл гораздо более *человек фанатической и фантастической веры*, к которому являются бесы в образе обнаженных девушек, когда он вознамеривается о женщинах больше не думать и их не желать. Когда он ради этого "умерщвляет" свою ни в чем не повинную плоть и изъязвляет ее, морит ее то голодом, то жаждой, а то непосильной молитвой (благо бы трудом для своей семьи и близких или хотя бы для собственной пользы?!)

Православный христианин далее пишет: «Сегодня, как и в 1698 году, Россия опять застыла над бездной. Как и в 1698 году, под угрозой находится сегодня физическое существование России.»

Но зачем это пишет православный христианин, когда у него есть Заповеди Моисеевы, в которых перечисляется, чем необходимо озаботиться праведному человеку, к чему стремиться и чего избегать. И кратко их повторил Иисус Христос, сведя их до двух: *возлюбить Бога*, всем естеством, душою и помышлением, и *возлюбить ближнего своего* – заповедей любить Родину и защищать ее нет. Нет заповеди любви к культуре своего народа, любви к его языку (без которого и Священное Писание не прочтешь и не усвоить). А разве без Культуры (не ограничивающейся только священным Писанием) существует народ и можно ли любить его, не знающего своих преданий и своего языка?). Христианин размышляет о вере в Бога, о любви к нему, о праведной жизни, то есть о *послушании и смирении* (к чему и сводится его праведная жизнь). Или его вера позволит ему создавать нелегальные союзы, воздвигать баррикады, участвовать в политической борьбе, свергать правительство, и даже воевать за освобождение России от оккупантов? Нет, оккупанты по грехам нашим, и надо только слушаться батюшку, остальное приложится...

## 2. В чем же следует изменить свою жизнь и самого себя?

29 марта, вторник, 9-54. Если невозможно **не пить** совсем (не из-за себя даже, а в гостях, при встрече, при празднике, потому что полное воздержание затрудняет общение), то надо ограничиться одной рюмкой. От нее сердце и брюхо заболеть еще не успеют, и общество не заметит, что кто-то один из него выделяется. Две рюмки уже подавляют сознание, я чувствую, что меня словно бы что-то стискивает, мне **плохо**, по крайней мере не так хорошо, как обычно (как бывает сыро, зябко, холодно или слишком жарко). Вот и теперь: что-то мне мешает, давит на сердце, пульс немного частит, "неуютно", утомительно, что ли?

От лени освободиться труднее, работаю меньше, чем мог бы, часто неохота, не лежит душа... Но, может быть, с отрезвлением и работоспособность усилится?

В февраля я попытался жить, составляя планы на каждый день, на один только день план и составил. Немного его поправлю, и он же годится сегодня.

1. Написать несколько замечаний в дневник 2. Набрать стихи для Изд-ва 3. Сделать гимнастику и пообедать 4. Отредактировать книжку для Н.В. и распечатать 5. Отсканировать, составить и распечатать брошюру для Н.В. 6. Съездить в университет на концерт 7. Составить список дел на завтра, подготовить бумаги и банковскую карту

Следовательно, изменение и себя и жизни именно в этом – **впредь совсем не пить** (*оставление одной рюмки* – это не лазейка для питья, а практический способ и в самом деле больше не загружать свое сердце и душу алкоголем). Но буду теперь, составляя перед сном планы на следующий день, об этом отчитываться, и тогда и сам увижу, и читатель тоже, вру ли я или говорю правду. Апатия же и лень должны хоть немного уменьшиться как следствие новой **легкости**.

Надеюсь, уменьшатся отчаянье и депрессия (как болезненное состояние). Жизнь должна стать более деятельной и более действенной. Быть может, я еще смогу помочь и семье и самому себе.

## 3. А любовь?

Если бы она меня любила, то никакой батюшка за три дня не уничтожил ее любовь ко мне. Следовательно, она меня не любила, огляделась, вспомнилась, сказала себе, что это глупости, и отряхнула сию придуманную любовь как крошки со скагерти. А что не захотела со мной попрощаться, не испытала жалости и сожаления – именно поэтому же, и вместе с сознанием придуманности любви исчезли и симпатия, и сострадание. Я вдруг стал ей чужой, ненужный, даже вызывающий раздражение.

И что же мне делать?

Пока ничего не буду делать, а в мае, быть может, или уговорю Манон с нею встретиться и описать мне, что с нею, или встречусь сам, подкараулив ее после работы. Продолжу жить, что-то делать для издательства (пока оно существует), пытаться выпустить свои журналы, по мелочам зарабатывать деньги на жизнь, как сумею.

Сочинил несколько стихов. Вот мартовское.

Подморозило. В июле  
 Будет жарко. Счастья нет.  
 Ныне даже в теле пули  
 Как хотят петляют след.  
 Так что сон – одна отрада.  
 Но ОНА и там грустит,  
 Мне, увы, совсем не рада,  
 Грезит, бодрствует ли, спит...  
 И в стихах приют не прочен -  
 не закроешься на ключ!  
 То ли счет слогов не точен,  
 то ли ветер мимо туч...

Итак, будут эти записки отчасти Дневником, отчасти записками философскими, если их идея выкристаллизуется.

Буду записывать замечания и возражения, но надеюсь, что проступит некий план Сочинения, и я его буду писать как определенную книгу.

А одновременно буду жить и работать для общественных надобностей и для семейной пользы.

#### 4. Заметки и возражения

«Все согрешили» – значит, спросить не с кого. «Все виноваты» – значит, никто не виноват.

А я уже запутался, слова ли это Н.И. из его книги, или мои возражения?

«Легко отрицать человеческую культуру в ее исторически сложившихся формах. Легко противопоставлять этим формам (несовершенным, как все земное) свои фантазии на тему «новой земли и нового неба», свою безответственную болтовню. Неимоверно трудно вложить в сокровищницу национальной культуры один-единственный новый грош.»

Кажется, это говорит Н.И. – но словно бы это мои сокровенные мысли – так что же он все подминает и подминает культуру под пресс еврейского пустынного Бога и под миф, ненавидящий культуру?

«Не надо думать, что в Православном царстве исчезают несправедливость, нищета, болезни – все это остается, но осмыляется по-другому и нередко принимается с благодарностью. Православное царство – это государство, в котором правильно славят Бога. **Находясь на такой высоте, трудно интересоваться еще чем-либо всерьез.»**

Высота ли это или те горные скалы, на которых ничего не растет и где жить нельзя, и куда лезть, во-первых, бессмысленно, во-вторых, преступно, потому что означает выкинуть жизнь, данную как благо для многого – во имя чего? Во имя НИЧТО.

Итак, прощаюсь с этими страницами, попробую теперь писать о разном, хотя, вероятно, отстать от воспоминаний о ней невозможно ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*ЛЮБОВЬ, РАЗДЕЛЯЮЩАЯ МИР*



## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

### **ЧТО НАДО ИЗМЕНИТЬ?**

#### *1. Автор как читатель и собеседник*

*29 марта, вторник, 18-10.* Еду в университет на концерт, пройду от Адмиралтейской пешком. Мне несколько получше, днем спал, но развлекаться ленью некогда: 1. надо подготовить НВ, 2. брошюру ..., 3. набрать стихи, 4. составить Проект для Н.И., 5. подготовить документы для Пенсионного фонда, 6. Проект «Русских страниц», 7. Проект «журнала литературной и философской критики», 8. Статью о кино...

Теперь ленью и дурью маяться некогда, работы очень много. Надо воскреснуть в буквальном смысле слова, стать деятельным и жизнерадостным.

Любовь... Даже какую-нибудь фантастическую коллизию представить я не могу – неожиданное письмо, желание встретиться, пробуждение, выздоровление – все кажется невероятным, более вероятно, что я приду летом к Анне, и она меня прогонит. А к ласточке мне некуда придти.

Итак, надо смириться – но только не в христианском духе умиленного и восторженного коленопреклонения и счастья быть листком на дереве Господнем, смириться, как смиряемся мы со смертью, без радости и благословения.

Ненавистно мне их благостное смирение, их жажда отказаться от воли и деятельности, их лицемерное превознесение воли господней – как будто Господь каждое утро сообщает им свою волю... или воля священника, монастырского начальника, старца – это и есть воля их Бога?

Ласточка моя думает именно так. Но пора мне уже отлепиться от нее, отпустить ее на волю, не думать о ней перед сном, не думать, когда пишу Записки, не думать, когда мне грустно, ... не думать... Ничего я уже не придумую, ничего не изменю.

Я решил, что представляю собою нечто значительное, что она мне дана свыше неспроста... и не дана она мне, и я ничего собою не представляю.

И книги мои никто не прочтет, и известности и признания не будет...

Слушали Шуберта «Трио» и Брамса «Квинтет». Шуберта слушал я вполуха, но Брамс меня вознес на вершину, иногда мне казалось, что еще стоит бороться с судьбой.

#### *2. Есть ли смысл в творчестве?*

*21-35.* Едем из университета. Думаю о своих книгах. Я надеялся что-то понять, что-то объяснить читателям. Что я сегодня знаю сверх того, что знал в 96-м году, двадцать лет назад, когда начинал писать «Жизнь на краю»? Тогда я думал, что жизнь мне дана для узнавания многого, что не известно другим, что я избранный. Теперь я вижу, что все, что я написал, написано только обо мне, ничего существенного о мире я не узнал.

Если я проживу еще несколько лет, смогу ли я написать нечто новое, изменить вектор своей литературы, стать значительнее и интереснее? Становилось ли я глубже в стесняющих объятиях жизни, как в последние семь месяцев – её разлюбление, холодность Анны, болезнь, тупые денежные невзгоды?

Но каков смысл культуры? Она развлекает, утешает, вдохновляет, укрепляет надежду... Но этого мало. Человеку необходимо на что-то опереться, его мучает и страшит сознание временности, страх смерти и ощущение непрочности бытия, не только ощущение конечности жизни, но ощущение ее бессмысленности вследствие конечности.

Чувство рода, сознание принадлежности к роду и народу, особенно сознание, что ты продолжишься в детях и в поколениях, утишает страх смерти и словно бы заменяет чувство исчезновения, обесмысливающее твое дело, дело твоей жизни, на чувство продолжения в родовом дереве.

Но это чувство подобно иллюзии вечности, оно не отменяет сознание временности, необходимо что-то еще, что дополняет личность, расширяет ее. Дополнением личности является всякая сверхценная идея, действительная или мнимая, но растворяющая в себе личное, превосмогающая личное, возвышающаяся над нею. Сверхценной идеей является идея Бога, по отношению к которому личность словно бы часть Божества, всемирная идея Народа, справедливости, царствия божия на земле. Все, чему человек готов собою пожертвовать, расширяет личность и преодолевает безотрадное чувство ее временности.

Но такова в еще большей степени Любовь к женщине или к детям, или любовь к семье. Вера не случайно видит в любви свою соперницу, и поэтому противостоит ей, подменяет ее суррогатом любви к ближнему, любви к Богу. Но сверхценная идея, вытекающая из идеи Рода, не противоречит Любви, а дополняет ее, таково Творчество, такова деятельность по преобразению жизни и мира. Я нахожу себя в литературе и философии, но любовь помогает мне, придает силу, укрепляет надежду, наполняет творчество жизнью и вдохновением. Как с любовью связана Истина? Быть может, Любовь и есть истина. Или Любовь – это путь к истине, так что истина является завершением любви, раскрытием ее сакрального содержания.

Но тогда и творчество обретает свой смысл в любви.

### ***3. Есть ли смысл в жизни?***

***30 марта, среда, после полуночи.*** Но отчаяние приходит ко мне даже днем, и тогда я думаю о смерти, думаю, что если бы не надо было жить для того, чтобы поддерживать семью на плаву, то можно было бы и умереть, и даже сочиняю фантастические проекты завершения жизни... Но надо преодолевать это чувство, и эти глупые фантазии. Разгорается весна, скоро я буду в деревне, деревенская работа поможет преодолеть уныние.

И довольно даже писать об этих глупостях.

***31 марта, четверг, утро.*** На вопрос, что такое жизнь, отвечать не стоит, и задавать его тоже – ну, жизнь – это все, что с нами происходит, что мы мыслим, чувствуем, эпоха, в которой живем, и мир, частью которого являемся; к жизни относится и то, что несколько выходит за ее пределы, то есть история (следовательно, отчасти и те эпохи, в которых мы не существуем, например, девятнадцатое столетие, в культуру которого мы погружены), и сама культура в широком смысле этого слова, включающая язык, предания, науку и религию, включая культуру Европы и отчасти всемирную культуру...

К жизни относятся Причины, побуждения и желания; мотивы поступков; давление всего внешнего мира; наши чувства и состояния души и тела, важнейшей частью жизни являются убеждения, мировоззрение в целом, надежда, отчаянье, вера и неверие, любовь и ненависть, и даже апостол Павел, убеждающий НЕ жить (то есть **жить неотличимо от смерти**), сравнивая надежду, веру и любовь, говорит, что любовь из них больше (хотя, правда, имеет в виду не любовь к народу, семье, миру и культуре, а безумную любовь к Богу).

[Он был примерным иудеем, преданным членом своего еврейского племени, евреем из евреев, как он пишет в послании к своим единоплеменникам, убеждая их последовать за Христом – тоже по воплощению евреем – но евреи за новою верою не пошли, и он постепенно отрекся от них – вместе с жизнью. Итак, в основе христианства немало личных трагедий, и сам Христос – личность трагическая, исследователи не решаются говорить о нем как о человеке, исследовать его жизнь и его собственные чувства – но он ведь не только Бог, но еще и человек, понять христианство, следовательно, невозможно без того, чтобы понять и в Христе и в Павле их человеческое, которое они, быть может, и отряхнули до конца, но которое было в них, и вначале только оно и было. И необходимы ли христианской вере слова Христа «Враги человеку домашние его» или это его собственная жизнь?]

[Как и у каждого из нас убеждения связаны с жизнью и с близкими нашими в наибольшей, вероятно, степени. Разве не готов и я воскликнуть о своих домашних то же, что и Христос, разве мои собственные разочарования и горести не связаны с ними в наибольшей степени? А ныне, этой зимой, открывшийся вдруг долг в 120 тысяч рублей – не из-за него ли я и болею? Но словно бы я чужой для семьи, никто не сочувствует моей боли, никто меня не жале, а в небольшой доле все ведут себя все так же беспечно, и вчера этот долг прибавился на шесть тысяч. Я думаю, где заработать хотя бы тысячу, как напечатать хотя бы четыре экземпляра своих книг (из-за тщеславия ли только, но нуждаюсь я в том, чтобы искать среди знакомых то одного то другого читателя), я убедил семейных не покупать якобы артезианскую воду, обходясь водопроводной, как было раньше, я не куплю себе (и им тоже) какую-нибудь булочку и сыра подороже, не говоря уж о том, что никогда не покупаю себе фруктов, не покупаю огурцов и помидоров в зимний сезон, колбасы или красной рыбы, не хожу к платным врачам, пытаюсь обойтись бесплатными (да, может быть, и к бесплатным ходить перестану) – и легкость, с которой выкидываются шесть тысяч, меня не только изумляет, но и ужасает. Почему же не думается обо мне? Только потому, что это *не мои деньги*? Но разве я сам к своим деньгам относился так, что это мои деньги, а не семейные? И все же, останавливаю я раскаляющееся негодование... Да уймись ты, обделенный муж и отец! А разве не получил ты с жизнью самый бесценный дар – способность любить? Разве ты отказался от этого дара даже ради безумной любви к погусторонней жизни и к «Князю мира того», то есть к Богу? Нет, близкие, даже со своими слабостями, тебе дороже всего. И не так уж велик долг, к следующему апрелю мы его выплатим, тем более что жену как будто бы оставляют на работе... Вот и надо молиться на нее, сдуть с нее пылинки, и перестать страдать излишне... страдая за дело...]

Вот и очевидно, что смысл жизни в любви! – разумеется, в самом широком смысле этого слова, включающем и любовь к Родине, миру, природе, женщине, семье, культуре, работе... А я просто устал...

Но «давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег» – то есть в деревню. И там я вдохну весенний воздух всей грудью и освобожусь от навязчивой тоски...

Кто из нас, троих, прав? Те ли, кто не находит ни в чем смысла жизни, разочарованы и пребывают в тоске, или даже и не хотят его искать, а живут как придется, часто даже довольны своей жизнью более, чем мы, ищущие, развлекаются, делают карьеру, ездят на пляжи Анталии, пьют сладкое вино, строят дачу, меняют автомобили и любовниц – то есть, отчаявшиеся заумными поисками или чающие повседневного довольства и его находящие?

Те ли, кто нашел смысл жизни в вере в Бога, или даже, как апостол Павел, согласился, что жизнь бессмысленна, и потому надо верить в Бога, отряхнув жизнь с сандалий своих и *жить аки умереть*; или хотя бы, не уподобившись схимникам и столпникам, жить все таки с Богом, по воле Бога, или по воле священника, не стремясь переделывать свою жизнь (кроме как веруя и отрекаясь всего того, что вне веры), не стремясь переделывать мир, даже, быть может, вовсе не стремясь ни к чему?

Те ли, кто ищет смысл жизни не в вере в Бога (даже, быть может, не отделяясь совсем от Бога, заходя в церковь, читая молитвы, но деятельную жизнь ставя выше деятельной веры), а в самой жизни и в том, что как будто не является частью житейского вещества (то есть происшествий, работы, повседневных стремлений), но изменяет жизнь, возвышает ее, наполняет ее светом и вдохновением – в любви, в творчестве, в "сверхценных идеях"?

Ищущие высокого – философы, писатели, ученые, революционеры, влюбленные, – в большинстве своем не счастливы, отдельным из них везет прославиться, сделать открытие, добиться взаимности – но большинство безвестны, книги их никто не издает и не читает, учебники и теоремы не знает, на баррикадах они погибают, или в тюрьме, или их выбрасывают на помойку жизни свои же соратники, а любимые уходят к другому...

Верующие... не знаю, более ли счастливы и они, чем мы, придавливают они живую жизнь камнем смертной веры, иссякает их энергия и творчество в молитве, в посте, в затворе и на камне. Некоторые из них достигают святости (обычно после мученической смерти), большинство просто тихо истлевают в монастыре, в домашнем смирении, в умалении. Правда, иные достигают успехов в карьере, подобной тем, что и светские люди, то есть становятся папами Римскими, патриархами, епископами, настоятелями монастырей, возглавляют церковные приходы, или становятся духовными писателями, как Игнатий Брянчанинов (но литература и культура не включают их в свое здание даже как "камень, отвергнутый строителями"), они скучны и не интересны и бессодержательны. Возможно, они ближе к Богу, чем Пушкин, Вяземский, Лермонтов и Толстой – но я не завидую и их Богу, окружил он себя людьми пустыми и скучными и незначительными, нет ни у кого из них той яркости, той силы, той выразительности, тех творческих результатов, что у талантливого писателя, философа, ученого.

#### 4. На что надеяться?

Если смысл жизни в творчестве, работе и любви, то хотя я и несчастный, и не сплю по ночам, стеноя от боли и думая о смерти, но не переменится моя жизнь к лучшему, если я вдруг снова *уверую*. Я ведь, как казалось, и верил в Бога, но жил все равно творчеством и любовью, поверить же настолько, чтобы "раствориться в гормонах счастья" – все равно что стать наркоманом, те тоже счастливы, пока растворены в гормонах.

Следовательно, безрадостный вывод состоит в том, что надо работать, томиться духовной жаждой, искать Истину (правда, уже не понимаю, какую именно), искать Откровение (то есть, надеяться на нечто, что изменит вдруг жизнь, понимание ее и восприятие мира, как изменила Савла встреча с Христом), продолжать писать книги и смутно надеяться, что удастся вдруг подняться в их писании **выше**, чем до сих пор. Поднявшись выше, изменившись (в смысле духовного Преображения), я, быть может, узнаю, что мне делать с моей любовью, как мне с нею встретиться и вернуть ко мне.

Но не значит ли это, что так как огняла её у меня вера в Бога, то мне нужно продолжить мой спор с их верой и их Богом? И противопоставить их Богу, который был сначала осмысленным, необходимым и величественным Богом еврейского народа, обещавшим им Спасение, но трансформировался в христианстве в страдающего Бога явной смерти и сомнительного воскресения, в Сына Божия или в учителя, противостоящего жизни – противопоставить все то, что укрепляет жизнь и возвышает ее, то есть Работу, Надежду, Любовь, Творчество и Преображение?!

Я на краю жизни, я никому не нужен, я не написал ничего воистину значительного, высокого, выдающегося – но вопреки всем неудачам, всем поражениям, вопреки тому, что и *она* меня оставила – продолжить писание, написать новую, подлинно выдающуюся Книгу, которая и на меня обратит внимание читателя, и *её* вернет!

А пока – делать то, что должно, что меня повергает в уныние, делать всю ту работу, которая меня задавила – всю ту мелкую, ненужную, бесполезную, тягостную... Это как мытье посуды, когда болен, и думаешь, что скоро умрешь; как мытье пола, как утреннее умывание, стирка, гимнастика... Умрешь или нет, еще до конца не известно, а посуда будет грязной...

Поэтому, надо разогреть обед, собрать в целое все то, что мне прислали для Журнала философской и литературной критики, распечатать текст, составить и распечатать План журнала... а времени осталось два часа с небольшим...

**31 марта, четверг, 17-47.** Еду на заседание Секции критики, какой-то эскиз журнала изготовил... Почему в юности житейские крушения хотя переживаются и остро, особенно несчастная любовь, но не появляется ощущения, что жизнь не сумеет эти крушения исправить? Не потому, что энергичнее, сильнее, а потому, что – всё впереди, инстинкт говорит, что жизнь непредсказуема, и все еще может случиться, даже и новая любовь. А теперь усталость довлеет, даже влюбляться заново неохота, даже угонительно мечтать. Не случится чудо, не придет на помощь случайность, будущее уже задано неотвратимо прошлым и настоящим, не будет ничего нового...

Паскаль в XVII веке написал об этом так: «Пусть сама пьеса [жизни] и хороша, но последний акт ...: две-три горсти земли на голову – и конец. ...».

Но православный философ Несмелов утешает: «...счастье для человека заключается в том, что никакое счастье на земле невозможно», – то есть зато счастье возможно в ином мире и надо стремиться за грань земного, в инобытие.

Только я почему-то этим не утешен...

К счастью, этому самонадеянному пренебрежению земным Паскаль опять возражает, говоря: «Человек не ангел и не животное, и несчастье его в том, что чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное ...».

И все же и Паскаль пишет, предавая и философию и науку, «в минуту озарения, перевернувшего его жизнь»: «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова. Не философов и ученых».

### **5. Превосходство Мифа перед Культурой**

Продолжая его мысль, Н. К. пишет:

«Платон изгоняет поэтов из идеального Государства. Поэзия социально тлетворна, так как через наше сопереживание подпитывает неблагородные эмоции и влечения души. (Здесь Платон в значительной степени предвосхищает учение Церкви о первородном грехе: интуиция и воображение художника суть «добродетели падшего естества» и сами по себе – сами из себя – не могут способствовать улучшению человеческой природы. Грязный стол не вытрешь дочиста грязной тряпкой).

Аристотель отвечает учением о трагическом катарсисе (очищении). «Трагедия есть подражание... через сострадание и страх приводящее к очищению». (Кажется, не все понимают, что тут речь идет об очищении души от аффектов, а не о просветлении или реабилитации самих аффектов).»

Не знаю, что и сказать... Что Платон мракобес, предлагавший цензуру еще для античной литературы и театра, известно – но надо ли восхищаться его мракобесием? Надо ли так унижать все человеческое, так презирать все, на чем человек вырос, что *впитывал с молоком матери*, что впитали и будущие пророки и священники, чтобы втапывать в ветхозаветную пыль все человеческое достояние, все, что человек измыслил, изобрел, открыл, написал, понял и почувствовал, словно бы человек НИЧЕГО не смог сам, он Буратино, выструганный из дерева, ВСЕ ИСТИНЫ даны ему только через Библию, и эллинский театр, эллинская поэзия и математика, география, медицина, гимнастика, физика и метафизика, ораторское искусство, великий язык, зодчество, пластические искусства, до которых и до сего дня не поднялся ни один народ в мире – все это ничтожно перед богодухновенной книгой, которой античность не знала, хотя и создала величайшую в мире культуру! Что Библия выше всей этой культуры, это даже не фанатическая вера, а фанатическое суеверие! И на чем основана аксиома, что существует только один Бог, «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова. Не философов и ученых»?

Она основана на том же, на чем и рассказ о рабочем (у Маяковского), который «был безграмотен, но слышал, как говорил Ленин, и знал всё!»

Мир многообразен, и культур в мире множество, не только к жителям Палестины приходил пророк, которого Его единоплеменники отвергли, но и в Азии пришел к «ближним» Будда, затем в Персии Зороастра, в Аравийской пустыне Магомет, а в новое время в Европе кто только не приходил?!

Я прохожу по улицам Петербурга и несомненно знаю, что они построены человеческим гением, но не святостью. Но и со святостью не так все просто. Сколько бы ни стремились ученики апостола Павла внушить нам мысль, что и *святость и спасение души даны только через веру*, но в это верится с большим трудом, чем даже в Бога, который существует не у одних христиан. Для меня несомненно, что всякая женщина, родившая ребенка во время войны и спасшая его от голода, холода и болезни, большая святая, чем бесплодная смоковница, стать которыми всякую женщину призывают христианские проповедники. И воин, погибший на «Безымянной высоте» для спасения Родины – большой святой, чем отшельник, спасавший только свою душу.

Взаимопонимание с христианами у человека культуры невозможно потому, что христиане уверены, что Библия ответила на все вопросы и объяснила всё, указала все пути, по которым следует идти человеку. Правда, позже и Н. К. спохватывается и говорит: ««Но ведь в ... мире, где все вопросы решены, все возражения предусмотрены, все дикое растения выполоты и распределены между амбаром и гербарием, ..., – живому человеку остается только стать во фрунт и медленно умирать от благоговения.»

Да и что был бы человек и чем была бы его вера без культуры? Даже у дикарей на островах Тихого океана была своя первобытная культура, и только этим они отличались от животных. Культура предшествует Богу.

### 6. Источники жизни

В чем же источники жизни?

Я уже начинаю думать, что моя привязанность к *ней* почти болезнь, что я не должен стремиться ее увидеть, узнать о ней правду, а тем более не должен пытаться снова стать ее другом. Станет ли она счастливее, если вернется?

Правда, не все измеряется счастьем. И верующие не всегда счастливее атеистов, но вера им дорога. Правда, иной скажет, что недопустимо сравнивать любовь к женщине и веру в Бога, что вера в Бога несомненно выше любви. Но так ли уж несомненно? Скажите это женщине, которая любит своего ребенка, скажите ей, что надо ей от него отказаться ради Бога, который превосходит все, даже саму Землю и саму жизнь?!

Но как есть «дурная бесконечность», так же есть множество таких же дурных богословских «истин», которые ничего не значат. Человеку даны еще прежде, чем вера, любовь и долг, даны совесть и ум, и жизнь строится на них.

Только тупой догматик верит, что все уже сказано в Библии или Коране, поэтому, дескать, книги Александрийской библиотеки либо бесполезны, либо вредны, и поэтому он сжигает эти книги. Но только ли по своей глупости? А не Христос ли сказал, что даже *кто не с Ним, тот против него?*

Но хватит спорить. Возможно, оправдано и новое исследование Нового Завета, а может быть, оно не нужно, а нужнее решить: помнить ли *её*, мечтать ли о встрече с нею, или надо ее забыть?

### 7. Невозможность обезличивания

*1 апреля, утро.* Был вчера в Союзе писателей, даже выступил. Разгорается весна, солнце все ярче и все дольше на небе, да, кажется, и Пушкин воскликнул уже «Да здравствует солнце, да скроется тьма!», но мракобесие разгорается еще ярче. Каждый русский только по православию русский, и писатели настоящие – только православные, а не настоящие – от дьявола. Наступают уже последние времена, и любовь разделится на православную и не православную, если не останется только любовь к Богу и еще к образу божьему в человеке (но не к человеку как таковому), то есть любовь к ближнему. Христос, впрочем, только эти две заповеди из ветхозаветных и повторил, следовательно, кто захочет любить женщину и рождать с ней детей, тот уже не сможет быть христианином, а принужден будет переходить в евреи (если евреям еще разрешат остаться).

Хватит нам морочить голову благословением брака, когда даже русским невозможно оставаться, не засвидетельствовав свое *православие* – мне, рожденному от самых подлинных русских, пращуров которых эту землю освоили, а казак Чернышев когда-то с Ермаком преумножил, а крестьянка, моя мать, заселяла и засекала, а мой отец даже полил своей кровью и удобрил косточками. Так что когда, православные, будете пить вино, не почувствуете ли вкуса крови моего отца, и вкушая хлеб, хотя бы не услышите запаха пота моих крестьянских предков? А отец мой и мать сначала были комсомольцами (как, вероятно, у нынешних подлинных рускоправославных их родители, если и не они сами), а потом, перед смертью, отец вступил в партию (таков был тогда обряд) и стоял за Родину до последней капли крови (надо бы только рускоправославным вспомнить, что, по слову апостола Павла, бывшего *"еврея из евреев"*, «*отныне несть ни еллина ни иудея, а есть только все и во всем Христос*»).

Всякий русский должен знать не только ветхозаветную историю, но и историю России. Восемнадцатое и девятнадцатое столетия, без которых мы бы не умели ни говорить, ни мыслить, ни писать, правда, еще робко говорит о русскости, жители империи делятся по вероисповеданиям, но не по народностям (впервые народность обрела свои права только в Триаде Уварова), и только литераторы заговорили о том, что они русские поэты и писатели, что они русские, национальность заменялась верой. По большей части каждый человек был иудеем или протестантом, православным или язычником, но не русским, поляком или калмыком. Империя была империей православного царя, но не империей русского народа (так и до сего дни).

Подмена православностью русскости выхолащивает, вытравливает национальное самосознание из русского человека.

Но то же было и в Европе, потом, в восемнадцатом столетии, национальное самосознание начинает пробуждаться, а сегодня оно вновь задавлено, особенно после дискредитации его гитлеризмом.

Выдающийся французский ученый семнадцатого столетия Блез Паскаль, рожденный французской философией, литературой и европейской наукой, всю жизнь раздирается между страстью к науке и страстью к христианскому Богу, пока христианский Бог его окончательно не побеждает. Изучив трактат

Янсения «О преобразовании внутреннего человека» с критикой стремления к «величию, знанию, удовольствию», в котором кроме «похоти плоти и похоти очей», обруганных апостолом Павлом, порицается и **«похоть знания»**, Блез Паскаль испытывает сомнения: не являются ли его научные изыскания греховным и богопротивным занятием? Дитя науки делает окончательный выбор: **«Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова. Не философов и ученых»**.

И кто-то еще надеется на примирение культуры и религии? Нет, их раздирает пропасть: **или культура, или религия**.

Вот поэтому рано еще мне ставить точку в моих сочинениях, посвященных моим собственным взаимоотношениям с христианством. Христианство украло у меня мою миленькую, оно ворует у нас подлинную любовь (оставляя постную водичку любви к ближнему), оно отбирает у нас семью, род, народ, "любовь к отеческим гробам" (ибо *пусть мертвые хоронят своих мертвецов*), оно объявило при самом своем рождении **крестовый поход против культуры** (в лице иудейских книжников) и этот поход продолжается до сего дни.

Следовательно, как было вчера уже сказано, невозможно быть русским писателем, объявляя себя писателем православным, как невозможно быть даже просто писателем, ибо это то же самое, что православная (социалистическая) таблица логарифмов (впрочем, если **знание** противно христианству, то и никакой христианской науки не может быть!

Увы, не смогу молчать. Пусть она не вернется ко мне, пусть никогда не полюбит, но хотя бы выслушала меня, прочитала. Даже книги писать противно христианскому духу (и в Истории Оптиной пустыни это показано резко, когда самого Историка сослали в Соловки за его историческую и писательскую дерзость), о какой литературной известности она дерзала мечтать? Как она только дерзнула книги писать вместо того, что молиться? Как дерзнула выйти замуж и родить, если само рождение заклеямено (первородным грехом)?

Если *она* и *по природе христианка*, а не только по безумному направлению скособоченных мыслей, то никто ее уже не спасет, она останется со священниками и с Богом, а мы все, писатели и поэты, живые мужчины и женщины, а не «аки во гробе» живущие, останемся в греховном проклятом мире, где правит дьявол. Ну, что же делать... Миф и страсть всегда побеждают творческое вдохновение и вдохновение любви. Властвуют в сердцах людей либо **страх божий** по Константину Леонтьеву, либо **половой инстинкт** по Шопенгауэру, либо **трансцендентная любовь** (у безумных романтиков) по Владимиру Соловьеву, чающая создания нового бесполого человека, либо **ненависть к любви между мужчиной и женщиной** у *подлинных христиан* по Кьеркегору. Живой человек, соединяющий в себе и физику и метафизику, и мир и небо, и сострадание и жажду – этот живой человек слишком многосторонен, широк, его надо *сuzить* (по выражению Достоевского), сделать партийным, православным, верноподданным, превратить в часть партийной *массы* или в лист на *древе господнем*. Я буду разгромлен в борьбе античеловеческого против человеческого, но я буду бороться за *неё*, и хотя бы на крышку моего гроба упадет ее слеза – это будет **моя победа!!!**

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

### О ЧЕМ И ЗАЧЕМ ПИСАТЬ?

#### 1. Дневник или книга?

*1 апреля, вторник, 16-08.* Начиная писать этот Текст как Дневник, я не имел намерения писать книгу, не имел цели и плана книги и, следовательно, прежде чем писать ее дальше, я должен ответить на несколько вопросов. Первое: пишу я только ли для себя, не имея в виду читателя, не имея в виду даже *ее*? Но **для себя** пишется только Дневник, даже письма, хотя они не являются книгой, пишутся **для кого-то**; и несмотря на то, что Пушкин о своем творчестве отзывался так: "Пишу для себя, а печатаю для денег" – он имел в виду нечто другое чем то, что я теперь обсуждаю. Если он писал в предположении, что это написанное будет напечатано, то он и писал не только для денег, но и для читателей. Правда, возможно, он хотел сказать, что его мало волнует мнение читателей, а только свое собственное: "ты им доволен ли, взыскательный художник?" – вот это и значит, что "пишу для себя".

Итак, от Дневника я отвлекся, теперь я пишу, надеясь как-то повлиять на обстоятельства, разъединившие нас, надеясь чуть-чуть и на то, что она мои писания прочитает. Следовательно, пишу я уже и для себя и для нее, отчасти, возможно, и для некоторых читателей. Следовательно, я начинаю писать книгу, план ее надо обдумать и точно сформулировать цель. С христианством я расхожусь, их воскресение после смерти и их смерть вместо жизни, их елей, смиренномудрие, тихость, благодать и кротость, сопряженные с угрозами адских мук, проклятиями в адрес инакомыслящих, пытки и костры, их своеобразная любовь, когда монах целует осужденного на костер и мажет ему голову маслом, чтоб лучше горело, их паутина, сотканная из противоречий – все это мне чуждо. Но важнее другое. Я ничем не могу помочь России, но я хотя бы мечтаю, что ей еще кто-то может помочь – но для этого нужно мировоззрение, ставящее во главу угла изменение мира. Россию надо очистить от скверны, надо исправить государство, восстановить его скрепы, изменить власть. Идеология, проповедующая смирение, так же опасна сегодня, как и во время войны, как во время атаки.

#### 2. Есть ли в христианстве радость?

*Полночь.* Возвращаемся из гостей, где пили вино и смеялись, от смеха нам становилось еще веселее и мы смеялись еще пуще, забывая, что смеяться грешно. «Взгляд легкомысленного Розанова на смех как на низшую категорию человеческой души – пишет Н. И. – парадоксальным образом совпадает со взглядом на смех значительной части православных христиан, людей по преимуществу ответственных и серьезных.

«Христос никогда не смеялся», – говорят они обычно.

... Христос действительно никогда не смеялся. Во всем Священном Писании присутствует одна-единственная шутка ... которую Бог сыграл со Своим пророком Ионой ... Одна шутка на тысячу двести страниц текста – это немного. ... Но все-таки она в Священном Писании присутствует.»

Но одна шутка (не располагающая, впрочем, к смеху, к тому же в Ветхом Завете, а не в Новом) не отменяет представление о христианстве как о суровом, мрачном, безрадостном воззрении на мир. В их мире не смеются даже дети. А после Воскресения не будет и детей, кому тогда смеяться?

Так что же предлагает Христос потом, после воскресения из смерти в новую жизнь, требуя теперь ухода от жизни словно бы в смерть, требуя взвалить на себя **крест**, облечься в крест и отринуть все естественное – отринуть любовь, детей, семью, привязанность к народу, литературу и драму, искусство и науку, даже повседневную работу и заботу по возможности почти отринуть: "не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам о себе позаботится!"? Но он сам вместе с учениками представляли собою, на взгляд правоверных иудеев, компанию бродячих проповедников, питающихся чем придется (иногда, правда, за счет чуда, только вряд ли правоверные этому верили). Все они были люди почти с обочины, рыбаки, торговцы, плотники или незаконнорожденные плотничьи дети, необразованные и малокультурные.

Даже на скоморохов и бродячую труппу фокусников они ходили мало, потому что и дети вокруг них почти никогда не собирались, и сами они не смеялись и не располагали к веселью. Мрачная компания, проповедующая скорый конец света и блаженство своим и пытки и казни чужим (то есть, не веровавшим).

**2 апреля, суббота, 9-22.** Но я зато представляю собою самонадеянного идиота, вчера в гостях пил вино и сверх того выпил 50 грамм водки, развеселившись. Естественно, вчерашнее веселье закончилось стенанием и слезами, сейчас еще еле живой. Сомнительно, чтобы мне удалось повлиять на обстоятельства моей жизни, не стоит надеяться, что и она затоскует обо мне, вряд ли даже вспомнит. И никакого влияния ни я ни моя книга не будут иметь на читателей (даже если они будут). В России один за другим прокатились океанские валы революций и войн, десятки миллионов жертв, снесены были все храмы, атеизм проник даже в костный мозг поколений – и вдруг, на наших глазах, выносят на помойку сочинения Пушкина, потому что батюшка не велел держать их на одной полке с Игнатием Брянчаниновым, и начинают жить не по своей воле, а «как батюшка скажет», веря в то, что его устами говорит Сам Бог. Следовательно, трансцендентно вхождение Мифов в историю и накаатывание новых валов ислама и христианства тоже трансцендентно и неотвратимо.

Поэтому писать нового «антихристианина» бесполезно, никого из убежденных разубедить не удастся, пусть это будет мой домашний своего рода Отчет об окончании моего бракоразводного процесса с христианством: наполовину дневник – наполовину философская книга. По большей части для себя самого я хочу ответить на несколько вопросов: что именно христианин находит в христианстве, почему ради него он готов оставить дом, семью, родину, даже жизнь, отказаться от любимого человека и от самой любви? И что ищет и находит в мире и своей жизни человек, не желающий раствориться в Мифе.

И некий хотя бы условный план такой книги я должен составить.

А пока попробую немного поспать, всю ночь проведя в "застенках"...

### 3. *Есть ли в творчестве радость?*

Возможно, писания мои отчасти подобны стенаниям. Но я не могу сказать, что "печатаю для денег", так как никто не покупает мои книги и я печатаю их от двух до четырех экземпляров; пишу я их для себя и для *нее* (она об этом еще не знает) и для двух трех читателей (но даже это их число уже сокращается). Итак, возможно, мои писания – форма стенаний. Сажу в уголке, приник к компьютеру, никому не мешаю, никто и не знает, что я слезы лью, мучаюсь и хриплю. Но продолжая писать заметки, стихи писать прекращаю. Стихосложение отнимает больше времени, чем проза, и уже вижу, что никаких значительных результатов в нем я уже не достигну.

Пишу, к сожалению, однообразно, об этом сказано у Н. И., по поводу толстовского слишком обширного творчества, так:

«Девяносто томов Полного собрания сочинений норовят жизнь у читателя отобрать – замкнуть на себя, привязать к миллиону слов и к восьми пудам бумаги. 90 томов высокохудожественного текста, создававшегося гениальным писателем изо дня в день на протяжении 60-ти лет, требуют такого читателя, который будет 60 лет изучать и постигать это богатство. ...

... 90 томов не могут войти полностью в культурный обиход, **в них количественно слишком много ума и таланта, качественно однородного.** ... [читатели или жизненные обстоятельства] – палочки Коха, героические чекисты, тегеранские обыватели – сами сократят Полное собрание сочинений до удобоприемлемого формата ...»

Поэтому... что-то надо изменить в моей творческой жизни. Написанное переписать так, чтобы два тома сокращались до одного, я не сумею, уже пробовал – ничего не получилось. Следовательно, часть книг надо просто выбросить. А к тому, что пишу, надо подойти по новому: перестать стенать и написать Книгу, сжимающую разреженный поток моей жизни: происшествий, чувств и мыслей – до формата одной книги.

Верну ли её, напишу ли такую книгу, стану ли известным – пытаюсь не расстаться с последними надеждами, скажу, что не знаю. Если бы решился быть откровенным в разговоре с собою, то сказал бы, что закончится моя жизнь почти так же, как начиналась, то есть среди тающего снега в ожидании поляны с цветами... Но успею ли я ее дождаться?

### 4. *Культура и религия*

Есть ли в любви радость, есть ли в творчестве радость... да и в самой жизни? Бывает безрадостная любовь (хотя все же она должна преобразовать человека, должен же он переживать состояние любви, которое возносит человека – а в этом состоянии несомненно присутствует радость; бывает безрадостная жизнь, часто и творчество мучительно... но должно и такое творчество хоть и изредка приносить удовлетворение, и следовательно радость. Но влюбляемся мы часто случайно, не успев задуматься, с какой целью, и какая уж любовь выпадет нам на долю, не всегда зависит от нас.

Но теперь я попытаюсь рассмотреть не отношения религии к жизни, а отношения ее с культурой. Обычно эта проблема формулируется так:

существуют ли они, что из них доминирует, если сосуществование между ними возможно, а если религия не содержит в себе тех начал, которые способны ее с культурой хоть как-то примирять, то что делать культуре?

На последний вопрос ответить легче: агрессивные идеи и объединения, объявляющие войну человеку или группе людей, войну на уничтожение – необходимо победить и запретить их распространение, так запрещено преследование, имеющее целью уничтожение или порабощение одних рас другими по приговору Нюрнбергского трибунала, преследование одних народов другими, пропаганда превосходства одних рас и народов над другими. Сложнее обстоит дело с социальными группами, их взаимоотношения регулируются внутренними законами государств, совсем недавно в России и в других странах существовало рабство, в России и сегодня несправны и унижены многие группы людей, например, неоправданно чрезмерно несправны осужденные за политические и уголовные преступления.

Пропаганда и утверждение превосходства христиан над иноверными или инаковерными или атеистами должна быть запрещена, привилегии одних перед другими отменены. Помимо этого, культурный и воспитанный и благонамеренный человек, язычник, христианин, буддист, исламист или атеист не должен в обществе или во взаимоотношениях с другими показывать свое превосходство, например, христианина над "нехристом", равно как в литературе. Даже коммунисты, сколько бы нам они уже ни надоели, не заслуживают того, чтобы их обзывать "коммуняками".

Культура противостоит религии не тем, что религиозные люди поклоняются Богу, а у человека культуры его нет, что будто бы культура сплошь безбожна – нет, Паскаль выразил их различие краткой формулой: «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова. Не философов и ученых». Отсюда следует, что Паскаль точно знал, что у философов и ученых тоже есть Бог, но он их Богу предпочел еврейского Бога ветхозаветного мифа, Гомеру предпочел Авраама, Евклиду Исаака, Еврипиду Иакова. Прочих ученых и писателей, составляющих гордость народов, в том числе и себя самого, он вовсе посчитал не стоящими внимания. А его слово авторитетно, на Паскаля ссылаются и его цитируют те, кто стремится умалить культуру и возвеличить религию.

Но почему стоит ссылаться на Паскаля, чем он авторитетен? Тем, что он великий писатель и ученый. И Паскаль бросает бога ученых в пыль и грязь дороги, по которой мчится колесница богоугодного прародителя Авраама.

Вдоль этой дороги должны быть авторитетны отшельники, праведники, святые; угодники и послушники, страстотерпцы и божьи избранники, хотя бы из блудниц и *нищих духом*. Но не авторитетны вдоль нее ни Паскаль, ни Лейбниц, ни Ньютон, ни Ломоносов и Пушкин, ни Екатерина Великая, ни Суворов, ни Колчак. Ни в одном священном тексте, ни в одном богословском труде не сказано: слушайте Евклида, он доказал самую красивую математическую теорему о бесконечности количества простых чисел, которая высказывается всего лишь одной законченной фразой. Да и не будет такого сказано, потому что Миф противостоит Культуре, он на нее давит, он с нею борется, он великих творцов стремится унижить, растлить, призывает отречься от культуры, и удовлетворенно потирает руки, когда этого достигает.

Но кто такой Паскаль, чем он авторитетен? Своими математическими открытиями? Но сидел ли он в затворе? Достигал ли святости? Да он обыденный человек, придорожная пыль, слушать его слова верующему даже грех, так же, как слушать слова Льва Толстого (отринутого церковью), и Пушкина (отринутого Толстым), писавшего любовные стишки (тьфу, бесовское дело!) и лишь умершего по-христиански, отказавшись от заблуждений.

Слова человека культуры, *человека мира* не авторитетны для *человека веры*, отринувшего мир, *человек веры* и не должен читать Паскаля и Пушкина и ссылаться на них.

Но авторитетны ли слова Паскаля для человека науки, **знание** ставящего выше **веры**, интуицию и озарение ставящего выше явления ангелов и бесов, даже **откровение** способного понимать как философскую категорию, в которой достигается встреча бытия с инобытием (в то время как верующий способен лишь креститься при такой встрече и НЕ поверить: запуган верующий бесами, не способен уразумевать откровение, даже не способен слышать его. Человек науки слушает **Бога философов и ученых**, читает даже Паскаля и размышляет горестно о его падении, о его пути отвержения сначала **похоти плоти** (к которому призывает евангелие), затем отвержения **похоти очей** (к которому призывает в посланиях апостол Павел), затем отвержения **похоти знания** (к которому призывает Янсений в сочинении «О преобразовании внутреннего человека», с которого и началось «первое обращение» Паскаля и закончившееся, наконец, требованием «Забвения мира и всего, кроме Бога», о чем написал сам Паскаль во втором *Обращении*.

[Но Янсений не оригинален, он цитирует Августина: «Есть здесь и еще один вид искушения, несравненно более опасный. Кроме *похоти плоти*, требующей наслаждений и удовольствий для всех внешних чувств, губящей слуг Твоих, удаляя их тем от Тебя, те же внешние чувства внушают душе желание не наслаждаться через плоть, а *исследовать через нее*. Это – пустое и жадное любопытство, которое рядится в пышные одежды знания и науки. Оно стремится познавать, а поскольку из всех телесных чувств зрение наиболее пригодно для этого, то возделение сие и называется в Писании «похотью очей» (Исповедь). Августин, в свою очередь, интерпретирует первое послание Иоанна: «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (I Иоанн, II, 16). Получается, *libido sciendi* – это прямое заимствование из Иоанна с подстановкой, а антисциентизм (в экзистенциализме) – результат *lost in translation*.»]

Итак, предавая науку и литературу, два великих писателя, Паскаль и Толстой, надеялись заслужить райские кущи, но ничего кроме позора в глазах приверженцев «Бога философов и ученых», но не «Авраама, Исаака, Иакова».

Величие их внятно нам, людям культуры, но не невежественным писателям Ветхого завета, правда, по своему великим своими смутными озарениями; ни тем более отступникам от иудаизма, веры отцов, то есть Савлу и Августину.

И потому авторитетны они для духовно возвышенных, но не для *нищих духом*, умеющих *познавать*, а не только *верить*.

### 5. Бог и человек. Трансцендентная вина

Итак, нам нужно понять (прежде чем выяснить, кто прав), о чем идет речь. Две тысячи лет христианского господства происходило не выяснение того, что случилось с человеком и миром, а запугивание.

Какого человека создал Бог, чего хотел Бог от созданного им человека?

И что значит быть христианином? Точно ли христиане те, кто так себя называет?

Отличается ли мое недавнее полухристианство и нынешнее нехристианство от их истинного христианства, за каковое принимают они смесь всевозможных обрывков верований и суеверий, а прежде всего, собственное мнение о том, что они считают христианство (неведомое им, и в котором они ничего не понимают) истинным, и только поэтому, по своей оценке, сами себя считают христианами? Но подавали ли они заявление о вступлении в «христианскую партию»? Рассматривалось ли их заявление на заседании партиячейки и были ли они приняты большинством голосов? Так не самозванцы ли они? В прежние века все же был костер как лакмусовая бумажка выяснения правдивости, а сейчас никто не проверяет, никто не удостоверяет. Не заявит ли вдруг и дьявол о желании вступить в партию и не будет ли принят?

На все эти вопросы необходимо ответить..

Как я думаю, как многие другие думают (христиане они или нехристиане, это даже не имеет значения)? Бог несомненно превосходит человека во многом, возможно, даже во всем. Как обычно бывает, что сильный человек, умный или талантливый, одновременно благодетельный, благожелательный и добродушный, естественно думать так же и о Боге. В одиночестве старый мудрый человек заводит собаку, заботится о ней, разговаривает, она – его друг. И я часто думал, что и человека создал Бог, чтобы в человеке найти собеседника, друга, сотрудника и помощника в преображении не до конца совершенного мира. Но вдруг выясняется, что Бог (может быть, от старости обезумев) обвиняет своего друга в предательстве и собирается содрать с него шкуру, правда, еще дает шанс на спасение: признаться в предательстве, встать на задние лапы, отгрызть себе хвост, скулить и каяться. Да и то, разрушив в ярости негодный мир (в негодности которого виноват его друг), в потустороннем мире он отменяет отдельное личное существование каждого, приказывая всем снова забраться на дерево (с которого мы все только что слезли) и стать снова безмолвными, безвольными, обезличными листьями.

Да не возмутит вас моя невежливость по отношению к хозяину: я то думал, что я дитя божье?! А не лист, и не раб, и не малая часть праха, о котором сказано, что прах ты, и во прах обратишься!

Суд над человеком был, вероятно, «закрытым», доказательств вины не приводилось, за основу Приговора была поставлена **презумпция вины**.

Так называемый «Первородный грех», вину которого человек тащит на себе как тяжкий груз, является аксиомой. Человек «тварь дрожащая», прав он не имеет – никаких, от жизни и ее радостей он должен отказаться, вот Паскаль даже не женился, но и занятия наукой оказались тяжким грехом, он в них раскаялся и вскоре умер. Такова же судьба нашего Гоголя, принужденного во имя Бога отречься от Пушкина.

### **6. Презумпция вины**

В основании религиозного мировоззрения, как куст черемухи под окном, некая сверхценная идея. Чем отличается христианство от иудаизма, индуизма, буддизма, ислама? Разве верой в Бога? Бог и у тех в основании всего и вся, пронизывая и утреннее дыхание и вечернее. Но еврей ждет от Бога милости, которая ему обещана как стержень Завета между Богом и Избранным народом, хотя и читает в своей Библии об изгнании Адама и Евы из Рая. Правоверный ждет наслаждений в раю, которое последует всем, исполняющим предписания Корана. Индуист знает, что эта жизнь лишь искра в огненной колеснице Сансары, но целью является освобождение от круговращений. Буддист стремится к просветлению и воплощению в Будде. Каждый из них знает, что отвечает за свои дела и по ним и будет награжден. И только в христианстве установлена коллективная ответственность за преступление, которое ничем не доказано, но принимается как аксиома, и по этому преступлению осужден и проклят и человек, и мир, и жизнь от рождения до смерти, и только в посмертном бытии брезжит надежда.

Ненависть к человеку является главной осью христианства, вера в его изначальную вину, но не вера в Бога. Что же является целью такого образа мыслей и вытекающего из него образа действий, смысл которых в умерщвлении жизни?

Конец света. Страшный суд. Новая жизнь, контуры которой даже смутно не высказываются в христианском мифе.

Я много говорил о сходстве коммунизма с христианством – конечно, оно не большее, чем у христианства с иудаизмом, как и с другими мифами: одно совпадает, другое отличается...

В христианстве человек должен воссоединиться с Древом господним, став листом на древе, в коммунизме «человек – ноль, и только когда в партию сгрудятся малые...» – вот что одинаково: проповедь ничтожества отдельного человека (вне бога или вне «массы»), отрицание смысла индивидуальной жизни, потому что конечной целью является соединение с целым, растворение в нем. Самый страшный грех у христиан – **отпадение от Бога**. У коммунистов? Отпадение от партии или комсомола. И наказание у них одинаково: отлучение (ну а затем сожжение или расстрел).

Доказывать, что человек (это ничтожество) изначально греховен, преступен, уже и не нужно, это очевидно (вот почему при советской власти не суд доказывал вину обвиняемого, а сам обвиняемый должен был доказать свою невиновность). **Презумпция вины** – общее у обеих мировоззрений.

### **7. План и сущностные тезисы**

Но необходимо составить план книги, не перескакивая от одного положения к другому, а сформулировать основные тезисы, соединяющие христианство в целое, затем эти тезисы исследовать.

Основная трудность такого анализа состоит в том, что каждый создает в воображении свой собственный образ Мифа, и растворяется в этом образе. Верят не тому, что создано Священным Писанием, Отцами церкви, богословием, а сладкому сиропу, изготовленному обыденным человеком.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

**ФУНДАМЕНТ, КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ, СКРЕПЫ***1. Что эта жизнь?*

4 апреля, понедельник, 12-08. Стихи почти уже не пишу, и все же, на прощанье, записал еще клочки и отрывки...

*Так для чего улыбками метафор  
Я пред тобой так долго, так смешно  
Свои стихи примешивал как сахар  
В уже давно прогоркшее вино?..*

Пора расстаться с стихосложением.  
Устал я связывать рифмы с метром,  
Преображение с отторжением  
И дождь осенний с холодным ветром.  
Устал от образов, троп, метафор,  
В погоню Истине впрягу я числа.  
Жизнь – не чайная, стихи – не сахар, –  
Нет в них ни сладости, пользы, смысла...  
О, ступа вечности! Все ль в ней значимо?  
Рожь и мякина – все перемолото!  
Я философствовать начинаю начерно  
С камнедробильного тяжелого молота.

21-47. Ночью мне было плохо ... но не буду говорить о своих минутных слабостях и *оступлениях* (от слова *оступиться*), они не отменяют новое направление жизни – напряженное исполнение долга. Любовные невзгоды станут глуше (хотя без любви жить не легче), любовные раны затянутся.

Стоял в углу – ну, час ли, полтора...  
Моя подруга молвила: Нет, рано  
Казнить нельзя помиловать пора  
Просыпать соль – и солью будет Анна!  
Стою в углу: от утренней зари  
Минуя все обедни и вечерни...  
И понял я: да пламенем сгори  
Вся эта страсть, когда нельзя без терний!  
Но утром вновь стою перед окном,  
Взываю и скулю как пес побитый.  
Оставь меня! – творю теперь тайком  
Опасливо последнюю молитву...

О себе ли пишет поэт? Нет, о самом себе написать возможно только полную чепуху, все хоть в какой-то степени серьезно относится к идеальному лирическому герою, лишь отчасти отражающему физиономию автора, ну, например, как в следующем пиратском романсе:

Что ждет меня в мире? То ветер холодный,  
То топкая грязь непроезжих дорог,  
С кривым ятаганом разбойник голодный,  
Иль дикого зубра изогнутый рог?  
Кораблекрушенье, чума и холера,  
Измена и ревность, мечта о любви.  
Неверная дружба, избитая вера?  
Надежду не мучай, лишь с этим живи!  
Спасает отвага, беспечная жалость,  
Перо и бумага, гитарный аккорд...  
Как много погибло, как мало осталось:  
Изорванный парус, изломанный борт...

Пишу я стихи как будто про Анну... но думаю я о *другой*, хотя, вероятно, **она** никогда ко мне не вернется, и я даже никогда не узнаю, что произошло в ее душе, почему она меня бросила и куда ушла. Так же невозможно понять, что произошло с Кьеркегором, бросившим свою невесту, что произошло с Паскалем, бросившим науку, что произошло с Гоголем, отрекшимся от творчества и от Пушкина.

Можно задать и вопрос, по форме кажущийся кошунственным: А что произошло с Христом? Если мы будем аксиоматически исходить только из того, что он Сын Божий, то сущность христианства нам всегда будет непостижима. В земной жизни Иисуса Христа по крайней мере две жизни, земная и небесная, в его земной личности две природы, земная и небесная (иначе бы он не умер на кресте и не воскрес после распятия). Родившись от женщины, он был во всем человек (кроме грехов, как говорят богословы), следовательно, правомерно спросить: его учение определялось его земной жизнью (хотя бы частично) или только его небесной составляющей, и полностью ли было задумано на небе (ведь вот учение Будды сакрально, но Будда (Сакья Муни) был человеком; человеком был Магомет и Моисей...).

## 2. Что это любовь?

Если Христос создал свое учение, являясь Богом, то это учение с человеческой точки зрения сомнительно. Музы вдохновляют поэтов, но противоестественно было бы, чтобы они сами вместо поэтов сочиняли стихи и издавали стихотворные сборники.

Христианство, призывающее мужчину отречься от женщины, призывающее женщину отречься от рождения детей, призывающее к отречению от родовой любви – противоестественно; как оно при этом овладело умами людей – непостижимо; как оно сумело внушить части людей, что половая любовь омерзительна – непостижимо. Почему бы тогда не отказаться дышать, есть, пить, одеваться, отказаться от всего того, что поддерживает телесную жизнь человека? Августину и преподобному Игнатию и апостолу Павлу (и самому Христу) кажется омерзительной плоть и жизнь плоти – так, может быть, они только духи, бесплотны? Но почему еще кроме того им омерзительна *жизнь души*, ее эмоции, побуждения, страсти? Об этом еще надо поговорить...

### 3. Любовь и работа

*5 апреля, вторник, 20-17.* Купил билеты в деревню на пятницу, *22 апреля*, назад вернемся в воскресенье. Итак, до побега в деревню всего две недели.

Встречался с писателями, потом побывал у М., ...

Еду домой, работы много, надо издать в апреле два журнала, книгу покойного Ю. П., набрать 70 страниц текста... и что-то еще...

Надо сражаться за пенсию, за те крохи довольствия, которые у меня отбирает дьявольское государство.

Почему же оно дьявольское, потому что оно меня притесняет?

Но ведь мы разговариваем, тревожимся, страдаем не обо мне, а о России, и мои собеседники понимают же, что Россия крениется, сами об этом говорят, народу русского все меньше, образование все жиже, наука и культура ниже... Как бы, говорят, сделать так, чтобы народ поумнел, начал рожать, лучше работать... Как бы сделать так, чтобы у России появился флот, университет, армия, Петербург... Но никак это не делается само собой, но только великий автор может написать роман, главами которого будут Балтийское море, флот, университет, дворянство и литература, театр и великий город. Великим автором, пишущим историю России, может быть только император, повелитель, самодержец всея Руси, ибо народ не пишет историю, но только оказывается матерьялом, из которого созидаются улицы и дома (то есть представляет для строительства камень, глину, песок, гранит и мрамор); народ оказывается матерьялом, из которого созидаются фигуры и барельефы... император же придает энергию и импульс правящему сословию, творящему культуру, используя народ как матерьял.

Потом пришли Ленин и Сталин и сонм других один за другим, обещавшим сделать созидателем истории и культуры народ вместо дворянства, купечества, офицерства, и история России устремилась вниз. Следовательно, сделать ничего невозможно, не поставив во главе императора, способного и желающего созидать историю России, поднимающейся ввысь, а не устремляющейся вниз.

«Давайте начнем рожать и строить и писать романы...» – либо дьявол говорит устами безумцев, говорящих эти детские «благглупости», либо и в самом деле народ в целом невероятно глуп и незачем с ним даже разговаривать о том, от кого зависит рождение детей, образование и культура...

Священное Писание так же против Работы, как и против Женщины. Лучше не прикасаться к женщине – но лучше и не работать, ибо Отец небесный знает, в чем у нас нужда... и так далее...

Но вот что важно: Любовь разделяется по крайней мере на два рода любви в связи с **работой**. Мужчина предпочитает воображать такую любовь, в которой он смотрит на возлюбленную восхищенно, целует, обнимает, наслаждается, в крайнем случае, пишет о ней стихи. А как женщина любит ребенка? Она его вынашивает, кормит, одевает, растит, воспитывает, ее любовь к ребенку – тяжелейший ежедневный труд. И всякая любовь становится любовью подлинной только через **труд**. Труд и созидает любовь. Так, может быть, и страдание нам дается как форма *труда, созидającego любовь?*

#### 4. Небольшая пауза

*Ночь с 5 на 6 апреля, 4-32.* Проснулся, было *не по себе*, решил противостоять телесной немощи с помощью гимнастики, крутил шей и туловищем, махал руками, ногами, и вот лежу в обнимку с компьютером. Чуть погодя снова постараюсь уснуть, и надеюсь проспять утро, хотя обычно «плохота» и наступает от шести до семи утра...

Вспоминаю *ласточку*... Что можно считать моей *работой* в нашей утерянной дружбе? Воспоминания?

Но пока не сплю, займусь чем-то полезным, наберу несколько страниц для издательства. И затем – бай-бай...

#### 5. Паскаль и Толстой

Каждый из них велик и авторитетен, один – как ученый, другой – романист. Именно поэтому мы и прислушиваемся и к тому ими сказанному, что не относится ни к математике, ни к романам, и даже ссылаемся на то, что они по тому или иному поводу говорят и сверх того. Но представьте себе, что Паскаль стал бы выговаривать Толстому в связи с «Войной и миром», обидевшись за Наполеона, а Толстой в отместку начал бы защищать Торичеллиеву пустоту, мол, неправ ты, Блез, будто природа не боится пустоты...

А ведь мы признали их за учителей человечества вовсе не в романах и не в математике, а в том, что относится к жизни и смерти и в чем каждый из нас тоже может претендовать на опыт и знания! Есть ли Бог и может ли им быть кто-то кроме Христа – разве тот, кто умеет писать о женской любви, осведомлен в сущности Бога непременно больше? А апостол Павел, по-видимому, совсем ничего не знал о женщинах, но мы его тоже признали за судью наших любовных и семейных страстей, так же, как и Блаженного Августина, да и преподобного Игнатия. Да даже сам Иисус Христос имел ли больше прав учить нас, что *враги человеку домашние его*, чем тот, кто родился законным образом в человеческой семье? Ведь Христос большую часть жизни провел на небе, как он утверждал?!

И кто наши учителя, имея в виду только одно христианство? Это, во-первых, ученики Иисуса Христа, в большинстве своем не отличавшиеся образованием и культурой; во-вторых, отшельники, столпники, затворники, монахи... то есть люди, ничего не сделавшие в жизни кроме того, что они жизнь проклинали и жизни чурались, и жили только за чужой счет, кроме, может быть, Сергия Радонежского.

Они не были ни мореплавателями, ни медиками, ни воинами ни математиками, ни астрономами, ни писателями... Жизнь они знали плохо, талантов им Бог не дал... Или были талантливы и доказали какую-то хоть заваливающую теорему судья Кошон и тогдашний папа Римский, сжегшие освободительницу Франции Жанну Д\*Арк? Или был талантлив патриарх Никон, уморивший голодом боярыню Морозову?

И Паскаль и Толстой, вдруг разочаровавшиеся в науке и культуре и призвавшие уйти к диким зверям, вероятно, сошли с ума; но они и в науке и в культуре создали многое, прежде чем сойти с ума и стать христианами...

### 6. *Моя бедная девочка!*

Ровно год назад она написала мне так:

*«21 апр. 2015. Крепка как смерть любовь. Блестяще!!! Великолепно!!!* Какое чудное письмо о любви! Сейчас я думаю о том, что все то, что я писала до сих пор, бледно отражает жизнь, надо написать еще один роман большой в духе Достоевского, обо мне и о Вас, о злодеях и героях и включить туда Ваши письма и т. д.

Сегодня был очень тяжелый день на работе, только недавно пришла. Васенька, я тебя очень очень люблю!!! И давайте поедem не в Павловск, а в лес летом и, может быть, ты даже захочешь постегать меня крапивой... Но не будем загадывать и заранее все решать, положимся на судьбу, оставим чуточку неопределенности...

Когда мы стали с тобой общаться, я как-то посмотрела на себя со стороны, может быть, хотела понять, какой ты меня видишь. Я какая-то забитая, униженная, закомплексованная. Неужели ты любишь меня и полюбил такой????!!!

Но как все-таки грустно! Ведь я могла бы быть другой, у меня могла бы быть другая жизнь. Может быть, я смогу полностью измениться с твоей помощью. Но возможно ли это? Но отчасти я изменилась. Я так бесконечно тебе благодарна и буду благодарна всегда. Я тебя очень очень люблю, Васюшенька. Поправляйся скорее!»

*«Было ли что хорошее из Галилеи?»* – была поговорка в Иудее. Убили зверски Гипатию, Жанну сожгли, боярыню уморили голодом, и протопопа сожгли, и что-то сделали с моим ребенком, заставив её каждый день причащаться плоти Христовой и отречься от меня, как раньше Паскаля заставили отречься от науки, Гоголя – от Пушкина, которым он восхищался, Толстого – от литературы... А разве я ее люблю не возвышеннее и чище, чем умеют любить эти угрюмые христиане, прокливающие и смех и "любовь от волнения крови" (по выражению их блаженного проповедника Игнатия), но зато прославляющие бесплотную и бессердечную "любовь к ближнему"?

Боюсь, и теперь какой-нибудь оголтелый, вооружившись бомбою, спичками и кинжалом, не пошел бы истреблять меня по примеру "правоверных", но так как закон разрешает иудеям не верить в Христа, и даже относиться к нему как одному из бродячих пророков, и воспрещает христианам по этой причине их истреблять, то я, пожалуй, заявляю, что обдумываю мысль о переходе в евреи, и прошу считать это мое заявление уже "соглашением о намерениях" (с правом передумать в итоге) – вот где и евреи могут оказаться полезными!)

И теперь, как будущий еврей, под защитой закона о запрещении ущемлять права верующих, я могу говорить смелее. Ничего оскорбительного и невежливого я говорить не собираюсь, все же полвека я считал себя в некоторой степени христианином, и был им не в меньшей степени, чем подавляющее большинство их, считающих себя христианами только по невежеству или глупости. Все понимают, что *мужем Юлии* является не тот, кто заявляет о своем согласии стать ее мужем, но кто в действительности таковым является. А вот *членский билет* христианина, то бишь крестик, надевая на себя по желанию, считают достаточным для удостоверения христианской личности...

## 7. Вина И Покаяние

6 апреля, среда, 17-51. Ездил к И---ну обсуждать издание нового журнала «Литературной и философской критики». Еще не свалил с шеи обузу «Русских страниц», а взваливаю новую. Будет ли польза?

А еще надо для издательства набирать «стихи», а сейчас еду упаковывать и грузить книги у Мити, получить по дороге задание на исправления у ..., вернувшись, доделывать один журнал, потом другой, затем подготовить к изданию отчасти готовую книгу Ю.П., затем заказать несколько штук для Н.И., готовить вечер для И---на ...нет, надо составить план, всё и не вспомнить...

Но непременно надо сделать Книгу нашей с ласточкой переписки, выбросив мусор, выбросив что-то ее личное... Я не вправе ее ни в чем упрекать, даже если ей только показалось на минуту, что она в меня влюбилась, и она опомнилась, от меня отступила...

Надо составить перечень идей, которые следует обсудить в книге. Критика христианства, упрек за упреком, ничего не дает. Против Сталина я написал две тысячи возражений, так же могу пять тысяч составить против любого, кто пользуется любовью, они мне составят пять миллионов в оправдание их любви. Любят Чингис-хана, Гитлера, Троцкого, Мао Цзе-дуна, каждого царя или полководца или предводителя или Вестника нового Учения кто-нибудь непременно любит, особенно любят победителей.

Мужчина любит часто как завоеватель свою добычу, женщина любит как любит сама идея покорности и завоеванного (а уже в этом есть что-то христианское, так не является ли именно женская душа христианкой по природе?!), как переиначили – женщины? – Тертуллиана)?

Но всякая группа ведет себя как женщина, и народ в целом тоже подобен женщине, женственно дворянство, интеллигенция, женственно сообщество литераторов. Не женственна ли даже армия, если вспомнить, как армия обожала Александра Македонского и Наполеона?

Но, однако, как ни интересно перебивать женские косточки, надо вернуться к литературе (которая, я уж и не знаю, не женственна ли тоже, почему ее сладкий яд так приманивает мужчин? Хотя, впрочем, в нашем столетии женщины прильнули к литературе еще больше мужчин, но не буду делать никаких особенных умозаключений, возможно, просто наступает эпоха женской эмансипации.)

Итак, о чем я собираюсь писать, всматриваясь в христианство и его отношения с жизнью?

Христианские писатели ненавидят эпохи, сменившие мрачное и темное средневековье, то есть Возрождение (Ренессанс), эпоху Гуманизма и Просвещения. Просвещение в России началось с Петром, и хотя гуманизмом эта эпоха не отличалась, но в целом время шло к смягчению нравов, и одновременно с тем, что человек в меньшей степени становился рабом Божиим, он так же в меньшей степени становился рабом Господина, и кончилось все это Отменой крепостного права, еще более отдалившей человека от Бога (как видно, гражданская свобода в обществе плохо соединяется с верой в самодержавного Бога).

В связи с нелюбовью христиан к гуманизму надо непременно поговорить о гуманизме христианства.

Следовательно, придется вернуться к Любви – любовь ли то особое состояние, основанное на страхе Божиим, как пишет Леонтьев, да и не содержащее в себе ничего чувственного, как пишет Игнатий Брянчанинов?

Надо рассмотреть отношение христианства к труду; к культуре и науке; к преобразению жизни; к семье и народу. К состраданию и помощи.

Жесток Бог или милосерд?

Каким хочет видеть человека это учение, на кого похожим – на Лизавету Смердящую в романе Достоевского «Братья Карамазовы» или, скажем, хотя бы на Дениса Давыдова? Есть ли тип христианина? Как я уже писал ранее, я подозреваю, что тип есть, и он резко контрастирует чуть ли не со всеми героями художественной литературы, никто из гордых, дерзких, уверенных, целеустремленных... или если кто-то из таких, то это раскольники, Лютер, протопоп, Жанна Д\*Арк... А *подлинный* – очи долу, постность и смиренность в лице, безвольность в жизни (ну какое же своеволие, если все только по воле Божией?).

8 апреля, пятница, 9-48. Сны снились плохие (помимо того, что и спать было тяжело), будто посадили меня в тюрьму, а там еще говорят, что и сдохну я в яме как *боярыня*...

Христианство призывает к покаянию в том, что Ева по неосторожности съела запретное яблоко, да еще евреев зовут каяться в смерти Христа.

А в России семьдесят лет одна часть народа мучила другую, были расстрельщики, следователи, судьи и конвоиры, надзиратели, "прорабы" (производители работ), доносители ("стукачи"), осведомители, "секретчики", и прочие работники бесчисленных надзирающих и карающих органов, милиция и прокуратура, товарищеские суды, комитеты комсомола (эти тоже карали), "партбюро" (билет на стол! – почти как посадка), раздутые отделы кадров (надзирали над всеми), армия, Осоавиахим и тысячи других больших и маленьких служб, совмещающих работу со "службой"...

Даже и школа...

Семьдесят миллионов человек были казнены, сидели, дрожали, не дожили, мучились, братья, дети, отцы и матери, похоронки, слезы, даже мужиков на бездетных баб не хватало, дети без отцов... детдомовские, беспризорные, в колониях... Какое крепостное право сравнится с этой воистину «юдолюю слез и печали», страдания и беззакония, растления и тления, ненависти и горя!!!

Ну а иные вспоминают советское время и с грустью, и говорят, что там было хорошо! Значит, они не сидели, значит, отцы их не были расстреляны и не погибли на той войне, на которой Сталин обещал Гитлера шапками закидать. Никто не вспоминает о тех, кому было плохо, и не было ли **тем** плохо только потому, что **этим** было хорошо?

Христианство, правда, призывает помнить о винах и грехах и каяться, но одна общая на всех вина – прародительницы Евы, в том, что съела плод Познания. Правда, живем мы не всегда правильно, тоже грешим (по мелкому,

стучим на соседей, лжем, убиваем, охраняем несчастных, сажаем невинных... ну, это мелочи, за эти вѣны отпускает грехи *батюшка*, тот, который не велит сидеть на скамеечке с знакомым поэтом или философом).

А десятки миллионов погибших на **бездарной войне**!?

Кто-нибудь в ней кается? Бездарные полководцы, Ворошиловы, Буденные, Тухачевские (травившие крестьян химическими газами, отбирающие младенцев у матерей в заложники)? Помимо войны с немцами еще и с собственным народом кто-то же воевал? Были и **заградотряды** ("и сколько же я этой нечисти перестрелял!" – похвалялся один ветеран в бане, вспоминая войну!) Но **«Сталин выиграл войну»**... он выиграл все войны... только скоро России не будет... и мне часто хочется тех русских, которые его любят, всех расстрелять. Или на строительство дорог, коих мало, хоть какую-то пользу бы принесли?..

Да, о детях... Был у Паши, внука, два гола и один месяц, он принес компьютер, включил и стал нажимать кнопки и что-то лепетать. Оказывается, там у него уже любовь, конкурс детей, одна девочка, уже большая, залихватски талантливо пела, когда включили, уж как он был счастлив, и тоже кричал, хохотал, визжал, оглядывался на меня, и я тоже радовался, и он был счастлив вдвойне!.. А герой Гражданской войны этих детей отбирал у матерей в заложники и «пускал в расход», если не успевали отцы из лесу прибежать под расстрел. Призывало ли христианство каяться не в *первородном грехе*, а вот в этих личных грехах? Покаяться за родителей, за более дальних предков? И не в том смысле, как они проповедают, что «мы все виноваты», а каждому за свое и за своих родных?

Но у христианства нет детей, дети в грехах рождаются и благодаря греху, и каяться надо именно в грехе рождения, и в своем рождении и за своих детей. Оттого что христианство бездетно, не знает любви к детям (потому что не знает и любви к женщине), оно бесполо, бесплотно, безлюбовно и безблагодатно. Я в горести и сокрушении готов расстреливать за безвинно убиенных, а Христос безо всякого сокрушения призывает никого не родить и обещает родившимся, что уж после Страшного суда кара настигнет почти всех и *спасется только малая горсточка, остальным же вар и геенна!!!*.

Надо ли с таким учением спорить (как и с сталинизмом и гитлеризмом), надо ли спорить с приверженцами таких учений, надо ли у них учиться милости, состраданию, помощи и заботе, любви к человеку (а не фальшивой любви к ближнему как образу божью страха божия для)?

Если бы я мог сказать, в надежде и уверенности, что мои слова не пусты и не бесплодны, что я пришел спасти свой народ и Россию, спасти ее культуру, ее работающих, ее страдающих, ее рожающих, ее любящих?! Если бы я ожидал помощи и сочувствия у Бога философов и ученых, если бы у русских воскрес свой собственный Бог, болеющий за Россию, или хотя бы Бог Европы и европейской культуры! Но пусто и скудно в мире. Новый Иерусалим уже есть, но нет новых Афин и никогда уже не будет, если наш Бог не поможет нам.

Спасу ли я хотя бы милую девочку – от ее химер и наваждений, верну ли я ее в живой и красочный мир из мертвой пустыни от чужого Бога? Полночи проплакал. Возможно, скоро умру. Или *напишу еще книгу – для неё?*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ  
*ПОИСКИ НОВОЙ ЖИЗНИ*



## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

### **РАССТАВАНИЕ СО СТАРОЙ ЖИЗНЬЮ**

#### *1. Воспоминания и горести*

*8 апреля, пятница, 12-51.* Отчасти в своих нападках на мир и семейную жизнь Христос прав, и воистину *враги человеку домашние его*. Но если эту правду вбить как гвоздь в стену, соединяющую небо и землю, и повесить на него наши семейные заботы и горести, то можно и удавиться. Не все хорошо, но не всегда все плохо, и я пытаюсь выжить даже среди тех козней, которыми костыляет меня жизнь. Выпало стеклышко из очков, сидел на диване и вставлял его на место, и куда-то выпало второе. Перерыл диван, отодвинул его, пополз по полу... нашел стеклышко у двери. Неизвестно, есть ли Бог, приемлемого доказательства Его бытия нет, но нечистая сила есть точно, и каждый день о себе заявляет. Даже само государство – бытие нечистой силы.

Пошел в Оптику вдевать стекло, вдели бесплатно, а я им рассказал историю своей несчастной любви, закончив так: Если бы не было девушек и был патрон или деньги на патрон, то я бы уже давно застрелился. Но, к счастью, есть девушки, патрона нет и денег нет тоже, и вот поэтому я до сих пор живу!

На улице весна, моросит дождик, через две недели, если доживу, поедem в деревню, там затоплю баню, а на следующий день начну уже ее ломать, она обветшала (при нестарых родителях)...

А моя подруга В., которой я тоже пожаловался на исчезновение любви и женскую неверность, написала в Записке: «Мой милый! Она ожила, ты помог ей. Но добро не всегда в жизни побеждает. Той D уже нет. Также как нет и тебя прошлогоднего... Обнимаю и люблю всегда.»

Потом по телефону добавила: «Радуйся, что ты не до конца женщина, и все еще ее любишь, женская любовь не долговечна»...

Грустно...

#### *2. Усталость от жизни*

*19-49.* Работы много, но не хватает энергии сидеть за компьютером не отрываясь, поэтому помчался на метро кружным путем в гости на минутку к маленькому Паше. Еду до Техноложки, потом под углом к этой линии назад до Озерков, езды около часа, по дороге сочиняю свои заметки, словно бы и отдых, зато в остальное время работаю по делу, не отвлекаясь.

Перечислю основные идеи, которым попытаюсь посвятить свои кружные дороги в метро, в электричке, в автобусе и в трамвае (кстати сказать, завтра поеду в баню за город, но буду набирать чужие стихи).

Итак, критика...

1. Антигуманизм христианства, противостояние его человеку, противопоставление человека как твари, ничтожества, мерзости, падшести – Богу как возвышенному, непостижимому, благу и благодати и т.п.

2. Христианское требование к человеку необходимости знать и чувствовать свою онтологическую вину, подлость и тлетворность и всемерно каяться в них.

Ездил в Кемпелевку на хутор. Туда шли по парку, посидели у озера, слегка выпили.

В бане было хорошо!

После бани закусили, но я уже почти не пил.

Хозяйка дала мне с собой пакет картошки, дала еще упаковку сосисок, сославшись на то, что еды гости навезли слишком много.

Один из гостей уезжал рано, довез до метро, и вот уже я проезжаю мимо Финляндского вокзала.

Народ у нас, в России, хороший (может быть, правда, не весь), хотя я его и ругаю.

Для полного счастья не хватает очков, которые впопыхах я где-то оставил. То ли выпали из куртки в бане, то ли в доме куда-то положил, теперь надо отыскать телефонный номер хозяев и позвонить им.

Сделал масштаб 250 процентов, пишу наобум какую-то чернуху, но ничего не вижу...

Да, без очков я пропаду еще скорее, чем без пенсии...

Предыдущей ночью спал плохо, думал о смерти...

Нет, надо думать о другом, не все плохо в жизни, не надо только жалеть себя чрезмерно.

Вчера были у внука, Паша начал разбрасывать книги, бабушка его ругала, он ее не слушал, она ударила его по руке, я забрал у нее плачущего ребенка, ее взамен обругал. Потом пытался их помирить, но ребенок не хотел ей подать руки даже когда мы уходили.

Воспитание силой портит человека, особенно маленького и беззащитного. Иногда я думаю, что все могут вырасти добрыми и милосердными, если их правильно воспитывать, не обижая, не ругая, не приказывая...

Странно, что даже мыслить без очков мне не удастся отчетливо, поелику неотчетливо вижу. Смутные буквы и слова, смутные мысли...

К счастью, уже подъезжаем...

### ***3. Надо осмотреться***

Купил очки за 300 р. на развале. У меня глаза разные, и эти очки вредны и смотреть не так удобно, как в тех, хотя, впрочем, стекла у тех тоже уже потерлись, их необходимо менять раз в два года, иначе они тоже становятся вредны... Но пока денег нет и не предвидятся...

Надо составить список вопросов, о которых я буду рассуждать в связи с моим окончательным разводом с христианством. Но и не так они, эти вопросы, очевидны в начале рассуждений. Более ясно они проявляются по мере того как я живу, страдаю, рассуждаю и негодную, а жизнь сжимает костлявые руки на моей шее. Следовательно, буду писать свою книгу дальше так же: отчасти как дневник, отчасти как философское рассуждение, но не буду строго придерживаться заданного плана. Если книгу пишут то капельки слез, то капельки крови, разве я могу эти капельки заставить подчиняться чьей-то воле, своей или чужой? Как будут капать, так я и буду писать...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ  
**ТРИЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА**

*1. Девушки и молодые женщины*

*11 апреля, понедельник 13-30.* Был уже в суде, получил ответ, в котором сказано, что мне надо мое заявление отчасти переписать.

Потом поехал в Пенсионный фонд с Заявлением о приостановке перевода денег на банковскую карточку (которая приставами заблокирована, так что мои кровные сразу вливаются в вены дьявольского государства). Молодая симпатичная женщина выдала мне справку о том, сколько взимается с пенсии в пользу ответчиков, да к тому же сказала, что блокирование банковской карточки и лишение меня средств существования незаконно. Потом я ездил в Управление судебных приставов, о их решении мне сообщает по телефону. Вывод из всех происшествий состоит в том, что надо подавать Заяву в Городскую прокуратуру и судебный иск к Службе судебных приставов, обвиняя их в нарушении Конституции.

Правда, жизнь мне подсказывает, что если свинья хочет съесть поросенка, то она его съест, сколько бы он ни визжал.

Книгу я написать, может быть, и смогу, но в жизни моей ничего не изменится, *сила произрастания* иссыкает и не заменяется ли она не только увяданием, но и *силой увядания*? Как в электрической сети появляются *токи включения* при замыкании сети, так появляются *токи выключения* при размыкании сети – а иначе как объяснить и *волю к смерти*, которая иногда возникает при завершении расчетов с жизнью? Правда, многое заставляет меня цепляться за жизнь, хотя я от нее устал. Роман мой обо мне самом не дописан. Зачем я жил, во имя чего стремился стать философом и писателем, разве тщеславие мною двигало, разве только тщеславие?

И невозможно оставить близких, не пытаюсь им помогать, даже ползком...

Но так уныло все то, что я теперь пишу, денег нет, дьявольское государство меня сдавило, энергия иссыкла, иссыкла и творческая энергия, болезни сдавили тоже, болит и там и сям, и это я не кокетничаю, а воистину полночи не сплю из-за разнообразных болей...

*12 апреля, вторник 9-36.* Во многом виноват я сам, живу безответственно, а ведь если мне уже бессмысленно жить для славы, власти и богатства, то близким я еще могу принести хоть какую-то пользу? Хватит следовать за Сковородой в его поисках *пользы своего горя*!

Все понял, и больше *не буду*,  
Пора превращаться в зануду,  
По скользким путям не кружить.  
Не надо мне пользы от горя,  
Не веря, не вторя, не споря,  
Попробую просто пожить...

Но вчера у меня еще были *недопонятки*, поэтому ночью мне было плохо. И все же, осуждая жизнь, государство, народ, богов и судьбу, стану лучше.

Плохо не всё, не все меня мучают, не все мучают столько, сколько я этого

стою. Удивляют меня девушки и молодые женщины, они ко мне всё еще расположены, какой-то инстинкт сочувствия ко мне в них еще жив. Меня жалеют и мои подруги, и с сочувствием смотрят иногда случайные встречные.

Значит, надо еще жить и пытаться стать лучше.

Правда, время от времени Манон присылает мне СМСку: Ты – лучший!!!

На прошлой неделе она попросила у меня триста рублей, если, добавила, у меня они есть (она знает о моем бедственном положении). Я ей послал (у нее вдруг не оказалось денег на еду). И конечно она ответила, что я – лучший.

Но разве она была не вправе так думать?

От этого ее мнения я и попробую оттолкнуться в своем споре с христианством.

Оно опирается на две Идеи, определяющие историю христианского человечества: клевета и обман.

Человек – грешен, преступен, порочен – изначально, врожденно, онтологически. Источником этой аксиомы является смехотворный миф о Еве, съевшей некий плод с некоего Древа в раю. И вот этот «прабабушка» всех тех *бабушек*, которые запрещают моим знакомым Евам встречаться со мною и даже переписываться, изгнал ее, бедную, вместе с Адамом и соблазнителем-Змием (насколько она еще соблазнилась, кроме сладкого яблока, не поясняется) из Рая, и мы теперь живем, сокрушаясь, проклиная свой общий грех и каждый частный.

Но я исхожу из другой аксиомы, конечно, не доказуемой так же, как аксиома о грехопадении, а именно: дети рождаются безгрешными, и если и портятся, то причин сему много, не в Змие и не в порочной натуре дело, по всякому... Но кто ты такой, чтобы восставать на незывлемые религиозные догмы, воскликнет ревностный христианин?

Я? Человек. Вы питаетесь мифом «восточного происхождения», ассириовавилоно-семитским, я же опираюсь на предания европейских племен. У вас столько же оснований утверждать, что это Бог передал вам истину, как и у меня, а пожалуй и меньше, наши мифы многообразнее, к тому же, из них затем вырос эллинский, кельтский, славянский, галльский и германский эпосы, затем и великая литература европейских народов. А театр? Поэзия? Искусство? Наука? Забудьте в своем самомнении и воле к отверганию жизни, если так уж хотите, а мы движимы жаждой преображения мира.

Затем прибегли вы и к обману, утверждая, что жизнь бессмысленна, и обретет человек истину бытия, только отказавшись от жизни, посыпав голову пеплом, удаляясь в пустыню, отвращаясь от работы и творчества, умирая в слезах, затем, возможно, воскресая (но вы и сами в сем не уверены).

Но вы так постны, так пресны, так не интересны, елейны, паточны, скучны и унывны, что мне и воскресать рядом с вами не хочется.

Я вдохновлен красотой, справедливостью, милосердием, сочувствием, стремлением помочь и защитить, я вдохновлен разнообразной любовью, не только страстью, но и нежностью, любовью к роду и народу, к детям, природе, к их нежности и красоте.

Лучше ли я всех?

Нет, разумеется, но не молитва меня исправляет, а **Труд, Забота, Любовь.**

Если принять за верное, что лучше всех те, кто подвергает себя нелепым и неоправданным мукам, то перестает есть, то пить, то не спит, сокрушаясь и умываясь слезами, то претерпевает холод, поселяется жить на Афоне в горах в мокрой холодной пещере, без женщины, огня, света, почти без пищи, без письменных принадлежностей и книг, без музыки и театра, если такие только лучше всех, то мне до них далеко. Но лучшие ли они? Если сами же уверяют, что «их святость смердит перед Богом»?

Принимая за верное, что надо мучиться и мучить себя, не любить человека, а любить прежде всего Бога, не писать книг, не исследовать мир, не играть в театре и не ходить на спектакли, не целоваться, не заводить семью, то мне далеко до таких. Но где основания, чтобы способ жизни (или, лучше сказать, способ преодоления жизни), возмущающий и нравственную идею, и чувство красоты, и традиции, и историю, и вопиющий против культуры и заботы о близких – принимать за истину? Правда, по непостижимым причинам множество людей полагает, что противожизнь справедливее и более угодна Богу, чем жизнь; действенный разговор с такими людьми не возможен. Но и надо ли к нему стремиться? Пусть они думают, как хотят, живут, как хотят, только бы не причиняли вреда другим (если они мне не дороги). Но если все эти нелепые верования исторгают из живого мира ту, которая мне дорога, то в этом случае я в сокрушении. Что же мне делать? Забыть ее, перестать о ней думать?

Я расстанусь с христианством... но разве я уже с ним не расстался? Можно уже больше не писать о том же.

Но среди безумцев женщина, которую я еще не забыл – вот что меня мучает, вот почему я продолжаю писать...

Имену ли я определенную цель, надеюсь ли я спасти ее? Да я и себя спасти не надеюсь, мир вцепился в меня как злобный пес, лишили меня работы и пенсии, скоро лишат и жизни... Следовательно, это книга без цели и без надежды. Как если бы я оказался замурован, но передо мною была бумага и карандаш, и я писал, чтобы оставить о себе память... Так ли?

## ***2. Вернемся к тому, что я – лучший***

Но вернемся к тому, что я лучший, и что даже красивые женщины еще обращают внимание на меня. Может быть, это не так, но от этого мне удобнее разворачивать удобную мысль, состоящую в том, что не надо сидеть в мокрой пещере и претерпевать холод и глад, а лучше стремиться быть образованным, талантливым, пронизательным, добрым и милосердным. Удастся ли на таком пути приобретать больше житейских благ, чем другие? Нет. Но по крайней мере, не отягчатся и те бедствия, которые судьба и без наших дополнительных усилий на нас обрушивает. Мы умрем и так, нужно ли еще усиливаться в воле к смерти? Стараясь без нужды страдать, замуровывая себя в мокрой пещере, мы теряем всякую возможность помочь тем, кто нуждается в нашей помощи, кто мог бы, пусть даже случайно, однажды, умирая от голода, получить от нас кусок хлеба.

Я не говорю, что живу для других и что надо жить только для них, ибо и живя для себя можно не забывать о нуждающихся и им помогать. Стремясь к

жизни, в которой мы сосредоточиваем весь мир в самом себе, мы пренебрегаем не только миром, но и всяким человеком. Не мир мы отвергаем, но нашего брата. И что тогда можно найти хорошего в лицемерных призывах к возлюблению ближних?

Я не хочу упрекать мою милую. Но пока она была грешницей (как она теперь думает), то есть встречалась и разговаривала со мною, она подерживала меня в тяготах моей жизни, вносила в нее свет и тепло и счастье. Опомнившись, она отвергла меня как ничтожного и грешного, и мне стало очень плохо, некому теперь меня пожалеть, даже она меня предала во имя своего Бога. *Мало ему жалельщиц, и Он у меня отобрал последнюю...*

А я ее все равно люблю и жалею...

Разве этого не достаточно, чтобы быть лучшим?

И она несомненно была лучшей, пока она меня жалела. Не в том дело, что жалеть надо именно мен – нет, каждый человек кого-то любит, защищает, жалеет, о ком-то заботится (или о многих, я не говорю, что весь жар души должен изливаться на одного,; родившая многих, всех их любит, и других домочадцев тоже, и вот наша забота о наших близких и их забота о нас и вносят тепло и свет в нашу жизнь, делают ее счастливой, разрушают наше онтологическое одиночество.)

Всякий человек, заботящийся *только о себе* (о теле ли, душе ли, почти одинаково, ибо не зря преподобный Игнатий и душу поносит не меньше тела, ибо справедливо полагает, что любовь не ограничивается похотью, источник любви не только в теле, но еще больше в душе, а так как ему, как христианину, ненавистна всяческая любовь, то ненавистна и душа) – не может быть *лучшим*, сосредоточенность на себе и жизнь только для себя самого одинаково эгоистичны, холит ли человек свое бесценное тело (например, модница или красотка), спасает ли человек свою бесценную душу. Не случайно, имея именно это в виду, Иисус Христос сказал, что хотя и надо спасать свою душу, но тот, кто погубит душу свою ради Него, спасет ее.

Итак, надо жить или для спасения своей души или жить для Бога, а для него даже лучше душу свою не сберечь, а погубить.

Не многого стоит декларируемая Ветхим и Новым Заветами любовь к ближнему, которая оказывается не любовью к человеку как таковому, а любовью к тому в нем, что является отблеском божества в человеке, а не самим человеком со всеми его лучшими и худшими сторонами.

Но хорошо ли – жить для Бога, хорошо ли и душу для него свою потерять? А тем более пренебречь миром, всем тем прекрасным, что в мире, пренебречь любовью к семье, женщине, родине, культуре? Да хорош ли такой Бог, который требует от нас пожертвовать всем, что делает человека человеком, который высокомерно возвышает себя над всем миром и его красотой? Бог ли это, а не самовлюбленный дух, претендующий на величие? Мне кажется, что это самозванец. Я был учителем, и знал больше того, что ученики мои, но я их не унижал, не унижаю и маленьких деток, которых люблю. Никому из тех, кому я сочувствую, не противопоставляю себя я как высшего.

Бог – тем более если это Бог милосердия – разумеется, должен превосходить человека, как гений превосходит обыденного человека – но разве гений кого-

нибудь унижает? Это он, как правило, претерпевает гонения, бывает осмеян и унижен, заточён, распят и сожжен, и уличная толпа плюет в него – а он не имеет сверхъестественной силы, чтобы противостоять злобному напору черни – Бог же только однажды испытал то, что гений испытывает каждодневно, и две тысячи лет мы его жалеем и его оплакиваем. Чем же он нам отплатил за нашу жалость? Еще худшими гонениями, чем гонения тиранов и черни, ни одного слова сочувствия, но лишь вар и смола... И самые ревностные, заточающие себя в мокрые холодные пещеры, умирают в горести, что даже муками не заслужили его ответной любви, и их даже святость только смердит перед его величием. Если такова христианская вера, то каково же их суеверие? Да их суеверие почти таково же, вар и смола, Пушкина и Толстого на помойку, красота проклята, прокляты смех и радость, дети, расцветающая природа, расцветающая жизнь, талант и ум... о, ум проклят вдвойне, ибо он тройне подозрителен, он уж точно от дьявола, от бога только нищие духом, ибо их есть царствие небесное.

Кстати сказать, и душевная чистота не так уж восхваляется в Священном Писании, даже и спасать Спаситель пришел самых худших, проституток, разбойников, мытарей и сушеных вобл, неспособных почувствовать, ибо, как он сказал, только больные имеют нужду во враче. Вот почему ему некогда ко мне подойти – я ведь не так уж и грешен, а может быть даже и лучший из тех, в ком мир еще умер, как в апостоле Павле (облечемся же в смерть Христову! – восклицает он постоянно).

Я от христиан отличаюсь не тем, что они верят в Бога, а я атеист – нет, и у меня есть Бог, только мой Бог – это другой Бог, чем у них.

Так, может быть, именно теперь и надо порассуждать о том, кто я сам, и кто такой Христос, Бог он или нет?

### ***3. Чем я отличаюсь от всех?***

*Раннее утро, 7-57, 14 апреля, четверг.* Проснулся я, как обычно, в пять часов, мне стало плохо, долго не спал, пытаюсь найти другое положение тела, усиленно дышал по особенному (что мне помогает)... раньше я, положив под язык пять горошинок кардиойки, вскоре успокаивался, теперь кардиойки нет, мучаюсь и размышляю, мысли бывают интересные, около семи засыпаю, в девять просыпаюсь, пытаюсь что-то рассказать жене за завтраком, потом записать, но мало что удается вспомнить. И теперь, о чем думалось в пять часов, помнится уже с трудом.

Но позже я стал думать о себе, кто я такой, и попробую что-то из своих размышлений записать.

Дело не совсем в том, что я болен сомнением, что я думаю, что чрезвычайно умен или талантлив и что-то вижу, чего не видят другие. Нет, я чем-то и впрямь отличаюсь от всех, но в тщеславии, в упоении своими воображаемыми превосходствами перед другими я себя особенно уличить не могу. Но чем же, все-таки, отличаюсь?

Притом, это вопрос не праздный еще и потому, что разные люди тоже задают обо мне этот же вопрос.

Правда, начну с того, что большинство, конечно, никакого вопроса обо мне не задает, а если что-то и пригрезится им в таком роде, то или отмахиваются, или отвечают просто: да ничего особенного, такой же, как все, если не хуже. Правда, есть и такие, что уверенно думают, что хуже, но через какое-то время при встрече начинают каяться и стремятся со мной примириться, если думаю, что нас что-то разъединяет и я на них могу быть сердит: мальчик, отнесший мой дневник семиклассника в учительскую (нашел меня уже в Ленинграде... я об этом писал); дядя моей ученицы, с которой я целовался и который запретил наши встречи (ей было 17, но мне и самому-то было только 20); следователь, сажавший меня в 70-м году (мы при встрече сначала обнялись, думая, что мы старые знакомые, только забыли, при каких обстоятельствах, вдруг оба сразу вспомнили, и он все доказывал, что хотел мне помочь – а удивительным в этом является то, что так оно и было в самом деле и я в этом уверен); психиатр в «инобытийном» дурдоме, сомневающийся в том, что я не сомневаюсь, что он делал все для моего освобождения (их было трое, они безукоризненны)... После этого никто уже ни в чем не каялся, да и все, кто и делал для меня что-то плохое, были только орудиями чужой воли...

Есть некоторое количество и таких людей, которые думают, уверены или надеются, что я не такой как все, что-то положительное или необыкновенное меня от других отличает. В семь лет деревня уверилась, что мне предстоит великое будущее, отчасти потому, что я сам научился читать, за полчаса, притом стал читать бегло и всякий текст, особенно хорошо газетный.

С пятого класса (мне еще было десять лет) начали со мною носиться учителя, и носились, пока не защитил я диплом в университете, а так как решительно перестал я заниматься наукой, то постепенно они про меня забыли. Особых несколько случаев таковы: в девятом классе напечатал я в районной газете рассказ, из-за которого меня исключили из школы, потом стал издавать школьную необыкновенную стенгазету, – и два района сошли с ума от "фанатства" – так бы теперь это назвали; в конце десятого класса начался у меня роман с практиканткой в школе, третьекурсницей (красавицей из красавиц! И вот с нею я впервые осознал и почувствовал особую трансцендентную пропасть, разделяющую мужчин и женщин, Перед ее отъездом мы были вдвоем в ее комнате, и я начал ее раздевать, снял платье и лифчик, и прикоснулся к трусикам ... и дальше не смог, метафизический страх, или страх божий? меня остановил, стыд и невозможность... тем все и кончилось); на третьем курсе прославил меня любовь и стенгазета, любовь почему-то была *несчастная* (так и повелось с тех пор), мы расстались, я работал учителем в пригороде, вдруг она приехала, мы пили вино, она осталась, лежали на разных кроватях, она сказала, что ей холодно и перешла ко мне... те же самые трусики и метафизический ужас... (О, как понимаю я блаженного Августина! Только не сочиняю я наставлений о том, что истинный христианин даже в таком крайнем случае должен совершать только благопристойные движения... наверное, все же, большинство из них сумасшедшие, исключая, может быть, только нашего протопопа...)

Манон разорвала этот порочный круг, решительно перешагнув трансцендентную пропасть. Но сначала мы пролюбезничали три года, на четвертый

она решилась, позвонила и сказала, что она наконец поняла, чего мне надо. «Чего же?» – спросил я. «Тебе надо, чтобы я стала твоей любовницей!»

Мы встретились и она так же решительно преодолела физику, отделяющую меня от метафизики: она сняла с себя все, в том числе и те самые *зловещие трусики*.

Она была похожа на античную статуэтку, безукоризненно изящная, но ни грамма (или сантиметра) чувственности: холодный гранит или мрамор! (Даже если я ничего не достигну в своей жизни, я видел нескольких изумительно красивых девушек обнаженными: разве этого мало? Разве это меньше, чем слава и власть?)

Но читателю, как и всегда, я не скажу, чем все это кончилось (собственно говоря, может быть все только и начинается?) Пусть читатель кое-чего обо мне не узнает (я тоже знаю не все), меня что-то роднит с женщиной, вот этот призрак тайны и загадочности... оставим то, что может случиться после обнажения, неразгаданным, уступим большим наставлениям Августина, Иеронима, Торквемады, Игнатия...

Влюбился в мою нежную фею, в мою небесную ласточку я уже после знакомства с Манон. Клянусь, я не стремился, чтобы она стала "моею", и даже об этом не думал (кажется мне, что не думал...).

Да, чуть не забыл одно важное происшествие. После сумасшедшего дома я познакомился с юной барышней в Вычислительном центре, в учреждении, где я тогда начал работать. Вечером я ее провожал домой, почему-то она была одна в квартире и мы с нею выпивали бутылку кубинского рома (у нее его было, кажется, несколько коробок). Когда уже пить становилось невмочь, я начинал приставать, и она говорила: "ты, значит, такой же, как все? Ну ладно, пусть, я согласна. Только скажи, что ты такой же, как все, и я стану твоей (а она еще ничьей не была)". Я уходил, *не хлебавши*, ибо сознаться, что я такой же, как все, я не мог.

Через два дня мы снова встречались и все повторялось. Но чем дело кончилось, я не скажу, мне и теперь хочется казаться загадочным и не таким, как все.

Возвращаюсь к своей безумной любви. Вероятно, это любовь самая возвышенная, какую я мог испытывать, она, конечно, отличается от христианской любви почти всем: я люблю в ней очаровательную страдающую женщину, и мне хочется с ней обниматься (но целоваться я с ней не хочу, и с той первой, в которую я был влюблен несчастливо и потом отверг, я тоже, почему-то, не стал целоваться после нескольких первых поцелуев, мне показалось это неловко, как будто я целуюсь с сестрой). Но главное, что хотя и плоть в нас обоих жива, и я это чувствую в нас обоих, но больше всего нас соединяла душа (которую христиане ненавидят еще исступленнее, чем плоть: «любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.» – из евангелия; «душу надо *распять* на кресте во имя духа» – из христианских проповедей знаменитых даже мужей).

Итак, нас соединяла плоть (почти бесплотная) и душа (нежная, чистая и страдающая); но еще более нас соединяло **сострадание**, которое и было

преимущественно нашей любовью и было невероятно тоньше и выше христианской «любви к ближнему», и которое все же удалось христианам *распять на кресте*.

Случайно встретившись с Анной, я стал жаловаться ей на мою несчастную любовь, но она это как-то пропускала мимо ушей.

И теперь пришла пора поговорить о христианстве более глубоко и серьезно, сначала в связи со мной самим и другими, потом непосредственно остановив внимание только на этом учении и на личности Христа.

Но вначале я задам вопрос о *женщине* (преимущественно о юной, но отчасти это касается и не столь юных): чем отличается женщина (девушка) от обычного человека?

Ответ мой будет основан на моих впечатлениях о девушках в школе, в университете, о книжных впечатлениях и о впечатлениях о тех девушках, с которыми я знакомился (каково же общество женщин, я не берусь судить).

Их всех отличает чувство, состояние *ожидания*. *Прекрасного ли принца, необычных событий, чуда*.

Чего-то необычного или даже чудесного ждали девушки от меня, и часто меня называли *князем Мышкиным*, потому что и в нем были сконцентрированы ожидания Настасьи Филипповны и Аглаи.

Девушки редко сами пытаются возделывать свою жизнь, не подходят к юношам с предложением познакомиться, и карьере строят часто в соответствии с тем, на что их подвигают близкие. *Но они усиленно ждут!!!* Они – подлинницы романтики и идеалистки.

В университете вокруг меня соединялись сразу три или четыре девушки, или они со мною целовались, или начинали обо мне заботиться (потом некоторые целовались), вот также и *ласточка* обо мне заботилась – это идеальная форма любви, когда не думаешь ни о блаженном Августине, ни о Марии Египетской, и не ходишь к суровым *батюшкам* за наставлением, что делать. (А уже одних их наставлений достаточно, чтобы здравомыслящий человек, будь то хоть Джульетта, хоть Манон Леско, хоть Анна Каренина, хоть мадам Сорель, отвратился от сей мрачной и пронырливой религии!)

Однажды устроился целый спектакль, красивая томная печальная девушка (играющая в эту печаль, как и многие, как даже и Лермонтов) изображала мою невесту, мы венчались, разыгрывалась метель, ее похищали и она попадала в монастырь (одевала платок, подвязывая уголки книзу, и скорбно опускала ресницы). Как я потом узнал, она могла бы стать моей Манон – но не исключено, что драма моей жизни написана заранее, и в ней происходит только то, что необходимо, чтобы повлиять на судьбу и характер. Вот, например, зачем теперь приставы арестовали мой счет, и я не получаю ни копейки денег, и хотя жена меня кормит, но уже напечатать даже два экземпляра своих книжек я не могу, и не могу пригласить В. поговорить о жизни, или, смилив гордость, придется предложить нашу встречу оплачивать ей. Но как я буду перестраивать баню, надо купить несколько балок на основание и стропила, но и у жены этих денег уже не будет...

Несомненно, что печальные события в моей жизни, страсти и гонения случаются не *почему-то* (чтоб только меня помучить), а *зачем-то* – чтоб

выделать из меня человека (возможно, того именно *лучшего*, которым считает меня Манон.

Я уже начал рассыпаться на атомы, отдельно болит плечо, отдельно сердце и живот (но и вместе они тоже болят). Девушки уступают в вагоне метро мне место (и долгих трудов стоит уговорить их относиться ко мне как к мужчине а не как к согбенному старцу). И все же... Есть нечто непостижимое в моих отношениях с девушками – и все же они со мной разговаривают. Они даже от меня чего-то еще ждуг. А, может быть, я даже их последняя надежда. Естественно, не собираются они становиться моими любовницами, как Манон, или выходить за меня замуж – но они надеются, что я и в самом деле человек необычный и чем-то еще от других отличаюсь, и что единственное, чего мне еще не достает – это **чудо**. И они его ждуг от меня, и когда им кажется, что вот-вот что-то в этом роде уже начинает происходить, они загораются, они восклицают! Вот так в августе Анна воскликнула, когда я пришел к ним в деревню: ***Да вокруг него одни чудеса!!!***

Ах, прекрасная Анна, я разочаровал тебя... Но, возможно, еще не все атомы во мне рассыпались утром, в пять часов, я делал гимнастику, через неделю поеду к себе в деревню, начну копать огород и разбирать баню, и сегодня продолжу исполнять положенные дела, и завтра, и послезавтра, и настанет день, когда хотя бы на тот день дел не будет, и я пойду просто гулять и смотреть на красоток... (В пенсионном фонде подарил одной такой последнюю из напечатанных книжек, она поможет мне бороться с нечистой силой, и я ей еще напечатаю и подарю и книги о любви). [Глупенькая *ласточка* со своим диким христианским смирением! Как хороша жизнь для нее! И красивый муж, и нежная дочь, и безумный философ, влюбленный в нее романтической и безукоризненной любовью, за которую даже жестокий мексиканский бог не смог бы ее пожурить! Нет, ей недостаточно идеального земного счастья, ей понадобились небесные гормоны и она захотела стать листком на злосчастном дереве, которое является деревом Бога! Ну и будет она там трепаться на злом небесном бездушном ветру, пока не истреплется и не растворится среди НИЧТО.]

#### ***4. Какою же жаждою томим человек?***

Начну с воспоминаний о В---е. Ей было двенадцать лет, когда я решил влюбиться в нее. Надеюсь, наше знакомство не пошло ей во вред.

Но не ждет ли читатель, не ждет ли она, чтобы я объяснил, зачем мужчина влюбляется в девочку, что он надеется получить от этой любви (а читатель тут при том, что если только она будет моей читательницей, или и Машенька, и Юля, и Эля, и может быть еще те, которые сегодня меня отвергли, то книга моя будет не зря – одно из самых важных чувств-состояний нашего бытия – это состояние ожидания принца и чуда, которым жива женщина. Не понимая такого состояния, как мы надеемся понять мир? Как мы надеемся понять, зачем этому миру Бог? **И тот ли Бог к нам пришел, которого мы ожидали?**

Зачем девушки ждуг прекрасного принца? Это их сон о прекрасном, это их идеальная фантазия, «воспитание чувств», способ взросления. Вероятно,

бессмысленно пытаться отвечать на этот вопрос, подыскивая некую цель, нечто, во имя чего происходит то или другое, **происходящее** первично, а все остальное в него встраивается. Так же невозможно, кажется, ответить на вопрос, зачем человек спит. Для отдыха годится и бодрствование, после тяжелой работы или длительной ходьбы достаточно умыться, посидеть, растянуться на полчаса на диване, а то и посмотреть телевизор. Но вечером мы устаем от бодрствования и стремимся заснуть, чтобы освободиться от усталости дня. Почему она происходит, эта *усталость дня*, как мы от нее освобождаемся? Все сие загадочно, тем более что некоторым достаточно спать по четыре часа, а иные не спят и вовсе. Итак, девушки ждут прекрасного принца, сдруживаются с подобными себе, иногда и влюбляются в подруг (романтической, не чувственной любовью), пока не появится возлюбленный, потом выходят замуж – не за того, о ком грезили. Но грёза для чего-то нужна.

Не то же ли самое с Богом? Чтобы повзрослеть, получить образование, влюбиться и выйти замуж, воспитывать детей и кормить их, работать, заботиться о семье, Бог не нужен, он часто даже отвлекает от любви и семьи и работы, в особенности же от науки и творчества – но зачем-то мы *толимся духовной жаждою* и, наконец, присоединяемся к группе тех, кои нашли уже своего бога, будь то церковь, секта, клуб по интересам, партия или конспиративная организация.

Чаще всего мы присоединяемся (в России) – к христианам, мусульманам, коммунистам... Но сегодня своеобразное время: коммунисты, бывшие злейшие враги христианам, сами становятся одновременно христианами.

Однако, говоря о томлении и ожидании, надо внести в сие уточнение. В женщину встроен, как говорят Дарвин и Шопенгауэр, биологический инстинкт продолжения рода (правда, ныне оказывается, что этот инстинкт подчиняется психологии и социологии, женщина перестала стремиться к рождению. Или инстинкт сам собою вдруг ослабел, или эти ученые и философы врут, и нет в человеке ничего чисто биологического, все в человеке объяснимо только в единстве души и тела, сама по себе ничего не жаждет плоть, отдельно от души, сама по себе ничего не жаждет душа, отдельно от плоти).

Но уточнение необходимо. Девочка-подросток и девушка испытывают **томление**, и как говорят материалисты, сводящие все к физике, это стремление женской плоти к соединению с мужской, затемненное в обществе и семье всяким психологическим мусором. **Но они врут**. Именно так называемый «психологический мусор» и является сущностью человека. Почти такой же бред несут христиане, говоря о *духовных устремлениях и жажде Бога*, затемненных, якобы, в падшем человеке психологическим мусором, привнесенным *врагом рода человеческого* (это их внутривнутрипартийные склоки, как между троцкистами и сталинистами). Но и в связи с отношениями с Богом существует только этот «психологический мусор», и в Достоевском, и в Толстом, и в апостоле Павле (и не лучше одного из них разбирался во всем этом другой, а если за Лютером вдруг пошла вся Германия, то не потому, что Лютер лучше понимал Бога и был ближе к нему. Приливные и отливные волны в народах и

устремления вместе с волною толщи народной воды то за одним то за другим Пророком (часто вовсе бессмысленным) ничего не говорит о величине пророка, все это зависит от множества причин... не знаю, каких. Но и никто не знает лучше, чем я, ни Маркс, ни Гитлер, за которым вдруг хлынула половина Европы. В **культурной истории** Европы Гете и Пушкин существеннее, чем Лютер, но... да ведь и в оперный театр не ломится толпа, сметая все на своем пути, как на стадион. Тонкая пленка аристократии существенна для культуры, иногда она даже властвует, хотя не наступает в силу этого рай, и часто властвует чернь, что **еще хуже...**)

Я пишу, чтобы все мне объяснить себе и другим, подобным мне, по крайней мере, **прояснить**. Для нас, таких, как я, не сообщена Истина Новым Заветом и Ветхим, Марксом и Дарвиным, отчасти проясняет взаимоотношения России и Европы Данилевский, не случайно он еще и антидарвинист, но и у него только намеки... Хотя этого немало. Возможно, выше намеков не поднимусь и я, но и слава богу.)

Мысли толпятся и я перебиваю сам себя.

Кажется, я начал рассказывать о любви к В., которой было, когда мы стали гулять с нею по набережным, держась за руки, 13 лет, а мне 38. **Зачем** я в нее влюбился (а и многое, о чем я рассказываю, относится более к вопросу **зачем**, но не **почему**). Я и тогда распадался на атомы, как и теперь, «духовный кризис» (таково привычное условное наименование кризиса личности, жизни и судьбы у таких как я. А у все ли, и об этом говорить буду тоже).

Можно было завести любовницу, но страстных я инстинктивно боялся. Можно было *пить*, как это делает в таких случаях большинство (и япил немало, еще и сегодня не опохмелился). Можно было увлечься *жизнью для себя*, строить дачу, строить карьеру, подниматься вверх по лестнице жизни, вить семейное гнездо (что лучше всего) – но, видно, в таких как я есть некая червоточина, которая не дает нам спокойно и просто пить воду и солнечный свет и румяниться на *дереве жизни*.

Я **томился** (как девочка-подросток томится ожиданием принца) томлением по особенному состоянию, не испытываемому просто за счет пребывания на дереве жизни. Возможно, объяснение человека и мира (или хотя бы смутное понимание) и состоит в том, чтобы взглянуть в это томление и попытаться понять его, испытывая его или хотя бы по воспоминанию о нем. Томление это многообразно, состоит и в одном, и в другом, и в третьем, об этом мы будем еще говорить).

Религиозный человек утверждает, что есть еще духовное томление, которое разрешается обретением религиозного чувства (или обретением Бога) – это то чувство, о котором Пушкин пишет в стихотворении Пророк. «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился.» Это томление разрешилось встречей с высшими небесными силами, когда «шестикрылый серафим на перепутьи мне явился<sup>2</sup>. а затем и встречей самим Богом.

Итак, всю сумму душевных и плотских движений в человеке, ожиданий и пожеланий я пытаюсь свести к наименьшему числу, чтобы понять человека по возможности самым простым способом, так, как пытается познавать себя

обыденный человек, не философ – или, по крайней мере, чтобы не философствовали эти рассуждения были понятны, ясны и очевидны.

Человек испытывает сумму естественных потребностей (таких, как голод и жажда), и стремится их удовлетворить. Работа, семья и социальная организация общества призваны помочь в удовлетворении прежде всего таких простейших потребностей.

Половой инстинкт, не одинаково в отношении мужчины и женщины (как я считаю), организующий взаимоотношения полов, призван удовлетворить потребность в продолжении рода и в специфическом наслаждении плотской взаимности. Он же является основой особого **состояния любви**, которое связано еще и с потребностью во взаимности душ, с сочувствием, состраданием, заботой, нежностью, пониманием, преодолением скорби, разделении радости, восхищении. Все это не только оплодотворяет нашу жизнь, но и составляет почти все в культуре, которая составляет самое важное в жизни. Христианин отказывается от семьи, от продолжения рода, от любви к женщине, от любви к народу (какая любовь к народу, если и семья и дети и взаимная любовь унижены и отринуты!), отказывается от культуры, ему тягостно держать на одной полке Пушкина рядом с Игнатием Брянчаниновым, ему (как Толстому, например), унижительно, что ставят Пушкину памятник за любовные стихи. Подлинный христианин не нуждается уже в чтении Пушкина, Толстого и Достоевского, Гете и Стендаля, в опере и тем более в оперетте (которая уже единственная в искусстве работала в умирающем городе, поддерживая из последних сил умирающих горожан) – но не нуждается христианин даже в истории, зачем ему победа России над Германией, зачем ему преодоление смерти большим ребенком, если завтра или через миллион лет мы окажемся в раю? Сама евангельская проповедь, противопоставляющая смерть как благо жизни как растлению – чудовишна, она хуже нашествия Батыева на русскую землю (и не случайно церковь отказала Дмитрию Донскому в поддержке перед походом на Куликово поле, и это вопиющий исторический факт!!!).

*Облекитесь в ризы Христовой смерти!* – вот квинтэссенция христианской жизни, которая хуже смерти.

Как долго, как длинно, как надоедливо, как тягостно, уныло, через толченье воды, через повторения, пережевывания, стенания, проклятия, хуления, уговоры и сарказмы – бесконечная череда листов, заполняемых буквами бессильных слов! Но что взамен? Остановиться, смотреть сериал. Сходить на футбол, распить маленькую, а глупая племянница выбросит на помойку Даниила Андреева и заставит ребенка стукаться до крови лбом перед иконой – это сегодня... А вчера – и я ясно до мелких подробностей помню мой опыт десяти - одиннадцатилетнего ребенка – опыт удушья от бесчисленных плакатов «болтун находка для шпионов», «будь бдителен», «враг не дремлет» и «...талин наша слава боевая», когда человек боялся сказать неосторожное слово. Это то же самое, что на каждом повороте шага восклицать «если на то будет воля божья», «с богом», «прости меня грешного», «хлеб наш насущный даждь нам днесь...» – хотя бы этот хлеб был трижды полит собственным потом, но партия нас учит, что дважды два четыре и никто как бог...

Эти два мира, оба удушливых, тождественны, но те, для кого батюшка весь свет в окошке и наместник Бога на земле, не помнят ни Мольера ни Вольтера, не помнят инквизиции большевизма и инквизиции доминиканского братства, и мрачной и умертвляющей их философской диалектики.

Ах, как я устал! Но иначе мои правнуки будут или молиться день и ночь или рыть "Беломор-каналы" на Марсе...

Итак, биологические потребности плоти, для удовлетворения которых *в поте лица своего мы добываем наш хлеб* (и вопреки лживой басне о проклятии труда он, напротив, источник радости), которые я вещаю в краткую формулу **плотской жажды**; и потребности души, ее томление о любви и **любовь**, источник семьи, народа и культуры – вот пока две важнейшие жажды, удовлетворяющиеся через **труд** и **творчество**. Одна только первая жажда, если она не дополняется многообразной любовью, созидает чернь, путан и разбойников, городское народное быдло, государство и правящее сословие, властителей и богатеев, "смехачей и трепачей".

Потребность души, ее жажда, удовлетворяющаяся в любви, создает народ, земледельцев, строителей, ремесленников, поэтов, ученых, философов и писателей, реформаторов и путешественников – всех тех, кого так ненавидит христианин.

Но все ли это? Откуда берутся христиане, христианские святые и писатели, богословы и *батюшки*, инквизиторы и монахи, как случилось, что государство освящено той властью над душами, которая, казалось бы, отрицает власть, и сама жизнь просит разрешения быть у тех, которые велют *настоящим* жить аки во гробе, но "милосердно" разрешают и *немоцным* жить "во славу господню" и за свое разрешение заслуживают лобызания рук? Воистину, во главе всего необыкновенный Фома Опискин, превративший нас в свое стадо овец! (Но как еще случилось, что создатель этого удивительного по силе и глубине образа и сам пошел в стаде, провозглашая осанну? Как случилось, что и его великий ученик, Василий Розанов, проповедник духовной свободы, заблел в конце концов по овечьи?)

### 5. ...что-то еще...

В пору расцвета эллинской культуры (и часто кажется, что это и был пик человеческой истории, после чего она пошла на убыль), бродяга и пьяница Сократ первый посеял семена сомнения в гармонии мира, и не его ли ученик проповедник *противоречий* Зенон? Платон и Аристотель *вернули нам нашу землю*, сделав ее по возможности снова плоской, но она уже никогда не стала только плоскостью, как не обратилась только в сферу. Впрочем, философы, даже все вместе взятые, человека с ума не сведут, он и сам умеет сводить себя с ума. Ни половую любовь мы не выдумываем, ни потребности тела, они существуют в нас врожденно, так же во всех существуют потребности души, даже в тех, в которых они не существуют. Не все избы горят, но огонь существует как способность горения, и каждая избы способна загореться.

(Вот, вероятно, почему «и кони все скачут и скачут, и избы горят и горят...»)

Итак, почти весь человек исчерпывается потребностями тела (плоти) – **плотской жаждой**, которая находит свое удовлетворение в **труде**, и потребностями души, **душевной жаждой**, которая находит свое удовлетворение в **творчестве и любви**.

Но две эти составляющие человека его не исчерпывают и не объясняют до конца его жизнь и историю. Есть что-то еще...

### *6. Дух и духовное...*

Если тело в человеке – это почти то же самое, что материя (вещество) в мире, то все, относящееся к телу, можно назвать физикой, и относящееся к душе, как кажется, – метафизикой. Но исторически сложилось так, что последний термин употребляется часто не для обозначения душевных свойств, а для обозначения того, что стоит над миром, поэтому и в любви мы различаем физику и метафизику, но относится ли **метафизика любви** к *душевной ипостаси* любви (в дополнение к плотской), даже я не совсем понимаю. Однако, чтобы не запутаться, пусть физика и метафизика описывают человека действительного, казалось бы, полного, являющегося синтезом души и тела, а нечто не известное, что необходимо ввести для понимания и объяснения религиозных потребностей человека, мы назовем **трансцендентной** составляющей его.

Трансцендентное или содержится в душе, или же относится к чему-то независимому от нее, в религии и философии называемое **духом**.

Но что такое **дух** и духовное, существуют ли они? Философы легко манипулируют этим понятием, придавая ему смысл противоположности материи. Богословы не отстают от них в легкости обращения, введя понятие Святого Духа как третьей ипостаси христианского Бога. Следовательно, все, что исходит от Бога, является духовным, а исходящее от человека таковым не является. И та духовная жажда, которой томился пророк в стихотворении Пушкина, вдохновлена была Богом, по многочисленным текстам христиан (начиная с апостола Павла). Связь человека с Богом декларировалась еще в Ветхом Завете как любовь человека к Богу, в Новом Завете еще усиливающаяся и противопоставленная человеческой любви к человеческому, в том числе к женщине, детям, Родине.

Однако христианство пошло дальше иудаизма, оно привязало любовь человека к Богу, декларируемую как первая основная заповедь, в которой почти «весь Завет и пророки», по слову Христа (а любовь к ближнему почти ничего не добавляет, ибо это **не** любовь к ближнему, а любовь к образу божию в ближнему, а в иудаизме – любовь к народу, избранному Богом для спасения) – к духовным основаниям, дающимся только Богом, отделив от плоти и души. В *подлинной любви* (к Богу и образу божию в листьях на древе Божием) не должно быть ничего человеческого (как и в человеке, по призыву Павла, Августина, Иеронима и Игнатия, тоже в конце концов ничего не должно остаться кроме креста Христова, в который надо облечься).

Но что же такое *духовное* и *дух*? Возможно, **дух** – это только то, что исходит от Бога-отца, но даже не исходит от Сына (на чем и разделилось

православие и католицизм). Но мы постоянно употребляем это слово и в отношении к стихам и литературе, говоря, вот это духовное, а это не духовное и призывая выбросить на помойку Пушкина и Даниила Андреева, а Толстой – Достоевского (в знаменитых листках, в которых он провел вертикальную черту и налево поместил те книги, которые можно читать христианину, а направо – которые нельзя, и Тургенева с Достоевским и Пушкиным отнеся направо). И все же я был свидетелем, когда несколько философов, в том числе проповедующих христианскую философию, затруднились с определением этого понятия и высказались так: по аналогии с словами *духовенство*, духовные лица, обозначающими "служителей христианского культа", под духовным будем понимать все то, что напрямую связано с религией и христианским Богом, то есть писания святых отцов, жития святых, те произведения светских писателей, которые повествуют о том же, но, кроме того, приняты и освящены церковью как духовные произведения (жития протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и инока Елифания, изданные мною в одной книге с комментариями ученых, к духовной литературе заведомо не относятся, как даже и стихотворение Пушкина "Пророк", навеянное Кораном. К *духовному*, возможно, следует отнести чувства, мысли, поступки и побуждения, связанные с чтением душеполезной литературы, с посещением церкви и причастием, постом и молитвой. Любовь – богомерзкое чувство (или привести длинные цитаты с евангельских сайтов и из Иеронима Блаженного и преподобного Игнатия Брянчанинова, рядом с которым Пушкину, по слову канонизированного церковью Дурылина, нельзя находиться?), но зато она может внушить высокодуховное движение, как поступок Кьеркегора, швырнувшего венчальное кольцо своей невесте, или отказ моей ласточки когда-нибудь еще встречаться со мною и ее торжественное отнесение к мусорному баку моей книги про любовь, которая была посвящена ей.

Если метафизика и физика любви вдохновляются душою и плотью, и если любовь отвергается как следствие падения Евы (до своего падения она не испытывала любви), то очевидно, что та любовь, о которой говорится в духовной литературе, не может быть ни плотской ни душевной (и человеческая любовь должна быть **умерщвлена** вместе с душою и плотью)

Приведу снова свидетельство истинных христиан о любви: *«любовь душевная притекает из человеческой души, а не из духа; эгоистична; ставит объект любви выше Бога (супруга, ребенка, самого себя, работу и пр.); противится Божьей любви; не хочет умирать, боится проходить через крест; несет в себе смерть, потому что происходит из надшей природы человека; не может приносить плод, то есть приводить к Богу других людей.»*

*«Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить! ... приговор душевной любви только один – смерть, как и всему нашему ветхому человеку... Сам орган, излучающий душевную любовь – душа человека – должен умереть на Кресте.»* (Преподобный Игнатий и христианский сайт – о *душевной любви*).

Общее христианское убеждение состоит в том, что и вера и *духовная любовь*, противоположная любви душевной, не могут испытываться человеком

по его собственному побуждению, надо просить о них Бога и они даются Им как награда (или не даются).

Плотскую и душевную любовь надо умертвить и испытывать только *духовную любовь*, даруемую Богом – к Богу, ближнему, церкви.

Что вера существует, несомненно, за веру человек идет на муки и крест и вся его жизнь может быть принесена в жертву вере, и семья и любовь.

Но существует ли *духовное* как нечто отличное от других душевных движений настолько, что даже не коренится в душе (так что не может душа ни быть ни стать христианкой, не прав Тертуллиан!)? Существует ли *духовная любовь*?

Трудности при ответе на этот вопрос коренятся в том, что христианство не выработало общего взгляда не только на чувственность, относящуюся к любви, но и на чувства как таковые. Молитвенное созерцание, тишина, безмолвие, молчание (несомненно, что во многом христианство тяготеет к нирване и буддизму), бесстрашие, спокойствие, равнодушие (вспомним описание Страховым жизни на Афоне и отношения Настоятеля к братии), которая ревновала и суежилась при его «РАВНО-душии»... Испытывается ли *духовная любовь*, переживается ли? Как пишет Игнатий Брянчанинов, "любовь от движения сердца и движения крови *омерзительна*" (и моя ласточка бросила в меня именно эти слова), следовательно, при испытании духовной любви ни сердце ни кровь не должны волноваться, она не ощущается, то есть, вероятно, только созерцается духовными очами...

Трудно и возражать и соглашаться с христианином, впадшим в Инобытие. Что при жизни в него можно впадать, как мне кажется, противоречит многим словам из посланий апостола Павла, но... все же и Савл встретился с Христом, прежде чем стать Павлом, и возлюбил Христа, и не совсем бесстрастен, и Петр и Иоанн не совсем бесстрастны. И все же, возможно, они когда-то переходят черту, отделяющую мир, в котором они начинают пребывать, от нашего мира, и в том мире наши чувства меркнут, христиане заживо умирают, начинают *жить аки спять во гробе*, отвергают семью, женщину, детей, мать и отца (как Христос), наполняются духом и духовной любовью не как чувством, а как особым бесчувственным состоянием... но на этой черте и мне надо остановиться и перестать рассуждать, они не услышат меня, а я не слышу их. Мне не надо рассуждать и по поводу всех тех, которые с ними общаются, беседуют, разговаривают с Богом, страстно чувствуют его и переживают: это все либо человеческое тщеславие, либо лицемерие и ложь, либо глупость, галлюцинации, беснование... (*"не всякому духу доверяйте, но испытывайте духов, не бесы ли они"*).

Но мы видим, разговариваем, читаем и спорим, имея дело с людьми, находящимися в бытии. Умертвили ли они уже все человеческие чувства, сомнительно, во всяком случае, как показывает мой опыт, священное негодование, ревность к Богу, убеждение, что *«Бог поругаем не бывает»*, в подтверждение чего они вооружаются топором, ножом, кистенем, кресалом, для возжиганья костра, и веревкой, выказывают в них живых и страстных людей.

И все мы находимся пока еще ЗДЕСЬ, с этой стороны черты, отделяющей

нас от мертвых и от "аки умерших". И у нас есть еще нечто общее, что важно не только для них, но и для нас.

Существует ли *духовная любовь* или нет, я не знаю, скорее всего, в ее существовании сомневаюсь. Я даже вдруг усомнился в существовании Бога, в чем всегда был уверен и, как мне казалось, даже общался с Ним.

Но несомненно существует нечто, относящееся ко всему тому, о чем я так странно пишу, и что приводит в конце концов от духовности к удушью, к кабале святош и фарисеев, к смертной муке, охватывающей то живое, что вдруг догматически застывает в уверенном созерцании явленной Христом или другим пророком, посланником, Богом неизблемой истине (что и самого Бога повергает вдруг в изумление, когда Великий Инквизитор бросает ему в лицо: "*Да ты и права не имеешь ни прибавить ни убавить ничего к тому, что ты уже возвестил!*") Действительно, и приходится-то до Второго пришествия Он и в самом деле не имеет права, ибо его приход может быть только окончанием света, о чем Достоевский должен был знать. Я уже развожу руками... Таков ли уж Достоевский христианин? Так ли уж он отличается от меня в моем богоборчестве? Или мы два сапога пара? Или пусть я ненужный третий сапог, если вторым является Розанов, но третий сапог, удивительным образом дополняющий казалась бы уже законченную пару?)

Кстати, возражу и моей подруге В., упрекающей меня в бесконечном повторении мною уже сказанного. Христианская литература исчисляется миллионами томов, тысячами томов, находящимися в обиходе, стоящими на полках, на которых не смеют находиться ни Пушкин, ни Достоевский... да и сам Толстой, ишь загордился, начал решать, кого читать позволительно, а кого нет. Да, Лев, ты самый великий среди зверей! Но есть же еще и миры рыб, цветов, растений, ангелов, вертихвосток... то есть, очаровашек... философов... Ну чего ты, Лев, к философам пристаешь, многим из которых место только в сумасшедшем доме, как, может быть, мне?!

Но я опять отвлекся... Вот эти тысячи томов две тысячи лет охмурили европейского человека, пытаясь в нем истребить человеческое, почти истребили, человек стал узок, засох, обессолился, поглупел, культура деградирует, человек уже почти кончен... и что же, мне писать романы в духе Дакунина? Я повторяюсь, но литература не повторяет саму себя? К тому же, я пишу о теме, в которой еще ничего не только не закончено, но и не начато. Бог, Священное Писание, Первородный грех, Вера, Духовная любовь, Воскресение, смысл жизни, **смысл христианства**... Никто ничего существенного по этому поводу не написал, так, детский лепет, фантазии и предисловия. А вся остальная литература не существенна, пока человек хоть отчасти не осмотрится в мире, в котором живет. Ну, скажем, имеет ли смысл заставлять читателя читать Тургенева и Достоевского, если он еще Азбуку не изучил? Надо ли вести зрителя в Русский музей, если он еще не видит ни зги? Вот почему я пытаюсь обучить его азбуке, пытаюсь *посеять очи* (к чему призывал меня Хлебников), пусть напишу я в итоге целых десять томов, посвященных любви! Если *она* вернется ко мне, значит, писал я не зря. Если же она не вернется и после вот этой книги, я напишу еще!.. И она вернется!

### 7. Духовной жаждою томим...

Жить аки спать во гробе и прочий бред во имя грядущего через миллионы лет воскресения меня уже не волнуют. Если мне будет страшно умирать, то неожиданное воскресение меня не утешит, не отменит ту бывшую смертную муку. Если же умирать мне будет не страшно, если я буду чувствовать и понимать, что жил я не зря и после меня остается моя семья, возрожденная Россия, что мои книги будут читать и что моя ласточка вернется к живой жизни от религиозной смерти во Христе, то я буду утешен и без воскресения.

Так что ни страх божий, ни страх смерти не заставляют меня продолжать мой спор с христианством. Я от этого спора устал.

Смысл моей жизни если и не содержится весь в моей привязанности к семье, женщине, культуре, России, то по крайней мере без них моя жизнь бессмысленна. Я ясно чувствую, что без Бога я проживу, а без красивых женщин мне будет жить скучно, без культуры (и, в частности, без литературы) жить будет пусто, без искусства и природы – некрасиво, без моей миленькой – печально, без семьи, народа и России – невыносимо.

Отказаться от полноты жизни, какая нам дана вместе с миром, данным нам в его полноте, со всем перечисленным, – ради Бога, – я не могу. Пустыня и камень, на котором я сижу, и Бог рядом – нет, это не по мне. Я даже с любимой без всего остального буду неутешен.

Значит, речь не о том, нужно ли человеку обменивать полноценную жизнь на Бога. Вероятно, одним людям свойствен вкус к жизни, любовь к ней, другие от жизни мучаются, что ли? Им требуется себя оскопить (и ведь многие и в самом деле физически себя оскопляют, а монахи – умерщвляют чувства, связанные с врожденной природой, как об этом пишет апостол Павел). Для христиан в этом истина, для меня – патология. Следовательно, существуют два типа людей, каждому из которых ближе свое. Вот я не могу пить чай с ароматизирующими добавками, а большинство уже пьет только такой чай. Для уже многих совершенно не актуален мой спор с христианами, потому что они спят с себе подобными, им, бывшим мужчинам, неприятно прикасаться к женщинам безо всякой проповеди апостола Павла.

Правда, я опасуюсь, что вскоре и те и другие так переделают наш привычный мир чувственной природы на сверхчувственную антиприроду, что жить в нашем мире станет неважно, и тогда нам, последним оставшимся язычникам, которых привлекает природное, придется пойти в последний языческий поход для спасения нашего мира, а тех, "*людей лунного света*", переселять на луну.

Но почему эта странная проповедь Нового Завета привлекла столь многих? И хотя им удалось своей идеей освящения власти Кесаря божественным миропомазанием привлечь на свою сторону государство и его силу, и в христиан переставляли обычных грешников насильственно, сгоняя толпами в Днепр и в Стикс, но ведь в девяностые годы двадцатого столетия насильно никого не крестили – зачем бывшие комсомолки побежали к *батюшкам* (тоже бывшим комсомольцам) спрашивать, читать ли им Пушкина и с кем спать?

Следовательно, надо сосредоточить исследование не на том, что христианство ущербно (ведь, могут возразить мне, пьяница тоже думает, что трезвенники ущербны), но на причинах, разделяющих наш мир, на отличиях типов людей, на исходных потребностях и их осуществлении.

Биологические потребности в дыхании, тепле и одежде, воде и пище принудили человека работать и создали цивилизацию. Половой инстинкт размножения и связанная с ним потребность души в соединении полов в синтетическом их единстве создали своеобразную "*половую любовь*". Любовь стала основой *культуры*. (И надо заметить, что *культура*, центром которой являются любовь и творчество, и *цивилизация*, центром которой является поддержание биологической жизни и работа, не существуют сами по себе. Земледелие и работа по возделыванию продуктов питания тысячами нитей соединены с культурой и творчеством; любовь, прежде всего материнская, неотделима от работы не только души, что естественно, ибо *душа и обязана трудиться и день и ночь*, но с непрерывной тяжелой работой – уже вынашивание плода более тяжелая работа чем труд земледельца. Отсюда внимательный человек уже увидит пропасть, отделяющую любовь-наслаждение мужчины от любви-самопожертвования женщины).

И если я говорю, что понимание должно опираться на то, что в нас разделяющего, то об этом я и буду теперь писать.

Итак, большая часть людей словно бы замкнута на себя так, что остальной мир является лишь дополнением личности, а потому видит в качестве цели только себя, как плоть или как душу.

А я разве не замкнут на себя?

Парефразируя Гете, я скажу о себе, что *«я часть той части целого»*, которая тоже всматривается только в себя, но пытается изменить преимущественно других людей и мир, и таковы философы и поэты.

И в этом самое сильное отличие их от обывателей. Обыватель может быть занят не собою, а только окружающим (потому что себе он неинтересен): дракой в соседнем дворе, газетами, политикой, телесериалами, футболом... – но живет он только собою и для себя и для *своего*: семьи, родных, друзей. Судьба России, культуры, природы его волнует не больше, чем родного футбольного клуба, он не поверит, что для кого-то в них главный смысл жизни (хотя и мы – такие же люди, из плоти и крови, бодем и любим и умираем, и тоже живем для себя и для тех, кого любим).

Что будет с Россией и Европой (которая тоже мне дорога, потому что я не представляю Россию как часть азийского мира, но только как часть европейского) – важнее для меня, чем мой литературный успех, хотя, казалось бы, в литературе сосредоточен весь интерес моей жизни.

А что же *ласточка*? Но если я не буду дышать, исчезнет вдруг воздух, которым дышу, я не смогу любить мою милую, даже если бы только в ней сосредоточена была вся моя жизнь. Россия – условие моего существования, как и культура (они взаимосвязаны, отдельно не существуют ни Россия, ни культура), но они же отчасти и смысл и цель жизни. Но только в них одних, без семьи и друзей, без общества близких людей я тоже не выживу, даже если

останутся Россия и культура. Вот так же, исчезла бы вдруг природа, но остались города и книги, музыка и театр... или исчезли бы вдруг женщины, хотя осталась бы *ласточка*... я и без нее с трудом выживаю, хотя хожу на концерты, любезничаю с очаровашками, пишу книги и иногда выпиваю, отчего мне, увы, еще хуже, не выживу и без семьи, без друзей, без тех книг, которые я пишу. Да, кстати, а зачем я пишу? Я хочу понять мир, самого себя, жестокого Бога, утешить себя и помочь в утеснениях жизнью. Уже и тщеславие и честолюбие мало значат в моей страсти к писанию. Пишу по привычке, по потребности, как бы по некоей жажде... а может быть, это и есть разновидность *духовной жажды*?

Если говорить проще, прибегая к уже выработанным жизнью шаблонам, то можно сказать? Люди делятся на тех, кого заботит преимущественно своя собственная душа, и они заняты возрастанием своей плоти, присоединяя к ней плоть окружающего мира, то есть заводят собаку или любовницу, богатеют или хлопчут о богатстве, делают карьеру вплоть до царского венца; или они заняты возрастанием своей души или ее спасением, становясь христианами – это эгоисты; и есть те, кто заботится о других – это альтруисты. Не все эгоисты христиане, но все христиане эгоисты; альтруисты же преимущественно становятся бедняками, а уже из них попадают куда-нибудь еще, даже и в христиане (пытаясь спасти чужую душу).

-----

Но я уже говорил, что две потребности, две жажды определяют почти всю нашу жизнь, и удовлетворяются насыщением и любовью, работой и творчеством – но имеет ли к тому или иному отношение религия?

Нет, ни голод или жажда, ни потребность в любви не становятся основанием для воображения Бога и призывания Его. Существует и проявляется в исключительных случаях некая еще потребность, томление, жажда, Зов, которые все относятся к *трансцендентному*, вот об этом Пушкин и писал: *Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...*

Человек голоден, жаждет, съезживается от холода – и для преодоления этой общей телесной потребности он совершает усилия, прибегает к некоей деятельности, **работает**, но совершает во многом и те усилия, которые присущи всему живому, то есть наклоняется у водопоя, прячется в пещеру, срывает *плод с древа*... Или же копытом роет ямку во влажной земле, роет нору, загоняет антилопу, палкой сшибает *плод с древа*... многое, что делает человек, напоминает нам и то, что делают и меньшие наши братья (и я с намерением перечисляю действия человека в такой последовательности, что специфически человеческим, то есть работой, этот ряд завершаю).

Собирая корни и плоды, дикий мед и акриды, разжигая костер, поджаривая то, что нуждается в термической обработке (к чему, по всей видимости, приходит человек опытным путем), он удовлетворяет природные потребности плоти. Сомнительно, чтобы в этих потребностях присутствовала, зарождалась и проявлялась мысль о божестве.

Но что такое половой инстинкт, наслаждение, размножение, семья и **любовь**? Шопенгауэр и Вл. Соловьев чуть ли не противоположным образом

отвечают на сей вопрос, и причина этому в том, что многосоставность мира, многозначность, многоипостасность, глубинный его разлад, синтез мира в целостность из противоположных сущностей – раздражают философа и обывателя в равной степени, человек (обыденный) жаждет все упростить и на каждый вопрос спешит ответить так: ну, это все просто, берем камень... и так далее... и таковы мои знакомые Маркс, Ильич, мой университетский товарищ Володя, бывший мой университетский знакомый Игнатий... да почти все, с кем приходится спорить. (Правда, и мое обыкновение на каждый вопрос отвечать или «не знаю», или «надо подумать», идет ли речь о том, существует ли Бог и в чем причины Русских революций, обывателя раздражают не зря. Хочется ведь знать *всё*, притом быстро, притом наипростейшим способом, а не учиться в школе, как В. И., одиннадцать лет, затем в тюрьме и психушке три года, затем еще полгода в тюрьме, прочитать девяносто томов Толстого, пять томов Маркса, пятьдесят пять томов Ильича (да, обыватель, конечно, прав, этого читал я напрасно), да еще великих поэтов, великих писателей, великих философов, да еще великого Савла, ставшего Павлом после предательства веры отцов, да еще сумасшедшего, хотя и Блаженного Августина, более всего опасавшегося некрасивых движений в постели, в которую «половой инстинкт» или **похоть плоти** (об этом пока еще спорят Дарвин и Шопенгауэр с двенадцатью учениками Христа и ни о чем еще не договорились) затаскивает так называемых влюбленных... итак, столько прочитать (а многие прочитали гораздо более), да еще самому написать тринадцать толстенных книг мелким шрифтом... и что в итоге? В итоге разнообразные болезни и рассыпание плоти на атомы (Гераклит прав, множество атомов существует, а Парменид не прав, не могут мои все болезни и немощная плоть происходить из единственного целостного начала); в итоге судебные приставы в моей возлюбленной России, которую у меня уже всю отобрали, отобрали и пенсию (всю), и *компенсацию* (всю) за несправедливые отсидки в семидесятых годах (бывшую словно бы извинением моего государства перед невинно страдавшим гражданином, и доплату города (всю) за то, что я родился во время войны и мой отец отдал свою жизнь, защищая и меня и **их всех**, отобравших у меня ВСЁ. (Два слова еще. Они на меня исполнены *священного негодования*. Они уверены, что меня даже надо окончательно добить в моем логове, которым они считают мой прекрасный город, теперь они хотят запечатать и дверь в квартиру, в которой я должен издохнуть как голодный раненый зверь).

Впрочем, это так, лирическое отступление, чтобы читатель не засох от чтения Парменида.

Да, но что же еще в итоге? В итоге есть *батьюшка*, который не велит со мною встречаться *той*, для которой я пишу все свои книги, и есть тайная прекрасная, боязливая и кроткая молодая женщина (именно **та**, о которой я упоминаю обаянием и для которой пишу), которая, прочитав евангелия, и не читая ни Шопенгауэра, ни Вл. Соловьева, ни меня (а меня читать запретил ей *батьюшка*), согласилась, что встречи с посторонним мужчиной греховны, потому что так говорится в евангелиях.

В итоге есть еще и Манон, которая вначале меня жалела, потом, не читая евангелий (и меня не читая тоже), согласилась с Шопенгауэром, что половой инстинкт важнее, и начала вить гнездо, в котором будет высиживать птенчиков (почему и со мною встречаться пока не будет).

Да, я так отвлекся, что уже с трудом нахожу обрывок нити, которую вью для читателя. Окончил я тем, что пишу мы приобретаем за счет работы, но работу найти мне пока не удается, потому что рассыпаются атомы. Я написал множество книг, но их не читают, потому и не покупают, да и печатать мне их не на что. Я написал Азбуку высшей математики, и выдающиеся математики, включая великого Шафаревича, считают ее выдающейся, но студенты черпают знания в Интернете, поэтому обходятся без моей математической книги. Я был выдающимся преподавателем, меня даже некоторые родители нанимали для обучения пытливых чад, но с введением ЕГЭ потребность в учителях отпала. Замечательный отставной адмирал, работавший сторожем, уговорил работодателя нанять и меня, но адмирал умер, работодатель разорился, другим не нравится, что моя борода поседела. Итак, воду я пью из-под крана, пищей со мною делятся друзья и родные, если, по требованию нашего родного государства, жену не лишат работы, я пока проживу.

Но надо теперь сказать и *о половом инстинкте*... Но с этим все просто. Начитавшись Блаженного Иеронима (которого я когда-то и издал в моей неблагодарной России, двадцать лет назад, за что меня потом, по совокупности, то есть в основном за издание Радзивилловской летописи, но отчасти и за издание Данилевского, протопопы Аввакума, и множества других замечательных авторов, мало доступных тогда образованной читательской публике, и посадили в тюрьму), я решил с половым инстинктом завязать (тем более, что при этом, как пишет Иероним, толпами в пещеру, в которой пытаешься от этого инстинкта скрываться, являются голые красивые девушки... не иначе бесовки... впрочем, красавицы все бесовки, пусть они на меня не обижаются. Пещерой стала для меня моя деревня, ходят туда ко мне дети, еще ангелы, в бесовок превращаться им еще долго, я уже успею попасть на небо, да иногда соседка, и изредка проходит мимо окна соседская дочь (а я в нее был влюблен, да она мне и теперь нравится)... Но я ее не пугаю с бесовками, потому что она одета, как и подобает благонамеренной женщине, даже не читавшей Игнатия, Иеронима, Августина и Павла... не читала она, впрочем, и моих сочинений, кроме нескольких страниц, где я пишу про нее. Итак, жить можно, пока еще могу не умереть и даже не взбеситься от всяческих козней потусторонних сил...

Но я уже начинаю говорить о бесах, бесовках, начал намекать на какую-то другую любовь, не похожую на ту, что происходит от одного полового инстинкта, упоминаю потусторонние силы... Но двух начал, то есть "жажды телесной", потребности в еде, воде, крове и одежде, удовлетворяющейся за счет **труда**, и *потребности в семье и продолжении рода*, которая включает в себя половой инстинкт и жажду любви и удовлетворяется за счет любви и **творчества**, пока недостаточно для понимания и объяснения человека. Назову эти два начала так: **сохранение частной жизни и продолжение рода**.

-----

Пора уже поговорить и о "духовном"...

Человек есть единство души и плоти, с чем никто и не спорит, и вмещается ли в человека дух, находится ли он во плоти или в душе, внятно не говорят и богословы, и многие не различают душевное от духовного, даже сказал Христос, что *"кто потеряет душу свою за Меня, тот спасет ее"*, и апостол Павел подтвердил, что смысл земной жизни состоит в *спасении души*, из чего следует, что душа – основная ценность христианина, – но почему преподобный Игнатий ополчается на душу и все душевное, и почему "евангелисты" призывают ее умерщвлять, непостижимо не только душе, но и грешной плоти.

Итак, *дух и духовное*... По аналогии с человеком я думаю, что Природа также двойственна и есть единство ее естественной плоти и незримой души, так же незримой, как и в человеке. А есть ли еще и дух и духовное, отдельно от Бога, и от Духа Святого как ипостаси Бога-Троицы, я затрудняюсь сказать. Я и сам часто говорю о духовном, и в моих стихах сказано: "и дух и плоть явились мне, как некий всадник на коне", и Пушкин говорит о пророке: "Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился..." – но этот дух не является душой или ее свойством. Предположительно, *дух и духовное* подобны природному, которое проходит через человека, исходя из мира, подобно холоду и жаре: холод не свойство тела, но он результат влияния на тело всего внешнего, и тело томится холодом. Испытывать влияние телесных сил мира мы можем, так как мы сопричастны миру; испытываем мы и некое томление, уныние, тоску, *духовную жажду*, так как сопричастны и духу мира или Богу. Но можно подумать и так, что человек вмещает в себя ВСЁ, что ни есть в мире, и «царствие небесное внутрь вас есть», сказано в Новом Завете, так, может быть, духовное тоже помещено внутрь человека, само ли оно по себе или свойство или отдел души? А вернее всего, не ответить на подобные вопросы прямо, а рассудить так: "Я встретил вас и все бывшее в отжившем сердце ожило" или "я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты"... Нечто почти сверхъестественное, особенное состояние восторга, прозрения, благодати, откровения, блаженства, счастья и муки одновременно осияет и наполняет все существо человека, и тело его и душу, и причина и источник этого состояния находятся одновременно и внутри и вне – если бы не было её явления, встречи с **нею**, то не было бы этого состояния, если бы поэт не поднялся на высоту откровения, оно бы не наступило с ним, так и Савлу явился Христос не случайно, но будущий отступник ждал и томился той самой духовной жаждой, о которой писал Пушкин, и Христос явился, откликнувшись на Зов страждущей души, и душа открылась на Зов Христа.

То, что происходит, описывается ли в словах *"передо мной явилась ты как мимолетное виденье, как гений чистой красоты"* или в словах *"и шестикрылый серафим на перепутье мне явился"* – является по сущности одним: долгое, мучительное томление души, ее призывание разрешения этого томления завершается явлением почти инобытийной сущности, *гения чистой красоты* или *шестикрылого серафима*.

Это томление находится именно в человеке, как бы человека ни характери-

зовать, пусть даже как крайнюю мерзость, как выблядка из союза падшей Евы и слабовольного Адама, как вбивают в наши головы две тысячи лет суровые владельцы христианских душ – но только в человеке происходит томление и призывание, и мир, женщина, Бог откликаются на зов души человеческой.

Кто откликается, об этом мы рассказываем на основании собственного опыта и того опыта, о котором сообщает культура. Само призывание я называю *трансцендентным*, потому что загадочны и непостижимы его последствия. Мне было девятнадцать лет, когда я познакомился с музыкой Вагнера, слушал с пластинок Лоэнгрин и Тангейзера, увертюру к Риенци и оперы "Парсифаль" и "Тристан и Изольда, одновременно читая Идиота, три тома "Дневника писателя", Братьев Карамазовых и "Легенду о великом инквизиторе" Розанова (о котором русская вселенная, казалось бы, забыла навечно). В это же время я читал "Россию и Европу" Данилевского (и именно я первый в новой России издал эту великую книгу, за издание которой меня потом посадили). Тогда же я прочитал Библию, то есть Ветхий Завет и Новый, начал ходить на "Музыкальные среды" к Юрию Борисовичу Перепелкину, тогда же влюбился – самым странным образом. Со мною что-то случилось, я испытал необыкновенное состояние Откровения, был, вероятно, восхищен, как говорит апостол Павел, но что видел и с кем говорил, пересказать я не мог.

А странность состоит в следующем. Незадолго до того я влюбился, начал встречаться и разговаривать на долгих прогулках с девушкой, учившейся на курс меньше и жившей в нашем общежитии, мы не могли расставаться надолго, поэтому я переселился за шкаф в ее комнату, где жили еще две девушки (и что это значило, сегодня понять мне трудно, необыкновенные все же жили девчонки во времена моей молодости). Влюбление объясняет Дарвин *половым инстинктом* (в то время даже *мысль* объяснялась движением атомов, как сегодня все объясняется волей Всевышнего), а так как мы целовались, то с Дарвином, исследовавшим происхождение детей, я не спорю. Но вдруг я ее разлюбил и перестал целоваться (замечу, чтобы не вводить в искушение современных читателей, что о существовании еще каких-то неприличных движений, о которых рассказывает Августин, мы не подозревали). Мы все так же продолжали гулять и разговаривать, забывая про лекции и про обед (впрочем, на обед у нас не было денег, почти как теперь, когда за мое воспитание взялась постсоветская власть и отняла все источники денег на оплату еды и лекарств).

Ни Шопенгауэром ни Дарвином ни даже Владимиром Соловьевым уже никак не объяснялись наши невинные встречи, я продолжал жить за шкафом, не помышлял ни о наслаждении, ни о продолжении рода, ни о слиянии двух разных полов во *всеединство*, не размышлял и не помнил про любовь, и вдруг, идя по лестнице в общежитии... это был словно удар молнии, словно вознесенье на небо, словно исчезновение из мира... Само состояние было блаженством, но в нем было такое сгущение чувства, что оно совершенно не походило на умиротворение, спокойствие, на *сон в летнюю ночь*, на элегию, упоение, струение радости. Ко мне не являлись серафимы, не было видения, эстетического или нравственного переживания, был разрыв мира.

Но одновременно появилось ощущение Божества, особенная религиозная экзальтация, сразу два чувства слились в одно: *любовь к девушке и вознесение из мира на небо.*

Позже я иногда испытывал нечто похожее по сиянию света и чувству нежности и блаженства, которые были связаны с женщиной и любовью к ней, но религиозное чувство, постепенно иссякая, у меня уже не вспыхивало так ярко, как в то мгновение; можно, быть может, сказать, что любовь к миру (которая переживается более ясно как любовь к женщине), явилась мне, чтобы не отпустить к безличному, внемирному, безжизненному, инобытийному... И мне трудно понять женщину, выбирающую между миром и Богом, если ей приходится отречься от рождения детей и любви к ребенку. Да ведь еще все существенное и трагическое состоит в том, что Бог требует от человека всего, он требует не только отречения от женщины, от любви, детей, семьи и Родины, но и отречения от творчества и культуры, отречения от труда и его радости (труд в христианстве проклят, как и творчество). Надо отдать все ради того, чтобы раствориться в древе, стать листком на его веточке.

Ну ладно, говорю я, что это плохо, доказать нельзя, возможно, религиозное состояние сродни безумию, запою или наркотическому состоянию, я с ними сталкивался очень близко и я понимаю, что доказать такому человеку, что жизнь важнее, чем мысль о будущем райском блаженстве или страхе адских мук за невинные встречи с любимым, которому только что ты клялась, что жить без него не можешь... да ладно, что-то часто обрывается нить, за которую я хочу повести читателя.

Любовь, о которой я говорю, слагается из двух Любостей: из обычной человеческой любви, требующей нежности и наслаждения, радости, восхищения и растворения друг в друге, заботы и сочувствия, – и из любви, которая возникает в человеке как ответ на трансцендентное томление и призывание, которая соперничает с стремлением уйти от мира к инобытийному непостижимому Богу.

(Да разве о том спор, есть Бог или нет? Разве мы обсуждаем схоластический бред Достоевского, что если Бога нет, то все позволено, тем более что именно у христиан проповедуется, что религия выше морали и к ней нельзя подходить с критериями добра и зла?! Я задаю совершенно другой вопрос, не отвергающий потребность в человеке божественной защиты: *Тот ли Бог к нам пришел, которого мы ждали?* Так и женщина, не сомневающаяся в необходимости любви и детей, вправе спросить себя во многих обстоятельствах неустроенной жизни: *за того ли я вышла замуж?*)

Но есть три типа людей. Одни любят мир, заботятся о нем и пытаются его изменить и благоустроить; другие мир прокляли, требуют пассивного ожидания смерти и воскресения – это истинные христиане; третьи не сходят с ума, спят с тем, с кем хотят, участвуют даже в революциях, Пушкина не бросают на помойку, Брянчанинова не читают, Библию не читали тоже, просто заходят иногда в церковь, ставят свечку, **пьют кровь Христову...** увы, хотя эти и не истинные христиане, и во многом живут как все, **но...**

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

**ТРЕТЬЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА****1. Все ли позволено?**

*18 апреля, понедельник 9-01.* Спал плохо, мысли о смерти снова одолевали, но я еще в дороге, я не дошел до цели своего существования, не принес нечто, что как будто бы несу хотя бы своим близким. Иду ли я в самом деле куда-то, я не знаю. Несу ли я с собою нечто существенное, я не знаю. Узнаю ли я там (куда, возможно, иду), нечто и впрямь существенное, что проливает свет на мою личность и судьбу?

Но есть смутное ощущение, что я не имею права остановиться в своем *восхождении*, что я должен дойти до естественного (?) логического (?) конца, где и узнаю, куда и зачем я иду – или, напротив, что никто никуда меня и не посылал; узнаю, что именно я должен сообщить важного тем, кто на меня рассчитывает – или и там ничего не узнаю.

Буду смотреть на пример адмирала Колчака. Ученый, полярный исследователь, командующий флотом, Верховный правитель Востока России, несостоявшийся ее спаситель, он был расстрелян на берегу Байкала.

Он дошел до конца, до своей насильственной смерти, свое жизненное предназначение, если оно состояло в спасении России, он не исполнил – почему? Россия виновата, он сам допустил ошибки?

Но немаловажно еще и то, что он познал необыкновенную и трагическую любовь, которая особым светом освещает его героическую личность. Те выдающиеся люди в России, которые привлекают наше внимание, производят на нас более поэтическое, более трогательное, притягательное впечатление, чья судьба переплетена с любовью или (и) трагической смертью, таков Пушкин (погибший, защищая честь жены), Лермонтов (хотя и неясно, что послужило причиной его смерти, но смутно его почитатели склонны упрекать в ней друзей и женщин, его разочарование в них, его одиночество, которое не помогло преодолеть ни одна из вертихвосток, с которыми он дружил), таковы Гумилев, Есенин и, конечно, Колчак.

Итак, надо идти – до смерти. Хотя я и устал уже от трудностей жизни, от того, что даже жить не на что, что государство веревку стянуло на моей шее, что мои книги никто не читает, устал и от того, что не уверен, что они что-то из себя представляют. Романы Достоевского не заменяют философии, любовные притязания, столкновения характеров, противоречия судьбы и жизни и общественных и социальных отношений – вместо набора глубокомысленных сентенций, не подкрепленных художественной правдой (или неправдой). Но эти романы увлекательны (как и Анна Каренина Толстого), другие философы пишут о них, вливая в их пенный напиток философский "спиритус", и читатель не мучается, как при чтении моих книг, а получает и **развлечение и поучение**. (Впрочем, может быть, в романе и драме и на самом деле содержится нечто более глубокое, чем в философском трактате?)

Не особняком в ряду тех, кто привлекает не только поучениями, но и трагической и странной судьбой и странной любовью, Христос.

Это личность самая загадочная в ряду тех, кто оказал влияние на историю и философию (хотя влияние его на культуру глубоко разрушительно).

Чтобы христиане не явились ко мне толпой для побиванья камнями, как блудницу, я обращаюсь за помощью к иудеям и атеистам; и те и другие защищены и законом и историей и общественной моралью, значительная часть общества относится к ним с глубокой симпатией и многое принимает в их воззрениях на историю. Вот и я, с исторической и философски-религиозной точки зрения отчасти несомненный иудей (как и всякий христианин, ибо христиане основывают свое мировоззрение на Ветхом и Новом Заветах, и в их Троице Иегова несомненный Бог-Отец, не говоря уж о том, что Богородица, дева Мария, **родившая** Христа, несомненная иудейка, да и отчим, плотник Иосиф, правоверный иудей, да и сам Христос по рождению иудей, ибо был обрезан, и все его первые и основные ученики – иудеи.

Но для иудеев Христос – не Бог и не Сын Божий, а один из пророков, и иудеи к Христу канонически относятся плохо и оправдывают суд над ним синедриона, поэтому, прежде чем побивать меня камнями, побейте ими сначала всех иудеев, я всего лишь стою (отчасти) на их точке зрения.

Во-вторых, прибегаю к защите атеистов, кои составляют в нашей стране большинство (при здравом рассмотрении в себя каждого). Подлинных христиан среди русских не более четверти, с чего это они взяли на себя миссию говорить от имени русского народа, минуя Пушкина, Достоевского, Толстого, Вернадского, Ухтомского и Маркса (усыновлен Россией в начале двадцатого столетия), минуя и русских религиозных философов, выброшенных на помойку современным православным богословием вместе с Пушкиным, Даниилом Андреевым и мною?

Положим, что я полуиудей и полуйудей, но по крайней мере я человек мыслящий и чувствующий и сочувствую всем, кто мыслит, чувствовал и страдал. Я не сочувствую тем, кто уже спит во гробе или засушил себя до состояния воблы (и ласточке я сочувствую за ее прошлые страдания, но не за ее растворение в *"как батюшка скажет"*).

Ах, как горестно воскликнула Мария Магдалина, войдя в пещеру, где лежало тело Христа, "куда же его унесли и не сказали"! Она его любила. (Я настаиваю на том, что ее любовь была подобна той, которую мы ежеминутно испытываем, но ведь и я сам ласточку люблю не так, как обычно любят красивую женщину!)

Несомненно, что Христос ее не любил. Он не любил и мать и братьев и сестер, так как отказался к ним выйти, когда они к нему пришли, и противопоставил им учеников своих. Более того, он воскликнул однажды: «Оставьте мертвых погребать мертвецов своих!» А я полжизни искал могилу отца и нашел, и еще надеюсь увенчать ее памятником, если раньше государство, защищая которое, он погиб, не удавит меня своею веревкой. Вот поэтому я и не могу быть христианином, ибо род и народ мне дороги, и даже за государство, если на него нападут, я готов отдать свою жизнь (ибо наша Россия не состоит только из государственных служащих, как они думают, они смертны, а Россия существует уже более тысячи лет.

Женщина Христа любила, и мать его любила его, и ученики любили, но он проповедовал **духовную любовь**, в которой не может быть и не было ни любви Анны Карениной к Вронскому, ни любви Джульетты к Ромео, ни любви Анны к своим детям, ни прошлой любви апостола Павла к евреям, от которых он отрекся, ни той священной дружбы, которая для Пушкина чуть не заменила отечество (когда он воскликнул "Отечество нам Царское село!" – ну, это восклицается в семнадцать лет, так и я восклицал, имея в виду тех, из-за которых сходил с ума!)

Христос, однако, загадочен и мне интересен, поэтому я не отрясаю христианство с обуви своей, уходя, а пытаюсь понять, чем он был привлекателен для многих, в том числе и для меня. Кроме того, я не могу отделить от своего сердца сердце моей ласточки. Я не могу отделить от русской культуры, которая мне дорога, ни Толстого ни Достоевского, и когда говорю, что слова Достоевского «Если Бога нет, то все позволено!» – философский или даже антифилософский бред, то это не значит, что я, как Толстой, помещаю Достоевского слева от толстовской черты и велю грамотным его не читать. Нет, я смотрю и на Достоевского и на Толстого, как и на Пушкина, снизу вверх, но разница в том, что Пушкин был умнейшим человеком в России, а эти странные гении часто бывали безумными.

[Объяснение то одного то другого я оставляю часто на потом, а потом забываю объяснить, поэтому объяснюсь сразу. Человечество состоит из множества рас, народов, сословий и групп, не говоря уж об индивидуальностях. Не все народы относятся к христианским, однако опыт Второй мировой войны заставляет нормального человека признать, что никто не вправе считать, что его народ выше другого по тем или иным причинам, в том числе по жажде растворения в Боге, как Достоевский, или по вере, что «личность является абсолют, имеющим свою жизненную цель и задачу в самом себе», как Кьеркегор (как видно, не считающий человека ничтожеством, не способным ни на что более, чем стать листком на Древе Господнем). Утверждение, что только Бог спасает человека от того, чтобы поедать себе подобных, не только оскорбляет большинство людей (сегодня атеисты в большинстве), но и целые народы: в столкновении с Германией русские были преимущественно атеистами, немцы хотя бы на словах считали себя религиозными, по крайней мере, на знамени у них было начертано: «С нами Бог!» – так для кого же все было позволено, для русских безбожников (и моего отца в том числе, оставшегося на Безымянной высоте, чтобы спасти хоть часть своего взвода) или для немцев, марширующих на Восток с их Богом? И разве не все было позволено христианской инквизиции в Испании да и во всей Европе и в Латинской Америке? Не все было позволено крестоносцам, отвоевывавшим Гроб Господень, вовлекающим в крестовые походы даже детей? И разве **все** войны в Европе не велись во имя Бога? Кроме Французской революции? И разве чума истребила половину Европы не потому, что всех ученых сожгли как еретиков, а сегодня чумы нет только потому, что ученых жечь перестали, и разные безбожники Пироговы и Базаровы свободно занимаются медициной? Но главное, что разрушает

гуманистический бред Достоевского, состоит в том, что "*христианство вне морали, выше морали, это горение духа*", что является общей богословской точкой зрения, и какими моральными нормами измеряется проповедь Христа, что на Страшном суде спасется только малая горстка избранных, и уверенность апостола Павла, что «нет праведных, ни одного, все до одного грешники!»? Если христианский Бог есть, то только в этом случае «всё позволено», ибо **всё оправдывается верой и только верой!**

Но добавлю и по поводу безнравственности христианства, того, что оно вне морали... Содом и Гоморра были испепелены за грех немногих всероде, вместе с невинными детьми (хотя, впрочем, по христианским воззрениям дети уже виновны и осуждены за грех прародительницы), но когда апостол Павел сослался на их испепеление, то смущенно добавил, что об этом говорится иносказательно, в поучение, что не надо сей пример понимать буквально. И также спросите о других примерах испепелений, вара и скрежета зубового, о чем говорится в Священном писании, у любого священника, признает ли он, что да, на вилы и поднимали малолетних детей и так и должно было? Нет, потупит очи и возразит, что это иносказательно... Современный священник не согласится со своим богословием, что христианство вне морали, но все же не будем лицемерить! – и те боги, которым приносились кровавые жертвы, и Бог Авраама и Исаака – только они доказывают, что "все позволено", а гуманизм, отрицающий сверхъестественную сущность, стоящую над человеком, проповедует главенство человеческого нравственного закона. Или Бог есть и Ему принадлежит суд и право и определение того, что хорошо и что плохо, или Бога нет, и человек руководствуется в своем поведении "**нравственным законом внутри нас**" (по заповеди Канта, которая выше всех ветхозаветных и новозаветных заповедей). Но, впрочем, основывает ли человек свою мораль на растворении в Боге или на растворении в человеке, ничего не меняет, одни поступают хорошо, другие плохо, у одних совесть есть, а у других ее нет, и это, странно это или нет, не имеет никакого отношения к тому, верит человек или не верит, читает ли Библию или Капитал. Отчасти это и плохо, не повлияю я ни на кого своими книгами, как и до меня... но вскапывая огород, "культивируя", я вижу, что он становится лучше, надеюсь, что и человека культура делает, хотя и медленно, лучше, но **не делает человека лучше религия, христианская или марксистская.**]

## **2. Но чем же христианство оболыцает человека?**

Если бы человек определялся только двумя сущностями, одна из которых – сохранение жизни, а другая – продолжение рода, то он обошелся бы без многого, что усложняет человеческую жизнь и историю, хотя даже при этом жизнь была бы сложна: действительно, механизм *сохранения жизни* как будто бы встроен только в телесную часть человека, на первый взгляд кажется, что голод и жажду испытывает только тело, но ведь есть еще и болезни, нарушающие правильное течение жизни, есть еще и необходимость заботиться о потомстве (которое вообще никаким боком как будто бы не входит в сохранение жизни), есть еще масса потребностей, помимо голода и жажды, не менее не обходимых, чем пища, ну, например, сон...

Тело или душа жаждут? Разве тело способно испытывать что *либо*?

Не просто все и с *половым инстинктом*, который приводится изнеженными философами как образец плотской похоти, и противопоставляется обычно как физическая любовь любви романтической, – но жаждет не тело, а душа (ибо никакие чувства никак не телесны, материя – если под телесным понимать материю – бесчувственна, железо даже не ощущает, когда оно ржавеет), – то не зря современные христиане так подозрительны к душе и именно ее требуют умерщвлять!

Но так или иначе, естественные жажды удовлетворяются без излишних трагедий, либо мы принимаемся возделывать землю, проголодавшись, либо пишем стихи, влюбляясь. Но что-то еще не дает нам успокоиться и быть счастливыми, глядя в телевизор, что не удовлетворится ни женой ни обедом. и самый благополучный, самый счастливый человек, у которого, казалось бы, все есть, и телевизор, и дача и телка, машина и карьера, вдруг запиает; благополучный молодой человек, не удовлетворяясь друзьями и "пикником на обочине", скатывается к наркотикам, а добрая и талантливая женщина бежит к батюшке спрашивать, можно ли ей дружить с редактором, который как-будто влюбился в нее... (Что же может посоветовать верный слуга Того, кто ревнив ко всякому трепету былинки, если былинка не славословит Его, кто весь смысл всякого существования видит в том, чтобы трепетать и молиться? Если сердце твое откликнется навстречу другому, вырви сердце свое – вот что советует *батюшка*, вот к чему призывает Создатель. Да лучше бы Он не создавал нас, чем такая тирания! Да никакой отец не поработает так детей своих, как этот всемирный отец!)

И все же, томится душа по *неведомому*, что вдруг вспыхивает в нас как под дуновением ветра вдруг вспыхивает костер, покрытый золой, и мы бежим на свидание, пылая непостижимым чувством, мы бежим в монастырь, в церковь, в секту, в подпольный революционный кружок, в кабак и притон. Мы бросаем работу, творчество, жену (или мужа)... Значит, то, что нас призывает, выше работы и голода, выше творчества и успеха, больше соединения полов и рожденья детей. Но что именно нас призывает? Не знаю. Но не чувство самосохранения, не воля к расширению жизни, не честолюбие и тщеславие, не слава и власть. В одних случаях, когда порыв и жажда напоминают нам нечто романтическое, уже пережитое (хотя бы другими), мы называем наше влечение к неведомому *любовью* (но, видимо, это другая любовь, не та, что у Анны с Карениным); в других случаях, подобных тому, что человек вдруг засобирался в путешествие на Северный полюс или на Луну, мы предполагаем серьезный сдвиг в его психике (хотя это не всегда так); чаще всего порыв и жажда (или, напротив, неожиданное погашение порыва и жажды) пробуждают волю к смерти (правда, воля к смерти у Александра Сергеевича могла быть следствием только отчаяния, связанного с падением интереса к нему читателей, и тех необъятных долгов по изданию журнала и его Собрания сочинений, которые его буквально раздавливали).

И, наконец, "*духовной жаждою томим*", восторженный или разочарованный путник по времени отправляется в путешествие к Богу.

Литература, рассказавшая о человеке почти все, почти в каждом романе рассказывает о **самоубийстве** (от отчаяния, разочарования жизнью, от несчастной любви... да и сами писатели и поэты накладывают на себя руки не так уж редко, кто из поэтов в молодости не пытался таким образом решить свои проблемы, например, Бальмонт, а в зрелости известные примеры – Маяковский и Цветаева), так что самоубийство – удивительное доказательство того, что воля к жизни, находящая свое разрешение в **работе**, и воля к продолжению рода, претворяющаяся в **любовь и творчество**, не исчерпывают человека, что-то еще его *влечет и мучает*.

*Трагическая любовь*, как об этом я ранее говорил, ссылаясь на Владимира Соловьева (да и почти всякая *страстная любовь!*) почти не имеют причиной половой инстинкт, приводящий к благополучному браку и семейной жизни или адюльтеру, и она – результат той неведомой силы, которая *влечет и мучает*.

Эта же сила заставляет часто спиваться или прибегнуть к наркотикам или окончить жизнь на дне – тлеет под золою огонь и не может разгореться, но все таки тлеет, все таки он есть под золою и пеплом, что говорит о том, что все же спиваются или погибают от наркотиков натуры не совсем заурядные (не буду рассматривать особый слой мужчин и женщин, скатывающихся на обочину жизни, уходящих в разбойники и проститутки, по многим свидетельствам, эти тоже превосходят обывательскую середину по своим задаткам, которые, однако, развиваются в худшую сторону, но о них можно было бы написать отдельную книгу, которую пусть пишут другие).

И именно эта сила, под действием которой вспыхивает в человеке **любовь**, превосходящая обыденные проявления ее, пробуждает в человеке, иногда в одном и том же, и религиозное чувство. Не случайно поэтому я предполагаю, что христианин проклинает **любовь к женщине** не случайно: или он оказывается несчастлив в любви и уходит в веру в отчаянии, как (вероятно) Игнатий Брянчанинов. Или же он видит в любви соперницу вере, в женщине – соперницу Богу (по притяжению душ), поэтому проклинает не только **любовь к женщине**, но и **женщину** как источник любви. Но если есть некий источник инобытийного состояния (или почти инобытийного), пробуждение которого преображает жизнь человека настолько, что "все мешается в доме Облонских" (но его ли пробуждение вызывает мистическую жажду или пробуждение этой жажды в человеке открывает таинственную дверь на небо и пробуждается источник, я не знаю... но это важно ли?), то это означает, что человек укоренен не только в Природе своей двойственностью души и плоти (и Природа двойственна тоже), но он укоренен еще и в *надприродном*. Верующий вопиет, что это пуповина, связывающая человека с Богом, что *надприродное* и есть Бог, что укорененность человека в нем отменяет две другие сущности во имя этой третьей, высшей, что поэтому надо превращаться в лист на Древе, становиться *скопцом* во имя Господа (смотри у апостола Павла), Пушкина и Даниила Андреева на помойку, да и Льва Толстого, из семьи бежать, а лучше с самого начала обходиться без семьи, спать во гробе, НЕ работать, книг НЕ писать, в театре не играть (ах, Анна, Анна, с кем вы связались!), а лучше и не рождаться!

### 3. Два типа человека

Но, может быть, зов, который мы вдруг слышим, как музыка, пробуждает в каждом из нас не одно и то же не потому, что звучит разная музыка, а потому, что существует два типа человека, одни, живые, страстные, отзывчивые, обращенные к миру и к другим людям, услышав этот зов, испытывают любовь – не духовную любовь, которой НЕ существует, и которой никто не испытывает, а именно **любовь**, вдохновляемую трансцендентной сущностью (или ипостасью) в человеке, которая может быть обращена к женщине (как у Тристана к Изольде), к народу или стране (любовь Жанны Д\*Арк к Франции), к революции, культуре (например, к математике, как у Гипатии Александрийской) – а другие, *люди лунного света* – испытывают **веру** (как апостол Павел).

Чем обольщает человека религия (вера)? Ничем. Она отвечает на жажду скопца, *человека лунного света*, не такого человека, как мы. Этому человеку не нужна женщина, а следовательно, чужда семья, род и народ, отечество, труд и культура, потому что все это порождено женщиной. Бог порождает... не берусь сказать, что именно порождает Бог, потому что в этом мире, в котором жил апостол Павел и Игнатий Брянчанинов, мне, к счастью, жить не довелось, любить Бога, которого никто никогда не видел, я не сумел.

Но я пишу не наобум. Кое что я знаю по опыту. В девятнадцать лет я входил в кружок молодых людей, которые «томились духовной жаждой». Мы томились, и вслед Пушкину называли эту жажду духовной. Большинство из нас увлеклось восточными учениями, индуизмом и буддизмом, одни ушли в нирвану, другие вернулись к математике и проявились как ученые, на одного из нас я повлиял, заинтересовав христианством, он ушел в монастырь.

А я влюбился, испытывал мистические озарения, но в центре моих озарений была женщина, Россия, литература.

Что человек часто приходит к вере не в результате умственного рассуждения, подавая затем "заявление о приеме в партию", а испытывает то самое состояние, которое испытал апостол Павел по дороге в Дамаск, я знаю, я его испытал, но это состояние, в котором внутренняя энергия воплощается в конкретные образы под влиянием некоторых личных предпочтений. Мистическая энергия Савла воплотилась в образ Христа, меня же захватила стихия женской творческой силы. Если бы большинство тех, кто способен к таким озарениям, составляли люди, стремящиеся к бесплотному Богу, уже и наступил бы конец света, но нет, продолжается история и культура, женщины продолжают рожать, а мужчины продолжают влюбляться и писать мистические романы.

Они увидели одно, а я другое, надо ли нам убеждать друг друга? Да я никогда и не хотел с ними спорить, но некоторым детям опасно в руки давать спички, они уже сожгли Александрийскую библиотеку, потом Жанну Д\*Арк, а потом отняли у меня мое дитя (которую я любил как *женщину-дитя*, потому что, как видно, хотя я не человек лунного света, довлею именно к такой любви, и мне и открылась та дверь, через которую я увидел женщину, Россию, культуру. Ими я и болен, а их Бог не мой).

Вот почему я продолжаю писать, я надеюсь перейти за *нею* за Стикс и вернуться обратно.

#### 4. Христос

Диалектический метод в философии подобен китайской теории *Инь-Янь*, а она не что иное, как утверждение единства и противоположности мужского и женского начала, так что диалектика – это констатация того, что мир устроен как сосуществование и взаимодействие двух противоположных полов. Соединяясь, они становятся целым – вот оно, единство и борьба противоположностей. Но и христианство смотрит на мир аналогичным образом, в центре его борьба Бога и Дьявола, Добра и Зла, гордыни и смирения и так далее. (А у Владимира Соловьева, увлекшегося слиянием двух полов в один, увлекшегося *всеединством*, пропала вдруг всякая противоположность). Христианство, напротив, отвергло единство совершенно, Бог и дьявол в христианстве не соединяются, но вечно противостоят). Но в то же время добро и зло перестают противостоят... Если в диалектике мир есть сумма противоречий, но эти противоречия снимаются в единстве, то христианство культивирует противоречия, оно само себя превращает в какое-то множество противостоящих, отстоящих, разностоящих утверждений, каждое из которых отвергает другие и само противоречиво в себе. И это естественно, ибо трансцендентная порча мира, первородный грех человека не преодолеваются человеческой деятельностью, и даже вмешательством сверхъестественных сил, но только крестной мукой Сына Божия. Понять столь глубинный разлад мира умом нельзя, если с ним согласиться, то тогда естественно принять и все остальное, и покаяние, и страх божий, и презрение к столь порочной жизни и порокам отцов, и презрение к любви и соединению полов и рождению детей как к последствиям грехопадения, то есть к пороку.

Но все эти азбучные основы христианства – аксиомы, аксиомы же либо принимаются без доказательств, либо отвергаются. Правда, история математики свидетельствует, что ее основания изначально разумны, и ничто в нее не вносилось, вызывающее раскол среди математиков. Почему же аксиома о врожденном грехе принимается только людьми, к сему расположенными? Не потому ли, что и способность к ее приятию ими уже врождена?

*19 апреля, вторник, раннее утро.* Спал снова плохо, снова вместе с сердцебиением явился страх смерти, сделал зарядку, сел за компьютером, заварил кашу, за окном разгорается заря. Правильную жизнь все никак не удается начать, не таскаться по гостям, не пить даже две рюмки, и даже одну, и не есть все, что дают. Я не соглашаюсь с тем, что я болен, и в этом есть нечто полезное, но веду я себя неосторожно: не надо потуплять очи и голос опускать долу, но и резвиться как новорожденный теленок тоже не следует. Собственные нравования мне не помогают, поэтому мучаюсь по ночам...

Но вернемся к философии, не возвращаясь к страху...

Моя ласточка, увы, относится именно к тем, кого словно бы уже избрал Бог их к "*спасению*" (или к жертвенному закланию), с первой встречи меня пронзило сочувствие, потом я поверил, что удалось вернуть ее к жизни, но что-то случилось в начале августа, и она отвергла и меня и радость жизни и вернулась к искуплению несуществующих грехов и отрицанию жизни – но при этом ее заполнило иллюзорное счастье и иллюзия близости к Богу.

5-39. Заря уже осветила все небо, вероятно... открыл Интернет и узнал все точно: солнце взойдет в 6-34 (вопреки тому, что мне показалось, что уже вот-вот оно начнет всходить), зайдет в 21-24 и длительность дня составит почти 15 часов (14. 49).

Я еще лягу поспать, чтобы днем не томиться. А пока еще несколько строчек.

Нужно мечтать лишь о ее собственной гармонии с миром. Если она меня отвергла сознательно, если она счастлива, не в разладе с жизнью, не тоскует, не плачет, но и не погрузилась в иллюзорное счастье, подобное счастью наркотического опьянения, иначе говоря, если она в здравом уме а не "сдвиглась по фазе", чего она и сама боялась, то я успокоюсь и от нее *отвяжусь*. Вот об этом мне и нужно каким-либо образом узнать... Наше знакомство было для меня удивительным счастьем... Возможно, я был неосторожен, возможно, я мог бы предусмотреть его побег и приготовиться к нему, но не буду себя упрекать. Я был счастлив, я ее обожал, я целовал ее руки и ушки – и я благодарен судьбе за удивительный подарок. Большого, вероятно, мне отпущено не было.

5-56. Но что же Христос? По иудейской традиции (а я на время уподобился иудею) он человек, один из пророков, о коих было возведено в Ветхом Завете, то есть в еврейской Библии (практически без изменений перешедшей в христианство). Только с этой точки зрения его явление в мир и можно понять, ибо если Он действительно сын Божий, то я изменил собственным озарениям, склонившись к любви от веры. Однако, привязанность моя к миру и людям несомненна, возвышенна, детские обетования помощи страдающим людям нельзя подвергать сомнению (да и Христос говорил, что он пришел только к *своему* народу, это уже потом Павел, как фарисей, вывел новую диалектику из данной Христом), да и сама жизнь и *духовный* опыт (при оговорках по отношению к этому измызанному евангелистами слову *дух*) говорят мне, что грех не вприятии мира, а в его отрицании, не в творчестве, любви и культуре, а в иссушении родников жизни – для себя и других.

Евангельское повествование представляет нам человека не без сомнений, даже и на Кресте, сознание того, что он Сын Божий, словно бы постепенно в нем разгоралось и упрочалось, часто он называл себя сыном человеческим, да и искушения дьявола были обращены к человеку, не к Богу, уж дьявол то знал, кто перед ним, и стал ли бы он играть в спектакле условного искушения? Можно, конечно, думать и так, что обе природы, человеческая и божественная, были в Христе действительны, что до своего Воскресения он был почти только человеком и только отчасти Богом, ибо пример людям исходить должен был из человека, в которого воплотился Бог...

Все эти вопросы необходимо высказать, но, по-видимому, никакие из них нельзя разрешить, так как роман о Христе, как и все другие великие романы, не является теоремой. Нельзя узнать, почему Сонечка Мармеладова полюбила Раскольников, как и то, почему моя ласточка избрала меня для своего спасения, а потом отвергла безжалостно – возможно, так, требовалось в нашем романе, который писался не только нами. Я знаю, что источником моей любви к ней было сострадание, а оно было дано мне изначально, как и я сам...

10-24. Снова заснул, и спал перед пробуждением сладко.

Но тревоги повседневной жизни возвращаются снова. Март меня огоршил тем, что банк, по распоряжению судебных приставов, изнял сначала деньги на оплату ЖКХ, 11 000 рублей, затем вторую половину пенсии, 5 500, которую изымать противозаконно, затем 3 000 компенсации за незаконные репрессии, затем полторы тысячи доплаты как рожденному во время войны (и эти изъятия все противозаконны). В апреле изъятия должны продолжиться, но мобильник, который радостно сообщал о них в марте, вдруг замолчал – вероятно, мобильник меня пожалел. (Хотя, правда, я с грустью сообразил, что дело в том, что банк уже не предоставляет мне сервисные услуги, за них с расчетного счета взымались 50 рублей, но теперь и они поедаются службой приставов.)

### 5. Христос и христианство

Новый Завет исполнен противоречий, как и Ветхий, как и само учение, но это ничего не доказывает, и любовь исполнена противоречий, и сама жизнь. Не противоречива, как будто, смерть, которая всегда была окончанием всего, за которую следовало Ничто, но христианство попыталось запутать в противоречиях даже смерть, утверждая, что за нею следует Воскресение.

Итак, бесполезно спорить с христианством, уличая его в непоследовательности, потому что и все сущее таково, такова моя миленькая, таков я сам, большинство людей, их судьбы, надежды, поступки и мысли. Непоследователен большевизм, обещавший земной рай и заливший Россию кровью, во что не хотят поверить его сторонники (да и христианская церковь залила Европу кровью, а кто об этом хочет слышать из истинных и неистинных христиан, от папы Римского до Достоевского и Толстого?)

Но попытку как-то вразумительно сформулировать, о чем повествует христианский роман, попытаюсь все же предпринять.

*Итак, в Галилее у девы Марии, по приятию ею Святого духа, родился ребенок, который по замыслу Божественной Троицы явился воплотившимся в человека Сыном Божиим. Он проповедовал Первородный грех как причину порчи мира, невозможность человеку исправить последствия грехопадения иначе, чем смертной жертвой Сына, грядущее Его воскресение и царствие Божие для праведных и адские муки для неправедных, жизнь без греха, отрицание семьи, прикосновения к женщине, человеческой любви, труда, творчества, культуры и науки; проповедовал Конец света и Свое Второе Пришествие, которое не замедлит быть, а пока главенство над миром Христовой церкви и растворение в ней верных, для чего они должны исполнять заветы и причащаться крови и тела Христовых.*

Убедительно ли и привлекательно ли сие для неверующих? Нет.

Однако, две тысячи лет в Европе главенствует именно это учение. Я его не оспариваю, как не оспаривается *особенная любовь*, которая состоит в том, что мужчине нужна именно эта единственная женщина, для которой он оставляет семью, веру, родину (как Ондрий в повести Гоголя), а будучи отвергнутым, кончает самоубийством. Разве другие хуже (как следует из полового инстинкта)? Но нет, нужен только Бог и ничто другое...

Значит, Дарвин и Шопенгауэр, объясняя человека через половой инстинкт и отбор, никогда не любили, и те, кому их объяснения кажутся исчерпывающими, не любили тоже.

Но и Маркс, объясняя человека через труд и капитал, никогда не любили, и те, кому их объяснения кажутся исчерпывающими, не любили тоже.

Не знал той любви, о которой я говорю как о результате *мистического озарения и преображения* человека, ни Фрейд и его последователи, ни вся компания создателей экзистенциализма с его **ничто** (включая Бердяева и Сартра и "разжигателя атомной войны" Бертрана Рассела, как его аттестовали в советской энциклопедии), ни теоретики Большого взрыва, заменяющего первые дни творения.

Но знали ли эту любовь, с которой христианство так неистово борется, апостолы бесплотности и бездушевности, знал ли ее сам Христос?

Как много бесплодных оснований у европейских споров, в которых тонет все главное! Дух или материя, что раньше, что выше – но при этом совершенно неясно, что мы относим к духу, есть ли дух в человеке, в природе, какое отношение к духу имеет культура (по христианам – так никакого!)? Есть ли Бог – но о каком Боге идет речь? Да может быть их несколько, и большинство неотличимы от демонов (как у ацтеков или у древних шумер). Да и вера в того Бога, о котором идет речь у христиан, вовсе не исчерпывается теизмом или атеизмом, иудеи не верят в Христа, но они верят в Бога, которого христиане отчасти сузили, превратив в Бога-отца.

Сомнения в христианских аксиомах – это не сомнения в божественности мироздания, а, напротив, уверенность в его божественности, ибо, напротив, мир христиан в лапах дьявола, и потому пуст и пошл, отвратителен и ничтожен, спор с христианством – это спор в защиту нашего мира, опороченного людьми, не способными любить и чувствовать красоту.

Но хватит с нас эпигонов, поговорим о творах.

Краткое изложение христианства, высказанное курсивом на предыдущей странице, вмещает все главное, и все недоумения и неясности и возражения можно адресовать именно к этому отрывку.

Женщина, половая любовь, рождение детей чужды христианству – но в чем же дело, чем они так плохи, чем провинились перед духом Отца? Тем более что церковь буквально построена на фанатических верующих женщинах, они составляют и большинство ее прихожанок и большинство святых, молящиеся припадают к иконам Марии Магдалины, Марии Египетской, святых Елизаветы и Екатерины, да и самая почитаемая, для русских крестьянок стоящая выше Сына Божия, Дева Мария, Богоматерь. Знала бы моя мать, что ее сын даже не вышел к ней, когда она пришла к нему повидаться!

Она его родила, будучи девой... вот эта самая *девственность* для христиан выше и святости, и почему она так важна? Если это не упомощательство, то нужна какая-то особая причина, но временами я не могу смотреть на нее иначе, чем как на патологическую ревность Бога-отца. Как началось с Евы, которую он проклял, заподозрив в падении, так и продолжается до сих пор. Розанов останавливается на девственности Марии и особенно негодует, что у православных она остается девой даже после рождения младенца.

А я к этому отношусь равнодушно. Если у христиан и слепые прозревают и умершие восстают с одра, уже тронутые тлением, то что там с девственностью!? Не верит Розанов в чудеса, все стремится чудесное оправдать рациональным.

Следовательно, Бог родился человеком, рожден женщиной, девственницей – и вот тут-то главный вопрос: если так неприятно все родовое, то зачем он *рожден*? Нашла бы его Мария (как у Оскара Уайльда в сказке «Мальчик-Звезда») и был бы он ее приемным сыном, а вочеловечивание свершилось бы как мистический акт, ибо и при посредстве притягивания Духа святого Марией это все равно мистический акт. Зачем ей было его вынашивать, когда ему это так неприятно?

Но он был зачат без отца, родился, она его выкормила, но лучше не прикасаться к женщине... Ладно, достаточно говорить об этом, скопцам нужен был свой Бог, не тот, который нужен нам, и родился Бог, необходимый скопцам. (Но он стал Богом и всех других, и в этом главная загадка религии).

Далее идет грехопадение и порча мира, для исправления которых Он воплотился на землю. Зачем необходимо было грехопадение? Возможно, это завязка драмы, это семя, из которого рождается новая история народа и драма его истории. Но это и семя, из которого, вопреки биологии, воле к жизни, встроенной в человека как инстинкт самосохранения (и во все живое) и воле к размножению, встроенной в человека как половой инстинкт (и во все живое), должна вырастать новая личность человека. И вот тут-то завязка совсем другой драмы. Смысл жизни человека (по христианству) в том, чтобы отрешиться от земного, подготовиться к смерти, умереть и попасть в рай (вернуться листом на Древо Господне). Странно говорить о **новой личности** [*«и увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали ...ибо прежнее прошло. ...се, творю все новое»* – Апокалипсис.], которая не создается из новых элементов, не дополняет существующего человека, не восполняет, не пополняет, не расширяет его за счет науки, философии, театра, войн, путешествий, искусства, а вытесывает из существующего, уничтожая в существующем все существенное, выбрасывая на помойку философские и художественные произведения, балет и драму, симфонии и романсы, любовь и встречи на скамейке, неприличные движения в постели... ну, в общем, практически все, кроме *духовного*... нет, нет, простите, и духовное необходимо уничтожить тоже, ибо **блаженны нищие духом**, а в духовном содержатся почти все соблазны, бóльшие, чем в душевном, **Дьявол – это дух!** Гордыня и самомнение опираются на дух в наибольшей степени, разве они вырастают из плоти, из крепости мышц? Сильные люди добродушны и покладисты, а самомнеющи *одухотворенные* (поэты, философы, музыканты), и дерзают исполненные *силы духа*, а не павшие духом (ибо человек прибегает к Богу более всего в унижении и сокрушении). Немощами гордится апостол Павел, но не превосходством, не гордится он и духовным превосходством.

Исполнен ли человек *благодати Божией* и *духовной любви*, о том он и знать не может (как учила Инквизиция Жанну на суде), да и не проповедовал Новый Завет снискание духовной любви, но исполнение двух главных заповедей: любви к Богу и любви к ближнему.

Итак, нельзя утверждать, что Христос воплотился в человека, чтобы призвать всех умерщвить в себе человеческое и именно это он называет новой личностью. Нет в этом призыве созидательного начала.

И все же... *царствие Божие* обещается для *праведных*, так нельзя ли посчитать, что в дополнение к ветхозаветным заповедям призывает Христос человека стать *праведником*? Ибо говорит Он: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга.»* Только новая ли это заповедь?

И с праведность совсем не просто, совсем не так. Апостол Павел спорит с Петром о вере и делах, через веру ли дается царствие божие ли через дела? А праведность не от дел ли? И далее он говорит, что «нет праведных ни одного, все неправедны!» Да и Иисус говорит: *«Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.»* И когда пришла грешница к Нему с лавандовым маслом и омыла ноги его слезами своими, он сказал ей: **«вера твоя спасла тебя, иди с миром.»**

И по многим другим местам евангелий можно с уверенностью сказать, что Христос пришел, кроме того, чтобы принести себя в жертву для исправления мира, призвать *к вере и покаянию, и их достаточно для спасения*. А следовательно, созидание новой личности, то есть и монашеский подвиг, и сидение на столпе и в затворе и умерщвление жизни – не так важно, не основная цель христианства. (Но этим я не устранию каких либо противоречий в учении, а словно бы запутываю его еще более, но даже если вы мне приведете две соседние строки, в одной будет говориться одно, а в другой противоположное, для меня это не так важно, не по верности букве я сужу об учении, а по духу его, дух же его в противопоставлении неба и земли и в призыве отринуть земное окончательно и бесповоротно.

Но продолжу комментировать свое краткое изложение христианства.

Далее обещается Второе пришествие, после чего наступит новая земля и новое небо, воскресение и страшный суд, рай и ад.

Прошло две тысячи лет. Пока ничего нового не случилось, создалась церковь, все же остальное осталось, и вера в человечестве не одна, и неверие не одно, и войны, и моры и разлады и человек тот же самый.

Не буду давать оценки Иисусу Христу, ее можно услышать в синагоге от раввина, и она будет отрицательной, в церкви от священника, и она восторженна. Я же пытаюсь понять, как встроено христианство и церковь в современную историю и как они влияют на человека. Вот так же, исследуя апории Зенона или статьи Толстого об искусстве, я почти ничего не пишу о характере этих двух великих мужей, да и не знаю о нем почти ничего. И так же, как редактор, исследуя достоинства стихов некой дамы, не ссылаюсь на то, красавица она или нет (хотя, правда, отчасти в шутку, бывают и исключения, стихи Веры Полозковой мне нравятся еще и потому, что она молода и привлекательна).

Говоря о марксизме, споря с марксизмом, даже до ожесточения, особенно в русском его преломлении, я не учитываю саму личность Маркса, и Ленина и Сталина ненавижу не как марксистов, а как тиранов, погубивших Россию.

Поэтому и характеры блаженного Августина и преподобного Игнатия не столь мне важны для оценки их скопчества. Вот так же и с Учителем. Отрицая его учение, я не горячусь, как иудеи, или как староверы, поминая Никона, или как сталинисты, поминая Троцкого (для меня и Сталин и Троцкий два одинаковых людоеда).

Но оценку отдельным положениям его учения я уже дал, говоря о погребении мертвых, об отношении к семье, об отношении к народу (но и здесь учитель противоречив: отрицая рождение детей, он говорит, что пришел спасти свой народ, о чем чуть позже самый пламенный ученик его говорит: отныне несть ни еллина ни иудея!)

Плач и скрежет зубовой, которые часто поминает Учитель, скорее характеризуют его страстность (да Он и добавляет, что надо быть холодным или горячим, но теплое исторгнуть из уст), и я сам горячусь в столкновениях с противными мне мнениями не менее.)

Крестная мука Его, без сомнения, вызывает уважение – но что она дала человечеству?

И что дал человечеству призыв каждому взять крест свой и пойти за Христом? Тем более что догматически незыблемого и исчерпывающего объяснения, что означает этот призыв, не существует, у Кьеркегора одно объяснение, у Серафима Саровского другое.

Посему даже в отношении женщин, бросившихся к *батюшкам* за советами, позволительно ли им любить мужчин, тем более посторонних, я полагаю, что они поступают весьма плохо: плохо уже просто любить мужчину (перечитайте Игнатия Брянчанинова), а если уж вы целовались с кем-либо, тем более до обручения, послушавшись даже совета Мефистофеля Маргарите, и вышли замуж и родили детей, то о чем вам надо советоваться с батюшками? В евангелии сказано, что не надо прелюбодействовать, этого вам недостаточно? Сказано там, что не надо испытывать желаний и помыслов прелюбодеяния... Но запрещается ли дружба, симпатия, сотрудничество, помощь, сострадание? Вот Анна Каренина влюбилась во Вронского, миллионы читательниц ей сочувствуют – или вы непременно хотите бросить все те камни, которые не бросил Христос даже в блудницу, в бедную Анну, тем более в меня? Христианство весьма противоречиво, что-то в нем есть от Савонаролы и Торквемады, что-то от суровой и нежной боярыни Морозовой. Что-то от любящих девы Марии и Магдалины, что-то от возненавидевшего сердечные привязанности Игнатия. Священник рождает десятерых детей и не думает, что нарушает заповеди (какие?). Розанов сначала связывается с блудницей, потом в блуде (вне брака, а значит в блуде, как учила тогда русская церковь) рождает пятерых, спорит с христианством, но считает себя христианином и причащается перед смертью. Моисей призывает не убивать, инквизиторы и крестоносцы и истребители еретиков заливают кровью целые города (как Париж), и не сомневаются в своем христианстве. Совпадает ли личность Христа с христианством? Если бы совпадала, то не было бы почти столько христианств, сколько самих христиан, у каждого оно свое, и каждый в своем уверен. Следовательно, разговор надо продолжить, если ...

### 6. Что значит стать христианином?

Мне один из читателей возмущенно говорит, что *нельзя разумом поверять учение Христа*, как алгеброй гармонию. Кажется, что призыв принимать Сына Божия по вере именно и требует разум запечатать. Но как же тогда сам Христос говорит, «берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их.» и далее «многие лжепророки восстанут, и прельстят многих»? Надеется ли он, что верные сумеют отличить лжепророков от подлинных? И как будут отличать – слепо, закрыв очи и запечатав разум, или будут вглядываться, тем более что еще надо будет и *плоды различать*?

Но, разумеется, всякое учение призывает верить слепо в его истину и тщательно исследовать чужие, а то и отвергать сходу, также слепо, безо всякого исследования, и таково было и христианство и коммунистическое учение в России, исходящие из одинаковых почти различительных аксиом: Христос говорил, «кто не с мной, тот против меня», а большевики повторяли «кто не с нами, тот против нас» – которым же надо было верить? И в соответствии с своими призывами они и истребляли всякое инакомыслие, причем и внутри собственного воинства, так что одна церковь шла войной на другую.

Возможно и справедливо, что *нельзя разумом поверять учение Христа*, но как же тогда происходит избрание сего учения? Если младенца по рождении записывают в христиане, то проснувшись после младенчества, он уже верит и не тшится проверять свою веру, но если он идет по улице и видит два плаката, слева призывают вступить в коммунистическую партию, справа в христианскую, чем руководствоваться такому человеку, надо ли запечатывать разум? Пусть еще проще, ему предлагают ознакомиться с одним из документов и той и другой партии, с Манифестом или Евангелием, надо ли ему читать, размышлять, спрашивать? Сопоставлять, колебаться? Или мы, воспитанные на теореме Пифагора, где не надо ни сомневаться, ни верить, а достаточно прочитав доказательство, перестали понимать, что значит «но слепо должен верить человек»? Но как же тогда «берегитесь лжепророков» и «по плодам их узнаете их»? И чем руководствоваться, чтобы следовать словам Христа «Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте.»

Конечно, во многих случаях люди думают одно, намереваются сказать другое, а говорят третье, а во многих случаях они не знают достаточно ясно, что они говорят, а иногда и совершенно не понимают ни того, что говорят сами, ни того, что говорят другие, не только ясно не понимают, но и смутно.

Многие в Бога не верят, не сомневаются, что человек произошел из обезьяны, что мир матерьялен, что мышление – это способность материи, а материя – это все то, что мы воспринимаем органами чувств, и что мир исчерпывается материей и ее проявлениями. И те, которые в Бога верят, тоже стихийно являются материалистами, они так же думают, что все то, что мы видим и осязаем, это и есть весь мир, и Бог только несколько этот мир дополняет. Бог где-то есть или его нигде нет – вот две противоборствующие точки зрения, и ими и исчерпывается гносеология, апологетика (обоснование веры) и догматика (изложение догматов вероучения). Таким образом для многих стать или быть христианином сводится к ответу на вопрос: *Есть ли Бог?*

Но принимая существование божие, мы можем стать иудеями или исламистами, буддистами или огнепоклонниками, да и христианами мы можем стать *не теми*, какими от нас ожидают, и потому надо же еще выбирать между этими и другими верами?!

Но как же так? Быть ли добрым человеком или недобрым выбирается без размышлений, это врожденное свойство личности, а вера, по моим словам, требует для своего исповедания чуть ли не закончить семинарию? И надо ли знать философию, чтобы пойти в разбойники, а вот избрать «жизнь с Богом» или «жизнь без Бога» – без Парменида и Платона не обойтись? Но как же женщины, опора церкви, как же старушки, испытывающие благодать после возжжения свечи, как пишет Розанов? Как же христианская паства в предшествующие века, когда крестьяне были почти все неграмотными?

А вот как: западный человек действительно приходит к вере сознательно, изучая катехизис (краткое изложение вероучения), а русский принимает веру через Символ веры, который можно считать «кратким катехизисом».

Но это не все.

### 7. Встреча?

*Любовь* и *вера* или возникают как переворот в жизни, или не возникают, и им обычно предшествует особое состояние томления, предчувствия, призывания. Если говорить только о любви, то она не возникает после чтения книг, сдачи экзаменов, научных исследований, чаще всего это "*любовь с первого взгляда*": идет юноша по улице, навстречу ему идет *она*, и после одного *чудного* (чудесного) *мновения* его охватывает особое новое, неизведанное им состояние, не мысль и даже не чувство, а синтез множества чувств или особое *сверхчувство*, охватывающее всего человека и преображающее его. В этом состоянии человек переживает *вдохновение*, *откровение*, *преображение*, ему словно бы открывается дверь в другие миры или на небо, только в этом состоянии человек приобретает мистический духовный опыт.

*Вера* как состояние, в котором человек испытывает непосредственное чувство бытия Божия, является одновременно и особой формой знания о Его существовании, она возникает как результат встречи с Богом: ясной, яркой встречи, как у апостола Павла, или, по убыванию градаций, встреча может иметь черты смутного бессознательного видения... Таким образом, путь к Богу может напоминать тот путь, который мы проходим, прежде чем влюбиться, душа наша развивается, обретает способности к тонкой чувствительности, способность к эстетическим и нравственным восприятиям, и тогда даже легкого касания крыла ангела или серафима достаточно, чтобы совершился переворот в душе и она начала чувствовать сверхчувственное.

Почему христианство так настойчиво воюет с той любовью, которая возвышает, преображает человека, источником которой является трансцендентное влияние, воздействие, внушение, находящее отзвук в душе, то самое влияние, которое при другом соединении чувств и в другом человеке вызывает веру?

Потому что его Бог ревнив, Он требует для себя всего человека, он не хочет им делиться ни с женщиной, ни с народом, ни с миром. *И действительно ли этот Бог человека любит, заточая его словно бы в тюремную камеру?*

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ **ГОРЕСТНЫЕ ИТОГИ**

### *1. Осматриваюсь среди руин*

*21 апреля, четверг, 7-57.* Не буду писать о том, как себя чувствую, осматривая свои руины, я ведь не должен среди них копать себе могилу. Нет, напротив, надо осмотреться и наметить какие-то тропинки вперед, может быть, и обходные.

Посмотрел в Интернете богословские дисциплины – воюя две тысячи лет с наукой, христианство создало целую разветвленную сеть полуфилософии (то есть "христианской философии") и еще большую сеть псевдонаучных дисциплин – своего рода институт марксизма-ленинизма. Но я не буду их ни анализировать, ни опровергать, я пишу о том, что важно только таким как я, то есть привязанным к земле и пытающимся и жаждущим достойно прожить на ней все свое время, сколько его нам *Бог* отпустит. Возможно, умирать нам придется в страхе, но не большем, чем у христиан, по крайней мере, воскресение среди этих благостных фанатиков и святош нас не прельщает. Правда, подвигает меня даже более мысль не о самом себе, заботит меня моя ласточка... Больно мне думать, что она готова пожертвовать своею действительной жизнью, в которой содержится не только прошлое и настоящее, но и будущее, бессодержательным и отвратительным химерам. А важно еще раз сказать, ясно и строго: будущая жизнь, если она есть, содержится в настоящей, **что посеешь на земле, то и пожнешь на небе.**

Сеющие ненависть к земной жизни, к миру, к любви, роду и народу, к культуре и женщине (а что же им остается, несчастным, нищим духом?), пожнут и на небе скуку и ненависть.

Итак, с христианством я расстался, оно не вызывает у меня ни любви, ни ненависти, кто верит, пусть живет, как хочет, я вовсе не стремлюсь к единообразию – но я хочу освободить из рабства мою *ласточку*, потому что, во-первых, боюсь, что ласточку они просто-напросто свели с ума, а я хочу, чтобы она была счастлива, пусть даже не встречается со мной, Анну же я отпускаю на волю (в том смысле, что не буду мистически, в своем воображении и воспоминаниях, к ней привязываться, несомненно, что я ей не нужен, так как она ни разу не позвонила).

Но и ласточку я отпускаю на волю, если у нее все благополучно, не приставал ведь я к ней и в самом начале, я только хотел ей помочь и ради этого влюбился – да, так сильно, что по ночам даже плакал... Но радость ее для меня важнее, чем ее притяжение...

Следовательно, остаюсь среди руин, прежняя моя привлекательность рассыпалась на атомы, немощи (которыми я не похваляюсь, как христианин) меня придавили, мечты не исполнились, государство обобрало и раздавило меня сильнее немощей). И все же... я еще жив, еще вижу красивых женщин, пить хоть нельзя, но, может быть, изредка позволительно выпить бокал сухого вина, жена меня кормит, семья терпит, друзья иногда привечают, есть три читателя, завтра еду в деревню... нет, я еще поищу дорогу в обход!

## *2. Где выход из литературного тупика?*

12-13. Во вторник сидели в кафе с друзьями, поговорили и о том, что я пишу книги, почти не интересные читателям, печатаю своего рода личный дневник, а лучше мне написать роман.

В связи с этим надо ответить на два связанных вопроса: стоит ли мне продолжать писать книги, посвященные литературе, философии, христианству, любви, коих я уже написал шесть штук: Призвание литературы, Литература как инобытие и действительность, Инобытие как миф, Любовь как всемирное притяжение (Очарование), Трагедия любви, Легенда о великом инквизиторе... и вот теперь я начал писать новый Дневник, который перетек в седьмую книгу. Надо ли ее писать (то есть, остановиться я уже не могу, но надо ли эту книгу печатать?)

Я горестно размышляю об этом и вот к какому выводу прихожу: апологетической христианской литературы необъятное море, рассуждений о литературе море не меньшее, и если я сужу о достоинствах своих книг трезво и без преувеличений, то справедливо, что они превосходят большинство книг подобного рода – но тогда почему бы и не найти им заинтересованного читателя? Правда, слишком много я написал.... Но я пытался две книги о литературе сократить, сумел выдать несколько страниц из своей ступы воды, получился ли сыр из моего молока, не знаю, но вода не выдавливается больше.

Да, смерч рассуждений продолжает меня нести, поэтому и в самом деле, закончив вот эту книгу, надо мне сменить жанр своей летописи. Во-первых, можно попытаться писать Историю философских идей, и я и сам стану образованнее и умнее, и читателю принесу пользу, прочитаю чужие Истории, учту их минусы, постараюсь писать лучше них (учитывая, что я был преподавателем и мне удавалось понятно излагать даже сложные математические теоремы), к тому же, История растянется у меня на несколько лет. Во-вторых, можно и впрямь попытаться написать Роман, в котором для увлекательности надо будет соединить приключение, авантюру, любовь, преступление и самоубийство, революционный переворот, разочарование в жизни и поиски Истины. В третьих, если мне удастся найти новую религиозную или философскую идею, то можно было бы выступить как философу, такая книга привлечет философов, к тому же, быть может принесет пользу умному человеку в поисках истины.

Ну, вот, на этой книге закончу "поток сознания", и сделаю перерыв в литературе, а с осени начну или Роман, или Философию, или Историю философии. Всю зиму я мечтал и не чаял дожить до весны, до деревни, до воскресения из полумертвых (через "е") и, кажется, дожил – завтра уезжаю в деревню, работаю по огороду и начинаю ломать старую баню, чтобы ее заново перестроить.

Пока маялся дурью, продолжая "поток сознания", накопилось множество дел, составляю их полный список и начинаю работать в поте лица.

Во-вторых, усиленно возрождаюсь, склеиваю рассыпавшиеся атомы и исправляю болящее тело.

В третьих, попытаюсь разузнать что-либо о ласточке, и если с нею все благополучно, пошлю ей прощальное письмо и ... перестану о ней думать и писать.

Присовокупляю к сему свои последние стихи.

\* \* \*

На переходе к дню и к ночи  
Тревога мучает, не спится.  
На что-то грустно смотрят очи,  
И липкий страх в душе таится.

Я часть вселенского разлада,  
И весь разлад в себя вмещаю,  
Боюсь я рая, как и ада,  
И воскресения не чаю.

Но если муза кротко глянет,  
Забуду горести и страхи.  
Поэт – не роза, он не вянет  
И в ожидании на плахе.

\* \* \*

Уже апрель всюду расцвел,  
Повисли на деревьях серьги,  
И ветер яростный размел  
Клочки стихов, что вы отвергли.

Уже и улица пьянит  
Каким-то ароматом странным,  
И даже сердце не болит  
Под звон шагов забытой Анны...

\* \* \*

Других я все слушала, слушала, слушала,  
Не зная, зачем и почему...

А что ж ты стихи обещал свои лучшие  
Вчера прочитать – не прочел?

Ужели мы больше с тобою не встретимся?  
Я дам тебе свой пистолет.  
На небе мы все же, быть может, отвертимся,  
А здесь за забывчивость – нет.

Но суд мне не страшен, страшней ли забвения?  
Хоть поздно, пять строк перечти.  
Как больно в груди от неясного жжения!  
Как горько уйти до второго рождения...  
Как страшно! Забудь и прости!..

## ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСКА

Я передумала, встречаться не будем,  
Вы мне не нравитесь. Да, не любила...  
Ну, на мгновение, среди хаоса буден,  
Может быть что-то нечаянно было...  
Так что забудьте, стихов не пишите...  
Не надо стоять и под окошками ночью.  
Есть ведь не хуже, вы только взгляните!  
А слезы? Да нет, то следы от отточий...

\* \* \*

Вы любили меня то ли день, то ли два,  
Обнимая бесплотно, как тень,  
И ушли, не прощаясь, безмолвно, едва  
Нас укрыла вечерняя сень.  
Вы любили меня словно ангел. Увы,  
Не давали себя целовать.  
Так не мог я, не смел не сносить головы –  
Гильотиной явилась кровать...  
И когда нас укрыла вечерняя сень,  
Покатилась моя голова.  
Ты ушла, не прощаясь, лишь легкая тень  
Среди звезд проступает едва...

### *3. Любовь и музыка*

20-01. Едем в Концертный зал слушать Мессу Баха, начало почему-то в девять часов.

Хотя я и говорю, что ищу новую дорогу среди руин, но не могу сказать, что жизнь моя печальна. Во-первых, Анна, которой я посвятил несколько стихов и глав в своей книге, муза и богиня, а не женщина, в которую я хотел влюбиться. Я ведь так и сказал ей в деревне, что влюбляться в нее не буду. Она – совершенство, сам облик ее, впечатление от ее походки, голоса, фигуры, движений, поступков таково, словно прикасаешься к лепесткам прекрасного цветка. И вот я притащился в ее деревню и она напоила меня кофе, отвезла на шоссе и посадила в Камаз. И даже обняла на прощанье. Кто же может сказать, что музы его любят больше, что богини к нему благосклоннее, что он больший баловень судьбы? Я вспоминаю о ней не совсем так, как это происходит в сердце и в воспоминаниях, отчасти я создаю образ философа и поэта, который находится в разладе с жизнью... и это тоже верно, но Анна не виновата в моем разладе, что она могла бы еще для меня сделать, чего не сделала? Может быть, обнять еще один раз? Но и одного ее объятия достаточно, чтобы запомнить его на всю жизнь. Поэтому, моя богиня, не сердитесь на меня за мои литературные инсинуации, я обожаю вас и вам благодарен от всего моего любящего сердца.

23-06. Прослушали мессу Баха и едем назад. Так как я на время оставлю не только "дневник", но и ласточку, то напишу про нее на прощание.

С нею я должен, наконец, расстаться, может быть и нехорошо приставать к ней вопреки ее воле... Если бы она меня любила, то не спрашивала бы у *батьюшки*, можно ли со мною встречаться, не хранила так долго молчание... увы, наша дружба была ее увлечением, потом она опомнилась и увидела, что я вношу уже не утешение в ее жизнь, а разлад.

Ну, что же, надо мне с этим примириться.

Наша дружба, которая продолжалась почти два года, была удивительна, я не только прикасался к небесному своду, я словно бы сидел с нею на скамейке на небесах. Разве можно быть счастливее? Бóльшая близость только испортила нашу дружбу, а так она была идеальна. Я в нее влюбился, я ее обожал, были минуты, когда и она любила меня.

Спасибо, родная моя девочка, за то, что ты была в моей жизни! Я обожаю тебя, я благословляю тебя! Прости меня, если тебе кажется, что я в чем-либо виноват. Теперь я буду понемногу от тебя отдаляться, но моя нежность и благодарность к тебе никогда не исчезнут.

**22 апреля, пятница, 6-38.** Одна из самых коротких ночей в году, легли спать в час, а встали в половине шестого, да и ночью спал мал, вспоминал мою милую, хотелось заплакать, воображал наши встречи, а мне все казалось, она говорит: *Отстань от меня, все уже быльем поросло...*

Но вспоминались и мгновения счастья и нежности, мы просто сидели на скамейке и смотрели в глаза друг другу – разве ее глаза не сияли счастьем? Вспоминает ли она эти минуты?

Может быть, если мне удастся стать хоть немного известным, когда-нибудь она и прочтет эти строки...

Но уже хватит о любви. В следующих частях, после перерыва, продолжу исследование христианства, начну с личности Иисуса Христа, не менее странной, чем каждый значительный русский писатель, начиная с Екатерининской эпохи.

Верил ли кто-нибудь из них в Бога? Разве не те же ли самые мысли приходили и к ним, психологам и философам? Радищев, Пушкин, Вяземский, затем Достоевский – разве не были они учениками Вольтера, а может быть и Робеспьера? Неужели они не читали евангелия так же пристрастно, как я?

И тогда невольно они должны были размышлять о странной нелюбви Христа и учеников его к женщине, о культе целомудрия, который, напротив, сами они так страстно стремились нарушить, о боговоплощении, которое непременно должно было произойти так странно, и вопреки природе и, отчасти, в согласии с нею, так что зачатие отрицалось... нет, точнее говоря, отрицалось только *соитие*, ибо зачатие у девы Марии, по приятию Духа Святого, совершилось – но принималось рождение... (следовательно, продолжение рода человеческого отрицалось преимущественно из-за того самого, что подростков, да и большинство мужчин, преимущественно и притягивало, вопреки половому инстинкту Шопенгауэра, имеющему целью размножение, вопреки надежде на слияние полов в один гармонический пол по Соловьеву, вопреки моей надежде на любовь чувственную, душевную, трансцендентную...)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*ПОЙДИ ПУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА,  
ПРИНЕСИ ПО, НЕ ЗНАЮ ЧТО*



## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

**КУДА ЖЕ ИДТИ?***1. Самое-сверхсамое последнее расставание*

*24 апреля, воскресенье, 15-21.* Мы в деревне, вчера я топил баню, кричал «ура», возлегая на полкѣ. сегодня возвращаемся в город. Невзирая на горести и болезни, работал на совесть, хотя и мокро и грязно в огороде, прыскали дождики, но потом выглядывало солнышко и становилось тепло. Приехали в пятницу, натопили дом как следует только к ночи, но было и тепло и уютно.

Сегодня переложил почти все кирпичи с кострища в кучу (под фундамент будущей бани), сложил всю старую ботву и траву на одну грядку, отодвинул в доме все кровати и шкафы и вымыл пол на весь год.

Приедем в последний день апреля, в субботу, вернемся в город 2-го мая, надеюсь, уже весна разгорится и станет жаркой. Но и теперь появились первые цветочки, кроме одуванчиков (которые, правда, сумасшедшие ботаники называют «мать и мачеха»).

Ночью вспомнил мою миленькую и даже заплакал. Горько мне думать, что она, как положено христианке, оказалась жестокой. Разорвать со мною знакомство, конечно, она была вправе, но не попрощаться, отказаться от встречи и хоть каких-либо объяснений, значит не только меня не любить, но и не испытывать ко мне никакого сочувствия.

Нет, я не жалею о том, что влюбился в нее, и благодарен за милость, за те крохи нежности, которые мне перепали, и все же, ее я никогда не смог бы бросить так холодно и жестоко. Она для меня была мое дитя, я жил и дышал для того, чтобы ей стало хорошо, чтобы она преодолела депрессию и мучающие ее страхи и наваждения, я был готов носить ее на руках и дышать над нею, чтоб отогреть.

Надо расстаться, надо перестать мучить себя надеждами, перестать приставать к ней даже мысленно, только я не могу решить, попытаться ли ее перед этим увидеть, убедиться, что с нею все хорошо?

Но увижу ли я ее еще раз, или просто вздохну при воображаемом прощанье, этот безумный роман заканчивается горестями и невзгодами. Я был в течение года счастлив, такого счастья я даже не заслуживал... поэтому, наверно, оправдано, что за него я расплатился слезами.

Во сне сочинил стихи, как мне казалось, гениальные, проснувшись, постарался их вспомнить; вот что мне сочинилось:

*Без тебя я чахну,*

*Скоро, видно, сдохну.*

Прости, мое солнышко, надо мне тебя забывать, а то и впрямь без тебя я зачахну и сдохну...

Ты думала, что тебе так плохо, что без моей поддержки тебе не выжить, и я поверил в то, что тебе помогаю, а в действительности это ты меня спасала от времени, от не исполнившихся литературных ожиданий, от разочарования в самом себе. Ты ушла, и я понял, как мне одиноко, как тоскливо, невыносимо!

Прощай, солнышко мое, прости, что я тебя укоряю...

## 2. Прерывание

*24 апреля, воскресенье, 21-25.* Возвращаемся в город.

Милой я оказался не нужен, не нужен я и Анне, она мне ни разу не позвонила и не послала записку. Может быть, еще немножко нужен Манон, но время работает против меня.

Хорошо, что я добрался до апрельской весны, до деревни и бани, а там и май, и лето, и теперь уж я точно до осени не издохну. Ну а потом?

На этой горестной ноте и надо пока прервать мой дневник в ожидании новых идей или новых происшествий... И я прерываюсь...

## 3. Триединство человека

Что-нибудь буду клочками дописывать из того, что уже думалось, потом терялось, не записал сразу, клочками иное припоминается...

Я иду по дороге, по которой еще не ходил до конца, может быть иногда сворачивал на нее с окрестных тропинок, поэтому в полутьме формулируемые положения, которые устанавливают мой взгляд на человека и мир, могут изменяться.

Начну с того, что не о сущности человека я говорил, а о человеке как таковом, во всех его проявлениях, и вот для меня стало ясно, что хотя человек есть единство души и тела, и они как будто два различных основания, притом **тело** и *видится*, и ощущается, и сознается, и подтверждается свидетельствами других, то есть объективно (но в той же мере и субъективно), и является частью того, что ощущается, следовательно, вещественно, то есть матерьяльно, но при этом не является материей в буквальном смысле слова, как оно являлось бы ею как камень и как тело умершего человека; но при этом человек, как мы увидели, не тождествен телу, ибо иначе он не менялся после смерти (но для полноты представлений надо добавить, что некоторые считают, что человек и есть тело, оно и писает и пишет, и таково потом оно же другое, и чувствует и мыслит... но этот взгляд не разделяется уже и обыденными материалистами, не только физиологами и психологами); а второе основание, **душа**, не только не похоже на тело, но и не ощущается внешними органами чувств, однако, по небольшому развитию личности человека, он начинает понимать, что то самое, что отличает тело живого человека от тела умершего, и есть душа, пронизывающая тело, соединенная с ним, так что мы никогда и не ощущаем, не видим, и не мыслим тело отдельно от души, не только в Кантовском смысле, что всякая воспринимаемая и мыслимая вещь уже есть "вещь для нас", но не "вещь сама по себе", но и в более глубоком: видимое и ощущаемое и мыслимое тело не есть никогда только тело, но вместе с ним и душа. Однако, душа, соединенная с телом так же, как кислород соединен с водородом в воде, которая после этого не есть ни то ни другое, не существует только как сырость в воздухе, то есть как дополнение тела, именно она является источником всего, что есть в человеке существенного, если тело является в наибольшей степени основанием для объективного представления о человеке, то душа – источник субъективных представлений (условно говоря, ибо мы воспринимаем, все же, человека как целого).

Но есть многое, о чем мы не спорим, так, характер формируется в наибольшей степени душой, так же ум и сознание в целом, чувства, склонности, и язык, как первооснова всего и главный арбитр в наших спорах, весьма точен, мы понимаем, что сильный и великодушный – не одно и то же.

С телом мы чаще связываем природное (биологическое) в человеке, с душою – метафизическое (но, как мы только что увидели, тело человека, или его **плоть**, не только тело, но так же и **душа**, как она есть в живом человеке, не только душа, но и тело – как и кислород и водород в воде). **Половой инстинкт**, как и все другие инстинкты, которые мы относим к функциям плоти, телесного, будто бы это тело мужчины жаждет тела женщины, в такой же степени плотский, в какой душевный, и плотские вожделения, с которыми борется христианство, укоренены более в душе, нежели в плоти.

Однако любовь, как синтез сочувствия, заботы, взаимопонимания, склонности (симпатии) и влечения, связанного с общим половым инстинктом, но в каждом частном определяемого душевным, а не плотским, не случайно определяется и как "половая любовь" (в которой все во всем, как бог), и как любовь метафизическая. Они существуют обычно, житейски, повседневно, в их общественно-личном проявлении как единство обеих видов любви, единство, в котором и то и другое присутствует в разной пропорции (как существует и человек как единство), но они существуют и как два самостоятельных типа любви, во-первых, в культуре, во-вторых, вблизи **точек разрыва**, которыми являются крайние положения пропорции, когда любовь только душевная или только плотская, чистое вожделение, то есть когда это уже почти и не любовь, а либо сострадание, дружба или долг, или только похоть.

Итак, плоть и душа, природа и метафизика – два источника человека.

Что такое природа, уже достаточно понятно, что такое метафизика... понятно лишь смутно, неопределенно, одним так, другим этак. Не ждите и от меня полной определенности во всем, но ждите от меня понимания, в каком месте лежат камни преткновения, и как об них не спотыкаться.

Во-первых, всякое учение, излагающее полноту истины, так что всякая недописанная из него буква или к нему приписанная уже есть шаг в сторону и конвой стреляет без предупреждения, есть не что иное как тоталитарное учение, каковы христианство и большевизм, исключают свободу мыслить и созидать и диалектически утопляют свободу в болоте духовного рабства. Понятно? Это почти единственная из моих аксиом. Но и свобода не сводится к полному отсутствию всяких ограничений, как на абсолютно скользкой поверхности, на которой нет трения: на ней движение мысли и жизнь человека невозможны. Но мы стремимся ходить ни по липкой глине после дождя, ни по скользкому льду, вот так и будем ходить, поэтому в моих книгах вы не найдете ни абсолютной истины, после которой все остальные книги надобно сжечь, как и жгли Александрийскую библиотеку христиане после умерщвления Гипатии, а потом дожигали мусульмане, разрушившие недавно Пальмиру, ни абсолютной лжи, как в обещании рая небесного и земного то одним учением, то другим, которого мы так и не дождались.

Но потребность, во-первых, в Боге, во-вторых, в *другой* любви (и не будем пока выяснять, у кого какая эта **другая любовь**), и в третьих, **духовная жажда**, которой мучаются не только пророки, но и поэты да и просто смертные люди, и множественное томление, которое мы затрудняемся дифференцировать, заставляет думать, что источник ее находится и не во плоти и не в душе, но так как человек интуитивно или по мистическому предчувствию знает, что эта жажда может быть удовлетворена, то по крайней мере в душе содержится образ этого источника, образ удовлетворения жажды. Сторонник троичности в вещах и явлениях, я предлагаю думать так, что человек жаждет встречи с Богом, то есть имеет потребность в **вере**; затем имеет потребность в особенной **любви** и, наконец, томится неопределенным третьим томлением, которое, быть может, разрешается в **откровении**. Та духовная жажда, о которой пишет Пушкин, скорее всего является томлением и о вере и о любви, и об откровении вместе, мой собственный опыт такого томления и такой жажды показывает, что и призывание любви и призывание веры смутно и не отделено друг от друга, как в притяжении Эльзы и Лознгрена; музыка в наибольшей степени показывает связанность внутри себя этого трансцендентного чувства, музыка изображает его, передает его, не дожидаясь понятийного объяснения. *Откровение*, о котором я упоминаю, не есть ли жажда вкушения плода с Древа познания добра и зла?

Если *любовь метафизическая* дополняется любовью как следствием полового инстинкта (природного чувства), если любовь трансцендентная не противостоит "половой любви", но словно бы возносит ее, углубляя и утончая, и преображая (но не следует это преобразование истолковывать в том пошлом "духовном смысле", в котором ничего не остается от любви к женщине, ничего не остается чувственного, эстетического, даже этического, а все заполняет, вытесняя притяжение к человеку, особое бесчувственное, бесплотное, бездушевное притяжение к Богу), то нельзя ли сказать, что именно трансцендентный источник жажды созидает полноту любви, в которой мы получаем и наслаждение, и откровение, любви, которая соединяется с культурой, познанием, вдохновением и заботой о возлюбленной и творческой деятельностью по преобразению мира?! И сказать это нужно и возможно, если следствием томления оказывается любовь, а не вера; но если жажда разрешается *встречей с Богом*, как у апостола Павла, или верой, как у Блаженного Августина, Иеронима, преподобного Игнатия, как у Паскаля и Гоголя, то следствием оказывается умерщвление мира и человека, отречение от творчества и сужение жизни, а у Паскаля и Гоголя апофеоз веры привел к безвременной смерти (и переживая отречение Гоголя от Пушкина, в результате которого он "выбросил его книги на помойку", хотя взамен получил и гормоны счастья и ежеминутное приближение к Богу, я с ужасом вижу, что таковы поступки большинства *подлинно обращенных*, уверовавших не *посюсторонне*, а глубоко, с той стороны Стикса, как пишет о том Кьеркегор.)

Трансцендентная Вера, как и трагическая Любовь, питаются из одного трансцендентного источника, то есть из **Инобытия**.

## 4.

Откровение, как я думал еще с детских лет, должно являться открытием двери в высший мир, и обретением Истины; как и любовь, так и вера, о которых я говорю в связи с трансцендентным, являются не чувством, подобным боли, страху, радости, но **состоянием**, в котором меняется и личность человека и весь мир, оно является **пробуждением** и преображением, пробуждением, в котором становится *все иное, новое небо и новая земля*, как изменяется мир снов под влиянием обычного каждодневного пробуждения из сна в бодрствование, так бодрствование оказывается только сном в новом бытии, *в новой реальности*.

*Не обидный человек*, переживая то, о чем я рассказываю, пишет книги, Илиаду и Одиссею, Апокалипсис, Послания к галатам и евреям, Трагедию о Гамлете, *любит мучительно и неотвязно*, уходит в монастырь... Но разве ничего такого не переживает и *обидный человек*, разве я за свою, уже не так и короткую жизнь не встречал их, мало отличающихся от меня самого?

Не спрашивали ли вы себя, отчего многие пьют, отчего запивают, отчего спиваются, кончают самоубийством? Что их мучает, что заставляет? Ну да, иных горе; иных слабохарактерность, случай, течение, которое захватывает к другим... Но это не всё. Многие же, как Мармеладов, тоже слышат трансцендентный зов, но он не разрешается в них порывом **страсти**, то есть любви или веры, и они запивают. Зов обещает им изменение, они его не дожидаются, потому что их душа еще не развилась, не произошло их *духовное рождение* (увы, не обойтись без затасканного слова «духовный»!), а *спиритус* (дух) приносит искусственное изменение мира, подобное тому, которое им было обещано; и так же отвечают на неизвестный зов инобытия те, кто припадает к наркотикам (я хорошо понимаю пьющего человека, потому что я испытывал эти изменения опьянения часто; кстати сказать, некоторые духовные писатели пишут о словно бы духовном *опьянении* в вере. То состояние, которое приносит вино и наркотик, похоже на *преображенное состояние в любви*, только в любви оно более сильное, и однажды его испытай, я и не перестаю стремиться к любовному опьянению).

## 5.

Следующую главу я начну с того, что на время перейду отчасти в иудеи, отчасти в атеисты, приобретя таким способом право на свободное полу-философское рассмотрение христианства с точки зрения истоков его идей. Таким образом, я уделю внимание самой личности Христа, насколько о ней что-либо можно сказать определенное, исходя из Нового Завета. Правоверный иудей не боится высказываться о нем *критически*, ибо его предки даже не побоялись критически по отношению к Христу поступить. Атеист даже (и таких большинство в России) отрицает его существование, признавая его только как литературного героя. Следовательно, полуиудей и полугаеист, я присваиваю себе право писать без священного трепета, без еля и придыхания, без коленопреклонения и осенения ежеминутного себя крестным знаменем. Да к тому же, человек культуры, я не могу оскорбить ничьих чувств, ибо писать буду достойно философа.

### 6. Человек как мера вещей

Протагор из фракийского города Абдеры, живший в 486 – 411 гг. до н.э., был знаменитым в свое время философом, и хотя до нашего времени не дошло ни одно из его сочинений, но только упоминания и цитаты, достоин и сегодня памяти и почтения даже всего за три его высказывания:

*«Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют»* (Платон, Теэтет);

*«Как мы чувствуем, так оно и есть на самом деле»*; и, что только иными словами повторяет предыдущее высказывание *«Все таково, каким оно кажется нам»*.

Не буду останавливаться на оценках этих высказываний ни современниками, ни позднейшими философами, важнее всего то, что они являются символом, разделяющим мировоззрения иначе, чем как религиозные и нерелигиозные, но глубже и точнее: отталкиваемся ли мы в своих поисках смысла сущего и смысла нашей человеческой жизни от самой нашей жизни и источника ее, то есть от человека, или от *инобытийного*, прежде всего от Бога как источника бытия. Что удивительно, многие атеистические философии оказывались не менее клерикальны, чем теисты, и тоже отодвигали человека на второй план, на первый предлагая или само мироздание с его вечными и неизменными законами движения, или нечто лишь связанное с человеком, то есть Природу или Общество, так что при этом человек также оказывался малосущественным, был следствием а не причиной жизни, судьбы, истории, культуры, идей. Правда, в трактовке последних двух высказываний есть различия: если мир таков, каким его вижу Я, стоящий в центре мира как его наблюдатель, то это мир субъективности, и человек, как ни странно, в его всеобщем значении **Меры вещей** так же вторичен, но если мир таков, каким его видит всеобщее сознание, то и мерой оказывается человек в его всеобщности. Мера эта видоизменяется в различных философских представлениях – но ведь и религиозное сознание, апеллируя к Богу, предлагает нам сонм богов в качестве меры. О человеке мы еще в состоянии спорить и находить взаимопонимание, о Боге спорить удается плохо: плаха, аутодафе, костер – и спор прекращается.

Если я исхожу из человека, то значит ли это, что я отрицаю существование Божие и мое мировоззрение атеистично; если христианин исходит из Троицы, а иудей и мусульманин исходят из единого для каждого из них божества, то значит ли это, что они опираются на Бога и Божественные основания вещей, игнорируя человека?

Христианин исходит из Священного Писания. Признавая его **Богодухновенным**, мы исходим из текстов, словно бы созданных Богом: писались они человеком, но Бог диктовал (важно помнить, что **богводухновенными**, то есть *вдохновлёнными Богом*, являются все сакральные тексты, которые автор пишет, испытывая *вдохновение*, внушенное или навянное божеством, но при этом он записывает собственные размышления, Бог ему не диктует. Представление о том, что мировоззрение в основе имеет Бога, связано только с утверждением *Богодухновенности* Священного Писания, в противном случае, мы опираемся, говоря о Боге, на человека.

В центре основного источника христианства, то есть Нового Завета, личность Иисуса Христа, и помимо того, что тексты евангелий богодухновенны, то есть евангелисты писали непосредственно по внушению Святого Духа, проповеди произносились вочеловечившимся Сыном Божиим, а не человеком. Признавая Иисуса Христа за Бога, мы уже не можем подвергать критике христианство иначе, как отвергая богодухновенность евангелий, более того, допуская, что евангелисты могли сами проповеди передать по памяти недостоверно. Но независимо от этого, признавать Христа Богом или только пророком, как и признавали его иудеи, первостепенно по важности, в последнем случае критике возможно подвергать и апостолов новой веры, и Учителя ее, что значительно расширяет возможности критики. Кстати сказать, Буддизм и Ислам созданы пророками, и сие их не умаляет, но только христиане свою религию подняли до того, что сам Бог спустился на землю, чтобы сообщить им Истину (как Прометей сообщил людям огонь).

В центре христианства главный вопрос всех религий: существует ли Бог? Решается он только верой, а верить или не верить, решает только человек (но сколько же излито чернил и слез умиления писателями, писавшими о Легенде в романе Достоевского по поводу того, что Христос принес людям свободу – а разве Будда заставлял своих сторонников признавать его учение, угрожая им карами? Да ведь и крестили, приобщая к вере, младенцев, так ли уж сам человек избирал свою веру?) Но признание того, что Бог существует, еще недостаточно, чтобы стать христианином, и иудей признает существование божие, но Христа отвергает. Паскаль пишет: *«Не только невозможно, но и бесполезно знать Бога без Иисуса Христа»* Бог ли Иисус Христос – второй главный вопрос христианства. И только третий – воскрес ли Христос. «Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна!» – восклицает апостол Павел. Итак, три основных признака христианства: **Вера в Бога, вера в Иисуса Христа как Бога, вера в воскресение.**

Отрицая божественность Иисуса Христа, отрицая, более того, Библию в качестве законодателя сакральных знаний, мы возвращаем человеку способность судить, что верно и что неверно. А как возможно судить о том, что запредельно, этому посвящены многие выдающиеся произведения литературы. Даже ведь и то, что Земля круглая, решил в многочисленных спорах именно человек, хотя Бог (посредством Библии) настаивал на плоской Земле.

### 7. Последнее письмо

Пишу я о том, что моей ревностной христианке не понравится, она ведь и бросила меня, боясь своего жестокого Бога.

И все же она меня бросила, и жалеть обо мне не стала. Была ли любовь (я думаю, что она меня все же любила), но она меня бросила, и не думает о том, хорошо ли мне без нее.

Она меня нашла, она на меня начала смотреть, взяла меня за руки, распахнула мне навстречу свои прекрасные зеленые глаза – и это важнее того, что она меня бросила. Но она меня уже разлюбила (во имя Бога) и пришла пора смириться мне с ее нелюбовью. *Прощай, моя нежная ласточка!*

---

## ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

### **ИДТИ ЛИ ЗА ХРИСТОМ?**

#### *1. Самое-сверхсамое последнее расставание*

*24 апреля, воскресенье, 15-21.* Мы в деревне, вчера я топил баню, кричал «ура», возлегая на полкѣ, сегодня возвращаемся в город. Невзирая на горести и болезни, работал на совесть, хотя и мокро и грязно в огороде, прыскали дождики, но потом выглядывало солнышко и становилось тепло.

*26 апреля, вторник, 20-19.* Еду в метро проведать Пашу на полчаса, устал от составления философского журнала. Устал и от встреч, и от разговоров, и даже от своей несчастной любви.

#### ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Я его даже скорее всего и не пошлю. Ты, моя ласточка, давно от меня отъезжала и улетела. Ты меня бросила, насколько я понимаю, даже не ради другого мужчины, а ради своего грозного Бога. А Бог (или священник) запретил со мною дружить.

И что они понимают, эти небесные боги, в нашей земной любви?! Не надо у них спрашивать советов, они эгоистичнее даже мужчин, соперничающих из-за одной женщины.

Не знаю, что происходит с теми, кто бросает любимых или любимое дело, уходя к Богу, как Кьеркегор, Паскаль, Гоголь. Кажется, они сходят с ума... То же, вероятно, произошло и с тобой. Но бессмысленно что-либо пытаться изменить, и невеста Кьеркегора, в слезах стоявшая перед ним на коленях, была бессильна, и память о Пушкине не воспрепятствовала Гоголю выбросить его сочинения на помойку, и научная слава Паскаля не удержала его на научной стезе.

Впрочем, что случилось с тобою, я не знаю. Возможно, ты просто опомнилась, поняла, что не любишь меня, что я не стою того, чтобы из-за меня рисковать своим спокойствием.

В моих письмах и воспоминаниях о тебе невольно прорывается обида, мне трудно от нее отрешиться вполне. И все же, как ты от меня отъезжала и улетела, я тоже должен порвать ту мистическую ниточку, которая нас еще связывает. Женщина любит глубже, чем мужчина, и все же она его бросает... Мне так хотелось стать перед тобой на колени, положить голову свою на колени тебе и так прижаться – как жаль, что этого не случилось! Вот такое прижатие к коленям женщины я и ощущаю как глубину и всеохватность любви. Женщина – пусть это длится только мгновение – пронизывает мужчину своей материнской жалостью. Мысленно я к тебе прижимался...

И как бы то ни было, было столько прекрасных минут в наших встречах, что ты не сможешь их все отвергнуть.

Но я обязан тебя отпустить, обещать не встречаться... Пусть уж судьба за меня решает, или ты – ведь и первая наша встреча – это встреча твоя.

Прощай, моя любовь!

**Post scriptum.** Около восьми вечера я почувствовал, что работать невмочь, что надо встряхнуться, и я наскоро собрался и помчался к Паше.

Неожиданно закрыли метро «Озерки», так что я доехал до Удельной, прошел полторы трамвайных остановки по пр. Энгельса и вскочил в трамвай в трех перегонах от Озерков. Только осмотрелся, молоденькая красотка вскочила с большой сумкой, уступая мне место. Садись, строго я ей велел, девушки должны сидеть» Не сяду, возразила она. Попрепирались, я спросил ее, что она думает о несчастной жизни и несчастной любви. Согласились на том, что жизнь идет полосами, а несчастная любовь когда-нибудь проходит. Я посетовал, что женщины и девушки отказываются придти на «Последнее свидание». «А зачем?» – возразила она. Никак мне не удается найти убедительные доказательства, пояснения, что без последнего свидания обесценивается и унижается сама идея любви. Зачем человек приходит прощаться с умершими родными и друзьями? Друг другу уже ничего не скажешь, организовали бы коммунальные службы, как по уборке мусора, и дело с концом?! Отвергнутый возлюбленный перестает играть какую либо роль в нашей жизни? Так и умерший знакомый из нашей жизни уходит тоже.

Я сказал, что пишу книгу о несчастной любви, назвал ей сайт, на котором можно меня найти, и мы попрощались.

Поговорили мы коротко, особенных любезностей я не успел ей сказать, но настроение мое поднялось.

Я думал о своей миленькой и все более укреплялся в том, что надо смириться с тем, что она меня бросила, что все значительное, доброе и красивое в моей жизни происходит само собой, случайно, независимо от моей воли, и не нужно мне тащить лодку, вросшую в ил, сеять на камне и пытаться изменить отношение к себе у тех, у кого оно уже окаменело.

Раздумывал об отношениях автора и его воображаемых созданий в романах, стихах и драмах. Разумеется, наши герои не действуют по своей воле, а только по воле их создателя, то есть автора, но не допустить ли, что мы тоже создания творческой воли нашего создателя, только более могущественного, чем мы, и то, что мы называем судьбой, это сюжет, в рамках которого мы существуем как герои более великой драмы, чем те, которые мы сочиняем сами. Если герои наших романов не живут подлинной жизнью, то нам наш могущественный создатель дал и жизнь и волю к действию. Итак, мы тоже герои художественных произведений, и наша жизнь и наш мир аналогичны мирам наших литературных фантазий. Глупые слишком ревностные христиане, смутно сознавая нашу вторичность, нашу искусственность в сравнении с нашим создателем, вопиют к нему: не хотим жить по своей воле, преврати нас в такие же марионетки, послушные высшей воле, каковы герои наших собственных созданий! Зачем? Он гордится тем, что смог достигнуть такого совершенства в своих произведениях, а мы просим у него низвести нас до уровня собственных героев – зачем?

Не удивился ли бы писатель, автор романа, если бы его герои просили сделать их бессловесными?

Разумеется, это всего лишь схематическое изображение возможного подобия, но оно многое проясняет.

## 2.

**29 апреля, пятница, 6-34.** Едем наконец-то в деревню, все дни в городе я стонал: доживем ли до пятницы? И вот она, пятница, и мы уже в метро. Вчера случилось первое чудо из тех, для которых я изо всех сил трудился (вот оно, коренное отличие мое от христиан – я не молился, не пребывал в созерцании, в молитвенном молчании, ни в ожидании милостей с неба – я трудился изо всех сил, и небо тоже, кажется, мне улыбалось навстречу, и если не тащило (нужды не было, в необходимых случаях, возможно, и подтащит!), то во всяком случае благоприятствовало. Ветхозаветный призыв «в поте лица своего ешьте свой хлеб» мне гораздо ближе, чем ересь новых иудейских сектантов «не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам о себе позаботится» (философия созерцательного безделья и жизни за чужой счет, жизни, исключаящей *заботу о других.* ) Но вернемся к чуду. Итак, я в пять часов отправил к типографу Новый критический журнал и в десять часов уже получил 12 отпечатанных экземпляров – за несколько дней составил его и сверстал и даже слепил обложку. Тексты, правда, читал по диагонали, поэтому, боюсь, боюсь, ошибок немало.

22-47. Христиан можно разделить на три группы. Во-первых, *истинные христиане* (по Кьеркегору), жаждущие взвалить крест и пойти за Христом, для этих во Христе вся Истина, и у них не возникает вопросов ни относительно красоты, ни истины, ни добра, ни культуры, с которыми христианство воюет, ибо все, мол, относительно, и только христианство абсолютно. Вторая группа – это верующие, принимающие учение (в том или ином изложении), но не чувствующие в себе достаточно веры, чтобы отрешиться от всего земного. Их понимание учения достаточно условно, они не отдадут себе отчета в том, что христианство враждебно культуре, что надо выбрасывать на помойку Пушкина и что математика внушена бесами и т.п.

Третья группа – это те, кто думает, что Христос – необыкновенная личность, что он совершил жертву спасения людей, что он проповедовал любовь и сострадание и добродетельную жизнь – и с верованиями именно этих связано то, что в последнее время много пишут и говорят о том, что в преданиях содержатся такие сведения о жизни Иисуса, которых нет в евангелиях, в частности, что после воскресения Христос удалился из Палестины с Марией Магдалиной, и она стала его женой. Не будем выяснять, справедливы или нет эти легенды (к самому Учению они не имеют отношения), но спросим, почему они появляются? Это ожидания тех, кто чувствует, что Христос холоден, в нем слишком мало человеческого, и им хочется сделать его теплее и человечнее. Восприятие Христа людьми третьего круга, симпатизирующими христианству, показывает, что не все готовы пойти за учением, которое отвергает и мир и человека во имя сомнительного бога. Вот почему, во-первых, появляются ереси, попытки исправить античеловеческую сущность учения; во-вторых, легенды и предания, исправляющие историю, личность и учение в сторону очеловечивания, отепления в самом восприятии; и в третьих, что *вера* большинства основана на смеси мифов и собственных представлений, а не на Учении, которое большинство или не знает, или знает слишком смутно.

## 3.

*30 апреля, суббота, 9-33.* Топили вчера баню, и баня была чудо. Выпили по рюмке наливки и наливка была чудо. Правда, ночь охолодела, пришлось одевать штаны и укрываться вторым одеялом и бушлатом, и снились безумные сны, как-то странно связанные с безумием самого христианского учения.

Снова думаю о своей *миленькой* и укрепляюсь в мысли, что надо оставить ее с ее собственной жизнью. Ведь и я попал в ее жизнь не сам по себе, а она меня туда затащила, и наше медленное сближение произошло потому, что она его захотела, и не сопротивлялась затем моим собственным усилиям, она на меня смотрела, клялась в любви и обнимала. И она целовала мои руки и позволяла целовать ее ушки, писала нежные и безумные письма и звонила по телефону, прося о помощи. Надо и теперь ей подчиниться. Это не нас обоих притянуло друг к другу, **это она сначала привязалась ко мне, а потом отвязалась.** *И да будет в нашем романе воля ее, а не моя.* Если она его уже дописала и поставила точку, то ради любви и нежности к ней не надо вмешиваться в ту ее жизнь, которую она избрала после этого.

Возможно, еще и судьба заставляет меня сочинять некий собственный роман, моя ласточка в нем – то семечко, из которого роман стал произрастать, но в нем еще множество всего – и коммунизм и христианство, с которыми мне необходимо развестись окончательно, и семья и Россия, для которых я еще не все сделал. В этом моем романе и поиски цели и осуществления моей собственной жизни, которая не сводится только к любви к женщине.

Вот почему я должен попроситься с ласточкой, оставив *всё в её воле*. Если она когда-нибудь меня вновь изберет... то новое время пусть само разбирается с тем, что придет на смену отвязанности.

Итак, прощаюсь с ласточкой и буду писать о христианском учении и Христе, строго следуя плану, по которому надо сначала перечислить все вопросы и недоумения, а затем глубоко и исчерпывающе на них ответить.

*21-50.* День был чудный, теплый и солнечный, я засыпал яму, которую в прошлом голу вырыл под теплицу, таская тяжеленные ведра с мокрой землей из-под кострища. Устал, поэтому за ужином мы с женой выпили по рюмочке изумительной наливки, чтобы *очунять*.

Написать что-либо уже нет и сил, ложусь спать, если дойду до дивана.

*1 мая, воскресенье, 9-24.* Ночь была не самой худшей, но все же сну было тесно, а мыслям просторно.

Разумеется, в ночь на Воскресение (а сегодня главный христианский праздник – Воскресение Христово) мысли эти были религиозно-мистического характера. И главный вопрос – Истоки христианской метафизики.

Итак, Христос родился и вырос без отца, под опекой отчима, которого, по-видимому, не любил. Но любил ли он мать? Его отвращение к самому соединению мужчины и женщины и рождению детей, его холодность и недоверие к матери показывают, что и собственная семья ему была в тягость.

Но вправе ли философ рассуждать о христианстве? Если христиане создали громадный железобетонный фундамент богословия, если существует величественная христианская литература? Ну, хотя бы робко, в уголку их грез?

## ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

### О ЧЕМ ПИСАТЬ?

*1 мая, воскресенье, 21-54.* Ходили в гости к Зое, хорошо закусили! А пили – самогонку!

*2 мая, понедельнику, 20-05.* Спал, разумеется, плохо, но все же остался жив. С десяти утра работали в огороде, у выхода из сарая пристроил по обе стороны двери два ящика на земле для цветов, затем обрезал цветник диких роз и обрезки отнес в костер, продолжал засыпать яму (неудавшийся погреб), и кое-что продолжал другое.

А теперь мы возвращаемся в город.

23-55. Ругал в своей статье, напечатанной в журнале «Злобный критик», киношные *сериалы* – но сам я со своей эпопеей о любви не представляю ли читателю тоже бесконечный *сериал* о самом себе?

Вот поэтому писание про себя, наконец-то, начну ограничивать.

Эту книгу мне уже не переделать, и хотя она по счету четвертая в эпопее, но я ее и продолжу и закончу как начал, но больше о своей любви писать не буду, а посвящу оставшиеся страницы критике христианского учения.

Порывая со мной, моя ласточка мне написала, что ей моя любовь омерзительна – это в ней возопила воскресшая христианка, оскорбившаяся за Бога. Но меня она, видимо, все же любила – глубоко или нет, уже не узнаю.

Почему христианство запрещает любить, почему оно привлекает сердца, в чем его истоки и что оно предлагает человеку – об этом и надо мне написать – по возможности бесстрастно, только правду и ничего кроме правды.

Итак, вот о чем надо мне далее написать.

1. Добро и зло, добродетели, совесть, нравственная идея в христианском учении.

2. Любовь к женщине, семье, роду и народу, любовь к человеку. Страсть и бесстрашие. Любовь к Богу. Нужна ли Богу эта исступленная извращенная любовь?

3. Культура и вера. Творчество, труд, природа и цивилизация.

4. Смысл жизни – вечное радостное блаженство после смерти или *временная жизнь здесь – с горестями, любовью, состраданием, заботой, долгом?*

5. Страх смерти.

6. Преодоление трагедии. Есть ли утешение и в чем оно?

7. Горестный итог...

Вероятно, во многом я буду повторяться... Но и апологеты христианства повторяются, они повторяют Священное Писание, отваживаясь только на комментарии к нему, они повторяют святоотеческую литературу, повторяют сами себя. Невероятно, до какой степени религиозные рассуждения наполнены либо пустой риторикой, либо банальностями, либо псевдофилософской бессмыслицей.

Милую я не верну... Ну, ладно, ладно... Зато я хотя бы верну сам себя.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*МЕТАФИЗИКА НА ПЕТЕЛЯМЦЕ*



ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ  
**КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ**  
ЗВЕЗДНОЕ НЕБО НАД ГОЛОВОЙ  
И НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН ВНУТРИ НАС

*1. Введение*

*3 мая, вторник, 15-35.* День все же лучше ночи, но тем не менее у меня такое чувство, что я как корабль с разбитым днищем, в пробоины которого хлещет вода, и медленно погружаюсь в глубину моря. Ночью треплет болезнь, днем треплют долги и отчаянье: от отсутствия перспектив в работе, в повседневности, в издательской деятельности, в творчестве и любви.

И волхвы утром приходили, и рассуждаю как прежде, и писать еще не разучился, да и вижу многое яснее многих – но что с того? Уже и напечатать нет денег и на два экземпляра даже для двух последних читателей, дьявольское государство обобрало меня до последней копейки, даже то, что их собственный закон не велит отбирать, у меня отобрали.

А волхвы говорят: пиши еще, не страдай от того, что не так кратко пишется, как надеялся, и дорога из пункта А в пункт В тоже не всегда коротка и удобна. Ты вышел почти незрячий, медленно рассветает вокруг тебя, и этот рассвет пока только в тебе, другие идут впотьмах. То, что ты можешь написать, другие не напишут, потому что не увидят, а то, что ты видишь, важнее всего.

Я, конечно, уже никому не верю, даже волхвам, однако писать продолжаю.

В христианстве сплетено слишком многое – но не гордитесь тем, христиане, поспешно: во всём сплетено многое, даже самый обиденный человек не прост, и жизнь его не одноцветна и не односложна, и судьба, и надежды, и результаты. Опровержение учения, проросшего сквозь всю историю человечества, и просто до крайности и невероятно сложно. Власть и сила упрощают все что угодно, самый мелкий разбойник, если ему надоест с вами спорить, выиграет спор хотя бы тем, что пырнет вас ножом, а вы этого сделать не сможете. Вот и Владимир, киевский князь, много ли книг написал в защиту веры? Он приказал согнать народ к Днепру и крестить днепровской водой, а тех, кто спорил, утопили – и даже они оказались крещеными.

Так и большевики раскрестили Русь – пять миллионов голодом уморили в 22-м году в Поволжье (не считая бесчисленных голодоморов и в последующие десятилетия, в том числе и в Блокаду), девять из десяти храмов разорили, упрямых священников перестреляли – почти угасла вера на святой Руси, и Христос не защитил, пришедший когда-то спасти свой народ (который не защитил тоже).

Так как власти у меня не было и никогда не будет, а народ читать не охоч (даже и евангелие не читает, хотя сегодня Христу поклоняется), то спор мой с христианством для меня так же сложен, как и бывший спор с антихристианством (за каковое я принимаю большевизм – не потому, что они

менее правы, а потому что тоже с Христом спорили, но не в стихах или в прозе, а предоставив вместо себя «слово товарищу маузеру»). Но и тот спор я не выспорил, хотя большевики неожиданно в 91-м году пали сами; и этот выспорить мне не под силу, хотя в евангелиях сказано, что как раз после того как они восторжествуют на всей земле, вдруг неожиданно и падут и произойдет Конец света и Страшный суд.

[И вообще какое-то заклятие лежит на всяком здравомыслящем мнении, начну я спорить с безбожником, доказывая, что Бог все-таки есть – нет, упрется, моим доводам не внемлет ни на запятую; в другой раз спорю с упертым верующим, не допускающим никаких сомнений ни в бытии Божиим, ни в образе его, ни в своем понимании образа и прообраза – этого не удастся подвинуть даже на ползапятую. Но при этом мир не стоит на месте, *все течет и все изменяется*, и мнения меняются тоже, и что было несомненно для Паскаля, уже подвергал сомнению даже Парижский дворник во времена Вольтера. Я ни одного коммуниста не распропагандировал за целую жизнь, вдруг коммунизм пал сам по себе, без пропаганды разуверились все разом. И точно также, пока я был христианином, никого не подвинул к вере, сегодня веруют даже черные дворовые кошки. Но точно ли они были хотя бы социалистами, точно ли стали христианами? Чтобы согласиться с моим сожжением, их веры хватит, но хватает ли им веры, чтобы избрать безумную христианскую жизнь, как Паскаль, Кьеркегор, Гоголь, то есть взять крест и пойти за Христом? (Не говоря уж о том, что не совсем ясно в евангелии излагается, что значит пойти за ним, только ли раздать имущество, отдать другому жену и пустить по миру детей – или еще и взойти на Голгофу по любому поводу, только б взойти?)

Христианское учение запутано и само себе противоречит во многом – но это еще не говорит против него, каждый человек запутан тоже, и я сам.

Но как о человеке мы решаем прежде всего, обладает ли он достоинствами или, по крайней мере, заслуживает сочувствия, так и о любом Учении, системе взглядов, художественном произведении, о любой идее и книге.

Человек (особенно женщина) – красив или нет, умен ли, добр, великодушен, добродетелен ли (хотя бы в необходимую меру, то есть не разбойничает, не ворует и не обманывает, верен в дружбе и привязанностях, милосерден, заботлив, трудолюбив, талантлив – а эти добродетели в число добродетелей

**6 мая, пятница, 6-37.** И все таки мы дожили до новой поездки в деревню, уже на пути на Московский вокзал, а заем на крыльях ласточки полетим дальше... Жизнь в городе протекает по-прежнему впопыхах и на бегу, отправил журнал на печать, потом уже взялся его проверять, нашел множество грубейших ошибок, кажется, типограф еще его не начал печатать... Если так, то Бог есть! Хотя поздравительный Адрес придется все же перепечатывать – но это мелочи. А сколько терю я из-за первой пробной публикации, да еще размахнулся в количестве!

В общем, во многих отношениях жизнь складывается так, как и обычно в последнее время – то есть сдирает с меня остатки шкуры... Или из дерева она выстреливает человека, не стесняясь в средствах?

## 2. *Общий взгляд на бытие, время, онтологию*

Жизнь человека и бытие мира проблематичны и сами по себе (в том смысле, что порождают множество проблем и вопросов), но и умозрение, направленное на их понимание, представляет собою вопрошание и ответы на такое вопрошание. Но жизнь сопряжена с *пограничными условиями* своего протекания (как и всякая функция или кривая в математике и всякий процесс и явление в физике), которыми являются рождение и смерть и область сакрального, или Миф (религиозная система представлений). Центральная идея религии – образ божества, сверхъестественной Личности, Создателя и Правителя (Господина) мира и связанного с ним сверхъестественного бытия.

Философские и математические рассуждения формируют представление о *границе реальности* (подобной *особым граничным линиям и точкам* поверхностей и кривых), которая присоединяется к *реальности*, также к ней присоединяются природа и культура с одной и другой стороны, за счет чего *реальность* только и становится *действительностью*. Теперь-то уместнее всего вспомнить рассуждение Протагора о том, что *мир таков, каким он кажется* – но кажется-то он не только под влиянием *мира как такового*, но и под влиянием того, что к миру не относится, то есть культуры: ассоциаций, воспоминаний, ложных и подлинных представлений и умозаключений, сна, полусна, бодрствования, страха, воображения... итак, мир *кажется* в конце концов подобным созидаемому образу, но он и становится подлинно таковым в процессе своего созидания... (хотя еще надо иметь в виду, что мир дикаря и мир философа разнятся между собою...)

Есть Инобытие или нет, но существует *граница* Бытия, отличная от *посюстороннего*, поэтому по крайней мере те, кто достигал ее, существуют не только в бытии, но и отчасти в Инобытии. Есть Бог или его нет, и он только образ? Есть ли инобытие, неотрывное от Бога? Большинство полагают, что граница между религиозными и нерелигиозными людьми (атеистами, безбожниками) состоит в ответе на этот вопрос. Полагаешь, что Бог есть – верующий, полагаешь, что его нет – неверующий. С этой точки зрения каков Лев Толстой в старости, весьма рационально чувствующий человек? Который позитивиста и ученого Вернадского причислил к мистикам (противопоставляя себе)? Да, Толстой не имел в своей душе и сознании образа сверхъестественного Создателя и Правителя мира (хотя и занимался богостроительством и создал свое собственное почти религиозное учение).

Итак, человек уверяется (или уверяет себя), что Бог есть (или там что-то такое, высшее, непонятно что, но влияющее на мир и нашу жизнь... что-то... Вот таковы религиозные представления большинства людей и ограничены они только таким *убогим* представлением Бога.

Но разве современный русский философ, разве современный русский мыслящий человек имеет дело с чувствами, мнениями, мыслями, рассуждениями и поступками людей, признающих только *существование "чего-то высшего"*? Нет, мы имеем дело с христианином или ислаμισмом, или даже – с православным "воцерковленным" интеллигентом (недавним комсомольцем) и мусульманином привычного мирного толка или

фанатиком-террористом, те же, религия которых состоит только в смутном образе «чего-то высшего», не интересны для исследования...

Следовательно, имея перед собою одного из них, ну, например, православного, я в отношениях с ним (если хочу его понять) должен знать и чувствовать и понимать все то, что именно и делает его православным, что привлекает его к православию. Следовательно, недостаточно мне иметь *смутное ощущение чего-то высшего*, но нужно знать и сумму идей и образов христианства, и сумму идей и образов православия, выделяющих его из христианства, но отличающих его еще и от католичества и от лютеранства.

Во-первых, центральная идея христианства – идея Бога. Но если в иудаизме Бог един, и это Бог-созидатель, Бог-Вседержитель, Бог – заключивший договор с еврейским народом, обещавший ему поддержку и помощь и даже спасение – отдельно от всех, выше всех, ибо **иудеи – богоизбранный народ**, то у христиан Бог *триедин*, то есть составляет трех Богов, неотделимых друг от друга, но и не растворяющихся друг в друге, более того, существующих извечно, прежде всех времен, не только от начала мира и создания человека, но и до всякого начала (ибо когда не было времени, то не было ни начал ни концов). Но тогда, значит, и миссия Христа по спасению человека существовала до человека, и первородный грех, то есть падение и раствление. Понять это без математики невозможно, но в математике легко. Вот функция  $Y = 1 / x$  существует во всех точках, кроме 0, но в нуле совершает грехопадение, которое существует еще и до того, как переменная  $x$  приблизится к нулю и в нуль обратится, а при этом исчезнет  $Y$ .

Но это грехопадение не искупимо, и даже Бог ничего с ним поделать не может (да, собственно говоря, он его и создал для поучения нас, то есть ничем не умалется). Но зато функция  $y = \sin x / x$  разрывна в нуле (совершается грехопадение), но этот разрыв *устраним* (возможно *искупление*), но устраняется он не человеком, то есть не переменной  $x$ . Но функция начинает новое существование не за гробом, а здесь.

Так совершил ли искупление Иисус из Назарета, устранил ли он разрыв в биологической истории человека, то есть смерть, то есть наступление несуществования?

Я этого не вижу.

Может быть, видит это кто-то из посюсторонних христиан, заходящих иногда в церковь, слушающих батюшек, но даже не читавших Нового Завета и сочинений Отцов церкви? Смешно об этом даже писать. Их христианство – это их личный миф (каждого из них), почти ничего не имеющий общего с Мифом христианства. Они не более чем читатели романа Достоевского «Братья Карамазовы», еще даже не приближавшиеся к его пониманию.

Может быть, видит кто-то из богословов, священников, церковных иерархов? Ну как если бы авторы учебников марксизма-ленинизма и партийные секретари всех рангов? Смешно об этом даже помыслить. Ну словно бы откровению учил нас Леонид Ильич Брежнев.

Кто же видит, с кем можно и нужно беседовать и спорить?

Ну, разумеется, всерьез надо отнестись к **потусторонним христианам**, взвалившим свой крест на себя (или крест Христов?).

И прежде всего всерьез надо отнестись к важнейшему из них, создателю **Учения об Искуплении и кресте Христовом**, то есть к *Иисусу из Назарета*.

Это не отменяет необходимость собеседования (или полемики – но я разве спорю о чем-нибудь?) с *апостолом Павлом*??). С евангелистами и другими апостолами, оставившими по себе письменные свидетельства в их коллективном романе.

Все остальные – только комментаторы.

Правда, особняком здесь стоят Лютер из Германии и протопоп Аввакум из Москвы, но они создали не новое учение, а его видоизменение (ересь). (Католичество и Православие в христианстве были всегда, с Петром и Павлом, как впрочем, и лютеранство – с Павлом).

Итак, я показал теологичность (то есть трансцендентность математики).

И я открываю для себя направление в исследовании происхождения и сущности христианства.

*Ночь с 7 на 8 мая, четвертый час ночи.* Вчера вечером не пил ничего, кроме чаю, съел два бутерброда с сыром, правда, еще маленькую ложечку меда... Ну, возможно, уже было несколько поздно для утомленного дневными трудами философа, была уже половина десятого. Еще часик посидел за компьютером. Болящую шею и стегно намазал обезболивающей мазью и заснул крепко. И вот продолжаю философские бдения, проснувшись в три часа ночи от тахикардии. Положил под язык горошки кардиойки и сделал зарядку. Еще положил одну порцию, вот сейчас пульс почти умеренный, около 80-ти, да и по клавишам бью впадом, и страх смерти отступил.

Обычно приступы аритмии бывали у меня от шести до семи утра, и причина состояла в том, что накануне я выпил (или даже перешел черту в 75 грамм в пересчете на водку) или парился в бане. Ну, что ж, теперь причина, вероятно, в том, что я переусердствовал, таская землю в злополучную яму, которую выкопал в прошлом году, затеяв построить теплицу. Дорыли с Геной до полутора метров – и хлынула вода. И вот я ее вчера, наконец, засыпал.

В этом рытье и таскании земли (да еще вбивании кола для поддержания клонящегося штакетника) я, по-видимому, и перешел какие-то неведомые 75 грамм. Ну и ладно, кризис миновал, уже и не страшно, и посижу за кампютером а потом лягу спать. Все хорошо, мой пока незадачливый философ.

Но не возмущаю ли я даже своего собственного терпеливого читателя? Зачем ему читать про мою аритмию? Или я пытаюсь сравняться с Паскалем, не спавшим по ночам от зубной боли и других болей (а он, как предполагают, страдал серьезными заболеваниями в последние три года жизни) и для преодоления ночного бдения записывающего «Мысли» в защиту и оправдание христианства, которое я, наоборот, возмущенно ругаю? Или пытаюсь вызвать жалость у читателя (будет же у меня, быть может, когда-нибудь и посторонние читатели, не только друзья и подруги? ...впрочем, В. уже перестала меня читать, ограничивается телефонными разговорами).

Итак, продолжу философствовать.

Мысли у меня забегают вперед, не успеваю их выстроить в систему, да и не дают выстроиться этой системе упреки оппонентов и собственные мои вопросы, словно бы в опережение их возражений.

Глядя на христианское учение, я вижу в нем, во-первых, множество противоречий (и сам же отвечаю сему, что так ли уж сие важно?); и вопиющую несурзность, состоящую в том, что предлагает оно вечную *жизнь будущего века* (которая не так очевидна и не для всех очевидна и не для всех обещана) в награду за праведное поведение в сей несомненной жизни, но более всего за отвергание земной несомненной жизни, более всего за ненависть к ней, за поставление вместо деятельной и полнокровной жизни, наполненной творчеством и трудами, заботой о других и чувствами и страстями *жизни аки во гробе*. *Посюсторонние* христиане, возможно, возразят, что они живут насколько могут полно, и любят, и трудятся и детей рожают и воспитывают, и Родину защищают и благоустривают и романы пишут – так почитайте же собственных учителей и пророков, и вы увидите, что ваша сумма взглядов и ваша жизнь к христианству не имеют отношения, вы вместо христианского *spiritus*-а пьете некий сладкий сироп с чаем, и аритмии у вас по ночам не бывает, и в чужую жену вы не влюбляетесь, и источники жизни у вас государство не отбирает, живете вы благополучнейшей жизнью и Крест, который взвалить себе на плечи призывал вас Христос, вы не взвалили, и что сила ваша должна была в немощах совершаться, вы не прочитали, и даже в евангелии не прочитали, что сам Христос сказал спрашивающим его, как им пойти за ним и что для этого делать – а для этого надо было отдать все имущество свое и отречься от жены и друзей и даже не пойти похоронить своих близких, ибо это *мертвецы пусть хоронят своих мертвецов*.

Не получите вы воскресения, как и я – я не получу потому, что подвергаю критике это несурзное учение, а вы потому, что пытаетесь обмануть своего Бога (как пытались те двое, что хотели из имущества своего, придя в христианскую общину, оставить кое-что для сына своего, но апостол Петр обличил их невинную (как я думаю) ложь и оба они упали бездыханными: муж от обличения, а жена от назидания Петра, смотри, мол, муж уже умер, что ж ты говоришь, что ничего не оставяла сыну, все принесла – и она повалилась как сноп). Вы сладкую водичку пытаетесь пить вместо вина причастия и "на ночь со слезой не читаете Игнатия Брянчанинова", все ясно сказавшего о вашей любви из-за движения сердца и крови, которую надо заменить на любовь духовную без страстей к Богу, а если и к человеку, то не самому человеку, а только к образу божью в нем).

Да что там несурзность, кричит мне мой ученый оппонент, сам ты еще несурзнее! – и я не могу возразить...

Ну, значит, не из-за того я возражаю христианству, что оно противоречиво и несурзно. А вот из-за следующего...

Знакомым и незнакомым, близким и не слишком близким, расставаясь или в письмах мы желаем различных милостей, в старости обычно желаем

здоровья, во все времена желаем счастья и благополучия, сидящим в тюрьме желаем освобождения, влюбленным – взаимности, находящимся под судом – оправдания, болящим выздоровления, совершающим нечто желаем благополучного завершения и успеха. Никто не пожелает язв и немощей, горестей и болезней, к которым часто подлинные христиане стремятся (хотя обычный хороший человек, стремясь жить достойно, претерпевает безо всякого извращенного стремления к горестям их полною мерой. Живи праведно, заботясь о том, что тебе поручено жизнью, а там уж как сложится... нет, надо крест взвалить, жену и детей бросить... правда, духовные писатели, прославляющие правильную христианскую жизнь, даже уходя в монастырь, устраиваются в нем по-человечески, крест под власяницею носят не слишком тяжелый... кроме, конечно, особо прославляемых святых...)

Итак, желаем мы друг другу счастья и благополучия, стараемся жить по заветам отцов и дедов, заботясь о близких, стараемся быть верными в дружбе, стремимся хорошо делать ту работу, которая нам в течение жизни дается, а особенно стремимся дойти до совершенства в творчестве, пусть даже это будет украшение своего жилища, праздничный обед и одежда, которую шьет мужу любящая жена.

**Живи по любви и по совести!** – завещали нам отцы и деды, а особенно матери. (И хотя я не всегда на высоте своего завета, но разве зря то Манон восклицает мне: *ты лучший*, то Володя А---взвонит ночью пьяный и уверяет меня, что я самый благородный человек, то Витя Г---взвонит ночью оттого, что ему плохо и требует утешения, то прохожий в деревне, идущий по другой стороне улицы, вдруг переходит улицу, чтобы пожать мне руку, то сидящий на обочине подвыпивший пьяный мужичок призывает с ним выпить и одаряет меня склянкою меда, то пьяная женщина, которой я купил пива, чтобы опохмелиться, и составил ей даже компанию, предлагает мне *дать*, ибо больше у нее ничего нет, то странный случайный парень, с которым я распил пополам бутылку пива и денег дал на такси, защищает меня от ночного разбойника, то... прекрасная женщина восклицает мне в письмах, что она без меня жить не может (пока батюшка не наставил ее на путь христианской праведности и без меня она стала еще счастливее...)

Звездное небо над головой я ночью вижу, и нравственный закон внутри нас чувствую постоянно. И христианство производит на меня впечатление не только несуразного учения, но и учения, направленного не к хорошему, противоречащего нравственным заветам. Христианство во всем плохо и ничего хорошего человеку оно не дает и не обещает.

Да, восклицает истинный христианин, оно – горение духа, а не свод правил для хорошей жизни, судить его по меркам разума невозможно.

Но и я не свод правил для хорошей жизни, но следовать за **плохими** учениями (как и за плохими людьми) я не хочу и не буду, и я не сомневаюсь, что само такое следование – то за большевизмом, то за нацизмом, то за христианством, то за исламом, то за революционными пьяными матросами, то за комсомольцами, свергающими тиранию КПСС – **плохо**. Ибо зачем-то дана человеку совесть, и непреложный нравственный закон внутри (по мнению Канта), как и непреложное звездное небо (символ красоты) снаружи.

(Да христианин ли Кант, убежденный в существовании совести и красоты, вместо того чтобы спрашивать у бабушки, как ему жить и во что верить, да читать евангелия, в которых не говорится, что критерии добра и зла внутри человека, например, по мнению Достоевского, в сердце, где будто бы и *находится поле битвы*. Впрочем, исихасты верят, вслед за Евагрием Понтийским и Макарием Египетским, от глубокой древности, вслед за Григорием Паламой (XIV в.) и Нилом Сорским, 1433 – 1508, что *царство божие внутри нас есть...*)

Я не разделяю восторг тех, кто любит Сталина, кровопийцу из кровопийц, за то что он «выиграл войну» (которую он проиграл). Я не согласен, что **нам нужна одна победа и мы за ценой не постоим** – ценой является жизнь и моя и моих близких и для защиты жизни я и обличаю и большевизм и христианство.

Но уже и сердце не бұхает, и ночь прошла, солнце встает, лягу-ка я в постель, и постараюсь еще поспать. Впереди у меня, после ямы, на месте которой мы вчера посадили на закате крыжовник, в планах разобрать баню и собрать в конце огорода у забора заново, лучше чем эта – да эта и прогнила).

Впереди у меня и книги, которые я надеюсь начать писать лучше...

Впереди у меня ... что же еще впереди, я не знаю. Но я тоже надеюсь на Бога, только не в вознаграждение за то, что я встану перед ним на колени, а за то, что он увидит во мне достойного собеседника и нормального человека, не лучшего из всех, конечно, но которого все же любили и мужчины и женщины, и теперь я тоже многим дорог как прежде... А моя миленькая заставила меня даже любить и страдать, быть счастливым и несчастным одновременно.. И я ее люблю и благодарен ей за то, что она не прошла мимо меня...

*Раннее утро, пять часов.* Ложусь спать. Сердце бьется хорошо и ровно. Оно меня любит. (По крайней мере – жалеет!)

### 3. Старые мехи и молодое вино

В центре иудаизма Бог, избравший евреев в качестве *своего народа*. Источником веры является Священная книга евреев, то есть Библия, именуемая у христиан Ветхим Заветом, и Десять заповедей Моисеевых, полученных им непосредственно от Бога в пустыне Синайской на горе Сион (по имени которой самые правоверные называются *сионисты*).

По существу, сия скрижаль ничем существенно не отличается от устных и письменных Законов у других племен и народов, носит она сугубо рациональный характер, правда, подчеркивается необходимость **любви к Богу**, которая является Первой и высшей заповедью, но наряду с ней предписывается и необходимость и **любви к ближнему**, которая ограничена любовью к единоплеменникам, близким по родству и по свойству и по роду и племени. И это именно **любовь к человеку**, хотя и не ко всякому, из-за чего в Новом Завете возникают пространные рассуждения о том, кто таков ближний и надо ли любить моавитян и фанареев и о них заботиться, то есть *инородцев*: сошлись на том, что *и собаке перепадает крошки с хозяйского стола*.

Позднее, трудами монахов, подвижников и богословов, было установлено, что у христиан *любовь к человеку как таковому* (в Протагоровском смысле) не предусматривается, речь идет только о любви к *образу божию в человеке*, преимущественно в аду и преимущественно к разбойникам и шлюхам (или, выражаясь благороднее, к народным мстителям и пуганам).

Любовь к образу божию в человеке – это то самое, что подвигало доминиканцев мазать маслом головы осужденных на костер и целовать их около него на прощание, и *боже, избавь меня от такой любви!*

Таким образом очевидно, что христианство отменило любовь к человеку, хотя и ограниченную единокровием у иудеев, но все же являвшуюся земною любовью, отменило и прокляло все земное и даже то, что было освящено *законом их отцов* (в явном противоречии словам Христа, что он пришел не отменить **Закон**, а подтвердить его. Увы, он пришел отменить Закон.

[Я не привожу ссылки на "стихи" из Священного Писания, но нет ни одного христианского положения, которое бы приводил я ложно, все это общеизвестно, повторяется в проповедях и литературных цитатах, а я не диссертацию же пишу для защиты богословской степени, а рассуждаю горестно «Наедине с собой», по примеру Марка Аврелия.]

Но что же это за Закон, и дан ли он Богом?

Всякий человек, как мы уже установили, триединство, во-первых, *природного*, во-вторых, *человеческого* (*душевного, культурного и исторического*), то есть не заключенного в человека биологически, как у животных), и в-третьих трансцендентного, видимой формой которого является религиозный миф и мистический духовный опыт личности и общества.

Правила поведения в обществе формируются через историческую народную жизнь на основании некоторых природных предпосылок в форме **традиции**. Нелепо думать, что Моисей впервые дал правила жизни для евреев, и до него они не знали никаких правил. Но что такое природные предпосылки? Если любовь вырастает из биологического природного **«полового» инстинкта**, то не лежит ли в основании системы запретов (табу) и повелений – не убий, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, не завидуй, почитай родителей, – тоже аналогичный природный биологический **инстинкт** уже не *половой любви*, а **любви сострадания и помощи**, который составляет дополнение к половому инстинкту (и который многие биологи называют инстинктом альтруизма)? И, возможно, существует еще **инстинкт заботы и деятельного отношения к миру**, служащий основанием для труда, творчества, долга, то есть для третьего вида любви, проявляющейся в отношении к миру в целом. (Только не надо забывать, что инстинкты, определяющие всю целостность поведения в животном мире, в человеке являются лишь биологическим основанием любви, средоточием которой является **душа**, или, метафорически, сердце).

Все три вида любви в человеке связаны этически (через долг и нравственность), эстетически (через красоту) и логически (через познание).

Почему Бог и служители его и сами верующие настроены так ненавидеть все природное, все человеческое, все, относящееся к миру? Ненавидится любовь к женщине, род и народ, культура и творчество.

Если любовь к Богу (которого же никто никогда не видел) возможна и существует, то надо признать, что она (именно такая, как у христиан, без меры раболепная и униженная) требует ненависти к человеку, она требует в человеке умалить все его человеческое, умение, талант, красоту, гордость.

Но зачем это Богу, который и так сильнее человека? Зачем это Богу, который человека и создал? Бывают матери, ненавидящие своих детей, бывают и отцы, ненавидящие своих детей – но можно ли эту ненависть поставить в основание метафизики? Тем более в основание трансцендентного учения?

Надо ли презирать и ненавидеть человека, я об этом не говорю. Может быть злополучный плод с Древа познания, съеденный Евой, оправдывает ненависть. Но зачем эта ненависть всеильному Богу? Благородна ли она? Не унижает ли она прежде всего не человека, а Бога? И точно ли все это так, как излагается в Мифе, сначала о сотворении мира и человека, потом о разочаровании и работе над ошибками?

#### 4. Душа мира и душа Бога

Вернусь к истокам всех моих споров. Российское общество состояло из людей, верующих, по Протагору, в то, что *мир таков, каким он нам кажется*, а казался он нам, во-первых, вещественным, зримым, осязаемым, содержащим в себе способность к восприятию, представлению, пониманию.

Оно состояло из людей, поверивших в необходимость создания нового общества, царствия божия на Земле, отвечающего существующим в человеке от веку **идеалам свободы, справедливости, истины и красоты**.

Но именно среди таких, жаждущих воплощения своих идеалов, находятся как атеисты и антихристиане, отвергающие союз с небом для осуществления этих идеалов, так и те, кто верит, что царствие божие явится только как результат божественного чуда. И те и другие как будто одинаковы, и тем и другим нужна *свобода, истина и красота*, но исповедуют они либо учение, сводящее человеческую личность только к телу, веществу, отрицающее свободную своенравную **душу** (не потому ли, что у пророков этого учения не было души, Маркс проповедовал экономический материализм, движение капитала вместо волнений души, движения крови и биения сердца, Фрейд проповедовал половой материализм, движение либидо, половой энергии, вместо волнений души, движения крови и биения сердца); либо исповедуют они учение, сводящее (хотя бы в стремлении, в цели) человеческую личность к бестелесному, безвещественному, отрицающему свободную своенравную **душу** (не потому ли, что у пророков этого учения тоже не было души, апостол Павел, будучи Савлом, преследовал христиан, врвался в дома и терзал их, а позже, обратившись, проповедовал бестелесную жизнь как высшую цель и бездушную любовь против рождения детей и любви к детям?).

Христос был Богом. Из чего состоит личность Бога, даже христианам неведомо. По моему мнению, Бог телесен тоже, и телом Бога является весь мир (но это я говорю о моем и нашем Боге, Боге философов, поэтов и ученых), и именно потому Бог не находится в мире, не составляет ни части его пространства ни части его времени (но и мы не находимся в теле, мы сами – триединство тела, души и трансцендентного).

Бог источает дух, проникающий мир, поэтому-то мир не только телесен, он телесен в исходном, как реальность, но пронцаемый жизнью, он становится действительностью (возможно, он до сих пор в становлении). Но и с человеком многое подобно, рождаемся мы не слишком образованными, хотя в нас почти все уже врождено.

Но где душа мира? Не является ли этой душой Бог? Но тут я скажу: Поэт! Опирайся на свой духовный опыт, не перепевай сказанное трижды другими, не мудрствуй витиевато, иди по миру и говори лишь о том, что видишь и чувствуешь, но видишь и чувствуешь ты и так не меньше, ни апостола Павла, ни апостола Петра, и твое вдохновение не меньше их.

Продолжим о Христе, о нем сказано достаточно в его биографиях, хотя они в мелочах разнятся.

Будучи Сыном Божьим, то есть Богом, Он вочеловечился, рожден девой Марией по эманации Духа святого.

Во всем уподобился человеку, кроме грехов (о слабостях евангелия умалчивают, о соблазнах говорится в искушениях его дьяволом).

Грехи и добродетели не суть свойства тела, но и не свойства духа, ибо лишь у немногих подлинных христиан есть дух, но только у Павла, не знавшего чувственной любви, у Августина, преодолевшего чувственную любовь, у Игнатия Брянчанинова, преодолевшего даже душевную любовь, любовь от движения крови и смятения сердца, у комсомолки тридцатых годов, в зрелости опомнившейся, начавшей *читать на ночь со слезой* преподобного Игнатия, бросившего в меня житиями протопопа Аввакума и боярыни, которые я издал и припер их ей, пытаясь продать (у меня не было денег на билет из Москвы в деревню, а в Москве мне было нечего есть, и как вы помните, я повез с собой в рюкзаке пустые бутылки, чтобы от их продажи купить билет на автобус, а до Окуловки ехал на электричках без билета и бегал от контролеров) и *распявшей душевную любовь на кресте* (читайте христианские сайты, читательницы, там обо всем этом сказано, научитесь и вы и перестанете рожать).

Если грехи и добродетели не суть свойства тела, но и не свойства духа, то они суть свойства души, и у кого их нет, тот не может иметь души, либо уже ее отряхнул как прах с обуви своей.

Тертуллиан в третьем веке в своем учении (отчасти еретическом, но они так яростно друг с другом сражались, что никто не сможет сегодня определить, кто из них не еретик, и апостол Петр сказал о Павле, что у того есть нечто в учении *неудобовразумительное*) – так вот, Тертуллиан сказал, что душа язычница, но становится или обязана или принуждена *стать христианкой*, и если вы заглянете в Интернет или откроете серьезные труды по истории христианства, то у них уже душа успела стать христианкой (у тех, кои душу не отрицаю), но если обратитесь к самому Тертуллиану, то "познаете истину", но "она не сделает вас свободными", ибо вы запутаетесь окончательно.

Христос безгрешен. Но точно ли он уподобился человеку, вочеловечился ли? Христианство создано для преодоления (искупления) грехов, и **греховность человека и есть камень преткновения мира**, как же может стать учителем человечества тот, кто лишен самого существенного в человеке – души?

И вот только теперь и возможно поставить вопрос о гуманизме христианства, о его человечности, добродетельности, нравственности, только теперь можно говорить серьезно с серьезными сторонниками христианства, вера которых вмещена в краткую формулу: христианство не сверяет свою истинность с категориями добра и зла, то есть с нравственностью, оно вне ее, выше ее, оно не человечно (не является формой гуманизма), не подвластно критериям разума, *оно есть горение духа*. Спорить с людьми, по недоразумению (точнее, по вопиющему невежеству и сомнению) называющими себя христианами – нелепо и непродуктивно, они исповедуют некую сладкую водичку из детских стихов вроде «пусть всегда будет мама!» (у христиан мамы не должно быть, ибо **истинно не жениться и не рождать детей**, или, если уж мама есть, то надо говорить так: *кто моя мать и мои братья и сестры? Это ученики мои!*)

У христиан не должно быть человеческой любви, ибо *любовь надо умертвить, распать на кресте* (как и саму душу)..

Если не совсем точно сказать, что любовь тождественна душе, то любовь есть то, в чем душа проявляется наивысшим образом. И точно также тело человека (особенно женщины) есть то, в чем наивысшим образом проявляется красота – принимает ли христианство Красоту? Нет, оно с нею борется, как и с плотью, ибо **красота есть похоть** ("*похоть плоти, похоть очей*").

Все человеческое – мерзость, и *даже человеческая святость – мерзость перед Богом* (цитирую по журналу «Русское самосознание»). Даже и сам *русский человек (без православия) мерзок*, как сказал славянофил, любитель славян (но не русских) Хомяков.

Христианство – это учение последовательно антигуманистическое, античеловеческое, его антитезой является утверждение Протагора, что только человек – мера всех вещей (существующих – в том что существуют, не существующих – в том что не существуют). И мы, спорящие, в том порука, ибо не приведете же вы мне свидетельств иначе как из евангелий: от Иоанна, Марка, Луки, Матфея. А я разве с ними спорю? Да разве я спорю и с вами? Я с вами во всем согласен, ничего не отрицаю из христианских положений (насколько вы сами с ними согласны), даже не отрицаю воскресения, ибо все ваши утверждения – по вере, вы и сами прекрасно знаете, что и бытие Бога и бытие Христа истинны насколько в них веришь, доказательство бытия божия отвергается богословием, ибо таким доказательством отрицается самое существенное в христианстве – вера! Или вы этого не понимаете? Тогда с кем же я разговариваю? Нет, не зря на пальме я рассуждал о вере с апостолом Павлом, он точно понимал все то, что проповедовал, и поелику он отрицал благо в чем бы то ни было человеческом и мирском, то и отрицал человеческие дела в их существенности для спасения, но только **веру**. Но ведь веру насильем и страхом не поставишь (как и любовь) – несмотря на уверенность Конст. Леонтьева, что любовь к Богу проистекает из **страха божия** – посему апостол Павел стал проповедником веры, а я проповедую почти все человеческое: любовь, культуру, подвиг, материнскую любовь, милосердие, сострадание, творчество, , заботу, труд и познание!

### 5. Учение Христа как интерпретация его детских переживаний

Отчего апостол Павел не хотел целоваться с девушками и ушел в христиане, я не знаю, хорошего в этом не вижу, цену в нем выдающегося философского писателя, мифотворца, принимаю его таким, каков он есть.

Отчего Иисус Назаретянин (и этим именем я далее и буду его именовать, как это обычно было в те времена: Франциск Ассизский, Николай Мирликийский, Сергей Радонежский, Зенон Элейский) в некоторых отношениях чуждался женщин – рассуждать не только возможно, но и необходимо, ибо в Священном Писании сказано об этом слишком много, а ничего не могло говориться в нем просто так.

Иисус родился в Галилее (и так же прозывали его *Иисус Галилеянин*) в семье плотника Иосифа, рожден он был Марией, о которой утверждается, что она была *девой* (даже после рождения Христа, как полагают православные, чем яростно возмущался Розанов) по благодати Духа Святого и еще до рождения ребенка отдана была в жены Иосифу. Иосиф же (по Марку) происходил от Авраама (длинная цепь рождений приводится в евангелии, и с этим связано множество любопытных происшествий, о чем пишет и Вл. Соловьев и Конст. Леонтьев и я приводил их свидетельства в своих книгах). Таким образом – заключает Марк – Иисус по прямой линии происходит от Авраама. Сие для меня загадочно, ибо о происхождении матери как раз ничего и не говорится – а при чем тут отчим?) [Причем моя мать, когда зашел разговор, кто главнее, Христос или Богоматерь, сказала страстно: конечно, Богоматерь главнее, ведь это она его родила! – выразив просто-народный взгляд на небесную иерархию, в отличие от *образованцев*, как их назвал Солженицын, русские крестьяне судят здраво]. Но евангелисты отдали предпочтение отчиму перед матерью, потому что Христос к матери относился плохо. Им же надо было подчеркнуть его несомненное иудейство (что тоже для меня загадочно, почему так важна чистота его иудейского происхождения, если Христос позже отрекся от веры отцов?) Но Иисус был в положенное время обрезан (как иудей), Мария очистилась и вошла в храм – и ничто не предвещало будущей смуты.

Когда ему исполнилось 12 лет, семья пошла в Иерусалим, поклонилась святыням и возвращалась назад, но на второй день обнаружилось, что с ними нет Иисуса. Вернувшись, нашли его беседующим с раввинами. На упреки в том, что они его искали и беспокоились, Иисус невозмутимо ответил: Разве вы не знаете, что искать меня надо было в доме отца моего (то есть в Иерусалимском храме)? Евангелист умиляется, а я возмущен (как и мать моя), ибо из сего разговора уже следует некая бесчувственность Христа к матери, его, можно сказать, бездушность.

Но позже, через двадцать один год, не выйдя встретиться с матерью и братьями и сестрами, он прямо отверг их, противопоставив родству по крови родство по духу: кто мать моя и братья и сестры? Это ученики мои!

И в другой раз, говоря, что пусть мертвые погребают своих мертвецов, он самую существенную связь и необходимость в человечестве прямо подверг поруганию!

Поруганию подвергается человек, любовь, семья, род и народ (как происходящие из семьи и рода), а особенно любовь, и в этом отношении христианство не что иное как оскорбление человека!

Вчера мы праздновали День Победы.

Днем я побывал на шествии Бессмертного полка, где шли дети воинов, отдавших жизнь свою для защиты Родины (родившей их), вечером мы сидели за праздничным столом и слушали военные песни, прославляющие **подвиг, честь и гордость, любовь**.

Ужасна необходимость убивать другого человека, даже защищая Родину. Но не солдаты начинают войны. Не русские солдаты вторглись на наши земли. И русские солдаты пролили свою собственную кровь, и сторицей, убивая захватчиков, защищая своих жен, детей. Матерей. Мой отец защитил мою и свою мать, и своих братьев и сестер, защитил меня, спас и многих из своего взвода, оставшись на Безымянной высоте, прикрывая их отход, где и погиб и был на следующий день похоронен там в индивидуальной могиле (как сказано в Похоронке, что символизировало высокую честь для младшего лейтенанта). В военных песнях обо всем этом сказано, о чем сейчас я пишу, а более всего о любви, иногда и неразделенной, и о неверности (но без ярости осуждения). Не оскорбительно ли христианское отношение к этой душевной любви наших отцов, особенно павших? Христианства – оскорбление подлинного человека, такого как есть, и притом человека хотя и не святого, но совсем не вопиющего своей мерзостью перед Богом, как пишут его святые и богословы. И я несомненный грешник, хотя бы потому, что влюбился в чужую жену, но даже мои грехи и моя мученическая *греховная* любовь выше монашеской античеловеческой святости!

Обо всем этом много писали римские писатели в первом и втором веках нашей эры – не худшие писатели, не худшего народа, умеющего и воевать и любить, но наши христиане, *блаженные нищетою духа*, их не читали. И что римский народ не худший, я подчеркиваю для сопоставления с иудеями.

Но худший ли народ иудейский, восставший вскоре после распятия Христа? Не принявший его в качестве мессии, поддержавший распятие, подвергшийся рассеянию, но оставшийся с верою отцов? И я не худший из философов и просто крестьян, не принимающий такого странного небесного покровителя, пришедшего спасти только *свой* народ (как сам об этом говорил), который из-за него потом в течение столетий страдал еще пуще, пришедший не отвергнуть но лишь подтвердить Заповеди (Закон), основанные на народных традициях, то есть на семье и роде, на половой любви и крови, не отвергающий, как можно было подумать вначале, природу и человека, но вместо этого отвергший не только природу, но и мир в целом, не только любовь к чужой жене, но и к своей, и к своим детям, и к своим братьям и сестрам! Евреям и коммунистам разрешено не принимать христианство, и их за это не побивают камнями и не оскорбляют, а обо мне батюшки смеют сказать, что я чуть ли не бесноватый, а то уже сам антихрист. А вы то, батюшки, давно сменили мундир на сутану (из тех, кто постарше), давно ли в дальний ящик стола задвинули Капитал и положили Библию?

Я, конечно, не святой, и даже не праведник, возможно, и не **лучший**, как думает Манон (и даже В---а), но уж никак не из нечистых, спросите хотя бы деревенских детей. Правда, могут ли дети служить доводом в нашем споре, «дети то и кидаются нам в лицо как символ падения», говорит Розанов?

Странное учение, восставшее против природы, против лучшего в природе!

Что Богу природа, которую Он и создал, так ненавистна, трудно понять, что-то в этом другое. Но Бог ли он, Иисус из Назарета?

Родившись без отца, возможно, он слышал немало вопросов о своем происхождении, видел немало косых подозрительных взглядов в традиционном обществе. Но Бог мог *воочеловечиться* так, как проще и удобней всего, так ли уж важно, чтобы мать оставалась девою? Чтобы не было отца, не было зачатия? Почему уже изначально небесной Троице было ненавистно все, что напоминало им человеческое? Но если уж человек им так ненавистен, то зачем им надо его спасать? Зачем отправлять Сына на распятие?

Во всяком случае, уже Рождество Иисуса в Вифлееме зачинает собою удивительный Миф, связывая воедино обрывки ветхозаветных мифов, в значительной части их переиначивая.

В сердцевине сюжетного узла Грехопадение Евы и через посредство ее – Адама (и не случайно Ева более падшая, этим оправдывается последующая ненависть к женщине, последующее ее двухтысячелетнее унижение). Вина Евы распространяется на весь ее род, то есть и на ее детей и их детей, и даже еще нерожденные дети уже виновны. Вина эта сложная, богословием запутанная, будто бы это и **ослушание**, переступление запрета срывать плод с «Древа познания добра и зла», отчасти и вина **соблазнения** Змием, в наибольшей степени вина пробуждения полового инстинкта, стыда и желания (**похоти**). В том, что вменяется Еве и Адаму, уже содержится осуждение и полового инстинкта и чувственной любви, и инстинкта продолжения рода, то есть семьи и детей. Итак, любовь преступна, но и плод любви, то есть **дети преступно**. Как следствие оказывается преступным все человеческое, и труд в поте лица, и творчество и познание, а, следовательно, культура. Возмездие за преступление следует даже не после преступления, а немедленно, уже в то мгновение, когда дети (Адам и Ева) осознали себя обнаженными, испытали стыд, покачнулась вся мировая ось, природа вошла в существование их и они стали тленными и временными (или даже и природа, бывшая до того вне времени, стала временной, это не высказано). Но и красота и ощущение ее – следствие грехопадения, как и творчество (и не случайно не только *математика внушена бесами*, как полагает богословие, в частности, Ориген, но и вся культура – бесовское наваждение, о чем я когда-то и сказал в стихах так: *Сочинительство – мука и грех, Дерзкий план исправления мира. Посему – хоть божественна лира, Все ж за сценою – дьявольский смех...*)

*Грехопадение, повреждение мира и изгнание из рая* – не только исходный сюжетный узел христианства, но и все его содержание, вся его история; эсхатология совпадает с онтологией.

В посланиях апостола Павла эта концепция христианского учения изложена именно так, словно бы она уже содержится в Ветхом Завете (который, однако, дан образ *единого Бога*, благословлено рождение и обещано спасение).

Познание того, что в мире существуют добро и зло и познание половой разделенности и стыда – результат грехопадения. Но в чем же сущность грехопадения? В изменении духовной природы человека после вкушения трансцендентного плода или в появлении в результате этого вкушения взаимного полового влечения, которое привело к наслаждению и размножению? Исторически, как мы видим, и в самом учении проповедь безбрачия и воздержания, и возвеличение девства до уровня святости, и воплощение Бога хотя и через рождение, но без нарушения девственности богоматери, и воздержание самого Иисуса Назаретянина от каких либо прикосновений к женщине и даже от чувства *особенной* симпатии к ней показывает, что **христианское учение есть учение о преодолении полового притяжения**, о установлении между мужчиной и женщиной непреходимой преграды. Большинство так называемых христиан об этом даже не подозревают – но ведь и Колумб долгое время не знал, что он открыл вовсе не Индию, а Америку. Посюсторонние христиане исповедуют некое учение, похожее на христианство – но ведь и ислам похож на христианство, но исламистов мы все же христианами не считаем.

Другое дело, что возникает сомнение в том, что можно вполне стать христианином – и имущество надо раздать, и из дому уйти, и от мира отречься – даже монахи не вполне христиане, но только *юродивые*, отказавшиеся и от жизни и от того, чтобы быть людьми, пользоваться жилищем, одеждой, речью, хотя бы плохо питаться, а не как бродячая собака.

Но есть одно важное возражение: что в дереве является деревом? Ствол, корни, ветви, листва? Каждое порознь не совсем дерево, но только все вместе, и все же и лист в некоторой степени дерево, посему розановская старушка, запалившая свечку в храме, с одного боку христианка, с другого – нет...

Мужчины – это не женщины, и *посюсторонние христиане* – это не христиане – но Вейнингер показал, что с мужчинами и женщинами это не совсем так, потому и Кьеркегора и его несчастную невесту, которой в лицо он швырнул завет обручения, можно считать христианами, хотя пропасть их разделяет. Но тут и я встаю в тупик: для меня несомненно, что христианство есть полная отмена полового притяжения, а они, христиане, женятся и выходят замуж... что же делает их христианами, что несомненно необходимо иметь, чтобы обладать правом на принадлежность, и в результате чего человек этого права лишается?

Итак, идея грехопадения, не отделимая или даже равная тому, что *двое становятся единой плотью*, и есть сюжет христианского учения, и хотя он рассказан в Ветхом Завете, но только Иисус Назаретянин поставил его на трансцендентную высоту! Чтобы стать святой, блуднице достаточно отказаться от своих профессиональных занятий (покаяться), деве достаточно отречься от домогательств мужчин, мужчине – не прикасаться к женщине. Почти все так называемые подвиги святых в этом и состоят. Правда, есть и еще одно – верность избранной вере, когда от нее требуют отречения. И вот что удивительно: эмиссары учения стремятся расширить число своих приверженцев, но церкви необходимо, чтобы гонения существовали! Для этого и возникают еретические отклонения, ереси и еретики и массовые сожжения их!

Иисус родился у матери, но без отца, и сие обстоятельство привело к возникновению новой религии – потому что множество людей были в том же положении, во-первых, множество людей испытывали дискомфорт в отношениях с противоположным полом, им показалось легче отказаться от *этого*, чем безуспешно просить природу и случай о милости и снисхождении. А что же те, у которых все хорошо? Вероятно, они нуждаются в *горении духа*, как выразился христианин, знающий о том, что христианство стоит вне всех норм человеческого общежития. Оно над добром и злом, оно порицает науку и литературу – ну и что? Зато оно дает *горение духа*! Не то же ли это самое, что влечение к алкоголю и марихуане, влечение, делающее человека пьяницей и наркоманом или лишаящее семьи и общей жизни с народом?

Но почему Иисус не остановился на некоторой более или менее приемлемой черте? Отказавшись от половой любви, надо ли было отказываться от матери, от братьев и сестер, надо ли было проповедовать ненависть к миру (князем которого является, якобы, дьявол) и ненависть к человеку, так что оказывалось, что «нет праведного ни одного; ... никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны»? Почему крайность стала формой существования религии? Или детские унижения, травма безотцовщины была так велика, что потребовала выплеснуться в ненависть?

Мы, дети погибших солдат Отечественной войны, тоже росли без отцов, многие были «незаконнорожденными» – но мы не отвергли ни мир ни жизнь! Это в самом характере Иисуса заключена была буря, но мне достаточно только привлечь внимание читателя к той или иной стороне христианства, большевизм или сталинизм тоже вызывают у меня удивление и негодование, но почему за ними пошли миллионы, десятки миллионов, я не думаю, что смогу когда-нибудь объяснить. Почему в Китае началась и как смерч переломала почти все деревья в саду китайской культуры Культурная революция, тоже необъяснимо – и я прохожу мимо многих изломов истории мира...

Остается удивительный результат: вы спрашиваете, где мой отец? Я отвечаю: мой отец на небе, это Бог, а я Сын Божий!

И он сам в это поверил (хотя, кто читал евангелия, видит, как часто он и сомневается в том, что он Бог). Евреи ему не поверили и не пошли за ним, кроме нескольких отщепенцев. Не верят ему иудеи и сегодня (посему уподобляюсь на время ученому иудею, чтобы иметь право размышлять, читать и исследовать). Повторяю и христианам: я ничего не оспариваю, ничему не возражаю. Я пишу о своих впечатлениях, чувствах и мыслях в связи с судьбою мальчика, росшего без отца, не любившего мать и ставшего символом великой религии для четверти человечества...

### **6. Любовь и сила произрастания**

Христианство, поработив Европу, словно бы возложило могильную плиту на тела и души людей. И как живые и страстные люди смогли ему подчиниться, непостижимо – хотя по-прежнему влюблялись, изнывали от страсти и рожали детей, в браке и вне брака, со своими или чужими мужьями женами.

Ставший в старости консерватором, Толстой написал роман в осуждение человеческой невоздержанности.

Начинается этот роман с описания того, что городская улица спрятала под камень и асфальт все растительное, но трава пробилась и сквозь камень.

Гениальный писатель показал, что *сила произрастания* не истребима даже христианством, а она и включается в то всемирное притяжение, которым является любовь между мужчиной и женщиной, она созидает энергию *притяжения*. В одном и том же писателе моралист негодует, а гениальный художник изображает силу любви, и мы не только не осуждаем «блудницу» вместе с ветхозаветными старцами, а сочувствуем ей и даже восхищаемся ею! Церковь и Учение, как выражение психологии и метафизики "старчества", негодуют на культуру, велят Гоголю сжечь "Мертвые души" и выбросить на помойку Пушкина (что он и исполняет), велят Паскалю отречься от математики и науки, велят Толстому отречься от своих романов, а Розанову примириться с Причастием, велят Галилею остановить Землю... но сердца все новых поколений привлекаются к христианству не суровой проповедью отречения от всего земного и человеческого, а теми человеческими противоречиями, которые в нем содержатся, сомнениями Иисуса в своем сыновстве Богу и в том, не оставил ли Бог его одного на Кресте, подразумеваемой неразделенной любовью Марии Магдалины к Иисусу, скорбью его матери, ревностью учеников и их отступничеством, паломничеством бродячих проповедников в Иерусалим, то есть движением крови и биением сердца (которые они хотели отвергнуть и распять на кресте), а не призывами *жить аки умереть*, ибо живое в этих странных, духовной жаждой заброшенных на границу трансцендентности последователях Учения о смерти и воскресении пробивается сквозь учение, как трава сквозь камень в романе Толстого.

Но что мне до монахов, отгородивших себя от женских соблазнов каменными стенами? Они умерли и для мира и для женщины, движение крови уже не румянит их щеки – избравшая смерть вместо жизни запутавшаяся в химерах грехов моя подруга, взывавшая к моей помощи, не дает мне остановить перо или клавиши печатной машинки. Она мне писала и говорила, что ей без меня плохо, что она без меня не может жить, мы встречались и целовали друг другу руки – неужели суровый христианский Бог так вознегодовал на ее потребность в утешении? *Или мы соблазнили друг друга?*

Вот теперь половина седьмого утра, я проснулся около часу назад, сделал зарядку, положил под язык уже вторую горстку чудодейственной кардиойки, стучу по клавишам, надеюсь еще заснуть, уже не придавленный страхом смерти – какими такими соблазнами я отбираю у попов их «заблудшую дочь», я, почти умирающий, которому осталось сил не ее спасать, а самому спастись хотя бы чувством нежности при воспоминании о ней?

Меня давит и страх смерти, давит болезнь, ужасное чувство сердечной слабости, которое хуже страха смерти – неужели теперь я буду тратить силы только на то, чтобы дышать и помогать биться сердцу, думаю я? Но я виноват перед ним. Даже маленькие отступления от ограничений, которые помогают мне жить, надо запретить. Я еще нужен своей семье, нужен друзьям, возможно, когда-нибудь еще потребуюсь *ей* (хотя я уже согласился *ее* забыть), возможно, не рассержу Анну, если однажды приду к ней увидеться, нужен В.,

которая хотя уже и бросила меня читать (устала), но все же даже набирала когда-то мои рукописи, нужен Манон, которая время от времени спрашивает, жив ли я, и уверяет, что я *лучший*, нужен даже той первокурснице, имя которой я забыл, но которую я иногда встречаю во дворе и читаю ей свои стихи, а она интересуется, не забрезжила ли надежда в моей отвергнутой любви, и которая негодует, что я спорю с этим «милосердным и взывающим к милосердию учением» – каждый верит в тот миф, который вырастает в его душе и **сердце**, – вопреки призывам Августина, Иеронима и Игнатия сердце и душу проклясть и отвергнуть. Никто из этих доверчивых и наивных не верит мне, будто *подлинные христиане* не отделимы от Торквемады (и не случайно у непостижимого Достоевского Христос целует сумасшедшего старца, сжегшего во имя их общего учения половину Севильи). Никого из этих доверчивых и наивных я не вразумлю – да и не надо, они и не узнают, что Августин заглядывает к ним в постель, чтобы узнать, «благопристойные ли движения они совершают в постели с возлюбленным»...

Пишу я для себя, расстаюсь с своими собственными иллюзиями, может быть, для двух-трех читателей – вдруг и такие найдутся, пишу я для тех доверчивых, которые уже давно погибли, одни – в стенах монастырей, другие – соблазнившиеся призывами построить рай на Земле и не подозревавшие, что вместо строительства рая надо расстреливать несогласных чистых людей, и обagrившие свои невинные руки кровью... А я помню, я захватил на их закате их сталинизм, я помню, как было душно, мрачно, мерзко, лицемерно, лживо! Дело даже не в том, что для них чужая кровь была как вода, но в *кабале пламенных*... А еще ранее в *кабале святой*...

И кстати поговорить о пытках. Кто их в Европу принес и кто их культивировал, заменив культуру как форму существования и проявления в мире души «культурой и изощренностью пыток»?

### ***7. Жажда страдания и извращенное стремление к мучениям***

Христианская история изобилует рассказами о гонениях, которым христиане подвергались во все времена, особенно в Риме на заре становления церкви и господства, а период их гонений в России частично и я захватил и именно поэтому христианство вызывало во мне сочувствие. Но из литературы было известно (особенно из романов Достоевского) и о стремлении христиан к страданию, о власяницах, умерщвлении плоти, самобичевании, даже вызыванию язв на руках для уподобления Христовым страданиям. У современного человека многие мучительства, к которым прибегает ревностный христианин, чтобы пострадать, например, оскпление, изъязвление тела, голод и холод для самомучения, а если повезет, то даже и умереть от рук гонителей, **сподобиться мученического венца**, вызывает отвращение, но проповедь необходимости страдания и мучений как средства для спасения заполняет новый Завет: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо ... если Меня гнали, будут гнать и вас... (Но) горе вам, книжники и фарисеи... Я посылаю к вам пророков, ... и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших ...»

Да, христиане подвергались гонениям, особенно в последнее столетие в России, но за двухтысячелетнюю историю своего владычества в Европе гораздо большим гонениям подвергались от христианских церквей и подчиненных им светских властей не христиане, а иноверцы, а то и свои, но отходящие от властительной церкви, следующие за пророками, отклоняющимися от признанных догм. Сколько ученых и писателей было сожжено, сколько евреев, тайно исполняющих ритуалы иудаизма, было замучено, сколько ведьм было утоплено или сожжено – ведь это не единицы, не сотни, не тысячи, и даже не сотни тысяч, а миллионы живых и мыслящих и чувствующих людей, ну, может быть виноватых в том, что не до конца засушили плоть, не до конца умертвили душу, слушались движения крови и биения сердца!

Но самое страшное состоит даже не в убийствах, погибают и на войне, а в том, что Римское право, независимо от того, что оно, разумеется, не всегда исполнялось, служило основанием судопроизводства в Римской империи и пытка как средство дознания, хотя и применялась, но была исключением, христианский суд сделал ее правилом. Чего стоило умозаключение о признании женщины ведьмой: ее бросали в воду, и если она выплывала, ее сжигали как ведьму, если тонула, хоронили как невиновную?!

Россия нам ближе, присмотримся к русской истории. Попытки практиковались и в России, особенно при Петре Великом, пытали и его сына. Пытали при Анне Иоанновне (Бироне), отчасти и при Елизавете, при Екатерине Пугачева четвертовали за его злодеяния. Но уже Радищева даже не били, его отвели в подвал и показали пыточный арсенал, он прошептал, что «больше не будет», и Екатерина милостиво заметила: *Сего довольно!*

Декабристов не пытали, били шпицрутенами солдат, но редко от этого они умирали – к тому же, часто побой освобождали от каторги. «Там били женщину кнутом, крестьянку молодую!» – лил слезы Некрасов – но в просвещенной Англии в это же время детей за воровство осуждали на смерть.

Девятнадцатый Российский век был зловещим падением христианской веры в правящем сословии, начиналось разложение суровых нравов, не только пытать, но даже бить человека стало неприлично, вместо умиления верующего *рабством у Бога* миром править начинала гордость его за свое достоинство и требование свободы. Оскорбление чести каралось кровью на дуэли, и Александр Третий даже издал кодекс, узаконивающий дуэль.

Вместо веры в Бога и в посмертную вечную жизнь человек спешил осуществить свое предназначение в этой временной жизни, и впервые после античности он снова стал **Мерой вещей**.

Я не спорю, что самораспятыя во имя Бога праведнее, отречься от собственной воли, любви, семьи, детей, мира, друзей, творчества – нежели жить, как лететь, любить, писать романы и философские книги, бросать бомбы в царя, погибать в Гражданской войне и на дуэли – и я знаю, что невозможно возразить никому из тех, кто Бога, осудившего человеческий род на вечные мучения, предпочел человеку, что невозможно возразить Богу, который Сам отождествил себя с Истиной, поставил себя над добром и злом, выше красоты и земной любви, разрешил человеку только рабское колено-

преклонение и отверг его свободу – но каждый ответит сам за себя, и не оправдается тем, что исполнял волю Бога. Кто из таких встречался с Ним и слышал Его голос? Они читали Новый Завет, и то не вникая, не все читали Библию, и никто из них не поверил Канту, что как звездное небо незыблемо над головой, так незыблем и нравственный Закон внутри нас, даже не тот Закон, который был дан евреям чрез Моисея, и который Иисус-галилеянин отверг, но Закон совести и Любви, не менее непреложный и не менее незыблемый, чем Всемирное притяжение вещественных тел. Даже школьник, проверяя решение математической задачи, вспоминает формулы и теоремы, и не всегда рабски следует за учителем. Но в сложнейших вещах противостояния добра и зла, красоты и дисгармонии, истины и заблуждения мы унижаем собственную душу, отказывая ей в праве знать и исследовать, любить и заблуждаться, избирать целью бытия человека, род и народ, а не трансцендентный образ неведомого «Бога, которого же никто никогда не видел».

Я готов допустить, что если мне дана при сотворении свобода воли и свобода выбора (если дана – а Круглый стол философов, о которых я писал в своей предыдущей книге, самозабвенно уверяет, что именно Христос нам эту свободу дал, а не Бог-отец при сотворении человека, и умиленно-исступленно благодарит Господа за этот великий дар), то я имею право (не боясь последующего наказания, потому что иначе какой же это дар и какая свобода?) выбирать в качестве предмета своей любви между Богом, народом (Россией) и женщиной – и или избираю только Бога, отвергая Родину и женщину – ибо их Бог ревнив и не потерпит никого рядом с собою – или выбираю и родину и семью (избирая женщину), но вместе с ними избирая родной язык, литературу, идолов в Афинах, Петербург вместо Синайской пустыни или Афона, математику (не боясь бесов)... вот евреи не пошли за Христом, и можно ли сказать, что вот только за это они и терпят гонения? А если даже только за это, то тем более достойны они уважения, ибо и отец мой погиб, защищая Родину.

Все времена жестоки, во все времена человек гоним и унижен – но в каждом частном явлении, по каждому конкретному обвинению, часто не справедливому, и даже при справедливом обвинении наказание часто бывает несоразмерно жестоко. Но только в тоталитарных обществах, каковы были общества христианское и коммунистическое, обвинения и наказания принимают массовый характер, часто стихийный, преобладает не индивидуальный террор несправедливого суда, а массовый террор, не поддающийся оценке по категории справедливости, как, например, избиение гугенотов, Крестовые походы, избиение альбигойцев, войны против лютеранской Германии, Инквизиция... Чтобы понять разницу тотального террора и индивидуальных несправедливостей жестокого общества, надо сравнить количество казней (в России) за весь девятнадцатый век и так же количество каторжников – с числом заключенных в советских тюрьмах и лагерях и количество расстрелянных и погибших в годы гражданской войны и массовых переселений народов и сословий. В девятнадцатом веке было казнено несколько сот человек, за годы советской власти, с 17-го по 53-й, то есть за 35 лет, уничтожено несколько десятков миллионов!

Я вижу большое сходство между христианством и большевизмом – оба эти учения, объявляя главной целью своей деятельности якобы спасение человечества от несправедливости и зла – от власти дьявола или от власти богатых – презирали человека, требовали от него полной покорности либо власти Бога, либо власти неотвратимых сил, управляющих историей мира.

Человек был ничтожеством, ценностью обладали Бог или исторические законы и горстка пролетари... то есть, простите, горстка праведников, которые спасутся (в одном случае), – и «партия меченосцев» (в другом случае).

Предыдущая история человечества была несостоящей, человек прозябал во тьме и неправде, и только теперь должно было наступить **все новое, новое небо и новая земля**. Но это новое унижало и уничтожало все старое, Иисус Назаретянин отверг старый Закон, который собирался лишь подтвердить, обрек человечество на уничтожение при Конце света (оставляя лишь горстку праведников) [ибо «все соварились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного».]

Человек и мир пали, *исправить их здесь уже невозможно*, мир стоит только того, чтобы его возненавидеть и распять на кресте, и человек должен распять себя и свою жизнь (христианин, как того требует Павел. Все же остальные, не распинающие себя – не христиане... и что, мне всё приводить цитаты и цитаты, показывая все то, что любой читатель может просто прочитать, открыв Новый Завет?)

Мир повредился так, что исправить его уже нельзя. Тогда для чего же пришел Христос, для какого Спасения? Для посмертного... для *воскресения* после смерти... Следовательно, христианство состоит в *Идее Грехопадения* и следующей за ним онтологической идее *Искупления*, которое состоит в том, что человеку будет дано посмертное Воскресение.

Искупление оправдывает Христа. Но почему Богу необходимо было пойти на крест, чтобы человеку было возможно воскреснуть – хотя бы в посмертном мире? Потому что жизнь архаического человека была не только природной, но и мифологической, и череда ритуальных жертв смертных была необходима для примирения с природой. Бог должен был принести себя в жертву, чтобы прервать эту кровавую череду.

И, наконец, в чем же состояло грехопадение? В том, что Ева послушалась запрета есть с одного из деревьев в саду, как полагают одни (что отвечает следующей словно бы в наказание и исправление идее **Послушания и отказа от собственной воли**, красной нитью проходящей чрез христианство?) Или в тех последствиях, которые возникли из вкушения *плода*, то есть в познании добра и зла, стыда, чувственной любви, рождении детей (и отсюда борьба с родовой идеей, женщиной, детьми, **отречение от любви**, что проходит чрез христианство как столбовая дорога)?

*Грехопадение – синтез ослушания и полового притяжения, похоти плоти.*

Но главное грехопадения состоит не в том, что Ева послушалась запрета батюшки, а что она, вкусив запретного плода (просто **из любопытства**, даже и не зная, насколько он запрещен), в силу этого **воспылала**, а затем **пала** «в объятия проезжего офицера» (при таком-то ревнивом *батюшке!*) – (но нет ли тут еще – по дороге – и флюидов *заинтересованного лица?*)

## ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

**ПРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН и ЦАРСТВИЕ БОЖИЕ ВНУТРИ НАС**  
(КОММЕНТАРИИ К ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЕ)*1. Введение*

*15 мая, воскресенье, 10-52.* День несомненно лучше ночи, но с тринадцатого мая я практически не пью, поэтому скоро окрепну сначала физически, потом душевно, и ночь начнет тоже благоухать.

Итак, началась **новая жизнь**. И я еду в метро на ст. Звездная, где сажусь в микроавтобус и еду в сторону Боровичей, отправляясь в 12, в Соинском буду около четырех и в пять в деревне. Поздновато, и все же, надеюсь, уже сегодня сумею отвердеть в новой жизни.

А теперь вернусь к своим богословским спорам.

Вчера встречался с одним из авторов, проговорили почти три часа о христианстве, о том, как оно возвышенно, благотворно, существенно для европейской культуры, как оно облагородило сердца, и как оно повлияло на развитие наук, особенно математики, астрономии, физики, химии, медицины, географии, геологии, истории (особенно истории нового Света)... ну, отвечает собеседник, в математике и химии влияние христианства не так значительно (как влиянье Эйнштейна), но зато *вся поэзия произросла из него*. А Рублев!, Дионисий!, жития протопопа и боярыни, а Достоевский и Розанов!

А тут шеститомник Дунаева о русской поэзии, в которой стихи рассматриваются в соответствии с *количеством духовности и православия*, заключенных в них, а тут еще *святоотеческая* традиция, в соответствии с которой любовь и похоть не различаются, и любовная лирика, таким образом, сплошь недуховна, а тут еще Пушкин, который, по мнению Дунаева, умер все же как *истинный христианин*, и потому искупил свою поэтическую похоть (не находите тут аналогии со смертью и жизнью *истинных коммунистов*? Вот я превозношу, как и большинство нормальных людей, выше всех партийных достоинств то, каков человек, хороший или плохой, умный или глупый, мужественный или нет, красив ли, милосерден ли, сострадателен ли, талантлив, трудолюбив – ибо именно это мы и замечаем и оцениваем, и влюбляемся мы и сдруживаемся, не спрашивая, вступила ли наша подруга в партию, да будь она и христианка, пока не начинает креститься на каждом углу, мы этого не замечаем), а тут еще двухтомник моего христианского товарища Н. И., который пытается отчасти поэзию примирить с христианством, хотя и соглашается, что она может быть полезна только тем христианам, которые еще, так сказать, в подготовительном классе веры, а когда утвердятся, тогда им не только поэзия, но и Война и мир и философия не нужны будут, и даже труды богословствующих философов и философствующих богословов не нужны, достаточно святоотеческих назиданий, *Игнатия Брянчанинова со слезой* и житий святых. И даже в двухтомнике, прославляющем Пушкина, Лермонтов отнесен на шестое место из-за своего Демона и того, что был, якобы, дерзок, горд и не щадил нежных сердец товарищей (вроде «мартышки»).

И все же христианство по отечески опекало культуру и даже семейную жизнь человечества, и культура произрастала из него, более того, христианство прославило любовь и научило человека любить. Так ведь и коммунистическая партия учила, что лето следует за зимой и при нагревании тела расширяются, и я с горестью понимаю, что споры бессмысленны, и если бы Сталин не был осужден своею же партией, то и сегодня он мирно бы лежал в мавзолее и пионеры клялись возле его священного гроба дела его отдавать свои жизни.

Всякое идеология существует в контексте культуры и истории и даже частной жизни, даже если она превратила их в пепелище, но пока житийный интеллектуальный миф общества не отвергает эту идеологию, она вполне лояльна ему. Сегодня с хвостом и рогами фашизм, завтра, если вдруг повернется идеологическая ось житейских установок, он станет защитником счастливого детства. Большинство людей принимает в детстве набор понятий, лозунгов и идей, мировоззренческих установок, каким образом одни из них сменяются другими, показывает иногда только роман, если романист умеет показать, как и почему его герой развивается. Даже у Достоевского, пытающегося показывать человека в развитии, его Раскольников является на страницы романа уже готовым, с предвзятой идеей сверхчеловека, но совесть его неизменна, поэтому он способен влюбиться в женщину, а любовь к женщине плохо уживается с жестокостью и бездушием, и сверхидея его растворяется в его душевном чувстве (вот почему христиане требуют *распать душу*, им чужды человеческие чувства, потому что основное соперничество внутри христианства – это соперничество между Богом и человеком, причем именно Бог требует у человека покорности и отказа от самого себя во имя Бога).

Итак, сегодня общество воспитывается в духе симпатии к христианству, и современный человек, не прошедший школу социалистического атеизма, не отличает христианство от гуманизма, от иудаизма, от кисельно-молочной уверенности в том, что оно состоит в проповеди всеобщей любви и в уверенности в любви к человеку Бога. Требует ли оно чего-нибудь от человека, какой-либо жертвы? От этом христианин не знает. Совместима ли христианская вера с активной деятельностью по преобразению мира, с политической борьбой, с противостоянием власти? С научной и культурной деятельностью? С любовью к женщине, особенно к посторонней женщине?

Но разве я озабочен тем, чтобы сообщить своему читателю азы катехизиса, разве я его хочу обратить в какую-либо веру? Нет.

Меня заботит судьба русской и европейской культуры, политическая судьба России и Европы, возрождение и спасение России и русского народа; заботит моя собственная судьба и моих близких, разумеется, я хотел бы, чтобы мой читатель мог здраво мыслить, имел хотя бы смутное представление об истории Европы и России, о судьбе античного мира – но я понимаю, что пока к власти не придет просвещенный слой русских людей, для которых Россия и культура первостепенны, никого и ничему я не научу, никого не просвещу, да и напрасны будут затраты моих усилий на просвещение.

Я просвещаю сам себя – это моя основная задача.

Я хочу понять христианство как абсолютную догматическую идею, как явление в истории мифов и философских и политических идей.

Я хочу **понять** его так же, как пытался понять и марксистский социализм.

Вероятно, это учения, в значительной степени вытекающие из иудаизма, связанные с ним генетически, хотя одновременно и противостоящие иудаизму, но все же принадлежащие к одной группе идей, близких сердцу представителей богоизбранного народа. Это идеи, которым враждебно представление о человеке как о *мере вещей*. Даже и представление о том, что нравственный закон имманентен человеку (как имманентна совесть, логика, чувство, воля, идеи истины и красоты), что *царствие божие внутри нас*. Это идеи, которым враждебно представление о том, что *жизнь человека определяется в наибольшей степени любовью к женщине и родовой идеей*, и что эта любовь является источником культуры, и что она есть синтез природного, метафизического (культурного) и трансцендентного (мистического).

История Европы обязана той энергии, которая содержалась в европейском человеке как некий импульс античного наследия. Христианство не было источником культуры, хотя и устало враждовать с нею и даже в некоторой степени пыталось ее использовать в своих интересах. Но учение, отрицающее непосредственную жизнь, бытие во имя инобытия, сверхбытия и сомнительного бытия после воскресения, враждебно даже мистическим идеям о преображении не только мира, но и самой творческой жизни человека, оно поощряет только отказ от жизни и житие в пустыне, скиту, монастыре.

Еще одна причина для моей литературной деятельности и сочинения антихристианских книг состоит в моих личных обстоятельствах, в том, что христианский батюшка решил за моих подруг, можно ли им со мною дружить, и они перестали со мною встречаться и разговаривать.

Я уже не повлияю на нашу жизнь, они от меня отреклись, но я пишу и своего рода интеллектуальное завершение нашей прежней дружбы, своего рода прощальное письмо. Оно необходимо мне, нужно ли оно им – скорее всего, нет. Так, значит, они во мне нуждались. Так, значит, они меня любили. То есть, они меня не любили, а я жил иллюзиями.

## 2. Христианская любовь

*15 мая, воскресенье, 14-20.* Чудово мы уже проехали, несемся в сторону Новгорода и Крестцов, откуда повернем на Окулоку, откуда повернем на Боровичи, а в Соинском, на полдороге, я и выйду и побегу в деревню.

Большинство так называемых христиан, хотя и подчиняющихся батюшке и вкушающих кровь и плоть Спасителя, боящихся грехов и надеющихся на воскресение, живут обычной жизнью, неотличимой от жизни нехристиан, Кьеркегор называет их *посюсторонними* (к ним принадлежал и Достоевский и почти все участники Круглого стола, за которым я их собрал в своей собственной книге об Инквизиторе, навеянной книгой Розанова).

Я был влюблен в мою *ласточку*, я влюбился и в *Анну* (хотя я долгое время думал, что я в нее не влюблен, и ей обещал не влюбляться). Из-за моих несчастных (но при этом и поразительно счастливых) влюбленностей я так глубоко переживал и отношение христианства к любви и влияние его на моих подруг.

В христианстве в заповедях Моисеевых, которые принял за основу учения и повторил Христос, проповедуется **любовь**. Во-первых, самоотверженная **любовь к Богу**, в которую должно быть вмещено все, ибо это *любовь всем сердцем и всею душою и всем разумием*. Во-вторых, **любовь к ближнему**. Любовь к женщине, к семье и детям, к народу и культуре, любовь к миру не перечисляется Учителем среди основных заповедей своего учения,

Но что такое *любовь к ближнему*, о котором говорится, что его надо любить как самого себя – может быть, в эту любовь, хотя и с трудом, можно вместить и любовь к женщине и детям?

Увы, общее место христианства состоит в том, что «истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она – в Боге», «смирение и преданность Богу убивают плотскую любовь». Преподобный Игнатий говорит, что в человеке, в ближнем надо любить образ Божий, даже если этот ближний разбойник. По убеждению христиан, даже добро не должно делаться для человека, ибо «добро, которое не для Бога делается, замутняет духовное зрение, горячит кровь, вызывает повышенное самочувствие». И «любовь к людям начинается с любви к Богу».

Преподобный Игнатий: «Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу... Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить – повелевает это Христос – и почерпнуть из Евангелия святу любовь к ближнему, любовь во Христе.»

Так, может быть, дело именно в том, что есть определенный сорт людей, которые не могут любить других, любить близких, любить женщину иначе, как чрез такое мистическое извращение? То, что в нас рождается вместе с рождением, ибо обычный младенец припадает к матери и любит ее, это для него соединяется так же, как биение сердца соединяется с дыханием, а с этими что-то не так...

*19-30.* Сделал небольшой перерыв и снова иду на огород.

Если вода в теплице нагреется до восьми, то полью грядки, иначе поливать буду завтра. Похожу туда-сюда, что-нибудь буду делать, но бестолково: устал и хочется только залезть в постель, хотя бы и с компьютером, и если что и делать, то только пустить пальцы на клавиши...

Ну, иду в огород.

*20-39.* Ничего, конечно, в огороде почти не сделал, и хотя еще светло, солнце только садится, но ни сил, ни энтузиазма (а как по-русски? желание?) к работе нет. Посижу за кампутером, в девять поставлю чайник, напьюсь чаю, позвоню милке и лягу с кампутером в постель, немного еще напишу, может быть). Но никого я не переспору, ни у кого не изменю образ мыслей – потому что я не знаю и не понимаю самого главного: на чем этот образ мыслей основан, о чем тот или иной человек мечтает, к чему стремится. Часто мне люди кажутся мало знающими, мало просвещенными, мало развитыми. Мне не удастся объяснить им даже такую простую, очевидную мысль, что не может функция животного развиваться, накопиться (по Дарвину) постепенно, не может сумма случайных изменений плечевого сустава превращать его в крыло, когда эти изменения его еще не созидают, не делают крылом.

Надо проститься с моими любовными мечтами, ласточка так стремительно отшатнулась от меня после разговора с батюшкой, как не отшатывается любящая женщина. Ее ко мне что-то притягивало, иногда ей казалось, что это любовь. Счастливее ли она теперь, расставшись со мною? Надо ли узнавать, как она живет? Быть может, она в тоске и кручине – и я появляюсь как призрак в ее тоскующей жизни... чтобы потревожить не зажившую рану... нет, полезного от меня уже не будет, только ей станет хуже. А я предпочту, чтобы она меня совсем позабыла, чем снова страдала...

Пристаю к одной женщине в Доме писателя, работающей там (не знаю, какие функции она исполняет), иногда захожу в ее коридор, приношу ей свои сочинения, пригласил зайти на недавний вечер, однажды принес цветы. Три недели назад, когда на открытии художественной выставки ко мне приставали «наши», выговаривая мне за то, что я не с теми общаюсь, увидев ее, я бросился к ней как к спасительнице и целовал ее пальчики (уже был в опьянении), и она меня не ругала за это...

Но что меня ждет, на той или иной тропинке жизни, я не знаю. Получится ли из меня еще что-нибудь, пройду ли я выше, вбок или вниз, или уже творческая энергия жизни иссякла во мне, я не знаю.

Единственное, что я еще могу по капельке соединять в нечто новое, это буквы слов, которые соединяю в строки письма, которое является не то дневником, не то письмом, не то Записками о моей неудавшейся жизни.

А с *ласточкой* надо расстаться. Быть может, я ей совершенно не нужен. Быть может, немного она грустит и обо мне... так, как грустят о недавнем сне, когда хмурится день... но она меня не любит. **И не любила.**

### 3. Антракт

22-30. Я уже напился чаю, поговорил с милкой, лежу в постели. Печка прогорит, минут через десять уже ее закрою и буду спать, сил нет бодрствовать даже лежа. Судя по всему, способность к любви и жажда ее является врожденным качеством, подобным тяге к сочинительству, склонности к бродяжничеству, пьянству, любознательности, хотя природные инстинкты усиливают или ослабляют эту способность. А какова же способность к вере, потребность в ней, особенно та чрезмерная потребность, которая преодолевает половой инстинкт и жажду жизни? Для меня это загадка, кажется мне, что и литература пока безуспешно пытается эту загадку разгадать. Сами же святые и схимники если и пишут, то прославляя Бога и веру и то чувство духовной любви к нему, которое их вдохновляет, но как они доходят до жизни такой, об этом они не пишут.

22-54. Сплю.

16 мая, понедельник, 8-38. Вчерашний день был, конечно, почти бездействен, только как подготовку к сегодняшнему его можно оправдать; подмыл пол, вымыл посуду, сварил обед на сегодня, принес воды, кой-где поправил падающий забор, начал поливать, посадил одну луковичку, огляделся, кое-что написал. Завтракаю, пью чай, напишу еще страничку и пойду косить.

8-58. Наконец дозавтракал, вымыл и прибрал посуду, иду косить.

10-39. Посшибал траву кой где, составил план работ, пойду чинить ворота и пересаживать цветы...

14-12. Последние силы истратил на обед, и хотя почти ничего не сделал, но попытаюсь поспать, чтобы набраться сил у сна.

20-13. Работа в огороде закончилась, лень обуяла. Сварил суп с картошкой и капустой, заправив мясом, которое мне сварила милка в дорогу и положила в банку. К вечеру похолодало и я сижу в бушлате, но уже гудит печка. Да суп горячий, да заварю крепчайшего чаю, да еще у меня рюмочка настойки осталась – нет, я еще живой и даже временами не такой несчастный, как кажется!

Сажусь за ужин, а мемуары подождут.

20-28. Щи изумительны (или суп?), налил вторую тарелку. Да у меня и еще одна рюмка есть! И одну рюмку выпил за жену, а вторую – за ласточку. Пусть она меня и бросила, а все же мы с нею обнимались и я целовал ее ушки и пальчики! И небесная благодать нас осеняла. Боги у нас оказались неродственными, как ни странно, мой Бог, философов и ученых, не завидует тем каплям счастья, которые перепадают земному человеку.

Но выпью я эту рюмку за то, чтобы без меня она была счастливее, чем со мной! Хотя разве не сияли ее прекрасные глаза, когда мы смотрели друг на друга? Но если бы я предвидел, что ее бог запретит нашу любовь, я был бы осторожнее, я бы отчасти эту любовь скрывал, называл ее нежною дружбой, может быть, мы продолжали бы встречаться в театре и на концертах...

21-09. Течение жизни зависит и от нашей собственной воли, и от внешних сил (семьи, общества, государства, друзей и знакомых). В какой-то степени жизнь можно сравнить с движением автомобиля, водитель крутит баранку, заставляя его поворачивать туда-сюда, но сам ли он отправился в дорогу? Не всегда... Да по дороге подстерегает его множество случайностей, вдруг на мокром асфальте машину заносит... Следовательно, движение складывается из необходимостей и случайностей. Но существует и чудо, или, точнее сказать, существует еще и влияние *высших сил*, то ангелы, то бесы вмешиваются в обстоятельства нашей жизни.

От чего зависело то, что мы с ласточкой влюбились друг в друга? Мы ли сами себя влюбляли? И сами ли мы разорвали нашу связь, которая мне казалась чудесной и незыблемой?

Но вот в меня вцепилось еще и дьявольское государство и лишило всех выплат, положенных мне по закону, и остатков пенсии после судебных вычетов, и компенсации за когдатошнее сидение в психушке, и доплаты за то, что я родился во время войны. И я вижу, как мало зависит от меня, и даже от семьи и общества, государство сильнее всех, и если оно захочет меня уничтожить, то даже высшие силы мне не помогут (они почему-то не помогают в тех спорах, которые мы ведем с необходимостью и государственной волей, если они иногда вмешиваются, то только в случайность).

То, как государство на меня давит, противоречит даже его собственным законам, и я обратился и в Службу судебных исполнителей, и в прокуратуру, и в суд. Из Службы мне пришел издевательский ответ, что хотя пенсию полностью отнимать нельзя, но Служба не имеет сведений о происхождении денег на счете, поэтому она их может отнять полностью.

Я об этом так подробно пишу не с тем, чтобы жаловаться читателю, а для иллюстрации мысли о незащитности человека перед силами, которые больше его.

Беззащитен был Цезарь перед заговорщиками, решившими его убить.

Беззащитен был Сенека перед слугами императора, отправившего их с повелением его убить.

Беззащитен был Николай Второй перед большевистскими заговорщиками, решившими его убить.

Беззащитен был даже Иисус Назаретянин перед Синедрионом, приговорившим его к смерти.

Насколько же незащитнее не правитель, не цезарь, не сын божий, не знаменитый писатель, не известный политик, имеющий влияние на общество, обычный человек, не имеющий ни власти ни денег ни славы?!

Беззащитен человек, не согласный с властью диктатора, но и согласный с властью диктатора не более защищен.

Разве я связывался с оппозицией, с пятой колонной, с правозащитниками, с чужими правительствами, ходил на митинги и демонстрации, выступал с агитацией и пропагандой? Я собирал друзей, пил водку, ухаживал за девушками, писал стихи, иногда целовался. О том, что я не согласен с правительством, не знали даже девушки, с которыми я целовался. Но меня посадили. В девяностые годы я писал статьи, в которых говорил, что не согласен с правительством, но эти статьи никто не читал, и все же судьба нашла повод меня посадить.

Что зависит от меня сегодня?

Боюсь, что ничего не зависит.

Я даже не могу попросить это правительство, чтобы оно меня расстреляло, оно будет меня мучить нежно и медленно, пока я сам не умру.

Правда, если свобода зависит от правительства, то от него не зависит талант. Но талант не зависит и от меня.

И вот, я пишу свои записки, я не могу сделать их интереснее, глубже, значительнее... я не могу вместо них писать что-то более привлекательное, задавающее сердца. Когда слава Пушкина миновала, даже он не мог ее вернуть. А ко мне слава не подходила даже знакомиться.

Что же мне остается?

Продолжать исследование Мифа, которое я начал, потому что более я ничего не сумею. Возможно, именно это дело мне и поручено.

И еще... нет, более я ничего не знаю, поэтому надо продолжать идти, как идет ночью человек, заблудившийся в лесу. Может быть, когда-нибудь я выйду на дорогу, и узнаю, куда она ведет. Быть может, она поведет туда, куда мне надо. Быть может, я напишу книгу, которая меня прославит, хотя вернее всего умру в безвестности. Быть может, я встречу еще другую Анну, и она меня пожалеет – по непостижимым причинам, я еще нравлюсь Аннам... хотя вернее всего, и эта Анна меня не пожалеет. Девушкам тоже что-то надо такое, без чего они мучаются, пишут книги и задают горестные вопросы, почему даже такой замечательный человек, как В.И. ничем не может помочь им в их душевных скитаниях... Они его ждут, а он не приходит. Или приходит не тот...

#### 4. Любовь и вера как убежище от смуты.

Человек часто одинок, даже когда у него любящая семья и верные друзья. Бывает так, что при кажущемся со стороны благополучии он вдруг запивает или заводит любовницу. Или влюбляется. Если человек не поглощен некоторым делом так, что у него не остается свободного времени (революция, войны, творчество, работа), то чаще всего он именно в женщине находит убежище от той внутренней неудовлетворенности, которая его мучает. И часто именно любовь к женщине его спасает, он загорается, он испытывает вдохновение, он находит то, что и искал.

Он испытывает особенное состояние выхода за пределы мира, состояние блаженства, сияния, *пробуждения*, благодати, **сверхбытия**.

Кажется, что наступает откровение, что открывается **истина**.

Те, кто не может любить, продолжают искать выход за пределы мира, и находят его в вере. Но если любовь открывает человеку путь к творчеству и вдохновенной деятельности, то вера останавливает его в созерцании или самоотречении. Он не рождает детей с любимой женщиной, не пишет книг, не делает научных открытий, не устраивает революций. Верующий, возможно, тоже находит истину, как и влюбленный, но он сосредоточивается сам в себе, он начинает жить только для себя, мир перестает существовать. Иногда он уходит в скит, в затвор, перестает говорить.

**Любовь преображает мир, вера его окончательно уничтожает.**

Но не всегда вера гасит все проявления мира, она не делает мир привлекательным, но часто возбуждает к нему отвращение и возбуждает ненависть к мирскому. Чаще всего предметом ненависти оказывается любовь к женщине, семейная жизнь, и женщина как источник любви. Ненависть к любви пронизывает сочинения многих христианских проповедников, я ссылаюсь на Блаженного Августина, Иеронима блаженного и Игнатия Брянчанинова («В каких язвах – наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва – пристрастие!») Любовь – это предпочтение одного среди многих, притяжение к тому, кого полюбил, **пристрастие**. Но именно оно и ненавистно человеку веры, ибо ему ненавистна любовь. Он прославляет любовь беспристрастную, бесстрастную, равнодушную, то есть **нелюбовь**.

Любовь открывает человека для другого, она соединяет человека с миром или хотя бы с любимым. Вера отделяет человека от мира, от всех (во имя Бога, говорят они). На этом спор необходимо закончить, потому что все равно что спорить с аутистом.

Да и пора уже спать, уже половина двенадцатого.

#### 5.

*17 мая, вторник, девять часов утра.* Не стремительный я человек, не целеустремленный, проснулся в шесть, потом в семь, но продолжал дремать, засыпая, до восьми, а теперь целый час ушло у меня на завтрак, мытье посуды, приборку. А всего лишь тридцать лет назад на работу я ездил к 8-15, вставал в 7-15, через десять минут выскакивал из дому с бутербродами, 35 минут ехал в метро, десять минут бежал до метро и от метро, но, правда, почему-то тогда дом наш стоял к метро гораздо ближе, хотя я бегаю и теперь.

Спор христианской веры и человеческой любви почти безнадежен, потому что те и другие, за редкими исключениями, принадлежат к разным типам людей, отличающимся друг от друга как скопцы отличаются от "любострастников". Разговаривают они на языках, в которых не совпадают важнейшие понятия, обозначения чувств и мыслей и побуждений. Так могут надеяться договориться русский с китайцем, зная только общих два слова «моя-твоя».

Христианин обличает человеческую, *душевную любовь*, происходящую от движения сердца и крови, противопоставляя ей *любовь духовную*, в которой она не различает предметы любви, изливается равно на всех, *не пристрастна*, не избирательна, совершается для Бога (ибо все отвратительно, что **не** для Бога делается).

Существует ли такая *любовь духовная*? Это любовь камня к каменной же природе, любовь планеты, движущейся по заданной траектории, к подобным же ей планетам, любовь неподвижных созвездий, неизменных на небе, друг к другу. Даже кометы не могут любить именно так. Однако не все эмоции христианина исчерпываются *должными*, они не до конца еще умерли, поэтому отчасти живы, именно их живая часть заставляет их ненавидеть тех, *кто не с ними*, они ненавидят дьявола и слуг его, бесов разных мастей и тех людей, которые, как они думают, отчасти "взбесились", то есть ведьм и колдунов, ненавидят и всякую даже обычную женщину, ибо, по их мнению, почти всякая женщина – "сосуд дьявола", ненавидят еретиков и иноверцев, причем еретиков ненавидят более, хотя и обнимают, когда ведут на костер.

Но что является камнем преткновения в христианине в его отношениях к женщине: чувственная любовь, рождение детей или что *женщина* как падшее существо (более падшее, чем мужчина) *склонна к падению, измене и лжи*?

И я тоже думаю, что *женщина склонна к падению и измене*, так думают и многие, и все же христианин отвращается от женщины (часто, впрочем, воюя с теми бесовками, которые приходят к нему по ночам в голом виде для соблазнения, как Иероним) как от источника первородного греха. Именно поэтому истинный христианин не может жениться и рождать детей, истинный христианин должен давать обет безбрачия, как монах и католический священник. Нелепость моего собеседования с читателем, многие из которых и себя причисляют к христианам, как вначале они причислили себя к моим читателям (дочитывая до 32-й страницы, а то осиливая лишь всего полторы), состоит в том, что они такие же христиане, какие муж и жена маленькие дети, играющие в жениха и невесту.

И именно поэтому, напоминая разделение Кьеркегора (а ранее и самого Иисуса) на *посюсторонних* и *истинных* христиан (взявших свой крест на себя), вернусь я к исследованию сущности христианства в соответствии с Новым Заветом, *житиями святых* и назидательными сочинениями *истинных христиан* вроде Игнатия Брянчанинова.

Да к тому же я и сам не во всем истинный, я пытаюсь быть крестьянином, но вот уже почти десять часов, а я сижу с "пером" в руке, но не с лопатой или топором. Но я непоследователен и противоречив, как христианин, что их делает более человеческими, а меня сильнее запутывает...

### 6. Любовь и формирование мифа о Сыне Божиим

Спал я посредственно (если уж не слишком придираюсь к сну), болела шея и спина, и ночью, просыпаясь, думаю я о смерти и о любви к моей миленькой. Я уже не сомневаюсь в том, что я виноват, что я напугал ее своей любовью, надо было мне оставаться ее другом, не говорить о любви, и, возможно, дружили бы мы до сих пор.

А о смерти я думаю и в связи с немощами, и в связи с крушением жизни, которая крушится во мне повсеместно, и в теле, и в душе, и в духе.

И правы, вероятно, те, которые думают, что многочисленные человеческие страхи лежат в основании религий, и страх смерти, природы, страх перед любовью, страх перед таинственными силами (не только природными, хотя материалисты не знают о существовании и иных сил, как чувствовал их Даниил Андреев), *страх перед жизнью...* но это не все. Есть ведь и та духовная жажда, о которой писал Пушкин, и которою томятся тонкие души.

И поэтому человек становится религиозен или влюблен не только по природному, то есть по страху или вожделению, но так как он триедин, природен, метафизичен и трансцендентен, то и вера и любовь имеют все сии три источника (однако есть ведь люди чисто природные, те самые нищие духом – ну, у этих и любовь и вера бесхитростны, просты, с ними и инквизиции жить легко, не возникают у них отклонения от *генеральной линии партии*).

Чтобы понять христианство, надо понять того, кто дал ему основание и источник, то есть Иисуса из Назарета, сына Марии и пасынка Иосифа – или Иисуса Христа, Сына Божия, третьей ипостаси единого Бога, но в трех неслиянно-нераздельных лицах?

Так как исторических сведений о рождении Иисуса Христа, о его распятии и воскресении не существует, то опираться в нашем исследовании мы должны на тот текст, который и является источником мифа, то есть на Новый Завет, несмотря на его многократные исправления и на то, что он сохранился на древнегреческом языке, хотя и Иисус и его ученики были иудеями и разговаривали в основном на иврите (древне-иудейском языке, ставшем снова языком возрожденного еврейского народа), впрочем, иногда и на арамейском, и только после рассеяния их из Израиля они начали разговаривать на языках тех народов, среди которых проповедовали новую религию (вначале же они ее проповедовали в синагогах в Израиле, но и позже проповедование было сначала среди иудеев в пределах Римской империи).

Я уже не раз высказывался по поводу исторических свидетельств, подтверждающих те факты, о которых говорится в Новом Завете. Есть Бог или Бога нет, это не предмет математического исследования. Вера – это особое состояние личности, подобное любви, Влюбляясь, мы не всегда уверены в силе своей любви, в ее оправданности, в том, что это именно то чувство, о котором мы мечтали и на которое надеялись – но тем не менее мы не проводим химического анализа крови, чтобы научно подтвердить происходящее с нами, как можно подтвердить состояние болезни, измеряя пульс и температуру.

Необыкновенные состояния любви или веры случаются с нами по разным поводам или совсем без повода, но когда они происходят, они не нуждаются в свидетельствах науки или истории. Выражение французского шутника (**надо проверить**) – верую, ибо абсурдно – всего лишь шутка, любовь абсурдна не менее, не все ее испытывают, и она не необходима для того, чтобы испытывать удовольствие от еды и вина или от близости с женщиной. Точно так же нет необходимости в вере, но она не нуждается в каких либо обоснованиях, как и любовь. Существование Луны несомненно, но мы не можем сказать, что мы верим в то, что она существует, мы ее непосредственно наблюдаем. Существование жизни на других планетах не солнечной системы не достоверно, и одни из нас сомневаются в том, что жизнь существует где-либо кроме Земли, другие на это надеются, даже уверены в этом, они жадно внимают каждому факту, усиливающему их уверенность – и такие факты возможны и усиливают их надежду, но вера в Бога принципиально иного типа. Бога никто никогда не видел, сказано в Библии, и только это привязанность человека к Богу делает эту привязанность верой. Доказательство существования Бога не усилит веру, оно ее разрушит. Лучшее, что может сделать верующий, это не поверить такому доказательству.

Если сакральное существует как особая форма бытия, то оно вне исторических свидетельств и доказательств, к нему относится не знание или незнание, а именно вера.

Там же, где есть знание, вера не возможна.

Противоположность вере в этом отношении представляет собою любовь. Она является так же и иррациональным, и трансцендентным состоянием, и она, увы, непостижима, но глубоко отличается от веры по своим причинам, ибо и в ней, как и в человеке, на первый план выступает природное, даже грубое, телесное. Человек уже рождается с телом, а душа в нем постепенно создается; заманчиво сказать, что как душа является второй ипостасью личности, так дух – его третья ипостась, и этим оправдывается стремление христиан умерщвлять тело и душу и умолять Бога о ниспослании им духа (ибо сторонники такой точки зрения полагают, что дух дается только Богом избранным его любимцам). Но духовное в человеке – свойство души, которая сама находится в сложных отношениях с плотью, ибо в человеке нет отдельно души, нет отдельно ума, даже нет отдельно воли. Даже «плотские желания» – это только метафора, желает не плоть, и даже не душа, а личность. Человек есть синтез своих качеств, своих ипостасийных личностей, тело и душа в нем существуют почти так же, как кислород и водород в воде: если существует вода, то уже нет ее составляющих, если существуют составляющие, то нет воды. Но оставим метафизику, наш разговор несколько о другом. В любви есть природное, есть метафизическое (душевное), есть трансцендентное (что я не отождествляю с духовным). Но есть ли духовная любовь? К читателю я обращаюсь не буду, наши суждения не авторитетны, о духовной любви пишут духовные писатели и богословы, главные авторитеты в ней Блаженный Августин и Игнатий Брянчанинов. Но я в их любовь не верю, как и в их Бога.

Я опираюсь на язык, традиции, историческую и родовую память, на нравственный закон внутри нас и на Совесть (что еще шире и глубже, это главная функция души наряду с любовью).

В нашей деревне любили по всякому, но никто не любил духовно. Жалели, сочувствовали, ненавидели, презирали, любили страстно, любили чувственно, похотливо (это все Любви между мужчиной и женщиной), любили нежно, бывали равнодушны, восторгались, благоговели, заботились – и по моему мнению, забота – высшая форма любви). Но, может быть, в другой деревне любили духовно, или в монастырях, или в скиту? Я встречал в своей жизни удивительных людей, которые на меня произвели высочайшее впечатление, они формировали мою душу, совершенствовали ум, воодушевляли меня – и все же они не говорили о том, что когда-либо кого-либо они любили духовно, а я не сомневаюсь в том, что они великодушнее и возвышеннее тех, кто наполняет умы суррогатами религиозных состояний под общим названием духовной любви.

В моей собственной жизни не все обыкновенно, когда восьмилетняя деревенская девочка придумала, что я ее дедушка, и мне пришлось (вместе с моей женой) по мере возможности заботиться о ней, то в общем эта забота была для меня обузой. Но как и всякая дружба с детьми, эта обуза смягчалась радостью особых отношений, по существу тех же самых, что и в семье отношения между бабушкой и внучкой. Но Жан Вальжан влил в Козетту всю меру своей любви, я же этой девочке отдал только ее часть (пусть она на меня не обидится, сколько мог, столько я ей отдал, но мои собственные, кровные, были мне ближе – прежде всего потому, что мы вырастали друг в друга с первого дня их рождения, и именно это существовало, к тому же у Жана Вальжана кроме Козетты больше не было никого, это тоже существовало). (Однажды, когда эта девочка была больна, я сидел около нее на кровати, отдав ей подарки, и она полусонная разделяла, что ей, что ее родной сестре, что двоюродной, и я испытал очень сильное чувство умиления и жалости, мне показалось, что вот так проявляется *материнская любовь* – вероятнее всего, именно ее я и испытал. Те, кому на воспитание попадают чужие дети, способны их любить так же, как своих, но я был все же вроде тех деревенских соседей, которые тоже о ней заботились, не один только я, но не прикипали к чужому ребенку так сильно, как к своим детям. Однако, многие из этих деревенских взяли на воспитание чужих детей из детдома, и тогда они их полюбили так же, как и своих, даже чаще уделяли чужим внимания и нежности и заботы больше, особенно жалости. Как и я свою *ласточку* жалел сильнее жены, потому что судьба ее и дала мне для жалости).

Я оспариваю страстно и яростно христианскую любовь потому, что христианство разрушает семью; монахи существуют только потому, что существует общество, семья, любовь, рождение детей, но против общества, семьи, любви, рождения детей борется их извращенная религия,

Вернемся, однако, к вере. Я высказал предположение, что существует два типа людей, одни способны к любви, другие способны к вере. Не буду говорить, что эти ущербны, но нет оснований утверждать, что они выше.

(Позже мы сравним высших представителей того и другого типа: *героев, гениев и святых*).

Обычный человек, живущий земной жизнью, не сидевший на столпе или камне, не умерщвляющий плоть, не посвятивший жизнь Богу, но детям и мужу или любимой работе или творчеству или политической борьбе, тоже, может быть, ходит в церковь, молится иногда (или часто) и верит в Бога (признает Его существование) – но он не испытывает то чувство веры, которое я сравниваю по силе с любовью, чувство веры, способное вытеснить и замещать любовь. И потому я не отношу их к типу **верующих**, типу тех, кто противостоит любящим. Прекрасный пример: Кьеркегор и его невеста, которая тоже была, безусловно, верующей в посюстороннем смысле, но только Кьеркегор понимал, что или вера или любовь, и избрал веру.

Но должны быть и такие, кто мог избрать **и любовь и веру?**

Можно было бы этого ожидать от учителя, Иисуса из Назарета.

Если он сын Божий, то он должен был знать об этом всегда, и не сомневаться, и когда в двенадцать лет он остался в Иерусалимском храме, повергнув смятение своих родных, на упреки ее он гордо воскликнул: «Так где же мне быть, как не в доме Отца моего?!» Следовательно, миф о его чудесном небесном рождении уже сформировался в его детском сознании (а мифотворчество – отличительная особенность детства человечества, сегодняшний человек не способен создать ничего подобного индуизму, буддизму, исламу и христианству). Но и во мне миф о моем великом предназначении будущего спасителя России сформировался в семь лет, в детстве, в двадцать один год мне были видения, в двадцать восемь лет меня посадили, и я готовился к своей Голгофе... Но я не был распят, не получил способности совершать чудеса, даже с писательскими и философскими способностями вышла заминка: написать Книгу, которая бы несомненно произвела впечатление на читателей, мне не удалось.

(Не надо мои рассуждения о жизни Иисуса принимать за фантазию. Магомет и Будда – создатели не менее великих религий, не на пустом месте выросли их великие Мифы, личность, не оплодотворенная великим страданием, не способна создать великое Учение, претендующее на универсальность).

Следующие свидетельства о Иисусе относятся к поре его возмужалости, вероятно, в 32 года он отправился бродить по Иудее, проповедуя свое учение. Осью этого учения является вера в *первородный грех*, в котором виновата женщина, и в необходимость искупления греха, миссию эту сможет исполнить только тот, кто послан небом. Но вначале он называет себя *сыном человеческим*, открываясь постепенно ученикам своим, вызывает и в них сомнение: «И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. ... Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему. Он же... воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. И, подозвав народ с учениками Своими, сказал им: *кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною.*

Сомнения испытывает и он сам, и зная об этих сомнениях, дьявол и испытывает его, искушая, в пустыне (о чем уже сказано слишком много и многими).

И все же, если пытаться исследовать душевную жизнь в Иисусе, то три идеи надо поставить на первое место:

1. Мой отец Бог, и Он послал меня искупить *первородный грех* и спасти *мой народ* (дерзость самоутверждения противопоставит тому унижению, кажущемуся или действительному, которое он испытывал в связи с безотцовщиной).

Свой народ, как видно, он не любил, да и не спас его, по крайней мере, не более спас, чем другие народы, которые тоже не спас, ибо как умирали, так и продолжаем умирать. Но и нелюбимому народу бросает он в лицо свое дерзкое обещание, в которое постепенно уверовал и сам.

Чем же ему ответил народ, в лице своих старейшин? Как и должно было, народ защитил своего традиционного Бога, и даже сегодня раввины приходят в ярость, когда говорят об Иисусе и о его утверждении, что он сын Божий.

2. Поставив в основание своей миссии искупление первородного греха, Иисус явно отказался от матери своей и от ее материнской любви. Но он отказался и от родовой любви, плодом которой явилось его рождение. (Не буду говорить о том, кто же прав, христиане, верующие в Христа, Сына Божия, или евреи. Это, как мы видим, вопрос веры. Во всяком случае, от матери он отказался, а она не отказалась от него и ни разу после того случая в Иерусалимском храме его не укорила.) Но целое учение оказалось построено только на вере и только на отрицании родовой любви и рождения детей. Кажется, мы увидим и еще нечто странное: если Мария, как мог он иногда думать, когда сомневался в своем божественном происхождении, согрешила, и он дитя греховной любви, то не само по себе рождение детей и притяжение двух в единую плоть виновно, а та любовная страсть, которая нарушает законный порядок, соединяя двух вне брака, следовательно, источник греха в самой половой **любви**. И поэтому истинный христианин допускает с оговорками брак, но отрицает любовь, именно в любви он видит корень зла.

3. Общее место *сладкого* (термин Розанова) елейного христианства состоит в том, что *Христос нас любит*, для утверждения своей любви он и пришел. Эта вера настолько противоречит всей суровости Нового Завета, всей суровости истории христианской церкви, что стыдно с этим и спорить. Очевидно непредвзятому читателю Нового завета, что Иисус Назаретянин нас не любит, что пришел он нас обличить и призвать к покаянию и исправлению и исполнению миссии, аналогичной миссии самого учителя: *кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною*.

Итак, Сын Божий, воплотившийся в человека для спасения человека своею жертвенной смертью. Вера вместо любви. Необходимость крестного пути для каждого истинного христианина.

Вот три ипостаси истинного христианства в земном образе его бытия.

Но этим христианство не исчерпывается, хотя проповедь заканчивается именно этим. Но есть ученики, церковь и учение церкви, они продолжают христианство и завершают его.

### 7. Смерть и воскресение. Жизнь после смерти

Начну с того, что о жизни после смерти практически ничего не сообщается, кроме того, что там не женятся и не выходят замуж. Скорее всего, там нет и той телесной оболочки, которая присуща человеку здесь, не случайно же и Иисуса Христа после воскресения его ученики не узнали.

Есть ли там у человека душа, на которую здесь так нападают ревностные христиане? Когда-то в ходу был вопрос: есть ли жизнь на Марсе, пока не выяснилось, что на Марсе жизни нет. И мне хочется спросить о мире, в котором мы воскреснем: Есть ли в том мире жизнь? Ибо пока еще не совсем ясно, что жизни там нет. Возможно, это еще не самое худшее. Хуже, если там есть жизнь по рецептам Платона или Кампанеллы, или Блаженного Августина, и мы будем просить как о милости не о воскресении, а о смерти.

Конечно, не всем здесь хорошо, да мне и самому не так уж сладко, государство нас стискивает в своих объятиях (стискивает, значит, любит. Господи, лучше бы перестало любить!)

Вот пока и все, что я могу сказать о самом существенном, что привлекает к христианству сердца – они страшатся смерти, их привлекает воскресение, но будет ли при этом вечная жизнь, будет при этом ли жизнь, на приглашительном билете указано не было.

Апостол Павел, *призывающий жить аки умереть*, говорит, что «если Христос не воскрес, то вера наша тщетна». Отрицая и мир и жизнь, самым существенным в христианстве он считает *воскресение к новой жизни*.

Но что же нужно делать, чтобы его заслужить? В полемике с апостолом Петром и евангелистом Иоанном, сравнивая веру и добрые дела, он доказывает, что для воскресения достаточно веры, добрые дела совсем не нужны. Но далее, сравнивая *веру, надежду и любовь*, очень убедительно показывает, что любовь больше всего. Но, впрочем, так ли уж важны противоречия, если мы примем за истину основную идею христианства? Но состоит ли она в смертной жертве Сына Божия ради искупления человеческого первородного греха (воистину противоречие противоречий заключается здесь в несоизмеримости человека и Бога, в тотальном унижении человека как абсолютного ничтожества, так что «даже святость человека смердит перед Богом», по уверению христиан, в какой-то *сверхвине* человека в связи с неосторожным поступком Евы, так что даже мир сокрушился и из бессмертного стал тленным и растленным, с одной стороны, и в существовании Троицы прежде всех времен, так что еще до сотворения человека Христос уже существовал как Сын Божий и будущее падение человека и его будущее искупление уже было задумано... Да и... если **грехопадение** как основа всей онтологии и сверхсудьбы необъяснимо, то и кровавое **искупление** еще необъяснимее, нет причинно-следственной, нет даже *чудесной связи* между познанием добра и зла, совершившимся в человеке на заре времени, растлением мира, утратой им вечности и вновь обретением вечности после пролития Иисусовой крови. А кровь как символ почти всего важного в мире, хотя и проклинает Игнатий Брянчанинов движение сердца и призывает к бесчувственности камня, требует еще внимания исследователя (даже после Розанова и Мурикова).

## ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

**СВЕРХИСТОРИЯ, СВЕРХЖИЗНЬ, СВЕРХЧЕЛОВЕЧНОСТЬ**

(КОММЕНТАРИИ К ПредПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЕ)

*Кто-то мне судьбу предскажет, Кто-то завтра,  
милый мой, На груди моей развяжет Узел, стянутый  
тобой?*

**1. Развожу руками и пытаюсь оправдаться**

*18 мая, вторник, 10-45.* Передо мною стоит задача стянуть в некий узел не то соловьевское «всеединство», которое не существует, не то парменидовское неизменное бытие, которое отрицает и феноменальность, и время, и изменение, и начало и конец, и небытие – а, следовательно, и **инобытие**; и протагоровского человека, как меру всех вещей, который, даже если исходить из его ничтожности, презренности, пошлости и подлости, виновности и растленности, является несомненно Узлом вселенной, и сколько бы философ ни клялся в ненависти к человеку и в любви к Богу, все его споры, обвинения, клятвы и признания разрешаются не в Боге, а в человеке. Не согласится со мною упертый правоверный православный, пойдет возражать, непременно запустит в меня моею же книгой, сколько бы ни клялся перед этим видеть во мне образ Божий.

А я, вопреки ему, исследую учение «сладчайшего Иисуса» (термин Розановский) и вижу в богах только образ человеческий. А в котором боге человеческого образа нет, тот воистину чудовище, как ацтекские боги, требующие от человека неисчислимых жертв.

Успокойтесь, спорщики, оскорбленные за своего бога, причислите меня на время моих богословско-философских споров к евреям, и по гражданскому кодексу убоитесь меня оскорблять. Да, я вместе с моим древним народом, который когда-то он обещал самонадеянно спасти, отвергаю его дерзость выдавать себя за Бога; но и евреи не враги мира, И я не враг, хотя, кроме евреев и еллинов (и эти мне дороги тоже) у меня еще есть свой народ, всего лишь тысячелетний, русский, еще не образумившийся в силу соей юности.

Я не сын божий, но дерзость моя простирается на то, чтобы стянуть в узел древнюю идею о Божестве, новозаветную идею о новой земле и новом небе (а, следовательно, и новом Боге) и современную культуру и цивилизацию.

Я устал. Устало вместе со мною человечество, тем более устал мой собственный народ, раздираемый уже более столетия безумной смутой. Но я не разрешил еще почти ни одной загадки, поэтому, как ни мучаюсь, пытаюсь мыслить и жить. Пытаюсь вместить в свою смуту и Зенона с его внутренним противоречием, заключенным во времени и в движении, но уже не могу легко воспарять над бездной, поэтому пытаюсь припасть к коленям женщины.

Она может еще меня пожалеть и утешить.

Мне жалко свою неудавшуюся жизнь. Но жалко и других, я не могу их бросить наедине со страданиями, жестокостью Бога, жестокостью небытия... Вот из всего этого и вытекает как ручей моя бесконечная книга.

Не знаю, втеку ли я в женщину, в литературу, в философию, *не растворяясь в них, как того требует Бог от рабов своих*, и я разговариваю сам с собой...

## 2. Содержание христианского учения

Итак, задача моя – собрать в нечто целостное христианское Учение о грехопадении, искуплении, воскресении Спасителя (по-гречески **Христос**) и о грядущем воскресении малой горстки праведников.

Если Воскресение Спасителя и грядущее воскресение нас, грешных, соединить в общее понятие воскресения, то христианское учение предстанет как *триединое Учение о грехопадении, искуплении, воскресении*.

Но не уместно в исследовании прельщаться эффектными формулами, близкими к христианской понятийной догматике. Триедино ли учение? Автор и книга – две неразрывные ипостаси единого целого, при этом Иисус Назаретянин (или Иисус Христос) настолько своеобразный автор, что подобных ему по загадочности и туманности образа авторов единицы, таков слепец Гомер, философ Сократ, актер и великий драматург Шекспир, некоторые из учеников Христа, например, апостол Павел, Будда, Магомет.

Автор существует в двух лицах, он человек, в которого воплотился Сын Божий, рожденный девой Марией по приятии ею Святого Духа, он же и Сын Божий, как он и сам себя называл неоднократно.

И человек Он загадочный и загадочный Бог, рожденный как иудей, в патриархальной иудейской семье, обрезанный по обычаю и молящийся в синагоге, пришедший спасти свой народ и подтвердить Закон, создал новую религию, которую евреи не приняли, закон не подтвердил (интересно в этом отношении "Слово о Законе и Благодати" митрополита Иллариона и спор апостола Павла с Петром о преимуществе в Спасении *веры* или *добрых дел*) и из Бога еврейского народа стал Богом многих народов. Странностей и сверх того множество, проповеди его были устными и автором Книги он является, как и Сократ, в пересказе других (и в этом отношении он подобен Сократу).

Итак, единый в двух лицах, и человек и Сын Божий, и в тексте заметно и одно и другое его лицо (вот так *лик* проступает в старости у великого человека), поэтому справедливо считать, что и человек и бог в равной мере причастны к книге, которую они не писали.

Странность состоит еще и в том, что евангелисты и апостолы, писавшие эту «Богодухновенную» (по учению церкви) Книгу, не во всем согласны друг с другом (что тоже заметно), и продолжили ее за пределы Учения, возвещенного Иисусом из Назарета, следовательно, Учение не заканчивается благою вестью о грядущем воскресении.

И сам Учитель, и апостол Павел, как самый ревностный его ученик, позже других к нему прилепившийся, с большою силою и убедительностью обличают падший мир, призывают его отряхнуть с обуви своей, возненавидеть его. Если забыть о воскресении, то можно было бы подумать, что это проповедь секты самоубийц. Впрочем, далеки ли бы мы были от истины? Следуя за Христом, то есть становясь христианином воистину, согласно его призыву взять крест свой, иначе как на Голгофу и не придешь. А если вспомнить постоянные напоминания Иисуса о том, что ему *надлежит быть распятым*, что он для этого и пришел, то разве не является его распятие самоубийством (в том смысле, что он и вочеловечился на землю, чтобы его распяли во искупление "первородного греха")?

О том же, то есть о распятии во Христе, говорит и апостол Павел.

Нет, подавляющее большинство тех, кто причисляет себя к христианам, не более чем зрители театрального действия под названием «Жизнь Иисуса», но не участники действия, они и жен не бросают, и даже мужей, и о детях заботятся, и душу не умерщвляют, и под поезд вслед за Анной Карениной броситься не хотят.

То есть нет, они не христиане. Они не читают мои книги – но они не читатели и христианской библии, как раньше не читали Капитал и "Материализм и эмпириокритицизм" (и слова то такого не выговорить).

Можно было бы сказать, что сюжетной основой христианского романа и является триединство: завязка – грехопадение человека и рождение Иисуса; кульминация – распятие на Голгофе; развязка – воскресение Иисуса.

Но роман не исчерпывается узлами сюжетной линии, что и делает романый мир глубже и многомернее, но что и запутывает логику учения.

Проповедь двумерна: человек и мир трансцендентно пали, преодолеть трансцендентное падение человеку не дано, только Спасителю, посему христианину надлежит отринуть мир, умерщвлять в себе плоть и душу и ожидать Конца света, Страшного суда и посмертного Воскресения.

Таким образом отменяется человеческая история и поиски смысла жизни, ибо в жизни смысла нет, только в смерти и в последующем воскресении.

Христианский Роман как будто кончается, когда Христос умер, воскрес, вознесся на небеса. Ибо Распятием и воскресением разве не исчерпывается то, что завязано грехопадением и что только единое и надлежит развязать, ибо все остальное постороннее, не стоящее, не следующее из грехопадения? И апостол Павел говорит: «Но ныне... явилась правда Божия ... через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо *нет различия*, потому что **все** согрешили и лишены славы Божией, получая [ныне] оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в *жертву умилостивления* в Крови Его *через веру*, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.»

Итак, жертва принесена, человек оправдан (для возможности будущей вечной жизни, после страшного суда и разделения на тех, кто во ад, и тех, кто в рай). Все, можно историю человечества на этом заканчивать, разве в ней предусмотрено что либо еще? [хотя на бегу высказано важнейшее, на что ответов нигде в Священном Писании мы не найдем: кого *умилостивляют* жертвою Сына Божия? Бога ли Отца (жертвою Сына)? И если грехи прощены, и только для этого Христос и явился, то что еще надо-то?]

Но человек-то еще на земле остался, и хотя пьеса уже закончилась, и Искупление состоялось, но чтобы наступил конец света и окончательно исчерпалась завязка Драмы (грехопадение), надо пока продолжать жить, невозможно всем рассестись по камням, якобы перестав жить [и кстати еще сказать, *мистерия жертвы и искупления* и была бы поучительна мистерально, если бы она не дерзнула подменить собою действительную жизнь.]

Поэтому существует второй роман, обнимающий первый. И он более приближен к подлинной жизни, он не ограничивается мистериальным сюжетом, грехопадением в Раю, изгнанием, бесплодным покаянием (как о том пишет апостол Павел, спрашивая, искупительны ли добрые дела, и отвечая, что только вера, но оказывается, что и веры не достаточно, но только божественная смертная жертва), но обнимает собою действительную жизнь.

Начинается он рождением Иисуса.

И здесь не обойтись без пространного пояснения. Во-первых, *реальная жизнь* и *жизнь действительная*, это как будто в обоих случаях подлинная жизнь, но отличаются они как чай без сахара и варенье отличается от крепкого горячего чая с сахаром и медом и душистыми травами. Это та же сумма происшествий, скрепленных необходимостью, то есть объективными причинными связями, но которая дополнена и субъективной волей, и ассоциациями, воспоминаниями, обогащена и культурой в той мере, в которой она становится частью души личности, и, наконец, в которой существует и сакральное, Миф, с его чудесами, подлинными и мнимыми. И если вхождение культуры в жизнь рационально понятно, культура входит в душу, обогащая ее и становясь ее частью, а жизнь глубокой личности – это и есть сумма происшествий (то есть реальность), обогащенная сознанием, осмыслением жизни, поисками ее смысла, любовью и верой, отчаянием, переживанием благодати, нравственным законом, совестью, звездным небом и восприятием, переживанием Красоты, пронизывающей и мироздание и жизнь, то вхождение в жизнь сакрального, Мифа не обнимается рациональным. В жизнь входит и чудо. В жизни присутствует вера в Бога, общение с ним, присутствует Сам Бог, по крайней мере, согласно пушкинскому «Пророку» человеку может явиться шестикрылый серафим, самому Пушкину являлись музы (и я в этом не сомневаюсь, потому что и ко мне они изредка заходили, и часто заходили волхвы) – так вот, *событийность* рационального и иррационального (ну, даже рациональных и иррациональных чисел), физического и метафизического, обыденного и трансцендентного) почти не объясняется ни философией ни богословием. И уж совсем боится богословие касаться проблемы двуипостасности Иисуса Христа, его одновременно человеческого и божественного существования. Как сказано в Священном Писании, Он был во всем уподоблен человеку, кроме грехов. Но вмещал ли он в себя человеческие **слабости**? И был ли он в его земной жизни человеком, Богом, и тем и другим? Или неким своего рода синтезом человеческого и божественного? В частности, на Кресте он испытывал боль, более того, он умер – но что при этом происходило с его божественной ипостасью? И потому ли он воскрес, что был Сыном Божиим (что, следовательно, не является примером для человека), или в силу своих человеческих совершенств?

Вот и об этом надо порассуждать (тем более что был ли Иисус Богом – это вопрос веры, а кто в сие не верит, не могут же быть лишены права на рассуждения по вердикту верующих?! Математики вон не запретили Гауссу и Лобачевскому *верить*, что через одну точку может проходить множество параллельных к данной прямой, и те создали примечательные нехристианские (ммм... неевклидовы) геометрии!

Так вот, похоже, что рождением своим Иисус был недоволен, сам его переживая как грехопадение, хотя *сверху* воплощение так и задумывалось, но, вочеловечившись, Иисус позабыл о верховном замысле.

В результате, чтобы преодолеть ущербность незаконнорожденности, он ребенком внушает себе мысль о том, что Отец его на небе, а он послан на землю для искупления грехов человеческих и спасения своего народа.

Но мы видим, что любовь к семье и к народу вступает в противоречие с обидой на них и даже с неприязнью. Когда он беседовал с учениками в Иерусалиме, пришли из Галилеи мать его с братьями и сестрами (и тут Священное Писание мямлит, не говорит, даже во смущение верующих, были ли его братья и сестры ему родными, или это какие-то дальние, чужие дети, не дети Марии. Но во всяком случае, он не вышел с ними повидаться, воскликнув, что «мои мать и братья и сестры – это ученики мои».

Любящий сын так поступить не может, следовательно, Иисус не любил свою мать, а не любить ее он мог только потому, что винил ее в своем безотцовстве – а что он сын Божий, в этом он и сам не был уверен, что следует из осторожности некоторых высказываний Нового Завета. Да он даже на Кресте не был уверен, что Бог придет ему на помощь, и воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Это восклицание человека, но не Бога.

Любил ли он народ свой? Во всяком случае, хотя он и заявлял, что пришел спасти прежде свой народ, но учение стало не национальным, а космополитическим, вопреки намерениям Спасителя, и апостол Павел сформулировал конец национальной истории (как он думал) в словах: *Отныне несть ни еллина ни иудея, но все во Христе одно*.

И поэтому, предчувствуя безнациональный характер будущей церкви, отреклись от него иудеи, и предпочли ему Варавву, когда Пилат предложил толпе одного из осужденных отпустить по случаю праздника.

Любил ли он и учеников своих, если за попытку возразить ему сказал Петру: «Отойди от меня, сатана?»

Иудаизм опирался на Закон, устанавливающий некоторые отношения между людьми и между человеком и государством, по мнению некоторых философов производящий впечатление рационального юридического соглашения. Но при этом два основополагающих завета христианства: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим»* и *«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»* возносят и отношение к Богу и отношение к человеку на уровень почти экстатический. Если иудаизм опирался на исполнение *правил*, то в христианстве, по словам Христа, на первом месте экстатическая (страстная) *любовь*. Но и веру, как основополагающую (вместе с любовью или независимо от любви) связь человека и Бога, Иисус поднимает на уровень мистического сверхъестественного по последствиям экстаза: *«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас»*. Поелику невозможна любовь к Богу вне веры в него, то *любовь к Богу и вера в Бога* значит одно.

### *3. Полное содержание христианского учения*

Нет ничего более противостоящего друг другу, чем иудаизм и христианство, чем народ Израиля и та кучка еврейских сектантских проповедников (которых в то время было множество в Израиле), которые пошли за Иисусом.

Среди таковых и в Священное Писание вошел Иоанн Предтеча, крестивший Иисуса и обезглавленный Иродом, ибо «во время празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя.»

Но козни против Иисуса начались еще до рождения его, когда только возникли слухи о рождении Мессии.

«Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?»

Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля.

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, ...сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.

Они, выслушав царя, пошли... увидели Младенца с Мариною... принесли Ему дары... И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.»

«Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов.»

Ко времени проповедничества Иисуса против него возникли и иерархи церкви. Незадолго до Пасхи (накануне которой и распяли Иисуса) «первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом.

Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб.

Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино.

С этого дня [книжники и весь синедрион] положили убить Его.»

Не буду говорить о психологической несообразности отношения судей к Иисусу, в котором они словно бы признают его правоту и миссию

И, наконец, при распятии Христа, иерусалимская толпа (которая, якобы, незадолго до этого встречала Иисуса, въезжавшего в Святой город на ослице, цветами и цветущими ветвями деревьев), вскричала на предложение Пилата отпустить его: «если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него». «Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса, но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву. ...

Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав Его, отпускаю.

Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят»...

И, наконец, через тридцать лет, когда Баркохба поднял восстание против Рима и имел вначале серьезные успехи и народ прославлял его и надеялся на него, то, как пишет Розанов, когда сравнили Баркохбу с Иисусом из Галилеи, он «в бешенстве воскликнул "*Скорее уж я Мессия, чем он!*"».

Итак, и сам Учитель родился в еврейской семье, и учение его возникло из недр иудаизма, и Священное Писание христиан состоит из Ветхого Завета (несколько исправленной *иудейской Библии*), из которого приняты все важнейшие иудейские мифы, и о сотворении мира, и о грехопадении, и о великом потопе при Ное, и миф о Ионе во чреве китовом, и о многострадальном Иове, и праздники, включая Пасху (Пейсах), переименованную на христианский лад, и *пророки*, и предсказания – и из Нового Завета, суммы текстов, написанных учениками Иисуса Назаретянина в первом веке новой эры и, вероятнее всего, подвергавшихся позднейшей правке вплоть до Первого вселенского собора. Но не было больших противников вплоть до значительных расколов церкви, чем христиане и иудеи, потом уже и раскольники соревновались с иудеями, потом православие стало лютым врагом католицизма, потом протестантизм... но культура в целом, включая философию и науку, также была основным врагом христианской церкви, а вообще – самостоятельная мысль, не основанная на священных текстах (как и в марксизме, до последней иоты и запятой, это было точно так же). Будь ты даже трижды марксистом и четырежды христианином, но если ты не ограничиваешься повторениями священных догм и слов, то ждуг тебя и у тех и у других проклятия и костер, и многие христианские подвижники и святые и богословы и философы сначала подверглись осуждению, потом, через столетия, были возвращены в лоно церкви.

Итак, мы начали с того, что христианство – это религия, соединяющая в один сюжет **первородный грех**, вочеловечивание Сына Божия для того, чтобы принести себя в смертную **жертву во искупление греха**, последующее **воскресение Сына Божия** и *обещание будущего воскресения праведников* (малой горстки).

Но уже после воскресения Сын Божий явился ученикам своим и велел им *проповедовать благу весть о воскресении* (Евангелие), (не ограничиваясь Израилем, к которому он пришел), и создавать церковь земную, подобную той, которая уже существует на небе, в ожидании Второго пришествия, Страшного суда и Воскресения праведных.

Сие уже не относится к сюжету *божественного романа об искуплении*, узкого христианства, а относится к широкому роману, включающему мир и человека, в котором проявляются противоречия небесного мира (инобытия) и земного, и многое из того, что в узком романе кажется излишним, находит свое место и некоторое объяснение в широком романе. Противоречия притом начинаются уже в завершении искупления: мир пал, мир необходимо отвергнуть, верить в Бога и ждать Страшного суда – но в этом отвергнутом мире надо жить (аки не жить), строить церковь, каяться, искуплять вину ...

### *3. Несоединимость двух романов в один*

Да, сложно соединить в одно целое учение, центральной идеей которого является трансцендентная неискоренимость падшего мира и призыв этот мир отвергнуть – казалось бы, следовало бы повеситься – но нет, надо жить, строить храмы, слушаться священников, содержать духовенство, содержать императора и государственный аппарат, сословие феодальных владельцев, армию, тюрьму и костер, одним рожать детей, сознавая, что это грех, другим детей не рожать под страхом жестокого наказания (и сожгли учителя вместе с ученицей за послушание, хотя сегодня возлагают на их могилы цветы).

Я уже самонадеянно не решаюсь заявить, что я знаю, о чем этот роман, что он об искуплении греха и воскресении – а точно ли будет воскресение? И на чем основана наша уверенность, что наш грех искуплен?

Эта уверенность основана на вере в Иисуса Христа, в то, что он Сын Божий. Если же он обманщик, как постановил Иерусалимский синедрион (в вере которого Иисус и возрос и от которой он не отказывался), в чем и уверены правоверные иудеи, то наш грех не искуплен. Впрочем, представим себе, что вера наша почти с горчичное зерно, и мы и в самом деле искуплены, как говорит апостол Павел, почти даром (то есть, мы не расплачивались). Иудеи не искуплены, они верят в своего Бога (в которого, кстати, верим и мы как в Бога-отца), мы живем рядом, часто по соседству, в одном подъезде, иногда в одной квартире, а некоторые живут в одной семье. Кто из даже святых может различить, кто из нас искуплен, а кто не искуплен? Что именно произошло в мироздании после распятия Христа, после того, как разодралась завеса в храме? Создана новая церковь, построены храмы, создано богословие, произошло священство, папа Римский стал практически императором всего тогдашнего обитаемого мира. Православные императоры, хотя и возвышались над патриархами, санкцию на власть получали из их рук. Была многочисленная паства, праведники, святые, монахи. Была система феодальных государств в Европе, в которых светская и церковная власть существовали в сотрудничестве, крестьяне и ремесленники работали, остальные ими владели или владели подами их труда. Эта система зиждилась на двух идеях: "несть власти аще не от Бога"; и: "отдай Богу богово, а кесарю кесарево".

Христианство, после некоторого периода притеснений в Римской империи, неожиданно утвердилось и разделило власть в государстве с императором за счет того, что стало идеологической основой этой власти.

Учение, в центре которого образ сверхъестественной Силы, Бога ("которого никто никогда не видел"), то есть иудаизм, оставалось сакральным учением еврейского народа, но одновременно вошло в состав Нового учения, в центре которого и прежние представления (все прежние представления), но одновременно и миф о грехопадении, ставший основой основ, идея искупительной жертвы, искупления, воскресения...

В чем смысл жизни (после того как мы мир и жизнь почти прокляли) и как надо жить? Ясные представления иудаизма (жить надо согласно десяти заветам Моисея) оказались дополнены множеством идей, связанных и не связанных с центральной идеей искупления.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ **ХРИСТИАНСТВО КАК ЛИНИЯ РАЗРЫВА БЫТИЯ**

### 1. Трехединый роман

*21 мая, суббота, 21-33.* Ездил за город в баню с С---м. Все время шел меленький дождик. Сначала мы прошли по парку, промокли, выпили чаю с водкой, стоя под елью. Затем парились в бане, рядом на полке сушилась одежда. Баня была великолепно, и еще квас добавил радости, я стеснялся выпить его весь, но выпил много. И даже стаканчик холодного пива помог перенести тяготы пара.

Воспользовавшись okazji (одна пара с ребенком уезжала рано), я ринулся из-за стола за ними, вот почему я все еще жив. Через полчаса буду дома, выпью чего-нибудь холодного и лягу спать.

*Полночь.* Никакой миф не может повествовать только о *вне* и *над*, и пусть центром мифа является *непостижимый Бог*, но содержанием мифологического романа является рассказ о человеке и мире, и даже евангелия повествуют о людях, живущих в пределах тогдашней Римской империи, и в полном согласии с богословием я могу сказать, что главным героем евангелий и всего Нового Завета является Иисус из Назарета, который сам о себе говорит как о Сыне Человеческом: «Но чтобы вы знали, что *Сын Человеческий* имеет власть на земле прощать грехи...» «Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам.» «если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему...»

И ученики Иисуса, евангелисты и апостолы, и грешники, и даже разбойники, и множество других людей, соединенных с ним по добру или по злу, вместе с их судьбами входят в этот роман, но не ангелы или бесы (за редкими исключениями).

И вот что складывается: **(1)** сюжетом метафилософского сакрального христианского мифа являются **грехопадение человека, искупление его через жертву Бога, воскресение**. Это внутренняя ось христианства. Но она содержится, как самостоятельный побег одного из отростков иудейской лозы, внутри словно бы отдельной рощи величественного сада библейских сказаний, центром которого являются идея и образ Бога, Творца и Вседержителя, творения Им мира и человека (притом мира воистину грандиозного, в которого даже изгнание после грехопадения было изгнанием не в пустыню, а в райские кущи), завета еврейскому народу с обещанием спасения, Закона Моисея (правил жизни), множества пророческих предсказаний о Мессии.

Итак, центральный сюжет христианства помещается внутрь **(2)** сюжета о *сотворении мира, особого предназначения еврейского народа как избранного народа Божия, предсказаний о приходе Мессии и смутных обетований о грядущих судьбах мира*.

В христианском Учении, излагаемом Иисусом Назаретянином, бродячим проповедником, образ поврежденного мира трансформируется в образ мира

окончательно падшего, находящегося под управлением дьявола, негодного для жизни в нем праведного человека, образ Мессии трансформируется в образ Сына Божия, пришедшего как Спаситель с миссией принести последнюю трансцендентную смертную жертву во имя искупления падшего человека, не могущего усилиями самостоятельной жизни и даже подвигами святости искупить грехопадение, единый Бог-Творец трансформируется в триединую Бога Отца и Сына и Духа Святого (нераздельную и неслиянную Троицу), но что до *мира*, то: во-первых, последователям Христа его необходимо отвергнуть, отряхнуть как прах от ног своих и *если и жить, то аки умереть*, но не стремиться к счастью, труду и творчеству, отвергнуть общественную и семейную жизнь, не избегать страданий и мучений и стремиться по возможности к мучениям (**стяжать мученический венец**). Смысл жизни, таким образом, в страданиях, ожидании смерти как избавления (ибо **жизнь – это юдоль слез и печали**) и в "*последжизни*".

Но все три сюжета: *сакральный*, вмещающий миссию Спасителя по высшему извечному замыслу божественной Троицы, *христианский*, вмещающий *полужизнь* (или *антижизнь* христиан, истинных последователей Спасителя (Иисуса Христа) – [греч. слово **Христос** представляет собой перевод евр. машиах (**Мессия**) и означает "помазанник". В русском языке термин Христос относится только к Иисусу из Назарета, фактически став его именем, в то время как термин "помазанник" относится к монархам (реже первосвященникам и пророкам) посвящённым в сан через помазание елеем, символизирующее дарование Святого Духа] и, наконец, *мирской*, повествующий о всех мирских событиях времени жизни Иисуса из Назарета, связанных с его миссией, составляют общий Роман о возникновении **христианства**.

Первые два романа относятся к Христу и его подлинным последователям, которые послушались слов Его: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо ... [только] кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее».

Третий роман повествует о всех нас, включая учеников Христа, отрекающихся от него, и Каиафу, и книжников и фарисеев (образованных людей, отвергаемых Христом, ибо Он пришел к грешникам и отверженным: блудницам, разбойникам, прокаженным, мытарям, стражникам, прокураторам, императорам и членам их семейств), разделяющихся и по отношению к христианству и по своим судьбам. Из этих те, кто признает справедливость христианского учения, верит в воскресение Христа и в то, что он Сын Божий, тоже называют себя христианами, что запутывает и их и нас в попытке понимания христианского учения.

Христиане ли Торквемада, истребивший половину Севильи, и папа Римский Иннокентий, роскошью своих дворцов затмивший императоров, и на коронации своей швырявший пригоршни монет в толпу римлян, восклицая: «Золото и серебро не для меня. Я отдаю тебе все, что имею!»? Социалисты ли те десятки миллионов, которые верили в построение царствия божия на земле, а теперь строят свое буржуазное благоденствие или нищее прозябание, причем многие из них неожиданно из атеистов стали христианами?

## 2. Трехединый роман

Но где же проходит *линия разрыва*? Она отделяет всех тех, кто взял крест свой и куда-то ушел, как Кьеркегор, отвергнув и мир и невесту свою, то есть отделяет «подлинных христиан» от остального мира, который многообразен, в котором существуют и сосуществуют и атеисты, и иудеи, и мусульмане, и социалисты, и посюсторонние христиане, ничем почти не отличающиеся от атеистов, и обыватели, которые и сами не знают, к кому они относятся, и я не знаю, и все мы имеем в себе много общего (если иметь в виду по крайней мере образованных людей), то есть работаем, читаем книги или даже пишем их, слушаем музыку, влюбляемся, разочаровываемся, мир не отвергаем, не ненавидим и ни плоть свою ни жизнь свою не собираемся отвергать.

К кому же обращена моя книга?

Во-первых, к самому себе. Я хочу понять до конца, что такое христианство, чем оно привлекает тех сумасшедших, которые готовы отречься от мира для *спасения своей души*, и готовы погубить свою душу во имя Христа, духовной любви и любви к Богу.

Книга моя обращена к моей несусветной дурочке, которая приблизилась к Богу и стала неожиданно счастливой, отвергнув меня. Если бы она отвергла меня ради мужа, я бы ее понимал, потому что это бывает и справедливо и несправедливо в разных обстоятельствах [перечитай, читатель, романы о любви и русских и европейских писателей], (хотя я полагаю, что можно разделять нежную дружбу с мужчиной, *не нарушая* ни религиозных, ни человеческих заповедей. Напротив, замкнуться в семейной жизни как в монастыре – значит сузить свой человеческий мир до почти христианской узости).

Книга моя обращена к нескольким из моих знакомых, которые еще в состоянии читать мои книги.

К кому еще можно обратиться? Дело в том, что все остальные не читают ни Толстого, ни Достоевского, ни Платона, ни апостола Павла, не прочитают они и меня, потому что я пишу неинтересно о неинтересных вещах, но они не читают и Тургенева и Флобера, и Гюго и Пушкина. Они не читают. Они иногда смотрят телевизор. Я уже не уверен, что они влюбляются. Возможно, что-то произошло с русским человеком, возможно, ему стало неинтересно жить. Возможно, ему, напротив, интересно жить и без той культуры, без которой не могли жить люди моего поколения и чуть позже.

Следовательно, не исключено, что эту книгу я уже буду дописывать только для себя, никто из других читать ее не будет, даже Бог ее не станет читать, потому что мы ему уже, кажется, надоели. Одни в него не верят, зачем он будет до них снисходить? Другие стоят на коленях и молятся, это наследие традиционных религий... (И потому естественно теперь продолжить мои рассуждения о свободе и рабстве, воспитываемых в человеке христианством).

Я все больше разочаровываюсь в мире, хотя мечтаю поехать в деревню и перестраивать баню. Чувствую по-прежнему красоту природы. Наслаждаюсь красотой женщин. Люблю музыку. Но что-то во мне истлевает, и надо искать новые основания жизни, и тогда уже написать совсем **новую Книгу**.

### 3. Свобода и рабство

Я уже целую книгу посвятил кликушеским рассуждениям русских философов, посвященным свободе, которую принес Христос человечеству, отказавшись в пустыне по искушению дьявола превращать камни в хлебы.

И таким образом он якобы сделал человека свободным, независимо от того, что кесарю он повелел отдавать кесарево, рабам повелел повиноваться господам своим, да притом не по необходимости только, а по велению сердца, с любовью, детям – повиноваться родителям, а жене подчиняться мужу.

Нет, и я не проповедую тотальное неподчинение всех всем, но я и тотальное подчинение не проповедую.

Но кроме того, будучи математиком, я **определяю** и **разделяю**, и этим я отличаюсь от всех философов – не то чтобы я был умнее всех, но при исследовании делимости проще отдельно рассматривать четные числа, отдельно нечетные, а среди этих – простые. При исследовании свободы необходимо понимать, что **НЕ** существует свобода феноменологически, она существует только как категория в мире идей, как существует равенство, равенство, вода и лед, но в пустыне нет льда, а в Антарктиде нет воды.

И вот поэтому феноменологически существуют крепостные крестьяне и помещики, рабы и рабовладельцы, сиракузский тиран и Платон, проданный ему в рабство (и жители Афин собирали деньги для его выкупа), охранники и заключенные, и хотя я не оспариваю тезис Христа «Познайте истину и истина сделает вас свободными», но даже сам Иисус Назаретянин не был свободен, когда был распят на кресте (особо упорных *диалектических христиан*, настаивающих на том, что зная истину, можно и в тюрьме оставаться свободным, я бы и сам продавал в рабство тиранам, пока они не воззовут к Богу, спрашивая, почему Он их там оставил).

Розанов среди всех, пишущих о «Легенде о великом инквизиторе», раньше прозрел, хотя и не до конца, но он уже понимал, что недостаточно не обратить камни в хлебы, нужно еще и исправить законодательство о семье и браке, и разрешить ему обвенчаться с незаконной супругой, пренебрегая *законной* Полечкой Сусловой. Но русская интеллигенция в целом так и не успела понять, что лозунги: «земля крестьянам», «фабрики рабочим» и «мир народам» – важнее крестьянину и рабочему, которым надо прокормить свои семьи, потому что они не успели понять истину запрета жениться и рожать детей, и внимали всякому слову хотя бы и из уст Божиих. Но и интеллигенты, и священники, и монахи, и узкие христиане и широкие прошли свои университеты сначала в Великую французскую революцию, потом в Русскую, по тюрьмам и лагерям, и на пустошах у расстрельных отрядов...

Схоластика заполняет умы и сегодня.

Истину не может познать человек, нищий духом, хотя и не обязательно всем кончать математический факультет, но нужно получать глубокое и широкое образование, как Иванов-Разумник, сначала в университете, потом «По тюрьмам и ссылкам», потом в плену и на чужбине (и я первый издал его Воспоминания в России в 93-м году и был первым Редактором Записок знаменитого русского редактора и писателя.)

Свобода разделяется так же, как и числа, которые бывают простыми и сложными, как и уравнения, которые бывают алгебраические и дифференциальные, вот так же существует «право наций на самоопределение», ограниченное волей и силой больших и сильных наций, порабащивающих нации малые или слабые, как Российская империя Польшу и Британская империя Индию или нынешняя уже менее сильная Британия порабащивает Ольстер, отторгая его у Ирландии, а Россия, совсем почти ослабевшая, удерживает Северный Кавказ, платя ему дань.

Таковы же гражданские права на свободу митингов и собраний и на политическую деятельность, в советское время существующие лишь как насмешка, когда граждане маршировали по принуждению с лозунгами в защиту правительства, те же, которые были с правительством несогласны, маршировали под конвоем в концентрационных лагерях.

Такова же свобода слова и печати, в современных условиях ограниченная лишь естественной дифференциацией власти и богатства: вот я пишу ныне, что думаю, но я не могу донести свое слово даже до тех немногих, которые еще не разучились читать, ибо для публичной литературной деятельности необходимо обладать начальным капиталом, чтобы проинформировать еще читающую публику о новом писателе и новом журнале.

Я полагал, что *свобода* – это *отсутствие ограничений*, нечто вроде отсутствия трения или шлагбаума при движении из пункта А в пункт Б, но оказывается, что средства массовой информации свободны лишь постольку, поскольку они принадлежат либо властным структурам, либо капиталу. Абсолютной свободой обладает только государство (в России). Все то, что декларировано законом как право, должно еще обладать возможностью реализации. Я имею право на пенсию, но государство ее у меня отобрало. Я имею право на труд, но работодатель предпочитает более молодых соискателей. Я имею право на жизнь, дарованную мне конституцией, но это государство лишило меня источников существования. *Что же с правом?*

"*Свобода есть осознанная необходимость*", проповедовал марксистский социализм, "*Познайте истину и истина сделает вас свободными*", сказано было в священном писании христиан, "*Труд сделает вас свободными*", висел лозунг на воротах Маутхаузена. Что-то общее видится мне во всех трех лозунгах.

В действительности же свобода – это взаимные отношения между гражданами, общественными группами, сословиями, между сословием и государством, между государством и гражданином.

Государство декларирует свободу как право, но она определяется теми возможностями, которыми обладают граждане и их объединения для влияния на государство; эти возможности должны быть поддержаны также государством, которое должно свою собственную власть разделить между независимыми друг от друга ветвями законодательной, исполнительной и судебной власти, контролирующими и ограничивающими друг друга в условиях неотвратимой сменяемости правительства. Теория **разделения властей** предложена Джоном Локком. Термин введён Шарлем-Луи де Монтескьё.

#### 4. Мир и Бог

**Бог** – это **Сверхбытие** или **Инобытие**. **Мир** – это **бытие**.

Человек живет в мире, состоящем из Природы и Общества, и зависит от того и другого. Зависимость эта неодинаковая, все в человеке определено природой, естественную (природную) основу имеет в человеке и мысль и чувство и воля и всякое состояние, ибо человек обладает тем, что называется телом (или плотью). Но человеческая индивидуальность есть синтез *телесного* (природно, плотского) и души, неуловимой и неопределимой, и для простоты дальнейшего разговора я не буду давать *душе* определения (как не дал я определения и телу, пусть его определяет наука, как душу культура в целом).

Но *инобытийное* пронизывает *бытие* или проявляется по крайней мере на *границе бытия*; существование *границы* я тоже не буду доказывать, человек в течение жизни в большей или меньшей мере сам соприкасается с нею.

Но существует еще Творец и Вседержитель Мира, который не является частью мира (то есть частью его пространства и времени) и которого никто никогда не видел, как утверждает и в священном Писании.

Его существование некоторые богословы и философы пытаются доказать или обосновать, большинство же более разумных утверждают, что подобно чувству и состоянию **любви**, связывающей человека с миром и его частями (во-первых, с женщиной, семьей и родом, во-вторых, с природой и культурой), существует чувство и состояние **веры**, неопределимое и трансцендентное (а как мы увидели, читая уже четвертую книгу, написанную мной о любви, чувство и состояние любви тоже содержит в себе трансцендентную составляющую и не очень определимо (хотя о ней как будто уже все сказано и к сказанному добавлять уже нечего).

Бог существует лишь постольку, поскольку человек испытывает состояние веры, и богословы и священники, разговаривающие с мирянами так, будто Бог существует несомненно и не верить в него грех, глубоко неправы. Только в иудаизме обязанность верить в Бога вменена человеку, как и остальные заповеди, почти юридически. В христианстве, хотя и в смутной форме, неопределенно, противоречиво, опровергаю себя постоянно, проступает право неверия. Апостол Павел говорит: *Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна* (следовательно, он даже допускает сомнение в воскресении Христа). Эти слова являются прообразом будущей **свободы совести**.

Но когда Христос говорит: *«Кто не со мною, тот против меня!»*, то Он отрицает свободу совести, как и марксистские социалисты (большевики), опутавшие Россию концентрационными лагерями и тюрьмами и заявлявшие: *«Кто не с нами, тот против нас»*. (И когда Достоевский говорит: *«Если Бога нет, то все позволено!»*), то он тоже выступает как мракобес, отрицающий свободу (будто бы защищавший ее в «Братьях Карамазовых») – нет, виселица и каторга перепугали его на всю жизнь! Перепугали бы они и меня. Я и психушкой напуган почти до конца.)

*Свобода – это свобода не верить в Бога. Свобода не верить в Истину, возвращаемую тем или иным учением.*

И слава Богу, сегодня такую свободу мы еще имеем, не приходят меня арестовывать за то, что я подвергаю критике христианство.

Но независимо от того, существует ли только Творец и Вседержитель (согласно иудаизму), или Бог-Троица, в обоих случаях возвещается о существовании Духа Святого (и Дух Божий носился над водами).

Вот этот Дух Божий пронизывает мир, как солнечный свет, и он ощущается почти всеми, даже и теми, кто не хочет его как-то называть. Но все его в некоторые возвышенные моменты причастия к миру ощущают. Ощущают и я, и часто, и несомненно, как свет и как музыку, как восторг и блаженство. Я и мыслю и понимаю мир (не только воспринимаю) как целесообразный, благой, прекрасный, именно поэтому я разошелся с мрачным учением отрицания мира и сосредоточения внимания на мире загробном. Более того, это тотальное самоуверенное навязывание истины всех текстов священного Писания, этой ненависти к любви и женщине и семье я называю духовным рабством. Оно и необходимо было для того, чтобы рабы в простоте сердца повиновались своим господам. Христианство – это несвобода. И напрасно спорили наши философы о свободе, дарованной Христом (и я с ними) за Круглым столом, за которым я их собрал.

Пределы их свободы ощутительнее всего в их постоянной присказке, которую они повторяют будто бы ха Христом *«Но да будет воля Твоя а не моя!»* – Христом был прав, ибо он был послан с особой миссией и обязался ее исполнить, как разведчик, отправленный в тыл к врагу – даже ценою жизни (как и русские воины). Но подобострастный отказ от собственной воли вызывает отвращение у всякого деятельного человека. Крестьянин пашет поле и выращивает урожай для пропитания семьи и царя, и если он будет спрашивать у Бога позволения собирать урожай, то даже и царь возмутится и пошлет урядника его наказать. Вот такое же отвращение у нормального человека вызывает современная женская мода спрашивать у *батюшки*, с кем им дружить или спать, словно бы слуги божьи посланы в мир надзирать за нами.

### **5. Церковь и священство – часть мира или неба?**

Маркс говорит, что человек переносит на небо те отношения, которые складываются у него на земле с земной властью. Но обычно земная власть, традиции, привычки и общественные отношения в наибольшей степени регулируют поведение человека, сакральное входит в мир как часть мира.

И только христианство раскололо земную жизнь надвое, оно стало словно геологической линией разлома горных пород, словно трещиной земной коры, словно линией разрыва в поверхности мироздания. Так было вплоть до победы буржуазных отношений над феодальными, когда человек относительно освободился от тирании Бога – Кесаря мира (и кесарю отдавалось принадлежащее и кесарю и Богу.)

По одну сторону этой линии разлома был уход от мира – по евангельскому тексту словно бы ха Христом с крестом за спиною, но в действительности в небытие, в сон, напоминающий жизнь, но в тяжелый сон, с ночными бдениями, постом и власяницею – во имя чего? Эта безумная жизнь описана Мэтьюриным в его знаменитом романе Мельмот-скиталец.

Спаситель отверг мир, но человек остался и живет в этом отверженном мире, худшем, чем он был до спасения.

Оправданием для мира является церковь – еще одно безумное противоречие христианства: казалось бы, ценою своей жизни Христос спас человечество, вывел его из окружения и вознесся на небо – но человек остался там же, где он и жил, и точно таков же, как был. Только смута разделила людей: одни продолжали жить и исправлять несовершенства мира, бороться с болезнями, кормить и утешать ближних, писать драмы и романы, воспевающие добро и обличающие зло, строить храмы и дворцы, другие боролись с культурой и цивилизацией, сдирали шкуру с Гипатии, сжигали Жанну Д'Арк и Джордано, мучили боярыню голодом, опустошали Византию в борьбе с еретиками, опустошали Германию в борьбе с Лютером, опустошали Париж в борьбе с гугенотами, разоряли цветущий Прованс в борьбе с талибами ... Но как бы эта земная церковь ни тщилась считать себя продолжением небесной, она была тем же феодальным устроением, что и власть сеньоров и королей.

Но я иногда в ужасе думаю – не было ли бы еще хуже, если бы она была лучше? Не застыл ли бы мир не на полторы тысячи лет, а на пять тысяч, как в стране пирамид, не стал ли бы он таким же незбылемым, как пирамиды?

### ***5. История как воплощение психологических типов человека***

Говорит материалист, что *мир – это хаос*, равнодействующая которого лишь сумма бесконечного количества случайностей. Но другой материалист говорит, что мир детерминирован, а следовательно лишен даже той свободы, которая есть в хаосе. Пытаясь рассуждать и понимать, я прихожу к тому, что пытаюсь доверять своему собственному опыту, в котором есть и любовь, и разочарование, и состояние веры, и видения, подобные видениям апостола Павла, и ощущение небесного чудесного влияния на жизнь хотя бы избранных (и я многое в своей жизни переживал как странное, необъяснимое, чудесное, вызволяющее меня из проломов бытия), и ощущение ужасной трагической оставленности, равнодушия неба к земле в целом и к частным судьбам, когда величественная империя, в 1913 году производящая впечатление вздымающегося ввысь исполина, вдруг в 1917 *опущенная* так, как в самой жестокой тюрьме не опускают самого презренного зэка, в 20 – 30 годах продолжающая опускаться в пучины мирового зла, затем в Мировой исполинской войне потерявшая своих лучших детей... Нет, пусть я даже один из самых умных, но я понимаю в этом мире еще меньше других. Возможно, это потому, что я пытаюсь понять этот мир во всем его многообразии, и в его чудесных порывах, и в его безумных падениях, и связать все запутанные и часто порванные нити бытия мне не удастся, другие же, то вглядывающиеся в мир словно бы в смерч, поднявший в воздух горы песка и мусора, то в некую дьявольскую мерзость (как христиане), то в сон, как буддисты, то в безмятежность, как конфуциане, то в схватку с неверными, как исламисты, то в мировую бойню, как большевики и нацисты, то в уничтожение слуг дьявола, как инквизиция... другие вместо подлинного мира видят одну из его примитивных проекций и их объяснения просты и понятны единоверцам.

Отчаявшись, я пытаюсь обратиться к идее Протагора, что именно *человек – это мера вещей*, и мир надо объяснять через человека.

Но человека, как и свободы, нет, но есть гражданская свобода, политическая свобода, духовная свобода, и есть мужчины и женщины и типы людей, национальные и психологические, отвечающие различным характерам и наклонностям. Не христианское учение увлекло часть человеческой пены в заоблачные веси, а часть этой пены создала учение, отвечающее ее химическому составу, в частности, это *люди лунного света* (по терминологии Розанова) создали себе Бога, образ мира и неба, стиль жизни, тип отношений между людьми, а поскольку и в море и в реке ветру подчиняются только слои воды у поверхности, нижняя же толща воды неподвижна, то взметнувшись ввысь, христианский тип человека захватил власть на две тысячи лет – но он не переменял всех людей, а только часть их, а в других переменял часть личности, и то незначительную, ибо большинство таково, что вчера он, *задрав штаны бежал за комсомолом*», сегодня клянется батюшке есть и спать как *батюшка скажет*, а завтра... поживем если, то увидим...

И вот пора вернуться к Писанию. Иисусу двенадцать лет. Он забывает родителей и родных и односельчан, и остается в Иерусалимской синагоге разговаривать с раввинами, пока его мать в слезах его ищет, и потом невинно спрашивает: *разве ты не знала, что где же мне еще быть как не в доме Отца своего?* Так как Иисус родился в типичной иудейской семье и был обрезан и исправно посещал синагогу, то эта картина сразу навеяла мне представление об его особом пути *книжника или фарисея, раввина или пророка...* а то и будущего скрипача, если бы он родился в интеллигентной современной еврейской семье. Но он стал бродячим проповедником, подобным Иоанну-Предтече, и только потому, что его художественный темперамент был необыкновенно высок, он (быть может, случайно) возглавил целую группу таких же как он *богоискателей и богостроителей*. Не надо другое время отгораживать непреодолимой стеной от нашего, и людей других стилей и эпох считать абсолютно отделенными от нас – за последние две тысячи лет почти ничего не изменилось в человеке, и если Савл врывался в дома, влача христиан, то разве наши комсомольцы, многие из которых были евреями, не так же ли яростно ломали старый мир, влача уже из их домов миллионы, как Ленин, как Троцкий, как Сталин? (И я думаю, что русским по характеру более свойственно быть жертвами, чем палачами).

Христианство – это яростное отрицание мира и проповедь его несправимости, необходимости его оставить! Но вместе с тем, перед тем как этот мир покинуть, Христос своим ученикам повелевает создать Церковь (*Орден меченосцев* у Ленина), и никто более яростно не рушил старый мир и не переделывал его как христиане! Зачем? Он же Сам сказал, что мир поврежден несправимо, и даже Его жертва на кресте в состоянии только потом после конца света воскресить праведников (тех как будто, кто будет аки во гробе на столпе ожидать безучастно этого воскресения), но вот же и крестовые походы, и сожжение книг, и сожжение людей, и битвы с еретиками (так же сжигающими но как будто несколько иначе) – зачем?

Возвестив трансцендентное бытие и оставление мира, христианство осталось здесь и начало крушить и строить. А потом пришли большевики и заявили, что *весь мир насилья мы разрушим* и начали крушить и строить...

Это уже был противоположный тип человека, не отрицающих мир как таковой, но пришедших его переделать – но поведение их было тем же. Отличия правда были – эти не верили в Бога и хотели обобществить женщин (как о том мечтал Маркс). Но, вероятно, противоположности сходятся...

А что же делал я в 12 лет? Я начал писать роман об Отечественной войне (и именно поэтому через пятьдесят лет я отправился не в Крестовый поход, не призвал отряхнуть прах мира от сандалий своих, а, во-первых, нашел могилу отца, во-вторых, влюбился).

Разъяренный читатель скажет, что разве соизмеримы мои крохотные частные деяния и всемирно-исторические разломы истории?! По моему мнению, совершенно соизмеримы. Коперник был смиренным священником, но он совершил переворот, сравнимый с переворотом христианства. Шикльгрубер был довольно посредственным писателем, но, вероятно, вздымалась независимая от него волна национализма, новой идеи, у которой еще многое впереди, и эта волна взметнула его ввысь. Не он ее создал, а она его создала, как еще раньше волна социальной справедливости создала Ленина и Троцкого. Но и Ленины и Троцкие существовали всегда, и когда пришел срок для того, чтобы их тип личности был востребован историей, они, как случайные среди множества деятелей этого типа, были взнесены ввысь.

#### **6. Но это еще не все. Буддизм. Святые. Подвиг.**

А что же тогда, в созерцании, в бесстрастии, в молчании? Да, христианство представляет собою не только отрицание мира, но и европейскую разновидность буддизма, и те из них, кому претило переделывать человека в *церкви воинствующей*, заимствовали у Иисуса его *кротость* (ибо он был соткан из противоречий, и хотя переворачивал скамьи в храме и выгонял менял, но в мире призывал ничего не менять, оставляя все так, как есть).

Он был во многом одним из таких проповедников, каких тогда было много (как и Иоанн-Креститель), и призывал к *покаянию* и *исправлению*, и многие пошли именно за этой стороною его учения. Но так как он пришел к грешникам, то пошли за ним грешники. Но так как в центре христианства *Первородный грех*, а пришел он прежде всего и даже *только* для того, чтобы исправить последствия этого греха, то ринулись за ним с одной стороны раскаивающиеся блудницы, с другой – "люди лунного света". И именно из них и сформировалось большинство в армии святых. Во-первых, Мария-Магдалина. Во-вторых, Мария Египетская. (Ах, как убог этот тип святости!)

Много святых среди тех, кого принуждали отречься от их веры, но они устояли и не отреклись (не то что апостол Петр).

Многие святые – те, которые, напротив, отреклись от мирских радостей, подвергнув себя мучительной жизни (эти мне непостижимы, поэтому не буду оспаривать их подвиг). Известнейший среди них Серафим Саровский.

К какому же типу святых относится старец Зосима у Достоевского? Как ни странно, он не представляет собою "христианского святого". Он разговаривает с паломниками, дает им советы, но не терпит лишений, не совершает подвигов мученичества, живет обычной жизнью в монастыре. И человек он совсем не узкий, образованный и помимо *таин блаженства*, и совсем не

похож на известных подвижников, например, на Игнатия Брянчанинова, проповедующего отвлечение к "любви от движения крови".

Чтобы понять место *святых* в рамках мира и широкого "третьего романа о христианстве", обнимающего собою и наш мир, и мир потусторонний, рассмотрим человека вообще в его отношении к **подвигу**.

Религиозные подвижники в различных религиях отличаются по типу существенно, поэтому не буду говорить о буддистах и тем более о мусульманах, взрывающихся вместе с иноверными и даже своими.

Представим себе привычный нам тип *подвижника* христианского. Это человек постный, богобоязненный, кроткий, живущий по воле Бога, не пьющий, не Дон-Жуан и даже не Дон-Кихот, в огороде выращивает он, быть может, цветы (хотя скорее всего время проводит в молитве, замаливая грехи свои и чужие), читает что-нибудь из "божественного" (если читает и умеет читать), в праздных разговорах время не тратит, скорее всего сосредоточенно молчит, созерцая небесное.

Но мы живем в мире. Даже монастырскую жизнь изнутри мы знаем плохо, преимущественно по отзывам тех, кто оттуда вернулся в мир (кто там остался, оттуда гласа не подает), и эти ничемное праздное прозябание в монастыре обличают, даже сами оставаясь подвижниками, как великий ученый академик Ухтомский, окончивший Духовную академию и проведший в монастыре три года. К мирским подвижникам естественно отнести Коперника, написавшего книгу, взорвавшую христианские представления о естественном мире. Ну и почти всякая женщина, родившая пятерых и более детей и их всех воспитавшая – *подвижница*.

Тех же из наших мирских, чей подвиг кажется даже большим, чем подвиг многолетней матери, называют **героями**, и каждое государство почитает их и отмечает наградами и памятниками и народной памятью. Таковы Суворов, Кутузов, Александр Невский, матрос Кошка, сотни тысяч героев трех Отечественных российских войн, начиная с войны 1812 года, коей посвящен величайший эпический роман современности «Война и мир». Вот эти подвижники и герои в миру по характеру и поведению представляют собою абсолютную противоположность христианских святых, они гордые, дерзкие, бесстрашные, женщины их любят и ими восторгаются, современники и потомки помнят и стараются подражать. Если ограничиться разделением высшего типа человека на *христианского подвижника* или святого и на мирского *героя*, то очевидно следует из такого разделения и разделение мира на два типа бытия: **христианского мира мертвых и естественного мира живых**.

И кому служат те и другие? Что святые хорошего сделали в своей жизни для мира? И кому кроме Бога они угождали? А герои защищали Россию, в том числе и церковь, и монахов, и духовенство, и даже тех *истинных христиан*, которые взяли свой крест и пошли за Христом, и тем самым отделили себя от работы и подвига и творчества на благо мира (который, как они полагают, находится под властью *князя мира сего*.)

Моя мать родила и воспитала пятерых детей, теперь у нее есть и внуки и правнуки. Мой отец на Безымянной высоте отдал свою жизнь для спасения солдат своего минометного взвода, прикрывая их отход.

Кем же горжусь и я и мои родные, кому подражают? Разумеется, моим родителям. И таковы и все нормальные люди в русском народе, коих абсолютное большинство. Кто из них ненавидит и презирает и мир и жизнь, и стремится *жить аки умереть*? Кто из них отказывается от любви, труда и творчества, соглашается с тем, что *культура внушена бесами*, как учат все христианские богословы? Кто из них, когда *двое становятся единой плотью*, как говорится в Ветхом Завете, остерегается от неблагопристойных движений и испытания страсти, как повелевает Блаженный Августин?

Большинство тех, кто иногда приходит в храм и думает о себе, что он христианин, не читали не только Игнатия Брянчанинова с его ненавистью к любви между мужчиной и женщиной, но не читали ни Ветхого ни Нового Заветов. Они не читали и римских писателей Первого века нашей эры, когда христиане только появились, а это было бы поучительно хотя бы для тех, кои считают себя людьми хоть немного образованными. Правда, в условиях, когда дьявольское государство объявило настоящую войну культуре, образованию и науке, когда закрываются естественные факультеты университетов и число преподавателей сокращается вдвое и помещения университетов сдаются в аренду, трудно ожидать от современного человека подвига чтения.

Он скорее согласен на подвиг веры, который для него заключается в том, чтобы жить теперь, как батюшка скажет, что противоречит, впрочем, даже *церковному катехизису*, и церковь должна бы запретить своим священникам насаждать среди паствы вопиющее мракобесие.

### **7. Но и это еще не все. Мы пока живы.**

**23 мая, понедельник, 10-50.** Но еще не весь мир сошел с ума, не все памятники зодчества снесены с лица земли религиозными энтузиастами (как еще недавно, даже на моей памяти, они уничтожались энтузиастами антирелигиозными, в частности, были взорваны храмы на Сенной площади, на площади Труда и Греческая церковь, на месте которой построили безвкусный «Концертный зал»). Да, человек чаще всего дик и невежествен, особенно под водительством еще более диких и невежественных, чем он сам.

Какие Заповеди я могу сформулировать в назидание человеку, каким я хотел бы его видеть? Какие черты в нем хотел бы я насадить (как садовник в огороде, как редактор в художественном произведении, как учитель в классе)?

*Сострадание. Любовь к труду, творчеству, природе и культуре.*

*Любовь к женщине, семье, народу.*

*Спротивление страху смерти, мужество и женственность.*

*Верность в любви и дружбе.*

*Следование долгу, забота о слабых.*

В чем смысл жизни – в вечном радостном блаженстве после смерти или *временной жизни здесь – с горестями, любовью, состраданием, заботой и долгом*? Будь человеком, говорю я, и тогда Бог, если он есть, не оставит тебя!

Я пишу эту книгу, чтобы осмотреться в мире и увидеть его естественные очертания. Милую я не верну... Может быть, она будет счастлива, я ей желаю счастья от всего моего уязвленного сердца. *А я хотя бы верну сам себя.*

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

*ПРЕДЕЛИЩЕ вместо МЕТАФИЗИКИ*



## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

### **ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ МИРА**

#### *1. Схема христианского мировидения*

*23 мая, вторник, 18-55.* Сегодня сдал Заявление о незаконном лишении меня пенсии в Городскую прокуратуру. Ждать ответа около семи недель. Завтра пойду в Пенсионный фонд переводить остальные выплаты (детские деньги и компенсацию за психушку) тоже на почту. Удастся ли мне победить царя Ирода и его Иродиаду, не смею даже мечтать. Но будущее покажет...

Удастся ли мне хоть что-либо в жизни, тоже покажет будущее, но кажется, что покажет мне когда-нибудь будущее кукиш и больше ничего.

Успех, известность, богатство – это или химера или чудо. За химерою я гонюсь, пока еще ноги держат, о чуде мечтаю, но ...

лучше я продолжу свою злополучную книгу, которая тоже ничего не изменит в моей жизни. Все еще колеблюсь, не сходить ли в ту поликлинику, где она работает, чтобы узнать, все ли благополучно в ее жизни – только для того, чтобы утешиться, если все у нее хорошо. Уже не ее любовь волнует меня, я хочу только узнать, что она счастлива, и тогда я не буду страдать...

*21-00.* Итак, я уже сформулировал, что в христианство входят три романа, один из них, центральный узел всей коллизии – *грехопадение, трансцендентная порча мира, искупление греха смертной жертвой Сына Божия, воскресение Его и обещание воскресения праведных.*

Второй, более полный религиозный роман, обнимая собою первый, представляет *ветхозаветный образ бытия, в котором сакральное и мирское соединены как единство Бога и избранного им народа, которому Он обещал покровительство и спасение.* Это синтез Израиля небесного и земного.

Христианство вторгается в эту стройную концепцию, заменяя единого Бога-Творца и Вседержителя на Божественную Троицу, а избранный народ Божий на некий единый вселенский народ христов, в котором несть ни еллина ни иудея (и такое отвержение родового и народного отвечает, конечно, общей идее отрицания полового диформизма как порока, и чувственной любви как похоти, ибо **порча мира есть следствие грехопадения, то есть половой любви. Поэтому праведная жизнь должна состоять в том, чтобы не жениться и не выходить замуж и ожидать конца света.**)

(И вот эта человеконенавистническая теория предлагается как высший сакральный смысл бытия!)

Третий полный роман обнимает собою синтез действительной жизни и вмещенного в нее желательного идеала. Формы и содержания этого романа расходятся в иудаизме и христианстве наиболее полно. Центром желательного идеала жизни является жизнь вне мира (в монастыре, скиту или церкви), исполнение ветхозаветных заповедей, в частности, любовь к Богу, любовь к ближнему, любовь к царю (кесарю) и рабовладельцам и жизнь в миру в согласии с теми правилами, которые выработаны церковью для мирян.

Вот краткое в который раз изложение схемы христианской жизни.

В эту схему не входят Илиада Гомера, «Война и мир» Толстого, ни наука, ни философия, ни труд, ни образование, ни мирная жизнь, ни воинские подвиги. В нее не входит даже рождение детей, потому что Рождество Христово представляет собою суррогат человеческого семейного продолжения жизни (и так как всё в Новом Завете противопоставлено человеческому, то и рождение Иисуса противопоставлено естественному рождению человека). В нее не входит даже смерть, в одних случаях она заменяется чудом воскресения, в других повелевается *оставить мертвым хоронить своих мертвецов*, тем же, кто избирает путь Христов, следует немедленно взять крест свой на себя и идти за Спасителем. [Противостояние человеческому так тотально, что кажется, будто заключено своего рода соглашение, в котором предписано, чтобы все, что относится к Иисусу, было инобытийно: родился непорочно, от девы, без зачатия; но и после рождения, как об этом пишет Розанов, Мария осталась девою; с женщинами у него не даже душевных и дружеских отношений (но было с их стороны преклонение); отношения с учениками описаны сухо, так что они тоже не похожи на дружбу; семья как будто ничего не значила в жизни Иисуса; трудился ли он где-нибудь, учился ли, занимался ли творчеством – об этом ничего не говорится; даже то вино, которое он пил на свадьбе, он претворил чудесно из воды. Такое чувство, что вочеловечившись, Иисус не стал человеком, словно бы люди были ему неприятны – да он преимущественно и обличает их, особенно талантливых и образованных. Где он был такой же, как все? Ведь и мы, люди, все неодинаковы, но мы не противопоставим другим, тем более не отделены от других словно бы завесой или стеною. Самый заурядный одновременно и *всеобщий* и *особенный*, даже и я таков, рожденный Марией. Так как мой отец был отправлен на военные сборы 1 мая, а родился я одновременно, то есть 1 февраля, то зачат я был ночью 30 апреля за несколько часов до отъезда его на войну, и родился и вырос без отца, но образ его меня осеняет до сих пор. Хоронили моего отца на Безымянной высоте его сослуживцы, но я через пятьдесят лет искал и нашел его могилу. В семье меня любили и я родных моих тоже любил. Были ли у Иисуса дедушка и бабушка, принимали ли они участие в его воспитании? Говорится, что Он происходит от Авраама, но словно в насмешку над здравым смыслом генеалогия ведется от Иосифа, его отчима. Я тоже не происхожу от Авраама, зато мой предок, казак Чернышев, был заместителем Ермака, что для сибирского народу не меньше, чем Авраам. ... и так далее...]

Какая жизнь *истиннее*, наша жизнь, *грешных мирян*, или жизнь *истинных христиан*, возненавидевших мир и удалившихся от мира?

## 2. Скопцы ради Господа

Не буду нас сравнивать ни по уму, ни по образованию, ни по труду, ни по творчеству, ни по добру и злу, но лишь по грехам, что и является основным критерием, разделяющим людей в христианстве. И Иисус сравнивает христиан со скопцами, он говорит: *«ибо... есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного»*. Если грех есть основной критерий истинной жизни, то очевидно, что христиан можно уподобить только скопцам.

И тогда очевидно, что жизнь христиан истиннее.

И тогда очевидно, что был прав Иисус, когда говорил, что он пришел нас **разделить**. Но из всех разделений самое точное, это разделение на человечески чувствующих и на скопцов. Следовательно, человечество и разделяется на эти два основных разряда людей.

И христиане – это те люди, которые *сделали или стараются сделать самих себя скопцами для Царства Небесного*. Их скопчество относится не только к женщинам, оно тотально, оно разделяет наш мир на два мира, на **мир естественный** и *инобытие*, или **антимир**.

И в мире проходит линия разрыва, через которую мы почти не в состоянии переходить. У них все своё (как у старообрядцев свои даже кружки и ложки и веники в бане, которыми они не делятся с другими), своя истина, своя анти-красота, своя логика, свое добро и зло (правильнее сказать, что они ставят себя над добром и злом). И поэтому бессмысленно далее спорить, существует два способа жить, они по своему счастливы в своей жизни, но когда кто-нибудь из нас оказывается среди них, его жизнь превращается в ад.

Есть ведь и голубые и лесбиянки, ну что можно поделаться? Ужасно только, когда какие-нибудь из *особенных*, в частности скопцы, захватывают власть над миром, охмуря нормальных людей и затем превращая их жизнь в ад.

### 3. Причастие

Есть еще одна тема, о которой я уже начинал говорить, много говорил Розанов, – это особенное отношение христиан к крови. Приобщая и приобщаясь к своему братству, они стремятся союз своей *скрепить кровью*, делая глоток вина при причастии и вкушая облатку пресного хлеба. Вино и хлеб символически представляют для них кровь и плоть Христовы, и они заставляют себя верить в то, что происходит мистическое преобразование вина и хлеба в подлинную кровь и плоть, и те священники, которые подлинно чувствуют при этом вкус крови, считаются самыми возвышенными.

Соединение с Христом в *причастии* нас от них отделяет еще более, чем даже соединение двух в одной плоти.

И сколько общего у христиан и с подпольщиками-революционерами и с разбойниками. Подпольщики меняют имена, и Симон становится Петром, а Савл – Павлом, и даже Иисус из Назарета становится Христом (т.е. *Помазанником*, Спасителем).

Разбойник висит с ним на Кресте, и будет сидеть одесную Царя Небесного, грешная покаявшаяся Магдалина оплакивает его и приходит ко гробу.

Но **кровь, кровь** – это важнее всего! Разбойников соединяет чужая кровь, пролитая ими, христиан – и нас всех, даже не христиан, – соединяет с Христом кровь, которую мы вкушаем после литургии в вине, и которая мистически преобразуется в подлинную кровь Христову. Но есть еще худшее, воистину ужасное, и не случайно в своей «Сахарнее» Розанов пишет об ужасе, которым окутано христианство и которое навевается им: Сын Божий пролил свою кровь за нас, чтобы искупить и оправдать нас перед Богом, но даже помимо тех, которые кричали «Смерть ему!» – разве его кровь не на всех нас, разве не кажется нам, что мы все вместе соучаствовали в его заклании, а теперь еще продолжаем пить его кровь??

#### 4. Изращенный мир

Как странно, что символы *инобытия* (которое я представлял себе как нечто более высокое и прекрасное, чем здешнее бытие), так грубо заимствованы христианством в бытии, и составляют в нем нечто не высокое, сверхъестественное, а нечто **неестественное**: таково душевное скопчество – повеление не жениться и не выходить замуж и не рожать детей ради, возможно, того, чтобы уподобиться ангелам; таков отказ от любви даже душевной, которой противопоставляется придуманная любовь духовная (об этом у Розанова обстоятельно и исчерпывающе, и я не хочу его повторять зря). Таковы повеления не заботиться о завтрашнем дне, не трудиться. Такова ревность к культуре, которая часто даже ненавидится как соперница...

Но мы к христианству привыкли, только поэтому не замечаем в нем многое безобразное и неестественное, таково больше всего **причастие, елеопомазание** (и на царство, и в пророки, и в первосвященники), освящение (с окроплением святой водой) жилищ и подводных лодок, порицание театра и танцев, чурание светской литературы, крещение человека без его ведома (крещение младенцев)...

Обычай ставить свечи во здравие и молиться за больного, правда, вполне естествен, но ведь часто истинноверующие настаивают на том, чтобы эти молитвы были не в дополнение к медицинскому или хотя бы знахарскому лечению, но ВМЕСТО них!

Я не порицаю все обряды, красочно и красиво и даже полезно венчание, праздник совершеннолетия, отпевание умершего (как и поминки), но надо ли в трагический час прощания с жизнью, когда помочь и утешить могут родные и врач, просовывать руку священника?

Впрочем, да будет каждому по его вере или неверию...

#### 5. Человеческие жертвоприношения: ЗАЧЕМ?

Сравнительно с Розановым мне почти нечего добавить, я всего лишь комментирую его исследования сущности христианства.

Во-первых, многие нелепости связаны с троичностью Бога, с тем, что Сын Божий словно бы и родился не только как человек, но и как Бог только с рождением Иисуса в Вифлееме, несмотря на христианский догмат о предвечном существовании Троицы – в иудаизме, из которого произошло христианство, был единый Бог-Творец и Вседержитель.

По воле Бога-Отца (*Да будет воля Твоя, а не моя!* – восклицал Иисус даже на кресте) Сын был принесен в жертву покаяния за человечество.

Далее привожу выдержки из книги Г. Г. Мурикова «В. В. Розанов: Христианство. Еврейский вопрос»: [Исследуя причины обрезания как жертвы Богу], «Розанов делает свой категорический вывод: „Именно, что разница между «Молохом» и «богом Израилевым» весьма и весьма неуловима: *первый был не так жесток и бессмысленно кровав, как нам теперь кажется, а второй не есть вовсе бескровный и водянистый или словесный «бог»...*

(...) Общий закон Моисеева ритуала [обрезания]: *помазание кровью и окропление кровью. Приближительно как у нас – помазание миром и окропление святою водою*”. ....

Здесь мы должны заметить, что ... эта же мысль имеется и в ортодоксальном христианском вероучении, в котором она приобрела иносказательный и аллегорический характер. Вот свидетельство Ап. Павла (Евр. 10, 1–4):

«Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними.

Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов.

Но жертвами ежегодно напоминает о грехах,

Ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи».

Иными словами «несовершенная» жертва, рекомендуемая Ветхим Заветом, заменяется как бы «совершенной» – *жертвой Сына Господня* – Иисуса Христа. Однако так представляется дело только с точки зрения христиан. Для иудеев же Христос вовсе не Мессия и не Спаситель. Поэтому жертвы [иудейские] неизбежно должны продолжаться.»

Итак, человек ГРЕШЕН. Грехи должны быть искуплены КРОВЬЮ. Праведная жизнь, покаяние, искупление грехов при помощи добрых дел ничего не меняют, грех остается. *Принесение в жертву животных отчасти умиловливает Бога, но эти жертвы не снимают и не отменяют греха, пока не принесен в жертву Сын Божий.* (Да и то не видно, чтобы что-то существенно изменилось: точно ли по воле Отца Иисус-Галилеянин пошел на Голгофу? *Евреи так и думают!!!*)

Кровь в основании всего. Христианство пытается отменить природное в человеке, но с Историей все иначе. Сначала оно провозглашает, что *отныне все новое, новая земля и новое небо*. Потом Иисус велит создавать церковь и проповедовать евангелие и ждать Второго пришествия (первое, значит, оказалось неудачным). Но для чего же он продолжает мучить своих христиан и всех нас своей ненавистью к земной любви? Или он подозревает, что сам он дитя земной страстной любви, и что не соединение полов виною, а *любовь*, которая и привела к соединению полов, причина незаконного рождения?

Так или иначе, христианство с своими гонениями на природу человека осталось, внятного объяснения, почему любить и рождать детей – грех, так и нету, проповедуется какая-то муть (по мнению Розанова) о *духовной любви к человеку* и о вдыхании ему теплого воздуха в зловонные уста (рассказ Ивана Карамазова), ничего в мире не меняется в связи с христианским влиянием – точнее говоря, многое меняется в текущей жизни, то есть происходят крестовые походы и избиения гугенотов и лютеран, и Германия обращается в руины, но существо жизни если и меняется, то только под влиянием культуры и науки и промышленности и *социального прогресса*.

Итак, изменить ничего нельзя при помощи даже праведной жизни, говорит Бог евреям, и требует жертвы кровью, хотя бы символической, при обрезании – или это жертва подтверждения Завета между народом и Богом?

Иисус приносит себя в жертву – но для чего он устанавливает ритуал **Причастия** (вместо обрезания) – или это тоже кровавое подтверждение Завета между христианами и Богом, где проливается кровь божественная?

Итак, мы все повязаны кровью: евреи со своим Богом *кровью обрезания*, христиане – *кровью причастия*.

Добрými делами спастись нельзя, доказывает апостол Павел (не повторяю, уже многожды мы все говорили об этом.) Следовательно, спасение в чем-то ином, более существенном, более иррациональном, даже трансцендентном. Апостол Павел причиной спасения называет **веру** как особое состояние человека, меняющее и его самого и весь мир. Но, увы, необходимость **причастия** уже указана Учителем (хотя он же говорил и о вере, которой достаточно даже с горчичное зерно, чтобы силою веры начали совершаться чудеса).

И поэтому недостаточно ни того ни другого ни третьего – но достаточно ли хотя бы их всех, то есть добрых дел, веры и причастия?

### **6. Что привлекает христиан к христианству?**

Я этого не знаю и понять не могу. Что нас привлекает в женщине, я словно бы объяснил: *природный закон* – половой инстинкт, направленный на размножение и дающий наслаждение, чтобы нас им соединить; способ существования души и мира как эстетическое, то есть красота женщины, этическое, то есть потребность жалеть и защищать и стремление к истине, логическое (толком эту сторону нашей привязанности друг к другу я не знаю). И, наконец, трансцендентное, то же, по существу, что лежит и в основании веры. И вот я чувствую, вижу, переживаю так и всю природу и Бога, что любовь к женщине, трансцендентная составляющая этой любви и привязывает нас и к миру и к Богу одновременно. Любовь же к Богу, проповедуемая в семитских религиях, необходимо противостоит и природе, и человеку, и миру в целом.

Когда я говорю, что в *любви к женщине* содержится все, я имею в виду, что из этой любви все вырастает как из семени, то есть и дети, семья, род, народ, культура, история, необходимость трудиться и оправдание труда и радость от труда, забота и творчество и радость от них. Говоря о том, что любовь к Богу противостоит и миру и человеку, я подтверждаю свою мысль непосредственным созерцанием бытия: не только взрывы бомб, уносящие невинные жизни (без сожаления) в террористических актах, не только революционные жертвы (в уже цитированных книгах Мурикова и Розанова говорится подробнее), не только уничтожение Пальмиры в Сирии сегодня, но и уничтожение Серапеума и Библиотеки в Александрии вчера.

Любовь к женщине человечна (гуманистична), любовь к Богу заставляет жертвовать человеческими привязанностями и человеческим в самом человеке, и снисходит до *любви к ближнему как к образу божью* в этом ближнем (видите, как выпренно и витиевато?!) И вспомните К. Леонтьева: ***Добро, которое не для Бога делается, это зло.*** (Ужасно, не правда ли?)

Но что же привлекает?

Приведу примеры из жизни, которые меня представляют в наилучшем свете, но что-то во мне дополняют.

Я знакомлюсь с женщиной, она дает мне для редактирования рукопись, в которой герой – привлекательный голубой юноша.

Повесть написана мастерски и увлекающее, и даже притупляется естественное чувство отталкивания от подобного рода «любви».

Далее она меня знакомит с молодой девушкой, и мы втроем где-то на задворках на скамейке ночью целуемся и пьем вино, они – любовницы, и предлагают мне поехать к ним в гости и присоединиться к взаимной любви.

Всякого рода искушений в моей жизни бывало не так мало, и я не делал усилий им противостоять, я словно бы бросал весла и не греб ни в ту ни в другую сторону, а лодку несло по воле волн, пока она не переворачивалась, не достигая цели. Так и теперь они меня, пьяного, усадили в трамвай и повезли, но вдруг девушка потеряла сознание (что-то в июньском воздухе появилось цветочное, что вызвало в ней такую сильную аллергию). В итоге вместо поэмы Платона и Сократа о любви (которая и у них была неестественной), пришлось вызывать врача и укладывать ее на больничную койку, а мне отправляться, уже протрезвевшему, домой.

В другой раз у дома на скамейке я пил пиво с юношей, который мне исповедовался и очень жалел, что я *не такой*. Оказывается, в чем-то я, считающий себя исключительным, даже всеобщий.

Но, увы, мои романы связывают меня с женщинами, завет которых быть верными тому, кому они отданы, а мой завет – оставаться верным поневоле и постигать всю силу и пользу страдания.

Вот так, мой читатель, перед тобою самый неблагонамеренный и самый добродетельный мужчина на свете. Увы, увы...

Может ли кто-нибудь объяснить, что привлекало Платона к юношам и почему его противоестественное привлечение восторженно, с придыханием, называется *платонической любовью*? (Такая же противоестественная, как и *любовь духовная*).

Что-то в человеке не так... Во всяком случае, человек делится на две группы: у одних все так как надо, но они объявляются слугами дьявола, приверженцами *похоти плоти* и *похоти очей* и математики, внушенной бесами; у других все не так, но эти-то и угодны богу: не способны к труду и творчеству и даже рождению детей, иногда занимаются разбоем (но вечером оказываются одесную Господа), подрабатывают на панели, но попадают в сонм святых... Не знаю, что привлекает к христианству. Если не извращенная природа и невозможность любить женщину и жалеть всякого страдающего человека, значит, страх смерти.

### 7. Сумма характерологических черт

Отвлекаясь на пристрастие (по Розанову) евреев к крови (но у христиан такого пристрастия еще больше, они вкушают кровь на причастии), я перезабыл все то, что еще хотел добавить. Особенность Розановской критики христианства состоит в том, что он таким образом его не унижает, а словно бы мистифицирует. Не знаю, испытывал ли он то **состояние веры**, которое имеет в виду апостол Павел, когда происходит отвержение небесных врат, но он испытывал благодать непосредственного сопричастия к церковному таинству в его синтезе, когда ангелы воспевают, даже если врата и не отверзаются.

Я испытывал и то и другое, но ничего существенного сказать читателю не могу. Да ведь и апостол Павел, восхищенный до седьмого неба, сообщает только факт, но не пишет симфонию, в которой передавалось бы состояние ликования от пребывания в раю.

Симфонию пишет Бетховен, и даже в меньшем, в сонатах, отверзаются земные врата, через которые мы подходим к небесным.

Влюбляясь, я испытывал иногда подобные, как мне кажется, состояния. И хотя я не написал ни рассказов, ни стихов, достойных таких состояний, подобных стихам Пушкина и Лермонтова, но я еще надеюсь, что когда-нибудь напишу и художественные произведения, которые произведут впечатление на читателя, а не только комментарии к чужим сочинениям.

Но, в общем, я благодарен судьбе за то, что она мне дала именно такую сумасбродную жизнь: две-три математических важных теоремы, на которые математическое сообщество не обратило внимания; книги, которые я написал в последние годы, на которые тоже почти никто не обратил внимания – но написанные умно и изящно; стихи, среди которых немало выразительных и совершенных по форме (но я обладаю хорошим вкусом, поэтому не могу их поставить на ту высоту, которой надеялся достичь). Могло случиться и так, что литературная судьба сложилась бы удачнее, меня бы печатали, отчасти читали, и даже я не был бы настолько нищ, как сегодня, так что в пятницу начну ломать свою уже разваливающуюся баню, но так как нет денег, чтобы купить хотя бы одно лишнее бревно, буду строить из нее баню в полтора раза меньшую, да еще и навар и яичная скорлупа останутся: обрежу сгнившие части бревен на дрова.

(Чем дело кончится, читателю я сообщу).

Но какие же черты в христианстве вызывают еще во мне неприязнь?

Проповедь борьбы с гордыней и елейно-умильно-коленного смирения (нет, такие не потащат девчонок в кусты!)

Покорность воле божией и воле обстоятельств, царя, начальства, татаро-монгольского ига и власти помещиков и чекистов.

Страх божий и любовь через страх (к богу, ближнему, ??)

Равнодушие к собственному народу или даже неприязнь к нему. Равнодушие к природе. Отвращение к культуре (нельзя держать на одной полке Лермонтова и Игнатия Брянчанинова, Лермонтова и Пушкина надо выбросить на помойку).

Равнодушие к человеку, отсутствие сострадания к нему, сочувствия и заботы. Несть трудолюбия и творческой энергии. Равнодушие к красоте.

Эксплуатация крестьян, сочувствие к богатым, а не бедным.

Порицание науки и образования, идущие еще от проповедей Христа, в которых обличаются и книжники и фарисеи (образованная часть еврейского древнего общества).

Обыденного, обычного христианина, не отвечающего тому типу одностороннего человека, который представлен выше, не вызывает у меня отторжения. Да таковых и большинство, принимающих в учении и церкви то, что отвечает характеру современной жизни и отвергающих *кабалу святош*...

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ **ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ**

### *1. Необычный человек в мире*

Как многие хвалятся тем или другим, то однажды и апостол Павел заговорил о том, чем бы он мог похвалиться, и его похвальба весьма характерна, она представляет христианина в идеальном виде. Надо ли удивиться, умилиться или, напротив, пожать плечами?

Хвалятся красивой и любящей женой, достойными детьми, иногда и родителями (хотя в их достоинствах нет наших заслуг), верными друзьями – и зазорного нет в этих похвалах, они говорят о хвлящемся многоречиво и хорошо, хотя, впрочем, иные и промолчат, и скромность их тоже похвальна.

Хвалятся богатым и хлебосольным домом, лошадьми, полем и огородом, то есть усадьбой в целом, и это тоже достойно, если только не выказывается слишком назойливо богатство как таковое, в чем часто и нет высоких заслуг.

Хвалятся хорошей работой и успехами в ней, творческими достижениями (но эта похвальба должна быть умеренной) – и сие достойно.

Можно хвалиться здоровьем и силой, и это не плохо – но надо соотносить всякую похвальбу с тем, перед кем хвалишься.

Чем хвалится апостол, отделяет христианина от всякого другого человека трансцендентной пропастью. У римского писателя Теренция говорится: *«Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо»* – и хотя сие двусмысленно, но все же, что христиане говорят о себе, их просто отгораживает от человека, и звучит так: *«Я христианин, и посему все человеческое мне чуждо!»*

И это мы увидим теперь из "похвальбы" апостола Павла.

Сначала он замечает, что жил *«не по плотской мудрости, но по благодати Божией»*, и далее *«Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться. Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных: вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо. К стыду говорю, что на это у нас не доставало сил. [И всё же] если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я. Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. ...*

*... И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. ... Но Господь сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи".*

И я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, *которым для меня мир распят, и я для мира.»*

Жизнь мне дана даже не только как *юдоль слез и печали*, но прямо как уже репетиция адских мучений – говорит апостол и действительно этому радуется. Но хотел ли бы он, чтобы такая жизнь выпала его детям, его родным и близким (которых у него, впрочем, нет?

## 2. Мои родители

Гордость за свое происхождение, за то, что он еврей и израильтянин, и из рода фарисеев, присутствует в посланиях апостола, еще не все человеческое ему чуждо, поэтому и я осмелюсь похвалиться родителями своими.

Отца моего все любили, он был красивый и добрый человек, заботился о своих родителях и братьях и сестрах, женился по любви и был счастлив узнать, что у него родился сын. Погиб он в возрасте 28 лет, на Безымянной высоте, спасая своих солдат.

Мать моя была красавица, родила всего пятерых и вырастила и дала образование, хотя сама немногие книги начала читать только в старости, когда я стал издавать их и сам сочинять. В городском обществе, когда она бывала у нас в гостях, она производила большое впечатление своим умом и умением держать себя достойно с образованными и необразованными без различия.

И вот я задумался о том, что христианство демократично, отношение его к людям существенно отличается от отношения людей культуры, чувствующих себя аристократами только по уму и таланту, на какой бы ступеньке социальной лестницы они ни находились; христианство презирает культуру и образование, утверждает, что *блаженны нищие духом*, презирает красоту и не гордится ею, оно презирает и добрые дела и добродетели и даже праведность (вот почему восклицает праведник, что *его добродетели смердят пере Богом*). Так как целью является *спасение собственной души*, а оно не зависит от духовной высоты (которой мы гордимся), от успехов в созидании себя как доброго человека (ибо спасается и разбойник и шлюха, только горячо уверовав и покаявшись, и при этом я не замечаю, чтобы отмечалось, что они возвысились как добрые или добродетельные), то христианство никоим образом не выставляет путь улучшения человека в противостоянии добра и зла, для христианства такое противостояние не существенно, оно не озабочено им! Что *«дьявол с Богом борются и поле битвы сердца людей»* показывает всю глубину непонимания христианства Достоевским, и так же как насаждение нравственности понимал его Толстой, то есть глубоко бездарно.

Христианство, вообще говоря, не о добре и зле, оно совсем о другом. И **Первородный грех**, весь узел христианской истории, не состоит в каком либо плохом поступке, в воровстве, клевете, обмане, предательстве... Ева с Адамом из любопытства съели плод (который открывал им дверь к познанию сущности вещей), воспылали друг к другу – в чем никакого зла нет, и потом... ну, ясно... а в *этом* какое же зло, поелику они никому еще не обещались?!

## 3. А чем же мне хвалиться?

Я хвалиться люблю. Родителями уже похвалился, родные и близкие мои были тоже хороши. Родился и жил я до семнадцати лет в Сибири, народ там был более независимый, чем в Европе, более умный, талантливый, красивый. Школа у нас была одна из лучших в России, работали там ссыльные, даже выпускники Петербургского университета. Девушки были почти все красавицы, а юноши талантливы. И красавицы отвечали взаимностью своим талантливым влюбленным, и в 16 – 17 лет я успел влюбиться не в одну и даже целовался.

Да, девушки были ко мне благосклонны, хотя я был *так себе*, зато теперь понимаю, что все злключения моей жизни, и болезни, и немощи (которыми, и не следует гордиться), с лихвой покрываются их медовыми поцелуями. (Это у христиан извращенное понимание смысла жизни, у них считается, что надо **стяжать мученического венца**, и кто *стяжал*, был расстрелян или распят, тот и достиг смысла жизни. Христианство, вероятно, меня отчасти тоже формировало, и я тоже мечтаю, чтобы это дьявольское государство, которое меня унижает и мучает, ненавидит меня и преследует, потому что оно само состоит из бездарностей и невежд и всех образованных и талантливых ненавидит, а не только меня, все же перед смертью меня расстреляло... но у меня еще есть моя *миссия*, порученная мне от Бога в семь лет, и я ее должен успеть исполнить, это меня тоже волнует, а не только мечта о расстреле...)

Но продолжаю. В университете я получил прекрасное образование, изучал математику, астрономию, физику, много читал, бегал в театр и филармонию, слушал музыку с пластинок, потом ходил на Музыкальные среды к Юрию Борисовичу Перепелкину, сблизился с его семьей и ближним окружением, и вчера с женой мы были на концерте в честь столетия со дня его рождения на Невском в Культурном центре Образцовой, там были его дочь и сын, они были еще детьми, когда мы с К. приходили студентами на эти Среды, была дочь другого коллекционера, Любославского (на его вечера мы тоже приходили, да и еще вся компания бывала на вечерах у Людмилы Петровны)... Ну, о том, с какими замечательными людьми столкнула меня судьба, я раньше уже много писал, повторяться не буду, но похвалиться не грех!

Друзья меня тоже любили, не только девушки. Мученичества, однако, в моей жизни хватает, *девушка* меня бросила, другой тоже батюшка не велел встречаться со мною, и Манон вдруг пропала, а друзья и подруги так перемешены с моей трудной жизнью, что мне трудно уже решить, где я счастлив, а где несчастлив. Издаю я журнал, печатаю свой кружок, они все ждут, когда «старость пройдет» (по выражению Льва Толстого), и часто приходится мне возиться с ними как с малыми детьми. Да еще иные выпивают, а мне нельзя, болит сердце, и они вгоняют меня в гроб. Да еще некоторые подруги вдруг возмняются, что я самовлюбленный эгоцентрист, а я, увы, тоже нуждаюсь и в утешении, и в том, чтобы иногда со мною возились, как с малым дитем. Да кстати еще и деревенские дети, мне теперь даже книжки и конфеты не на что стало им покупать, я и говорю, что дьявольское государство в буквальном смысле слова обобрало меня до нитки, уже четыре месяца я ничего не получаю, все запечатано, кроме дыхания. (взялся, с отчаянья, за издание книги, за что заплатят, хотя с зимы так уже устал, что впору отдохнуть хоть в одиночной камере).

Но пока я похваляюсь почти как христианин, те похвалятся тем, что их гонят и ненавидят за дело и слово Христово, а я тем, что меня, напротив, все любят кроме государства. Но сие все мало говорит о том, каков человек, не по христиански судя о мире, надо говорить об истории и деятельности, не о том, что ты сокрушил себя, отверг *жизнь от движения крови* и замуровался в склепе, а о том, что же ты хорошего, доброго и нужного и красивого сделал, кого пожалел и кому помог и о ком позаботился.

К внуку Паше, 2 года и 3 месяца, вчера вечером не успел, думал перехватить его после садика на прогулке, но шел дождь, а в квартиру я заходить не хотел. Но доброе заключается в том, что он радуется, когда нас с бабушкой видит, но христианам этого не понять, у них **весь роман жизни посвящен Богу**, на человека у них не остается души (притом что и душу они призывают распять, заменив бесплотным и бесчувственным духом у Бога).

Сегодня заседание в Союзе, зайду к красавице, которой недавно дарил цветы (хотя она и собирается меня прогнать вместе с цветами), утешу ее, что до осени она меня не увидит, отдохнет от моих бесплотных и почти не действительных притязаний... Кстати, недавно по дороге в метро спорил с одной очаровашкой, она порывалась усадить меня на освободившееся место, и я ей сказал, что *тление* меня, как и христиан, удручает, но я пытаюсь пересоздавать себя в форму, ускользающую от времени, хотя бы в *трагедию* (вот как Дон-Кихот на последнем крушении жизни), и что им, прекрасным, тоже не сладко, другого меня, молодого и беззаботного, трудно найти, и хотя я хуже того, но и лучше, не уверен, что стал бы меняться даже с собою на двадцать лет раньше... Да я вас не отталкиваю, сказала она, вы мне интересны и симпатичны, **но мне уже посчастливилось стать несчастной...**

Но хвалиться хочу я не неподвижным Парменидовским бытием, равным самому себе, я ускользающим временем. На днях жена в интернете нашла Круглый стол о Данилевском, его «России и Европе», все интересно говорили, сегодня, оказывается, философия и учебные университетские курсы её не представимы без его теории культурно-исторических типов и даже без его Антидарвинизма, а я с двадцатилетнего возраста мечтал его переиздать, в 94-м году судьба столкнула меня с Галактионовым, всю жизнь занимавшимся им (марксистом и материалистом, но глубоким и талантливым и образованным человеком), и мы работали над этой книгой (а я не имел ни грамма исторических знаний, но он все мои замечания учитывал и поправки принимал, и что-то во мне есть помимо образования! или даже выше его) и потом обмывали мы эту книгу в Петровском зале университета (возможно, в нем пили последний раз в истории!!!), и я ее пытался продавать в Государственной Думе и подарил Зюганову и он защитил диссертацию по ней! И не только Радзивиловскую летопись я издал и Дионисия Ареопагита и Греческие музыкальные рукописи, и жития протопопа и боярыни и инока Елифания, но и множество других книг, и немаловажных, хотя меня и посадили в тюрьму, объявив мои книги не существующими! Мой «спор поэта и власти» тоже должен еще закончиться в пользу поэта, хотя бы и единственный раз в истории!!!

И журнал **МЪра**, и не нужный никому журнал «Русские страницы» (только из сочувствия к кружку писателей, которых я собирал в 2002 году, надеясь, что из нашего собрания что-то путное получится), и затеянный теперь Новый русский журнал, и тридцать лет Литературно-музыкальных вечеров, которые до сих пор помнятся его участниками, и работа учителем и преподавателем математики... Не все я затеял по уму, не все удавалось... Но разве я не могу гордиться восьмью годами моего редакторства и десятками писателей, на которых я повлиял благотворно (они об этом говорят сами), и «поисками могилы отца» (которую я нашел), и 12-ю книгами, которые я написал!?

#### 4. *Мой народ*

*26 мая, четверг, 11-09.* Как изба не стоит без четырех углов, так и сия глава не завершена без четвертой главки. И здесь я буду хвалиться не собою, а тем миром, в котором я живу. Я на свой народ вскипаю часто негодованием, ибо он часто ведет себя как христианин, «терпит, когда его поработают, когда объедают, когда обируют, превозносятся, и бьют в лицо.» Но все же и народ вскипает иногда бунтом, хотя и *бессмысленным и беспощадным*, но без него история была бы совсем безумной и несправедливой, и Русская революция, погубившая Россию, подвела итог трехсотлетнему Дому Романовых, нельзя вечно строить храм Империи и Культуры на слезах и поте и крови *большей* части народа. Кончился прахом этот бунт, тупых, невежественных и еще более жестоких народ взгромоздил себе на шею – и все же «есть народ и народ!» Одни стоят на коленях перед Богом и царем и поклоняются всякой власти, другие и работают и любят, и рожают, и пишут книги, и одерживают победы – вопреки!!!

Вот это одна из моих задач – показать, что как Бог безучастно взирал на гибель и страдания России и народа, так и власть бездарно изливала реки русской крови. Победу одержал мой отец, и он оплатил эту победу своей кровью, а чьи отцы не погибли, те и права не имеют говорить от имени народа и от имени победы! (простите меня те, кто и не виноват ни в чем, но это все же именно так!!!)

Народ к счастью разнообразен, если бы он состоял из одних рабов божьих или господских (а у христиан это одно и то же, потому что во-первых все рабы божьи – и это будто бы достойно – но повелевается и раба быть покорными своим господам не по долгу только а в простоте сердца), то не было бы бунтов даже бессмысленных, но все же природа иногда вскипает и в раздавленном человеке – но не для того ли и пришел Мессия, чтобы призвать к покорности? Не потому ли его и поддержали власти Римской империи, что призвал он к покорности?

Народ же разнообразен, и пьет и веселится, и рыдает, но утешается, и от моря до моря прошел все земли, и то по бревнышку скатывал храмы, то по бревнушку раскатывал их, но все же он ждет и нового слова, а что меня не читает, то ... да кого он читал? Маркса что ли? Или апостола Павла? Видит он мои книги и ужасается, а за рюмкою говорит – да ты и ничего будто мужик?!

Значит, я еще не научился писать так, чтобы книги мои были вняты живым и не тревожили мертвых... Если еще не умру, то попробую научиться.

#### 5. *Такой же как все*

Я вочеловечился до конца, даже до того, что не только нет власти, признания и богатства, как и у всех, но и от несчастной любви страдаю, как все, и воскреснуть мне не удастся. Но за "Историю философских идей" все же примусь, что-то мне *и сквозь тусклое стекло* видится неспроста, вот, например, Парменид созерцал Бытие как неподвижное тождество, отрицая небытие, которое не созерцается, но ведь и движение (по Зенону) несостоятельно, и мир феноменологического, связанный с временем, не существует как данность, а в каждое мгновение разрушается?!

### 6. Литература

«Как батюшка скажет» – это выражение является символом, вмещающим трагедию современности.

В России в 19-м столетии литература и театр замещали и религию и церковь, такое же значение имел этот век и в Европе – не для народа, а для просвещенного сословия. Свое значение, несмотря на эпоху грандиозных геологических сдвигов, и литература и театр не утратили и в 20-м столетии, несмотря на то, что из литературы была насильственно удалена философия.

Воистину, 19-е столетие было возвращением к самой глубокой античности, к эпохе Пелопонесских войн, когда философия, а не авгуры, формировала человека, когда человек и человеческое были и воистину *мерюю всех вещей* – и то, что происходит сегодня, это катастрофа, читателей меньше, чем пишущих, и связь творческой мысли и творческого воображения с читателем прервалась. **Миф** – это предлитература и предфилософия, несмотря на некоторые особенности его, отчасти и возвышающие миф над философией за счет того, что полусонное, неясное, таинственное, непостижимое, относящееся в значительной степени к *трансцендентному*, а не к рационально-метафизическому, в мифе сильнее – но в мифе человек и его культура и его подлинное бытие – тоже еще полусонны, в нем еще мы чрезмерно подвластны богам и демонам, в нем мы еще словно бы не вкусили плод с таинственного древа или не искушались Змием или совсем не искушались, еще не прервали пуповину, связывающую ребенка с матерью, и нас еще подстерегают опасности того хаоса, когда отцы пожирают своих детей. Не в том ли и состоит кровавая жертва кровавым богам, **жертва умилоствления, а не жертва покаяния и искупления?**

Языческие религии, таким образом, были связаны с Хроносом, пожирающим своих детей, приходящих ему на смену, и дети его умилоствляли, именно в этом состоял смысл жертвоприношений. Иудаизм, приводя миф о Первородном грехе, не ставит его на центральное место в своей космогонии, в центре стоит миф о Завете между Богом и человеком, но Авраам, пытавшийся зарезать Исаака, это символ последней кровавой человеческой жертвы, отныне заменяемой жертвой агнца. Все меняется с рождением Иисуса. Религия запутывается и чрезмерно усложняется, что само по себе привлекает к ней извращенные умы, стремящиеся найти глубину и мистику не в *понимании и глубине*, а в загадочности (женская, кстати сказать, особенность), но что кардинально изменяет содержание некоего трансцендентного разрыва, лежащего в основании человеческой истории. Человек приходит на смену демонам и богам, дети уходят из родительского дома и начинают жить своей собственной жизнью – но в этом уходе нет вины и преступления, и каяться не в чем, плод с древа познания добра и зла вкушается оправданно (как и огонь, принесенный Прометеем человеку, приносится им оправданно, хотя Прометей и терпит наказание от завистливых богов).

Христианство символизирует собою важнейшую перемену в отношении человека и Бога. Бог-Отец древних евреев собирался им быть воистину отцом (и хотя, по примеру всех других отцов, заботился о своих детях небрежно, относился к ним все же снисходительно, не обременял порицаниями, эту

миссию взяли на себя пророки, то есть гувернеры) – но Христос переменял весь вектор истории, весь смысл ее, не только онтологию, но и эсхатологию (а в соответствии с этим изменилась даже и гносеология).

Произошла, я бы сказал, чудовищная подмена всех матерьялов исторического процесса, он из исторического превратился в судебный, познание и творчество заменились вечным искуплением каторжника, вместо девиза Сократа «*Познай самого себя!*» на лбу человека как клеймо выжжено и горит «*Распни самого себя!*»

Безнадежно спрашивать, кто прав из двух, Сократ или апостол Павел, ибо в выборе пути проявляется воля и направление, замысел и желание. Есть люди мыслящие и деятельные, есть слабые, дрожащие, не смеющие оторваться от мамкиной юбки. Одни стремятся построить дворец и театр, другие – келью вместо всего. Одни стремятся пить жизнь широкими глотками, другие пробуют ее только лизнуть языком, одни обнимают женщину как высшее сокровище своей души, другие ее стремятся уничтожить – или *потребляя* или *отвергая*.

В юности, оказавшись перед распахнутой дверью, за которой для меня маячили самоубийство или монастырь – или трудная, безумная, наполненная слезами и смехом, восторгом и разочарованием, болью и радостью жизнь – я сознавал, что шагнуть в послебывтие из блаженства, даже не заметив перерыва (и время должно было, как мне казалось, трансформироваться само собою в вечность – заманчивее, чем дойти до конца времен и в муках сделать последний шаг – но ... быть может, я предчувствовал, что мне суждено еще разгадывать загадки, которые жизнь только начала передо мною ставить, не только ради самого себя, но и ради тех, кто меня любит и кто мне дорог.

Яснее чем когда-либо, я понимаю, что христианство – это распытание человека без вины. (Хотя, как ни странно, я уже не сетую на свои три кратковременных заключения, из которых второе, в 2002-м, на экспертизу, продолжалось всего месяц, без них я бы ничего не сумел в жизни понять – и не для того ли улетела от меня моя ласточка, чтобы эта боль помогла мне окончательно преодолеть соблазн христианства?)

Мифы пытаются привязать человека к архаическому бытию, к *предбытию*, следовательно, к своего рода детству человечества, и этим, вероятно, объясняется их привлекательность, и не все мифы так унижают человека как миф христианства, в котором соединились воспоминания Иисуса Назаретянина о своем собственном детстве, и чудовищно преображенные им под одним только углом зрения воспоминания о детстве человечества, сводящиеся к выводу, что неотменимая вина лежит в рождении: символическом – Евы, вкушившей запретный плод, естественном – любого человека.

Христианское богословие запуталось в объяснениях Первородного греха: заключается ли оно в том, что Ева ослушалась запрета, оказалась своенравной, непокорной девчонкой, и поэтому требование послушания и смирения проходит сквозь все христианство как заклинание; или в том, что «Ева согрешила» в том самом, в чем, по мнению всех родителей, и грешат их дочери (по их собственному, надо сказать, примеру) – и ненависть к женщине и требование воздержания и даже запрета рожать детей еще более заполняет Учение.

В центре мифа Бог, человек занимает в нем подчиненное положение, христианские авторы, пишущие назидательные тексты о правильной жизни, о спасении, о любви к Богу, все однообразны, они цитируют Священное Писание в доказательство какого либо из простейших утверждений, например, что *любовь* (от движения крови) *пагубна*, что сколь сладостна любовь к Богу или к ближнему... а чему же еще учат христианские писатели? Я в замешательстве, возможно, позже перечитаю кого-нибудь из них, потому что неожиданно во мне полностью девальвировалось все то, чему они учат, и превратилось в простую бумагу, испещренную бессмысленными словами...

Человек существует как центр мира только в литературе, и в ней он достоин самого себя, и хотя литература повествует чаще всего тоже не обо всем, что наполняет нашу жизнь, а преимущественно о **любви, рождении и смерти**, но читатель не презирает человека, а сочувствует ему.

Философия и история не антропоцентричны, человек в них вторичен, мерой вещей он является прежде всего и только в *литературе*, и только она по настоящему человечна (гуманистична).

Но многое странно. Те, кто еще что-либо читает, читают любовные романы или авантюры. *Литература* посвящена только человеческому, Бог в ней присутствует принципиально не так, как в духовных текстах, он наделен чертами и свойствами, ему не присущими, которые духовной литературой отрицаются, читатель соперничает Толстому-романисту и никто никогда не читал Толстого-моралиста и Толстого, сошедшего с ума христианина, таких как я один на миллион. Содержанием жизни всех даже оголтелых нынешних православных являются любовь, измена, семья, работа, творчество, дружба, развлечения, литературные (у писателей) встречи... но разве они не знают, что и литература не от Бога, а от дьявола, и это доказано всеми теми, кто у них даже стоит на полках, но кого они не открывали, и доказано, что Толстого и Пушкина нельзя держать рядом с Иоанном Златоустом, а выбросить на помойку (и Толстого христианской эпохи даже еще скорее), и Гоголь Пушкина по настоянию *батюшки* так и поступил (как и моя ласточка), и Пушкина выбросил, а через несколько дней умер от отчаяния...

У Иоанна Златоуста я прочитал толстенный пятый том (из семи), посвященный фразе апостола Павла о нетварном свете... меня упрекают, что я многословен... но сколько же томов надо написать христианину, чтобы только прокомментировать (не объяснить) одну фразу апостола?

Странное вдруг почти откровение я почувствовал: из нас всех, спорящих, только я немножечко христианин, наши все верят в своего собственного языческого Бога, которого они очеловечили, они верят в того, о котором и я отчасти пишу, сына Марии из Назарета, страдающего, **разочаровавшегося в жизни**, создавшего свое сектантское учение, отвергнутое его народом, и *распятого же за ны* (как они думают), и в третий день воскресшего. Вот все, что они о нем знают, вот все, во что они веруют. Ни Константин Леонтьев с его страхом Божиим, ни письма о девственности Иеронима, ни толстовство Толстого с его противопоставлением злу, ни... ими не поняты и не прочитаны.

Они верят не в Бога, а в человека, ставшего Богом, пророка и проповедника, я гораздо более их христианин – но надо ли мне с ними спорить?

### 7. Что же, если не вера?

Что означает вера и чему она противостоит, следует не только из анализа текстов, но еще более из истории, из самой человеческой жизни, из того, как он в ней устроился, как спорит, как защищает свои человеческие права и как их сдает всем сильным и самоуверенным.

Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в царствие небесное – казалось бы, богатство осуждено, бедность возвеличена? Но и богатство не осуждено, и бедность не возвеличена, две великие идеи скрепляют христианство сильнее цемента и бетона: неизменность жизни и ее устройства, заповедей Моисеевых, *рабы, повинуйтесь своим господам, жена да убоится мужа, живите в страхе Божиим!* – эти три заповеди сильнее нагорной проповеди определяют взаимоотношения людей. И даже *«отдайте кесарю кесарево а Богу богово»* – это не символические нравоучительные сентенции, а сущность политического устройства, власти кесаря человек должен подчиняться (и всякой власти, ибо **несть власти аще не от Бога**), власти Бога поклоняться, то есть церкви и духовенству. И феодальное общество устроилось как общество трех-ипостасное: *государство и власть кесаря и феодального сословия во-первых, церковь и власть духовенства во-вторых, и народ, существующий для обеспечения этих двух властных сил.*

Но чему **вера** противостоит? Она противостоит человеку и состраданию к нему, исламский терроризм и шахиды это зримо подтверждают сегодня, но разве христианство было иначе? Крестовые походы, в том числе против собственных отпадающих от власти Ватикана или правящей церкви народов и частей народа (катаров), войны в Германии против Лютера, Гуситские войны, избиения гугенотов и, напротив, католиков в Ирландии, преследование староверов в России, борьба с троцкизмом, меньшевизмом, промпартией, раскулачивание, революционные войны Франции – это все борьба веры против маловерия или инаковерия, борьба веры против гуманизма и культуры. Сегодня знамя этой борьбы у ислама, но это только сегодня, не объясняйте все сегодняшним днем, оглядывайтесь и на завтрашний и послезавтрашний.

*А что же вместо веры?* – негодуяще восклицает православный или католик, думая, что вместо веры уже конец света, так и сегодня наш невежественный и умиленный и вкорененный в коленопреклонение и верноподданничество народ восклицает: *«а кто же вместо Путина?!»*

**Вера или Пальмира, вера или Александрийская библиотека, вера или любовь.** Вера не смеет и помыслить о том, чтобы допустить еще что-нибудь кроме веры, *Кто не со Мною, тот против меня, Кто не с нами, тот против нас!* Если и любовь, то к образу Божию в человеке, но не к человеку как таковому.

Вера противостоит всему человеческому, противостоит и так называемому гуманизму. На Ницше все ополчились за его запальчивое утверждение *«падающего толкни»*, а что же Христос с его *«лучше один загнивший член отсечь, чем позволить истлеть всему телу!»*? Из этого и выросла Инквизиция, еще при жизни апостолов!

*29 мая, воскресенье, 18-44.* Возвращаемся в город, в четыре часа дня вышли из дома, с пяти часов 40 минут ловили попутку, и вот, о радость, нас подбросили до въезда в Окуловку, не взяв ни копейки, отсюда мы идем не спеша, предвкушая радость, заходим в придорожный магазин, покупаем бутылку жигулевского пива (то же, что в старые добрые времена, только тогда за 37 копеек), на остановке автобуса (а это тихая улочка, параллельная шоссе) *распиваем*, и мы счастливы – после работы на огороде, 4-х километров по шоссе по жаре, изнывая в ожидании попутки...

Через полчаса приходит «Ласточка», и я буду писать о счастье, которое если и не является всей целью существования, всем смыслом жизни, то все же помогает *жить и выживать*. Жизнь не у всех и не всегда безмятежна, и хотя монахи и богословы проповедуют **язвы и терния** в помощь праведности, но мы, обычные, не страстотерпцы, не фанатически верующие, не подавленные страхом Божиим так, что боимся и жить и хотя бы немного радоваться, не отталкиваем от себя ни теплые дуновения, ни счастливые взгляды, ни ласковые улыбки.

Мы не призываем пытки и казни, не мечтаем стяжать мученический венец перед смертью, не радуемся, если брат или сестра сподобились попасть в зев льву или крокодилу, не растрavляем себе раны физические и душевные, и если и выбираем крест, то как обувь или одежду, чтобы не жгло и не жало.

И вот мы, обычные грешные люди, образованные или не слишком, не глупые, не жестокие, добродушные, общительные, даже, быть может, начитанные в Священном Писании, едем в скоро поезде Хабаровск – Москва в конце августа 64-го года. Я навещал мать и родных около Тайшета, казалось бы, уже пресытился «дарами природы», огурчиками и помидорчиками с грядки, молодой картошкой, бражкой и самогонкой, банькой и морсом и малиновым квасом, и все же на станциях выбегаю на перрон и прицениваюсь к разнообразной снеди. Поезд до Москвы идет около четырех суток, мы уже успели перезнакомиться, и мое предложение выпить по стопочке вызывает всеобщий энтузиазм. Самый длинноногий бежит в магазин на вокзальной площади, остальные трое закупают горячую картошку с маслом, посыпанную мелко нарезанным лучком и укропом, бутылку домашнего холодного пива, кусочек сала, каравай домашнего же хлеба, малосольные огурчики... да, пожалуй, все. Мы студенты, нам по двадцать лет, бутылка на четверых не обременит ни умы ни желудки, да домашнее пиво так радует разгоряченные тела и утомленные души, что кажется, что жизнь – это рай, а неприятности – всего лишь рабочие командировки из рая.

Мы уже городские, пьем по городскому, мелкими стопками, но говорим горячо и воодушевленно. Почему-то в те годы почти не возникало ни ссор ни разногласий ни по каким поводам, стремились мы к радости и справедливости, надеялись, что еще при своей жизни исправим все неурядицы мира, к власти относились насмешливо, хотя почти все были марксистами, о христианстве почти не говорили, философом в компании был только я один, буржуазный образ жизни порицали, к женщинам относились пылко и нежно... странно... странно, что так переменялась жизнь с тех пор и так разобщила людей, так что и выпить «по душам», сочувственно, почти не с кем.

Да, решено, завтра же покупаю бутылку кваса (хотя настоящего русского кваса уже и в природе нет), покупаю холодное пиво (без водки), делаю окрошку, встречаюсь с В. и С., и мы устраиваем пиршество в память тех простых радостей, которые перепадали и самым простым людям, не ищущим «царствия божия», не обремененным «страхом Божиим» и безумной «любовью к ближнему», но работающим от души, заботливым к близким, помогающим тем, кто нуждается в помощи, отвечающим на всякую *любовь от движения сердца* не менее *чистосердечной любовью*, а ненавидящим – равнодушием (но не противоестественной любовью, как советовал Учитель)...

Размышляя о христианстве, воочию видишь, что словно бы существуют две жизни, протекающие в параллельных мирах: одна жизнь подлинная, в которой люди рождаются, взрослеют, учатся в школе, институте, влюбляются, обзаводятся семьей, работают, воюют, совершают подвиги и научные открытия, развивают культуру, бывают и в церкви, как и в театре, даже венчаются, думают о смерти, с тревогою или ожиданием, но *не ждут конца света*, заботятся о тех или других близких и иногда далеких, но *«не любят ближних»* – и существует жизнь как сон, наполненная церковными праздниками, чтением церковной литературы, литургией и причастием, событиями в области веры и церкви, ожиданием конца света и воскресения, слухами о чудесах, пророчествами и предсказаниями. Если это жизнь монаха, то ее уже ничто не может испортить, если же это жизнь мирянина, то это глубоко несчастная жизнь человека, обделившего себя жизнью...

*Полночь.* Уже успели вернуться, напились чаю и даже ринулись спать. Жаль, что я уже не христианин, и не могу *хвалиться немощами моими*, тем более перед девушками (хотя, впрочем, из читателей у меня остался один мужчина, и из женщин одна соглашается со мною встречаться и пить за несчастную любовь (старинная подруга, из-за которой я тоже когда-то плакал, вот она и замаливает свои прошлые грехи), но читать меня уже не в силах, другая, с которой я пытаюсь подружиться, читать меня пыталась, и, вероятно, попытки продолжать к чтению больше не будет, но разрешила мне изредка к ней заходить в рабочую комнату у нас в Доме писателя (кем она там работает, я, правда, *не вел*), и даже, кажется, согласна, чтобы я приносил ей цветы – будем называть наши складывающиеся отношения как и в актерском мире: *я ее поклонник*, она – актриса того театра, который имел в виду Шекспир, когда сказал, что *«весь мир – театр, и люди в нем актеры!»*

**30 мая, понедельник, 14-51.** Осталось два майски весенних дня и начнется лето, которое и меня раздражает иногда комарами и мухами, на которых жаловался Пушкин (*Ах, лето красное, любил бы я тебя, когда б не зной, да комары, да мухи!*). И окрошка откладывается по крайней мере до четверга...

Накопилось множество дел по обязательствам перед авторами, заказчиками, издательствами, родными, друзьями, да еще надо купить билеты на следующую поездку в деревню и обратно...

И самого главного я пока совершенно не понимаю: *чем же привлекают Христос и христианство тех, кто называет себя христианами – из самого разного разряда людей, и «лунного света», и из грешных, таких как и я?*

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ **ЧЕМ ЖЕ ПРИВЛЕКАЕТ ХРИСТИАНСТВО?**

### *1. Все и "другие"*

Иногда кажется, что большинство людей представляют собою что-то общее, одинаковы мужчины, одинаковы женщины – но это не совсем так, по каким-то признакам люди похожи, по другим немало между собой отличаются, и даже если пренебречь не слишком значительными признаками, наберется разных групп слишком много; правда, многое зависит от того, какие характерные признаки для разделения мы выбираем. Разделим всех пока следующим образом: одних отнесем к НЕнормальным (например, *людей лунного света*, по Розанову, лесбиянок, голубых, совсем сумасшедших, из которых рекрутируются юродивые, затворники, молчальники, столпники), других к нормальным – но все же нормальные разделяются еще на множество групп, если всех *ненормальных* считать за одну группу. И чтобы не обижать тех, кто как Иероним, Августин, Игнатий взъерился на женщин и на любовь к женщинам (за то, что... не будем уточнять, за что, но в каждом случае что-то же их подвигло возненавидеть любовь?!), назовем всех этих, разнообразных, не сумасшедшими, а – *другими*.

И оставим их в покое, из них рекрутируются самые подлиннее христиане, но выясним, чем привлекает христианство таких же, как я, в меру пьющих, влюбляющихся, талантливых (и враги мои этого не отрицают... да врагов у меня и нет, государство меня обглаживает, но как-то безлично и бессмысленно... и иногда я слышу что-то вроде стона: *да разве мы уничтожаем тебя?* Да мы бы давно уже тебя раздавили, просто повернувшись с одного боку на другой, вот ты уже дожил черт его знает до каких пор, а тебе вон только что даже Манон позвонила и собирается завтра встретиться!.. Ну и щиплем, и кусаем, и пьем кровь... но не всю же кровь выпиваем?! И стонешь по ночам, и то болит, и другое – да ведь бегаешь еще за девушками, чего тебе еще надо?! Да, нет славы, богатства, благосостояния – но был в деревне, баню топил? Спиллил половину черемухового куста, нависавшего над огородом, и топишь черемухой, а мы и сами не знали, что она горит! А еще ездил к писателям их текст редактировать, тебя еще щами накормили и денег грозятся дать... ну и что, что деньги у тебя забирают... но ты ведь ищешь обходные пути, чтобы получать их?! Да и жена тебя кормит, а у других жены хуже, а некоторым вообще приходится своих жен *посылать*, а то и подруг нет!?)

Хватит, хватит, все понял, кричу я, больше не буду!

Итак, христиане в основном *другие*. А христианство?

### *2. Такие как все*

Но мы, *не особенные*, разнообразны. Выделим из нас две-три группы, обнимающих собой большинство. Во-первых, тех (среди них могут быть и очень талантливые, и очень красивые, и очень умные), кто *совсем* как все, и их несет общий ветер в общую сторону. Когда **все** были комсомольцами, они были комсомольцами, когда все стали христианами, они перешли в христиан.

Итак, чем привлекает их христианство?

Не знаю. Они этот вопрос самим себе, быть может, даже не задавали, и при приеме никто не донимал их, мол, объясни, почему и зачем? Когда вступали в комсомол, больше боялись, вдруг не возьмут, недостойн. Государство избирает курс движения, как у корабля, пассажиров везут, куда государству надо, и голосования никто не устраивает, в какую сторону плыть.

Ни комсомол, ни христианство их ничем не привлекают, но разрешают *примкнуть к большинству*.

И вот именно эти, *комсомольские христиане или христианские комсомольцы*, составляют большинство среди новых христиан. (Среди старых христиан большинство составляют те же, что и во все времена, нуждающиеся в опеке или защите если не для себя, то для близких. Те же они и в исламе. «Матушка-государыня, мать божия, помоги нам в дороге, прости неразумных, и дитяткам нашим и их дитяткам тоже.»)

Вторая группа среди *не особенных*, это умники, и я один из них. И я пишу, почему я от христиан отошел, чем оно мне досадило. Но почему-то подобные же умники среди тех, кто в христианстве нашел объяснение мироздания, течения вещей, смысла жизни – подобных книг с объяснениями своей веры не пишут. И я по существу не знаю, как и в чем возражать им. Или они сами плохо понимают, что они в христианстве нашли?

И, наконец, **сверхумники**, к которым относятся философы и писатели, подобные мне, Розанову, Мурикову, подобные Достоевскому и философам кануна Революции, конца девятнадцатого столетия и начала двадцатого.

Как это ни удивительно, даже выступая с критикой христианского учения, они его сами понимают превратно, а то и совсем ничего не понимают в нем, нее понимают и то, что воистину трудно объяснимо, но не понимают и то, что лежит на поверхности.

Я написал толстую книгу с возражениями их взглядов, но я и сам еще полгода назад видел их воззрения смутно.

Целое семейство статей, посвященных «Легенде о Великом инквизиторе», прославляют *христианскую свободу* и *христианский гуманизм* (не читали они хотя бы Леонтьева – **христианство противоположно гуманизму**). А о свободе Христос сказал исчерпывающе: **Познайте Истину, и истина сделает вас свободными!** Кому недостаточно, могут вспомнить: *Азь есмь истина!* Самые свободомыслящие утешатся: *Рабы, повинуйтесь господам своим!*

### 3. *Особенные среди "таких как все"*

Типичный среди таких *особенных* – это я.

О себе все же скажу еще несколько слов, хотя уже не уверен, что мой пример читателю прояснит, что ищут и находят в христианстве хотя бы и такие, как я, то есть те, кто ищет. Все же остальные среди *таких как все* ничего не ищут, и в христиане попадают случайно, их заносит общественным или государственным ветром, модой и случаем. Моя *ласточка*, свихнувшаяся на вере, страхе божьем и "гормонах счастья", принадлежит к самому малому числу **других**, еще более *особенных*, чем я, хотя еще с детских лет мне говорили, что *я не от мира сего*, а в юности сравнивали с *идиотом*.

Но в чем причина моего собственного интереса к христианству? Вероятно, если большинство заходит в церковь случайно, меньшая часть в связи с модой и движением общества, своего рода ветром или течением, которые возникают в атмосфере или в море общественных отношений (вот так и с революциями: активисты революционного потрясения иногда десятилетиями пытаются подвинуть инертный состав общества, потом он вдруг начинает двигаться, а тогда уже одни с энтузиазмом впрягаются в общую лямку, другие впрыгивают на ходу, и остановить революцию бывает еще сложнее, чем ее совершить.)

Мы же, *особенные среди нормальных* (то есть среди *таких как все*), приходим и в революцию и в религию, в партию и в церковь каждый своим индивидуальным путем. Мы – ищем, мы влюбляемся, томимся жаждой любви, томимся жаждой веры, томимся той *духовной жаждой*, о которой повествуется в Пушкинском Пророке.

Достоевского эта *жажда* (любви ли, веры, неясная ли *духовная жажда*, отчасти совпавшая онтологически с бурей 1847 – 1851 годов, зародившейся в Европе, и вовлекшей в свой вихрь Бакунина, Шевченко, Костомарова, Вагнера, Гюго, Петефи и множество других известных или будущих деятелей европейской культуры) привела на эшафот, потом на каторгу, потом в ряды славянофилов и ортодоксальных христиан. Но точно ли превратился Достоевский из социалиста в христианина? Тем более в ортодоксального? Случайно ли Константин Леонтьев с таким подозрением относился к его христианству и в его романах, и в его "Пушкинской речи"?

Что *Идиот* с его восклицанием «*Мир спасет красота*» и его усиленным вниманием к женской красоте (несмотря на то, что отчасти он был *лунатиком*, если не придуривался) был скорее путаником и язычником, чем христианином (возможно, как и Достоевский), очевидно; что сам Достоевский с его призывами в "Пушкинской речи" «*Обнимитесь, миллионы!*», обращенным к европейцам, повторяющими гуманистические восклицания Гете, не более славянофил, чем европеец, тоже почти очевидно (и славянофильство его было по большей части в противостоянии России и Турецкой империи и в стремлении "вернуть" Константинополь России); что и его православие и христианство скорее следствие того *страха*, который он испытал на эшафоте (как и Леонтьев, заболевший холерой и почувствовавший в ужасе, что уже умирает), и не был ли этот страх **страхом Божиим**, как и у Леонтьева; и не было ли вообще увлечение Достоевского христианством именно европейским культурным гуманистическим порывом – более похоже на истину, чем желание *жить аки умереть*, что в миллион раз более существенно для христианства, чем все богоискательство и богостроительство русских интеллигентов от Достоевского, Вл. Соловьева, Розанова и Мережковского до Бердяева, Флоренского и Сергея Булгакова и иже с ними... которых я уже исследовал в своей предыдущей книге, посвященной Розанову.

Да вот и Розанов... возможно, он более христианин, чем я (хотя пятьдесят лет назад я все таки в значительной степени христианином был!), возможно, он более антихристианин, чем я – так допекла его Аполлинария Суслова, как меня прекрасные женщины, в которых я ныне влюблен, все таки не допекали – но мистицизм ли привлекал его к христианству, как меня?!

Христианство Владимира Соловьева обязано его мистицизму, скорее всего, то же и у Мережковского – (и что-то в нем я вижу сходное со мною), но христианство Льва Толстого – старческое морализаторство, в Бога он, конечно, не верил. Верят ли в Бога современные русские православные, даже те, кто так поспешно (среди женщин) слушается батюшек? *Ласточка* – верит... но про неё мне лучше совсем забыть, ее вера напоминает мне приступы запойного пьянства у покойного Ст--ва или пристрастие к наркотикам. Да, кстати, учитывая, что среди искренне верующих большинство легко поддаются внушению, их и *программируют* (как шахидок в исламе), сходство верующих с наркоманами не меньше, чем с душевнобольными...

**31 мая, вторник, 17-31.** Последний день мая, бегу редактировать книгу НВ, потом попытаюсь пробраться к маленькому Паше, бабушка поедет к нему к семи. Звонил В.Г., накричал на меня, что я уже больше года не был у него дома... и А. на меня рассердился, что я не приехал к нему есть щи, которые он для меня сварил (ну и, конечно немножко *выпить*) – а я замучился с Г. и не заехал к А., возвращаясь домой, уже был выпит и сам как последняя рюмка....

Как живут *влюбленные* в Бога, жертвующие ему свое время и свою жизнь? Времени не хватает на многое, не только на то, чтобы влюбляться – и вот я понял, что Бог и человек – это две противоположных и несовместимых части мира и жизни: если бог дороже, то надо пожертвовать для него человеком. Если дороги люди, то некогда приближаться наполняться "гормонами счастья", бесконечно приближаясь к Богу.

Христианство эгоистично до крайности, человек ему нужен только как раб божий, коленопреклоненно! Но и христианин эгоистичен, он эгоцентричен, смысл его жизни в спасении только его собственной души. Если вы скажете, что он ничего не делает для себя, а только для Бога, то это будет жалкой уловкой; даже природа меньше, чем всемогущий Бог, содержащий весь мир в себе, и тем паче природу. Пренебрегать *отдельным*, близкими, семьей, народом во имя *всеобщего* (да к тому же *Бога никто никогда не видел*, как уверяет Священное писание), это то же самое, что пройти мимо страдающего ради зари, красочных волн на море, ради Океана, ради воздуха, которым мы все дышим. Скажет ли кто-нибудь матери или невесте, что ему некогда с ними видеться, что он спешит на берег моря дышать морским воздухом – а Бог еще отвлеченнее, менее зрим, менее прояснен, менее внятен, чем природное. Бог всеблаг – и воздух благотворен, каждая тварь им дышит. Бог всемогущ, ураган для человеческого мира не менее могущественен. Бог сотворил мир, природа творит саму себя ежегодно. Но кто, кроме безумца, скажет, что он не знает ни мать ни отца, ни родины, что весь мир ему отечество, ибо отныне несть ни еллина ни иудея, но все во Христе одно?

*Такой как все* – это человек всеобщий, он комсомолец и рушит храмы, когда все комсомолцы рушат храмы; он православный и сжигает еретические сочинения (надеясь, что очередь дойдет и до их сочинителей), когда все сжигают. Ибо *особенный* везде помеха, он всегда *не с нами*, всегда делает то шаг вправо, то шаг влево, выступая из общего строя, и так и хочется *конвою открыть огонь без предупреждения...*

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ **ЛЮБОВЬ И ВЕРА. ТЕАТР И ЦЕРКОВЬ**

### *1. Отчасти новый взгляд*

*1 июня, среда, 8-17.* Ночь была не самой худшей, и это уже не так плохо, однако с половины шестого я уже не спал, в полвосьмого встал и сделал зарядку. Размышлял о своей "войне с христианством, сожалел о ней и оправдываясь: ну а моя ненависть к советскому социализму, который в восьмидесятые годы казался всем пошлостью, это теперь вздохи о нем и ахи либо тех, чья жизнь проходит – и это вздохи и ахи о прошлой юности и проходящей жизни, либо тех, кто при нем и не жил... но с ними не стоит затевать разговор – так моя ненависть точно ль оправдана?

Оправдана! Хотя множество и неплохих людей привязались, как оказалось, даже и приросли к социализму. Множество и очень хороших людей считали его за истину, а некоторые и теперь так считают. Разве я своими нападками на социализм не обижаю их? И что же мне – не оспаривать чужих заблуждений (как я о них думаю)?

Вот так же и с христианством. Да, мне пришлось писать обидные вещи. Но миллионы томов советского времени наполнены в миллионы раз более злобными ругательствами в отношении христианства, в том числе известными писателями и поэтами, которых и христиане признают тоже, и никто не спешит книги этих писателей выкидывать на помойку или просить у патриарха разрешения меня зарезать, как один из моих бывших товарищей.

Смиримся с тем, что мы разные. Попытаюсь отчасти смириться и я, смиритесь и вы, разочаровавшиеся во мне прошлые друзья и подруги.

### *2. Ночные страхи*

Пора подвести черту под моими нынешними писаниями. Тем, кто не интересуется социализмом, не интересна моя критика Маркса, им уже о нем читать надоело. Тем, кто не ходит в церковь, не интересна моя критика апостола Павла, а тем, кто в церковь ходит, она неприятна, поэтому они тоже книг моих читать не станут. Если у меня еще есть некоторое писательское будущее (а один читатель пока у меня остался), то можно попытаться писать и еще, но не то и не так как теперь. Поэтому я ночью и размышлял о своем писательском будущем. Итак, эту книгу я в ближайшее время закончу, допишу последние заметки о любви и вере, о святых и блаженных, узнаю, быть может, хоть что-нибудь о тех милых женщинах, из-за которых теперь я грущу, и поставлю точку в своей эпопее.

А впереди у меня остается два замысла: во-первых, попытаться написать художественный роман, посвященный отчасти и всем тем же проблемам, что ныне, но не бесконечное перемешивание слов о себе и своих бесконечных терзаниях; во-вторых, попробую написать Историю философских идей. Эта книга будет поучительна для меня самого, я, наконец, попытаюсь восполнить пробелы в своем философском образовании, что-то прочитаю впервые, что-то вспомню из напрочь забытого.

Начну с того, что больше не буду тратить время на свои беспомощные стихи. Сам себя слышишь плохо, поэтому я не был уверен, что стихи мои посредственны, но все же у меня есть вкус к поэзии, и когда случается встретить оригинальные стихи, я сразу понимаю, что мне с ними соревноваться нельзя; но потом думаю, что кое что есть и у меня, вот сейчас напишу чуть-чуть лучше, исправлю слабости... Нет, хватит. Провожу последние, вчерашнее и ночное, и провожу под своими стихами черту.

Если ты не ответишь на просьбу о встрече,  
Я не стану молиться незримым богам,  
Я подачек не жду, а платить больше нечем,  
Даже писем писать ни друзьям, ни врагам.  
Если случай ко мне не придёт, как бывало,  
Я не буду винить злополучный сюжет.  
В мире верности нет, да и памяти мало,  
Два три слова – сотру на подкладке манжет.  
Позабуду все то, что когда-то открылось  
Так, как книга, случайной главою побед.  
Может, я не любил, может, ты не влюбилась,  
Но не будем искать в это прошлое след.

\* \* \*

Мои стихи подобны чертежу,  
В них нет живого совершенства.  
Я думаю недурно, а скажу –  
И чувствую в них радость без блаженства.  
И, кажется, все то, что надо, есть:  
Порядок слов, размеренность движений.  
Но не запуталась в них искренность сомнений,  
И с истиной не смеет спорить честь.

### ***3. Театр и музыка в представлении Толстого***

Писать о церкви отлично от того, что церковь о себе пишет, считается чуть ли не уголовным преступлением, во всяком случае, обличается как святотатство, так как, якобы, «Бог поругаем не бывает» (забыли, беспомысленные, как сто тысяч храмов сожгли в России после Революции? как тысячи священников большевики закапывали в землю, как десятки тысяч были отправлены на каторжные работы в тюрьмы и лагеря, и предводители большевиков заявляли на весь мир: *нынешнее поколение будет жить без церкви!*?) Впрочем, учитель тоже обещал скорый Конец света, но что-то он так и не наступил, хотя, якобы, "уже близко, при дверях!"

Но почему же разрешается писать о литературе, театре, культуре в целом, обличая их в союзе с дьяволом? Почему разрешается писать о человеке, втаптывая его в грязь дорог? И Священное Писание наполнено обличением человека и всего человеческого, но в еще большей степени современная духовная литература, еще более обличительная, чем ветхозаветные пророки.

Гонения на культуру составляют чуть ли не главную часть всех христианских гонений, но книги, иконы, картины, музыкальные произведения и научные открытия обличались вместе с их создателями; причем, хотя светская власть тоже преследовала неосторожные произведения культуры, преимущественно книги, спектакли, стихи и песни, но невод, в который ловила крамолу церковь (до эпохи сначала Французской, потом Русской Революции), был неизмеримо шире, еще и в начале двадцатого столетия пришлось посидеть в кутузке даже знаменитому Розанову, но хотя бы он не был сожжен, как Джордано Бруно, или обезглавлен, как Томас Мор.

Уверовав, став, как он думал, ревностным христианином, ополчился на культуру даже Лев Толстой, сам великий художник. Впрочем, он поспешил отречься и от собственных произведений (как еще раньше сожжению подверг свои рукописи Гоголь); в книге «Призвание литературы» я приводил немало речей страстного обличителя против поэзии, театра и музыки, каким стал Лев Толстой. И хотя его собственное христианство тоже подверглось обличению церкви, но он с нею в отрицании культуры был солидарен.

Приведу, все же, несколько отрывков, и из Толстого и о Толстом, выужу их из моих прежних книг: там все сказано достаточно полно, не надо выдумывать новые цитаты.

«Анна бросилась в море страсти, и писатель, суровый по отношению к другим, особенно женщинам, ее в нем утопил. Жестоко и безобразно. Впрочем, он и не искал умную женщину, он не искал ум в женщине, он не искал ум в другом, кроме себя. Впрочем, он сам был, кажется, не очень умен. Достаточно прочитать его статьи о религии, смысле жизни, морали и культуре. Он не любил театр и музыку и не слышал их. Пересказывая оперу Вагнера, которую он слушал (или видел) в театре, он словно рассказывает глупый и пошлый анекдот. Правда, он любил слушать цыганский хор, любил Варю Панину. И это показывает его народность (не любовь к аметистовой певичке, а нелюбовь к другой, более сложной музыке). О чем бы, например, стал бы я сам с ним разговаривать? О бабах? Как вспоминает о разговорах с ним умный Вернадский.»

В статье «Что такое искусство?» Лев Толстой пишет: «Сотни тысяч рабочих – плотники, каменщики, красильщики, столяры, обойщики, портные, парикмахеры, ювелиры, бронзовщики, наборщики – целые жизни проводят в тяжелом труде для удовлетворения требований искусства, так что едва ли есть какая-нибудь другая деятельность человеческая, кроме военной, которая поглощала бы столько сил, сколько эта.

... на нее, так же как на войну, тратятся прямо жизни человеческие: сотни тысяч людей с молодых лет посвящают все свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертеть ногами (танцоры); другие (музыканты) на то, чтобы выучиться очень быстро перебирать клавиши или струны; третьи (живописцы) на то, чтобы уметь рисовать красками и писать все, что они увидят; четвертые на то, чтобы уметь перевернуть всякую фразу на всякие лады и ко всякому слову подыскать рифму. И такие люди, часто очень добрые, умные, способные на всякий полезный труд, дичают в этих исключи-

тельных, одуряющих занятиях и становятся тупыми ко всем серьезным явлениям жизни, односторонними и вполне довольными собой специалистами, умеющими только вертеть ногами, языком или пальцами.»

Такой способ смотреть на искусство нельзя оспорить, как нельзя оспорить тягу к вину, табаку, наркотикам; и можно ли оспорить **любовь к Богу?** Странно, конечно, что можно испытывать именно чувство любви к тому, что невидимо и не воспринимается чувствами, что существует только как образ, – как если бы автор романа влюбился в его героиню – но я ищу аналогии в жизни человека: не может ли такой аналогией быть любовь к игре? Вот Достоевский играл в рулетку и в карты, и я в студенческой молодости играл в карты, и даже пропускал свидания с девушками, не в состоянии оторваться от карточной игры... И все же страсть к игре не подобна любви, не подобна любви и вера в Бога. Любить можно только личность, и для этого тоже пришел Христос, в него воплотился Бог, чтобы стать человеком... в одном из своих лиц...

Увы, я часто вижу, что оспорить ничего не возможно, даже страсти меняются не потому, что одна из них оказалась посрамлена в сомнениях, тягостных раздумьях, разочарованиях – нет, неожиданно ветер изменил направление, и даже тот, кто уже пошел в противоположную сторону, думает, что идет туда же, куда и шел, ведь ветер по-прежнему дует ему в спину.

О классической музыке Толстой писал так же уничтожительно, деревенские бабы, пришедшие с покоса к его усадьбе, пели и в такт пению хлопали в ладоши и стучали по косам, и эти ритмичные хлопанья и звоны стальных полос он поставил выше сонат Бетховена, которые ему должен был сыграть знаменитый пианист.

Театральные спектакли он уничижил, сравнив их короткою пантомимой в чукотской юрте, которую он "видел" по описанию, с невыгодой для спектаклей... Но все это читатель может увидеть полнее, читая статьи Толстого об искусстве. Удивительно, конечно, то, что в этих статьях Толстой высказывает обширные познания и в музыке, и в театре, и в европейской и русской поэзии, и пишет он сложнее, чем говорят чукотские дети (и даже русские), и обязан он своими познаниями и своим глубоким и прекрасным языком прежде всего культуре, которую он ненавидит почти как христианин, и в том числе стихам Пушкина, ибо легкость и изящество язык приобретает не в качестве «народного инструмента общения» (для общения достаточно иногда трех-четырёх наиболее «народных» слов, а в качестве инструмента более обширного в своих задачах и возможностях, и более глубокого, а именно, как инструмента познания мира и самого себя и выражения всей полноты своей душевной жизни».

Что чему предшествует, культура религии или религия культуре, и действительно ли, как утверждают современные христиане, **культ** находится в основании **культуры?**

Статьи Льва Николаевича, посвященные отрицанию культуры, отчасти даже убедительны, более убедительны, чем проповеди преподобного Игнатия Брянчанинова, направленные против чувственной, душевной любви, и это объясняется тем, что в основании Толстого громадная культурная почва. Что она из себя представляет?

Прежде всего это язык, с помощью которого человек мыслит, приходит к тем или иным умозаключениям, высказывает свою точку зрения, подтверждает ее при помощи всевозможных доводов. Язык – это способ описания и познания мира, способ описания природной и психической деятельности человека, он содержит в себе слова и понятия, представляющие вещи, их движения, мысли и чувства и взаимоотношения мыслей и чувств. Может ли объяснить в любви человек, никогда ее не переживавший, может ли он про любовь рассказать, передать другому те состояния, которые он в любви испытывает? Внутренний мир человека, а именно – его душа – это вся сумма чувствований, память, знание о мире, история: личная, история народа, история культуры – но все вместе это не только не выразимо без языка, но без языка и не существует.

Ребенок тоже способен испытывать любовь, испытывает и религиозные чувства даже пяти-шестилетний ребенок, язык которого еще недостаточно богат – но все многообразие чувственных отношений, вмещенных в роман, изображено и вмещено в языке; но точно так же и многообразие религиозных отношений, о которых повествуется в Священном Писании, изображено и вмещено в языке. Если нет бесконечно богатого языка, то не может существовать Книга, представляющая **бесконечность смыслов** (как я думал еще десять лет назад), то есть являющаяся в различных частностях, например, в **притчах**, к которым прибегал Иисус; *двусмысленной, многосмысленной*.

Открывается ли Священный текст автору в **вдохновении**, дается ли он **духовенно**, но без развитого языка, адекватного, **тождественного** тому содержанию, которое надо сообщить, Священного Писания не существует. А без него нет Религии (или она зачаточна, примитивна, вроде той пантомимы, о которой в чукотском чуме повествует Лев Толстой), нет церкви – а тогда и нет той старушки, о которой в умилении рассказал Розанов, как она пришла в храм, зажгла свечечку, и на нее снизошла благодать... и никто этого не выдумает, и писатель не напишет, и ученый не изобретет.

Но нет и не будет старушки в храме прежде развитой религии и церкви, а их не будет прежде явления в мир Пророка, Учителя, Будды, Магомета, Иисуса, а они не явятся мир прежде, чем в мире будет существовать человек, способный их слушать, слышать и понимать, а такой человек, беседующий с Буддой или Христом, беседует с ними на божественном языке, на котором можно выразить всё, все чувства и состояния, и веру, и страх, и любовь, восторг и блаженство, на котором формулируются и передаются все мельчайшие оттенки Истины, Красоты и Нравственности, то есть Логики, Эстетики и Этики. Итак, Язык формируется и существует как всеобъемлющий, обнимающий собою все тончайшее многообразие человеческой жизни, человеческих отношений и отношений между человеком и богом, между Бытием и Инобытием прежде, чем появляется потребность выразить всю сумму таких отношений от рождения до смерти и даже до Воскресения, и даже до идеи Бога и Троицы. Разве **культ** формирует язык, разве дикари на острове Пасха, кормящие своих идолов медом и просящие у них милостей, разве жрицы в языческом храме, отдающиеся путникам за приношение в храм? Язык формируется и всей вещественной, природной деятельностью человека, и его психической и умственной деятельностью, то есть **душой и культурой**.

#### 4. Культура и Миф. Философия и Богословие.

Не на основании христианского богословия появляется философия, но богословие появляется на основании развитой философии и мифологии, Илиады и Одиссея. И смешны полудетские глупости о культе, созидаемом языке и культуру, но не смешны, а безобразны все чудовищные глупости о мире человеческих чувств, появляющихся в душе человека, в человеческом обществе, в семье и роде, и, якобы, внушенных нам дьяволом, когда без этих чувств, без истории человека и человечества не возможен язык, а следовательно невозможны проповеди и притчи Христа. Душа, а не тело человека созидает язык и культуру, в рамках которой формируются религиозные мифы как попытки выйти за пределы непосредственно осязаемого и мыслимого; или, лучше сказать, душа вместе с телом (плотью), то есть личность человека. Духовное – это только одна из сторон многообразной умственно-чувственной сферы, это метафора для обозначения некоторых отвлеченных запросов души, довольно смутных для более точного определения, такая же метафора, как "платоническая любовь", как возвышенная любовь, как "не от мира сего" (хотя даже апостол Павел не решился рассказывать, точно ли он побывал там и что слышал и видел (и я не говорю, в отличие от самонадеянных христиан, знающих все, что надлежало бы прежде испытать верою хотя бы с горчичное зерно, а потому уже знать).

Душа и жизнь в основании культуры, культура соединяется с вещественностью, плотью жизни, образуя **действительность бытия**, как душа в человеке соединяется с его плотью и образует **личность**.

Но именно личность – это то, что христианство ненавидит, против чего оно борется, как против гордыни; смирение, кротость, коленопреклонение, **затвор и молчание – вот идеал христианина** (то есть отказ от языка и культуры, отказ, в конечном счете и от богословия, текстов отцов церкви и писаний христианских писателей, отказ от личности и самой жизни).

Если Иисус – это Бог, воплотившийся в человека, то его учение – это религия разочарования. Кто из них так разочаровался в жизни – Бог, сотворивший человека и увидевший, что сотворил он не то, что замышлял, или человек, в которого превратился Бог... – но о разочаровании человека слишком много написано, да я и сам уже немало пролил слез, надеясь на небесное блаженство, а претерпевая брошенность и отторжение и поношение, не только немилость, но бессердечие в ответ на море нежности и сострадания, которые я хотел излить на своих любимых.

Вначале были Парменид и Протагор, Платон и Аристотель, чтобы с помощью развитого ими философского языка смогли рассуждать о божестве и его совершенстве, о душе, которой необходимо стать христианкой и о нетварном свете Дионисий Ареопагит, Тертуллиан и Иоанн Златоуст...

И как много приходится говорить, чтобы объяснить очевидные вещи самоуверенным людям, уверовавшим, что их кумир сообщил всю истину бытия, Магомет или Христос, Марк или Будда.

Но закончу я эту главу, вспоминая маленького Пашу, двух лет и трех месяцев. Я спросил его, скучал ли он обо мне, Паша смутился, отвернулся и тихо кивнул головой. А язык его пока состоит из бури звуков и полуслов.

### 5. Душа человека и душа мира

В девятнадцать лет я начал читать Библию (Ветхий Завет), и был очарован его поэтической силой, его образами и метафорами, таинственными описаниями того состояния мира, когда *«Земля еще была безвидна и пуста и Дух Божий носился над водами»*.

В это же время я прочитал Оскара Уайльда «Душа человека при социалистическом строе»; в сравнении с нудными советскими текстами, повествующими о рае... то есть, о «социалистическом строе», языком изумительно суконным, постным, выпреним, статья Оскара Уайльда была как оазис в пустыне и так же подтверждало мое ощущение, что все хорошее красиво.

Итак, истину я принимал через красоту (не случайно математики даже и некоторые теоремы называют *красивыми*), но одной красоты для полной гармонии мира мне было недостаточно. Душа жаждала справедливости, то есть осуществления того *нравственного закона, который внутри нас*, по Канту. Ибо красоты недостаточно, происходящее должно быть *верным и справедливым*, то есть *нравственным* (в противоположность безнравственному).

*5 июня, воскресенье, 20-42.* Я сел за ужин, до девяти доработать не смог, и комары заели, и похолодало, и дождь начинает моросить, и милка уехала, я ее проводил и на душе тоскливо – и вот я бросил работу и приготовил ужин, и уже первую рюмку выпил за милку. Щас выпью за нее и вторую, под ее котлеты и мою картошку, которые я вместе пережарил. А потом еще выпью за нее же две рюмки с горячим чаем с вареньем, а потом буду размышлять за компьютером...

Топится печка (на улице уже только девять градусов), и настроение как раз для выпивки.

...Но от компьютера пока отстану, наливаю рюмку и начну предаваться пороку.

*21-28.* Кирпичи уже нагрелись, я снял телогрейку, тепло и без выпивки. Бывало, что мы работали до одиннадцати, да и теперь светло, но сил уже нет даже на компьютер.

Ветхий Завет повествует о сотворении мира и человека, но что же за мир сотворен Богом – и наоборот – в Бога какого мира мы веруем? Во всеобщего Бога, единого для Вселенной, и при этом, и для других, возможно, разумных существ? Или *в Творца Небу и Земли?*

Согласно Библии, речь идет о сотворении Земли и Неба, а затем и земного человека, и очевидно, что библейское повествование *антропоцентрично*, и Земля – это не планета, затерянная в космосе, а центр мира, следовательно, под *небом* понимается солнечная система и образ вселенной, как он предстает человеку, глядящему на небо с земли. Следовательно, космос (вселенная) не входит в число создаваемых вещей и либо уже существует, а земля и человек создаются как нечто исключительное внутри космоса, либо кроме земного мира создается только образ космоса, как он видится с земли...

*22-10. Засыпаю...*

**6 июня, понедельник, 6-10.** Сегодня День рождения Пушкина!

Вчера милка включила телевизор (который мы никогда практически не смотрим), говорили о Пушкине важные политики, о том, что он светоч и основа *Русского языка*, который является *светильником русской души*.

И это чудесно, когда родное, народное, то, на чем произрастает жизнь, не только помнится, но и превозносится. И как тоскливо и душно жить в объятиях мифа, который чрезмерно разросся и заполонил и жизнь, вытесняя ее, и все природное в жизни, и саму душу человеческую! Я вспоминал страницу назад про маленького Пашу, для которого житейская радость, казалось бы, со-средоточена то в «*блинчаках*», то в мыльных пузырях, за которыми он проводит по часу... но каково удивительное движение души, когда он смутился от моего вопроса, скучал ли он обо мне (а он еще и обиделся, что я редко бываю), и он отвернулся, и только потом кивнул головой, и мы стали обниматься! Вот этой радости, этой любви, и этих маленьких деток нет в христианстве, и оно даже не стесняется в проповедях своих в интернете поучать: «изгоняй из сердца любовь и плотскую и душевную, не позволяй сердцу своему привязываться к семье и близким, чтобы они были больше, чем привязанность к Богу!» Любовь, во всех ее разновидностях, кроме любви к Богу и любви к образу божьему в близком – главный враг христианских устремлений. Воистину они умертвили в себе человеческое, сколько смогли – счастье нас, тех, кому и они, иные из них, дороги, к кому мы привязываемся нашим уязвленным сердцем, что живой человек в них не истреблен, иногда и под пеплом монашеского словоблудия.

Исходный религиозный миф содержит в себе ненависть к человеку, как бы она исторически не укрывалась в культ и в богословие, питающиеся живым соком культуры. Почему? На этот вопрос, по-видимому, мне труднее ответить, чем даже прояснить взаимоотношения иудейского мифа и его христианского ответвления.

6-35. Но еще день не начался. С пяти часов мне было плохо, вот почему я встал так рано, делал зарядку и положил под язык кардиойку, а теперь, пожалуй, посплю еще час-полтора, чтобы *утро встретит радостнее...*

10-45. По-видимому, для самооправдания придется этот день объявить Всероссийским днем *ЛЕНИ* – вот почему я проснулся в девять, еще повалился, не спеша позавтракал, вымыл посуду, вынес помои, довариваю вчерашний суп, положив в него остатки от капустного кочана, и вот, продолжаю Записки. Но не все только буду лениться, через десять минут пойду делать зарядку, то есть покошу за изгородью, где у меня будет «Лужайка за баней». Сосед мой уже тарахтит сенокосилкой, и я начинаю думать, что в чем-то правы были инквизиторы, сжигая ученых: последнее прибежище «от шума городского» жители городов, приезжая в деревню на лето, подвергают поношению и осквернению, включая все, что шумит, телевизор, приемник, косилку, копалку, авто и трактор.

Увы, теперь уже и за «Невской башней нет тишины», так что выключаю я плитку и иду косить, а потом еще вернусь к компьютеру (не все плоды науки я отвергаю), пока на улице сумеречно, прохладно, комарно...

*14-11...* На лень не хватает времени. Пришлось чистить картошку, да надо полить, закрыть теплицы и грядки, обещают сегодня мороз. Да надо еще выпить чаю и заварить термос с чаем в дорогу, собраться, прибрать инструмент по огороду и без четверти четыре выйти. Осталось всего полтора часа, так что на лень если выкрою три минутки, то надо будет пробежать по огороду, посмотреть, что сделано за три дня... а сделано не ахти...

*18-24...* Сижу уже на вокзале в Окуловке, мерзкий голос, проедаая душу, завывает: *Внимание, из Петербурга приближается скорый поезд, отойдите от края платформы...*

Я живу в удивительной стране, где гражданин – воистину раб, тварь, ничтожество. Вот на протяжении нескольких лет на целую округу завывает «радиовещание», подвергая пытке множество людей, по меньшей мере расшатывая психику, вводя в стресс. Возможно, большинство жителей таково, что кожа у них как у черепах панцирь, они не чувствуют укусов завывания; возможно, большинство жителей таково, что слух у них как у рыбы, они не слышат завывания голоса... Но даже если только меньшая часть испытывает страдания от психического давления (как, к примеру, жители многоквартирного дома, когда соседи сильно шумят, бранятся, топают ногами, включают на полную громкость звуковые устройства, то ведь и в этом случае таких чрезмерно чувствительных надо защищать?

Ведь нарушение тишины – это ограничение свободы частного человека, подобное тому, когда предприятие сбрасывает в реку или в атмосферу ядовитые отходы производства! – но почему же я бессилен перед произволом любого чиновника, который волен засорять мне глаза и уши, нос и горло, отравлять душу и сердце?

Но я бессилен, потому что я живу в удивительной стране, где человек – это раб божий, где плоть надо умерщвлять любыми способами, голодом, холодом, тюрьмой и болезнью, бесправием, унижением, насилием, презрением, клеветой и обманом, страхом... да, страхом – пуще всего, начиная от страха смерти, страха наказания, страха несправедного преследования, страха божия...

И Константин Леонтьев нас поучает, что только та любовь праведна, которая внушена страхом Божиим, и только то добро праведно, которое для бога делается...

Страх... даже любовь должна быть следствием страха!

Что это за религия? Пожалее ли их Бог человека? Вот мне плохо. Пожалее ли меня чиновник, пожалее ли меня государство? Шевельнется ли у него сердце от жалости к страдающему человеку, если у него есть сердце?

На клинописных табличках грозные цари прошлого похваляются тем, сколько людей они истребили и измучили; государственные законы были таковы, что даже от чтения их человек умирал со страху – не стремимся ли мы только к тому, чтобы вечно, на протяжении столетий, на протяжении тысячелетий, сохранялся единственный порядок общественной жизни: государство всесильно и вправе делать все! Гражданин – бессилен и не может делать ничего, кроме того, что ему приказывают делать!? И народ у нас удивителен. Я возмущаюсь тем, что я унижен, а мне отвечает благонамеренный обыватель: если тебе *дать право*, ты убьешь старушку-процентщицу...

**19-24...** Перетерпев завывания Голоса, смирившись с унижением, вот наконец я еду вагоне «Ласточки».

На улице 12 градусов, но кажется, что наступила зима; к счастью, в вагоне тепло и есть надежда постепенно отогреться.

Православный писатель РРРРР рассказывает, как на Пасху две девушки, пытавшиеся переплыть с противоположного берега реки на службу в храме, утонули. *Какая прекрасная смерть!* – восклицает он. И будто бы и народ радовался и хлопал в ладоши. И будто бы и родители радовались, проливая от умиления и радости слезы.

Грозный еврейский Бог поразил Содом и Гоморру, не пощадив и младенцев, ибо жители предавались «голубому пороку» (очевидно, не все). Но не худший ли порок – радоваться смерти безвинных девушек? (Впрочем, я уже рассказывал историю маленькой девочки, которая умерла, оплаканная всеми, так она была мила и прелестна – но оказалось, что она попала в ад, ибо у нее были *греховные помыслы* – так не опрометчиво ли я называю сих семнадцатилетних безвинными?)

### **6. Человек как цель Творения и Искупительной миссии Христа**

Христианское представление человека как раба и ничтожества, как существа настолько презренного, что даже святость святого *смердит перед Богом*, как ничтожества в своих попытках богопознания, ибо оно невозможно не в силу непостижимости божества, а в силу несоизмеримости небесного и земного (как если бы гусеница, объясняют мне сторонники такой несоизмеримости, пыталась постигнуть человека и беседовать с ним на равных) – противоречит и христианской онтологии (ибо *человек создан Богом как венец творения*), противоречит и христианской эсхатологии – Бог принес себя в жертву спасению человека, гусенице в жертву принести себя невозможно. (И хотя случается, что человек погибает, спасая от огня и гибели художественные творения и даже материальные ценности, но это не обет жертвы. И даже если предположить, что человек, создавший произведение искусства, соглашается погибнуть, чтобы оно достигло совершенства, то это не жертва другому, а своим собственным идеям, идеалам, замыслам.)

Но есть рассуждение, которое очевидно доказывает соизмеримость Бога и человека. Если Протагор прав, то человек – мера вещей. Но тогда невозможно считать, чтобы и Бог не был тоже их мерой. Если же Протагор не прав, то мерой вещей должен быть только Бог, но невозможно считать, чтобы человек жил в мире, с которым его не связывала бы никакая мера, ибо тогда он не мог бы соотноситься с Богом и Священным Писанием. Но если мир измерим человеком либо через себя самого (и в этом уверены те, кто ставит на место Бога культуру и науку), либо через Бога (на что уповает человек религиозный и даже раб Божий), то **человек через мир соизмерим с Богом, не будучи ему равным** (вот так ребенок соизмерим с взрослым, ибо они находят взаимопонимание, ученик соизмерим с учителем, пишущий книгу соизмерим с читателем). Можно было бы сказать и короче – Христос воплотился в человека для его спасения – так это или нет, но или бессмысленно или невозможно такое отношение с тем, что несоизмеримо.

### 7. Но каково все же отношение Бога к человеку?

Мифом о сотворении мира и человека начинается Библия и Миф иудаизма (синтезирующий в себе множество древних мифов) об отношениях между человеком и Богом и особым отношением Бога к избранному народу.

Вначале человек жил в раю, пока он был существом двоичным, состоящим из Адама и Евы. Каковы были дальнейшие замыслы у Творца, неизвестно, но после того как Ева опрометчиво съела яблоко, человек был изгнан из рая; впрочем, евреям было обещано **спасение** через добродетели, праведность и исполнение Закона.

Итак, можно сказать, что домашний Бог еврейского народа относится к своему народу неплохо, несмотря на свою суровость.

Христианство родилось внутри иудаизма как его ответвление, как секта, но вначале словно бы не предполагалось превращение его в самостоятельную религию. Учил Иисус среди евреев, утверждал, что *пришел спасти свой народ*, обещал, что не нарушит Закон, а лишь подтвердит его.

Но Христос объявил себя Сыном Божиим и Спасителем, однако евреи его не приняли, христианство от иудаизма отделилось, Отцы Церкви сформулировали образ Троицы, единого Бога в трех лицах, и символ веры, в котором кратко излагалась идея Троицы и идея спасения человека через смертную жертву Сына Божия и Его воскресение.

Но по отделению христианства от иудаизма начались проблемы прежде всего онтологического характера.

Идея вины человека и его греховности – идея библейская, она входит в иудаизм, однако нельзя утверждать, что именно она является основанием и источником религиозной идеи, соединяющей в одну мифологему человека и Бога. В христианстве же вина человека – завязка всего сюжета религиозной драмы, из нее следует все: и способ преодоления вины через смертную жертву (и если до этого человек был виновен в познании добра и зла и обретении идеи **любви**, рождения и рода, то отныне он должен был нести на себе еще груз богораспятия, то есть становился виновным неизмеримо более); и последующее воскресение Христа и обещание воскресения человеку; и отрицание родовой (половой) любви, ибо она то и являлась главной виной человека; и Второе Пришествие и Страшный суд и Конец света (из чего следует, что даже смертная жертва Бога не исправляет последствия того падения мира и человека, которое случилось чрез Еву).

Итак, все многообразие отношений Бога и человека сужается до прямой линии. Что человек сотворен непосредственно Богом (и предполагалась при этом, вероятно, высочайшая цель, не игра или скука), что помещен он был в Эдеме, в том Саду, который был и обителью Самого Бога, что ему была дана свобода (хотя отчасти и ограниченная), что ему была подчинена природа – все это стягивается в один узел: преступление, наказание, сомнительное спасение. Остроту и удивительную заведомую абсурдность в сей сюжет вносит то, что ***Иисус Христос, Сын Божий, ... иже от Отца рожденный прежде всех век***; существует в вечности как Спаситель, следовательно и вина человека не появилась чрез Еву, а существовала вместе с Христом прежде всех век.

Автор – «Творец небу и земли, видимым же всем и невидимым» – создал не только человека, но и его сакральную историю, то есть и преступление Евы, и греховность человека, и падение мира, в который *через преступление Евы вошла смерть* (как пишет о сем апостол Павел), и человек оказывается не более чем героем сверхбытийного романа, древним Раскольниковым, вопросившим, *имеет ли он право* (?), и съевшим яблоко.

Нет, не случайно в христианстве человек раб божий, не случайно он так унижен и растоптан, неизмеримо более, нежели в иудаизме.

И о какой свободе человека может идти речь, если он – лишь герой романа или драмы?

Все, что я скажу об отношении Бога к человеку, следует из такого сюжета, лежащего в самом сердце мифа. Человек виновен еще до создания, до воплощения, в самом замысле, мир крестной смертью Христа не спасен, как и человек, «смерть, где твое жало?!» - восклицает апостол Павел – оно осталось, оно и в каждом из нас, мы как рождались через якобы грех, так и умираем чрез последствие греха рождения.

Познание добра и зла оказалось не только ошибкой, но даже преступлением, вот почему торжествует зло, вот почему две тысячи лет была жестока христианская церковь, вот почему так безжалостен Бог к человеку, Бог христиан, находящийся вне и добра и зла.

Не любви, Маргарита, *не целуйся не только до обручения*, но и после, не рожай и не рождайся, не занимайся творчеством, уйди в монастырь и живи аки умерла, лежа во гробе...

#### **Во имя чего?**

Во имя воскресения? Такая цена вызывает подозрения.

Разве уже отменили и сентенцию из Священного Писания: **По делам их узнаете их!**?

В человека вмещены изначально (если человек создан, а не является результатом эволюции) или развились через творчество природы те правила и Законы и черты бытия и души человеческой, которые отличают человека именно *как венца творения* – Богом ли человек создан, Природою ли, некой иной непостижимой космической силой, и которыми мы не напрасно гордимся и передаем из поколения в поколение.

Во-первых, следуя немецкому формальному уму Канта, следует сказать, что существуют неизбылемо, так же, как Всемирное притяжение и как обращение планет и движение Млечного Пути – **Нравственный закон внутри нас и Звездное небо над головой.**

Следуя уму русскому, я говорю (вместе с восьмьюдесятью поколениями моих пращуров), что существует и вмещена также, даже более неизбылемо, чем природа, **СОВЕСТЬ**, являющаяся основой всех нравственных движений человека, во-первых, **сострадания**, во-вторых, **любви**. И любовь существует так же неизбылемо, как всемирное тяготение.

Именно из нее (в совмещении с так называемым *половым или родовым инстинктом*) проистекают семья, род и народ, а следовательно и язык, а вместе с ним и культура. И уже как следствие языка и культуры возникают внимание к границе бытия и инобытия, вера и упование на инобытие.

Сравнивая любовь, веру и надежду, даже апостол Павел говорит, что из них любовь больше, правда, по скопчеству (*ради Бога соделанному*) он ограничивает любовь только любовью к Богу и к образу божьему в человеке.

Но по крайней мере, в своих посланиях он не втаптывает человеческую любовь в пыль дороги, ведущей к Богу, в отличие от Игнатия Брянчанинова, для которого «естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить – повелевает это Христос – и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе» – ибо «Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца.»

Итак, любить надо Бога, и в ближнем любить образ божий; впрочем, любовь к ближнему не самоценна, ибо она только «стезя, ведущая в любовь к Богу».

Стоит ли сочинять стихи, драться на дуэли, устраивать революции, строить дороги, жениться, рожать детей? Стоит ли родиться Пушкиным или Толстым? Исследователь поэзии пишет, что литература – это *млеко*, которым питаются дети, еще не подвигнувшиеся в духовной любви; кто же уже подвигнулся, тем Пушкина читать не надо.

Христианство – да может быть, и всякая религия – враждебна и культуре и человеку. Для нас смерть – конец всего, для них – только начало; вот почему религиозное сознание ненавидит и жизнь и человека; *вот почему воинствующая церковь так жестока*. Но и Бог жесток. Или он создал человека случайно, или хотел создать вместо человека нечто другое. Мы для Бога словно плод греха, от которого юная дурочка, еще не причастная природной любви, спешит избавиться.

Хотя и говорится, что *так возлюбил Бог человека, что сына своего единородного послал для его спасения на заклание* – но после Крестовых походов, Варфоломеевской ночи, процессов над ведьмами, после половины истребленной Севильи во славу Господню не в силах я верить в такую любовь. Кто сына не пожалел своего, пожалет ли чужого?

Моя ласточка, проклинаящая в ярости девятнадцатый век, век расцвета европейской и русской культуры, вменила ему в вину крепостничество, шпицрутены, казнь декабристов, бесправие крестьян и довольство помещиков – но не следствие ли всякое неравенство и угнетение всех мировых религий, проповедующих покорность, смирение, необходимость *кесарю отдавать кесарево и рабам повиноваться своим господам в умилении сердца?*

И я был христианином, и был искренен, но сердце у меня билось и кровь текла как у всякого живого человека. Не проповедовал я умерщвление плоти и иссушение души. Вероятно, я создал свой собственный образ христианского Бога, свой собственный образ церкви, похожей на музей и театр. Но я был младенцем, и верил по младенчески. Разве мы все теперь не выросли? Разве не каждый умеет читать, разве кому-то еще хочется жить в рабстве, разве не все ходят в театр, филармонию, в этом великом городе разве не все чувствуют красоту, которую, напротив, надо изгнать из души, чтобы стать истинным христианином? Но разве не живы другие, спешащие причаститься плоти и крови царства мертвых? Спор необходимо закончить. Он бессмыслен, как спор между живыми и мертвыми. Пора мне уйти из их мира.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

**ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ БРАКОРАЗВОДНОГО СУДА***1. Кто я такой?*

*7 июня, вторник, 15-50.* Я в городе, удручен городскими заботами...

Удручен и болезнью, и ночной *плохотой*, и скорбью о смерти, и скорбью, что жизнь не удалась, нет, не достиг я того, к чему стремился. Я все еще хорохорюсь, но это так, смех сквозь слезы. Я делаю вид, что будто на что-то надеюсь, я делаю вид, что пишу книги – но это не книги, это бесконечный дневник... а может быть, бесконечное *вопиение к ней*: ну услышь же меня, ну опомнись же, черт возьми, пусть вокруг и не такая уж счастливая жизнь, но неужели тебе не душно в твоей келье со свечками? Да ладно, пусть ты не любишь меня – но хоть дай весточку, что с тобою, объяснись на прощание, дай успокоиться моему неритмичному сердцу!? Нет, пустыня вокруг меня...

***Красота и добро, творчество и культура, труд и забота, любовь и сострадание*** – вот, кажется, все, что необходимо, чтобы быть человеком, и сие вмещается в такой совершенный и краткий "символ веры"! Только *вера* не поминается в этом октаэдре терминов. Не потому ли, что сами верующие возвестили, что что-то одно: или любовь, или вера? Ибо их вера не совместима с любовью. Ибо их *любовь*, ограниченная бесплотной и бездушной истерической привязанностью к Богу, ничего не имеет от любви, она – покорность раба, параноидная привязанность узника к своему конвою, тот Стокгольмский синдром, который был замечен в отношениях заложников к захватившим их террористам. Атеисты и верующие проживают жизнь, не зависящую от их отношения к Богу, но от таланта, ума и свойств характера, от происхождения, воли, случая... Иногда от чуда.

А кто таков я сам?

Жизнь еще не закончилась, если и музы позвали,  
 Все, что было всегда, то и будет не раз впереди.  
 Сон под звон комаров белой ночью на сеновале,  
 Взгляд сияющих глаз, а потом вдруг шопотом: *отойди!*  
 Нет, отвергнут не всеми, и стих мой не всеми заброшен,  
 И измены не все испытал я, увы, до конца.  
 За забором стоит луг зеленый не тронут, не скошен  
 И в дожде и в слезах кто-то машет платочком с крыльца.  
 Грянет выстрел, ну что ж, я давно его жду в лае гончей.  
 Кто-то скажет, жалея: Судьбе так угодно, пора!  
 Но я верю себе, без сомнения, спор мой не кончен,  
 Даже смерть – не предел на пути оправданья добра.  
 Я заносчив и горд, очень часто доверчив до крови,  
 Как солдаты в бою, ожидаю чудес и наград.  
*Человеческий сын*, не отвергну ни капли любви,  
 И к чудесному Древу пойду с новой Евоею в Сад.

Я воспринимаю бытие как синтез различных его ликов: в причинно-следственных связях, детерминирующих отношения материальных вещей; в вероятностных связях, характеризующих случайности, как волю и как чудо. И хотя личность существует преимущественно в соединении неотвратимости и случая, но и воля и чудо позволяют «ждать и надеяться», **любить и верить** (в нашем, человеческом смысле этих слов)...

Но общие рассуждения ничего почти не говорят о человеке, недостаточно о нем говорит даже то, что он мыслит и чувствует, вот почему роман и глубже и истиннее поучения и рассуждения. О человеке говорит поступок, и наиболее всеобъемлюще говорит поступок в состоянии крайности, в особом, даже безвыходном положении, на краю жизни и смерти (как и кривая появляется в своих особых точках). Однако, и обыденные происшествия раскрывают немало в характере героя романа, и я приведу несколько таких происшествий из своей жизни.

Вот, например, мне 22 года, я учитель математики в старших классах, у доски самая красивая девочка нашей школы, она "бледнеет, краснеет", но сказать ничего не может. «Садись, говорю я, спасибо, пять!»

«Ну да, оживляется класс, с хвостиком внизу?» «Нет, возражаю я, посмотрите!» – и я показываю всем журнал.

«За что? Это же нечестно?!»

«Давайте на-спор, я докажу, что честно!»

Мы заключаем пари.

«Итак, возьмем окружность... нет, трапецию... многоугольник... впрочем, лучше возьмем меня. Надеюсь, вы согласитесь, что я человек умный?»

«Если не считать последнего случая, то согласился».

«Ничего, если я выиграю спор, то придется признать, что и в последнем случае я не глупее. Итак, я умный. Но я еще и талантливый, разве я не помог классу победить в конкурсе стенгазет?»

«Да, талантливый.»

«И при этом еще и слегка симпатичный?»

«Ну, не хуже других!» – протянул классный фрондёр.

«А теперь мне скажите, за какие заслуги я по всем этим предметам имею по крайней мере четверки?»

«Заслуги родителей!» – закричали все хором.

«Это-то несомненно, но моих личных заслуг в моих четверках ведь нет, я не зубрил перед уроками, даже экзамена не сдавал, а по математике и вообще не готовил уроков... и вот – верховный учитель ни за что ставит мне круглые четверки. А теперь посмотрите на Таню – разве она не стоит пятерки? Разве ее внешность меньше стоит, чем знание этих проклятых теорем?»

Таня вдруг заплакала.

«Не расстраивайся. Через неделю-две попросишься к доске, выбери себе какую захочешь тему, отметку тебе будем ставить все вместе, уж в этом случае она будет точно оправданной! А завершение нашего спора мы пока отложим...»

Прошло две недели, Таня отвечала у доски, ей задавали каверзные вопросы, и она была выше похвал.

«Теперь посмотрите, я расписываюсь рядом с той прежней пятеркой – согласитесь, что именно тогда мы посадили ее семечко в лунку, а теперь оно проросло, не так ли? Значит, оценка была поставлена честно?» Надо добавить, что с этих пор получала она только заслуженные пятерки. А я сделал вывод, что эстетическое является одновременно и высоко интеллектуальным (то есть логически совершенным) и нравственным.

В школе меня любили. Как позже и в тех учебных заведениях, где я преподавал. Студентам я ставил плюсы только за то, что они не пропускали занятий. На экзаменах подсказывал. Разрешал шпаргалки и даже позволял искать ответ на вопросы по учебнику. Однажды ко мне приехала проверяющая из Москвы. Я отпустил ее шляться по городу, чтобы не сидеть в аудиториях. Отчет, сказал я ей, мы напишем вместе. Администрация будет за это ей благодарна, потому что и администрация переживает за мою репутацию.

Но вершиной моих успехов было то, что девочка пятиклассница под мою опеку вела уроки вместо меня, мы с ней менялись, правда, она была не столь покладиста и даже ставила двойки, которых я никогда не ставил. Но объясняла темы уроков она лучше меня. (По-видимому, в каждом человеке спит гений, надо его только будить когда надо).

Вероятно, в каждом человеке спит и безукоризненный человек, не нужно только доводить его до того, чтобы он засыпал.

(И все же отсюда не следует, что нет ни добрых ни злых и все одинаковы, и ко всем надо относиться одинаково, и тем более что следует поступать по слову Христа – «а Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»).

Зачем надо любить ближних, и что сие значит, значит ли это, что надо любить всех? Но тогда говорилось бы, что надо любить всех? Зачем надо любить врагов своих, и значит ли это, что не надо любить **не** врагов? Но тогда бы не надо было любить ближних, что противоречит заповедям...

Вообще все эти повеления любить тех или других профанируют само понятие любви; вообще сам этот метод поучений, когда нечто справедливое доводится до абсурда, напоминает софистику или диалектику как **остранение**, утрирование, гротеск. Таковы же и утверждения что «блаженны нищие духом», «не судите да не судимы будете», «последние станут первыми», «сила моя в немощи» (любимый тезис апостола Павла). И как я полагаю, что диалектика есть центр всей философии апостола Павла, то приведу еще подобные его утверждения.

«...Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. ... мы проповедем Христа распятого, для *Иудеев соблазн*, а для *Еллинов безумие*,

для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков.»

«... Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, ...»

«Ибо я думаю, что нам, *последним посланникам*, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; ***мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне.***»

«Но Господь сказал мне: ***«довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»***. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен.»

Однако, я ведь собирался рассказывать про себя. Вот уж точно я противополжен типу христианина, как он дан в Новом Завете, особенно же у апостола Павла, и немощами не хважусь, а жалуюсь, и силы в них не нахожу, и к *нищете духа*, как и все последние поколения, не стремлюсь, но отсюда не следует, чтобы по противоположности меня причислять к слугам Дявола. Все таковы, как я, и даже все современные христиане таковы же как я, никто из них не может сказать «мы безумны Христа ради ... мы в бесчестии ... терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся... Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; ***мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне.***»

Но ныне никто не таков, ни Кьеркегор, ни Леонтьев, проповедующий *любовь через страх Божий*, даже Достоевский с его Легендой о пришествии Христа в Севилью и чуть ли не новой его казнью, даже Толстой, даже Розанов, Мережковский, Бердяев и все Булгаковы. И уж тем более не таковы, как представляет христианина апостол Павел, современные христиане, они только потому себя причисляют к христианам, что в церковь за причастием ходят (как я за вином в кабаке), и спрашивают у батюшки, отнеси ли Пушкина на помойку.

## 2. *Любовь, добро и воинствующая церковь*

**8 июня, среда, 12-05.** Еду в город, сначала в Суд за копией ответа (который до меня не дошел), затем в Управление Окт. ж.д. с жалобой на Голос, терроризирующий в Окуловке пассажиров, объявляя: «Разбегайтесь! Из Москвы приближается гроб на колесиках!», затем, возможно, на вокзал за билетом в Окуловку и из, затем в Сбербанк, чтобы ликвидировать карточку, которая меня терроризирует.

Вечером в семь часов в Питеркирхе концерт, и только это меня утешает

А теперь продолжу про христианскую церковь.

Апостол Павел пишет про христиан: «*Гонят нас, мы терпим...*» – но было ли так когда-то и так ли было?

В советское время церковь гнали, и храмы почти все разрушили, и даже при моей жизни, и потому моя история христианских гонений, написанной христианами, доверяли. Но... уже в Новом Завете говорится о самом Павле: «*А Савл гнал церковь, врывался в дома и влачил верующих в судилище*».

И Христос говорил не слабее того, что Савл делал:

«Не мир я принес, но меч».

«Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! ... Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.»

Это ли *сладчайший* Иисус, как о нем сказал Розанов? Это ли *блаженный* "иисусик", как его насмешливо называли в советское время? Не был он ни "*сладчайшим*", ни "*блаженным*"! Но был ли он учителем добра и любви, принес ли он человеку свободу, как уверял Достоевский и все богоискатели иже с ним, особенно Розанов? Благословляя покорность раба рабовладельцу, а о свободе говоря: *познайте истину, и истина сделает вас свободными?*

Христианство не только не было кротким и смиренным, хотя и учило сему, но было суровым и жестоким, как почти все религии, противопоставляющие человеку божество и унижающие человека; не могло обещать блаженство и учить ему учение, противопоставляющее жизни смерть, обвиняющее человека в самых страшных грехах и только кары, вар и смолу обещающее в "награду" за жизнь.

Нет в христианстве ни любви к человеку (но только любовь к Богу), ни сострадания, ни заботы!

И такова его история: Крестовые походы, пытки и казни инакомыслящих, блаженство церковным иерархам.

### ***3. Воинствующая церковь***

В Интернете нахожу заметки Маноло Глишева, в которых он пишет (с сожалением) о том, что церковь уже не *воинствующая*, хотя «была такой во всех своих исповеданиях на протяжении первых семнадцати веков своей истории. Едва в последние двести-триста лет ее способность к борьбе уменьшилась.»

«Сегодня в Европе мало кто может понять, что террористические акты исламских фанатиков – это проявление очень жизненной, воинствующей религиозности, какой была когда-то и христианская. Подобное признание вынудило бы нас прийти к неприятному выводу, что эти люди, в отличие от нас, исповедуют веру в наиболее непосредственном, жертвенном, но и в наиболее *созидательном* смысле.»

А что созидательного, позвольте спросить, в *террористических актах*?

«В Средние века и на заре Нового времени Церковь воюет с оружием в руках. Языческие храмы разрушаются, еретики убиваются, варварские народы обращаются в христианскую веру мечом Карла Великого, секирой святого Олафа и плахой князя Бориса-Михаила. Христос, может быть, не хотел точно этого (а кто может сказать, что Он хотел?), но все великолепие христианской цивилизации вырастает из почвы, обильно политой кровью».

**Великолепие** – относится ли только к убийствам людей и разрушению языческих храмов? Или под словом *великолепие* понимается строительство храмов и дворцов в городах, феодальных замков и дворянских поместий, театров, университетов, дорог между городами, каналов, возрождение ремесел, строительство горных рудников, заводов, фабрик, строительство кораблей, производство мебели и одежды, книжное дело, украшения и картины? Но тогда позволительно спросить, создавали ли эту **цивилизацию** самые "подлинные" христиане, то есть монахи, отшельники, бродячие проповедники, юродивые, священники, епископы – или как раз те, кого преследовали и убивали "подлинные" христиане, то есть писатели, ученые, философы, инженеры, живописцы, ремесленники, крестьяне?

Разрушение Серапеума в Александрии и уничтожение Александрийской библиотеки относится ли к «христианской цивилизации, которая вырастает из золы древних книг и обломков античных статуй на почве, обильно политой кровью»?.

Вообще канонически *земная церковь* именно и называется *воинствующей* (потому что она и была создана только как **сила**, но никогда как **слабость**, смирение и кротость проповедавались *подвластному населению*, но не **императору** и **первосвященнику**. **Христианство навязало себя человечеству силой**. Культура и цивилизация выросли не благодаря христианству, а вопреки ему. Вот так же и Россия выстояла вопреки большевикам, а не благодаря им, и в войне с Германией победила не под руководством Сталина, а несмотря на его дикие и опасные для России усилия, несмотря на их сатанинскую партию (в которой, конечно, простые люди оставались людьми, как, надо казать, и в нацистской Германии не все озверели, не все хотели истребить большинство европейских народов и присвоить их материальные ценности. Но Германия потерпела поражение и протрезвела, **мы свое поражение еще не осознали**).

#### 4. В темном лесу

Читаю тексты адвентистов седьмого дня о *просеивании*, ибо Христос стремится создать свой народ, состоящий только из верных, и вот надо отсеять из всего множества плевелы от пшеницы. Потом читаю об излишнем почитании и восхвалении человека, вместо Бога. Потом читаю о том, что надо делать что-то хорошее не формально, а переживая, чувствуя это делание (и это хорошо, большинство богословов стремится внушить духовную любовь, духовную радость, духовное делание, изгоняя чувства, которые якобы слишком человечны и отвращают от Бога); потом еще читаю...

И вдруг я понимаю, что я в темном и диком и густом лесу, и мне из него никогда не выбраться, я не могу все частности связать в некую систему идей.

Рощи и опушки, склоны, долины, ручьи и реки – все может стать символом, связывающим деревья в лесу в некий цельный "ландшафт", и их может быть великое множество – вот так и с христианскими церквями, количество которых продолжает увеличиваться, и каждая из них словно бы по своему прочитывает Священное Писание и по своему интерпретирует смысл и задачу христианского мировоззрения – вот так же театральные постановщики сегодня стараются каждый под своим собственным углом зрения интерпретировать классические драмы, и у каждого получается новая драма, не похожая на созданную автором.

**Послушание** поставлено в центр христианского отношения к жизни, послушание *отцовского* запрета спорит с *половым инстинктом* за причину **первородного греха** – и тем не менее глубокомысленные писатели всерьез обсуждают удивительное трансцендентное событие *метабытия* – дарование Христом человеку свободы.

*Раб, подчиняйся рабовладельцу, жена – да убоись мужа, подданный – отдай императору жизнь, дети – будьте послушны родителям, монах – следуй беспрекословно за старцем или настоятелем монастыря, верующий – отдай Господу честь и совесть и саму душу свою* (особенно повелевает преподобный Игнатий отказаться от чести) – и при этом современные философы говорят о *христианской философии* (как Глазенап говорил о социалистических Таблицах логарифмов), а философы конца девятнадцатого и начала двадцатого столетия наперебой восхваляют свободу, которую принес в мир Христос, не удосуживаясь разъяснить, что свобода в разных плоскостях бытия проявляется по разному, а что касается веры, то до Революции 1905-1907 годов не было свободы вероисповедания (то есть свободы совести) и не была отменена цензура, в том числе духовная, и сам Розанов подвергся репрессиям со стороны духовной власти.

Но как пишет Розанов? Когда он касается брака, от христианских ограничений в отношении свободы которого он страдал, то он пишет прямо дерзко и ругательно: *«О, девушки и мужчины, топчите копытами, раздирайте рогами это проклятое скопческое отродье. Гоните его за забор. Скорее гоните из дома своего: смотрите, это резчик-скопец подкрадывается к вам с кривым ножом, чтобы отрезать то, что ему самому подлецу не нужно.»*

И вот один из примеров правильной христианской семейной жизни, который он приводит (Перед Сахарной): «...в Петербурге сек с конюхом (при пособии конюха) свою жену гвардеец, – урожденную Варгунину, за которую взял 150 000 приданого, но уже во время ее первой беременности сказал ей, что его, как дворянина, компрометируют поклоны на улице и посещения на дому ее купеческой родни и чтобы сама она постаралась, чтобы эти родные "не навязывались" и не "ходили к нам", а затем начал – и сечь (на конюшне). Отец, Варгунин, обратился к властям, но, согласно NN и Новоселову, получил "кукиш с маслом" в утешение, т. е. "ни развода, ни отдельного паспорта на жительство", ни вообще – "прав у отца на дочь, раз она обвенчана". И только уплатив еще 75 000 "правильно-каноническому, повенчанному" мужу, отец вызволил дочку из "благодатного благословения церкви".

Так была подробно, с именами, рассказана в "Гражданине" князя

Мещерского эта петербургская история. Я не прочел, к сожалению; но со слов "Гражданина" рассказывала вслух всем гостям эту историю за обедом Анна Ивановна Суворина. Да что: разве не такую точь-в-точь историю рассказывает в "Семейной хронике" С. Т. Аксаков? <sup>12</sup> И у Аксакова все духовенство прочло это; прочло и ничем не отозвалось».

Но вот отошел он от семьи, успокоился, смотрит на храм – красиво; слушает пение в храме – ангелы поют; слушает литургию – на душе благодать – и бросается на защиту и восхваление и церкви и христианской веры, забывая, что это он был в театре. У всего есть много сторон, и всякая общественная жизнь многосторонняя. Вот посмотришь на солдат на параде – красиво – так что же, восклицать, что армейская жизнь вся прекрасна? Нет, не вся же она парадна. Вот так и церковь и вера, у них много сторон. И в семье есть и ночь и день, и постель, и обед и труд.

Я исследую не то, красива ли литургия в храме – красива, но годится ли христианство, чтобы быть основой общественной жизни, культуры, науки, государства? Революции происходят не потому, что ни за что ни про что взбесились люди, а что *накитело!* Театр в 19-м столетии был прекрасен, но примирял ли он с крепостным правом? Помещиков – примирял. А крестьян?

Следовательно, надо так сказать, что христианство – это способ устроить с духовной стороны жизнь феодального общества, перед своим закатом само это общество и отвергло христианство, дворянская культура девятнадцатого столетия была уже почти не христианской.

*«Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...»* – о прекрасной женщине писал Пушкин, о томлении по любви к ней, о восхищении ее красотой, о дружбе, восхищении красотой мира, о свободе, о творчестве, об общественных и личных идеалах... и т.п. Писал ли он о том, что надо ходить в церковь, молиться, причащаться, что церковь есть то и то, что ... кстати, читатель, попробуйте мне хоть несколько слов сказать, о чем пишет тот или иной православный писатель, митрополит какой-нибудь, учитель Закона божьего – не сможете, потому что писали они неизвестно о чем, *ни о чем...*

### 5. Любовь и дружба

И поэтому мне надо как-то закончить эту книгу, я уже не понимаю, о чем и зачем ее пишу.

Ну, влюбился в чудесную женщину, по неизвестной причине она вдруг убежала... меня терзает незнание, что с нею случилось, счастлива ли она... Быть может, следует узнать, что с нею, зайти к ней на работу, спросить, работает ли она, и успокоиться. У нее есть семья, любовь ее прошла, вероятно, и не было любви... Поплакать как-нибудь ночью, вспоминая ее, и расстаться, не писать больше ни о ней, ни о любви, ни о странном Боге (или Сыне Божиим), который вменяет в вину человеку, что мужчины и женщины влюбляются друг в друга и рожают детей.

То же самое и с моим восхищением другой женщиной, к которой притянуло меня не сострадание, а умиление. Она ко мне вдруг на мгновение

качнулась, опомнилась – отодвинулась от меня. Поплакать как-нибудь ночью, вспоминая ее, и расстаться, не писать больше ни о ней, ни о желании дружить с нею. У нее не только прошло притяжение ко мне, но и не начиналось.

Правда, я человек и честолюбивый, и обидчивый, и гордый, я все еще надеюсь, что этому миру, которому я не нужен, я что-то еще докажу.

В девяностые годы, когда я еще был молод и энергия была через край, я ничего не сумел сделать, издал множество книг, среди них даже очень хорошие, но они обществу оказались не нужны.

В последние пятнадцать лет начал я писать свои книги, но и они обществу не нужны. Розанов пишет, что каждая книга нужна бывает кому-то, кого она притягивает – но не так ли и человек? Мужчина является центром притяжения для женщин, которые именно в нем нуждаются, и я все живу в оглядках, и то к одной подхожу, то к другой, не нужен ли? Не страдаете ли вы без меня, не сохнете ли? Здесь есть таинственное противоречие, заключенное внутри меня, может быть, даже некоторое соединение во мне двух личностей. Расставаясь с сей книгою, заканчивая уже мой бракоразводный процесс с христианством, я должен обрисовать свое положение в обществе.

Необходимо сказать несколько слов о моей семье, друзьях, знакомых, о моих отношениях с государством, с судьбой, с Богом...

### ***6. Семья и судьба. Друзья и подруги***

В двадцать лет я влюбился, мы каждый день встречались, потом начали ссориться... Почему? Как теперь я не могу понять, почему оттолкнула меня *ласточка*, так не мог я понять и в прошлом, что нас разъединило – хотя казалось, что мы не можем жить друг без друга. Но все же тогда любовь моя была эгоистична, я любил для себя, и её присваивал. Устав от ссор, неожиданно я влюбился в другую, и хотя она три года не решалась влюбиться в меня, но все же, в конце концов, мы поженились, и даже обвенчались (что в то время для студентов было редкостью).

И вот каков вывод: как бы я ни жаловался иногда на жизнь, на трижды тюремное заключение, на теперешнее преследование властей, так что мне не выдают ни пенсии ни даже компенсации за эти отсидки (которую закон и не разрешает отбирать), на то, что меня ни разу ни одно издательство не напечатало (печатал я сам себя за свои деньги по четыре-восемь экземпляров и отдавал друзьям и подругам) – но как бы я ни жаловался иногда, и раньше и теперь я понимал, что Судьба или Высшие силы ко мне относились изумительно хорошо: и родился я в прекрасной любящей семье, хотя и бедной, и выбрали для меня девушку кроткую, терпеливую, любящую и заботливую. А как же та, другая? Мы с нею потом отчасти дружили, она с мужем ходила на мои литературные вечера, и я до сих пор чувствую перед нею вину, словно бы я обделил ее самым главным – собою. А ведь жить со мной нелегко, другая, кроме моей жены, не выдержала бы меня. И в то же время жена думает, что я *лучший*. Но чем же я лучший, влюбляясь постоянно в других? Умнел я, может быть, отчасти и характер сглаживался, становился менее вспыльчивым, отчасти и писать я учился. Но глубокие вещи начинаю понимать только-только...

Тридцать лет у нас проходили литературно-музыкальные вечера, ходим мы в филармонию и театр, много ездили по стране и ходили пешком с рюкзаком, много у нас друзей, которые нас любят, но есть и такие, которые нас терзают. Я собирал книги, жена стала довольно известным ученым, студенты ее как преподавателя обожают, родили мы сына и внучку (не совсем, конечно, внучку рожали мы, но все же...), теперь еще и двухлетний малыш, влюбился в пускание мыльных пузырей, спит, держа эту мыльницу в руке. Будут и от него мучиться девушки, как и от меня, но я уже вижу, что сам он сознательно зла никому причинять не будет, как не причинял сознательно зла и я никому. Но по неосторожности, романтическим порывам, идеальности устремлений от меня приходилось страдать и окружающему миру.

И все же меня любили, почти все – разве это не говорит ни о чем? А я ни кому не прилаживался, был просто тем, кем и был.

Надо сказать, что семью свою я считаю лучшей, лучше меня, а слабости есть и у них... но нету грехов...

Но надо ли оправдываться в том, что я влюблялся?

Начну с Анны. Чувство, которое я испытывал к ней, уместно назвать *умилением*. И все же я думаю, что это тоже форма любви, и одна из высших. Но хотя она меня отвергла, я благодарен ей за то, что я ее встретил и испытал умиление, а она на мгновение испытала порыв... ну, какой-то порыв она испытала, и уточнять сие не будем. Но я к ней не пристаю, и в записках моих больше о ней писать не буду, ставлю точку... Надеюсь, что хотя умиление женщиной не относится христианами к духовной любви, тем более не является любовью к Богу, но для осуждения на адские муки греховности именно этой любви еще не достаточно.

*А ласточка?*

*«Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним!»* – сказал Отелло о Дездемоне. Вот так же и *она* меня, возможно, полюбила (но теперь я в этом уже усомнился) именно за *сострадание* к ней. Но является ли *сострадание* любовью? Как все человеческие чувства, и оно не бесстрастно и *не духовно*, и оно волнует кровь (что, по словам беспорочного Игнатия, которого ревностные христианки *читают на ночь со слезой*, хуже чем воровство и убийство) и любви к Богу не содержит, и любви к образу божьему в человеке тоже. Вероятно, такая любовь хуже всего, невозможно ее бросить и забыть и не беспокоиться о ней, как невозможно бросить раненого, которого тащишь по снегу, изнемогая.

Не знаю даже, витали ли когда-либо в моей сумасбродной голове греховные помыслы по отношению к ней, но я обещал ей, что мы не будем переходить черту, которую мы мысленно между собой провели, и мы ее не переходили и даже не имели таких намерений. Правда, мы обнимались (и блаженства объятий мне было достаточно), но я не жалею об этом, а счастлив.

Но пора и под этой любовью провести черту. Любила ли она меня? Пора тоже признаться и сказать правду, что конечно же не любила. Так не любят. Это было с ее стороны легкое сумасбродство... игра... или же это была игра волхвов, они захотели, чтобы мне удалось написать о любви не поверхностно, и они меня решили подвергнуть испытанию несчастной любовью.

### 7. *Надо ли человека хотя бы пожалеть?*

Бывает, что я чувствую себя счастливым, но иногда мне очень плохо. Причины иногда в болезни, плохо мне становится ранним утром, сегодня я в пять проснулся, лежал, лежал, да встал и сел за компьютер. Хорошо еще, Розанов нас таких, пишущих, оправдывает...

Плохо бывает из-за безденежья, меня окружили красными флажками, когда же охотники пойдут в загон?

Звонят отовсюду, выматывают душу, семья наша в долгах вся, мне советуют не поднимать телефонную трубку или ее бросать, когда речь заходит о деньгах. Но я так поступать не могу. Мне тяжело, когда в меня бросают слова, угрозы, книги, жесты, поэтому трубкой бросить хотя бы в пустоту я не могу. И я страдаю.

Кто-нибудь меня может пожалеть?

Как ни странно, могла пожалеть *ласточка*, хотя я изобразил ее сумасбродной и легкомысленной.

Кому я могу сказать о необходимости жалеть человека? Все вдруг стали христианами, поэтому никто из них меня не захочет слышать.

«Человек рожден для счастья», говорил Горький, но он жил в одну из самых жестоких, самых невыносимых эпох, когда кровь лилась реками, когда лицемерие и ложь подменили все человеческие слова, когда о жалости он сам сказал, что она унижает, и это прилипло к обществу, и пожалеть человека с его дурных слов стало считаться зазорным. Следователи выбивали признания в несуществующих преступлениях, выбивая зубы – не только крестьянам и кулакам, но и будущим маршалам, знаменитым писателям и актерам; выбивали ребенка из чрева матери коваными сапогами. Мои современники, многие из них приятели мне, оправдывают эту эпоху, любят Сталина, оправдывают пытки Инквизиции и Крестовые походы.

Рожден ли человек для счастья, имеет ли он право к нему стремиться? Большевики уверяли, что *человек рожден для революционной борьбы и строительства светлого будущего*, сам для себя жить он не имеет права. Христиане уверяли, что человек рожден для жертвы и для мучений. Для христиан нет ничего более ненавистного, чем стремление к счастью. Надо сказать, что счастливые не всегда вызывают сочувствие, часто они кажутся толстокожими и тупыми, даже пошлыми. Страдающий человек более утончен, счастливые хохочут и пьют пиво.

И все же – хотите ли вы, чтобы ваш ребенок стал несчастным, чтобы его обманывали, били, пытали, сажали в тюрьму, чтобы он умирал на поле боя, и некому было его пожалеть?

То, что я чувствую себя несчастным, видимо, хорошо, я поэтому и пишу о несчастных, было бы мне хорошо, я бы пил пиво и хохотал.

И все же, при виде плачущего человека у меня что-то обрывается внутри. *Ласточка* меня бросила, наговорила мне оскорбительных и несправедливых слов, но вот так же у меня постоянно обрывалось что-то внутри, когда она мне писала или звонила и говорила, что ей плохо... *Но жалеет ли её Бог человека так, как его жалеет всякий сердобольный и сострадающий, как жалел её я?*

Но как все же относится Бог к человеку, как относится к человеку христианство? Что целью и смыслом жизни человека ни при христианской власти, ни при социалистической не является счастье, с этим, я думаю, согласится всякий хоть сколько-нибудь не бездумный человек. (Спросил у одной молодой особы об этом, она ответила, что счастье ни при каком взгляде на мир не может быть целью, что оно либо сопутствует самой деятельности человека, либо проявляется косвенно в связи с достижением поставленной цели. Ну, разумеется, писатель или философ пишет книгу не для того, чтобы стать счастливым, но когда он ее дописывает, а тем более когда он держит в руках ее напечатанный экземпляр, обычно он становится счастливы. Так и в любви, и даже во всякой работе, добиваясь ее завершения, мы испытываем наслаждение, удовольствие, радость, мы счастливы. И только христианство ненавидит человеческое счастье, только оно ненавидит и человека и ставит перед ним цель, подобную той, предположение о которой мы только что отвергли, то есть счастье: *христианство объявляет целью существования и смыслом жизни страдание, жертву, крест*. Жить надо не только не стремясь к счастью, но именно стремясь – к несчастью, страданию, боли, к мученическому венцу. **Сподобиться мученического венца**, то есть заслужить его, можно лишь от мира, от его ненависти, но чтобы эту ненависть вызвать, надо самому ненавидеть и всячески свою ненависть проявлять и выказывать.

Современный христианин как мантру повторяет: *Бог нас любит, он даровал нам свободу, он искупил нашу смертную вину, искупление мы получили даром (отдав ему свою душу)*.

Но любит ли нас Бог?

[Немного отвлекусь... в советское время каждый фонарный столб в городе был украшен всевозможными славословиями в адрес партии, коммунизма, Ленина, Славы Кпсс. И до того они проели нам всем душу, что народ обратил все эти славословия в анекдот, ругательство, чертыхание. Ежеминутное поминание бога стало спортом, состязанием, рефлексом, чем-то вроде «это самое», приклеивающимся к словам. У евреев запрещено *помянуть имя Божие всуе*, даже в евангелии говорится: *по делам их узнаете их* – но нет, христиане затопили свою веру словами. И поток «божественных», духовных текстов все усиливается, тексты эти неотличимы от теософских писаний, и христиане неотличимы от "рерихнутых". Европа устала от христианства, неужели не устала Россия, после стольких революций и войн?]

Боюсь, что и Бог устал от наших ему воскурений, восхвалений, славословий! Или ему это нравится? Неужели и он таков же, как якутские божки, требующие, чтобы им мазали губы салом?

Но будем серьезны, станем на время снова математиками.

Все это море бесконечно лживых утверждений образовалось из-за того, что истина подменяется сказкой. Существует только одно истинное христианство, соответствующее Новому Завету, все остальные ложные. Дело вовсе не в том, какое из многих христианств лучше, какое хуже – исходное, родившееся в первом веке так называемой христианской эры, хуже всех, но именно оно и является христианством, все остальное – интерпретации, ответвления.

«Жить надо аки умереть, по апостолу Павлу, «Возьми крест свой на себя и иди за мной», по Христу, «умерщвляй плоть, душу, саму жизнь, согласно ВСЕМ ученикам и последователям Христа от первого века до сего дни» и живи только для царствия небесного, для послесмертия (посему каждый истинный христианин радуется смерти, особенно если она мученическая) – вот истинное суровое жертвенное, аскетическое христианство, радостного в нем ничего нет.

А как же церковь, литургия, церковные праздники, музыка и песнопения, как же мирская жизнь, которая хотя и сопряжена с церковью, но включает в себя «двое в единую плоть», и венчание, и рождение детей, и семью, и труд, и даже войны, и даже войны самих христиан с оружием в руках, а не с крестом, так что все истинные христиане сегодня скорбят о затухании религиозного энтузиазма в Европе, скорбят, что он остался только в России и у мусульман? Как же весь сонм современных верующих, которые вопиют радостно к небу, что *Христос нас любит* (а вовсе не вар и не смолу обещает), что Он нас спас (**уже**), словно бы и не надо смердеть своей святостью перед Богом, что надо жить и веселиться, а вовсе не стремиться к снисканию мученического венца?

А никак.

Человека живого не всякого можно переделать, обречь на смерть при жизни, да к тому же... к тому же тут самая загадка христианства, его двойственности, двоякости, противоречивости (хотя оно и в каждом почти слове противоречиво, ибо основной метод его рассуждений, споров, притч – *диалектический и софистический*, – и вот посему кроме **христианства настоящего** существуют тысячи христианств, сект и церквей условных, приблизительных, приближенных к жизни, *заменяющих христианство*.

Но так ведь и везде.

Социализм и коммунизм открыты Платоном и возведены в его «Республике», где и жизнь в казарме с запретом закрывать на щеколду двери жилищ, общее имущество, общие жены, общий труд и общая жизнь под водительством избранных (которые, кстати, для других назначают жен, а себе выбирают лучших); далее «Город солнца» Кампанеллы, «Утопия» Томаса Мора, социализмы Монтескье и Руссо и уже покотился вал... Затем научный коммунизм в «Капитале» Маркса, приобретший черты своеобразной иудейской религии – и вот этот, я полагаю, выкристаллизовался в настоящее, подлинное, каноническое христианство... ммм... то есть, я оговорился, в научное коммунистическое учение (как в Новом Завете, утвержденном в третьем-четвертом веках, когда отвергли множество апокрифов и отредактировали канонический текст). Но, во-первых, нельзя забывать, что еще в древнем Китае несколько раз утверждалось коммунистическое государство, и в других древних обществах, еще до Платона (и об этом пишет Шафаревич в его «Социализме как явлении исторической жизни», где он, удивительно ли, но основной чертой социализма утверждает **волю к смерти** – не то же ли и в христианстве?)

После Маркса в России утвердился людоедский социализм Ленина-Троцкого-Сталина (и не надо придавать чрезмерное значение их личной борьбе за власть между собою, никто из них не лучше другого).

Я исследую каноническое учение, ту тучу, из которой идет дождь, а не легкие облачка на небе, почти не содержащие воды.

Так называемые христиане, примут ли они на свой счет мои рассуждения, отрицания и книги, на самом деле никакого отношения к христианству не имеют, это их адаптированное детское переложение подлинного учения, как, например, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, с которым все знакомы, всего лишь пересказ тяжеловесной книги серьезного английского писателя для детей. Впрочем, Розанов гораздо сильнее ругает церковь, чем я, почти все, что я пишу, опирается на его идеи и выводы, но он пытается оставить для себя христианство, помилив его с половой любовью – но суть состоит в том, что помирение принципиально невозможно, христианство – это религия будущего (потустороннего мира), а не настоящего, как и коммунизм – религия «светлого будущего», но на земле, а не на небе. Поскольку человеческое в человеке не во всяком истребимо, и подлинный человек хочет полноты жизни, непосредственной, именно теперь, пока он живет, а не после смерти и не в грядущих поколениях, то и христианство и коммунизм не могут не быть человеконенавистническими, они непременно в человеке что-то истребляют, то половую любовь, то частную собственность, то личную свободу, свободу думать и рассуждать по своему, то гордость, честь, совесть, сострадание, любовь к природе и миру, **любовь к своему народу**.

Обратите внимание, что природа совершенно отсутствует и у христиан и у большевиков, изредка упоминаясь, и они ее стремятся переделать, то реки соединить каналами, то повернуть их вспять, то велют не работать и не заботиться о завтрашнем дне, то есть и не пахать землю.

Сострадание заменяется любовью к Богу или партии, принципиальностью, народность ненавидится, вместо нее или братья и сестры во Христе, или пролетарии всех стран...

Жить сегодняшним днем и для сегодняшнего дня – это не лозунг и цель эгоистов, гедонистов, тупых животных, напротив, чем идеальнее человек (вот как я), тем более он привязан не к отвлеченным химерам **потом и там**, а к дню настоящему, к **теперь и здесь**. Заботясь о других, он привязан и к себе. Он любит женщину и ребенка, при этом и сам преобразаясь и наслаждаясь. Бесмысленно спрашивать, для себя он любит или для них, **любовь существует в единстве себя и другого**.

Мать и жертвует собою, и счастлива, кормя ребенка, играя с ним и одевая.

Хотя и существует эгоизм и в любви и в дружбе, и существует даже слишком эгоистическая любовь и слишком жертвенная, но тем не менее схоластически застреваю на выяснения «для себя – для НЕ себя», мы не только придем к «дурной бесконечности», но и к дурной философии. Можно сказать и так, что почти все содержит в себе логически неразрешимое, противоречие словно встроено в плоть и в дух бытия (да ведь и плоть и дух и сливаются и отторгают друг друга), но несчастные, истребляющие плоть во имя духа, истребляют и дух, ибо **ДУХ НЕ СУЩЕСТВУЕТ БЕЗ ПЛОТИ**.

А как же Бог?

Не знаю, как Бог. Я бы уже хотел развязаться с христианством, но незаконченность моих рассуждений не дает мне это сделать.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

### ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПОДСУДИМОГО

#### 1. Вводные слова

*10 июня, пятница, 11-44.* Попробую все остальное вместить в последнюю главу, надо еще написать по поводу крови (о чем пишет Розанов), а с этим связаны и жертва древних, и «чувствование от движений плотских и волнения крови», как пишет Игнатий, и национализм, и Обрезание и Причастие, и Красное большевистское знамя, и скрепление договора с Дьяволом кровью, и соединение кровью заговорщиков в романе Достоевского «Бесы», и у разбойников повязывание их кровью, и даже перемена имени у христиан и большевиков и воровские клички. (Обо всем этом я уже писал, но *судья* говорит, что «выкрылись новые обстоятельства»).

Ласточка обратилась ко мне за помощью, и я ее пожалел и помогал ей, несправедливо меня оскорблять за это.

Но верно и то, что я сам нуждался в помощи и сострадании (как и теперь), и когда я услышал ее призыв, я за нее ухватился не только чтобы помочь ей, но и припасть к ее коленям и просить утешения и защиты, как ребенок у матери. Но вместе с тем мне очень хотелось взять ее на руки, она не соглашалась, а я хотел тем символизировать, что она мне удочеряется. Женщину ведь любишь как **всё**, а не как что-то единичное, во всяком случае, идеальный человек (вот как я), в отличие от узкого христианина, так ее всеобщее любит.

А помыслы, в которых она меня упрекала? Да помыслы у живого человека витают по отношению просто случайных даже соседок в метро. Как слышим мы запах, так притягиваемся и к плоти. Мы переполнены миром во всех его проявлениях, особенно в том, что *цветет и пахнет* (как цветы и женщины), христианство – это сообщество *«резчиков-скопцов»*, о которых он пишет (повторяю): *«О, девушки и мужчины, топчите копытами, раздирайте рогами это проклятое скопческое отродье. Гоните его за забор. Скорее гоните из дома своего: смотрите, это резчик-скопец подкрадывается к вам с кривым ножом, чтобы отрезать то, что ему самому подлецу не нужно.»*

До такой грубости я дойти не могу, но все же в этой главе я должен развестись с христианством без уловок. Оно человеку враждебно, враждебно именно достойному, талантливому, богатому духовно человеку. Оно для ушербных. Утешает ли оно их, скрашивает ли оно им жизнь? Нет. Должна быть религия любви и милосердия, обращенная к нашей трагической жизни и ей помогающая. Такой религии нет, но у поэтов, философов, музыкантов, и просто у хороших людей мы можем все это найти и соединить, и тем живы. (А хорошие люди, конечно, есть и среди христиан, и среди коммунистов, и среди даже нацистов, и среди мусульман и буддистов и язычников и атеистов). Но кто становится чем-то всецело, например, становится большевиком и истребляет в себя общенародное, или становится христианином и истребляет в себя общечеловеческое, вот такой человек становится ПЛОХИМ. Их и надо избегать.

## 2. Кровь. Жертва, Причастие

И все же меня мучает по отношению к *ласточке* не то, что некому меня теперь утешать, а что я боюсь, что ей плохо. А написать ей письмо – что же я узнаю, кроме притворных уверений в благополучии? А христианин иногда и сам заблуждается, его пожирает вепрь, а он приговаривает: *не судите, да не судимы будете* или *блаженны чистые сердцем!* – или и прочую такую же софистическую мудрость. Чистые сердцем, возможно, тоже бывают блаженны, как и нечистые, но мне важно знать, не рыдает ли она по ночам? – ибо хотя я и не носил ее на руках и не казалась она мне символически моей дочерью, но все же я сострадаю ей неимоверно больше, чем просто люблю, и из-за этого страдаю.

Но необходимо подвести черту: или зайти к ней на работу или просто отстать от нее, ничего не узнавая.

-----

А далее мои рассуждения о христианстве основываются на идеях Розанова. В числе книг, посвященных иудаизму и христианству, и его «Осязательное и обонятельное отношение евреев к крови». Мне это было бы и не важно знать, если бы не проистекало христианство из иудаизма, и если бы неожиданным образом не перекликались жертвы древних религиозных мифов, вошедших и в Ветхий Завет, жертвоприношение Авраамом собственного сына Исаака, хотя и отставленное по слову Божьему, и принесение в жертву Богом-Отцом Своего единородного сына в жертву за оставление грехов человеческих (а кому эта жертва принесена и по чьему почину, и зачем Богу-Отцу заклание собственного сына, уму непостижимо. Единственное предположение в том, что этого требует логическое развитие мифотворческого сюжета).

В иудаизме кровавые смертные жертвы были остановлены, остановлена рука Авраама, занесенная над Исааком – но зачем же христианству потребовалась новая, и уже беспрецедентная жертва: заклание не человека для умиловления Бога, но заклание Сына Божия, якобы даже единосущного Отцу, и хотя и неслиянного с Ним, но нераздельного?

Правда, Сын Божий воскрес (что является не фактом бытия, но фактом веры... как, правда, фактом веры является и распятие Сына Божия, и грядущее, после второго пришествия, воскресение человека).

Но положим, человеческие жертвы, которые приносились постоянно, в иудаизме были посчитаны достаточными, и отменены, и вместо того, чтобы отныне обрезать человека на смерть, Бог назначил за него символический выкуп – кусочек крайней плоти (**обрезание**) – для подтверждения нерушимости Завета евреев с Богом (и то же приняли арабы в своей новой религии).

Но христианству (как иудейской секте) показалось, что человеческие жертвы недостаточны для умиловления Бога-отца, и они – тем более что эту секту и основывает Иисус Назаретянин, подлинный или самозванный Сын Божий – решились на жертву во имя человека самого Бога (Сына Божия, единосущного Отцу). Но жертва эта должна была стать последней, Иисус воскресает, не как Иисус Назаретянин, а как Иисус Христос, и череда жертв отныне продолжается тоже только символически, как и у евреев.

Но в жертву Богу отцу приносится не кусочек плоти каждого нового члена богоизбранного народа, а частица плоти и крови Иисуса Христа в ознаменование и подтверждение Завета его с новым народом – христианами (своего рода тоже богоизбранным народом).

Какое-то в этом есть подобие, но оно производит странное впечатление.

И то же самое, и не то же самое, а словно отраженное в зеркале, где левое меняется на правое и наоборот, и вот жертва человека ради Бога заменяется жертвой Бога ради спасения человека, затем обрезание заменяется причастием, когда не плоть и кровь человека передается Богу, но кровь и плоть Бога передается человеку и вкушается им не символически, а подлинно, но при этом происходит и еще одно отображение, словно бы преобразование системы координат в математике или прямой функции в обратную, когда аргумент становится функцией и наоборот, а в причастии хотя и вкушается плоть и кровь Христовы, но сначала вкушаются хлеб и вино, специально приготовленные для причастия и освященные, а затем они таинственно пресуществляются не символически, а подлинно в подлинную плоть и кровь Христовы, так что некоторые священники (возможно, крещенные из евреев) даже чувствуют вкус крови, что им вменяется в особую заслугу.

Языческий древнеримский народ, хотя и знающий диалектику, но не превративший диалектику в саму жизнь, за причастие (такого таинственно почти каннибалического смысла) возбуждал против христиан судебное преследование, и они стали вино разбавлять водою (что это меняло, я, правда, не понимаю).

### ***3. Кровь как символ в сатанинских ритуалах и у разбойников***

Об этом я знаю понаслышке, и даже особо не размышлял о сем, а залезать в Интернет для более основательного знакомства с тем, как кровью соединяются члены банды и кровью скрепляет человек свой договор с дьяволом, закладывая ему душу, мне неприятно. Но мы все об этом много слышали и читали, например, в «Бесах» Достоевского и в «Мастере и Маргарите» Булгакова. Да, кровь является и трансцендентным символом и скрепой бытия, и почему преподобный Игнатий так неистовствует по поводу любви, происходящей от движения и волнения крови, я тоже не понимаю, если наоборот священник стремится в ложечке вина, испиваемого во время причастия, почувствовать вкус крови Христовой. (Но, однако, Христос был человеком, во плоти и крови, только на земле. Обладает ли Он и плотью и кровью на небе, я не знаю. Я только вижу, что введение христианами троебожия (точнее говоря, объявление Богом своего учителя, Иисуса из Назарета, чего не признали их единоплеменники в Израиле), неимоверно все усложнило и даже запутало. Иное из Ветхого Завета осталось как было (миф о создании мира и человека и грехопадении Евы и изгнании из Рая), иное подверглось переосмыслению (так, грехопадение Евы стало центром и осью всего метаисторического бытия), иное подверглось преобразению (так Завет с евреями заменился на новый Завет с язычниками), иное поменялось на противоположное, и повеление Бога «плодитесь и размножайтесь» превратилось в «лучше отсечь руку свою, чем прикоснуться ею к женщине!»)

Кровь, протекая через сердце, вызывает волнение, проливаясь на землю, вызывает ужас. В пищу ее употребление запрещено у многих народов, и мясо животного можно приготовить только после того, как стечет с него вся кровь. Почему та кровь, которая протекает через сердце, вызывает отвращение у христиан? Не потому ли, что они отражены в таинственном, мистическом зеркале, земное они прокляли и назвали дьявольским, полюбили небесное, но на небе не влюбляются, не женятся, не рожают детей. Изображение вообще не имеет ни плоти ни крови, возможно, все эти ритуалы и символы должны подготовить христиан к потусторонней жизни, где они станут листьями на древе Господнем, но уже в земной жизни им надлежит слиться с Христом в единую личность (разумеется, утерев при этом свою). Почему-то такая перспектива – потери личности – их не только не пугает, но прямо наполняет восторгом. То же и у большевиков, «единица ноль, единица вздор, но если в партию сгрудились малые...», и самое священное слово большевиков «масса»: народные массы, партийные, рабочие... то есть нечто бесформенное, не имеющее индивидуальности. Один православно-коммунистический писатель идеалом выставлял пчелиный рой, в котором у отдельной пчелы нет никакого собственного предназначения, но только роевое.

А как же кровь и причастие (или обрезание?) у большевиков? Разумеется, это у них центральный символ.

«Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с красным знаменем цвета одного» – то есть цвета крови. Эта кровь, правда, уже не проливается при обрезании, не вкушается вместе с вином, она была пролита предшественниками и пропитала красное знамя. И невольно видишь, что хотя христианами стали по иронии судьбы не евреи (хотя Христос пришел спасти свой народ и первые его ученики, создатели его церкви – евреи), но жертвенная кровь льется так же, как и тогда, словно бы история – это только их собственная мистерия. И уже не человек приносится в жертву, не Бог, а целый народ, русский народ и Россия.

Этим я не хочу сказать, что евреи отличаются в худшую сторону от других народов по нравственному критерию, немцами двигала другая мета-логика, не изобретали они ни обрезания, ни причастия, но обрели целую Европу, пустив реки крови, и если бы во второй раз Россия не была принесена в жертву непонятому Молоху, то и еврейский народ прекратил бы свое существование, и многие другие, не *обрезавшиеся* и не *причащавшиеся* (например, цыгане).

Кровь является не символической, а реальной соединяющей силой людей, соединяя их в народы, но вот почему-то в этом своем природном священном качестве кровь ненавистна и христианам и коммунистам. **Национализм** – самое бранное слово у интеллигентов, как и у христиан.

Движитель жизни, движитель родового единства, символ процветания, здоровья, – нет, это отвратительно! Похвалиться надо немощами, язвами, малокровием, бескровием (старцы и святые с иссохшими ликами), и хотя у евреев в Ветхом Завете призывается «возлюбить *близнего* ...», то есть *единоплеменника*, того, кто одной крови – но христиане эту любовь переиначили так же, как и все остальное, то есть превратили в абсурд.

«Как повяжешь галстук... с красным знаменем цвета одного» – не становишься ли словно бы сопричастен общему делу, общему отношению к миру, особому обществу единомышленников? Да, становишься сопричастен – так же, как члены банды, повязанные пролитой кровью. И здесь связывает (повязывает) принадлежащих к общему делу, поделщиков кровь, именно кровь, хотя и прежде пролитая и пропитавшая знамена и галстуки. Символическая общность трех таких разных групп людей, как христиане, коммунисты и члены банды проявляется не только через общее превращение **крови в символ жертвы**, но и общее отношение к имени, которое они все изменяют, изменяя ту группу, в которую входят.

#### 4. Факт веры и факт бытия

Является ли христианская Троица единым Богом? Даже если бы и являлась, то в крестной жертве Христа единство это пропадает. Умер и воскрес Сын Божий, а не Бог-Троица. И так же вочеловечился и родился от Марии-Девы только Иисус, но не Отец и не Дух Святой. Христианская Троица отчасти напоминает семью, но хотя есть и Отец и Сын, нет в этом «Святом семействе» Матери, ибо Богородица Мария, земная женщина, не является Матерью Иисуса Христа, предвечного Бога. И никакими богословскими рассуждениями и объяснениями это глубинное отторжение «Святого семейства» от человеческой семьи не объяснишь и не снимешь. Но если нет матери, то нет рождения, и потому не может Сын Божий быть рожденным, а не сотворенным Сыном в человеческом смысле слова (а в нечеловеческом смысле, разумеется, может быть *всё что угодно!* – но это всё всегда будет оставаться фактом веры, но не фактом бытия. И так как веры даже у учеников Христа было менее, чем с горчичное зерно, ибо горы они передвигать не могли, то это *"все что угодно"* будет существовать только для тех, кто верит.

Но могут ли они ответить на некоторый важный вопрос, который пропадает для тех, кто принял **веру вместо истины**: ЗАЧЕМ?

Зачем становиться христианином? – спрашивает об этом только человек свободный, еще христианином не ставший. Но ставший, то есть уверовавший, уже существует в новой системе ценностей и смыслов, боюсь, что диалог между нами и ими уже невозможен. И с *ласточкой*, даже если бы она решила встретиться, я поговорить не сумел бы.

Но, быть может, достижима и некоторая сверхлогика, в которой вера и неверие способны к взаимопониманию? Но я пока от нее далек.

*11 июня, суббота, 11-37.* Через полчаса уезжаю на чухонский хутор в баню (которая когда-то была *по-черному*, пока ее не спалил пьяный Питке, а теперь не только по белому, но я даже еду ее зарисовывать и измерять, чтобы, разобрав свою сгнившую баню, сделать из нее такую же маленькую, ладную и жаркую, но *по-черному* (для упрощения и утепления, потому что нет денег даже на печку, которую я попробую сложить из кирпичей и камней).

За пятьдесят лет так припаялся к Розанову, что, пытаюсь сначала соревноваться с ним, невольно подпал под его влияние.

Надеялся писать лучше его, но уже просто пытаюсь быть с ним вровень, хотя и многое важное мое заимствовано у него.

Надеялся хотя бы не только не умереть от голода, но даже разбогатеть – нет, как бы не быть расстрелянным на пустоши или в чаще под расстрелом, как Гумилев и миллионы других.

Подросток попадает в дурную компанию, начинает курить, пить, воровать, участвует в разбое. Мать, конечно, оправдывает сына, дружки виноваты.

Вот и я на Россию напал, виня ее саму в ее бедах и преступлениях: жиды обольстили, устроили революцию, науськали на богатых, грабь награбленное, пожгли сто тысяч храмов, пятьдесят тысяч дворянских усадеб вместе с книгами, мебелью, фортепьянами, картинами, сервизами, серебром, раскулачили всех работающих крестьян, остальных дармоедов согнали в колхозы, переморили голодом 15 миллионов, перестреляли в Гражданскую, в чистках, расстрелах и лагерях еще десять, изгнали из страны пять миллионов образованных и талантливых, затем воевали бездарно с немцами во вторую войну под предводительством бывших капралов и прапорщиков, потеряли еще пятьдесят миллионов человек (в общей сложности): погибшими на фронтах, в немецких концлагерях, от разных военных голодоморов, угнанными за границу, бежавшими за границу, умершими при переселениях народов, в наших лагерях и расстрелах (которые не останавливались и во время войны), от усиления смертности от болезней (в том числе детской), нерожденных погибшими женщинами, нерожденными от погибших мужчин (кому-то и удавалось родить от чужих мужей, но не всем).

Вот правда, простая, как дыхание, любому чуть образованному человеку доступная, ему **известная** (только он эту правду по многим причинам ненавидит и не хочет признать)... нет, нет, *Сталин наша слава боевая*... если кто и виноват, так жиды, *Сталин принял Россию с сохой*... – А при советской власти не было построено ни одной железной дороги, транспорт составляли лошади, жилье не строилось, до 58-го года не было ни нефтяной промышленности, ни автомобильной, новые заводы, построенные за пятьдесят лет, составляли не более четверти дореволюционной промышленности. При моей жизни праздновалось достижение в СССР уровня 1913 года царской России, где-то в 60-м году.

Медленно нарастало на старых костях новое мясо и мышцы, остатки досоветской интеллигенции и новые, из крестьян, образованные люди, из моего университетского слоя, романтиков всех направлений, в которые мы бросались, почувствовав воздух из приоткрытой форточки **после Сталина**: и становились марксистами, потом бежали за Дубечком, читали Гегеля, Фихте и Беркли, Библию и русскую классику, и европейскую, Аристотеля и Декарта, и Аквината, Отцов церкви, Розанова (этого я начал читать в восемнадцать лет), Мережковского, Иванова-Разумника, Набокова, Даниила Андреева, Солженицына, даже Краснова, Милюкова, Шульгина и Родзянко... всех перечислять я не буду... Но всё это я начал читать задолго до того, как они стали появляться для более поздних образованцев в конце семидесятых (нелегально) и в восьмидесятые годы.

И хотя я родился в глухой деревушке, но в 12 лет в своих Решетах (столице Красноярских лагерей) я читал "Воскресение" Толстого 1902 года издания, в 14 лет читал речи Плевако, знаменитого адвоката и оратора кадет-

ской партии, о котором не многие знают и теперь, преподавали нам студентки Бестужевских курсов и выпускники Петербургского университета, по деревянным тротуарам Решет по улице, пролегающей мимо школы, ходил Шумовский, переводчик Корана, с которым я познакомился и подружился через 20 лет в Питере... [Еду я в баню на хутор, соседу объясняю, кто такой академик Крачковский, ученик которого, Шумовский, был посажен в тюрьму за то, что при его осуждении "*не поднял руку*". И вспомнил историю его семьи. Родился Теодор Адамович в польской семье на Западной Украине, в 18-м году в безумии Гражданской войны мать потерялась, отец с малолетними детьми оказался в Шемахе в Азербайджане, где в полуразрушенной мечети будущий арабист нашел случайно арабскую рукопись лощмана Васко да Гамы. Через сорок лет мать, уроженка Польши, нашла в Москве одного из своих сыновей, и вся семья наконец-то встретилась.]

### ***5. Дети и радость. Утомительность проповеди христианского Бога...***

Бабушка рассказывает о внуке. Сначала он приник к мыльнице, пусканию мыльных пузырей из трубочки, на улице холодно, его засунули в ванную, бабушка разделяет его восторг, дуют по очереди, радуются, хохочут... Потом ему купили самокат, с ручным управлением, Паша в восторге, тоже готов залезть в постель с самокатом, только бы не выпустить его из своих рук.

Но – не надо влюбляться, не надо и детей рожать, но, однако, ладно уж, нате вам, по вашей слабости, низости, преступных наклонностях, так и быть...

Игрушки и детский смех в церкви не поощрялись. Скоморохов и свистульки для детей протопоп Аввакум на базарах гонял и ломал.

В Англии было то же, как пишет Диккенс.

Середина июня, холодно, дождь, но все так буйно растет, трава, деревья, кусты и цветы – и вот это цветение, буйство жизни и произрастания словно бы больше всего и раздражает христианское чувство. Да замрите вы, умирайте, опустите скорбно голову книзу, начните проливать слезы, сохнуть и выцветать! Какая пьеса идет в театре христианской веры? Рождество Бога у непорочной девы, проповедь покаяния за Первородный грех, за объятия и поцелуи, воскресение, обещание вечного блаженства праведным и вечных мук неправедным – а подчас граница между теми и этими неразличима. Итак, бесконечный спектакль, повествующий о Боге, принесшем свою жизнь на жертвенный алтарь, требование покаяния и безрадостной жизни в ожидании суда... все ненавистно, что буйно цветет и пахнет цветами и медом, что радостно, красиво, насладительно. Только постное, унылое, серое, печальное, скорбное, только посыпание головы пеплом, исповедание грехов, самочувствие бесконечной греховности.

23-26. Я уже вернулся с хутора, лежу в постели. По-прежнему идет дождь и барабанит в стекла. Парился в бане, пил водку, сидел за столом, спорили, горячились. Ел мед ложкой, суп грибной. Дали с собой картошки, возьму в деревню, куплю по дороге сметаны и капусты, буду варить суп. О Боге не разговаривали... От хутора меня подвезли, ребенок что-то лепетал свое сзади, мы, взрослые, лепетали свое... *Есть ли жизнь в Боге? Устал, завтра рано...*

*12 июня, воскресенье, 6-32.* Спал неплохо, еду уже в метро на вокзал, в Окуловку и в деревню. *Пить бросил.*

Как Розанов разделяет православный мир надвое: обыденные православные, *посюсторонние* (по разделению Кьеркегора) – и "*люди лунного света*" и *скопцы*, – так я почти так же, но с дополнением современности, разделю всех на две части более широкие: **НЕ укорененные в нашем мире**, плохо приросшие к семье и родне, к обществу и народу, не имеющие детей, не стремящиеся их иметь, не воспитывающие даже чужих детей, **такие, для которых отечество в Боге и в церкви**, потому что им больше некуда приткнуться – и те, которые проросли в семье, в детях, в роде и в родине, в обществе, в культуре и в истории так, что воскресение без своей почвы, равной всей личности, не лучше небытия; *те, которые существовали и в мире как вне мира* – и те, для которых и Бог и церковь и "*тот мир*" всего лишь *приправа* к этому, нашему, привычному, единственному понятному, переживаемому, небольшое дополнение к нашему миру, которое встраивается в наш мир как его собственная часть, а не отделяется от него непроходимой почти бездной.

Религиозность и христианство – это когда человек весь там, за чертой, за бездной. Так какого черта, Василий Васильевич, вам возле попа все родное, а возле профессора чужое? Чего вы врете, *живя здесь весь и во всю свою возможную силу*, рожающий детей, думающий сладострастно о женщине и тщеславии, заходя в церковь как к себе домой или в редакцию журнала, для которого вы пишете? Для вас мир без семьи не мыслим, мир и есть семья и только семья (в широком смысле, с родиной и культурой), а Христос пришел отделить человека от семьи и мира, от женщины и рождения детей, отодрать его от мира и растворить целиком без остатка в боге, так чтобы ничего личного не оставалось. Как будто вы не читали евангелий и не знаете смысла ежедневных причастий, питья Христовой крови, привязывания человека к тому миру кровью Его...

Пишете же вы: «"меланхолия в Европе" происходит от КОРНЕВИДНОЙ в Европе *бессемейности*; от того, что семья там есть случай и удача.» – значит, все понимаете?

Ну, это что касается **семьи**... А теперь – **личности**: «Собственно, есть одна книга, которую человек обязан внимательно прочитать, – это книга его собственной жизни. И, собственно, есть одна книга, которая для него настоящему поучительна, – это книга его личной жизни.

Она одна ему открыта вполне, и – ему одному. Собственно, это и есть то новое, совершенно новое в мире, ни на что чужое не похожее, что он может прочитать, узнать. Его личная жизнь – единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. ... "Братья мои, вот что написано в этой книге. Вникните все и читайте меня. Может, кому понадобится. Может, иной утешится через меня в себе." .. Это есть единственное наследие, какое он оставяет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить. "Все прочее не существенно", – и все прочее, что он мог написать или сказать, лишь частью верно; "верное" там не в его власти, не в его знаниях.»

Конечно, можно начать спорить о том, что такое личная жизнь, священник скажет, что это жизнь в церкви, монах – что это жизнь в монастыре, отшельник (или аугист, или юродивый, блаженный, отказавшиеся от людей и от собственно своей личной жизни), что это жизнь в Боге – но по смыслу евангелий и писаний христианских писателей, как правило не имеющих своих детей и жен и любовниц и даже личных друзей, личной жизнью нельзя называть жизнь революционера, растворившегося в партии, и христианина, растворившегося в Христе или церкви. Рассуждая диалектически, мы не дойдем ни до какого взаимопонимания, у нас всегда будет и черное белое и белое черное, а по-простому (как иногда и в евангелии рассуждается) *нельзя служить одновременно и богу и мамоне, жить и в мире и вне мира.*

«Пробудившись, каждая почувствовала, что ей чего-то недостает. И встала и возмутилась. И почувствовала себя несчастною. Она почувствовала себя потерявшею в мире, ненужною миру.

И стала искать "это мое потерянное".

Эти искания и есть тоска любовных грез. ....

... И найдя – женщины брали и целовали.

И найдя – мужчины улыбались и целовали.

Так произошли поцелуи, и любовные, и не только любовные.

Произошли объятия, произошли вздохи.

Мир зарумянился. Мир стал вздыхать; побледнел.

Мир забеременел.

Мир родил.»

Но при чем тут христианство? Если с умным человеком невозможно понимать друг друга, имея общие определения о понятных вещах, то о чем говорить с толпою? Ну, будет у каждого свое христианство, будет их тысяча, миллион – о чем спорить, с кем спорить? Я ему о корове, а он в ответ, что «сей пустошью владел еще покойный дед!» – как у Пушкина... **Необходимы мужество и ответственность ума.** Дойди до края в рассуждениях, оглядись, спироси сам себя, все ли понятно, потом излагай другим. Или уж лепечи все, что придет на ум, как ребенок, и читателям сознайся, что это просто «детский лепет» (как я сознавался двадцать лет назад). Правда, Розанов, может быть, еще не успел поумнеть? Художественностью овладел, но понимания еще не достиг? Ему ведь в 13-м было только 57, как мне в 99-м, когда я заболел и начал что-то понимать, и написал первую толковую книгу «Боль и любовь».

Ты не читал Игнатия, Василий Васильевич? «Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Оно говорит: *Не мните, яко приидох вовреци мир на землю: не приидох вовреци мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его (Мф.10:34-36).*»

... Любовь, возжженная, питаемая Святым Духом огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением (Лествица, Слово 15, гл. 3). «Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя», – сказал святой Иоанн Лествичник (Слово 3, гл. 16).»

Большей глупости, чем *беременность бесплодного и бесполого христианского мира*, невозможно сказать и написать.

У Розанова о Боге: «Ибо Он – Великий Садовод. И не оставляет пустою ни одну кочку земли. И поливает бесплодное и удабривает каменистое, и всему велит производить семя.

Верьте, люди, в Великого Садовода.

И страшась отмщения Его, ибо Он мститель за поруганную любовь, никогда не улыбайтесь о ней.»

Это о Боге иудейском, Боге Ветхого завета. Но какое отношение этот Бог имеет к христианству, проповедующему бесплодие и проклинающему рождение? Или и Розанов *диалектически* хочет доказать, что христианство плодно, что от духовной любви можно забеременеть и родить так же, как Дева Мария забеременела и родила от Духа Святого?

### **6. Утомительность и Розановской проповеди Бога...**

Мне кажется, что хотя я и четвертую уже книгу пишу о любви, но в моих книгах нет назойливости и нет подмен, потому что у меня и в любви такой же синтез, как и в человеке и в жизни. Человек есть соединение плоти и души, и поэтому человеческая любовь соединяет в себе всё: и *томление плоти* (то есть половой инстинкт), и томление новой жизнью, то есть жажду рождения и воспроизведения, так же входящую в половой инстинкт, и жажду любви и саму любовь, то есть предощущение слияния двух личностей, плотско-душевного слияния, и любовь трансцендентную, то есть сострадание, потребность в заботе и защите, потребность утешить и утешиться, *восхищение красотой* (если пол включает в себе только желание наслаждения, то при чем тут красота?) Почему человек восхищается красотой и жаждет ее?

Утомляет Розанов тем, что изображает любовь только как притяжение одной плоти к другой, а именно мужской к женской в каком-то цветочном варианте цветы пахнут, шмель теряет голову и жадно пьет нектар. Но в самом этом природном притяжении, имеющем целью воспроизведение и расширение природы, не одно только наслаждение, иногда и гибель, очень часто отталкивание, предпочтение, насилие, подчинение, сокрушение души и покорность. Культура, в частности художественная литература, показывает нам этот природный "инстинкт" как чисто человеческое явление, существенно не подобное неразумной природе.

Но Розанов проповедует не только притяжение одной плоти к другой, он проповедует и Бога, конечно, противоречивого не менее, чем действительный Бог христианства (который, быть может, другим и не может быть, и отцы церкви и апостолы, быть может, это сознавали и махнули рукой – не все должно быть рационально взаимосвязанным, любовь тоже непредсказуема и часто чуть ли не самоопровержима) – но он Бога не проясняет, поэтому его проповедь почти не отличается от церковной и не является философской, а тогда он отменяет сам себя, свою критику христианства. Он антихристианин только по отношению к половой любви и к семье, он хочет к христианству добавить то в иудаизме, что Христос как раз отверг, и что является узловым пунктом христианства. Христианский Бог родился на Земле (воплотившись в человека) с определенной миссией: принести себя в жертву чрез человека... **но**

### 7. Томительный треугольник:

#### *Иисус Христос, женщина и мужчина. Бесплодие как принцип*

родился он не так как все люди, без любви мужчины к женщине, без обладания ею и человеческого зачатия, следовательно, он не совсем человек... да что тут экивоки и обиняки, он и совсем не человек, в крайнем случае только наполовину, женщина в его рождении участвовала, а мужчина – нет, и из этого центрального факта и произошло все самое существенное, затмившее даже ту цель, ради которой он родился. Он собирался спасти свой народ, но потому ли, что страдал от неопределенности рождения, безотцовства (как видно, он не всегда отдавал себе отчет в том, что он Бог, иногда видел в себе человека и оглядывался, но видел около матери мужчину, который ему отцом не был), и на мать обиделся и рассердился и отказал ей в своей любви, и несимпатию к ней перенес на всех женщин, которых по существу объявил порочными всех, более порочными, чем мужчин, объявил источником порока; потому ли, что особенности его рождения вызвали в нем неприязнь к половой любви, к слиянию мужчины и женщины до отвращения, и блаженный Августин сами движения в постели начинает разбирать и оценивает как противоестественные и порочные, а преподобный Игнатий любовь отделяет от души и движений сердца, то есть пытается лишить эмоций, сделать бесчувственной, а Иероним Блаженный страшится потери девственности, велит девушке засушить себя, как сухую смоковница (за что же Христос на нее рассердился, что она не забеременела и не родила плодов, то есть была бесплодной, если так? Да ведь он же бесплодие женщины объявил главной целью спасения и спасительного подвига человека!?)...

Итак, Христос пришел спасти *свой* народ – но с какой стати он называет этот народ своим? Разве он не отменил Первый (Ветхий) Завет, хотя и обещал, что пришел подтвердить его (но далее заговорил о новых мехах, в которые надо налить молодое вино)?

Разве апостол Павел потом не доказал, что Христос пришел привить у еврейской лозе языческую ветвь? Разве он вслед за этим не доказал, что и вообще Христос пришел изначально (и по замыслу) именно к язычникам? (Что они, полукровки все были, что ли?)

**17-00.** Пришел в деревню в половину двенадцатого дня. Холодно, дождь то моросит, то хлещет. Составил грандиозный список дел, но из всего этого списка позвонил милке, сходил за водой, открыл парники, чтобы промокали, полил в теплицах (хотя, кажется, там и так сыро и холодно), разжег печку и сварил вкусный суп и съел две тарелки со сметаной, и чаю напился с молочными сырниками. И вот уже пять часов, надо пойти что-нибудь сделать, но мокро и тоскливо, и даже электричество отключилось...

Ну, выгляну...

**20-15.** Электричества нет, солнца тоже, дождь и холод. Ломал в бане, но темно, сыро, мрачно. Взялся косить за изгородью, скосил и сгреб. Вернулся в дом весь мокрый, позвонил милке, отключаю телефон, чтобы завтра (если не починят) хоть время посмотреть. Начну топить печку и греть ужин.

*Десять часов вечера*, электричества нет, небо затянуто тучами. Зажег свечку, разжег печку, поставил кастрюльку в воду на огонь.

Пужинаю, напьюсь чаю и при свечке буду работать на компе, зарядки осталось на два часа. А там и электричество дадут и солнце появится.

21-30. Я отдавал, и вот начинает и ко мне возвращаться. Сойдя с «Ласточки», пошел на шоссе голосовать, там можно доехать за 100 рублей. Остановился *чуриковец*, не взял ничего, я ему рассказал, что издал брата Иоанна в 90-е годы, он мне посоветовал написать записочку, чтобы бросить пить. Но я "записочек писать" не хочу, это похоже на колдовство, да я и от Бога зависеть не хочу, мой Бог не стремится к тому, чтобы я был его рабом, и если надо не пить совсем, то сам я по собственной воле и не буду пить...

21-35. Никак не закипает чай. Может быть, не дожидаться кипения? Да, пойду заливать чайник..

22-18. Свеча горит ярко и радостно, в маленькой чашечке.

Я не закончил свои рассуждения. Мне казалось странным, что Христос женщин презирает, а именно они больше всего отвечают ему испуганной верою, мужчины хотя становятся и столпниками и юродивыми, но это все единицы, у женщин же – толпы, которые выстраиваются в многотысячные процессии при церковных праздниках и при паломничествах. Вероятно, дело в том, что женщина его родила, и всякая другая женщина словно бы уподобляется его матери, а мужчина к его появлению в нашем мире не причастен и мужчине он словно бы и не родня. Вот мужчины и богословствуют, разглагольствуют, и изгоняют всякие чувства, и сердце и душу, пытаюсь понять Христа умом (который они называют духом). Они ведь не соучастники самого главного таинства, с которого все началось!

Увы, рождение Бога женщине важнее, чем любовь к мужчине, поэтому в споре веры и любви она так часто выбирает веру, в споре свободной любви и принужденной она выбирает добродетель вместо любви, как Татьяна Ларина. Улетела моя *ласточка*. Улетела к своему Богу. Не надо мне ее искать и узнавать ее участь, ко мне она все равно не вернется. Может быть, кто-то меня еще может полюбить, но с нею все уже кончено.

Что такое любовь, я так и не узнал. Я узнал ее часть, любовь чувственную, в юности, когда пьянеют оба. Но когда над чувством становится или сострадание или забота или даже нечто непостижимое, невозможно понять и предсказать развитие сюжета в любовном романе. Или вот этот конец, что теперь, когда роман не закончен ничем, словно река уходит в песок, и является единственным возможным концом романа, или должно произойти чудо... Чего хотели волхвы от меня? Чтобы я пережил все то, что переживают влюбленные? Очарование и блаженство, боль трагедии и разочарования. Все это я пережил. И теперь я на границе того, что знаю. Далее область незнаемого. Будет ли воскресение, что оно такое, возможна ли любовь – та, на которую я надеялся – этого я не знаю.

Воскреснут только христиане? Возможно... В виде листьев на древе...

**13 июня, понед., 8-03.** Спал плохо, хоть встал не поздно, постараюсь днем наверстать все, что не удалось вчера. Пока завариваются каша и чай, проползу грядку под картошкой. Зарядки осталось на час, после завтрака еще поработаю.

8-49. На полчаса зарядки хватит, а далее надо идти крушить и строить, в крайнем случае, вернуться к стародавнему способу письма: *перо и бумага*.

Итак, попробую подвести итоги.

Иисус из Назарета немало настрадался от своего безотцовства, знал ли он о том, что в действительности он Сын божий, постепенно ли зародилась в нем эта мысль, постепенно усиливаясь, ибо каждый из нас может чувствовать себя божьим дитём, не тварью, как всё в природном мире, а поставленным надо всей природою, как это и прозвучало в Ветхом Завете после **сотворения человека Богом по образу Его и подобию**, потом притушилось после изгнания из рая, потом заменилось на Завет с богоизбранным народом, минуя всех остальных – но так или иначе, после презрения окружающих (скажем, детской глупой жестокости и дразнений) он нашел выход в уединении и в мысленном поставлении себя надо всеми, надеемся на торжество после его свершений. Я об этом пишу так уверенно, потому что и во мне мысль о том, что я избранный божий посланник (или Высших сил) зародилась из-за сознания унижения моих родных и близких и моего народа и непреодолимой утраты отца на жестокой и бездарной войне, сравнимой только с поражениями русских при Батыевом нашествии). Я тоже поверил, что **призван спасти мой народ**. *Вот вырасту, говорил я, и все-все станут счастливыми*. (Об этом я пишу в своем романе «Боль и любовь»).

Так в своем воображении Иисус и стал Мессией, а затем и вовсе уверовал в то, что он сын божий воистину, по замыслу, что ему надо пострадать во искупление несправедности мира и человека и тяжкого *Первородного греха* (пропитанного всем плохим, чем только детское воображение его наделяет и что потом пропитало и историю христианства и многие писания христиан – а за Христом и пошли своеобразные люди лунного света, в судьбе каждого из которых было что-то подобное или в душе – надлом и изъян, измена, несчастная любовь, отвержение, неспособность любить...)

Иисус в воображении и замысле стал Мессией (как отчасти мечталось и мне), но с этим соединилась усиленная мысль о преступлении, врожденном грехе человечества, **идея ничтожности, низости и мерзости человека**.

И я ругаю свой народ, сетую на недостойность человека, на его глупость и раболепие, но я не возвожу их до онтологического корня всей человеческой сущности, я не превращаю их в неотделимую от человека вину, которую можно искупить только кровью.

Итак, все древние поверья пропитаны ужасом перед злом и жестокостью мира, перед грозностью его могущества, и выход находят в умаливании и одаривании сих грозных сил, для чего им в жертву приносятся самое драгоценное: человеческие жизни, иногда по десяткам тысяч, как на Древнем Востоке и у ацтеков. Евреи откупались тоже, пока не заключили спасительный Завет с Богом, который стал Богом их племени. В иудаизме и исламе кровавая жертва суровому Богу Древнего Востока уменьшилась хотя и до кровавой, но не смертной жертвы кусочка "крайней плоти" от каждого новорожденного, символизируя верность Завету.

Христианство, начиная уже с Иисуса, и далее богословски усложняясь, перевернуло все древние представления, исходя онтологически из них.

Человеческие жертвы Иисус заменил жертвоприношением Бога во имя спасения человека; и евреи распяли Христа не "по своему хотению", а потому что так было задумано (как будто) христианской Троицей.

Он как будто переписал историю жертвоприношений заново, отобразив ее в зеркале инобытия. В Ветхом Завете Аврааму Бог приказал принести в жертву сына своего, Исаака, но остановил уже занесенный нож и ограничился закланием тельца, а впредь повелел приносить себе в жертву крайнюю плоть каждого новорожденного в подтверждение Завета.

В Новом же Завете Бог-Отец повелел собственному Сыну принести Себя в жертву, и не остановил распятие, Иисус же повелел ученикам своим вкушать его плоть и пить его кровь, в напоминание о жертве и Новом Завете, но жертва эта совершалась через хлеб и вино, которые таинственным образом пресуществлялись в плоть и кровь Христовы, что совершается в храме после богослужения как Причастие.

21-27. Ну, вот, работал до восьми, начали есть комары, к тому же сильно устал, даже стало не по себе. Позвонил милке, выпил полрюмки, поужинал супом и чаем, затопил печку, хотя в комнате тепло, 20 градусов – но к утру изба остывает, да хочется и понежиться в тепле от усталости, правда, плохота, кажется, проходит.

Новый Завет переполнен чудесами, при восшествии на небо Иисус Христос дал дар чудес и ученикам своим, и велел им ходить по Земле, проповедуя Евангелие. Философы Круглого стола пишут, что Христос не стал превращать камни в хлебы, чтобы оставить человека свободным – но чудес и без этого много, и чудесным образом Христос кормил народ дважды. Чудеса, раз начавшись, уже и не останавливаются и иконы мироточат, и больные исцеляются, прикасаясь к мощам святых, и свечи сами собой зажигаются, только однажды повелел рабам любить своих господ и служить им в умилении сердечном, повеление это Иисус не отменял, и крепостное право было отменено не по молитвам и не через чудо, и все, что совершалось в истории, через революции и войны, через социальный прогресс, научные открытия и влияние культуры – само по себе, а церковь и миф – сами по себе, но немало все же таких, кто находит в церкви и в Священном Писании помощь себе: их я не осуждаю, уйти из церкви не призываю – если их сотрудничество умеренно и не закабалает человека.

Говорить о христианстве еще можно долго, но пользы от этого уже не будет. Кто хотел услышать, тот уже услышал.

Закончу Розановым, пора обругать его (хотя многим в своих книгах я обязан только ему). Он пишет о молодости и привлекательности женщины, и договорился до того, что велит девочек отдавать замуж в двенадцать лет, когда они более всего привлекательны. Но они в это время привлекательны *женственной невинностью (женщина-дитя)*, многие известные *дружили* с такими девочками, и известны "*Письма Цезаря из Галлии*", "*Письма к Стелле*" Свифта, "*Воспоминания*" старшей дочери президента Академии художеств Толстого о ее дружбе с поэтом Бенедиктовым (младшая дочь дружила с Шевченко)... и еще немало других... Но пора разойтись, *судьи устали*...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ  
**В ЗАВЕРШЕНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ**

*1. Раннее утро*

*14 июня, вторник, 4-58.* Солнце уже встало, хотя еще нет и пяти часов. Но в четыре что-то случилось, одно начало болеть, другое мешать, третье вдруг стало чего-то пугаться...

Измерил пульс. Он чрезмерно спешил. И хотя еще по моим привычкам не закончилось вчерашнее, по крайней мере, не закончилась ночь, разделяющая вчерашнее и сегодняшнее, но пришлось встать и положить под язык кардиойку – она чудодейственна.

В дополнение к ней я умылся, вышел на огород, чтобы увидеть солнце, и сделал зарядку – она тоже чудодейственна: перестал болеть бок и даже шея.

Значит, многое в наших болезнях объясняется тем, что мы ленимся и придуриваемся.

Но я еще лягу поспать, пять часов для меня слишком рано, да и волхвы не пришли и ничего мне не наговаривают, значит, и они еще спят...

С христианством я по существу простился, почти все мне в нем чуждо, и *миф о первородной вине*, о том, что любовь к женщине греховна, и что человек пропитан самой идеей греха и преступности так, что он существо низкое и падшее и живет в падшем мире. Человека надо *учить и воспитывать* внутри культуры на хороших примерах в хорошей семье и в хорошей школе. А общество надо *преображать*, чтобы оно не было враждебно *лучшим*.

Чуждо мне в христианстве и *Крещение* как соединение с Христом в его учении о падшем мире и отвержении жизни и замене ее крестом, который надо поднять на себя и пойти вместе с ним (вероятно, к Голгофе).

Но еще более чуждо *Причастие*: соединение с Богом плотью и кровью, словно бы не достаточно и не необходимо с Богом общаться в духе и культуре и наших мыслях и чувствах – так, как мы общаемся и с близкими и с теми деятелями культуры, которые нам близки. С близкими мы можем делить и хлеб и вино, но не ждем, чтобы они преобразались в их плоть и кровь. Только с женщиной ласки и поцелуи могут таинственно преобразиться в нашу общую плоть и кровь, в которой продолжается наше бытие в мире через род и Народ (но именно это *причастие* христианский Бог отвергает и унижает).

И на этом можно пока прервать мои Записки и лечь досыпать вчерашний день, *5-24*, еще нет даже половины шестого, посплю до восьми.

*2. День*

*11-58.* Проспал, правда, до девяти, началась вдруг лень, с трудом сделал зарядку, позавтракал и пошел не спеша работать, ровно в десять, но делаю только подсобные работы, прокосил вокруг бани, пересадил смородину, выросшую у стенки, потом пришел варить суп, да тарелочку и сейчас съем, для почину. Потом пойду дальше ломать баню и песок с потолка буду переносить на ее новое место. Поставлю будильник на три часа, как загудит, так приду обедать и собираться.

14-00. Ломал крышу, устал, и комары жить мешают...

18-19. Я уже в Окуловке, доехал всего за 50 рублей, но, увы, истратил на булочку с маком 27 рублей, да на вокзале Голос по-прежнему завывает, отошел на километр, сижу на автобусной остановке, здесь голос почти не слышен, но комары жить мешают... Правда, зато иногда проходят мимо симпатичные девушки.

Набрал на огороде ромашек, зелень щипать не стал, в четверг вечером мы уже сюда вернемся, милка взяла билеты на микроавтобус и себе обратно на понедельник, а я завтра возьму или на понедельник, или на вторник, чтобы хватило времени *сломать старую баню и из обломков ее построить мой новый мир*.

### 3. Вечер

Кажется, о христианстве я уже сказал все, что хотел, свободы в нем быть не может, во-первых, человек не вправе ломать и перестраивать тот порядок вещей, в котором он родился, так как мир невозможно улучшить, поелику он пал бесповоротно, да к тому же упование на Бога как-то несовместимо с человеческим энтузиазмом и старанием переделывать мир. Во-вторых, апостол Павел говорит: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как човекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам...»

Может ли в этом мире жить человек, предоставленный самому себе, *свободный*? Нет, только рабовладелец и раб, один слугам своим приказывает, другие его приказания исполняют, словно это части машины, а не самовольные и самостоятельные люди.

О христианстве сказать все невозможно, он весь исполнен противоречий, если исходить из свободы и жизни, из своеволия, как в романе. В романе герой отправляется путешествовать, оказывается на необитаемом острове, строит дом. В романе замужняя героиня вдруг влюбляется в постороннего мужчину и бросается под поезд.

Я вдруг понял, *что в Китае все жители китайцы и сам император китаец*, они говорят по-китайски и не испытывают затруднений. Если там вдруг окажется русский (не знающий китайского языка), то он выпадет из движущейся машины как ненужная часть. Вот так я выпал из христианства.

Можно ли в нем жить, существовать? В христианстве, воспринимаемом как роман (все детали которого должны быть связаны жизнью, а не являться набором сентенций), жить могут только христиане (как китайцы в Китае). Обычный человек, хотя бы он был христианином, будет жить в обычном нашем мире; ибо в христианском мире могут жить не христиане по партийной принадлежности, так себя называющие, а только несущие крест или состоящие из инобытийного вещества...

Я теперь понимаю, что написав о христианстве три книги, я о нем не написал почти ничего, из всех разнородных его дробей я не привел к общему знаменателю даже двух. Нужна какая-то идея, объединяющая все, тогда что-то и можно будет пояснить и понять. А так...

Можно сказать, что это искусственный мир, в котором все пропитано элеем, или это спектакль, идущий на сцене, вне сцены не существующий...

Ну конечно, они могут оставаться самими собою и жить похоже на текст Писания в монастыре или в церкви. Эта искусственная жизнь соединяет монахов и церковных служителей, священников, дьяконов... отчасти пропитываются этим духом и прочие служители, вплоть до уборщицы или сторожа, но в меньшей степени.

Это необычная пьеса с фантастическим сюжетом. Но недостаточно в этой пьесе играть. Содержание ее можно понять и почувствовать только в одном случае: превратившись в одного из ее героев. Это пьеса о приключениях «Алисы в Зазеркалье» или о приключениях апостола Павла, пытающегося создать свой собственный мир, непохожий на наш, со своей математикой (или с ее отсутствием, что ближе к правде), со своим искусством (в котором не будет ни театра, ни ваяния, вместо живописи будут фрески на стенах храмов), с богословием, но без философии, с литературой, состоящей из житийных историй... С людьми, которые не будут ни жениться, ни рождать детей, не будут работать в обычном смысле этого слова, то есть не будут ни сеять ни пахать, но вспахивать поля наших душ, а сеять в них слово божие...

#### 4. Ночь

Жить в христианском мире нельзя, потому что его и нет. Это сон, воображение, мир теней. Сравнить его можно только с ночью, в которой все спят, а некоторые видят сны. Если представить себе людей, для которых их сны более реальны, чем дневной мир, то это и будут подлинны христиане. Более существенно о них написать я не смогу, поэтому на этом и ставлю точку, продолжаю в следующих главах переписку с той, о которой я еще не смог забыть. По-видимому, надо было перечитать наши письма...

Скорее всего, это тоже пьеса о том, чего почти не было, что более казалось, чем было. История любви, в которой оба клялись в том, что любят друг друга, но так и не поцеловались ни разу; говорили, что жить друг без друга не могут, но вдруг сначала она меня бросила, не объясняя ни слова и не желая встретиться на прощанье, а теперь бросаю ее и я – пусть вынужденно, пусть в ответ – но все же я наконец отказываюсь ее любить и помнить и преодолевать ее противодействие...

*Да, вначале, 2-го августа, она написала мне в смске, что у нее все хорошо и что она меня любит. Потом, 3-го, написала, что мы больше встречаться не должны. Четвертого она написала, что моя любовь ей омерзительна. Через несколько дней, соглашаясь на встречу, поставила условие, чтобы я к ней не прикасался и не подходил близко. Я поклялся не прикасаться, но вдруг она написала, что встречаться со мною ее **НЕ благословили**. Через три месяца я написал ей несколько записок, она ответила, чтобы я ей больше не писал, если ей когда-нибудь это понадобится, она напишет сама.*

*Больше с тех пор я ей ничего не писал, только думал о ней, вспоминал и пытался и надеялся хоть что-то понять.*

Быть может, я напишу в этой части что-то еще, если сумею найти общий знаменатель к проповедям и деяниям христианства и к его упованиям.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ  
**СТРОИТЕЛЬСТВО БАНИ В ДЕРЕВНЕ**

*1. Надо сначала сломать старую баню*

*15 июня, среда, 11-45.* Стою на московском вокзале в кассу за билетами из Окуловки, в деревню уезжаем завтра микроавтобусом. Там пробудем пять дней, за это время я должен сломать старую баню и построить из обломков ее новую, истопить и пропариться. Баню буду строить по-черному, с *хайлом*, но без трубы и дымохода. Может быть, если разбогатею, сделаю тогда и дымоход. Не делать ли, следовательно, хайло в потолке, а не в стене, потом и трубу через это хайло, при случае, легче будет выводить? Ну, ладно, увидится при постройке... Надо, правда, купить бачок для горячей воды...

*12-15.* А что же про Анну я не пишу ничего?

Анна после нашего августовского знакомства мне не звонила и не писала, это объяснимо, я к ее жизни отношения не имею, новый случайный знакомый. Да, был порыв, возможно, я ее несколько удивил, и на несколько минут был даже интересен. Это как случайный порыв ветра при затишьи, вдруг взметнется пыль на дороге и снова все тихо. Или как случайно упавшие капли дождя от пролетающего облачка, и снова все сухо.

Буря на солнце, в душе моей пятна.  
Жизнь вытекает, увы, безвозвратно,  
Ветер взметает дорожную пыль.  
Я – твой каприз, лишь игра светотени,  
Зайчик, упавший тебе на колени,  
Капля дождя, отрицание, гиль,  
Есть лишь ничто в пустоте и в печали.  
Пальцы сжимают два кончика шали,  
Звук отлетает от стука окна,  
Все, что случилось, ушло безвозвратно,  
Белого света случайные пятна,  
Два мимолетных порывистых сна.  
Даже, быть может, и сон твой мне снился,  
Мимо летел, задержался, пленился,  
Снова один я. Лишь ты не одна.

*21-40.* Был у Володи А., он ругался, ждал нас завтра, выпили по две рюмки, он заснул, и мы сидели затем вчетвером, Володя Б., поэт, много хороших слов сказавший обо мне, Толя М---в, и Валя, жена А---ва.

Еду домой, болит живот, боюсь, что выпил больше, чем мне разрешено свыше, но по дороге говорили много интересного. Люди не все одинаковы, не все так бессмысленны и полудетски, что кроме того, чтобы жить, *как батюшка скажет*, уже были больше ни к чему не способны. Но, правда, и в этих (как правило, это молодые женщины, не надо бросать в них камни. Они)... некоторые даже пишут книги, но иногда кажется, что они не только чужих книг не читали, но даже не учились в школе.

## 2. Но прежде надо выяснить, кто во что верит

21-51. Дома буду пить горячий чай, авось, оклемаюсь. И потом начну складывать в папку письма, мои и ласточкины, ибо пора уже завершить эту книгу – но нет ничего лучшего в ее завершение, чем наша переписка–.

В деревне сначала холодно и дождь, за два дня устал от погоды, в третий день усталость довлела. Да и милки не было рядом, и было мне плохо. Завтра едем вдвоем, вернемся только во вторник, и я *построю баню*. Да, за четыре дня я сломаю старую баню и из нее построю новую, и в ней попарюсь.

*Ласточка и Анна...*

17 июня, вторник, 17-28. Напившись в среду у А--ва., который был недоволен, что мы пришли в среду, а не в четверг, ругал нас, выпил только рюмку и лег спать (а в четверг мы с милкой должны были уехать в деревню в пять часов вечера, и к А. идти и пить водку было бы невозможно), – итак, напившись у А--ва., мы с Б. уходили вместе и заговорили о Боге.

"Замечательно, – сказал он, – что люди додумались до идеи Высшего существа (или высшей сущности), и вместо того, чтобы вечно ковыряться в земле для хлеба насущного, строят храмы и смотрят на небо!"

Казалось бы, трудно и возразить.

В семидесятые годы прошедшего века много писали об известных исторических деятелях, об их верованиях и любовях, модны были статьи: "Какому богу поклонялся Гитлер?" Очевидно, Гитлер поклонялся богу плохому, а значит, они, боги, разные, одни из них хорошие, другие плохие. И плохое или хорошее состоит вовсе не в вере, а в выборе бога, в которого мы верим. Мексиканскому Богу Кетцалькоатлю приносились в жертву до ста тысяч человек, часто самые красивые юноши и самые красивые девушки. Бог Ваал тоже требовал жертв, жертвы приносились и Иегове, и последней жертвой оказался Христос, сын был принесен в жертву Отцу. Или кому-то другому? Тогда почему христианское учение не объясняет окончательно и бесповоротно, кому же именно был принесен в жертву Спаситель, почему это было волей Отца, а не Сына (о чем сын и воскликнул на кресте: "Но да будет воля Твоя, а не моя!")? Мы все когда-то упивались романом Войнич «Овод», и в этом романе повторяется коллизия принесения в жертву сына во имя Бога, и все мы, читатели и комсомольцы шестидесяти лет, не сомневались в том, что Христос принесен в жертву Богу-Отцу. Но разве это все не чудовищно? Или Христос – самозванец, и "скорее уж Баркохбу (предводитель Первого иудейского восстания) *Мессия, чем Он!*"

Итак, боги все разные, и апостол Павел эллинских Богов считал идолами, и Кетцалькоатль не лучше дьявола, и шумерские и вавилонские и ассирийские боги кровавы и жестоки.

Так Бог ли необходим для того, чтобы смотреть на небо?

В семнадцать лет, когда еще меня не сводили с ума философы и пророки, я поступил в астрономы и смотрел на небо (хотя еще в Бога не верил), и был не менее романтичен, чем сегодня. Во всяком случае, я был свободен, ибо вера и свобода не совместимы, и только любовь не только допускает сомнения, но и пропитана ими.

**20 июня, понед., 13-10.** Спал плохо, не то чуть ли не умираю, не то просто придуриваюсь, но сердце бухает часто, страшно, сил нет встать за лекарством, и заснуть тоже не могу. Потом впал в забытье...

Но в 9.10 уже продолжал ломать баню, ибо **работа – лучшее лекарство**, в 12-10 пришел передохнуть и попить чаю, ушел на это целый час, зато раскаяние гонит снова работать, поработаю до трех и приду на дневной водопой и сон, как усталая лошадь. Отчитаюсь потом о сделанном.

Итак, в бой!..

**15-40.** Ветер гонит облака, не нагонит ли дождь? А тогда теперь спать негоже, при дожде будет лучше спаться.

Варю суп из остатков морковки, капусты, лука, и из картошки, которую я собирался сегодня вечером или завтра утром посадить, я ее обрезал, часть пошла на суп, часть на посадку. Суп уже вот-вот сварится, и пойду-ка на огород, осмотрюсь, если силы начнут изсякать, вернусь к супу, а то пораскатываю баню, хотя бы часок...Итак, **15.16**, выключил плитку, пойду прогуляться...

**22-09.** «Устал смертельно!» – это не только метафора. Обмылся горячей водой из чайника, и у меня еще *оставалось в бутылке чуть-чуть*, два раза по полрюмки, а потом два раза заваривал чай. Без четверти девять выходил посмотреть на закат, полыхал не широко, но ярко. Кажется, еще поживу, тем более что разобрать всю баню не удалось, громадная печь, которую делал Вова, однажды посмотрев работу мастера, оказалась даже больше самой бани, и я ее разбирал весь день.

Может быть, отправиться в страну снов, завтра планирую баню доломать, и на ее месте разбить грядку и посадить картошку. В четыре я уже иду на шоссе и еду в голод, вот по дороге и напишу, что задумано, то есть

### **3. И все же сначала надо доломать баню**

**21 июня, вторник., 13-10.** Спал, к счастью, не плохо, поэтому баню доломать удалось...

**11-18.** Предыдущую строку написал вчера перед сном, приказав себе спать и не кочевряжиться... кочевряжился, конечно, все равно, и встал поздно, в девять, однако после утреннего натиска шансы доломать баню сегодня уже появились. Звонила милка, дала мелкие задания. Главное, ночью шел дождь, полил все за меня, осталось полить только в маленькой теплице. Работал утром часа полтора, но уже стало кружиться и все тело, помимо головы, вынужденно прервался на мелкий отдых. Но уже **11-22**, иду крушить дальше, докрушу – еще напишу...

А вот уже и **13-12**. Принес воды, передохнул десять минут, пойду дальше досокрушать. Потом надо еще до отъезда нарвать **мяты и цветов**, собрать **ягоды**, кои созрели. Пионы оставляем до следующего приезда, бутоны еще не созрели. Увы, осталось не более двух часов на все, доломать баню и на ее месте насадить город-сад, то есть посадить картошку – уже не успею.

**18-15.** Я уже в Окуловке, по дороге забежал в Сушилово в магазин, купил Тюменского пива и вот, сидя на автобусной остановке, теплое, я его выпил. Но ведь и самогонку пить неприятно, но потом становится хорошо. А что же нам делать, когда нам плохо? А нам бывает плохо, и не все мы монахи...

#### 4. Но возможно ли и будет ли воскресение?

Абсурд и противоречия...

Будет ли время, история, личность, будет ли плоть, семья, народ, общество? Священное Писание не только не отвечает на эти вопросы, но даже их не задает. Однажды фарисеи спросили о воскресении братьев, для которых одна женщина попеременно была женой: "*Которого из братьев будет она по воскресении?*" "*В царствии небесном не женятся и не выходят замуж*", – ответил им Христос.

А что же там есть? И что такое *воскресение*?

Если представить себе, что смерть – нечто вроде сна, даже без сновидений, а воскресение – это пробуждение;; или что смерть подобна тому, как человек уходит из дому, а воскресение подобно возвращению домой (это сравнение мне даже кажется более удобным), то ответим на самый простой вопрос: куда возвращаются после воскресения? Есть ли куда вернуться?

Лазаря воскресил Христос, когда его еще не похоронили, и была вокруг него семья безутешна, и также с воскресением двенадцатилетней девочки, чему больше всего умилялся Достоевский, чуть ли не сводя все христианство только к благодным чудесам Спасителя (как и мы, скорее всего, в евангелиях отмечаем только чудеса, исцеления, воскрешения, исцеления болящих) – но разве Христос пришел только для этого?

Основная его миссия (помимо исцелений, обличений и проповедей) состояла в том, чтобы искупить Первородный грех человечества и обещать воскресение верующим. В воскресении апостол Павел видит всю сущность веры в Спасителя: **если Христос не воскрес, говорит он, то вера наша тщетна.**

Но он не договаривает то, что ему кажется само собой разумеющимся: воскресение Христа является, якобы, доказательством грядущего нашего воскресения и примером его (хотя бы для избранных, для **малой горстки**, как добавляется погодя). **Как воскрес Христос, так воскресем и мы.**

И мы верим так же, по Павлу.

Только следует ли из воскресения Христа наше собственное воскресение, становится ли оно возможным для нас, потому что стало возможно для Иисуса из Назарета?

Уходя утром из дому, вечером я *возвращаюсь* домой, потому что у меня есть дом, и есть куда вернуться, есть семья и близкие. На время я могу вернуться даже к друзьям, если я отсутствовал недолго, так что они еще не умерли и меня не забыли.

Лазарь вернулся домой, потому что отсутствовал в нем несколько дней, ему еще было куда вернуться, как и Христос, *воскресший в третий день по распятию*, вернулся к ученикам своим. Но **куда вернуться** бездомные, бесемейные? Да притом воскресение произойдет после конца света, когда не только не будет наших домов, но даже нашего мира, испепеленного по приказу высшей разящей силы (перечитайте Апокалипсис, ждущие воскресения).

Будет ли личность по возвращении нашем... увы, куда? – будет ли плоть и душа у нашей личности, будет ли память о прошлой жизни? Или даже двое

влюбленных (как у Лермонтова), *встретившись в новом мире, не узнают друг друга?* Итак, мы не спрашиваем даже сами у себя главного: **является ли воскресение возвращением в жизнь, и если нет, то чем же оно является?**

Но очевидно, что нет, потому что ЖИЗНЬ подразумевает и личность, и соединение в человеческой личности души и тела, и пол, и семью, и народ... Если жизнью назвать какую-то неведомую нам теперь форму существования, соединяющую в себе мышление и чувствование, то будет ли у этой формы хотя бы *самосознание*? Ибо *некоторое своеобразное мышление и чувствование есть даже и у растений*, может быть, и у листьев – но **достаточно ли нам для утешения после смерти возвращения в лист хотя бы и на древе господнем?**

Во всяком случае, мысля "возвращение" из того мрака и пустоты, по крайней мере, из того чего-то неведомого, что является нашим небытием после жизни, мы ни в какой мере не представляем себе, куда и в каком качестве возвращаемся. Тогда почему это неведомое нам возвращение вовсе не туда, откуда мы были извергнуты, мы называем *воскресением*, вкладывая в это понятие тот смысл, какой нам кажется в воскресении Лазаря и Христа, очнувшихся после смерти как будто после сна, или как и с нами бывает воскресение после тяжелой болезни?

Но мы не можем вернуться туда, откуда низвергнуты. Мы, каждый из нас, уже не вернется туда, потому что воскресение обещано нам не сразу же после смерти, пока еще живы все, и прошло, возможно, только несколько дней нашего блуждания по неведомым дебрям – но обещано лишь после того, как умрут все и будет подведена черта под земной историей и историей нашего мира, может быть, даже большего, чем видимый мир. Вернуться нам будет некуда.

Но, представим себе, что могущественная сила приготовила нам новый мир, даже лучше прежнего. Но в этом мире не будет никого из тех, кто нам здесь дорог. Каждый из них воскреснет в свое собственное время, иногда значительно раньше моего рождения (например, моя бабушка), но или даже воскреснут все, начиная с Авраама, или даже с Адама и Евы, будут воскресать последовательно, дожидаясь нашего рождения, или они уже не будут теми дедушками и бабушками, которых мы знали, как и наши друзья и любимые.

Но будем ли мы и сами теми, кем были? С кем и когда? Воскреснем ли мы в детстве, новорожденными, юными, в тот момент нашего земного бытия, которое прервалось небытием? Надо ли мне такое воскресение? Не будет ли оно еще пущим мне ни за что наказанием?

Мне уже скучно даже рассуждать о мире, в котором ни женятся, ни выходят замуж, а, следовательно, не имеют тел, не пьют пиво, не ломают и не воссоздают новую баню... Да тот мир и без бани и без твоего пива будет лучше этого! – восклицает в негодовании верующий христианин.

Возможно. Но только не надейся, что воскресение – это возвращение. Оно не может быть возвращением в мир, потому что мира нашего уже не будет. *Но оно не будет возвращением и в жизнь – потому что какая же жизнь без плоти, без женщины, без бани и пива?* Мне вашего воскресения не нужно.

**А вы сначала, прежде чем верить, спросите себя, во что же вы верите!**

Дело не в том, воскрес ли Христос. *Возможно, он и воскрес.* Я готов поверить в его воскресение даже безоговорочно. Но из его воскресения не следует воскресения нас самих, к тому же оно ничего не поясняет в возможном нашем воскресении. Воскресший Бог – это не чудо. Он побывал два дня с чутком где-то в неведомых краях, вернулся в круг своих друзей и родных, тридцати трех лет от роду, еще на несколько дней, и вернулся к себе на небо, где пребывал вечно. Мы не вернемся так, как вернулся он к ученикам своим, как будто и не уходил. Нам возвращаться уже будет некуда. Невозможно будет собрать вместе тех, кого мы любили, потому что даже круг близких у каждого из наших близких не совпадает.

Только ли оттого вера наша в Иисуса Христа была бы тщетна, что Иисус не воскрес? Апостол Павел, как видно, не знает разницы между необходимыми и достаточными основаниями справедливости некоторого утверждения, вывода, следствия, явления. Воскресение Иисуса Христа является необходимым условием нашего воскресения, ибо если наше воскресение наступит, то тем более должен был воскреснуть предтеча всех воскресений, Иисус Назаретянин! Но следует ли из того, что воскрес Бог, хотя и воплотившийся в человека, что воскреснем и мы, никогда не бывшие богами, а даже, как учит нас христианская вера, омерзительные падшие существа, у которых даже святые смердят перед Богом? Достаточно ли воскресения Бога для уверенности в воскресении смердов? Вот так же, из чего заключили евангелисты, что *Бог нас всех любит* и мы уже получили прощение даром, не из того ли, что Христос взшел на Голгофу? Но какое чувство выражается в *плаче и скрежете зубоном*, которые он нам обещает за наши грехи, в варе и кипящей смоле? Тем более что грехи, за которые он нас так проклинает, так обещает наказывать люто, не более чем мелкие провинности расшалившегося ребенка, которого мать, возможно, и отшлепает, но так же и поцелует. Грехи эти, как правило, в том, что мы уже "прелюбодействовали" в сердце своем с теми, на которых даже незначай поглядели и не удержались от легкого притяжения, которое притягивает к красивой женщине всех здоровых и психически нормальных мужчин, кроме скопцов и тех, кто с изъязном, *людей лунного света*. Нет, Бог нам не обещал ни любви ни спасения, по крайней мере до Страшного Суда, и Иоанн Предтеча обличал язвы и преступления, и ветхозаветные пророки, и Сам Иисус Христос, и даже ежегодная литургия состоит в значительной степени из обличений и назиданий.

Сын Божий воплотился в Иисуса, рожденного девой Марией по приятии ео Святого Духа (и это хотя и **чудо**, но оно входит в наш мир как его исключительное явление, как точка разрыва входит даже в непрерывность кривой, при этом не отменяются ни притяжение, ни сила, ни масса, ни голод, ни жажда, ни необходимые ни достаточные условия существования вещей и явлений, истин и гипотез), и воплотился Он по решению Бога Отца, или всей Троицы, которая при том, хотя и неслиянна, но нераздельна, и Сам Сын Божий единосущен Отцу, и казалось бы, не меньше Отца, как и Дух Божий, который при сотворении мира носился над водами, а пред вочеловечиванием Сына Божия, рожденного девой Марией по приятии ео Святого Духа, сыграл в этом, как видим, главную роль, ...

*Замечание.* Рабы Божьи любят рассуждать о ничтожестве человека, о том, что он *тварь дрожащая*, и не только непостижимого права, о котором говорит Раскольников у Достоевского, дескать, имею ли я **право?** – на что? И хотя Достоевский намеренно не поясняет, о каком праве идет речь... ну, мол, *право и есть право*, и нет его у человека, и не о чем вкять! – и не только непостижимого права не имеет, но, видимо, не имеет права читать и писать, а тем более читать Священное Писание. А что ж вы его нам подсовываете? – Если же мы имеем право читать Новый Завет, заодно и Старый, то за что же лишать нас права мыслить и о нем рассуждать? Тем более, что хотя оно и духовенно, но писалось людьми, да еще и страстно и убедительно, и не мог апостол Павел быть сомнамбулическим переписчиком, не понимающим, о чем и зачем он пишет. И писал он в разные общины только что создаваемой церкви, и получал ответы, и иногда возражения, и что же, никто из них не понимал, о чем они рассуждают? А может быть, и последующие Отцы церкви были все в забытьи? Нет, рабы божии, и времен апостольских писатели и философы были не идиоты, и математика и физика вон развиваются, а они не менее сложны, чем богословские вопросы. Или заведомо Игнатий Брянчанинов умен как Змий, а я, и Пушкин, и Лермонтов, и Павлов, и Ухтомский – все сплошь лишены христианским Богом способности к пониманию премудрости божией? Как-то непостижимо оскорбительно для божества! Он тщился, создавал нас по образу своему и подобию, создал для нас мир непостижимо сложный, прекрасный, пропитанный математикой и "всемирным притяжением" – а мы не более чем амебы? Зачем Христос беседовал то с фарисеями, то с учениками, то с Пилатом, то отстал от родителей в двенадцать лет, чем вверг их в беспокойство, и сам в синагоге беседовал со старейшинами храма, так что те дивились разуму его не по годам...

Человек создан по образу и подобию Божию, и мир создан под стать человеку, и все взаимосвязано, и слажено, так что и сам Творец подивился, как хорошо!

И поэтому мы продолжим наше обсуждение богословских вопросов, но, разумеется, если нищим духом оно не по силам, то хотя и их будет царствие небесное, но лучше им меня не читать, как не читать и мой Учебник высшей математики, он не проще того, о чем я сейчас рассуждаю.

### 5. Тщетна ли вера?

**22 июня, среда,, 20-30.** Сегодня самый длинный день и одновременно 75 лет со дня начала Войны. Предыдущая ночь была в дохристианские времена у восточных славян Праздником летнего солнцестояния и богини Купалы. После крещения Руси Празднование богини Купалы соединилось с праздником Рождества Иоанна Предтечи, то есть *Ивана Купалы*, и ныне *Ночь на Ивана Купала* (то есть на Иоанна Крестителя, крестившего водой, и *купавшего* крестившихся в воде) празднуется 6-7 июля (24-25 июня по старому стилю). Удивительно то, что в моей деревне Корневище *Ночь на Ивана Купала* праздновалась именно как *Ночь Купалы*, славянской богини любви, плодородия и природы.

Германия была обречена на поражение, потому что еще живущая в недрах славянской души Купала пробудилась и вдохнула новые силы в русский народ, так что хотя и с неисчислимыми потерями и страданиями мы победили.

Вернемся же к воскресению и вере...

Верующие в Иисуса Христа – самые большие путаники среди исповедующих веру в Бога. Веруют они в Троицу, то есть в триединого Бога, но по большей части христианство для них – это учение о пришествии Сына Божия, его проповедях, крестной жертве, воскресении и восшествии на небо. Именно Сын Божий – тот Мессия, которого безуспешно ждали евреи и дождались язычники, тот Господь, который поведет свой народ в Царствие Божие на небе (хотя некоторые богословы и философы из среды христиан утверждают, что *«царствие божие внутри нас есть»*).

Можно было бы сказать и так, что христиане – это люди, верующие преимущественно не в Бога – Творца небу и земли (в него веруют евреи, держащиеся Ветхого Завета), а в сына Божия, «Творца воскресения» (метафорически выражаясь).

Что такое воскресение и что с ними произойдет после него, они не знают. То же ли самое вера в Христа что и вера в Бога, они не знают. Однако они веруют, даже до исступления, и связаны через причастие плоти и крови именно с Христом, но не с Богом Отцом. Веруют в то, чего не знают и не могут объяснить сами себе. *«Но слепо должен верить человек!»* – вот магическая формула их веры.

Они веруют в воскресение – но эта ненависть к плотской любви, к семье, к детям, к жизни и миру, которая так неистово проповедуется две тысячи лет (хотя принимается только горсткой, остальные разделяют справедливость такого учения словно бы через сон) – эта ненависть к плотской любви, к жизни и миру разве не является верой в смерть, а не воскресение?

Принимая учение по настоящему и отрясая жизнь с обуви своей и становясь юридическим или замуравывая себя в склепе во имя христианства – разве не обрекает себя так уверовавший на нечто даже худшее, чем смерть?

Мог ли бы я призвать к сему своих сторонников, своих читателей?

## 6. Подвиг

Семьдесят пять лет со дня самой кровавой и самой трагической войны в истории России. Погибли миллионы людей. Одни умерли от голода, холода и болезни, другие были застрелены своими же, по приговорам "троек", заградьотрядами, а то и без суда и следствия; третьи погибли в бою или от случайной пули, мины, снаряда...

Каждый погибший, даже если его застрелили заградьотрядовцы, чаще всего несправедливо, достоин нашего сочувствия. Но между теми, кого гнали как скот на убой, и кто бежал вперед, в атаку, подгоняемый страхом, и теми, кто испугался и пытался спастись и бежал назад, есть еще третьи.

Воины все были в общем котле, и герой не появлялся как пришлец, все помогали друг другу жить уже хотя бы тем, что страдали в одном окопе, разговаривали, делились огоньком или горбушкой или кусочком тепла – и все же вот эти третьи достойны более пристального рассмотрения.

К ним принадлежал мой отец. Он был командиром взвода, удерживающего Безымянную высоту. Когда стало ясно, что помощи батальон оказать им не сможет, а сами они высоту не удержат, командир полка приказал им отступить. Отступить надо было через болото, которое простреливалось с этой высоты, если взвод ее покинет и враг ее займет. Взводный приказал оставшимся солдатам отступать, но сам остался на высоте и удерживал ее, пока они отступали. После этого он погиб, истекая кровью после третьего ранения.

На следующий день Высота была занята нашими солдатами снова, отца моего нашли и похоронили в отдельной от всех могиле, с трудом выдолбленной в каменной сопке, как было написано в Похоронке. Я думаю, что такая честь, оказанная мертвому воину, выше любого ордена.

Что же такое подвиг у христиан и у русского воина советского времени, вступившего в партию (так полагалось тогда офицеру) и вряд ли являвшемуся христианином? Христианин надеется воскреснуть, он верит, что смерть – еще не конец жизни (которую, он, впрочем, ненавидит или презирает). Русский офицер-атеист знает, что воскресения нет, он любит жизнь, любит свою жену и ребенка, которого он даже не видел, он пишет им в письмах, что если ему суждено умереть за Родину, он умрет счастливым, вместе с Родиной он защищает и своих близких, жену, мать, сына, сестру и братьев.

Кто же герой? Христианин, живущий только для себя, заботящийся постоянно о спасении своей души и о награде на небе за свое смирение, покорность, терпение и коленопреклонение, – или офицер-атеист, живущий и погибающий для мира, Родины, близких, и не ждущий наград?

Я думаю, что эгоисты не могут быть героями, даже если во имя спасения своей души и совершают мужественные поступки.

*Замечание.* Христиане – подвижники, святые, страстотерпцы – в своей деятельности и жизнь восхваляют и утверждают Бога, церковь, умаляют жизнь, воздерживаясь от природы и природного в себе... но есть ли нечто в их повседневном, кроме молитвы и поста и елейной псевдолюбви к ближним, что было бы созидательно не только для их собственного спасения, но и для других? Простояв в молитве всю ночь, изнунив себя голодом, быть может, они спасаются (от чего? непостижимо...) – но что дают они окружающему миру, нуждающемуся человеку? Вот **святой** (и даже надрывно верующий Достоевский устами Ивана Карамазова говорит о надрывности, надуманности такой любви) – но согрел ли он кого либо, просто принеся нуждающимся дров, напоив горячим чаем, принеся сапожки, как я третьего дня принес их Ане в Сушилове?

Провожал жену до метро, зашел в аптеку, чтобы купить линзы внучке, спрашиваю у девушки, улыбающейся мне во все лицо, во сколько они открываются. «В десять», говорит она. «Но ведь еще нет десяти?!» (а я уже и вернулся, и уже сижу за компьютером, а только десять минут одиннадцатого). «Ну и что же? Я уже есть!» Я спросил ее про любовь. Коротко сказал про Анну, и заговорил про Ю.А., вчера ему звонил, он в больнице, обижается, что я не приходил и не звонил, обозвал меня эгоистом. «Я был в деревне, говорю я ему, ломал старую баню и строю новую. Но постараюсь исправиться».

Я, конечно, не святой. И собственные заботы и невзгоды одолевают, и не так уж много я забочусь о других – но все же это именно я прихожу к А., и привожу к нему наших общих друзей, а без меня не все они ходят, и прихожу к Ю.А., и выпиваю с ним по рюмочке, хотя в нашем ощущении мира мало общего, и разговор затеваю я вокруг своих журналов и своих книг (и ведь свои сочинения печатают они именно в тех журналах, которые я издаю), и пытаюсь помочь и сыну и внучке, и невестке, хотя помочь не в силах почти никому, христианский Бог не дает мне силы, потому что он любит нищих духом, а Бог философов и ученых выше сочувствия, он только посылает волхвов, чтобы они разжигали во мне несчастную любовь, чтобы я научился писать (и за это я им всем благодарен)... И ночью я умираю, хотя и не хвалюсь немощами моими, как апостол Павел, с трудом воскресая днем... Иногда прихожу полюбезничать с Юлей, и она дрогнула, и сказала, что не возражает, чтобы я заходил...

Я вижу, что я уже не только НЕ христианин, но даже и АНТИхристианин. Но в отличие от Ницше, я возражаю не их якобы жалости к людям (нет в их отношении к человеку ни жалости ни любви, христианство жестоко и приносит человека в жертву Богу, оправдывая сие тем, что якобы их Бог пожертвовал собою для человека – да так ли это?) – итак, возражаю я не жалости, которой у них нет, а возражаю их жестокости и ненависти к миру и человеку.

Да, мы существуем в мире лжи и подмен, и одни принесли миру свободу, назидая «рабы, повинуйтесь господам своим в умилении сердца!» и защищая крепостное право (ибо это их порядок вещей, разделение на рабов и господ, это их Бог благословляет царей и царскую власть, это их цари и епископы, в золоте и парче, божьи миропомазанники... и только моя сумасшедшая ласточка пыталась соединить в своей болящей душе большевизм, рушивший храмы и царскую власть, и христианство, эту власть и рабство утверждающее...)

Да, я – от культуры, от мира, от жизни, от человека. Я хочу, чтобы дети радовались и улыбались, и матери их были счастливы. Чтобы человек пытался улучшить сей мир и имел силы для его улучшения, и та власть, которая нас давит своим твердокаменным задом, была низвергнута, а управляло нашей гражданской и хозяйственной жизнью избранное нами **правительство, зависящее от нас!!!**

Но в таком случае, если не Бог – мера вещей, если не смиренный и покорный *раб божий* (а прежде всего раб всякой неправедной власти!) – то кто же мера вещей? По-видимому, все таки человек... Но, вероятно, не всякий... И тогда не я ли, умирающий по ночам и с трудом возвращающийся к жизни днем, пытающийся жить не только для себя, но и для других, эта последняя мера?

Разумеется, речь идет не о единичном и единственном человеке, но и не о всяком. Человек существует как общее и частное, единичное и личность. Личность и уникальна и всеобща одновременно, она включает в себя и то, что присуще лишь ей, и то, что соединяет ее с другими: пол и национальность.

### *7. Я сам – последняя надежда на исправление мира, больная мера вещей*

Всё плохо, и всяческие болезни, и сверх них неведомые клонят меня книзу, и злоба власти, которая меня пытается раздавить – так, конечно, походя, не во всю мощь, а словно пьяный, идущий как попало, а то и по газонам и выгаптывающий цветы, но не старающийся давить с сладострастием... И я думаю, случайно ли всё ополчается против меня?

Вот на станции в Окуловке безумный завывающий Голос велит разбежаться от края платформы, приближается скорый поезд – и так по полчаса перед каждым поездом. Вот Служба судебных приставов в нарушение всех даже их незаконных законов обирает меня до нитки, не выплачивая ни копейки, и те крохи, что в компенсацию прошлых незаконных преследований. Вот *батюшки* повелели подругам не встречаться со мною (возомнив себя и впрямь слугами божьими). Сгнила баня и нет денег даже ничтожных на ее перестройку, буду перестраивать из того, что осталось от старой бани, уменьшив ее почти вдвое.

Бросили две очаровательных и милых, но позвонила Манон. И любезничает со мной то одна то другая, что-то во мне еще, значит, осталось!

Пишу горестную книгу, сегодня начинаю последнюю часть, соберу нашу любовную переписку.

Сочинил стихотворение...

Но случайно ли «вихри враждебные веют над мною»?

И я думаю, что в нашем самодовольном, тупом и пошлом мире, – мире, в котором каждый или обманывает и давит других, или словно находится в летаргическом сне – некий словно бы Сторож ходит по ночам с колотушкой и бьет по забору, воротам, а то по спине и велит не спать или проснуться. Все спят. Но я еще только дремлющий, мне плохо, болит и спина, по которой сторож колотит, но я – последний неспящий в этой стране, поэтому меня и колотит *страж Пробуждения*. В человека вмещена мера вещей, но пьяный, спящий, обманутый или лживый не может правильно мерить, поэтому все негодны (*все до одного негодны*, говорил апостол Павел). Значит, остался лишь я – не то чтобы я был умнее всех, но я родился в Сибири, среди других русских, потомков свободных людей, не выведенных чрез Крепостное право, родился у умных и красивых отца и матери, мне повезло, что же поделаешь, надо терпеть колотушку сторожа и мерить сей мир своею болящей душой и страдающей плотью.

Чтобы я был мерою, годящейся для многих, чуть не для всех, я должен быть и таким же как все, и неповторимым, т.е. должен быть тем, кому ничто из человеческого не чуждо: слабости и соблазны, греховные помыслы и порывы раскаянья, взлеты и падения; и тем, кто поднимается над повседневным, не ординарен, не мирится со злом, не стоит на коленях по крайней мере добровольно... Общественное положение мое должно быть не высоко, но и не на самом дне, я не должен быть нищим, хотя и богатым быть мне не пристало, лучше, чтобы я во всем нуждался, но все необходимое не сторонилось меня...

Признания у меня не будет, и даже не должно быть, ни славы ни почестей, хотя среди избранных я, может быть, буду даже более избран ...

*Возможно, напишу о христианстве еще, но теперь перейду к любовным письмам... в последней, заключительной части ...*

### **8. Временное, сиюминутное не отпускает к прошлым Письмам**

**24 июня, пятница, 8-56.** Мчимся с милкой в метро до станции Звездной, оттуда микроавтобусом в Соинское и далее пешком в Перелог. А там уж воскресну.

В шесть утра раздумывал, умирать или нет, казалось, что смерть предпочтительнее. А виноват в своих несчастях я сам: во-первых, вечером мне нельзя ни пить ни есть, в гостях ограничиваться рюмкой горячительного и чашкой горячего чаю. Во-вторых, в пять-шесть утра надо непременно вставать и делать гимнастику, вращать головой и бедрами, может быть, полчаса или час сидеть за компьютером. И в третьих, перед сном делать гимнастику тоже. Увы, своей неспособностью исполнять хотя бы самое необходимое я уступаю монахам.

Если бы я разбогател... У меня был бы дом (пусть и небольшой) близко от города, с садом и огородом, мансарда в доме, в которой я уподоблялся бы монахам, не затрудняя ближних, дорожка в саду, по которой бы я гулял по утрам, набираясь умных мыслей.

А так... Приходили раньше волхвы и кое чему учили, теперь они не приходят, пишу наобум всякую чепуху. Или они во мне разочаровались, или пока решили отправить меня в отпуск, хватит писать о мифах, надо в последней, седьмой, части книги собрать нашу с ласточкой переписку, сократив ее, и этим и закончить *философию любви*.

Вера в Бога тщетна для будущего, существование вне времени и истории, без плоти и плотского мира, не заменяет жизнь даже отчасти, как старая фотография не заменяет воспоминаний. Следовательно, под моими критическими заметками надо подвести черту и от споров о иллюзорности или действительности религиозных представлений вернуться к самой жизни и ее проблемам. Я ничего не имею против того, чтобы человек заглядывал в Библию или в Коран или в Махабхарату, ставил свечки в храме перед иконами, изредка заходя в храмы. Я только скорблю о тех, кто мне дорог, кто иллюзией существенно подменяет действительную жизнь, ослабляет напор творческой энергии, наполняющей жизнь, спрашивает у батюшки, с кем целоваться, вкушает плоть и кровь Христовы (что мистически отвратительно), уходит в монастырь или скит или замыкается внутри себя, почти умерщвляя внешнюю жизнь и внешний мир. Перед моими глазами пример душевно больной родственницы, замкнувшейся в болезни, чего не пожелаю и самому заклятому врагу (которых, впрочем, у меня нет) – религиозная экзальтация в большей или меньшей степени уподобляется такой болезни. С печалью и горечью думаю, не то же ли случилось и с ласточкой?

Но окунусь в наши старые письма, и в них воскресну. И буду редактировать «Легенду о великом инквизиторе», которую выставлю в Интернете для яростного обсуждения. И затем выставлю там же и эту книгу. *И далее везде...*

**25 июня, суббота-22-48.** Будет ли у меня хотя бы незначительный успех, как у писателя, я уже сомневаюсь, – но занявшись перестройкой бани, вижу в этом строительстве чуть ли не главное дело по крайней мере летнего времени.

Вчера приехали в деревню в половине третьего, работали до девяти, дело застопорилось из-за того, что в фундаменте и бани и печки (которая сама была больше бани) оказалось невероятное количество кирпичей и бетонных блоков. Сегодня было душно, потом громыхала гроза, но прошла стороной, и духота даже усилилась.

Надеюсь баню построить в течение ближайших двух недель и тогда сосредоточиться всецело на своих сочинениях. А пока баня отнимает всю мою энергию и последние силы.

И все же, хватит писать о повседневном, прощальная песнь любви требует своего завершения.

**26 июня, воскресенье, -7-41.** Но переключиться на вечное с сиюминутного, текущего, протекающего, вытекающего как кровь – трудно. Сегодняшняя ночь, по-фински, да и как у славян было когда-то, и как в Корневище – *Ночь на Ивана Купала*, и от этой ночи мы всегда ожидали чудес.

Но спал я и в эту ночь очень плохо, в пять заболела шея, пытался ее массажировать, вращал, двигал, кое как с болящей шеей заснул. Я как Павка Корчагин – всё для бани! А разве не баня для нас? Так вот и большевики жили все свои семьдесят пять лет: дров летом подвезти в Киев или построить летом дорогу им было невозможно, строили в лютые декабрьские морозы, *закаляли Павкину сталь*, и учились потом поколениями жить как Павка.

Уже мы позавтракали, *восемь часов*, иду строить баню, когда будет перерыв на жару, займусь Перепиской.

*Около полуночи.* Два раза была гроза, шел сильный дождь. В остальное время было очень душно и неистовствовали комары.

Чувствовал себя очень плохо, сердце билось с трудом.

Так и баню не построю, думал я, отдам Богу свою грешную душу и негде будет обмыть мое такое же грешное тело.

Почти ничего не сделал за целый день, хотя истратил все силы.

**27 июня, понедельник, 9-25.** Возвращаемся в город на микроавтобусе. Баня строится плохо, но самочувствие мое вчера было еще хуже, чем у бани. Но не цену ведь своей жизни я собираюсь построить баню?

К письмам уже приступил, но совсем отделаться от общих рассуждений о жизни, истории, христианстве пока не могу, кое какие заметки буду добавлять, пока редактирую нашу переписку.

Светское мировоззрение Российского дворянства в девятнадцатом столетии не было христианским, они были разделены пропастью.

Понять их чуждость друг другу, их даже враждебность и противостояние легче всего при сравнении идеалов человека в одной системе взглядов и в другой. Что ценил дворянин? Если это офицер, то очевидно, что ценил он мужество, верность дружбе, честь и достоинство, свободумысли и свободу в поведении... Но чтобы за лесом не проглядеть то дерево, которое я ишу мысленным взором, я укажу на него сразу: все эти приведенные мною характерные особенности человека группируются около **честь**. Честь и вытекающая из нее гордость (в христианстве – *гордыня*, противоположная

кротости и смирению). **Любовь к отечеству**, готовность отдать за него свою жизнь характеризовали не только русского офицера, но и всякого человека, укорененного в общественной, государственной, семейной и культурной национальной почве, таковы, разумеется, русские поэты, Пушкин, Лермонтов, Гумилев, Есенин. Разумеется, что *любовь к отечеству* не входит в число христианских добродетелей.

Представим себе, что Христос пришел разделить людей на две части: достойных воскресения и царствия небесного – и недостойных. И пусть с такою же миссией пришел в Россию русский поэт, особенно романтического склада, Пушкин или Лермонтов. Очевидно, что избранные ими **достойные** не будут совпадать с избранными Христом **угодниками божьими**: колено-преклоненными, верноподданными, боголюбивыми, испытывающими лишь ту любовь, которая проистекает из *страха Божия*, смиренными, кроткими, *«впяряющими очи долу а душу горé»* (что сказано, впрочем, красиво!).

Идеальный русский человек девятнадцатого столетия восхищается женскою красотою, восхищается красотою во всех ее проявлениях, духовных и плотских, красотою в природе и в культуре и даже в науке и философии, не говоря уж об искусстве. Идеальный христианин представляет собою тип даже более разнообразный, чем тип светского человека, от лицемерного "фарисея", умщенного елсея, "голос тихий, взгляд скорбный", до фанатика, выкидывающего на помойку Пушкина. Но и *стандартный* монах не читает светских книг, не ходит в театр и в музей, не слушает музыку, как о том говорит К., для них искусство – нечто вроде *млека*, необходимого только младенцам, в них истинный христианин уже не нуждается.

Хотели бы мы жить в обществе, состоящем из *истинных христиан*? В кого хотела бы влюбиться нормальная девушка: в честного, доброго, умного, образованного, – или в такого вот пришибленного, еще хуже князя Мышкина? Удивительно или нет, но юношу, мужчину, *суженного по христианским лекалам*, не захочет иметь *суженым* даже ненормальная девушка.

12-00. Уже в метро подъезжаем к дому. По дороге заглянул в газеты (которых я почти совсем не читаю), статья о женском СИЗО в Москве. В камере пятьдесят человек, женщины спят под нарами и скамейками, по ним бегают полчища тараканов. В это время *истинные христиане* усиленно молятся, зарабатывая *царствие божие*. Но в их царствии личного блаженства, с ними, ничего не делающими для облегчения участи страдающих сестер своих, я не хочу быть, даже если бы это царствие мне предложили.

У подлинно достойного человека может быть лишь одна самая достойная цель: такое **преображение мира**, чтобы в нем человека не могли превращать в бесправное униженное животное. *Истина* и *справедливость*, о которых мы пока не можем найти общего определения, Христос ли истина, Маркс ли, Ленин, Платон, мечтающий об обобществлении женщин, Мао или Муссолини или другие, могут и подождать, *согласимся хотя бы с состраданием к человеку* вместо елейной *любви к абстрактному ближнему*, за которым Игнатий Брянчанинов собирается, якобы, пойти даже в ад. Подождет даже нормальная человеческая любовь. Стыдно говорить о собственном счастье,

стыдно даже писать любовные романы, пока по нашим сестрам, валяющимся под лавками, бегают тараканы.

Но счастье человека, его достоинство, его не поправная честь не входят в число христианских приоритетов, назначение человека по-христиански – любить Бога, пребывать в страхе Божиим, надеяться на превращение в лист на древе Господнем после Воскресения.

Христианское учение – это учение о ненависти к человеку, ибо ненависть к миру, необходимость отряхнуть мир как прах с ног своих проповедуется в христианстве прямо, положение, что князем мира сего является Дьявол, то есть мы живем в доме, в котором дьявол господствует и который ему принадлежит, тоже проповедуется прямо, ненависть к человеку вытекает из мифа о грехопадении и падшести человеческой природы и падшести мира.

Но сколько уж я об этом писал!

Достойные по христиански и достойные по мирски прямо противоположны. Хотя, впрочем, христиане стремятся заполнить все поляны ненавидимого ими мира, и всякого достойного спешат причислить к воинству Христову, когда им это выгодно, и даже Пушкина, сочинения которого велели Гоголю отнести на помойку, милостиво хвалят за то, что умер он по-христиански (затравленный, уставший, измученный болями, надеющийся на милость царя к его семье, боящийся огорчить друзей и читателей).

Что дали России христианские подвижники и святые, кроме Сергия Радонежского, вопреки настоянию церкви благословившего Дмитрия Донского на битву с татарами (а церковь только противилась противлению Русского народа Золотой орде)? Ни книг они не писали, ни науку не развивали, ни людей не исцеляли, ни законов не создали, ни детей не рожали, ни строили, ни пахали, ни сеяли... Они молились. А наши отцы и матери, благодаря которым мы живем, своим трудом и творчеством и создали эту великую страну, великий язык, великую культуру, наши Минин, Пожарский, Суворов и Кутузов, Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Толстой, Тургенев и Достоевский, Данилевский и Розанов... и несть им числа...

Константин Леонтьев сетует на то, что церковная жизнь почти совершенно отсутствует в романах наших великих писателей, ни литургий герои их не отстаивают, ни с крестным ходом не ходят, ни в монастырь не постригаются – потому что церковная жизнь почти совершенно отсутствует и в непосредственной жизни наших великих писателей. В спорах их героев присутствуют и чудеса и святые, но и в моих спорах они присутствуют, только вывод моей жизни противоположен выводам христианства: Надо любить и жалеть людей, с которыми сталкивает судьба (а не тех далеких негров, которых линчевали во времена моей молодости), надо преображать и украшать наш мир, смягчать нравы, исправлять общественные язвы и бороться всеми силами против той войны, которую ведет несправедливое государство против несчастных, не умеющих ему противостоять.

Наша деятельность в мире и те дела, по которым и будет судить нас небо (если будет судить), или судить потомки (если будут судить), или судить себя сам человек – вот что должно быть содержанием нашей жизни. Наше

творчество и наша любовь (к тем, кого мы любим, кто в нашей любви нуждается). **Бог подождет. Человек важнее!** Вот это последнее и есть краткое выражение моего человеческого измерения мира и жизни вместо пустого мифотворчества.

**Деятельный человек, любящий, сострадающий, умный, честный и гордый – вместо князя Мышкина, вместо Подпольного человека, вместо богомольца и «отцов-пустынников».**

«Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить... Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских... *Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою.*»

Каждый отвечает за себя сам. Выбираешь ли ты себе деятельную жизнь, обращенную к тому, что тебе дорого, чему твой инстинкт сострадания велит помогать, как если бы ты слышал призыв голодного, замерзающего, несчастного, тонущего? Да, в мире много зла и страдания, и человек достойный исправляет мир насколько в его силах, как крестьянка пропалывает грядки от сорняков, как учитель исправляет ошибки при решении задачи или в диктанте, как мать перепеленывает ребенка, слыша его плач. Но христианство обращено к тем, кому не нужны дети и кто не знал радости материнства; кто не знал блаженства любви; кто не ценит ни труд ни творчество, чья жизнь проходит в бессельной и бесплодной борьбе с природой в себе и с природой в мире, кто умерщвляет плоть, повинувшись темным призывам – если его призывают духи, то не думает ли он, что это духи зла, а не духи добра?

Нас учит жизнь и история. И мы видим (те, кто способен видеть), что целые народы вдруг словно бы прозревают (прежде непоколебимо уверенные в своей правоте) и впадают в новую веру, в которой уверены так же непоколебимо. Но это ветер сменил направление, а они как были слепы, так и остались, ибо они впитали еще с молоком матери основополагающую аксиому, что **слепо должен верить человек** – и они верят слепо.

Пока в Германии властвовал Гитлер, население верило в превосходство арийской расы и справедливость всемирного завоевания и мирового господства и истребления целых народов. Теперь они смешиваются со всеми подряд, но это уже следствие тупого безразличия ко всему, но не веры.

Увы, наблюдая движение истории (особенно, когда изменения случаются часто и грандиозны), можно возненавидеть человека, особенно когда он верит злу и следует повелениям зла. К счастью, этот человек когда-нибудь становится несчастным и его можно пожалеть, да он и чист и невинен в то время когда несчастен. Но его жалеешь и пытаешься ему помочь. К несчастью, когда он становится счастливым, он разворачивается, снова любит правительство и исповедует ту истину, которую ему преподносят сверху (учитель, фельдфебель, жандарм, пахан, помещик, начальник, царь или президент...)

Убеждения навязываются, они пропитывают все существо человека, их невозможно опровергнуть, пока общественная катастрофа или личная их не разрушает, как землетрясение разрушает целые города и судьбы.

Зачем же я пишу Возражения, зачем обижаю добрых и чистых, верующих в Мессию, обещавшего нас *воскресить* (хотя никто не пытался объяснить нам сие воскресение, к тому же и *царствие божие внутри нас есть*)? Зачем обижаю жаждущих справедливости, верующих во *всеобщее равенство и царствие божие на земле* (хотя никто из них не пытался понять, справедливо ли равенство, а потому и может ли на нем основаться искомое *царствие*)?

Или я пишу *только для себя а печатаю для денег* (но денег не получаю)? Или для славы? Для власти над умами?

Но уже я не верю, что чудо произойдет и я чего-то достигну. Нет, так и умру... только, может быть, баню построю...

Я и сам не все понимаю. Вот, кажется, написал я прекрасный Курс математики, может быть, лучший. Вот, возможно, в моей собственной книге по поводу Легенды я превзойду других в объяснении смысла свободы, чуда и человеческого благоденствия. Но почему же никто не читает ни мой Курс математики, ни мою Легенду? Я безвестнее Аннушки, пролившей масло на рельсы и вызвавшей этим цепь странных событий. Я никому не нужен. Я не могу обуздать даже дикий Голос, завывающий в окрестностях моей станции.

Почему я ничего не могу и при этом умнее многих? Может быть, всех? Но при этом бессилён настолько, что даже на строительство бани не могу заработать и строю ее из того, что уцелело от старой бани, которую я теперь уменьшаю вдвое?

Так, может быть, я не умен?

Однако же, я размышляю о Достоевском, я вижу странную нелепость в уподоблении Христа князю Мышкину, словно бы этот князь Мышкин – земное Его воплощение (и это очень неспроста); я не доверяю христианству Достоевского и его клятвам в лояльности к вере и власти в Дневнике и в письмах Победоносцеву; и его полному отходу от социализма; удивляюсь Настасье Филипповне, напоминающей Магдалину; удивляюсь рассуждениям о том, что **мир спасет красота**, ибо даже Спаситель, которого евреи так ревностно ждали и за которым вначале пошли, не обещал спасения мира. Он сказал, что мир спасти невозможно и будет конец света – и вдруг вслед за Достоевским и христианские философы ринулись рассуждать о спасении мира!

Я это все замечаю, и видно, что я человек не такой поверхностный, как христианские философы – но почему же тогда мне ничего не удастся, и даже странные *батюшки* всесильны в сравнении со мной, и сначала одна, прежде клявшаяся мне в вечной любви, меня бросила, затем другая, восклицавшая, что вокруг меня одни чудеса, не захотела со мной дружить?

Но одно чудо я еще попытаюсь свершить: я построю баню, один, из обломков старого мира... Пусть это будет и крушением меня как философа – ибо какая же философия при строительстве бани?! – и утверждением как человека – ибо один, одинокий, городской житель, не имеющий строительных навыков, с большим сердцем, которое в последнее время меня мучает по ночам, я эту баню построю, и затоплю, и пропарю так, как не удавалось в других, может быть, лучших. И встретится *другая*, и меня пожалеет (как я пожалел *других*), и жизнь еще пообещает мне нечто новое... и, может быть, я еще напишу ту книгу, которая меня наконец-то прославит...

### 9. Горестные раздумья. Есть ли преодоление?

28 июня, вторник, 19-51. В пятницу, 1 июля, рассчитываем снова поехать в деревню почти на неделю, возможно, теперь уже даже успею построить баню. Но печали меня одолевают: нужны ли мои книги кому-нибудь, нужны ли они уже мне самому? Утром в поликлинике сидел на скамейке, одевая бахилы: пришел за результатами анализа крови на зловередные клетки, думал о смерти... может быть, пора умереть? Ночью мне плохо, днем горестно, детские ожидания не исполнились...

Вдруг слышу голос врача, два года назад определившего у меня опухоль в желудке и нашедшего меня в деревне, он спрашивает, о чем я задумался... да что вы, какая может быть смерть, если вы у нас главный исследователь любви? И вдруг на меня повеяла такая уверенность в благодатных силах жизни, что я пообещал ему воспрянуть духом и прорваться из горестей, и даже написать еще одну книгу, рассказывающую о преодолении.

Но эти заметки пора закончить. Соберу наши письма, расположу их во временной последовательности, они одни составят уже целый том. следовательно, для этой книги из всей переписки надо выбрать немного, самое характерное, потом написать краткое послесловие. Или написать его вот теперь, чтобы уже точно уйти и закрыть за собою дверь?

#### Итак, **Послесловие**.

Одни из нас стремятся к успеху: славе, богатству, власти. Другие стремятся уютно или удобно устроиться в жизни, третьи ищут самоутверждения, любви, счастья. Некоторым достаточно скромного благополучия. Но есть и те, кто, помимо всего прочего, ищет истину, смысл жизни, надеется понять, есть ли что-то более важное и значительное, чем повседневная жизнь. Обычно такие поиски и ожидания разрешаются в религии, в вере в бога, в воскресение, в вечную жизнь. И все же эти поиски, приводящие к вере, я считаю не более ценными и заслуживающими восхищения, нежели стремление к успеху и обеспеченной жизни. Бог для этих людей – почти то же, что опьянение или наркотическое забытьё, или иллюзия самообольщения.

Если их вера скромно примостилась в уголке жизни, то они живут как и все, "выпивая" по выходным или праздникам, а жизни отдавая большую часть своего времени, энергии, сил, устремлений. Основная их деятельность протекает в жизни, но иногда они впадают в *мечтания*.

И только те, кто, как Кьеркегор или апостол Павел или Афонские старцы отрелись от жизни и всю свою энергию посвящают Богу, являются подлинными верующими. Но надо ли с ними спорить? Надо ли мешать их самоотречению и растворению в нирване? Поймем ли мы друг друга? Нет.

Многие в вере в Бога и в Боге находят прибежище от горестей и утешение от страха смерти. Будет ли страшно мне самому умирать? Несомненно. Но я не хочу жертвовать полнотой деятельной жизни для сомнительного утешения. Больше утешение дает уверенность, что жил не зря, что жил не только для себя, что останутся те, ради которых ты жил. Пока *ласточка* во мне нуждалась и говорила, что меня любит, я не думал о смерти и не боялся ее, я был счастлив. Христианство *ласточку* у меня отобрало. Стала ли она счастливее в объятиях Бога, чем на скамеечке со мной рука об руку?

С христианством я расхожусь без колебаний, решительно и бесповоротно, мне жаль тех, кто из-за него полностью или частично пожертвовал своей единственной и самой удивительной жизнью в самом удивительном из миров. Плохо или хорошо, но нам даны бумага и перо и мы сами пишем Книгу нашей жизни, в раю ее за нас пишут другие; но если мы станем листком на древе Господнем, то исчезнет само понятие Личности и Книги.

Да так ли уж мне важно, что множество слабых припадают к Древу как к опоре? Они находят в Мифе о грехопадении оправдание слабостям, не себя, а Еву винят они в своих личных пороках – и пусть их! Весь этот разбор христианской диалектики я затеял лишь для того, чтобы понять мою *ласточку*, ее я хотел спасти от себя самой, потом пытался спасти из рук Инквизиции (ибо постоянное обвинение человека в низости и подлости – это и есть инквизиция!) Человек должен уважать в себе человеческое, а не презирать его, постоянная клевета на Любовь, возникающую от *движения крови*, начинает уже раздражать самых терпимых, но *ласточка*, к сожалению, поверила клевете.

Если евангелисты пишут как о самом страшном грехе, что *«любовь душевная ... ставит объект любви выше Бога (супруга, ребенка, самого себя, работу и пр.)»* и настаивают, что *«приговор душевной любви только один – смерть»*, так как **«Бог не желает, чтобы наше сердце было к чему-либо привязано, кроме Него»**, то из этого следует, что либо их Бог (таков ли он от века и он ли сотворил людей или нет) ненавидит человека, либо они сами создали себе такого жестокого и ревнивого Бога, отвергнувшего все центры притяжения, кроме Себя Самого, отвергнувшего человеческую личность и жизнь человека. Если я сострадаю несчастному человеку, то я не могу сочувствовать и тем более питать любовь к такому бессердечному Богу. В Кодексе заветов (и так и хочется назвать его **Уголовным кодексом**) на первом месте стоит требование возлюбить Бога всем сердцем и всем помышлением – и далее следует и проповедуется только одно: откажись от своей самости, от своей личности, откажись от культуры, от возлюбленной и семьи, от творчества, от труда, от двора, от вола... но все это имеет и не может не иметь только одно: **возненавидь мир и откажись от него!**

Этот кодекс заветов и требований хуже уголовного, он воистину человеконенавистнический и мироненавистнический.

*Недовершенный христианин* мне говорит: но мы то только иногда ходим в церковь, имеем жен и любовниц, иногда исповедуемся, иногда причащаемся, не бери крест не по силам, возьми маленький крестик, вот с ним и ходи...

Но хватит врать! **И у недовершенного христианства существует только одна цель: стать христианством довершенным**, чтобы воскликнуть вслед за апостолом Павлом: **«Я сораспялся Христу. И теперь не я живу, но живет во мне Христос, а что ныне живу по плоти, то живу верою в Сына Божьего, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня»**.

И у такого уже довершенного христианина все растает как туман и наваждение: и любовь, и жена, и возлюбленная, и дети, и семья, и культура, и Россия, и необходимость борьбы с татаро-монгольским игмом, и всякий долг перед людьми и отечеством и миром и самую жизнь исчезнет у *довершенного христианина*.

Я ныне в унынии, я в духовном упадке, все почти у меня отнято, мой народ дичает и не читает уже ни Пушкина ни Толстого, одни дичают в жизни для плоти, пьют и едят, загорают на турецком берегу (но "не нужен мне берег турецкий"), другие дичают в жизни для духа, *причащаются* крови и плоти Христовой, шепчут как заклинание, что «*Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И врази человеку домашнии его (Мф.10:34-36)*» – евангельское заклинание, повторяемое преподобным Игнатием, которого пламенные христианки, бывшие комсомолки, *на ночь читают со слезой.*

Даже безумный Ленин, восклицавший (но, как оказалось, лживо): "коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество", приемлемею моему сердцу – но и его коммунистическая диалектика была отрицающей мир и культуру, хотя и наполовину, и он был лжив, восклицая завет к молодежи: "учиться, учиться и еще раз учиться!", повешенный на плакатах на семьдесят лет мракобесия, ибо восклицание его на том молодежном коммунистическом съезде звучало иначе: "*учиться, учиться и еще раз учиться строить коммунизм!*" (и не случайно в горячечном бреде он писал: "*расстреляние, расстреляние и еще раз расстреляние*" (ибо на мир он принес, но меч, и не строить учил, а разрушать, как и христиане!)

### 10. Как жить?

Я потерпел поражение, одни живут во всю мощь своего *живота* и читать им меня недосуг, и Россия им не нужна, их отечество там, где больше платят (но эти еще не погибли совсем, они разорятся, любовница бросит, жена уйдет к другому, сын начнет пить – и они вдруг опомнятся, и возопят: **чем же жив человек?** И что мне теперь делать и как жить дальше?

***А человек жив любовью к миру и человеку, состраданием к несчастным (униженным и оскорбленным), долгом, заботой, трудом и творчеством.***

И я бы сказал, что этот Завет достаточен и лучше еврейского Завета любить их народного Бога, обещающего им покровительство; и неизмеримо лучше христианского Бога, призывающего возненавидеть и мир и жизнь и отряхнуть их от себя, но взамен обещающего *воскресение* без плоти, личности, жизни и времени, без семьи, женщины, родины, творчества, культуры, труда, любви и заботы. Но как же смерть? Не знаю. Или это знает ваш христианский Бог? Спросите у священника, знает ли он? Он вам ответит, что верит в то, что знает хотя бы Бог, и после смерти откроет, а теперь они преодолевают страх смерти верою в то, что все как-нибудь образуется... все будет хорошо...

Не знаю, будет ли хорошо. Мой отец геройски погиб, мать умерла в страданиях, женщины, которым я хотел помочь (и я теперь понимаю, что полюбил их как своих дочерей... увы, не удержался, как почти *совершенный человек*, и полюбил их несколько больше) – женщины эти ушли к *другому* (хотя одна говорила, что умрет без меня, другая мной восторгалась).

И что мне *воскресение*, в котором не будет ни отца моего ни матери, ни жены ни детей, ни семьи ни друзей, ни Родины ни культуры?! Ни этих моих изменниц? Одному оно мне не нужно...

Но вернусь к моему Завету. Прославление любви, поставление ее в качестве единственного устоя мира односторонне, пресытившись патокой и елеем, как бы не закончить ненавистью, начиная с любви, как это и случилось с христианством. Бродячие евангелисты и свидетели Иеговы на улицах городов радостно восклицают: *Бог нас любит, доверьтесь его любви, он спас нас своею жертвой, спасение мы получили даром!*

А точно ли Бог нас любит, повелевший Аврааму принести в жертву Ему своего сына Исаака? И любит ли нас Сын Божий, повелевающий нам *распять* любовь к миру, семье, родине и пойти за ним на Голгофу? Во имя чего? Во имя спасения души и вечной жизни. Но во имя ли жизни обещается нам воскресение без плоти, любви, семьи, труда и творчества?

Но, впрочем, и я сам точно ли призываю любить благодушно и правых и виноватых, прижать к сердцу и волка и агнца, и палача и жертву, и невинное дитя и растлителя?

Я уже писал о женщинах в Московском Сизо, юных и старых, спящих под лавками и нарами, в объятиях полчищ тараканов – а вам не приходилось, читатель, валяться на таком полу, быть может, рядом с парашей, есть хлеб из гнилой муки, подвергаться оскорблениям, побоям, насилию? Что же тогда представляет собою наше общество, наш великий русский народ, если мы миримся с тем, что оскорбляет все, чем мы можем гордиться? Можем ли мы хвалиться тем, что мы христиане? Что мы русские? Что мы люди, а не звери? Или и впрямь прав апостол Павел, восклицавший: «Все негодны, до одного, нет ни одного праведного!»? И кого же тогда воскрешать? И какой подвиг святости совершают наши святые? Может быть, они молятся за патриарха? Царя? Священство и купечество? За тех, кто продает и продается?

Я не знаю, что делать, как повлиять на жестокую власть, на следователей, возбуждающих уголовные дела часто по ничтожному поводу. На судей, осуждающих на большие сроки за украденную бутылку водки, чем за воровство миллиардов любовницами временщиков. Но я негодую на несправедную власть, на равнодушный народ.

А что же интеллигенция, что же православные, готовые в ад пойти за любовью к ближним, что же большевики, готовые жизнь отдать за равенство и справедливость, что же демократы, мечтающие о свободе для всех, голубых и розовых?

Нет никому дела до наших несчастных сестер, и я поэтому отзываю свою любовь!!! Этот ничтожный и жестокий народ недостойн моей любви, он не достоин ничьей любви, это толпа рабов и негодяев, нет ни одного годного, негодны все, нет ни одного праведного.

*Синтез любви и ненависти – вот основа моего Завета; синтез страдания и блаженства, усталости и вдохновения, откровения и горестных блужданий во тьме. Синтез силы, которую пока нахожу я только в слове, и бессилия перед властным злом.*

Как мне жить дальше, я не знаю.

Предлагают вести в Интернете "Страничку Редактора", можно попробовать, и ниже я изложу свое видение этих страничек.

### *11. Манифест к замыслу Редактирования мира.*

ВВЕДЕНИЕ. До сих пор отношения свои с литературой я видел следующим образом: Я писатель и редактор, и как писатель я общаюсь со своими братьями по профессии, но взаимопонимания почти не нахожу. Общаюсь с читателями, и даже случаются отклики, но читателей у меня практически нет, кажется, сегодня их не более трех.

Общаюсь я с писателями и как редактор, некоторые относятся ко мне как к учителю. Но Редактор не имеет откликов у читателя, не заинтересованного в писании собственных книг.

И, наконец я понял, что мне нужно соединить в себе и писателя, и редактора, и соучастника совместного почти оккультного *Действа*, вокруг которого мы соединимся как *читательское сообщество*, как равноправные участники некоего Семинара. Я буду для этого семинара, для этих Страничек Редактора писать почти то же самое, что в своих книгах, но и читатели будут писать свои замечания, отклики, мнения, на которые мы все будем откликаться, будучи равноправными читателями наших общих Страничек, и главная тема, которая нас соединит: как вернуть читателя литературе и как вернуть литературу читателю.

1. В самое плодотворное литературное время, в девятнадцатом столетии, читателей тоже было немного, мало было даже просто грамотных, однако жила великая литература и гениальные писатели, находившие массовый отклик, существовали ТЫСЯЧИ журналов, и даже по специальным разделам культуры – десятки и иногда сотни, например, были десятки журналов в России, посвященных искусству фотографии, десятки журналов (как пишет Хаджонков в своих воспоминаниях), посвященных кино. Итак, дело не в том, чтобы число читателей увеличилось многократно, но чтобы читающие читали, и книга не уподоблялась развлечению, но **сообщала, пробуждала, учила и развивала.**

2. Книга должна стать тем надежным другом человека, который ему поможет больше вина, общества, церкви. В книге мы должны искать и находить ответы на вопросы, **как и зачем** жить на этом свете.

3. Но для этого и читатель должен стремиться понять мир при помощи культуры, в частности, литературы, и литература должна отвечать упованиям на нее и сама стремиться читателя вести за собою. Но и этого мало: **назначение литературы, писателя и редактора – изменять, редактировать мир! А преобразование мира к лучшему – назначение человека.**

Быть может, именно под таким углом зрения и должен проходить наш взаимный разговор с читателем.

Но один ли у нас язык, одинаково ли мы понимаем важнейшие понятия? Самое простейшее, например, *истина*, разделяет людей пропастью. Поэтому в наших страничках, помимо литературы, займемся определением понятий: что есть истина, существует ли философия, народ, справедливость, любовь, красота, таблица умножения, всеобща они или, как доказывал Толстой, кто как хочет, так и считает. А я за время наших семинаров сумею подготовиться к новой книге «История философских идей», ибо эта книга закончилась, увы, ничем. *Закончилась и моя любовь – поражением. Только жизнь еще не вся вытекла.*

## ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

**СТРОИТЕЛЬСТВО БАНИ В ДЕРЕВНЕ. ВТОРОЙ ЭТАП***1. Старая баня уже сломана*

*2 июля, суббота, 16-38.* Вчера приехал Гена С., приезд отметили *хорошо* и поэтому проспали утренний холодок, потом при жаре доделывали первый венец и приступили ко второму, но сердце уже билось у меня *плохо*.

*3 июля, воскресенье, 23-24.* Вчера сходили в Сушилово и купили пива и шампанского, отмечали знаменательное событие, что первый венец уже готов. А причина того, что я должен был сходить в село (и заодно уж купили шампанского), состояла в том, что Анин муж (детдомовский, как и она) лишился работы и долго не мог ее найти, пособие на ребенка у них небольшое, втроем им на него не прожить, и они в последнее время голодали. Неделю назад Марина им посылала две тысячи рублей, теперь я с автобусом через кондуктора послал тоже пятьсот рублей и двести грамм конфет.

Сегодня мы с Геней завершили второй венец и снесли к стройке бревна, положив их на север и юг (длинные) и отдельно на восток и на запад.

Я на него накричал, потому что он все уверял меня, что пол делать не надо, а *надо положить прямо на землю жёрдочки* (так он якобы мылся в детстве).

В три он уже уезжал и я пошел провожать его до шоссе, выпили по бутылке холодного пива.

Так как он приехал помогать мне строить баню, то я порывался заплатить ему хотя бы за дорогу сюда и обратно (тысячу рублей), но он деньги не взял (я зато, мол, прочитаю его реферат и поправлю), да еще привез полрюкзака еды (якобы я в девяностые годы как то его накормил голодного и давал деньги его двоюродному брату... я, правда, об этом не помню, но, вероятно, давал. И вот теперь он меня кормит, так как постсоветская власть лишила меня пенсии и даже отбирает те три тысячи, которые мне платили как компенсацию за незаконные репрессии в 70 – 73 годах.

Но я его все равно ругаю, поскольку он любит коммунистов (которых, конечно, прежде не любил, как и все наше поколение) и временами любит современный режим и оправдывает *эту* страну (за "*эту*" он обвиняет меня в сотрудничестве с Ходорковским, Немцовым и ЦРУ т всей остальной *пятой колонной*). Про мой национализм выражается так, что это плохо, лучше быть патриотом, как коммунисты, православные, Жириновский и Путин с «нашими».

За ужином мне жена пересказала повесть Домбровского о том, как его *менты* и такая же, подстать им, судья посадили на пятнадцать суток за то, что он вступился за несчастную женщину с двумя детьми, которую бандиты выкинули из ее квартиры в полуподвале. И хотя перед этим он уже просидел в общей сложности двадцать пять лет, и уже был знаменитым писателем, но началась компания борьбы с мелкими преступлениями, и ментовские отделения соревновались, кто больше народу посадит.

«Но нас ведь не сажают!» – возражает мне *благонамеренный обыватель*.

К счастью, сажают и вас, но так как вас много, то сажают не всех, и те, которых не сажают, думают, что правы, защищая и *эту страну и этот режим*.

Я *этот народ* жалею, упрекаю Христа в том, что его учение человеко-ненавистническое – но как же все таки бывает горько жалеть этот народ, который защищает ментов, сажающих тех, кто вступается за несчастных!

Но большинство и не вступается за несчастных, не вступается за истину, красоту, справедливость... По-видимому, большинство – это *люди не первой свежести*, как рыба в столовой Массолита (Мастер и Маргарита Булгакова).

Большинство состоит из очень плохих людей, а еще часть рядом с ними тоже прованивают, и вот образуются людишки *подлого звания, сущие псы иногда: чем тяжелей наказания, тем им милей господа!!!*

Нет, нет, неправда, кричит моя ласточка, я ненавижу крепостное право и ваш девятнадцатый век, потому что еще Некрасов писал, что *часу в шестом я вышел на Сенную: там били женщину кнутом, крестьянку молодую...* Вот за это я и ненавижу девятнадцатый век, все крепостники садисты и извращенцы! А когда Домбровского посадили сначала на двадцать пять лет просто так, по доносам, ни за что, а потом на пятнадцать суток за то, что он вступился за *женщину молодую* с двумя детьми, которую бандиты избили, порезали ножом и выбросили на улицу из ее квартиры, и весь *этот народ*, состоящий из коленопреклоненных, любящих правящий режим (а ласточка моя как раз большевичка, и именно при большевиках сказанное и произошло) и из православных (а православные велят подчиняться господам не по долгу даже, а в умилении сердца, как пишет апостол Павел) – так, может быть, и прав тот же апостол, говоря, что нет ни одного праведного, все до одного негодны!?

И прав Христос, обещая спасение только *малой горстке*, а всем остальным (как уверяет евангелие, *ничтожным, мерзким, смердящим перед Господом*), – вар и скрежет зубный?!

Ибо как может человек, как смеет человек гордиться собою, спорить о чести и совести, бить себя в грудь, уверяя, что верит в Бога и стремится заработать царствие небесное, если в Московском Сизо в камеру набито шестьдесят женщин, и девушки и старухи спят под скамейками и нарами, спят сидя и стоя; если государство раздавило человека как тлю, а миллионы заходятся в истерических припадках любви к вождям, королям и бессменным президентам, не желая даже знать и помнить о страданиях своих сестер? Если царь знает об этих нелепых, потому что ничем не оправданных, страданиях подданных, и не желает исправить вопиющее положение дел, то он негодяй. Если он не знает (и даже не хочет знать), что происходит в его стране, то он соединение дурака и негодяя. Но вы, мирящиеся с такими условиями содержания в стойлах провинившегося человеческого скота (а чаще всего безвинного), не имеете даже капельки права возражать мне!

А сам ты разве не миришься? Разве идешь на баррикады, разве бросаешься на государственный бронепоезд, не умеющий ничего кроме как грабить и насиловать собственный народ? Да, и я не бросаюсь, но я не благословляю этот режим, я скорблю, ненавижу и ищу способы противостояния! Я пока тайно их ищу, но когда найду, выйду на площадь, прежде чем умереть, и явно!

## **2. Фундамент от бань Каракаллы**

**4 июля, понедельник, 22-05.** Пытался то место, где была баня, превратить в грядку, «здесь будет город-сад!», восклицал я. Увы, предыдущий хозяин нашего дома и огорода строил баню на берегу канавы, место здесь топкое, и для укрепления его он сволок сюда со всей округи камни и кирпичи и бетонные блоки. Возможно, правда, здесь предполагалось построить тайный военный завод. Во всяком случае, под тонким слоем земли и песка оказались скалы и бетон, и который уже день я их извлекаю наружу, а некоторые весят почти полтонны. Строительство бани остановилось. К тому же сегодня дважды гремела гроза и шел дождь, во второй раз я решился встать под его холодные потоки.

В четверг вечером мы уезжаем, успею ли построить баню? Или хотя бы посадить картошку на месте старой бани?

**5 июля, вторник, 9-55.** Вчера перегрелся на стройке, точнее, на превращении фундамента в грядку, во второй половине дня дважды налетала гроза с ливнем, но я переусердствовал с выкорчевыванием железобетонных блоков, поэтому даже похолодание мне не помогло, и ночью все тело болело.

Немного косил, минут пятнадцать, вместо гимнастики, получая эстетическое даже удовольствие, при этом городской люд, «понаехавший» на нашу «малую родину», день и ночь на своих 12 сотках то косит, то тракторами бороздит землю, то еще какими-то машинами ее ковыряет, причем все это делается гораздо медленнее, чем вручную. Правда, и я пилю электропилой: потому что у меня нет двуручной пилы и нет напарника.

И вот этот способ деревенской жизни, который принес с собой городской житель в деревню, и является причиной того, что даже мусор не собирают у себя на огороде для перегноя и не сжигают и не приспособливают как-нибудь сбоку дорожек вместо стенки, а вместе с железобетоном и кусками деревьев, жестянками, полиэтиленом, старой одеждой и обувью выносят за околицу и сваливают в кучи, огородившие ныне не только города, но еще большие деревни. **О, Русская земля! Ты только в воспоминаниях еси!**

Вот почему Бог должен был бы назначить меня управителем Земли русской, потому что я единственный думаю не только о том, как спасти нашу часто негодную уже и для спасения души, но и о том, **как жить после нас нашим детям и внукам: на свалке или в цветущем саду.**

## **3. Личность или Бог?**

**Вторник, 17-19.** Весь день идет дождь, да к тому же временами замерзаю. Трудно угодить человеку: и жара ему не по нраву, и дождь поперек сердца. С громадным трудом закончил вытаскивать кирпичи, камни и бетонные блоки из земли, на которой стояла старая баня, они были по всему участку, а не только в основании бани. Возможно, это место было топким, и предыдущий владелец усадьбы мстил топь, вместо того чтобы строить баню на сухом и твердом основании.

Непостижим человек, а русский – вдвойне, поэтому не буду спорить о прикипании человека к кумиру, но только выскажу то, что думаю, не убеждая.

Итак, человек выбирает себе центр притяжения, душа его заполняется **страстью**: к женщине, властителю, Богу, революции, науке, творчеству, или к **иному** источнику наслаждений и огорчений.

Начнем с **инога**. Это может быть **игра** в карты или в рулетку, в шахматы, в футбол или другой из бесчисленных видов спорта; **охота**, **рыбалка**, алкоголь или наркотик, проституция, воровство и разбой... Такая страсть, хотя она никогда не равна человеку (не случайно охота дополняется «Записками охотника» Тургенева или романами Аксакова об охоте и рыбалке или эссе Солоухина «Третья охота»), а игра – романом «Игрок» Достоевского) – может его заполнить, вытесняя или принижая многие другие стороны разнообразной жизни, при этом пагубность и ущербность такого заполнения в некоторых случаях очевидна, например, в пьянстве или пристрастии к наркотикам или в карточной игре на деньги.

Всего я перечислил семь видов страсти, и среди них даже **иное**, представляющее не главное в жизни, как мы увидели, разнообразно и многогранно и способно подчинить себе человека, сужая его и ограничивая его жизнь.

Об остальном повествует и история, и литература, и философия и культура в целом, – и это прежде всего *любовь к женщине*, лежащая в основании культуры. *Любовь к вождю*, как и *любовь к Богу* (или религиозная страсть) не исчерпываются любовью, как не исчерпывает такая любовь и человека, однако часто кажется, что в привязанности к вождям и кумирам любовь почти так же всеобъемлюща, как и любовь к женщине, во всяком случае, безумное поклонение Сталину, вспыхнувшее вдруг в последние двадцать лет, через пятьдесят почти лет после его смерти, напоминает известное *любоевое наваждение*. Странно, но в эти же двадцать лет вспыхнула вдруг в России и любовь к Богу (разных конфессий), напоминая собой эпидемию.

Религиозное чувство может проявляться как культурная привычка, традиция, долг, – в этих случаях *человек веры* почти не отличается от прочих людей – но может проявляться и как страсть, подчиняя себе человека, заполняя его, сужая и ограничивая его жизнь, – и тогда это заполнение не лучше, чем подчинение наркотикам или безумие. Человек не только сужается, но **в привязанности к Богу происходит его программирование и подмена личности**, в точном соответствии со словами апостола Павла:

«однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только **верою** в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть. ...

*Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сорвался Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос.* А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер.»

Итак, влюбившись в женщину, иногда настолько предается человек страсти,

что делается словно безумный, во имя страсти кончают самоубийством, ради любви жертвуют собою для любимых (как пожертвовали Ромео и Джульетта), ревность приводит к убийству, как привела она Отелло и Рогожина, любовь и чувство чести часто приводит к смерти на дуэли, как Пушкина. (И все сие приводит в негодование ревностных христиан, живущих для Бога). Но разве все эти влюбленные в ваших глазах, читатель, ниже бесчисленного количества *смирненно-мудрых, распинающихся во имя Христа, нищих духом, живущих аки спящих во гробе?* Зарабатывающих царствие божие ценою отказа от собственной личности? Правда, религиозное чувство, проявляющееся как культурная привычка, не приводит к таким ужасным последствиям, заходит иногда человек в храм, ставит свечку к иконе, и такая благодать поселяется в его сердце (как у Розановской старушки)! Но разве обещал Христос такую благодать за копеечную свечку? И разве мы называем любовью всякое мимолетное чувство влюбленности в привлекательных девушек, которое посещает нас по нескольку раз на дню? И любовь к Богу – это не посещение храма по настроению, а только то самое, о чем пишет Павел, когда ищущий царствия Божия *«сораспялся Христу, и уже не сам живет, но живет в нем Христос»*. В этом *сораспятии* человек отрекается от многого и теряет многое, приобретая, как ему кажется, еще больше: отрекается от семьи, как Христос, от невесты, как Кьеркегор, отрекается от преданного друга, без которого вчера еще жить не могла, как моя ласточка, отрекается от души (ибо *кто потеряет душу свою для меня, тот спасет ее*). Но самое большое отречение – это отречение от своей личности, превращение в *винтик государственной машины*, по Сталину, в *солдата Трудовой армии*, по Троцкому, в муравья всемирного муравейника, согласно общекommунистическим чаяниям, или в лист на Древе Господнем. Отдельный, частный человек, индивидуальность, Личность – самое ненавистное в обоих разновидностях Мифа о всеобщей нирване, на небе или на земле, проповедуемого в марксизме и христианстве.

Следовало бы не потуплять скромно взор, краснея от грубого напора самоуверенной и бесцеремонной лжи, претендующей на истину, а высказываться резко и определенно. Перед нами **Искушение**, и оно нас испытывает. Бог не подарил нам **свободу**, как Прометей подарил огонь, и либо необходимо добывать ее в слезах и поте, либо заменить рабским умилением, возлюбляя господина не по долгу даже, а в умилении и простоте сердца, либо созидать в **синтезе труда, творчества и любви**, в рамках семьи, общества, государства, а часто и вне всяких рамок, в бунте, революции, освободительной войне. Склеп, скит, пустыня, монастырь и храм, Священное Писание и даже полуфилософское богословие не только не дают человеку свободы, но отнимают последнюю.

Христианство не сообщило человеку Откровения и Истины, их необходимо добывать через Образование, через духовные усилия, через те самые **добрые дела** и добродетели как свойства души, которые отверг Павел во имя веры (смотри его учение о делах Закона, о которых он говорит, что *если законом оправдание, то Христос напрасно умер*). Ибо основа основ христианства в том, что человеку ничего невозможно, все, что от него исходит, ничтожно и

презренно, но только от Бога, и спасение не достигается совокупным трудом и подвигом человечества, но дарится Христом, пошедшим добровольно (или по принуждению Отца Небесного?) на Крест.

Ни Прометей, ни Пифагор, ни Сократ и Платон, ни Гомер, Эсхил, Цицерон и Плутарх, ни Алкивиад и Триста спартанцев, ни Орлеанская дева, Джордано и Галилей, Коперник и Пастер, ни Добровольческая Армия, ни 1812 год, ни Война и Мир и победа над нацизмом ничего не значат и ничтожны! – а только это и содержится в безумном противопоставлении Бога и человечества, прославляющем и оправдывающем ненависть к человеку.

И я заявляю без обиняков: **Если только Христом оправдание, то мой отец напрасно умер!** Поднимите руки все те, у кого отцы погибли в последней Войне, спасающей русский народ (да и другие народы нашей общей Родины, да и евреев тоже, кстати сказать, отвергнувших Христа) – если кто-то посмеет сказать, что мой отец напрасно умер, как и миллионы других отцов, то с этими посмевшими мне не о чем разговаривать. Если их Бог ставит мне условием отречение от моего отца, то я лучше останусь с памятью о своем отце, чем с верою в их Бога. Нет, не такой Бог созидал человека, свое творение невозможно ненавидеть так, чтобы обвинять во всех смертных грехах, требовать слепой покорности, страшать Геенной и кипящей смолой, и в конце концов поставить идеалом какого-то отвратительного раба, смиренного, дрожащего, бесправного, и даже гордого своим самоуничижением! Если надо выбрать между Личностью (вещающей в себя истину, красоту и добро, творческую энергию, вдохновение, жажду любви, сострадание) и таким Богом, гордым покорением человека, то я выбираю Личность, а не Бога. Только Бог ли предлагает нам такую дилемму, а не самозванец? Повторяя вождя Первой иудейской войны Баркохбу, я готов воскликнуть: *Уж скорее я Мессия, чем он!*

О ненависти христианства к любви, красоте, труду, творчеству и культуре я уже писал достаточно, повторяться не буду...

И о страсти к революции, науке и творчеству написано тоже достаточно, известно и не оспаривается, что и революционеры выбирали *свободу и справедливость* вместо Бога (как Овод в романе Войнич), и ученые выбирали знание, и поэты восклицали: *если кликнет рать святая «кинь ты Русь, живи в раю!»*, я скажу *«не надо рая! Дайте родину мою!»*

#### ***4. Любовь или ненависть в сердцеvine христианства?***

Второй дедушка стал выговаривать нашей внучке, упрекая ее в одном и другом, долго она терпела, наконец спросила: «Дедушка, ты меня любишь?»

«Конечно, люблю!» – ответит тот.

*«Так если любишь, то люби. А если не любишь, то ругай, ругай, ругай и ругай!!!»*

Не буду спорить ни с теми, кто надеется, что можно любить и человека и Бога, им ответил святой Иоанн Лествичник (Слово 3, гл. 16): «Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя»; не буду спорить с теми, кто презирает человека или хотя бы только меня одного, как кроткая заблудшая ласточка, оттолкнувшая в негодовании и мое сострадание и мою

нежность (но большего, вероятно, я и не стою); не буду спорить и с теми, кто воспринимает мир как собрание предметов, движения которых подчиняются различным силам, Бога среди этих предметов нет, как нет красоты, добра, справедливости, истины, а, как говорит Толстой, кому что нравится, тот это называет красивым, и кому что кажется правильным, тот это называет верным. Если только Толстой не смеется над нами, то остается лишь развести руками. Для меня несомненно, что он гениальный писатель, но в таком роде, как он говорит об истине, красоте и справедливости, говорить бессмысленно – так, может быть, еще хуже обстоит дело с другими собеседниками? Однако, я ведь разговаривал в своей жизни со многими, и нам удавалось понимать друг друга гораздо более, чем я теперь понимаю Толстовский "детский лепет" ?!

Но вернусь к христианству.

Большинство из них, я думаю, обычные люди, такие же, как я, и если отличаются от меня, то лишь некоторым набором безвредных сентенций и предположений, вроде того, что Бог нас любит, когда-то мы воскреснем, и вести себя надо хорошо, то есть не нарушать моральный кодекс православного коммуниста.

Что надо спрашивать у батюшки, можно ли со мною дружить, и надо ли жить во гробе, сораспявшись Христу, так думают немногие. Но с ними не надо спорить, они боятся, что дружба с вами не угодна Богу, а Бог им дороже случайных друзей или попугачиков. Вероятно, разрыв с ними неотвратим как собственная смерть. Если они вам дороги, представьте, что вы уже умерли., Ибо по крайней мере вы уже умерли – для них.

### ***5. Зачем написал я все эти книги?***

Зачем я написал все эти книги про любовь?

Я надеялся что-то изменить. Но ничего изменит невозможно, я им не нужен, тем, к которым притянулось вдруг мое сердце.

Я надеялся что-то понять. Но так ничего и не понял. Возможно, каждый человек видит мир сквозь некое цветное стекло, один видит его красным, другой синим, третий черным... Невозможно доказать, что мир на самом деле не таков, пока не разобьется зрительное стекло. Это случается, и тогда происходит перемены веры. Но новая вера так же непостижима и ни на чем не основана.

Что делать такому как я? Раз уж я пишу книги, возможно, продолжать делать то же самое, быть может, вдруг их начнут читать. Но скорее всего – не начнут. Что еще? В последнее время болит сердце, кажется, оно кровоточит. Но я ведь еще не умираю? Следовательно, надо продолжать жить. Но ведь меня терзает печаль, болит сердце, капает кровь...

Мертвым еще хуже, так что терпи.

И это все?

Ну, построй баню...

Никто не поможет... Ибо другие, возможно, нуждаются в помощи еще больше чем я. Возможно, мне еще удастся кому-то помочь. И лучше этого ничего не бывает: сострадание, забота и помощь. Или это и есть любовь?

### **6. Рабы и рабовладельцы. Поэт и царь**

Христианство – это сильная и успешная школа по выделыванию из человека не только **раба Божия**, но и всяческого раба: раба императора, бессменного президента, главы одной всех подминающей партии, раба господина, раба сильных. Человека эта школа не производит, **человек – ничтожное существо, тварь дрожащая и прав не имеет.**

Но как ни уверял еще один тоже сильный учитель, что человек состоит из одной только плоти, как ни проповедовали ученики Христа, что если человек состоит еще и из души, то ее нужно как можно скорее *умертвить, распяв на кресте*, но **человек триедин**, в нем есть *плотское* (и вовсе оно не зловердное, и не источник греха, как раз в душах христиан, судя по тому, что они день и ночь каются и искупают грехи, притом безуспешно, грехов этих больше, чем в нашей плоти болезней); в нем, человеке, есть еще и вечная душа, или монада, по учению Платона и Лейбница, и умертвить христианам ее не удастся; но в человеке еще есть и дух, вдохновение, возможно, это не самостоятельная сущность, как и Бог-Отец источник духа, «иже от Отца исходящего», потому и в человеке, возможно, дух исходящ от души или от всей человеческой соединенной личности,, да притом и многое другое участвует в исхождении, а больше всего любовь.

Человек триедин, и он не раб: не раб своих страстей (или не всегда), не раб господину, царю, «князю мира сего», не раб он и Божий, ибо если именно Бог и создал человека, то создал он человека гордого, свободного, умного, красивого, справедливого, милосердного и сострадающего и заботливого, любящего, способного к творчеству, талантливому... О, многое вложил Господь в человека, а учение о человеке как о "скоте" – прямое оскорбление главного нашего автора, то есть всемогущего духовного отца, и оскорбление нашей матери, женского плодоносящего начала (как у всего сущего, оно то же самое, и ничуть не греховное, но прямо необходимое и продолжающее Бога и Мать-Природу). Человека еще создавала культура и история и его горестная жизнь, и хотя и человек не равен сам себе, но не все человеки падшие, грешные и негодные, так вот и судьи и следователи подозревают каждого в преступлении, но это их собственный дефект зрения, как и у ревностных христианских богословов.

Человек не раб, хотя *свободы достоин лишь тот, кто каждый день идет на нею в бой*, как говорит Гете, ибо на нее посягает власть, государственная и духовная. Увы, Священное Писание всячески возвеличивает власть, особенно власть Кесаря, поэтому, как пишет Н. К.:

«У пророка Исайи мы находим перечень лиц, являющихся "посохом и тростью Иерусалима и Иуды", – собственно говоря, здесь перечисляются люди, без которых не может устоять Православное Царство.

... "Храбрый вождь и воин, судья и пророк, и прозорливец, и старец, пятидесятник, и вельможа, и советник, и мудрый художник, и искусный в слове".

Итак, вопреки бытующему мнению о бесполезности искусства, о принадлежности его к "предметам роскоши" ... мы видим, что *художник, поэт, ученый* – необходимая принадлежность мирового порядка. Вот первый важный вывод, который мы должны сделать.

Второй вывод, не менее важный, состоит в том, что художнику и словеснику в иерархии должностей и званий идеального Царства принадлежат места со скромными порядковыми номерами 10 и 11. Звание поэта отделено от *более важных званий судьбы, пророка, народного вождя.*»

Но третий вывод, который мы сделаем, уже вместо Н. К., состоит в том, что мировой порядок, в котором мы должны еще доказывать право художника и словесника хотя бы на скромные номера в иерархии – это порядок пещерного человечества, доисторического бытия, возможно, того бытия, в котором еще не было не только человека, но даже Бога – ибо этот Бог, пристрастный к судьбе и народному вождю – не более чем **тотем** (в переводе с языка американских индейцев означает «хозяин», магический символ племени).

Спорить не о чем. Люди пещерного мирознания могут молиться пророкам и судьям, человек же, способный к науке, философии и искусству, поклоняется культуре и "гармонии звездных сфер", но не диким богам пустынных кочевников, не оценивших величие культуры. Прав Маркс, говоривший о том, что если Бог и *создал человека по образу своему и подобию*, то человек отомстил ему тем же, создав затем Бога уже по образу человека.

[Возвращаясь мыслью к собеседникам Круглого стола, обсуждающим в рамках Легенды Достоевского и Розанова о Великом инквизиторе свободу, якобы данную человеку Богом, я убеждаюсь, что из *искусных в слове* свободнее всех поэт, словно бы он менее религиозен; у него свой собственный Бог, более человечный, более личный, менее племенной и *тотемный*. Не говоря уж о Пушкине и Лермонтове, даже Тютчев поэт НЕ христианский, гениальные его стихи посвящены любви, человеку, истории, России: "*О, как на склоне наших лет сильнее мы любим и суеверней! Сияй, сияй прощальный свет любви последней, зари вечерней!*"; "*Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир.*"; и даже "*в Россию надо только верить!*", потому что *умом ее не понять* – не религиозно, ибо в Бога призывает верить Христос (и апостол Павел) не по причине непостижимости Его.]

Нельзя сказать, что тонкий и глубокий человек не религиозен – но его религиозность тоньше и глубже, она исходит из его собственных прозрений, традиций и памяти его народа и из культуры более, чем из верований индейцев и семитских народов.

Кстати спросить, наконец, "Какому Богу поклонялся Достоевский?" Бывший социалист, стал ли он христианином? Так ли он был наивен, чтобы не понимать, что внутри христианства нелепа идея о "*красоте, спасающей мир*" (что понимала даже Аглая, смеющаяся над князем Мышкиным) и о "*свободе, которую дал Христос человеку*" (не будучи создателем человека), отказавшись *превращать камни в хлебы?* Да и христианство русских богословов (через две тысячи лет после рождества Христова) сомнительно так же, как "социализм с человеческим лицом" чешских реформаторов!

Но пора прощаться. Я уже ушел из их храма, но не в силах расстаться с *ними*, с той, к которой проникаю любовью сострадания, и с той, к которой пришел испросить утешения для себя самого.

### 7. Личность и Безличное

Христианство стремится уничтожить личность в человеке, сделать его безличным, такова вся его историческая практика, таково его учение, таково его богослужение. **Христианство безлично.** Но только такого человека, уже утерявшего все человеческое, ставшего листком на древе Господнем, оно и может утешить и воскресить.

Все стремятся истребить личность в человеке: «оставьте мертвым погребать своих мертвецов», «враги человеку домашние его», и, наконец, «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! ... Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.»

Да это бы еще ничего, хуже **смирение**, самоуничтожение, борьба с гордостью и честью: «Плотское мудрование, его правда и правда падших духов потребуют от тебя, чтоб ты не уронил чести своей и других тленных преимуществ, защитил их. но ты с мужеством выдержи невидимую борьбу, водимый евангелием, водимый самим господом. пожертвуй всем для исполнения евангельских заповедей.» (Игнатий Брянчанинов).

Ранние русские иконописцы и летописцы стремились быть безымянными, как и положено христианину. И таким же должен был оставаться столпник, отшельник, святой. Парадокс состоит в том, что хотя, становясь подлинным христианином, человек даже меняет имя, но, совершая свой христианский подвиг, остается в народной памяти, утверждая личность, вместо того чтобы терять ее и растворяться в древе. Так и Василий Блаженный, Сергей Радонежский, Серафим Саровский...

И даже Константин Леонтьев, правильно сводя все к **страху Божию**, и любовь выводя из страха, сетует, что известен и признан менее Толстого и Достоевского.

Не меньший же парадокс и в том, что хотя я, как и положено анти-христианину, стремлюсь к известности, безвестен я еще более, чем он.

И даже две ласточки, сначала мной восхищавшиеся, меня бросили.

Сократ был не менее меня тщеславен, и доказывал, что он самый умный из всех афинян. Я уже вижу, что не умнее многих, но одно еще более важное преимущество меня оправдывает перед всеми, оправдывает и то, что я влюбился, и что пишу эти книги. Итак, я не умнее всех, но **я лучше всех**, самый подлинный. И Манон говорит, что *я лучший*, и В. уверяет меня в том же, и последнее дитя, родившееся в моей деревне, видела нимб над моей головой. Лучший я по многим причинам. Во-первых, я очень обыкновенный, почти такой же как все, в чем и не сомневаюсь, а другие думают, что они лучше многих: я обладаю всеми человеческими слабостями и пристрастиями и даже не борюсь уже с ними, и суверен, и тщеславен, и честолюбив, и завидую, и гневаюсь, и злюсь, и малодушен, и не учусь на ошибках, и не люблю большинство ближних, и не христианин, и мечтаю разбогатеть, и

прославиться, и влюблюсь, и разлюблю (со временем), и почти ничего не умею лучше других, и почти ничего у меня не получается как следует (вот увижу, смогу ли новую баню построить из обломков старой бани)... Но, все же, сегодня заработал сто рублей, перевоза для издательства книги, и хотел их Ане положить на мобильник, а она попросила, чтобы я лучше эти сто рублей перевел ей на банковский счет, потому что ей не на что купить молока для ребенка, и мы с женой сбросились и отправили ей даже триста рублей – но, правда, если бы я был не лучше всех, а лучше только бездарного большинства, как даровитые властители и богатеи, я бы заработать смог не сто рублей, а как минимум сто миллионов и перевел бы на счет многим Аням гораздо большую сумму!

В юности меня восторженные девушки сравнивали то с князем Мышкиным, то с самим Христом, что мне льстило; как-то на покосе я пересказал своей маме историю треугольника Аглаи, князя Мышкина и Настасьи Филипповны, и она мне сказала: Сынок, не водись с ними, твой князь себе на уме, а Настасья порочна (да еще хуже). (Как видите, не все просто и с Достоевским и с русским наивным читателем).

Так что я лучше по крайней мере чем князь Мышкин. С Богом я себя сравнивать не буду, тем более что иудеи (из которых и он сам происходит) уверяют, что он не Бог и не Сын Божий, ибо у Бога не было сына. Я обыкновенный человек, и если меня нынешняя власть расстреляет, то я не воскресну, как и мой отец, расстрелянный и немцами и бездарным государством, умеющим хорошо воевать только против собственного народа.

Итак, слабости у меня все. А как же грехи? К счастью, их не так много, я никого не убил и даже в геенну никого не хочу отправить, но наше правящее сословие я бы отправил все в Московское женское Сизо, в котором женщины валяются под нарами и под скамьями. Или хотя бы на строительство железной дороги Магадан – Воркута.

Что же во мне еще лучшего? Я из хорошей семьи, родители мои любили друг друга и их любили все, кто их знал. Ко мне, кстати сказать, относятся знакомые хорошо тоже, и даже *Питерская прокуратура девятнадцать раз отклоняла предание меня суду!* В тюрьме со мной поцеловалась надзирательница, а начальник тюрьмы обещал, что не даст мне пропасть. И мои товарищи по рабочей артели в хозблоке расстроились, что я выхожу на волю, хотя на Круге 27 человек хозбригады нас сыном обнимали и качали, поздравляя (а надзирательница даже поцеловалась!)

Я окончил лучший университет, меня учили и воспитывали поразительные люди, и европейская культура воспитывала тоже, и я ее не отверг (в отличие от христиан). И моя семья замечательна, и друзья и родные (и одних я не противопоставляю другим), и красавицам я нравился... много во мне еще хорошего, но я еще не умер, и чтобы не взяли на небо живым, умилившись, остановлюсь...

Переписку с ласточкой соберу отдельно и позже отредактирую, а в эту книгу помещу только несколько писем. Я к ней еще притягиваюсь...

Уже засыпаю, пришли волхвы...

*7 июля, пятница.* Дописываю, уже отправив текст в типографию.

Итак, **я лучший**, но не столько сам по себе, сколько по рождению, окружению, принадлежности. Я принадлежу к лучшему народу (но тоже не потому, что он так хорош, но потому что входит в европейскую семью народов, хотя и враждующих, но создавших вместе великую культуру, и занимал почти все совершенное, ими созданное от времен Атлантиды и египетских пирамид). Да и принадлежность к культурному человечеству многое прибавляет к русскому совершенству (возможно, впрочем, иные из народов лучше моего, но пусть об этом судят они сами). **Лучший я из-за родителей, из-за семьи**, в которой родился, из-за той, которая вместе со мной произросла на песке и глине, щебне и камне российской суровой действительности, перепаханной революциями и бесчинствами правящих клик, **лучший из-за лучших друзей и наставников**. Прекрасен **русский язык**, русская литература, музыка, песня, романс. И все это обменять на гроб, в который советует лечь апостол Павел уже при жизни!

**Я – подлинный сын человеческий**, пришельцы с неба – только лоза, привитая на время к нашему дереву (согласно тому же апостолу). Дети ли они всемогущего Бога, пусть об этом судят евреи. Что, может быть, скоро и мне нечего будет есть и негде голову приклонить, об этом старается мое правительство, вероятно, одно из худших правительств мира (в наихудшести им я отказываю, а то загордятся).

Я не умею, увы, сражаться, хотя и мужчина, но доблестным был мой отец. Но я всю жизнь работал без укоризны и ныне перестраиваю один баню, не имея почти ни копейки денег – все отобрало правительство (правда, временами друзья и родные приходят на помощь). В тюрьме я работал и встретил немало прекрасных людей и ко мне и там относились отлично; в сумасшедшем доме – не хуже. Да и жизнь выпадает мне как погода, всяко бывает, но строк ее я не стираю, а тех, которых надо стыдиться, совсем не много (и они остаются мне в память и назидание и предостережение). Все хорошее, что и *меня делает лучшим*, противоположно христианскому (хотя, повторяю, во всяком лесу дерево может стать совершенным, кроме того леса, которое проповедует ненависть и вражду): *хорошим меня делают труд; творчество; любовь к женщине, культуре, народу; сострадание; усилия, которые я совершаю, чтобы не уронить достоинства русского человека; забота о других; дружелюбие...* Немало во мне и плохого, конечно, хотя я стараюсь... но и плохое иногда полезно, чтобы не загордиться... Не самый я умный, не самый талантливый, не самый умельный и удачливый... Неправда, что книги мои, по уверениям батюшек, то бешенство ума, то какой-то поток, то гордыня (я мучаюсь, выскребая из них неуклюжее), то самомнение, то невежество или чужое (я учусь и пытаюсь учиться у всех: учит меня Паша, двух с половиной лет, передавший мне камень с бабушкой, самый большой, как он сказал, учит меня девчушка трех лет, затанцевавшая, увидев в электричке танцующего мальчишка чуть постарше, учит меня и мир и жизнь, я еще надеюсь в них что-то преобразить к совершенству. И этим заканчиваю: **Я пришел призвать вас к Преображению мира, и сам пытаюсь стать лучше – вот это больше всего оправдывает мою "**

**8 июля, пятница, 21-10.** Помогал Издательству, ездил за книгами и гравюрами, в такси разговаривал о любви. Удивительные случаются судьбы и еще более удивительные любовные истории, он рассказал о своей любви к несчастной девушке, которую стресс сделал аутисткой, они расстались, но никто, кроме нее и заботы о ней ему не нужен.

Устроил встречу Настюли с издательницей журнала L., пока никаких овощей-фруктов на этой встрече не выросло, но так сразу они и не растут.

Заходил к больному товарищу, он меня долго ругал, что я ему не часто звоню, в итоге я выпил больше, чем надо. Увы, эти выпивки – все равно что намокание в дождь, они неотвратимы и я не виноват в них. Избегнуть их можно, только оставаясь черствым и не навещая капризных больных.

Давно пора ставить точку, но все чувствую, что сущность моего спора с христианством выскальзывает из моих рук, сбрасывая свой хвост, как ящерица. Разговариваю о своих книгах, о судьбе России, о Троице и Воскресении, о любви, о существовании Бога, о несовпадении архаической веры в древних богов с чувством прикосновения к таинственным флюидам мира, к тайне природы, с ощущением, что *мир наполнен сверхбытием, как тело наполнено душой* – и вижу, что собеседнику кажется, что я говорю ни о чем. Не кажется ли и христианину, что мое упрямое отрицание христианской мифологии во имя действительной жизни – не более чем низведение бытия небесного к земной пустой суете?

Я говорю ему, что нас разделяет *существование и несуществование, жизнь и смерть* (или посмертное бытие), *время и вечность*. Вообразим мой спор с монахом. Рассмотрим один обычный день, в котором я частью работаю, частью встречаюсь случайно и намеренно с множеством людей, пускаю мыльные пузыри с внуком, утираю его слезы, пытаюсь понять его лепет, пишу книгу, размышляю, пытаюсь понять причины упорного нежелания монаха принимать существование, содержание которого большей частью с этой стороны смерти, и лишь отчасти с той, и желание находиться в чередовании дней как в несущественном в ожидании существенного, то есть *вечности*.

Будет ли посмертное существование, будет ли воскресение? Я в этом не уверен, монах рискует. Таково наше существование, что оно не допускает возможности несомненно знать, будет там нечто или нет. Но главное даже не в этом. Я уверен, что деятельная жизнь даст **там** всходы, бездеятельная – не даст ничего ни здесь ни **там**. Я вскапываю и засеваю огород, кое что получаю даже летом, многое – осенью. Но за что я получу осенний урожай, если я жизнь провожу в молитвах и в поклонении богу, существование которого не достоверно? Итак, моя ежедневная жизнь состоит из намерений, мыслей и чувств, из деятельности и целеполаганий, и многие результаты я получаю теперь или потом, летом или осенью. Но даже те результаты, которые наступят слишком потом, то есть после моей смерти, присутствуют и теперь. Увижу ли я взрослого внука, я не знаю, но я переживаю его взрослость уже и сегодня, как переживаю свою уже написанную книгу даже когда она еще не написана. Она во мне уже содержится. Будущее уже живо и существует в настоящем. Но для бездеятельного человека даже будущее не существует, он не вскапывал и не сажал – или посевом считать его молитвы?

Но есть нечто более существенное в моем отрицании пустоопорожного отрицания жизни и мира в надежде на будущую награду за это отрицание.

Я не сомневаюсь, что мой отец, знающий уже о том, что я существую, в последнее мгновение своей жизни словно бы видел, что я прихожу на его могилу. И действительно, через шестьдесят пять лет я его могилу нашел. Но насколько надо презирать и даже ненавидеть человека, чтобы отказывать ему в погребении – существует ли нечто худшее? А как еще объяснить слова «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов!» в ответ на слова одного из учеников Христа, что он готов пойти за учителем, но сначала должен похоронить отца?

Монах не только не только не засеивает ниву жизни, выбрасывая из нее все, что ее наполняет: семью, родину, друзей, культуру и труд – но он и в буквальном смысле посева не трудится и не производит хлеба, и живет за счет чужого труда, хотя много трудится в угождении Богу.

Можно сказать, что он и вовсе не живет, он соучаствует в нашей человеческой жизни косвенно, как луна производит свет, лишь его отражая. Существование каждого *истинного христианина*, живущего для посмертного будущего, находится среди отражений. Он не строит баню и не обнимается с женщиной. Его не бросает любимая, и он никого не бросает. Не ходит в атаку, на демонстрации, не попадает в тюрьму, не пишет книг (не должен писать), не путешествует, не создает политических партий, не бросает бомбу в царя, не отбивает жену у ближнего... не... не... не!!! Он живет среди отражений, и в этом смысле он *человек лунного света* еще в большей степени, чем об этом догадался Розанов.

И наша жизнь не всегда легка, не всегда оправдана, не всегда праведна и возвышенна – но во имя чего жить вовсе без жизни, не лучше ль повеситься сразу? Правда, он может сказать, что его жизнь состоит в грезах, видениях, молитвах и переживаниях бесплотных существ, которых не видим мы, "люди солнечного света", как и крестьянин, не поднимающий голову к небу, может посчитать мои стихи и полуфилософские книги только отблеском солнца на листьях деревьев. и все же...

Вот я издал «Радзивилловскую летопись», список русского летописного свода 1496 года, украшенный 612-ю акварелями, памятник всемирного значения (за что меня русское правительство потом посадило). Переписчиками были монахи Восточной Белоруссии, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского – но что им было завещано их Учителем, что проповедуется христианскими богословами? – молитва и распространение «Слова Божьего!» Памятники всемирного значения не являются "посохом и тростью Иерусалима и Иуды" и их переписчики не среди «людей, без которых не может устоять православное царство». Следовательно, и христианин может оказаться человеком солнечного света, как и швед быть «русским офицером» (как Маннергейм), но все же, если бы все пошло за Христом, некому было бы ни пахать, ни сеять, ни писать, ни переписывать книги, некому было бы даже рожать. Да и сидеть в тюрьме было бы некому.

## ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

### ПРЕСТУПНАЯ ЛЮБОВЬ

#### ПО ПЕРЕЛИСКЕ С Н

impossible) Il faut s'abstenir  
des disputes — m'écarter ? m'o-  
ublier ? mes maux ? Tout cela  
présente de grandes difficultés. Il  
s'agit de... Ha ! nos lettres, à propos  
comment les envoyer ? et votre  
Lettre ne peut pas être...  
pendant si chère, si...  
(à la maison... 400 roubles) Il est  
probable que nos lettres seront in-  
terceptées, mais...  
brulés en version...  
doivent votre...  
la nuit...  
en long...  
général (même de géométrie) — Mais  
surtout...  
de vous servir — Si non, je  
faisais vraiment d'être...  
autre part. Je oublie : je...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ  
**С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ?**

*1. Эпиграф*

Перечитал ее стихотворение, которое она мне прислала в письмах, оно и будет эпиграфом к нашей и счастливой и несчастной переписке.

Завывания ветра и снег,  
Мокрый снег по лицу, снова холод и страх.  
Я забыла, какой это город и век,  
Только кровь вновь стучит с дикой болью в висках.

Я хочу умереть и упасть на снегу,  
Чтоб душа улетела туда, где тепло,  
Ни любить, ни забыть, ни простить не могу.  
Я в плену у тебя, беспощадное зло.

Если б только прошли еще тысячи лет,  
Я бы стала свободной и стала живой,  
Я б воскресла, увидев весенний рассвет,  
Но, мой демон, пока этот мир только твой.

Вероломная смерть не приходит ко мне,  
Я как призрак иду и сгущается мгла.  
В этой самой жестокой и страшной стране,  
Я пыталась прожить, только я не смогла.

**2. Что с тобой, где ты, ласточка моя?**

Мне стало так грустно, так ее снова жалко! Если бы она вернулась ко мне, я согласился бы на одну только дружбу, нисколько не показывая, что я в нее влюблен. Я согласился бы даже совсем ее разлюбить, только жалеть как свою дочь, раз уж ее христианскую душу так мучает греховность любви, как она о ней думает. Я был неосторожен, потому что не ожидал, чтобы это христианское безумие ненависти к любви было в ней так сильно. Разумеется, достаточно было и для моей радости, и для постепенного преодоления ее депрессии только нашей переписки и общих встреч в театре, без признаний в любви. Но теперь уже ничего не исправить, она ко мне не вернется, и хотя бы узнать, благополучна ли ее жизнь, я уже не могу, она спряталась от меня...

**3. Предыстория и Послеистория**

В той книге, которую я уже сегодня хочу напечатать, большего о ней я говорить не буду. Потом будет книга в двух экземплярах нашей переписки, и оттуда, возможно, вот в эту книгу я добавлю несколько страниц.

На этом я с *нею* прощаюсь...

Правда, есть еще Анна, которая тоже отвергла дружбу со мной, но и с ее *несимпатией* придется тоже смириться.

На этом я расстаюсь с читателем... Надолго ль – не знаю...

#### 4. Предыстория

9 июля, суббота, 13-13. Оказывается, расстался я не надолго, есть еще две лишние странички, да появились не лишние мысли и новые стихи, которые очень кстати завершают мою книгу, придавая ей цельность.

Ходил утром через парк Политеха в Супермаркет, купил там деталь для бачка в туалете и электроплитку для деревни, полюбезничал с красоткой в электрическом отделе, спел ей новый романс, который сочинил по дороге.

Мимолетные встречи,  
 Разговор ни о чем.  
 Скоро ль время излечит  
 Прикасастья плечом?  
     Скоро ль ссадины тела  
     От души отделию,  
     Чтоб на небо взлетела,  
     Позабыв, что люблю?!  
 Но по-прежнему бьется  
 Колокольчик в груди,  
 Жизнь сквозь слезы смеется...  
 Значит, все – впереди:  
     Мимолетные встречи,  
     Разговор ни о чем...  
     Даже время не лечит  
     Прикасастья плечом...  
 Лишь июльские грозы  
 Отгремят и уйдут.  
 Жизнь вернется сквозь слезы, –  
 Значит, радости ждут.  
     И пусть время не лечит  
     Прикасастья печаль.  
     Не жалею о встрече,  
     расставанья не жаль.

Продолжая раздумывать и печалиться о своей отвергнутой любви, думаю еще и о судьбе Христа и христиан. Что за выбор они совершают, какую реку переплывают, уходя из нашего мира, и почему? Читая яростные возражения против любви Игнатия Брянчанинова и Иоанна Лествичника, видишь, что разломы судьбы не определяются умом, но только чувством, за каждым из них – личная любовная драма, *несчастливая любовь, измена – вот что приводит к ненависти и отрицанию любви, женщины, семьи.*

Монах – это либо человек особого типа, "человек лунного света", нечто вроде князя Мышкина; либо человек противоположной ориентации; либо – чаще всего – человек любовной драмы, как и Игнатий Брянчанинов.

А кто же Христос? За что же он так ополчился на семью и женщину (хотя и пожалел блудницу), что велел своим последователям не жениться и не рожать детей, и затем созданная им церковь объявила женщину **сосудом дьявола**?!

Бог он или человек?

Правоверные иудеи уверены, что он *сын человеческий*, но я не уверен и за них и за христиан. Но за важное я считаю не родословие Христа, которое даже математика может повергнуть в изумление (в евангелии от Марка доказывается, что он потомок Авраама, но родство его исчисляется не по матери Иисуса, а по Иосифу, его отчиму, к рождению Иисуса не имеющему отношения) – но важно отношение христианского учения к Природе в мире и в человеке, к женщине, к любви и рождению детей. Это учение так "возвышает" дух, что уничижает не только плоть, но и душу. По сочинениям блаженного Августина омерзительно все, что приводит к рождению детей – но сами ли они от себя, Иероним, Августин и Игнатий и легионы ненавистников зачатия и рождения так пишут, или вдохновляются отношением Учителя к любви? И весьма похоже на то, что человеческая драма – драма ли незаконнорожденного, которую мог Иисус переживать, не уверенный до конца в своем божестве, драма ли сомнения в благочестии матери, личная ли любовная драма, которая могла с ним случиться, как случилась она с Игнатием Брянчаниновым – человеческая драма Иисуса из Назарета лежит в основании учения о бездеятельной и потусторонней жизни и смерти, воскресении и царствии Божием после смерти.

Что противопоставляется Любви в Новом Завете? – **Вера**.

Вера – это особое мистическое состояние, способное преобразовать бытие, изменять сущность человека, *приводить его к спасению*. Верой человек передвигает горы, исцеляет, обретает уверенность и знание. Но для обретения веры необходимо отречься от всего земного и земной любви, ибо, как уверяет Иоанн Лествичник, *«всякий, говорящий, что можно иметь [и] ту и другую любовь [вместе], обольщает сам себя.»*

*Следовательно, имеющий земную любовь не любит Бога и не имеет веры в него (ибо любовь к Богу и вера в Него – одно).*

**10 июля, воскресенье, 10-13.** Продолжая предыдущие рассуждения, споткнулся о последнюю фразу, но именно она выражает точку зрения *христианства*: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. не можете служить Богу и **маммоне**.» (Мф. 6:24). [маммона), др.-греч. μαμωνᾶς, лат. *tattona* – из арамейского или халдейского – олицетворение богатства, или "бога богатства", демона.]

Но противостояние земной любви и земным привязанностям и целям выражает собою то в христианстве, что является в нем основным, что противопоставляет Бога человеку, веру – любви, жизнь для посмертия и жизнь для жизни, взятой не только в своей здесь-бытийной ограниченности, но и в инобытийности. Культура расширяет жизнь, присоединяя к бытию инобытие, религия жизнь стремится уничтожить, отделяя инобытие и Бога от человека непреходимой пропастью. **Или вера или любовь** – проповедует христианство (разрешая любовь к ближнему только как форму веры в Бога). Христианство – религия антигуманизма, античеловечества, религия жестокости и зла, и своего над ними надстояния. Сострадание чуждо христианину, хотя Игнатий и обещает разбойнику последовать за ним в ад.

### 5. История. Труд, семья и забота

*Любовь и сострадание* в той форме своего существования, в которых мы их знаем через жизнь и взаимоотношения людей, не принадлежат к числу христианских понятий, но относятся ли они только к «физике», то есть к природному в человеке, являются выражением инстинкта продолжения рода или полового инстинкта по Дарвину, Шопенгауэру и всем материалистам вместе взятым, от Демокрита до Маркса и обычного рядом живущего обывателя, рассуждающего понаслышке о гормонах любви и гормонах счастья. Об этом я уже написал достаточно, пересказывая Владимира Соловьёва, Игнатия Брянчанинова и апостола Павла. Отнес я их к *предыстории* в силу того, что любовь воистину укоренена и в физическом и метафизическом, она одновременно и биологическое, природное явление (как и человек часть природы), и явление метафизическое (что для меня сводится преимущественно к культуре и истории, и явление *трансцендентное* (так замучили меня христиане своей проповедью "духовной любви", что я лучше буду говорить о трансцендентном в Кантовском смысле этого слова).

Но в этом своем триединстве любовь не является только формой исторического существования человека, она восходит и к доисторической природе, к инстинкту, и к мифу (в частности, к повелению ветхозаветного Бога "размножаться"). Пришествие Христа не смогло отменить такую любовь до конца, и только самые верные его ученики, католические священники и монахи, отрунули земную любовь до конца. (Напоминаю яростный евангелический призыв из Интернета «приговор душевной любви только один – смерть!»)

Продолжая разговор о любви, сосредоточусь на исторических формах существования культуры, религии и человека, глядясь преимущественно в Новое время, пропитанное идеями Ренессанса и Гуманизма, в частности и буржуазного протестантизма. Здесь мы видим (хотя бы на словах, в декларациях и проповедях) вознесение труда, заботы, милосердия и семьи. Протестанты словно бы не слышали о призыве Христа *не заботиться о завтрашнем дне*, они собирают пожертвования на помощь нуждающимся, открывая бесплатные или дешевые столовые, раздают одежду, устраивают ночлежки для бездомных, поощряют благотворительность, образование, приветствуют рождение детей.

Схоластическая любовь к ближнему, во имя которой преп. Игнатий собирается пойти в ад, выше столовых, ночлежек и одежды, ибо «ощутивший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви. ... смирение и преданность богу убивают плотскую любовь. значит: она живет самомнением и неверием.

Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его. ... И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, ... и уголовному преступнику, и язычнику окажу почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтоб тебе не иметь недостатка в любви.»

(Не правда ли, хорошо сочетается с этой декларацией *христианское право: признания вины под пыткой достаточно для осуждения!*?)

### 6. Противоречие. Неединство, нецельность, эклектика

Странные люди... Усваивая в школе некий специальный метод, они потом воспринимают его как универсальное свойство мышления и мира. Таково противоречие. Оно содержится во всем, нет ничего, что не противоречило бы окружающему и самому себе, человек противоречив уже по своему устройству, состоя из нетленной (надеюсь) души и тленного (очевидно) тела. Но вот атеист спорит с христианином, разумеется, он пытается поймать его на противоречиях: вот, мол, вы говорите о любви, и тут же "не мир но меч Я принес!" – какая же это любовь?

Правду сказать, христианство ничего не говорит о земной, понятной для нас, любви, оно говорит о любви к Богу и к "образу божьему в человеке", то есть о *любви к ближнему* (и что это такое, даже уже и математик понять не в состоянии – вот так же коммунисты говорили о человеке, но когда начинали сбрасывать его миллионами в ров, тут же спешили добавить, что это не тот человек, этот ничтожество, а они имели в виду *Человека с большой буквы!*)

Но дело даже не в этом. Христос обещал вар и смолу и Геенну тем грешникам, которые не раскаялись и своими земными привязанностями не пренебрегли ради Христа, но верным, отдавшим ему все личное и даже личность свою до нитки, если они еще попадали в малую горстку избранных, он обещал блаженство на небе (правда, без жены и детей, скорее всего, и без тела, по крайней мере, без того тела, которое нам привычно и которое связано с движением крови, и с похотью плоти и с "**похотью очей**"... да вот еще важный вопрос – с самосознанием ли, с ощущением ли своей **личности**, причины гордыни и всяких пороков, или только как листок на Древе)...

Итак, по поводу обещаний никаких особенных противоречий в евангелиях нет... а те, что есть, скорее говорят в его пользу, чем против, создавая ощущение, что в евангелиях есть нечто более человеческое, чем есть.

Из всех форм мышления только математика (а философия лишь отчасти) в основу доказательства истинности или ложности своих положений кладет противоречие: допустим А, и если в ходе развития допущения приходим к В, несовместимому с А, то допущение А неверно. Нет, жизнь развивается по своим особым законам, отличным от математики, явления, причины и последствия связаны в жизни тремя типами отношений: *детерминированными причинно-следственными связями*; *связями вероятностными*, когда при наступлении причины неизвестно, произойдет ли событие, и при повторении казалось бы, одной и той же ситуации событие иногда происходит, иногда нет; и *чуждом*, то есть наступлением события, несовместимого с нормальными отношениями вещей и явлений в мире. Есть еще особый тип отношений в мире – а именно, отношения между человеком и суммой явлений, связанные с осуществлением личной человеческой **воли**. И материалисты и христиане личную волю как исходную, не обусловленную внешней причиной происходящего пытаются растворить либо в «объективном материальном мире», либо в независимом от человека Боге (о котором Христос говорит, что у нас и волосы на голове все сосчитаны, и если понадобится, то Бог из камней при дороге сотворит вместо нас детей Аврааму) – но свобода, которая дополняет взаимосвязанный мир, определяется только нашей собственной волей.

В евангелиях, как некоторым кажется, можно найти ответы на все вопросы – то, что там сказано почти обо всем, но путано, противоречиво, предвзято и односторонне, несомненно, это великая книга, учащая тому, как НЕ жить – но чему может научиться из нее человек, жаждущий жизни? К счастью, Толстой не заставил Анну Каренину спрашивать ни у евангелия, ни у батюшки, что ей делать с ее любовью, и хотя ее жизнь сложилась трагически, это неизмеримо лучше того, что советует делать апостол Павел, веля заживо лечь в гроб и жить аки спать во гробе. К счастью и для Раскольникова, что он не слушал Сонечку Мармеладову, да и она не слушала евангелий, а они по человечески полюбили друг друга и тем спаслись. Ибо если человек и спасается, то любовью и состраданием к другому и заботой о нем, а не помазанием маслом головы обреченного на сожжение.

Противоречивость христианства – не слабость его, а сила, как и в эклектике, как архитектурном стиле перелома веков, 19-го и 20-го, и заключено своеобразие и богатство этого нецельного, смешанного, составленного из кусочков, как мозаика, стиле. Именно этот архитектурный стиль выражает сущность нового человека в наибольшей степени, он и сам явился лебединой песней умирающего человека, выработанного 19-м столетием.

## 7.

Что человек ищет и находит в этом странном учении, которое образованным эллинам и римлянам первого и второго веков нашей эры казалось безумным, непостижимо. Но ищут и находят алкоголь и наркотик, панель и разбой, революцию и войну, кто-то находит искусство, театр, литературу, науку, но большинство обывателей считает таких, отдающихся творчеству, или *людьми не от мира сего*, или сродни умалишенным. Где находится критерий, позволяющий отделить то, чем следует восхищаться, от того, что следует порицать? Даже более простое вызывает споры: Толстой говорил о красоте, что "красиво кому что нравится", и об истине, что *верно то, что кажется верным*, в такой косноязычной форме утверждая субъективность и относительность оценок, по существу отрицая существование объективного критерия красоты и правды, следовательно, отрицая и абсолютность добра и зла (как и обычный человек часто их отрицает, не столь выдающийся), следовательно, подвергая сомнению незыблемость и Кантовского «звездного неба над головой и нравственного закона внутри нас», подвергая сомнению основания математики и культуры в целом, и меня утешает только то, что вне философских и полуфилософских споров, в которых ум часто скользит словно ноги по глиняной дороге, мы все судим и здраво и верно, и матери воспитывают детей, внушая им почтение к добродетели, но не к пороку, и считаем и меряем мы согласно арифметике, но не кому что нравится, и даже *кошки знают, что сало они съели*. Женщина рассказывает, что она задержалась у подруги до утра, и отец ее за это побил (и она его оправдывает), а я привожу ей в пример Иисуса, которого родные хватились на второй день, возвращаясь из Иерусалима, и другой, мужа и жены, утаивших от христианской общины что-то для сына своего и за то, по обличению Петра, павших бездыханными – разве не достойно порицания и то и другое, чем христиане восхищаются?

## ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

**СТРОИТЕЛЬСТВУ БАНИ НЕТ НИ КОНЦА НИ КРАЮ...**

## 1.

*Понедельник, 11 июля, 10-06.* Розанов говорит, что только то, что пишешь о себе, по настоящему интересно, а я вдруг почувствовал, как устал от себя самого. Все то, что со мною происходит, и о чем я забочусь, гораздо шире моих собственных несчастий, и моей несчастной любви и моих никем не прочитанных книг. Дни мои заполнены и тем и другим, сегодня поеду в Издательство развозить гравюры и книги, затем буду готовить "скандал", связанный с Легендой – прежде всего не для себя, а чтобы помочь раскрутить свое дело Насте. Навещал М., чтобы его поддержать. Ездил на финский хутор, поход через парк, баня, разговор за столом, разговор с мальчишкой, чтение реферата. Получил письмо от моей давней "переписчицы" Н., сейчас напишу ей, порадуюсь за ее успехи. Вчера был на Дне рождения, гости, разговоры – нет, не все только моя собственная жизнь. Ходил за деталями и исправил протечку, которая меня мучила уже месяц. Заезжал к внуку Паше, играл с ним и слушал его лепет. Обсуждал с товарищем из Забайкалья учебные дела его внуки. Издавал книжку одной старой знакомой, потерял много крови. Разбил «город-сад» на месте старой бани... нет, я живу окружающим неимоверно больше, чем собою, но пишу о себе чрезмерно, пора умалиться...

Плохо, что книги мои не читают, хотя они НЕ бездарны, не хуже и Розановских книг, и для уяснения отношения к богословию, современной истории и философии полезны, и хотя книги русской классики значительнее того, что я пишу, но пишу я не плохо. И вот, увы... Леонтьев жаловался, что у него славы нет, а у меня нет даже крохотного круга читателей.

Что же делать? ... Не знаю.

## 2.

Но буду продолжать строительство бани. Сознание, что я ее смогу построить сам, меня радует и утешает. Кроме того, составлю нашу с Ласточкой переписку, выбросив из нее все лишнее, и затем удалю из Интернета и архива исходные тексты, пусть она будет памятником нашей прошлой дружбы (или любви – *кому что нравится...*) Потом займусь снова Легендой о Великом инквизиторе, вызову на дуэль писавших о ней, доказывая, что я сужу о христианстве вернее – но почему оно привлекает умы и сердца, я так и не знаю.

Потом займусь чтением философских сочинений и Историей философских идей (хотя бы для самообразования). Но **буду жить и далее, как и доньше, больше заботой о других, чем о себе**, не спасая свою душу, не жертвуя ею для Бога. И хотя я доказал, что я лучший, но и это не важно, **забота важнее**.

## 3.

Возможно, снова влюблюсь в такую, которой нужна моя помощь (без этого я не буду ей нужен). Попробую написать роман – хотя я писать не умею... может быть, мне поможет Бог философов и ученых... или вспомнит обо мне та благая небесная сила, которая мне когда-то обещала, что я ею призван...

## 4.

Не ответил я на многие важные вопросы.

1. Что привлекает к христианству его сторонников?

Возможно – драматичность и театральность сюжета: Бог-Отец посылает на землю своего единородного Сына, принося его в жертву для спасения человечества так же, как ранее предлагал Аврааму (для испытания) принести в жертву его сына Исаака. Подлинно ли Иисус Сын Божий, сам ли он себя за него выдал (как верят евреи), но в обоих случаях налицо всемирно-историческая драма: либо трансцендентного свойства, либо личного.

Наряду с этим, причиной, которая привела к необходимости смертной жертвы Иисуса Христа – **падение** человека и мира, вследствие поедения запретного плода, за что большая часть вины падает на Еву (женщину), в результате чего появилась любовь и рождение детей, но существование из бессмертного стало смертным.

Наряду с этим странный сюжет с вочеловечиванием, в результате чего Иисус воспитывается в правоверной иудейской семье с матерью и отчимом, не имея отца кроме Бога; сюжет драматизируется непорочным зачатием и девственностью Марии, само зачатие и рождение детей объявляется порочным, а женщина, рождающая детей, оказывается блудницей, с мужем или без мужа, ибо порочно и мерзко все, что связано с соитием мужчины и женщины.

Наряду с этим хождение Иисуса по Палестине, проповедь покаяния и отвержения греха, проповедь непорочной жизни (безсемейной, бездетной, не творческой и не трудовой). Наряду с этим притчи, чудеса, исцеления, искушения, преодоление искушений...

Наряду с этим нечто еще более важное: Воскресение Иисуса, обещание грядущего воскресения праведным, создание Церкви, ожидание Второго Пришествия и суда над людьми и Конца света...

Вот такой драматический невероятно эклектичный узел идей, проповедь ненависти к жизни, отрицание жизни и всего в ней главного: любви к женщине, народности, культуры, творчества... Но вместе с тем проповедь покорности власти и силе, необходимость подчинения, смирения, умаления, незыблемости рабовладельческого и феодального порядка вещей, ненависть к науке и медицине, тяжелая жизнь, крестовые походы и всевозможные войны, эпидемии, болезни, высокая смертность – вот все это связано с христианством неразделимо – но наступает Возрождение древней античной культуры, возрождается философия, искусство, наука, промышленность, хозяйство... Храм стоит незыблемо, но комсомолка-христианка лечится у врачей, учится в атеистическом университете, трижды разводится, проповедует ненависть к плоти, душе, к плотской и душевной любви и на ночь со слезой читает Игнатия Брянчанинова...

Что в этом можно понять? Что ищет человек в этом запутанном мифе, объединяющем сюжеты Ветхого Завета с его Богом избранным народом, сюжеты Нового Завета с Сыном Божиим, ставшим Богом для всех остальных людей, не избранных ранее, но избранных теперь... Что ищет человек, читающий книги, если эта религия изгоняет все книги кроме одной, театр, светскую жизнь, изгоняет все любви и порывы кроме любви к новому Мессии?!

2. Говорят ли Богословие и церковь (и само учение) что либо внятное о воскресении, кроме того, что по воскресении не женятся и не выходят замуж? Отменяет ли воскресение смерть, пробуждается ли человеческая личность после воскресения так же, как после наркоза, или вместо Базаровского лопуха, который вырастет на его могиле, вырастет вместо раба божия имя рек листок на древе Господнем, не помнящий прошлого и не имеющий настоящего? У меня впечатление такое, что ни один человек-христианин не имеет даже самого смутного представления о том, в чем состоит воскресение, но как в пионерском отряде огрызается на спрашивающих, куда нас ведут: пионервожатые знают, приведут и объявят. Но **должен верить слепо человек!** Ну, если только так... И тогда неотвратимо надо спрашивать у *батюшки*, с кем пионерке дружить и с кем целоваться (впрочем, Мефистофель тоже посоветовать может: «Мой совет – до обрученья ты не целуй его!»)

3. Только вера объясняет, в чем *смысл жизни*, утверждают церковные люди (или воцерковленные). Вера объясняет, что смысл жизни в вере в Бога и в жизни с Богом. Но жизнь многообразна, многогранна, все мы родились от отца и матери, от их любви и от того, что они спали вместе, и вера наша обязана даже тому, что мы умеем говорить и писать и читать на языке того народа, к которому принадлежим, хотя на протяжении столетий религиозный обскурантизм всячески преследовал культуру и образование, в частности, в России, и даже крепостное состояние, в котором находилось большинство народа (и за что моя ласточка ненавидит 19-ый век и дворянскую культуру, и стала коммунисткой), поддерживалось прежде всего церковью и христианским учением («рабы, повинуйтесь господам своим!»), но было отменено *царем-освободителем*, а бывший социалист, дворянский писатель Достоевский, став христианином (вместе со всеми участниками Круглого стола, собравшегося по поводу «Легенды о Великом инквизиторе») уверяет, что Христос принес нам свободу. А как же царь? А как же Крепостное право? А как же моя ласточка? Запутано все в датском королевстве, и хотя и принес Христос человеку свободу, отказавшись превратить камни в хлебы, но разве не он велел нам продолжать отдавать Кесарю кесарево и повиноваться своим господам? И хотя только вера объясняет, в чем смысл жизни, но даже соображая на троих, мы потом стараемся поговорить – но поговорить понятно и внятно и интересно и содержательно можно только с теми, кто ходит в театр, читает книги, слушает музыку, знает живопись, имеет профессиональные интересы, глубоко погружен в жизнь, заботясь о семье, влюбляясь, встречаясь с друзьями, интересуясь жизнью окружающих... Простите меня, но человек, погруженный только в молитву и пост, *живущий* по велению апостола Павла *аки спящий во гробе*, интересен не более, чем пьяные деревенские мужики, работающие только на выпивку, или те наркоманы, с которыми я сидел в тюрьме. В России сегодня многое плохо, русский народ вымирает, но православные счастливы своей жизнью с Богом – вот так же счастливы были и те, кто в нашей камере нюхал жженую бумагу: божественные видения посещали и их. Так, может быть, прав Маркс, сравнивая религию с опиумом для народа?

Я думаю, что *смысл жизни в заботе* о том мире, в котором мы живем.

4. *Богоискатели* начала двадцатого столетия, как в маслобойке сбивающие масло из одного единственного утверждения "Христос даровал человеку свободу, отказавшись превращать камни в хлебы", усиленно навязывающие веру в Бога и в Иисуса Христа и себе и нам, как ни странно, отвергнуты и современной церковью и богословием. Но в каких отношениях религиозное миросозерцание со свободой, если *должен верить слепо человек?* Предлагает ли Священное Писание хоть самое скудное представление о свободе? Тысячу раз я об этом писал, но у меня такое ощущение, что меня мир не слышит, приходится повторяться. О свободе сказано в Новом Завете только одно: *"Познайте истину, и истина сделает вас свободными"*, а об истине Христос сказал: *"Азъ есмь истина!"*. Отсюда следует, что свобода может быть достигнута только через соединение с Христом, то есть через веру в него и через (если воспользоваться формулой Павла, а не уклончивыми призывами Христа взять крест свой и последовать за ним) – *сораспятием с Христом*.

Итак, смысл жизни в смерти, истина – это Христос, то есть вера в него, и свобода есть следствие веры, которая, вообще говоря, должна быть и слепой и беспредельной. Впрочем, мистик может к сему добавить, что вера в том смысле, в каком ее понимает Христос, есть особое состояние, само по себе изменяющее мир и наделяющее человека такими безграничными способностями, что, быть может, все остальное покажется ему ничтожным – но даже у апостола Павла я не вижу подтверждения тому, что такую веру, такое особое состояние (я бы еще мог подумать, что это состояние Пробуждения, заменяющее наш отчасти иллюзорный мир на мир сияющей действительности) кто либо испытывал (кроме Иисуса Христа, к способностям его совершать чудеса евреи относились с подозрением и спрашивали его, какою силой он их делает, да и сам он предостерегал против духов зла, которые явятся в конце света и будут искушать человека чудесами).

Но такой способ рассуждений напрочь отменяет и философию, и математику, и науку и здравый житейский смысл, не случайно так назойливо влетаются церковно-богословские присловья (которых не было даже и в разговорах учеников Христа друг с другом): С Богом, Если на то будет воля Божья, Человек предполагает а Бог располагает, и тому подобное пропитанное ладаном и елеем... я родился в русской крестьянской семье, почти патриархальной, несмотря на то что дед мой на фронтах Гражданской войны стрелял в кого попало, поскольку большевики обещали ему землю (они свое обещание исполнили, земли стало много, только крестьяне почти исчезли), но ни ладаном ни елеем наши крестьяне пахли. И ни одному поэту в 19-м столетии не приходило в голову оправдывать творчество перед «кабалой святош».

5. Для большинства тех поверхностно верующих, которые и составляют основную массу приходящих в храм, и литургия, и проповедь священника, и церковный хор – все это часть театрального действия, они даже не понимают, что именно меня так возмущает в этом «невинном», с их точки зрения, учении. Но ведь даже обычные ошибки в школьном сочинении возмущают учительницу, поскольку они утверждают другой способ бытия, вот так же меня возмущает молитва **вместо** труда и необходимость оправдывать жизнь.

## 5.

*Послесловие к Новому Русскому журналу*

*Человек – мера (всех) вещей.*  
Протагор

В действительности Протагор сказал несколько иначе: «*Человек – мера вещей: существующих – в том, что они существуют, несуществующих – в том, что они не существуют*». Однако из всех его сочинений (а был он философом знаменитым) сохранились цитаты в сочинениях авторов более облаканных посмертной судьбой, поэтому, как он сказал в действительности, и что сказал сверх этого, сказать трудно. Вон Тертуллиан сказал, что душа принуждена стать христианкой, хотя рождается она язычницей, но каждая христианка, самодовольно уверенная в том, что ей уже принадлежит вся христианская истина, с апломбом уверяет, что даже Тертуллиан считал, что душа христианка (хотя теперь они все считают, что душу надо распять и умертвить как источник пороков и чувственной любви).

Поэтому я уверен, что сказал он именно так, как обычно цитируется, то есть шире, чем быть только критерием существования.

Действительно, если не *человек* мера вещей а он только удостоверяет их существование, то измеряет их либо *Бог*, либо коллективное *Мы*, коммунистическое или христианское.

Любители человека изничтожать и отбирать у него не только заслуги, но и предназначения, в пылу своего верноподданнического рвения готовы превратить бога во все инструменты бытия. Но Бог не находится в мире, но содержит его в себе, он не молоток и не рулетка, и мы не измеряем вещи ни по размеру, ни по красоте, ни по достоинству, ни по истинности, ни по милосердию чем либо еще, как только собою, с помощью своих органов чувств и своего сознания, своего понимания и восприятия красоты и справедливости и свободы. Да, само восприятие и сознание зависит от тех состояний, которые мы испытываем, то есть от *любви* и *веры* – они влияют на результаты «измерения» мира, но и эти состояния – часть нашего Я.

Необходимо помнить и сознать, что наше Я изменчиво, и результаты изменчивы, и мы стремимся нашу меру, себя, как измерительный инструмент, сделать более точным и всеобъемлющим, для чего совершенствуемся, впитывая опыт и знания. Но, однако, это не значит, что «Мы» надежнее, нет, «Мы» еще более переменчиво, чем Я, что особенно показало двадцатое столетие, когда коллективное «Мы» шарахалось от социализма к христианству.

Теперь уже ясно, что же я собираюсь представить читателю как направление журнала: защиту достоинства отдельного, частного, самобытного человека от тотальной силы, стремящейся растворить его либо в коммунистической массе, государстве, партии, либо как лист на Древе Господнем, смешать его с неотличимыми листьями кроны, либо растворить в обществе или народе. Нет возражений против народа, к которому принадлежит личность, они соединены языком, памятью, культурой, и все же, как личность входит в пол, общество, народ, так и пол, общество, народ

входят в личность, ибо помимо личности, сами по себе они не существуют. Следовательно, и гора и камень равноправны, личность и народ, одно без другого не существуют. Но так же и Бог не существует без человека, и его небесное царствие, которое, как сказано (Лк.17:21), «внутри вас есть».

Но человек без Бога существовать может, во всяком случае, без христианского Бога человек существовал многие эпохи и многие страны, да и в России вряд ли более четверти с богом.

Вернемся к журналу. Всякое культурное предприятие рассчитано прежде всего на человека, заинтересованного в его осуществлении, и хотя Леонтьев говорит, что «добро, которое не для Бога делается, ничтожно», но я скажу не менее: *культура не для человека, а для толпы, народа, церкви – ничтожна вдвойне* – хотя и для *толпы, народа, церкви она существует* тоже.

Но будем ли мы выяснять, для какого человека затеяли мы наш журнал? Возможно, они сами решат, и кому он не нужен, отойдут, а кому нужен, прильнут. Если только выяснить для себя, кто это таков, наш читатель.

Разумеется, это человек культуры, русский человек, *каким он явился* в начале двадцать первого века, то есть человек мало образованный, мало культурный, *ленивый и не любопытный*. И тем не менее, вопреки всему, мы перед ним не будем заискивать, планка наша должна быть так высока, чтобы *редкая птица* поднялась до ее высоты.

Но все же мы не должны нашего читателя презирать, если уж мы существуем отчасти для него, отчасти для себя, и тогда очевидно, что журнал должен обладать некоторыми чертами так называемой *массовости*, следовательно, помимо критики и философии и истории он должен включать художественные произведения, поэзию, новости, сплетни, злободневность, то есть непременно, когда и где государство унижает и уничтожает своего гражданина, ибо сказано было (почти), что *враги человека ... в отечестве его...* (домашние последняя опора, вот собственное-то отечество повесит, расстреляет, закопает!)

Но... но... все это, может быть, чепуха...

Если человек мера всего, то что же это за человек, где он? Это должен быть всякий человек, у которого болит сердце – если сердце у него не болит, если ему хорошо, то не нужен ему журнал и мера, ему достаточно самого себя, но всякий болящий должен найти здесь самого себя и для себя найти лекарство. Может быть, мы должны существовать как бы на краю, на пределе, на эшафоте – так и христианство обратилось к человеку, падающему в пропасть, кто не падал, тому не нужны были проповеди Иисуса и Павла и Иоанна. Понять это я попытаюсь, всматриваясь в самого себя как в образ того не абстрактного человека, к которому мы должны обратиться.

Так случилось, что выпуск начального номера, который я назвал *нулевым* – в шутку ли, случайно, или имея в виду символ рождения, которое не умножает единицу, которое является произрастанием, а не сложением (1 + 1 + ... и так далее), а произрастание начинается именно с нуля, с невидимого почти семени – совпал с юбилеем поэта, творчество которого постоянно касается грани бытия – Г. Н. Ионина. И я неожиданно споткнулся о стихи другого поэта, родственно и ему и мне, жившего ранее – Даниила Андреева.

Когда-то раньше, в расцвете сил,  
Десятилетий я в дар просил,  
Чтоб изваять мне из косных руд  
Во имя Божье мой лучший труд.

С недугом бился я на краю  
И вот умерил мольбу свою:  
Продлить мне силы хоть на года  
Во имя избранного труда!

Но рос недуг мой, я гас и чах,  
И стал молиться о мелочах:  
Закончить эту иль ту главу,  
Пока не брошен я в пасть ко льву.

Но оказалось: до стран теней  
Мне остаётся десяток дней:  
Лишь на три четверти кончен труд,  
И мирно главы в столе уснут.

Хранить их будет, всегда верна,  
Моя подруга, моя жена.  
Но как бессилён в наш грозный век  
Один заброшенный человек!

Ты просьб не выполнил. Не ропщу:  
Умеет Тёмный вращать пращу  
И - камень в сердце. Но хоть потом  
Направь хранителей в горький дом:

К листам неконченных, бедных книг  
Там враг исконный уже приник:  
Спаси их, Господи! Спрячь, храни,  
Дай им увидеть другие дни.

Мольба вторая - на случай тот,  
Коль предназначен мне свет высот:  
Позволь подать мне хоть знак во мгле  
Моей возлюбленной на земле.

Молитва третья: коль суждено  
Мне воплощенье ещё одно,  
Дай мне родиться в такой стране,  
В такое время, когда волне  
Богосотворчеств и прав души  
Не смеет Тёмный сказать: Глуши!

Дай нам обоим, жене и мне,  
Земли коснуться в такой стране,  
Где строят храмы, и весь народ  
К Тебе восходит из рода в род.

Ночь на 19 октября 1958



*В поэме «Россия» Г. Н. Ионин возражает Даниилу Андрееву:*

..... Она по-прежнему перечит  
 Нововведениям любви.  
 Все так же сруб ее бревенчат  
 И лик ее неколебим.  
     Ее простор европ и азий  
 Никто не выпил и не сгреб.  
 Она единственный оазис  
 В кольце америк и европ. ....  
 ... Пускай безропотно и сонно  
 Мы перемерем наперебой.  
 Она – единственная зона,  
 Где можно быть самим собой.

Ну, неотвратимо. Все сказано, что я уже хотел сказать. Начало всему должно быть выше всего, с выстрела, казни, отвергнутой любви, похорон, окончательного разочарования и прыжка в пустоту...

Значит, я делаю самого себя символом, чтобы можно было оттолкнуться от меня. Ночью я расстаюсь с жизнью, и кажется, что уже не только последние минуты, но и последние часы, вот-вот остановится сердце. Днем в меня вцепляется государство и отнимает все, что еще у меня есть, отнимает гордость, показывая, что я перед ним абсолютное ничтожество, окурок на асфальте, который можно растереть об асфальт (ну с какой еще гордыней борются эти сумасшедшие христиане? Они, как видно, в монастырь пришли после слишком богатой жизни, устали от кутежей, вряд ли они умирали от голоду!)

Государство отняло у меня все деньги, все карточки, все счета, даже те четыре экземпляра своих сочинений, которые я печатал за свой счет, теперь не могу напечатать, а скоро не смогу не только закусить, но даже выпить.

Но нет другого способа осмотреться, книга, которую со скуки пишешь и читаешь в электричке, равнодушно переворачивая страницы, не нужна. Если с листов не капает кровь, ее нужно выбросить!

Все вопросы и восклицания должны быть поставлены предельно ярко, хватит юлить, господин Розанов, обнимаясь попеременно то с Полиной, то с Христом, то с Иеговой. ***Бог или человек? – вот что надо понять! Поэт или царь? – вот как нужно спросить!***

Похороны и рождение, болезнь и смерть, измена и любовь – или сюсюканье пресыщенных интеллигентов такого же рубежа времен, как сегодня, только ровно сто лет назад! И да, это интеллигенты продали Россию за свое право болтать в газетах и журналах, когда мужику нужна была земля, солдату мир, рабочему работа и деньги на хлеб и водку.

А сегодня те же интеллигенты продают свое последнее право болтать, и продают науку и образование, когда и земли, заросшей бурьяном, немеряно, и работать не надо, за нефть и газ и выпивки нальют и дадут закуски...

К *«Народной монархии»* взывал Солоневич – но нет, царей уже терпеть невозможно. Может быть, попробовать еще раз *«Народный социализм»*?

*Но я – только символ. Не будет ни литературы, ни России, если я останусь один!*

**6. Молитва крестьянина – это труд. И он важнее молитвы.**

*Среда, 13 июля, 7-35.* Великий русский страстотерпец Даниил Андреев, сын известного дореволюционного писателя Леонида Андреева, написавший свои сочинения во Владимирском центральном, известный как автор «Розы Мира» и множества стихов и поэм, с критикой христианства не выступал, не подвергал, насколько мне известно, сомнению божественность Христа, однако и его постигла та же участь, что и русских богоискателей, и он не нужен православной церкви и христианскому учению, и его *батюшка* велел моей племяннице выбросить на помойку вместе с моими сочинениями. Странного в этом ничего нет. Гоголь сжег второй том «Мертвых душ» и отрекся от Пушкина. Христианской церкви не нужна культура, но не нужна и жизнь. Более того, христианству не нужен и человек, грешник или праведник, это учение не об исправлении человека, а **об отмене его**, учение об ожидании конца света и возникновении сущего заново: но сущего ли, *существования* ли, человека ли, а не безличного *инобытия*? Или даже *небытия* в нашем человеческом смысле этого слова? Верят в Бога и индус и еврей, и араб и японец, и вера помогает каждому из них жить, заботиться о близких, изменяться к лучшему самому и окружающий мир. Но зачем что-нибудь изменять и в себе и в мире, если основная цель человека – отринуть и мир и себя самого настолько, чтобы, как сказал апостол Павел, *отныне не я сам живу, но живет во мне Христос*? Будучи по рождению русским ребенком, я рос и изменялся, стал в девять лет даже пионером (комсомольцем не стал), но **не вместо себя**, а в дополнение (или в расширение), как и школьником, а потом студентом и много еще кем... (С нами много чего происходит *феноменологически*, не изменяя сущности, мы становимся испуганными, продрогшими, последователями марксизма, потом противниками, как я и русские богостроители, потом становимся верующими и христианами вместе с ними, как еврейский мальчик после обрезания становится принадлежащим к богоизбранному народу, как и сам Христос, прошедший через этот обряд, как о том повествуется в Евангелиях – но на мое место не становятся испуганность, продрогшесть, смиренномудрие, уничтожение, коммунистическая одержимость, исламский или христианский фанатизм – нет, я остаюсь самим собою, приобретая только новые временные качества и функции – но если впрямь **не я живу, а живет во мне Христос**, как в апостоле Павле и в Кьеркегоре и в моей *ласточке*, то они прекратили существование как прежде известные нам личности, они воистину словно бы уже умерли: надо ли этому радоваться или вернее надо скорбеть? После смерти мы все изменимся – но надо ли умирать еще при жизни, как и Гоголь поспешил так умереть, а через три дня после отречения от Пушкина умер и во всех смыслах этого слова? Вот в этом самое главное. От того, что вы с интересом читаете Новый Завет, вы еще не становитесь мертвыми, в вас еще никто не вселяется вместо вас, и я ничего не имею против того, чтобы человек в своих жизненных поисках становился то замужем, то увлекался Бетховеном, Вагнером, Достоевским или Толстым – но я хочу, чтобы он оставался человеком!

Но не выступаю ли я таким образом даже против **преображения** мира и человека? Ведь человек меняется, и приобретая образование и становясь математиком, он уже другой, и прочитав Капитал и вступая в их партию (*остановись, мгновение, ты опасно!*), и становясь христианином (и это мгновение опасно тоже – останетесь ли вы в нашем культурном мире, или уйдете за Стикс, вот так же опасно, когда человек становится нацистом, наркоманом, голубым, разбойником ...).

Я был хорошо знаком или хотя бы пересекался с многими замечательными людьми, о которых справедливо было бы думать, что жизнь их значительно изменила, *преобразила* к высокому – но они оставались в нашем мире, не отрекались от своих друзей, как Гоголь; более ли возвышены и преобразены в сравнении с ними *подлинные* христиане вроде Игнатия и Иеронима? Их сочинения меня не убеждают в том, что они стали небожителями, отрекаясь от семьи, они многое проиграли, если только их личности не односторонни в таком же смысле, как односторонен глухонемой, поневоле отказывающийся от живой человеческой речи и музыки...

*Среда, 9-12.* Еду в Ласточке в Окуловку, затем в деревню, милка обещает приехать в субботу, с тем чтобы в Питер мы вместе вернулись в понедельник. За эти пять дней надеюсь переделать уйму дел, полить в теплицах, прополоть грядки, окучить картошку, кое где прокосить.

Попытаюсь распилить все доски и бревна, пригодные только на дрова, и уложить их около веранды. Остатки надо будет отнести за баню, с тем чтобы потом сжечь. Камни надо будет собрать, часть их использовать в бане, часть положить в основание завалинок, сверху присыпав песком.

Баню, конечно, построить я не успею, но обрежу бревна, сложу печку и уложу пол и хотя бы уложу еще три венца, с тем, чтобы сруб бани был готов до середины. Но впереди еще верхняя часть, потолок, крыша, предбанник.

*13-33. Перелог.* Купил в Окуловке обратный билет на Ласточку на понедельник и пошел на шоссе ловить попутку, по дороге купил хлеба и уехал почти сразу. Нет электричества, топлю печку и варю чай и суп.

*13-53.* Заварил чай и поставил кастрюлю в печку на угли, варю суп...

*21-05.* Сажусь пить чай. Сделал не много, днем спал (встал я утром в половине шестого), под вечер еще косил, примерялся к бане, примерялся к печке, сорвал три огурца, кабачок, немного клубники и смородины.

*21-45.* Тоскливо одному, и за компьютером не работается. Звонил милке, Ане в Боровичи, силы иссякают, буду спать...

*Четверг, 14 июля, четверть десятого.* Встал еще до восьми, позавтракал, подмел пол, сходил за водой, постирал носки и носовой платок – и вот, *увы*, ушло на сие полтора часа.

Пойду косить, потом примусь за баню. Перед обедом отчитаюсь...

Да, мужчине без женщины жить трудно...

Несчастные монахи! Или так их пугала семейная жизнь и воспитание детей?

*10-27.* Скосил лужайку, полил в теплицах, "пойду в баню"...

*14-38.* Вчера силы истратил на то, чтобы рано встать и приехать в деревню, сегодня силы ушли на обед и изучение бани.

20-50. Еще до восьми закончил работу, устало, наверное, сердце. Поужинал, вышел на крыльцо посмотреть на огород, рассердился на свои немощи, которыми впору уже хвастаться как апостолу Павлу, и взялся полоть грядку с картошкой. Сделал сегодня мало, только косил и перекладывал кирпичи, в бане положил всего лишь одно бревно.

Но послезавтра приезжает милка, станет и веселее и легче.

21-25. Изменилась ли к лучшему общественная и государственная жизнь в связи с христианством? Рабство, крепостное право, война против культуры, бессмысленные крестовые походы и династические войны, упадок медицины, эпидемии, низведение человека до «твари дрожащей»... Унижение женщины. Лицемерие духовенства, роскошь против нищеты...

(Впрочем, последним я не хочу сказать, что выступаю за уравнивание, богатство – необходимый движитель жизни, всеобщее равенство превращает общество в болото... Не будет ни балов, ни бриллиантов, ни оперного театра, ни Наташи Ростовской, ни Анны Карениной... Впрочем, как себе объясняли царь, князья, бояре и дворяне рабство соген своих крепостных душ и свою собственную разгульную жизнь? Что думал Пушкин, когда играл в карты, когда наряжал жену? И что думал Игнатий Брянчанинов? Что их Бог подтвердил такой порядок вещей? А ведь и в самом деле, Иисус Христос именно старый порядок вещей не только подтвердил, но и дал на него санкцию свыше, «*миропомазал рабство одних и царствование других*»!) Когда он заявил, что пришел не отменить старый Закон, но подтвердить его, речь шла не только о религиозных обрядах, но и о общественном устройстве, о способе жизни. И сегодня церковь поддерживает в России всякую власть, поддерживала Ельцинский режим передачи России в частное владение «новым русским», поддерживает и нынешнюю власть «устойчивости (то есть застоя) и порядка»... Ложусь спать. На улице разгорелась вдоль окоема заря...

*Пятница, 15 июля, десять часов утра.* Встал в восемь, ночью побелело сердце. Позавтракал, помыл посуду, подмел (откуда берется мусор?), вылил помой, сходил за водой. Заморосил дождик, пошел только на разведку, однако стал подравнивать дальнюю завалинку, относил землю на грядку с картошкой. Пришел просохнуть, передохнуть и переодеться. Героическими усилиями ничего героического сделать не удастся, буду работать, берясь то за одно то за другое, надеясь на «теорию малых дел» (кажется, китайскую).

Вот, кстати, китайцы, хотя и воевали, и бунтовали, и разбойники из них выделяются самые кровожадные и жестокие (в окно вдруг стала биться терновая ветка – а я сижу на диване у окна), но во всем у них выжидательность, осторожность, размеренность, общинность, вот только Мао устроил то революцию за коммунизм (который в Китае, впрочем, устраивался и при императорах и чиновниках еще две тысячи лет назад, как пишет Сенковский), то Культурную революцию (бывало и прежде, как пишет Гегель, **против** самых умных), то Великий скачок (а это, правда, для китайцев что-то неслыханное? – перебили всех воробьев, чтобы зернышки не воровали, и стали во дворах из руды выплавлять чугуны, обогнав все страны по его выплавке).

*Пятница, 10-23.* Раскольников в порыве *откровения*, когда его теория только устраивалась, *замочил* зловредную старушку, да с нею заодно (попала под руку, да и могла донести) Сонечкину подругу, на том и успокоился и стал страдать и каяться. Коммунисты *замочили* все образованные зловредные сословия в России: Аристократию и царский двор, Дворянство и почти всех деятелей культуры и науки, Духовенство и философов и богословов, Буржуазию и Купечество, да с ними заодно инженеров, организаторов производства, менеджеров и мерченайзеров (я этих слов не понимаю, но приплел для усиления обвинения), потом уже мелкую буржуазию среди крестьян, то есть кулаков, потом уже их родных и знакомых, *подкулачников*, потом уже "пошла такая пьянка", что всех подряд, чужих и своих, троцкистов, левых и правых уклонистов, затем умеющих мыслить, умеющих писать, умеющих говорить, дерзко глядящих, не опуская голову долу.

Раскольникова посадили – за что?

Последователей Платона, "Города солнца" Кампанеллы, "Утопии" Мора, "Капитала" Маркса, калмыцкого выкреста, пламенного революционера Троцкого, инородцев, ждавших семьсот лет, когда рухнет русская империя, чтобы *отмстить неразумным русичам* – кроме Берии – ни одного. На бериевского начальника молятся до сих пор. Правда, коммунисты теперь смиренные, возможно, и впредь никого искоренять целыми пластами и классами уже не будут – но ведь и Раскольников больше никого не собирался мочить?! Вот также с *христианами*. Они искореняли иноверных и инаковерных. Богатых (хотя и пообещали сторяча их в рай не пускать) не трогали, властителей поливали миррой и другими маслами, искореняли умных и смелых, гордых, красивых, а особенно *привлекательных ведьм*.

Ведут теперь себя хорошо, церковь – главный форпост нынешней власти. (Коммунистов, после того как те перестали их мочить, тоже поддержали).

Говорят, что не надо *ворошить прошлое*, надо жить будущим.

Так ведь и вор, укравший позавчера, тоже украл в прошлом?! И убивший, изнасиловавший, обманувший, оклеветавший – не надо ли, прежде чем сажать, просто спросить: Больше не будешь?

Кажется, ни коммунисты, ни христиане бесчинствовать больше не будут, выдохлись, иссякла энергия разрушения мира и переделки человека. Нового мира они не построили – да и одни и не собирались строить, а другие и не знали, как. Обещали мир посмертный, царствие божие, одни на земле, другие на небе, ни те ни другие ничего не построили, но христиане еще велят ждать, ха них их царствие воздвигнет Учитель.

Но разъяряюсь я на оба эти дома и призываю *на них чуму* (впрочем, НЕ призываю никого из теперешних судить и сажать, но только осудить ИСТОРИЮ) не за их прошлые даже бесчинства, а за то, что они перебили, переломали, извратили, опошили, исказили, опозорили всё то, что мне дорого: культуру, науку, истину, красоту, справедливость, сострадание, ЛЮБОВЬ. Они украли у меня страдающее дитя, обманули его, стерли в ней личность, велели меня ненавидеть.

Вот почему я пишу эти книги: больше мне нечем утешиться.

*Одиннадцать часов. Бегу строить баню.*

13-25. Работал два часа ("упряжку", как говорили крестьяне – столько работала лошадь без отдыха... человека, конечно, заставляют работать больше), и в час побежал варить обед, поставил уже и яйца и картошку, пойду за луком и сделаю салат.

14-00. На приготовление обеда ушел ровно час времени. Удивительно не только звездное небо над головою, но и то, что женщины так быстро его готовит, а я зато, правда, пеку свои книги быстрее даже, чем за девять месяцев, хотя многие уверены, что они не более чем «поток сознания»...

Ладно, завариваю чай и принимаюсь за обед, возможно, он меня утешит.

15-00. На обед тоже ушел час, но успел отпилить и уложить чурку в поленницу и зашить дырки в пальцах у перчаток, сэкономил пятьдесят рублей, а еще десять штук заштопаю, заработаю 250 рублей – немало, если мне не платят совсем ничего.

Сегодня возьмусь за Книгу писем.

18-13. Как видно, меня хватает только на самую короткую *упряжку*, после обеда лег спать, проснулся около четырех, пошел *запрягаться*, в шесть почувствовал, что упряжка уже давит, итого получается только два часа работы, притом и с запряжением и распряжением (минут по пяти). Варю компот, заварил чай, попью и пойду еще на одну упряжку, с половины седьмого до половины девятого, как видно, на большее меня не хватает. День хорош, жара чувствуется не сильно, кровососов почти нет, но энергии мало. Два бревна из уже приложенных снял и ставлю вместо них другие, потолще, а эти пойдут выше, вот уже день работы потерян.

21-44. Доработал до девяти, полел и окучивал грядку картошки. Постирал носки, помылся из чайника горячей водой, раздевшись за теплицей донага, заварил чай, добавив туда мяту и лепестки роз, посмотрел на огород, посмотрел на закат. Сегодня не так утомительно и не так грустно, а то уже стало казаться, что умру раньше, чем попарюсь в новой бане.

Завтра приедет милка, а при ней уже я не умру.

Сажусь ужинать: картофелина со сметаной и огурцом, чай с сыром.

22-39. Ужин был превосходен! Не такой уж ты и бедный! – воскликнет критик, и разумеется, есть беднее меня. Жена работает, жить бы можно припеваючи, но многое вопиет и требует денег. Родственница, о которой я говорил, серьезно больна, в больнице, два раза в год, слегка исправляется под влиянием стресса, но больше ничего мы не можем, да и долги, точнее сказать, проценты по долгам, съедают половину наших доходов. Да и сам я не хожу к платным врачам, поэтому ночью то сердце спешит сбежать из груди, то боль *напоминает о вечности*...

Неврологические боли сегодня мучают многих, каждый лечится как умеет, некоторые – как я: если боли спать не дают, встаю, делаю зарядку, сажусь за компьютер; иногда после зарядки становится хорошо, и я снова ложусь спать. Зачем же тогда я влюбляюсь, спросит снова недоброжелатель? Возможно, с отчаянья. Или зачем я живу? Не жить – еще хуже. Впрочем, когда мне отвечают взаимностью, болезнь отступает, я про нее забываю, да и она про меня... Впрочем, уже 23-00, встану раньше и займусь письмами, а сейчас буду спать.

*Суббота, 16 июля, 8-43.* Встал ровно час назад, в 7-43, умылся, прибрал постель, заварил кашу и чай и пошел прокосить дорожку между забором и смородиной, вернулся и успел съесть только кашу – куда же это время летит так стремительно?

На улице пасмурно, 19 гр., но лезет в глаза мошкара.

9-13. Выпил чаю, вымыл посуду, вылил грязную воду в уголок для компоста, и вот уже прошло почти полчаса. Но кропит дождичек...

Под утро снился фантастический сон, сюжет фантастической жизни.

Любовь к женщине, которую так проклинают христиане, неразрывно связана с любовью к родителям, к детям, с материнским счастьем, с любовью к народу и культуре, неразрывна от красочности, насыщенности жизни всеми сильными, и благородными, и нежными, и грозными чувствами. Она – та небесная радуга, которая сложена из всех существующих цветов солнечного спектра, как ущербна проповедь жизни без этой любви, как скудна жизнь с Богом, в которую не вмещена жизнь человеческая! Кроме Воскресения, почти равная ему по значению Идея и Цель воодушевляет христиан – Спасение души, и Христос призывает отдать за Него свою душу, чтобы спасти ее – но как можно высушить человека, чтобы он стал проповедовать душевную смерть!!! В русском языке *бездушность* – синоним всего низкого, грубого, коварного, пустого, сухого, жестокого – случайно ли это?

Странно, странно, учение, проповедующее не отличия тонкие от исторических традиций, не возвышение сравнительно с природным, вложенным нам через Род и Народ, но преодоление всего лучшего в человеке – неожиданно завело **сердца** людей (хотя само это учение проклинает все **сердечное**, синонимичное якобы мерзости, – не хочу в тысячный раз повторять Августина, Иеронима, Игнатия, да и их прародителя апостола Павла...

Но пора все же возвеличить Труд во благо и наслаждение, уже без четверти десять, и баня и грядки вопиют к созиданию...

10-10. Не успел окучить три куста, как налетела туча и дождик уже зачастил, пришлось бежать с поля боя в тыл...

Итак, займусь, наконец, письмами.

21-56. К двум часам дня приехала милка, чуть раньше, чем я ожидал, я пошел ее встречать и мы встретились в Сушилове.

Устроили торжественный обед, после него я надеялся на героические свершения, но в итоге поменял два бревна, так что за четыре дня продвинуться не удалось. Теперь все надежды на завтра, с утра хочу поставить дверь и к ней буду прилаживать стену.

*Воскресенье, 17 июля, 18-57.* Солнце и жарко, 30 гр., закружилась голова, делаю перерыв на 15 минут и пью прохладный компот.

Книгу уместно назвать «Строительство бани в деревне» – правда, так ли это важно с литературной и философской стороны? Однако, хотя мы ищем смысл жизни, но поколение за поколением живут созидательно, даже если смысл жизни и не искали: Смысл жизни в труде, творчестве и любви, как и у растений, как и у животных. Впитывая влагу, воздух и свет (при этом трудясь усиленно, не прав Христос, говоря, что Лилии не трудятся, но украшены как в

чертогах брачных – и лилии трудятся, и всякое растение, и животные, звери и птицы, пчелы и муравьи, творческий характер труда у птиц и у пчел проявляется в устроении и украшении жилищ, гнезда и улья, а красота сопутствует инстинкту размножения, который для них является первичной формой любви, входит в любовь и у человека, только не исчерпывает собою любовь (даже у журавля и у собаки, привожу их в пример в силу очевидности и известности). Почему образованные люди свихнулись на вульгарном материализме и дарвинизме – загадка... Почему многие мистически одаренные люди свихнулись на христианстве, как и я, тоже загадка, и вот, расстаюсь с ним окончательно, через 250 лет после французских просветителей и Вольтера, и после великого 19-го столетия, создавшего обширную светскую культуру, в центре которой был человек как мера вещей и его человеческая любовь... Но пора возвращаться к строительству бани...

23-15. Отпраздновали «Завершение укладки третьего венца в бане» глинтвейном из красного вина в бумажной коробке, которое привезла милка, и салатом из огурцов, выращенных уже здесь.

В семь милка уезжает, в шесть я пойду ее провожать, пора бай-бай...

Понедельник, 18 июля, 13-13. Встали в полшестого, под дождем проводил милку до Соинского, вернулся без четверти восемь, подремал часок, попытался работать, насыпал землю в ларь, сколоченный для мусора, пересадил туда четыре кустика кабачков с грядки, какие похуже, посмотрим, будет ли толк.

Устал, и чувствую себя неважно, пришел передохнуть, пообедал, пойду еще поработаю, без четверти четыре уже выходить в обратный путь в город.

13-44. Не успел отнести бревно к бане, дождь припустил, убежал в дом, выпью чаю, если дождь успокоится, пойду снова работать.

Думаю уже о философских идеях, в частности, об уверении Парменида, что нет бытия, изменения и движения.

Бытие он представляет как Идею, состоящую их идей, то есть ноуменально. Все **ноуменальное** неподвижно, времени в нем нет, время – способ существования **феноменального**.

Кого же создал Творец? Если он создал единственного Адама и из его ребра единственную Еву, то они были вместе ноуменальны, как скульптуры Праксителя, существующие вечно и неизменно. Ева вызвала из небытия движение времени и **размножение**, подобие тиражирования, она запустила феноменологическое бытие (и первородный грех не является ни с какой стороны только послушанием Бога-Творца, хотя в причину "порчи" мира послушание, возможно, и входит. Итак, **первородный грех** – превращение неизменности в жизнь, единственного – во множество, потеря уникальности сотворенного, "запуск рукописи в тираж".

Приоритет Творца был похищен и погублен, творение, созданное только для себя, стало достоянием всех. Возможно, и мы бы разъярились, если бы рукопись единственной Книги, которой мы дорожим, кто то выставил в Интернет для всеобщего пользования (хотя и нечаянно, из любопытства). Ноуменальное вечно, не разруσιμο, не знает тления и смерти, феноменологическое – тленно.

Что обещает Христос? Воскресение идеи каждого из нас, сюжета, плана... Вот все вместе, возобновившись как неподвижные образы, мы и вернемся на Древо, в виде неподвижных листьев.

Иногда мне кажется, что Он не создал до конца, что именно обещал человеку, осуществимо ли воскресение во времени. Будда точнее, он знает, что *продолжения книги нашего личного бытия нет, оно исчерпывается при жизни*, и он обещает нам, что мы в следующем воплощении станем героями нового романа, не помня о предыдущем. Утешительно ли и это?

Позже я напишу подробнее о своем восприятии времени, о прозрении, откровении, обыденности... Странная особенность моя состоит в том, что я не испытываю печали от изменения во времени, печалит меня только болезнь, а моя "взрослость" – не хочу сказать старость – мне интересна не менее, чем детство и юность. Да к тому же в своем сосуществовании с ноуменальным я надеюсь найти наконец нечто такое, что отвечает на горестные вопросы феноменального бытия. (Обнадеживает меня поведение гиперболы при приближении аргумента к точке разрыва.)

18-07. По дороге в Окуловку встретился в Сушилово с Аней (она приехала на два дня к матери), дал ей 100 рублей на мобильник, мужу ее обещали выплатить зарплату на следующей неделе. И вот уже сижу на вокзале в ожидании «Ласточки» (через час "с копейками"), омерзительный голос "не вопиет".

*Полночь.* Я уже дома. Ехал с хорошенькой школьницей, она не знает, что в России была Гражданская война и Революция. Знает ли она о последней войне?

### 7. Терпение и ... Последние возражения.

19 июля, вторник, 17-46. На Московском вокзале покупаю билеты в деревню на Ласточку.

Меня близкие ругают иногда за то, что я не могу бросить дело, которое делаю для кого-нибудь, не законченным, даже когда оно унизительно.

Но дело не в любви к близким, а в уважении к труду.

Был у А., пришлось с ним и его женою пить водку... Не радостно ухаживать за больными, и без водки это делать почти невозможно (женщинам, впрочем, удастся быть более терпеливыми) – но он мой старый товарищ, мне совестно оставить его совсем без внимания.

Требующие от меня самоотверженности, конечно, превосходят меня в любви к близким, я не в состоянии согреть их близких дыханием из уст в уста (как рассказывал Иван Карамазов), но нашего общего друга они сторонятся, им некогда отвлекаться на других, когда вопиют собственные заботы.

Еду к маленькому Паше, ему близкие прощают больше, правда, к счастью, он еще не создал книг с помощью ножиц и клея.

20-22. Нелепо восхвалять роман, принимая в нем только некоторые черты героев и отдельные положения, но отвергая его как образ жизни, как некую вселенную, населенную живыми людьми. Так же нелепо восхвалять женскую красоту, отмечая во внешности некоторые симпатичные детали, когда она в целом отталкивает. Христианство и, в частности, Священное Писание, это

образ мира, образ Истории, вмещающей в себя и историю Земли и историю Неба, я отвергаю его как руководство к жизни и способ виденья мира. Можно читать его страница за страницей, абзац за абзацем – всему прочитанному я смогу возразить. Но надо ли? Это роман не для меня. И герои его мне не симпатичны, и содержание их жизни тоже. Зачем они живут? Жизнь их бессмысленна и эгоистична, они хотя и клянутся в любви к Богу и ближним, но никого не любят, никому не желают добра, ни о ком не заботятся.

Но спорю я с христианами, а не с их Священной книгой. Они принимают это учение, оно наполняет их жизнь, они хотят жить именно так, как в этой книге предписано, они хотят походить на ее героев, выбрали для себя образцы. Возможно, они хотят повторить подвиг Марии Египетской, сначала всемерно грешить, затем перейти Иордан, не касаясь воды. Или они хотят погибнуть в клетке со львами, на арене цирка, в темнице, в пустыне, на костре (хотя, правда, в действительности это христиане сжигали тех, кого подозревали в уклонении от учения). Или, наконец, они дадут обет безбрачия, раздадут свое имущество нищим, изъязвят плоть, проклянут ее, будут питаться акридами? Нет, никто из христиан, с жаром принимающих **Учение об отречении от жизни** (а кроме *отречения от жизни*, больше в этом учении ничего утвердительного нет) – никто из христиан не становится христианином, то есть не берет на себя крест и не идет за Христом, все живут как и я, то есть принимают жизнь, а не отвергают ее. Зачем, впрочем, надо отвергать жизнь, почему именно за ненависть к миру и жизни человек будет вознагражден воскресением, непонятно даже богословам, и что любовь к женщине порочна, не убедительно объясняет даже преподобный Игнатий.

Итак, те, кто жаждет уйти от жизни, уходят, меня не спрашиваясь, и я для них не поучителен. Но таких, становящихся христианами как Серафим Саровский, как Ксения Петербургская, как Кьеркегор, единицы, а остальные, как очевидно, к нему имеют отношение такое же, как и я, ибо *нельзя одновременно служить Богу и Мамоне*, нельзя оставаться с земной любовью, ибо «Говорящий, что можно иметь ту и другую любовь, обольщает сам себя» (святой Иоанн Лествичник). Но те, кто христианами не становится, жизнь не отвергают, и любовь тоже, и в первородном грехе не каются, не все грешники, да, впрочем, и иных из грешников или грешниц, не христиан, еще очевиднее жизнь заставляет стать святыми. Посмотрел я на большого товарища, и на его жену, которую (каюсь) считал дурой, и вдруг вижу, что она во всяком случае большая святая, чем Мария Египетская (как впрочем, очень многие из русских жен пьющих мужей). Что-то она почувствовала в моем грустном на нее взгляде, и на прощание поцеловала.

Не в чем христианам меня обвинять. Я не воскресну. Но и их воскресению, если оно случится, без плоти, без пола, без души (которую они проклинают и жаждут умертвить), без близких, без России – я не завидую. Мне Россия (как и Есенину) дороже, чем их рай. Да и вообще мне в этом мире дорого многое, и не им, отрекающимся почти от всего, меня учить, я очевидно **лучший** в сравнении с ними, возненавидевшими мир.

Что приобретает человек, вступая в коммунистическую партию? Честные, по крайней мере, приобретают иллюзию, что они будут переделывать мир к

лучшему, что они будут исправлять пороки мира. Но христиан даже эта иллюзия не будет согревать, ибо "исправлять пороки мира" не велит им их учение, они должны спасти свою душу, заживо ввергая себя во гроб.

Достоевский говорит, что если бы даже доказали математически, что Христос не совпадает с истиной, то он лучше останется с Христом, нежели с истиной – не вспомнил ли он Гоголя, который отрекся от Пушкина во имя Христа? А изучал математику в Инженерном училище этот человек... Уж математика точно к истине отношение имеет, но к Христу – нет, если даже культурой христианство и Христос велят пожертвовать, если она для них только *млеко*, которое полезно лишь для детей (как пишет Н.К. в Чтениях о русской поэзии).

22-22. Позвонил товарищ, и так как я вместо "Русских страниц" буду издавать "Журнал философской критики", заметил, что я потерпел поражение: литературный кружок я не создал. Предводитель из тебя не получится, людьми управлять ты не можешь. Создашь ли ты философский кружок?

Но еще большее поражение потерпел я в любви. Что бы ни думали про меня христиане, сколько бы ни обличали любовь, даже любовь юных, даже свободных, не только Анны Карениной, но любовь не роняет человека, а возвышает, она спасительна, ибо эгоистическая любовь случается реже, чем *забота*, в то время как вера замкнута на себя – разве в ней союз двух сердец, человека и Бога (да и "сердце", как и "кровь", осуждено в евангелии).

Только кто же не потерпел поражение?

Отрекаясь от дружбы во имя веры, Гоголь потерпел худшее поражение, он не смог жить и умер (и жив он в нашей памяти лишь в том, от чего отрекся, то есть в своих сочинениях).

"Свободы сеятель пустынный", Пушкин потерпел поражение в своих иллюзиях просвещения народа, потерпел поражение как Редактор журнала, и жив лишь как Поэт (а не как христианин). Были победы, но они не совместимы с победами христианина над живой человеческой личностью, но только в культуре, и Достоевского, и Толстого, и Тургенева, и Розанова...

Но я потерпел худшее поражение, так как меня отвергли все, отвергла N, отвергла Анна, отвергли музы, даже волхвы меня отвергли и перестали ко мне приходить. Однако на всех поприщах жизни я боролся за победу, и даже тем, что боролся, я лучше мертворожденных христиан, смазанных елеем и миррой.

### 8. Поражение.

20 июля, среда, 12-06. Все меня победили, государство меня придавило медвежьим задом – может быть, оно еще одумается и расстреляет меня? Может быть, хоть на это хватит у него благородства? Разве не понимают достойные, что в оппозиции «государство и поэт» все то, чем гордится народ, принадлежит поэтам? Пусть народ темен, пусть ему только *настись*, по слову Пушкина, и «наследство его из рода в роды – ярмо с гремушками да бич», но разве достойных так мало, что я словно бы один в каменистой безжизненной пустыне, или как поэт, распротертый на камне, с Левиафаном, сидящим на нем? Ибо в каждую протекающую эпоху кого-то одного волочат с веревкой на

шее на плаху или на костер, а злобный народ улюлюкает и радуется, не забывая время от времени *вставать на колени и осенять себя крестным знаменем...* Пылая когда-то состраданием к угнетенным, я с тоскою вижу, что угнетенные прилежнее всех и яростнее всех впрягаются в ярмо, кого бы оно ни волочило.

Старец Зосима сказал в «Братьях Карамазовых», что "*доказать ничего нельзя, но можно проверить*". Прошло и после него полтора столетия, разве кто-нибудь убедился в чужой правоте? И две тысячи лет христианской эпохи, разве они обладали преимуществами сравнительно с Древним Римом и всею Античностью? Да одна Столетняя война во славу христианской истины перевешивает все красоты Павлова стиля в миллиарды раз, да сожжение Жанны Пуссе всех подвигов святости (не говоря уж о том, что вся христианская святость сводится к воздержанию от любви или к ненависти к ней). И *ласточка* проклиная 19-е столетие за Крепостное право (забывая, что оно освящено христианством) и благословляет революционные пытки и казни во славу равенства, забывая, что коммунисты и Бога распяли, и попов почти всех перебили, и три четверти храмов сравняли с землей. И ее *православный коммунизм* убеждает в единстве двух сект, проповедующих ненависть к миру.

Священное Писание не теорема, оно не может доказать ни существование Бога, ни то, что Христос – Истина, и никто не смеет утверждать, что уже все доказано, ибо и апостол Павел говорит, что *спасение дается только через веру* – но какой же был бы смысл в вере, за что же бы давалось спасение, если бы все было несомненно? Более того, если бы даже что-то можно было бы доказать? Человек отвечает и за свои поступки, и за убеждения, он должен постоянно делать усилия, чтобы избирать между истиной и ложью, правдой и оболщанием, состраданьем и злом, любовью к миру или ненавистью к нему, избирать между образом и ощущением благодати нашего несовершенного мира (но пронизанного эманациями красоты и добра, целесообразности и гармонии) – и убеждением, что мир лежит во зле и князем мира сего является дьявол...

Но я оспариваю не столько **правду** евангельских утверждений, сколько Образ положительного человека, представленного в Романе-Мифе, повествующем о трансцендентном бытии вкупе с самой обычной нашей жизнью. И я в оппозиции к христианству именно по отношению к человеку. Ни Магдалина, ни святой Себастьян, ни блаженный Иероним, ни Ксения Петербургская, ни Горквемада, ни преподобный Игнатий, ни папы Римские, ни духовные цензоры, ни инквизиторы, ни необразованные батюшки, ни слеповерящие старушки, ни коленопреклоненные, ни верноподданные, ни даже блаженный Алеша Карамазов, ни князь Мышкин не являются для меня образцом для подражания. В рамках даже профессиональных история дает нам множество образцов: прекрасных поэтов, выдающихся ученых, талантливых полководцев, самоотверженных солдат, трудолюбивых крестьян и рабочих... И народ наш состоит из верных жен, заботливых мужей, любящих детей, братьев и сестер, Священное Писание ни к кому из них не обращено, но только к больным и увечным, к блудницам и разбойникам. Оно не обращено к несчастному влюбленному, обманутому любовнику, преданному

другу, опальному сановнику, ни к революционеру, ни к сыщику, ни к царю ни к цареубийце. Даже цари, помазанные миррой и елеем, поступали независимо от Писания, история совершалась ими в соответствии с их монаршей волей, но не по предписаниям свыше, и казни, и войны, и законы, и конституции...

В мире, состоящем из ревностных христиан, ни жить невозможно, ни выпить не с кем, и даже не с кем и не о чем спорить. **Христиане, как и большевики, люди одномерные, многомерность и многообразие и многоцветие мира им недоступно; поэтому и разговор с ними бесплоден.**

### *9. Не успокоится сердце*

Читатель видит, что я только и делаю, что влюбляюсь, даже в коммунизм я влюблялся, и в христианство, в собрание книг и предметов прошлой эпохи, в литературные вечера, которые у меня происходили тридцать лет, в жену, в маленького сына, внучку, в маленького Пашу, в родных и друзей, в Пушкина, Достоевского, Толстого, в красивых женщин... *И никого, кроме коммунистов и христиан, я не разлюбил.*

Я страдаю. Страдаю от того, что меня не читают и я никому не известен, но еще более страдаю от того, что слово мое все еще не раскалилось так, чтобы ожигать сердца. Страдаю от того, что не имею влияния на народ, даже того, которое имел на учеников своих, когда был учителем. Страдаю от непрекращающихся притеснений государства, которое извинилось передо мною за прошлые несправедливые репрессии и даже назначило нищенскую компенсацию за них, но взамен сначала украло у меня пенсию, потом украло и эту компенсацию, а теперь грозит снова меня посадить за язвительность и оскорбительность тона. Увы, вот он, этот неистребимый дух христианского смирения и покорности: даже жаловаться на несправедливость надо кротко, на колених, не раздражая несправедливых господ.

И я кричу в сердцах мучителям: *Да туже затягивайте веревку, возможно, они быстрее поймут, что лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идет на бой!* (Гете).

Иногда мне кажется, что христианство – это великий социальный эксперимент по выработке гордого человека с помощью духовных истязаний: **двухтысячелетней проповеди покорности, самоуничтожения, ненависти к самому себе и миру.** Должна ведь когда-нибудь такая проповедь вызвать протест и жажду стать гордым, смелым, достойным?!

Три силы вызывают в человеке энергию: *Любовь, Вера, Творчество.*

Смысл творчества почти понятен, плодами его питается человечество. Смысл любви понятен не до конца, это всемирное притяжение многообразно, переливаясь от величайшей самоотверженности матери и жены, воина и влюбленного, до любви к своему злату, славе, власти, наслаждению. Смысл веры не понятен никому, даже апостолу Павлу (и он в этом сознается), и вера тоже переливается от самоотверженности до костров инквизиции и религиозного обскурантизма и мракобесия.

Продолжая размышлять над запутанным рассуждением Достоевского о сочетании **чуда, тайны и авторитета** (намеренно или случайно он пренебрег и **верой и любовью**, то есть тем главным, что есть в двух типах обществен-

ного мироустройства: религиозного и социального (культурно-светского), я вижу, что в этом рассуждении одни лжи заменяются другими, и одни умолчания – полной немотой. Превращение камней в хлебы заменяется двумя чудесными накормлениями трех и пяти тысяч народу (не из камней, а из немногих кусков хлеба и рыбы), повеление в поте лица своего есть хлеб свой заменяется повелением не заботиться завтрашним днем, ибо лилии не прядут и не сеют (но как известно из ботаники, даже растения трудятся днем и ночью, впитывая воздух, воду и минеральные соли, тепло и свет, и превращая их в необходимое для жизни). Чудо сопряжено с проповедью и деяниями Христа и учеников, с двухтысячелетней церковью, и даже сегодня свечи зажигаются **свыше** в храмах в Иерусалиме, хотя и младенцы знают, что их зажигают *снизу*).

Как же тогда быть мужественными и счастливыми? Если каждый из нас умрет и воскресенья не будет? Учитесь у эллинов, у древних славян, учитесь у великой европейской культуры. Любовь, Вера, Чудо, Забота, Труд, Творчество – важнейшие свойства Личности. Чем выше личность, тем она несчастнее. Тем она счастливее. Тем она больше придавлена гнетом темных сил. Тем она свободнее. Не всем в себе и в своей жизни человек обязан только себе, но передавая волно к личной деятельной жизни общественному Богу, он не приобретает ни свободы, ни бессмертия, а становится и остается *рабом божьим*.

Женщина любит самой высокой любовью из всех, когда самоотверженно она любит дитя и любит мужа. Но она влюбляется и в других мужчин, пусть и не всякая, и Анна Каренина, и Настасья Филипповна, и Манон Леско, а еще чаще встречаются среди них Кармен, Земфира, героиня «Случайной любви». Но женщина способна любить пылко и страстно, но не способна любить долго, а разлюбляя, вычеркивает из жизни и из памяти недавнего друга и отказывает ему даже в прощальной встрече, до ненависти. Я надеюсь, что понял бескровное сердце Иеронима, трансцендентную душу апостола Павла, понимаю уставших от блядства комсомольских кликуш – но душу подлинной женщины, способной к само-отверженной любви а вслед за тем к беспричинному разрыву и забвению того, кого клялась вечно любить и без которого жить не могла – **я понять не смогу**.

Быть может, именно их любовь, колеблющаяся между притяжением и отталкиванием, пропитанная сомнением и изменой, – подлинный ключ к пониманию трансцендентного в человеке. В основе любви к мужу и ребенку лежит воистину великий природный Инстинкт, вовсе не такой простой, не такой вещественный, как полагают материалисты вместе с Шопенгауэром, но тем не менее счастливый. В нем слито **и желание, и наслаждение, и восхищение, и забота, и сострадание** – но что женщина иногда находит во мне, и почему она с такой страстью в конце концов меня отвергает – непостижимо. Она меня иногда любит, я не скажу, что за дело. Ненавидит – за что? Что я ей сделал плохого? Отказывает в прощании, отталкивает, забывает (радостно, с наслаждением, умиротворенно)... Я ее люблю глубоко и полно, восхищенно, страстно, она для меня Роман и симфония, возвышеннее она никого не сможет полюбить, но она меня бросает... **Я побежден. И так и не понял, что такое любовь...**

## ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

**СТРОИТЕЛЬСТВО БАНИ ПОДВИГАЕТСЯ МЕДЛЕННО...***1. Строительство идет медленно и мучительно...*

**25 июля, понедельник, 11-09.** Хилый народ пошел, в сравнении с временами моей молодости, когда я шел с рюкзаком весом в 60 килограмм жарким утром по глинистой и скользкой после ночного дождя дороге по правому берегу Днестра (где теперь *дальнее Зарубежье*). А сегодня я около девяти часов утра вместо гимнастики косил траву – сошел с меня ручьем первый пот; проработал еще "малую упряжку" (два часа) – пот пошел с меня Ниагарским водопадом! – и я спрятался в избу. Попробуй с таким народом построй баню!)

Но передохну́ и пойду за мхом.

**14-10.** На улице 29 гр. Баня подвигается медленнее, чем я надеялся, днем жарко, утро короткое, вечером комары...

О христианстве я сказал, кажется, все, что имел сказать, три причины питали мои Записки. Первая из них составляет все то, что мне не нравится в его проповедях, то есть необходимость любовь к Богу поставить во главу угла всей жизни, необходимость и жизнь «умертвить», отказавшись почти от всего, что в ней мило, необходимость засушить и сузить личность.

Вторая причина, что я не согласен с христианским отрицанием: культуры и творчества, труда и преобразования мира, любви, дружбы, женской красоты, важности образования, ...

И третья, наиболее обширная, состоит в том, что христианство умалчивает обо всем наиболее важном: родине, доблести, таланте и гениальности, ...

**Христианство – это, во-первых, учение о несуществующем (Воскресение и Любовь к Богу) или несущественном (любовь к ближнему), отрицание, во-вторых, похуление всего существенного (любовь, семья, родина, природа, мир в целом, полнота жизни и ее совершенство) и, в-третьих, умалчение обо всем важном (труд, творчество, рождение и воспитание детей, героизм, верность, сострадание, нежность, забота).**

На улице жарко, и я вместо работы "Лодера" гоняю (как я думаю, это была насмешка над немецкими врачами, которые *господ от лени лечили*). Так и "в здоровом теле здоровый дух" было отговоркой тучного и тупого героя, зачем он такой толстый, из комедии Аристофана, (по объяснению Шумовского), и так потом для защиты Сталина стали уверять, что "о мертвом либо хорошо либо *ничего*" вместо "о мертвом либо хорошо либо *ничего кроме правды!*" – как в подлинной латинской половице.

В нашей деревне говорили "полуклиника", "полутехнический", вот так и "христианин", вероятно, видоизменился к более понятному "хрестьянин" – близко к **крестьянин**, которые были за тысячу лет до *христиан* на Руси.

Так какому же Богу поклонялся русский *крестьянин* (который и был крестьянином и так назывался еще до *Крещенья Руси*)? Испокон веку он был язычником, а христианство – это религия правящего класса, состоящего из князей и княжеского двора, нового русского жречества (духовенства – из

греков, болгар и малороссов), боярства и дворянства. Религиозность русского народа проявилась, когда пошёл он крушить христианские храмы и три четверти их сокрушил, построив вместо них новые еврейские храмы – *дома культуры, избы-читальни* (что и неплохо), *дома съездов*...

Однако, еврейский ли Бог или христианский, какой из них мне ближе и понятнее?

Если за самое существенное считать в христианстве Воскресение и образ троичного Бога (Троицу), соединяющего воедино Бога-Отца, Бога-Сына (Иисуса Христа) и Духа Святого, а в иудаизме Завет Бога с народом, обещание быть Богом именно этого народа, то иудаизм и понятнее, и для иудея роднее (Бог свой, Бог еврейского народа, а не всех поровну народов в мире), а христианство смутно, умозрительно: обещанное воскресение после смерти как награда за веру не поясняется не только простому верующему, но даже и святому отшельнику.

1. Половой инстинкт: это далеко не только безличная страсть к соединению с целью потомства, подстегиваемая жаждой наслаждения, как полагают материалисты, в нем, если иметь в виду только природное, без культуры и истории и трансцендентного, содержится все, даже у животных, птиц и растений, то есть и стремление к красоте, к ухаживанию (любовный роман), забота, сострадание, помощь, взаимопонимание...

Всеобщий закон Природы состоит в том, что все природное развитие, вопервых, **целесообразно**, а не является следствием потока случайных приобретений, в котором исключаются *невыгодные* (нет, Дарвин не прав!)

Во-вторых, все условия этого развития *чрезмерны*, **Инстинкт** как способ осуществления заданной цели включает в себя многое **сверх** необходимого, что удивительно (хотя, правда, и строители рассчитывают пятикратные перегрузки сравнительно с нормой).

2. Любовь у женщины другой природы, чем мужская, почему мужчины и женщины не составляют целое, каждый **пол** имеет свои собственные задачи. Только женщина может ложиться в постель с женщиной, который ей **не** нравится, только женщина может ложиться за деньги или подарки, у мужчин же это исключение (хотя, впрочем, *большинству* из них неважно с кем)...

3. Я потерпел поражение. До сих пор я всегда нравился тем девушкам, в которых влюблялся, но ласточка и Анна меня **отвергли**.

Впервые *моя любовь не взаимна*.

23-23. Выходит два дня на венец, еще день на потолок, два дня на крышу, два дня на доделки, итого при такой скорости нужно на баню еще 16 дней (без предбанника). Итак, при том, что половину дней я провожу в городе, и половину в деревне, баня будет готова в конце августа, не раньше.

А теперь ложусь спать, завтра рано утром надо будет снова косить...

**30 июля, суббота, 91-48.** Косил каждый день по утрам в огороде, но после дождя комары и оводы так же нещадны, ничем их не выкосить. Сегодня скосил народную тропу к общественному колодцу, затем около дома вдоль улицы, и около ручья у смородинника – дождей столько, что берег уже начал сползать в канаву.

...Утром за чаем милке излагал ночные идеи об истоках религиозности. У любви, как мы знаем, в основе природный инстинкт, причина, потребность, сила притяжения. Банально сопоставлять любовь и веру, как сопоставлял и я. Серьезное исследование должно отрешиться от банальности и взглянуть на предмет исследования по-новому. Во-первых, архаическое сознание выражается в мифе, им питаются, причиной его и мифа, в значительной степени, как полагает Леонтьев, является *Страх божий*, и, как считают материалисты – *страх перед природой*. Это биологическая основа религий диких племен и выходящих из дикости.

Но есть ведь и личная вера, индивидуальная, источником ее, особенно в раннем детстве, не может являться страх перед природой, бессознательно еще не отделенной ребенком от себя самого, он себя во многом ощущает частью природы. К тому же, от всякого страха ребенок укрывается в материнской любви, в семье и в роде.

Является ли "**любовь сострадания**" (казалось бы, отделенная от задач пола) любовью половой? Литературные примеры, особенно их восприятие читателем, показывают несомненно, что да. Козетта у Гюго вызывает совсем другие чувства, чем Гаврош, которому мы тоже сочувствуем, но – иначе.

В семье религиозность возникает в силу **инстинкта подражания** (традиции), таково объяснение религиозности в религиозных семьях. Но в отрочестве же возникает инстинкт отталкивания, страсть к новизне и поискам своего собственного понимания мира, генетически стремящегося порвать с традицией. Отрочество – водораздел, в котором человек ищет собственное независимое миропонимание.

Но уже десять часов утра, строительство бани трубит в Рог Долга и призывает к подвигам...

**1 августа, понедельник, 17-36.** Каждому человеку необходимо дышать, пить воду, утолять голод... и многое еще... Но необходимо еще сочувствие и любовь, притом необходимость любить важнее, чем быть любимым. Необходимо сострадать несчастным и жалеть их. Необходимо заботиться о тех, кого любишь, заботиться о детях, стариках, больных, о тех, кто просит помощи и нуждается в ней. Необходимо заботиться о друзьях и близких (оставим в покое слово «ближние», оно сбивает с толку, ветхозаветные евреи имели в виду, по всему, единоплеменников, христианство, как и везде, и здесь все запутало. Тонущему надо придти ему на помощь, а *ближний* он или дальний, разве это имеет значение?. И разве надо непременно любить того, кого спасаешь? Вот врач спасает болящих, хирург на поле боя иных не успевает и разглядеть, – до любви ли ему? Как много безумной схоластики в этом безумном учении!!!

Необходимо человеку знать правду о мире и истории, хотя бы своей страны, хотя бы близких эпох, в которые живешь сам и жили твои родители и их родители тоже. Правду знать необходимо. Ибо СУД, которому подлежит все живущее (помимо любви и помощи) – это суд твоей совести, он внутри тебя, в твоей душе, и он будет справедлив только в том случае, если ты умен, образован, добродетелен, милосерден, глубок и возвышен. Какая ложь – не судите и не судимы будете! Во имя чего не судить?

Человек должен судить обо всем в мире и все в мире. Например, я встречаюсь с несправедливо осужденным, он страдает в тюрьме, мое сострадание поможет ему выжить...

Но надо много читать! – Пришел передохнуть и выпить чаю, заварил чай и открыл старый номер Знамени за 90-й год с воспоминаниями Керсновской...

Неправильно живет человек, питающийся только жвачкой так называемой духовной литературы! Я читаю об истекающей кровью роженице в тюремном вагоне, идущем из Бесарабии в Сибирь. Ей необходима помощь врача. Но ей необходима и моя жалость. Если я пройду мимо, если я ленив и потому не узнаю и не посочувствую, или черств, или жесток, или ограничен, если я еще не совсем человек... Ее необходимо пожалеть, а для этого о ней надо узнать, читать воспоминания, слушать знающих в разговорах, смотреть на закат, на солнце, на «клеякие листочки», расширить свою душу до размеров мира, которому надо сочувствовать, который надо жалеть»!!!! – и неправда, что он весь в скверне, и только всемогущий Бог лучше всех. Такой высокомерный, презирующий людей Бог (христианства) и сам порочен.

Но я еще об этом напишу, разговор не закончен, хотя ограниченным, необразованным, глупым и черствым ничего не докажешь. Но кто-то и из тех прочитает мои строки, кого-то они заставят задуматься и стать лучше, не упираться рогом в бессмысленное спасение только своей души (которую, впрочем, другие христиане призывают распять во имя Бога... )... и так далее – я пришел передохнуть и выпить чаю, пока он еще не остыл, а то у меня уже болит сердце...

18-15. «Доброе дело, которое не для Бога делается, ничего не стоит!» – говорит Константин Леонтьев. За что эти христиане так презируют и ненавидят человека? Ведь и сами они, и их родители, и дети, и родные, и друзья – люди, часто не плохие, и оказывающие много помощи нуждающимся, скоро его внуки пойдут сестрами милосердия на поля сражений Первой мировой, скоро их дети будут гонимы вчерашними рабами божьими, не ставшими свободными в результате кровавой революции, потому что две тысячи лет христианство отучало людей даже от мысли о свободе, не так скоро, но еще через пятьдесят лет потомок вчерашних крепостных крестьян найдет книгу Леонтьева на свалке, куда ее выкинут социалистические «образованцы», и они встретятся, реакционный писатель, воспевающий духовное рабство, но однако же проповедующий устройство общества на началах красоты и гармонии, чуждых христианству... но надо продолжать строить баню, я, потомок Ермаковского атамана, в поисках свободы завоевавшего Сибирь, и недавнего крестьянина, ставшего офицером на полях Отечественной, и отдавшего свою жизнь не для спасения своей души, и не для возвеличения Бога, но для спасения Родины и своих солдат, должен продолжать строить баню, потому что моя Религия не отрицает человека, не отрицает Родину, любовь, детей, Труд и Творчество, и я ЗНАЮ, что их любовь к Богу без Труда, Творчества, Культуры, "половой" любви и милосердия ничего не стоит и Богу она не нужна.

И даже моя несчастная любовь к заблудившейся *ласточке* ничего бы не стоила, если бы я ее не жалел. Я ее уже забываю, я уже перестаю ее любить,

но я хочу, чтобы ее душа пришла в равновесие, и пусть уж она меня не любит, это не так важно. И пусть не любит Анна. И другие, христиане и большевики. Меня и так слишком много любили, надо отдавать долги – разве не в долг получил я столько любви?

*18-32: иду строить баню.*

*19-26.* Философствование помешало строительству, я задержался в доме за компьютером, а уже напоздли тучи и заморосил дождь. Увидел еще и собственный огрех: вчера так хотел озаглавить День лета подвигами, что положил и приладил – не то бревно, часа полтора по нему тюкал, и пришлось его снять. Жду погоды, надо положить другое бревно, удастся ли сегодня, не уверен, до девяти осталось еще полтора часа, но идет дождь.

*20-42.* Дождь перестал, но я уже разогрел кашу и завариваю чай... да и мокро в мире, и душа моя от дождя промокла и мир от него промок тоже...

Какая уж тут работа с бревнами на десятом венце!?

*21-29.* Прошел по огороду, солнце уже закатилось, небо хотя и чисто, но и небо словно бы мокро – нет, пропал день для работы. Лежу уже в постели в обнимку с компьютером, авось завтра встану рано и начну работать и за прошлое и за настоящее!?

...Поговорим о евреях, с погодой не повезло.

Открыл газету с Дмитрием Быковым, меня он не любит, даже меня не зная, потому что он не любит русских. Люблю ли я сам *еврейских*?

Кажется, что я их не люблю, но сказать об этом и стесняюсь и боюсь: кажется, есть уголовная статья о нелюбви к евреям, и кого уличат в такой нелюбви, особенно высказанной печатно, того могут и посадить (а раньше даже и расстрелять).

За нелюбовь к русским не сажают, но Б. не признается, что он нас не любит: они все интернационалисты, противники *национализма*, *толерантны* и обходительны.

За что же я не люблю их?

Римская империя погибла, и я подозреваю, что виноваты в этом евреи, особенно инспирированная ими христианская церковь.

Российская империя погибла, и я подозреваю, что виноваты в этом евреи, особенно инспирированное ими учение о социализме и коммунизме.

Правда, я сам выступал против того, чтобы вину с самогo имперского народа перекладывать на инородцев (хотя ими и двигала ненависть к империи, как это и должно быть: мы, русские, ненавидели татаро-монгольское иго, то есть империю Золотой орды).

Я не люблю и немцев. И русских не люблю. И украинцев (хохлов). Но не любя психологический народный образ, индивидуально я полагаю, что все люди бывают симпатичными и несимпатичными, хорошими и плохими независимо от их национальной принадлежности, и среди моих друзей *русские немцы* встречались чаще, чем по удельной их плотности в нашей русской среде, и так же евреи, притом к друзьям я всегда относился хорошо и даже любил их, и лучший мой друг был поляк (да и вообще что-то русских мало среди моих друзей!?)

Возможно, я подозреваю евреев в том, что есть какая-то незримая духовная связь между представителями этого племени, разбросанного по разным городам и весям, и она бессознательно действует во вред "русскому". Но разве такая связь не соединяет всех инородцев? И разве русские не притягиваются друг к другу в чужой стране?

Иногда мне эта связь представляется чем-то вроде надличного плана, устремления, которое может действовать как необходимость взорвать бомбу действует у шахидок. Не об этом ли предупреждали Стругацкие в их повести «Жук в муравейнике»? И не таковы ли все их учения, создаваемые словно бы для обольщения гоев, но не для собственного употребления?

## 2. Новые идеи...

Что же поднимает Христа над другими, поэтами и пророками? Чудеса? Но какую силою он их делал, знал ли он сам? Точно ли Отец небесный повелел ему совершать все эти бесчисленные чудеса, многие из которых бессмысленны и именно являются превращением камней в хлебы, как накормление дважды толп народа, которых увлек он в «пикник» на Иордан?!

Но сто́ит над всем Его Распятие во имя *спасения человека*, в сущности которого, впрочем, не отдавал он отчета, как и церковь, как и богословие, как и так называемая христианская философия.

Неотделима от *спасения* идея *первородного греха* и *вины* человека перед миром и Богом, дескать, съев злополучный плод, Ева ненароком принесла в мир смерть и тление, и вечно соделала временем.

А Христос, де, взойдя на Голгофу, время превратил вновь в вечность – что является по крайней мере только обещанием, за скверно утешительную патоку которой мы взамен проклинаем мир и отрекаемся от здешней жизни. Там, дескать, зато, в раю.... Жаль мне вас, себялюбивые, застрявшие на спасении своей души, жаждущие вечного блаженства, трусливые, соструганные, бесчувственные и бездушные!!!

Отец мой тоже взшел на Голгофу, как и миллионы других солдат, прославивших русскую землю, и те, коих он тогда спас, воистину удостоились вечной жизни: и Россия жива, и дети их и правнуки, да и у моего отца трижды: и за него, и за сына, и за Россию.

Жаль мне и Иисуса Назаретянина, от которого отрекся собственный народ – да и он от него посмертно отрекся, доказал же Павел в своем Послании евреям, что приходил Учитель только к язычникам, а у евреев собственный Бог, обещающий покровительство только им.

*5 августа, пятница*, Немного философии.

В чем источник новой математической теоремы о *средней линии трапеции*? Он в теореме о средней линии треугольника.

Математика самодостаточна и новое математическое содержание порождается предыдущим – более того, глубокий мыслитель, Пуанкаре, полагал, что все математическое содержание уже находится в системе аксиом, и последующие теоремы и их доказательства – только разворачивание, преобразование свернутого знания в более зримое, более явное. В его системе

математического умозрения невозможно было ответить на вопрос, не является ли вся математика тавтологией, и так называемое **выведение** новых положений (доказательства теорем, особенно **следствий**) есть только переформирование старых положений, новые вытекают из старых только потому, что они в них содержатся. Это неразрешимая "квадратура круга", как он признавал, особенно наглядно видная в понятии числа, представляемом Пеано (я об этом говорил, не буду повторяться).

Выход из тупика – в ином подходе к понятию доказательства, оно не является *вытеканием*, и доказываемая теорема не является следствием предыдущих, не содержится в них.

Дело таково: есть система положений А, В, С, ... неизвестно почему, математик делает предположение, что и положение Д справедливо и его следует добавить к предыдущей системе. Добавить или нет? Для этого он задается вопросом, не противоречит ли новое предположение тем, которые мы уже считаем истинными (аксиомы безо всяких оснований договорились считать истинными – самоочевидными – и всё, а первая теорема была еще одним допущением, уже не самоочевидным, и мы спросили, не противоречит ли она предыдущим, порассуждали, выяснили, что не противоречит, согласились таковые добавлять в общепризнанный круг, затем по такому же принципу вторая – и дело пошло...). Или так: в клуб собрались несколько учредителей (аксиом), и стали впускать новых членов по принципу: могут ли они войти и сесть на свободное место, не задев прежде вошедших?

Оказалось все хорошо, но аксиома о параллельных могла войти в двух вариантах (параллельна одна или много) и обе не толкались с предыдущими, будучи несовместимы друг с другом, посему пришлось разделить на два клуба: евклидовой геометрии и неевклидовой, последствия сего еще мне не вняты.

Но литература и философия не таковы, их новые положения и романы и не вытекают из предыдущих, и не сверяют с предыдущими свое право на существование.

И подобно как в двух геометриях две противоположные аксиомы разделяют мировоззрение надвое: Человек – мера мира или Бог – мера мира.

Из первой вытекает философия, из второй – богословие.

Далее мы рассуждаем и живем или молимся и неясно, живем или нет, но высказываем еще дополнительные предположения, например, что люди неодинаковы, и не всяким человеком можно мерить мир, и что и духи, внушающие нам те или иные мысли (например, по Оригену, математика внушена бесами) не одинаковы, и "*не всякому духу можно верить, но их надо испытывать*" (это высказал еще Христос) – если испытывать как в философии, то такое богословие стало бы почти философским и мне приемлемым, но тогда испытывать и обсуждать надо не только Оригена и Игнатия Брянчанинова, но и Ветхий и Новый Заветы, и Иегову и Христа (вот евреи Христа и **испытали** и – **опровергли**. Кто же тогда он?! Хотя бы для них?).

Некоторые положения вытекают из предыдущих не в том смысле, что в них они содержатся и вытекают как река из озера, но возникают в уме человека в силу ассоциаций, вызывающих его по подобию с известными.

Стандартная философия (и стандартное богословие) порождаются внутренним самопорождением. Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил...

Так Кант родил Гегеля, Гегель родил Маркса, Маркс родил...

Нестандартная философия и литература содержатся в творческом уме автора: Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, В. И., и в их уме возникают и развиваются под влиянием ассоциаций, не всегда даже осознаваемых: Пуанкаре катается на лыжах и вдруг прозревает, Ньютон сидит под яблоней и на него падает яблоко, Архимед принимает ванну, из нее выплескивается вода, когда он в нее погружается...

С семнадцатого года по 1991 год советская власть то в большей то в меньшей мере расстреливала и сажала миллионы людей, стремясь мир разделить на две части: **эки** (в среду которых попадали почти все талантливые люди) и **охранники** (надзиратели).

Я заметил несколько странностей: выживали чаще врачи (потому что и надзиратели в них нуждались) и люди профессий, полезных надзирателям (столяры, садовники). Был еще третий класс – *вольняшки* (как их называет Солженицын). Сегодня мы все – дети тех, других или третьих.

У нас есть взгляд на мир, и он определяется не столько Гегелем или Марксом, сколько тем, от кого мы родились.

Предыдущая эпоха, необходимость расстреливать, быть расстрелянным, благоденствовать или в муках выживать является в большей мере источником литературы и философии, чем предыдущие романы или философские системы. Так, например, я размышляю и пишу не в развитие Аристотеля или Платона, но потому, что прочитал нечто о прошлом лагере, меня оскорбила мимотекущая жизнь, я влюбился...

Таким образом, моя философия, производимая моей жизнью, мало умозрительна, мало похожа на науку, например, на математику, и если те считать евклидовскими, то моя философия – неевклидовская.

В настоящее время я в оппозиции к марксизму и марксистскому социализму с одной стороны, и к христианству – с другой.

Советская власть преследовала и христиан, но внутри него был порождающий бытие постулат: *власть дана от Бога и ей надо повиноваться*, претерпеваем мы по воле Бога или по его попущению, во всяком случае, всегда за дело, даже если мы и не виноваты, ибо грех Евы (Адама) лежит в нас и определяет нашу растленную сущность, мир весь во грехе и жизнь не обладает ценностью, о которой стоит сожалеть... и многое в том же роде.

Но есть еще Истина (кроме человека и Бога).

Христос отождествил истину с собою (*Азь есмь истина*, сказал Он).

Истина – самостоятельная сущность, казалось бы, она и может претендовать на то, чтобы быть мерой мира, вмещающая в себя божественную трансцендентность с одной стороны, и связь с человеком, его сознанием и культурой – с другой. Однако, Христос вместил Истину в себя, отрицая ее отдельное от себя существование. Станный Достоевский дополнил такое присвоение, заявив: «Если математически докажут, что истина существует отдельно от Христа, то я лучше останусь с Христом, чем с истиной».

Дети надзирателей и вольняшек считают себя правильным народом, а детей бывших эзков и самих эзков считают народом неправильным, в чем-то ущербным. Сажали ведь не всех, а этих почему-то посадили же?

К какому же народу относятся христиане? Они законопослушны, они не с оппозицией, а с властью, более того, они именно трансцендентные противники всякой оппозиции и всякого переустройства мира, кроме умерщвления себя (хотя при этом других они терзали и умерщвляли немало). Мир надо принимать таким как есть, спасать свою душу и ждать конца света – вот кредо христианина. С вольняшками и надзирателями их объединяет и то, что как все результаты культуры, науки и цивилизации созданы эзками, и каждый гений или сидел, или был расстрелян, или преследовался (хотя бы и не бунтовал), то и у христиан что-то интересное проистекало только из ересей и созидалось еретиками, и часто потом присваивалось богословием и входило в состав церкви, главенствующей или отделившейся, они же, в массе своей, несмотря на свою безумную веру, были вполне благонамеренны и верноподданны, за что бы их преследовать? Тем более что и сами они на протяжении столетий показывали пример преследования не верноподданных ...

... Но с истиной связана и свобода (а справедливость?)

«Познайте истину и она сделает вас свободными» – то есть, познайте Христа – точнее, конечно, уверуйте в него, возьмите крест и прочее...

**13 августа, суббота, 22-26,** По дороге из Москвы читал в журнале Октябрь за 1990 год воспоминания об архиепископе Луке, профессоре, хирурге Войно-Ясенецком.

В противостоянии советской власти и христианской церкви мое сочувствие на стороне верующих и тех честных священников, которые не хотели покоряться коммунистам и ГПУ, как и при более ранних гонениях на церковь Французской революции сочувствие на стороне церкви. Но не следует забывать, что две тысячи лет гонима была культура, а гонительницей была церковь.

Во многих случаях в столкновениях двух сил страдают честные и возвышенные, а низкие на обеих сторонах преуспевают – так и в Войне Германского рейха и СССР надо помнить, что это еще была война Гитлера и Сталина, и Сталин в гораздо большей степени был врагом русского народа, чем Гитлер – немецкого, и победа в войне так дорого стоила русскому народу, что трудно определить, была ли наша победа победой или поражением. Во всяком случае, сегодня уровень русского народа – и нравственный и интеллектуальный – настолько низок, что это говорит о поражении.

**14 августа, воскресенье, 22-06,** В Москве после торжественной встречи сестер на Дне рождения одной из них атмосфера была комплиментарной, и все же вино помогло большей откровенности, и мы наконец заспорили об оправданности целей, которые мы ставим перед собою. **Успех и благополучие – вот и цель деятельности и оправдание ее** – так высказали свою точку зрения мои оппоненты, оправдывая ее тем, что благополучие необходимо прежде всего семье, которая является основной ценностью, к которой приходит человек в конце жизни. Риск, лишения, неудачи, погоня за

иллюзиями и мечтами, трата сил на безуспешную деятельность, литературную ли, научную, общественную, ослабляют семью, а поэтому человек не должен упорствовать в достижении тех целей, которые ему не удастся достигать сразу... Я вспомнил одну знакомую, которая семь раз поступала на филологический факультет, но привел в пример писателей и ученых, не получивших признание при жизни, но возведенных на Олимп посмертно, иногда через долгое время, как Даниил Андреев, Василий Розанов, и даже целое поколение генетиков.

Впрочем, я думаю, что споры такого рода бессмысленны, история имеет движение и развитие только за счет людей, способных иногда даже к самопожертвованию, но не ограничивающихся добыванием хлеба насущного для себя и своих близких, во всяком случае, даже и христианство, отрицающее всякий положительный смысл у жизни (ибо *жить надо аки умереть*) и отрицающее у мироздания необходимую красоту, справедливость и добро, будучи непоследовательным, тут же, устами Христа, провозглашает необходимость следовать идеальным целям, считая их более важными, нежели успех и благополучие, и Христос говорит: "Пусть мертвые хоронят своих мертвецов", "и враги человеку домашние его" и, наконец, "кто мой отец и мать и братья и сестры? Это ученики мои!"

Ирония возрождения в России христианства состоит в том, что нынешние православные – люди самого мелкого, самого негероического, утилитарного, самого обывательского пошиба, никто из них не пойдет ни в скит, ни на столп, ни в пустыню, не раздаст имущество, не возьмет крест и не последует за Христом (хотя, впрочем, ничего кроме смерти не предлагает христианство в этом последовании).

Сегодня царствует идеология и психология утилитарно-прагматическая (идеология буржуазного общества), идеология жизни для себя (в лучшем случае для семьи), исключая самопожертвование, героический поступок, уход из общины. Революционеры, противники общественного строя и власти (которыми мы гордились во времена моей юности), добровольцы на войну или на всенародные стройки, или на целину, или в партизаны, Че Гевара и Рахметов, Софья Перовская и Матросов, даже правозащитники семидесятых годов кажутся нелепостью (тем паче боярыня Морозова, Жанна Д\*Арк и протопоп Аввакум). Идеал нашего общества – преуспевающий чиновник, преуспевающий бизнесмен, успешный работник сферы обслуживания богатых, которым хорошо платят за их работу, включая даже работу путаны.

И я с горечью увидел, что мировоззрение, систему взглядов, точку зрения не только *невозможно доказать, но нельзя и проверить!*

**16 августа, вторник, 22-57.** В каждой системе верований большой спектр личностей, от возвышенных до низких, даже в банде не все разбойники безусловно погибшие, не все жестоки.

В последние сто лет определяющими общественного умозрения были четыре силы: коммунисты, христиане, нацисты, буржуа.

Коммунизм (или *интернационал-социализм* советского образца) – зло, но большая часть коммунистов искренне верила в коммунистические идеалы и

по мере сил пыталась приблизить то общество, то царство справедливости без Бога, которое предлагало их учение.

Трудно сказать, худшее ли зло – *национал-социализм* немецкого образца, и можно ли определить, что лучше: необходимость физического уничтожения отдельных классов или сословий в обществе, как в России (дворян, аристократов, купечества, духовенства и т.д.) и уничтожения всех инакомыслящих – или необходимость физического уничтожения отдельных национальностей, как в Германии (евреев, цыган, славян и т.д.), но и *национал-социалисты* не все разбойники (например, Кнут Гамсун). Не все коммунисты – чекисты, не все нацисты – гестаповцы, не все и христиане – сторонники инквизиции. На их фоне буржуа кажутся самыми благонамеренными, но буржуазное общество возводит в идеал отсутствие романтических или мистических идеалов и по существу способствует *снижению* человеческой личности. На вопрос, какое из сих мировоззрений хуже, следовало бы отметить, что хуже все.

*17 августа, среда, 22-57.* Причины и цели... – чудеса, которые совершал Иисус Христос – зачем они? Может ли вера существовать **без** чуда? И какою силою совершается чудо, высокой или низкой?

Воздух необходим для дыхания. Необходимо ли чудо?

*18 августа, четверг, 9-16. По дороге в Питер. И гений, парадоксов друг...*

Парадоксальны происшествия (явления) и связи между ними – но парадоксальны и сами основания бытия. Даже тождество не должно быть тождественным, иначе нет времени. Если "a = a" всегда, то ни один предмет не может начать движение, ибо невозможно существование момента времени, в который скорость отлична от нуля, если в *начале* движения она равна нулю.

Для того, чтобы строение было прочно, то есть чтобы его части не разбегались друг от друга, оно должно быть НЕпрочно, необходима свобода частей относительно друг друга, и верхние этажи высотного здания совершают значительные отклонения от своей оси, так и в автомобиле, собираемом на конвейере, гайки доворачиваются не до предельного положения, и между половицами пола должны быть щели.

*Основной вид связи в мироздании: связь между причиной и следствием, ничто не происходит просто так.*

Но если бы эти связи были единственными, то мир был бы весь исчислим, он был бы мертв, как планеты вращаются вокруг солнца, так совершались бы и происшествия, и не существовало бы *свободы*. Именно поэтому существуют вероятностные связи, многое происходит случайно, так что даже исследуя источники явления, мы не можем указать на исчерпывающую причину.

Чтобы доказать, что **случайность** не есть не познанная (не открытая, не исследованная) **необходимость** (как и свобода не есть **познанная необходимость**, как утверждают сторонники детерминистского материализма, необходимо рассмотреть сами основания нашего мышления, прежде всего философии и богословия (или религиозного мышления). Я часто утверждаю, что философия математична, и вот теперь мы уточним это мое утверждение.

Математичным оказывается и богословие. Мы рассуждаем, основываясь на некоторых исходных предположениях, и иные из них обосновываем, другие же считаем хотя и верными, но полагаем, что обосновать их нельзя. Но это и значит, что в основании рассуждения лежат аксиомы, и другие утверждения мы из них выводим, то есть доказываем (как и в геометрии и алгебре). Таким образом, математичность философии, науки и богословия состоит в общем доказательном **методе**, посему не прав Ориген, полагая, что математика внушена бесами (что, быть может, справедливо для художественного творчества). И всякая наука определяется аксиомами, лежащими в ее основании. Правда, натуралист описывает предмет своего изучения, наблюдая за поведением фигур (рыб или птиц и цветов в природе), а числа и фигуры у математиков всеобщи, посему нет описательной математики, нет у нее и наблюдений, она вся умозрительна.

**Бог и чудо** – это аксиомы религиозного мирозерцания, существование Бога доказать нельзя, но нельзя, как оказывается, и проверить. Существуют, однако, в математике аксиомы, предлагающие себя в двух вариантах, такова *аксиома о параллельных прямых*, почему существуют и две геометрии, Евклидова и неЕвклидова, но так же существуют и два мира: мир без Бога (для атеистов) и мир с Богом.

Чудо – третий способ отношений между явлениями, и оно в еще большей степени необходимо для того, чтобы существовала свобода, то есть чтобы явления не происходили только неотвратно. В этом же ряду человек и его воля, как впрочем, и жизнь и воля всего живого (почему Дарвин глубоко неправ, сводя явления жизни к явлениям детерминированного мира, впрочем, или прав в той же степени, что и всякий человек, живущий в строго детерминированном мире, считающий и свою волю следствием объективных причин, то есть ее отрицающий).

**Воля и свобода** неразделимы, если нет воли, то нет и свободы. Но существование чуда утверждает существование свободы еще неопровержимее (здесь надо бы отклониться в сторону, обосновать мои замечания более последовательно... в следующий раз).

Допуская чудо, мы приходим к представлению мира, не укладывающегося в рациональную схему, то есть к представлению *иррационального* (или трансцендентного) мира. И далее в этом ряду творение и изменение мира (то есть Творчество), Творец (Бог), литература, поэзия и искусство (вот в них человек и дерзает быть подобным Богу, почему и *за кулисами дьявольский смех*, и почему церковь противостоит науке и творчеству настолько, что преследует ученых, писателей, лицедеев и философов, восхваляя *нищих духом*).

**Паранормальные явления.** Французский политик говорит, что терроризм – *паранормален*, это не политическое движение, не партия, не направление, с ними не о чем и невозможно договариваться

Но разве две тысячи лет христианства и полторы тысячи лет ислама – не всегда были паранормальны?

Учение Христа состоит в том, что мир пал и лежит во зле, его невозможно исправить, и из него надо уйти.

Но и человек продолжает жить, и мир продолжает существовать, и христиане только делают вид, что *живут с Христом*, оставаясь во власти «Князя мира сего». Отрицая мир, христиане должны бы отрицать и все мирское, посему не может быть христианской философии и христианской науки. Однако христиане живут иногда даже энергичнее христиан, сведя формулу «Возьми крест и следуй за Мною» к тому, чтобы пробормотать молитву, поставить свечку перед иконой, проглотить облатку и запить ее из ложечки разбавленным теплым вином. Или есть и другие, большие, такие, которые верят, что «*уже не я живу, но живет во мне Христос*» – другие еще хуже, ибо они больше лицемерят: в чем же выражается то, что они отвергли мир и уже **не** живут в нем? В том, что они надеются, что мир пронизаем эманациями божества? Но романтики и поэты не только надеются на сие, они слышат *музыку сфер* и не сомневаются в божественности мироздания. Они отвергают необходимость умереть в мире, продолжая в нем жить. Они отвергают необходимость возненавидеть мир, продолжая в нем жить. Вот эту ненависть к миру я и называю человеконенавистнической идеей религиозного фанатизма. И террор, который сеют исламские фундаменталисты, и костры, которые разжигали борцы за веру – это и есть подлинный ислам и подлинное христианство. Ненависть к миру совпадает с ненавистью к человеку.

Но есть те, возраят мне, кои все же почти ушли из мира и не живут для мира, то есть монахи, или «*люди лунного света*». Но что они поясняют? Это всё люди с психофизиологическими отклонениями от той нормы, которой живет большинство: трудящихся, творящих, рождающих детей – так пришел ли Христос – только к тем, которые уже и по рождению чуждаются мира?

А те, кто живет в мире и не *возненавидел его* (вопреки призыву Христа), но жив все же не любовью к миру и человеку, но **любовью к Богу** и той *любовью к ближнему*, через которую проявляется его любовь к образу Божьему в ближнем (как пишет преподобный Игнатий? Разве это не более высокая "*норма*", нежели *любовь к миру и человеку*? Однако, все те достойные, коих мы знаем, достойны именно по человечески, через творчество и любовь к человеку и миру (или вы мне приведете примеры, показывающие других?). *Религиозность*, то есть ощущение инобытийного в бытийном, ощущение *тайны мироздания* и его сверх-обыденности не выражается в особенной *любви* к неведомому Богу, которого «никто никогда не видел» (как говорится и в евангелии). Тонкий, возвышенный, милосердный и заботливый человек чувствует свою связь с миром и восхищение миром и чувствует *Бога сопричастного миру*, а не противостоящего миру!

Но я словно был в гостях, все уже разошлись, хозяева хотят спать, а я мучаю их, стоя на пороге. Жаль уходить. И все же с *нею* надо уже совсем расстаться. И с философами. И с философией.

Спасибо, *мой ангел*, говорю я ей, что вы задели меня плечом в тесном переходе, остановились, улыбнулись, и даже рассказали о своих горестях – в это мгновение некому было вас выслушать, а я выслушал и посочувствовал. И вы на меня взглянули благодарно. Разве этого недостаточно? Потом вы ушли. И надо и мне уходить тоже, но я все медлю, я не могу перестать о вас думать, перестать чувствовать биение вашего сердца...

### 3. Еще замечания...

1. В пространстве мифа меняется не мир, а сознание, способ видеть, ОБРАЗ мира. Так дальтоник видит другие цвета, нежели все, но видит так только он.

При этом спор бесполезен, это то же самое, что пытаться убедить психически больного человека, который слышит *голоса*, что он слышит их в своем воображении. Большевики установили в результате Революции диктатуру пролетариата, - диктатуру они установили и в самом деле, но при чем тут был пролетариат, узнали мы все лишь когда наваждение рассеялось и большевистская диктатура рухнула. Так меняется мир (внутри человека), когда он влюбляется (но мир меняется только для него), так изменился мир в воображении христиан – но миф обладает магическим свойством вовлекать в свою сферу, как прилив, океанские толщи народа. И ВСЕ (кроме немногих) видят мир одинаково (но превратно). И в советское время почти все были «*все как один*», и только я был здравомыслящим и видел подлинный мир, в чем и все убедились, когда наваждение *рассеялось*.

2. Жизнь – юдоль слез и печали, мир надо отвергнуть, взять крест и понести его, препоясаться Христом, чтобы теперь не самим жить, а Он бы жил в нас, и смерти радоваться как избавлению – тогда для чего же пришел Христос? Можно ли надеяться на Его помощь в горестях, если горестям НАДО радоваться, жить в холодной и сырой пещере и в ней радоваться (как описано у Леонтьева на Афоне)? Христос не обещал помогать нам и сделать нашу жизнь более благополучной, научить огню и ремеслам и хотя бы знахарству, но даже народных целителей Инквизиция всех сплошь пожгла!!!

Христос пришел приготовить нас к Концу света – правда, Конец света отодвинулся, и срока не знает даже Он, а только Отец его небесный.

3. Христианство странно и в своем сюжете, его Священное Писание состоит из двух частей, из Ветхого Завета – словно бы Предыстории и предсказания будущего, и Нового Завета – Исполнения предсказаний (как прокомментировал Ветхий Завет апостол Павел).

Однако, Ветхий Завет (то есть, собственно Библия) является законченным мифом, построившим и Иудаизм с Законом, и Церковь, и ожидание Спасения (еврейскому народу) – но христиане начались как ответвление, побег в сторону, Виноградная Лоза, привитая от иудейского древа к язычеству и язычникам. Был Бог – Иегова. В христианстве он стал Богом Отцом, а Иисус из Назарета – едиnorodным Сыном Божиим, единосущным Отцу и даже равным во всем (впрочем, у православных – кроме истечения духа святого, что принадлежность только отца). Но чтобы единобожие не разрушилось, Дух святой (источающийся от Отца) тоже единосущен и равен Отцу, и они все Трое неслиянные, хотя и нераздельны. И хотя *порождаются* Отцом, но все существуют *раньше времен*, таким образом, миссия Христа словно бы задумана еще до сотворения мира и человека, а посему и грехопадение и смерть и тлен и отвержение мира и конец света и страшный суд (то есть полная неудача Творения).

Но могло быть иначе, если бы не возложил Христос царский венец на

чело (то есть, конечно, даже больше – венец Бога), не объявил себя Богом и церковь свою укоренил бы на Земле восходящей к небу, а не на небе нисходящей к земле, и если бы не отменил Истину, отождествив ее с Собою, а затем и с церковью (и с Инквизицией и с Великим Инквизитором и с папой Римским и с каждым священником, выступающим от имени Бога)...

Но если священники считают себя предстателями Бога на земле, то и многие сумасшедшие христиане полагают, что вправе судить или казнить или миловать за одно только, что некто имеет свою истину, а не разделяет истину христиан.

Но не могу ли я перейти на время, для исследования, в *пробные иудеи*, а тогда государственный закон будет меня защищать от христианских проклятий, ибо запрещено преследовать иноверцев, как и инородцев.

Евреи отвергли Христа обвинив его в обмане и святотатстве но и мусульмане не считают его Богом, а только пророком – но и иудеи и исламисты под защитой закона имеют право и на то и на другое, посему имею и я – разве у меня меньше прав, чем даже у евреев?! Нет, бывшие братья мои православные, если вы даже за разбойником готовы пойти в ад (как извещал о сем преподобный Игнатий), то почему же не отнестись и ко мне по любви, а не по ненависти, ибо разве я хуже разбойников?!

#### 4. НеЕвклидова геометрия

В Евклидовой геометрии параллельные прямые *не* пересекаются (или, как говорят некоторые математики, *пересекаются* в бесконечно удаленной точке, то есть в бесконечности). Христианство среди мировоззрений занимает положение неЕвклидовой геометрии – но таковы все мифы, то есть, во-первых, религии, во-вторых, идеологические доктрины, а в-третьих, даже и некоторые философские системы, приобретающие своей тотальной всеохватностью черты типичного мифа, как, например, марксизм или так называемый марксизм-ленинизм. Если Христос кормил толпы народа тремя рыбами, а ученики его начинали говорить на иных языках, их не изучая, то и у коммунистического Маяковского безграмотный рабочий только "слышал, как говорил Ленин, и он знал всё!"

Существует ли Бог, существует ли чудо? Ну, если параллельные пересекаются, то *и Бог и чудо существуют!* – *в точках пересечения параллельных прямых.*

Тогда, продолжая метафору, можно сказать, что и у атеистов существуют и божество и чудеса, но не непосредственно «здесь и сейчас», как у христиан, у которых и свечи зажигаются на Рождество и Пасху с небес, и иконы мироточат, и прочее разное на каждом шагу вопреки всякой физике и метафизике (но, все же, я надеюсь, хотя бы не в обыденных повседневных точках бытия, но в *неевклидовых*), а в подобных же *неевклидовых*, но существующих в бесконечности (вероятно, в инобытии).

[Уместно сделать замечание о математике: я на нее ссылаюсь, говоря о вещах, не имеющих к математике прямого отношения, и настаиваю на том, что она имеет существенное значение для философии. Как это понять?

Разумеется, речь не идет о том, что с помощью математических уравнений мы находим существование Бога или узнаём, есть ли истина – нет, математика дисциплинирует и совершенствует ум, дает ему инструменты для познания и самоконтроля, дает методы рассуждений, выводов и доказательств – и вот сам способ математического познания и языка существен в философии и богословских рассуждениях, математические образы помогают мыслить и находить ответы на нематематические вопросы. Математика не исследует, что такое красота, однако количественные отношения стремятся к согласованности и гармонии, что немаловажно и для красоты, музыка сфер, завораживающая умы и сердца в движении звезд и планет, доступная уму, открывает и сердцу способность чувствовать не только соразмерное, упорядоченное, согласованное, но и те неправильности строгого хода светил, которые присущи и красоте, более широкой, чем гармония. Если математика внушена бесами и ангелы и Сам Бог в ней не нуждаются, то это не говорит в пользу ангелов, их рассуждения теряют в глубине и точности.]

[Евангельские рассказы изобилуют описаниями чудес, ими изобилует и христианская история. Я не отрицаю их возможность, если я допускаю, вслед за Гёделем, что система аксиом, призванная дать законченное и полное основание математике, оказывается вдруг незаконченной и неполной – после двух с половиной тысяч лет усилий совершенных умов, – но более того, что никакая новая аксиома, и даже бесконечное количество их, добавляемых последовательно, одна за другой, не оказывается полной системой аксиом математики – то мне ли сомневаться в том, что Христос мог тремя рыбами накормить три тыщи народу, пошедших за ним? Но я математик не совсем обычный, так я и не совсем обычный философ, тем более необычный богослов. Проверая контрольные своих студентов, я исправлял и грамматические, и стилистические ошибки, хотя, казалось бы, они не имеют отношения к математике. Читая апостола Павла, я восхищаюсь изяществом и совершенством его оборотов речи, убедительностью его рассуждений (хотя неевклидовых). Если бы он писал коряво, я бы им не восхищался. Я бы даже не спорил с христианством, как не спорю я с пьяными, несущими чушь сквернословья. Но язык апостола Павла великолепен, поэтому он достоин того, чтобы его пассажи продумывались, и его утверждения и доводы принимались во внимание. И хотя он яростно нападает на красоту, как и Новый Завет и все христианское учение в целом, но я ему внимаю, я ему сочувствую, я его пытаюсь понять. И среди людей, меня окружающих, не все слушают инструментальную музыку, не все слушают романсы, читают стихи, читают романы, читают Канта и Гегеля, Фихте и Фейербаха. Даже среди христиан не все читают сумасшедшего Игнатия, я даже подозреваю, что почти никто его не читает, кроме меня и той сумасшедшей пламенной комсомолки, которая вдруг стала христианкой и стала его *читать со слезой!* И Лев Толстой вдруг стал нападать на культуру и отрицать красоту, утверждая, что ее не существует так же непреложно и неотменимо, как то, что  $a = a$ , но что она есть не что иное, как «кому что нравится». Но разве бы я стал в тысячный раз повторять эту Толстовскую галиматью, если бы я его не любил, если бы я сомневался в

том, что он для утверждения красоты сделал больше, чем все пламенные комсомолки мира сделали для утверждения "христианской *духовности*" – хотя, я уверен, никто из них не сможет объяснить, что такое духовность...

...да, чуть не забыл, к чему я вдруг вспомнил про *рыб*. Итак, несомненно, что рыбами Христос накормил народ, пошедший за ним. Но, во-первых, что это за народ? Не бродяги ли? Точно ли это приличные иерусалимские граждане, отцы семейств и заботливые сыновья, вдруг забывшие о своих делах, о семье и долге, и пошедшие за бродячим проповедником (которых в то время было в Иудее множество)? Странная толпа, столь большая, что и на Голгофу, сомнительно, что столько пришло. Однако же, евреи Христа *предали* (судя по тем нескольким десяткам праздных бродяг, которые пришли на Голгофу), но не *приняли* (судя по тем трем тысячам – нет, что тремя рыбами их можно было накормить, я не сомневаюсь, а что их было три тысячи – протестует мое математическое сердце! – которые пошли его слушать). Но мое эстетическое и нравственное чувство бунтует при этом рассказе! Не говоря о том, что чудесное кормление тремя рыбами праздной толпы не что иное, как обращение *ка́мней* в *хлебы* – но собирание объедков в корзины недопустимо было бы для моих предков славян или еллинов, а только допустимо для предков христиан, у которых и математика внушена бесами, и все красивое не более чем "*похоть плоти, похоть очей*" (то есть нечто мерзительное).]

[И, наконец, вновь напоминаю о той противоположности христианства всему, что наполняло тогдашний античный мир, то есть противоположность христианства *этике* (нравственности), *эстетике* (красоте), *логике* (обусловленности мира самим собою и идеями, лежащими в основании бытия).]

### 5. Евклидова геометрия

В последнее время снились мне друзья и родные, многих из которых уже нет с нами, и я вдруг подумал, что редко их вспоминаю и мало сделал для их памяти. А они создали в литературе немало.

Вот и надо издать томик произведений Саши Михайлова (все то, что печатал я в журналах МЪра и Русские страницы). И издать Леню Измайловского и Толю Степанова; статьи Ковтуна из МЪры... может быть, уместно было бы (если не будет возражений), издать в одном томе и ряд статей авторов «Философской культуры»...

Мне хочется удержать утекающее время, и эти книги не только для памяти близких, но и для меня самого. Нас по-прежнему соединяет любовь, дружба, сострадание, жалость, забота. Та *любовь к ближним*, о которой повествуется в Евангелиях, нас **не** соединяет, там речь идет о случайных прохожих, которым помогает добродетельный человек, в то время как мы заботимся о близких и жалеем несчастных, знакомых и незнакомых. Своих мы любим, чужих жалеем. Монах любит **ближних**, которые все для него чужие, отвергнув **близких**, как Христос отверг и мать свою и братьев и сестер. Да что это за проповедь любви при ненависти к миру? Это уже даже не пересекающиеся параллельные, а несуществование их!.

### 6. Вера и любовь

Сравниваю веру и любовь по их проявлениям. Известно, что и любовь и вера – сильные чувства, поглощающие человека почти целиком, так что он не может почти ни о чем больше думать и говорить; но есть еще одно важное обстоятельство, бросающее на всякое почти чувство неприятную тень.

Известные психические отклонения: бред сутяжничества, бред ревности, мания преследования, голоса (как правило, связывающие человека с "высшими" силами) – часто напоминают обычные чувства и состояния человека в экзальтации, и не всегда от них отличимы... И не должно удивлять, что немало восторженно верующих – психически больные люди; немало и влюбленных просто-напросто *зыхали з глузду*. Женщины сдвигаются на почве любви к Христу, воображают себя Его невестами, уходят в монастырь, чтобы посвятить Ему всю свою жизнь. Но ведь и одержимый наукой ученый, забывающий ради исследований и научных занятий семью и друзей, писатель, проводящий за письменным столом дни и ночи, взбадривая себя бесконечными чашками кофе (как Бальзак) или алкоголем (как Эдгар По) или трубкой (как Конан Дойл) на обывателя производят впечатление психически больных людей или одержимых нечистой силой. Вероятно, для них образец нормы и здоровья – Иванушка-дурачок, проводящий время в мечтаниях, или Емеля, спящий на печи, но не творческий человек. Еще безумнее кажутся обывателям подпольщики и заговорщики, профессиональные революционеры, кои как протуберанцы из солнца воздвиглись из толщи образованных российских сословий с конца девятнадцатого столетия и в конце концов перевернули корабль российской государственности, а традиционную Русь обычаев, песен, былин, труда и веры спалили почти до основания.

Безумен ли человек, посвятивший себя Богу и ушедший в монастырь или скит или пренебрегающий хозяйственными и семейными заботами, друзьями и увеселениями в пользу паломничеств по монастырям, ночных бдений перед иконами, воскресных стояний за службой в храме? Да я и сам в детстве казался иным жителям моей деревушки *сдвинувшимся*, проводя длинные зимние вечера с книжкой в руках у копилки или возле печи с лучиной.

Лучше всего остановиться на убеждении, что граница между безумием и нормой размыта, часто условна, отражая лишь взгляд мыслящего человека, историка, психолога, писателя. Нашествие на Европу гуннов, Крестовые походы в Малую Азию или даже в собственные провинции, усмирение крестьянских восстаний, Гражданские и религиозные расколы и войны, нашествие монголов, нашествие на Россию гитлеровской Германии во имя мирового господства, да и большинство войн, сопровождающих историю человечества, – разве не признак его безумия? И однако человек устроился на земле именно так, создал великую культуру, построил храмы, поклоняется богам, не всегда понимая, чему поклоняется, влюбляется, как Анна Каренина или Наташа Ростова или Татьяна Ларина, возглавляет освободительный поход французских войск и погибает на костре, как Жанна Д\*Арк, нежно целует или отталкивает, пишет прекрасные книги, идет на Северный или Южный полюс и погибает... Не все, что кажется безумным, является безумием, не все, что

восхваляется обществом, образец нормы. Я не согласен, что именно Христос есть истина (как и иудеи и мусульмане и большинство русских людей, коммунистов, атеистов, крестьян и ученых), но я не согласен, что истина в марксизме, гегельянстве, мировой революции, мировом свинстве буржуазного благополучия, пошлой середины успеха, карьерного роста, дачи, машины, египетского песка, обмана, изворотливости, коленопреклонения и серой жизни... Я бы мог сказать, что истина сосредоточена в людях, подобных мне, если бы не оказывалось, что НЕ подобные мне слишком похожи друг на друга, чтобы быть для чего-либо образцом, а подобные мне настолько разнообразны, что их не охватывает даже художественная литература, не только философия. Подобны или не подобны мне Константин Леонтьев, Розанов, Бердяев, Достоевский? Но еще менее подобны русские марксисты, воздвигшие вместо Бога своих подлинных идолов и залившие кровью русскую землю. Мало подобны современные успешные образованные люди, не читающие книг, им скучно со мной разговаривать, и как ни странно, сельская женщина, с которой иногда мы втроем распиваем, а она рассказывает про злключения своей дочки, которую она иногда называет сучкой, не прочитавшая ничего ни у меня ни у Достоевского, мне более подобна, чем большинство членов Союза писателей, в котором я состою.

Я бы сказал, что истина – это я, если бы я чаще чувствовал себя счастливым: слишком мучают меня болезнь, безденежье, несчастная любовь, непризнание даже среди последних русских читателей, неуспех всех моих предприятий (правда, я пристроил сарай к дому и достраиваю в одиночку баню! – но все это не те образцы, которыми можно похвастаться).

В большей степени истина – это Анна – своею красотой, идеальностью, милостью, домашностью, почитанием семьи, культурой – но все же не могу я истину отвлечь от писателя, философа, ученого или пророка, возможно, я сужу предвзято, но человек, вмещающий истину, в какой-то мере должен быть Учителем народа. Анна (или моя мать, или мой отец, или Пьер Безухов, или Татьяна Ларина, или князь Мышкин) – образцы прекрасного человека. Правда, они и не намеревались стать Спасителем. Пророком, Учителем, они хотели стать человеком, и им они стали.

Впрочем, лучше сказать по другому. Не замыкаясь на мифе, на сакральном взгляде на мир, в продолжение эллинской традиции я представляю мир описывающимся *троицей* Логики, Этики и Эстетики. Человек не вмещает их в себя, он только может быть выше и ниже других интеллектуально (по уму), нравственно (по долгу, состраданию и любви), может быть красив или некрасив, да и еще может многое в себя вмещать (талант, трудолюбие и пр.) Я – философ, достаточно образованный и широкий человек, способный к пониманию мира и представлению его не так узко и односторонне, как человек мифа или идеологии. В этом смысле я и подобные мне – в большей степени Истина, нежели просто замечательный человек, которым мы восхищаемся как идеалом женщины или мужчины...

Если Христос – не Бог, то в сравнении с другими преимущества его на тождество с истиной не неоспоримы. Если он Бог, то, допуская по

католически, что *Бог есть всё во всё* (если это только не набор красивых слов), мы осмелимся сказать, что Он и Истина тоже. Однако, в этом случае справедливее считать подобное утверждение скорее метафорой, чем аксиомой, надо сначала попытаться понять его логическое содержание. Коровы в Индии священны, однако ни одно индийское божество не скажет, что оно корова. Мир создан Богом, но неверно было бы, чтобы Бог сказал: *Мир – это Я!* К тому же христианство враждебно миру, призывает его отвергнуть, отряхнуть прах мира с обуви своей, учит, что князь мира сего – дьявол, так скажет ли Христос о таком мире, что мир – это Я? А истина не равна миру, это лишь способ его понимания, и потому ни Бог ни дьявол не будут утверждать, что истина – это тот или другой. Может быть, Христос хотел сказать, что истина вмещена именно и только в него (хотя она вмещена и в математику, безусловно, посему не может она быть вмещена в того, кто отрицает математику, то есть учение о пространстве и количественных отношениях в мире, о причинах и следствиях, об исходном и результате, аргументе и функции... и многом другом...) Нет, Христос имел в виду, что верующий в него уже знает истину, и не нужно ему никакой другой, не надо изучать ни математику, ни философию, ибо даже нищие духом блаженны, ибо они со Христом (?) Но хватит... Без разъяснений слова Христа об истине приводят только к злоупотреблениям, как мы знаем по Торквемаде.

Итак, истина существует отдельно от человека и от Бога, как и мир, созданный Творцом, не тождествен Богу, как роман «Братья Карамазовы», который написал Достоевский, не тождествен Достоевскому (хотя метафорически он сам как-то сказал: читайте мои книги, если хотите меня понять, я весь в своих книгах).

Люди мифологического сознания (в частности, христиане), особенно обуянные энтузиазмом веры, находящиеся в особенном состоянии восприятия мира и жизни сквозь призму евангельских истин и призывов Христа и его учеников, отделены странной пропастью от людей сознания мирского, вселенского; критерии добра и зла, любви и милосердия, нормы и патологии у них разные.

В этом отношении самый сложный для разрешения вопрос: что из себя представляют *юродивые*? Большинство из них, кажется мне, несчастные больные люди. Но все ли среди них объяснимы только болезнью?

Ведь и влюбленные иногда напоминают помешанных, и любовь кажется болезнью, не случайно и я писал в стихах: *любить или болеть – одно и то же*.

Во всяком случае, и жизнь многообразна, и человек не производится на конвейере, различаясь по полу, росту, темпераменту и характеру; а сколько еще особенностей делает их непохожими друг на друга! Я иногда говорю про себя, что *я всеобщ*, имея в виду, что **не** чрезмерно выделяюсь из толпы, или в том отношении, повторяя апостола Павла, что с многими я роднось: с благонамеренными благонамерен, с противниками гнилого порядка вещей почти революционер, с умниками умник, с простодушными простодушен.

Но все же...

### 7. Христианство как надежда

Кто-нибудь скажет: Зачем ты лишаешь слабых людей надежды на воскресение после смерти? Быть может, это для них последнее утешение?

Но разве кто-то обещал им надежду?

Христос сказал, что малый остаток избранных праведников воскреснет – но значит ли это, что они вернутся в какое-то *существование*, похожее на жизнь? Увидят близких? Узнают их? Вспомнят? Единственное, что сказал Христос, что **там** не женятся и не выходят замуж – но является ли воскресение продолжением жизни? Новой жизнью? Является ли оно возвращением из смерти, преодолением ее? И если там ни женятся ни выходят замуж, то не будет ни семьи, ни новых людей?

Впрочем, бессмысленно задавать вопросы, верующие скажут, что там мы узнаем всё, надо только подождать еще немного, две тысячи лет ждали...

Значит, я пишу для мужественных, таких, как мой отец, избравший смерть для себя, чтобы спасти своих солдат. Другим мои книги читать не рекомендую, как детям не рекомендуют читать книги или смотреть фильмы для взрослых.

### 8. Горестный итог

Я родился в глухой деревушке, ни храма, ни театра, ни книг (почти), ни радио, учитель наш окончил семь классов, с тем и учил нас до четвертого. И однако мы знали, не читая Библии, что хорошо и что плохо, и к тому детскому знанию за последующие десятилетия ничего существенного не добавилось. Библию я прочитал в двадцать лет, удивляясь тому, насколько унылы, односторонни, часто нелепы, не существенны, а во многом и противоречат русским народным представлениям о том, что хорошо и что плохо эти странные наставления Бога пустыни.

Почти ничего о добре и зле, и даже то, что «*дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей*», это сказал Достоевский (в "Братьях Карамазовых", в Новом Завете ничего подобного нет; ничего о добродетели, совести, нравственной идее (которую, после Аристотеля и Платона, заново сформулировал Кант).

Ничего положительного о *любви к женщине* (кроме того, что лучше к ней не прикасаться), к семье, роду и народу; ничего хорошего о *любви к человеку*, вместо которого надо любить образ божий в ближнем. Очень много о любви к Богу. Но нужна ли Богу эта иступленная любовь?

Ничего о культуре (которую после Христа стали преследовать), о творчестве, ничего положительного о труде (если не считать совет *не заботиться о завтрашнем дне* за совет не утруждаться работой), ничего о природе и цивилизации.

Наставления о смысле жизни сводятся к советам утратить душу свою для Христа, отвергнуть мир и жизнь, взять крест и пойти – куда и зачем, сказано не очень внятно. Пойти велено за Христом, значит ли это, что надо непременно постараться быть распятым, к чему так долго (до девяноста лет) стремился апостол Павел и наконец достиг?

Но лучше ли потусторонняя вечность после смерти, чем трагическая временная жизнь здесь? Отвергнув нашу здешнюю жизнь, христианство не преодолело ни *трагедию жизни*, ни *страх смерти*. Так есть ли в нем утешение и в чем оно? Хуже ли мусульманам, иудеям, буддистам?

Устал я спорить и с христианством, как когда-то устал спорить с марксизмом – а он вдруг отвязался от нас и сам. Поговорим о другом...

### **Магия**

Рожистое воспаление врачи лечить не умеют, или лечат так долго, что раньше успеешь умереть. Однако в деревне его лечить умеют, и когда у меня вдруг заболела рука выше локтя (в пятнадцать лет), то, будучи атеистом, сначала я кричал, потом сдался на милость тетушке. Она нарвала кудели мелко, положило на красное место воспаления, подожгла, куделя мгновенно вспыхнула и сгорела, не ожигая. После сего тетушка пошептала, брызнула водою и я заснул. Проснувшись часа через два, я услышал шум улицы и побежал туда к приятелям, и только вечером вспомнил, что утром кричал от боли. Так что я в магию верю. И дед мой лечил от укусов змей, потому и их не трогал тоже, не трогал он и пчел, но осторожно сдувал, когда они ползали по его руке, потому они его не кусали (правда, еще он разгонял их дымокурором, когда вытаскивал рамки с медом из улья). Мама моя лечила только травами своих близких, но, слава богу, все выздоравливали.

Христианство – это не только Миф (поэтому оно борется с Культурой), но это еще и **Магия** (поэтому оно борется с наукой, в частности, с медициной, в том числе и с народной, но еще пуще борется со всякой магией инородной, как с иноверцами, сжигая их повсеместно). Однако все существенное дается христианину только магически: спасается человек **верой** (не трудом, не творчеством, не подвигом – если только не *подвигом веры* – не *заботой*, но именно *верой!*), милости получает по молитве (не по деятельной жизни для общества) и по **отстранению от жизни** – в пустыню, в скит, в монастырь, на костер и на крест, получает надъестественные силы от Бога или от ангелов, умение говорить на чужих языках и исцелять... Итак, практика и теория христианства преимущественно состоят в магии, и протестанты, более от нее отстранившиеся, упертые в изучение Библии, вызывают ненависть православных и католиков.

Самое сверхъестественное магическое действие, укорененное в обрядах глубокой древности, это вера в способность с помощью жертвы, особенно кровавой человеческой жертвы, приобретать милость богов и изменять ход вещей: возвращать умерших, исцелять больных, менять ход войны, порядок вещей.

Ко времени Христа человеческие жертвоприношения в иудаизме были уже отменены, но Христос (объявивший себя сыном Божиим), решил самого себя принести в жертву для преодоления *порчи* (якобы) *мира* и отмены в нем смерти и тления.

Причастие кровью и плотью (вином и хлебом, таинственно пресуществляющимися в кровь и плоть Христовы при вкушании) – напоминание и продолжение жертвы Иисуса Христа и приобщение верующих к его распятию.

Однако, некоторые возразят, что не говорит ли в пользу убедительности христианства его повсеместное распространение?

Но разве мы уже забыли, как оно было навязано народам Римской империи? Силой. Мы помним, как крестили Русь, сгоняя народ в Днепр, так же императорский двор в Риме, уверовав (и обольстившись), погнал народ в христианскую церковь.

### *Горестный итог...*

Чтобы уж совсем не засорить пространство философствующей литературы, попытаюсь книги, подобные этой, больше не писать.

Но есть еще полезные замыслы.

Во-первых, какая-то дьявольская сила пытается снова разгромить математику (что не удалось христианству), и чтобы разучить человека мыслить, но взамен принимать слепой верой то, что будут внушать ему властвующие, введено сатанинское ЕГЭ. Для отчаянного и безнадежного противодействия погрому буду писать «Учебник элементарной математики для школы».

Многие годы потребуются для Истории философских идей: прежде всего, она принесет пользу мне, я прочитаю в философии то, что пропустил, и приведу в систему читанное.

Возможно, напишу роман, но в сем не уверен. А что будет потом, узнается потом...

*7 сентября, среда, 8-44.* Спал ужасно, почти все болело. Нужна уже революция, решил я по пробуждении. Правда, была революция деятельных и богатых (включая и часть интеллигенции), заработавших свою власть и богатство и влияние энергией и эксплуатацией телесного народа, против наследственного сословия (феодалов), королевской аристократии и духовенства; была революция телесного народа (включая и часть интеллигенции), против всех выделяющихся над низом; когда-то и в Древнем Риме приход христианства был безумной трансцендентной революцией космического и космополитического духа против тела (при этом народ духовно был обращен в тотальное рабство). Но что же такое дух, спросили мы как-то на нашем философском семинаре? Это то, что относится к сакральному, священному, религиозному, магическому (отвлеченно, абстрактно); то, что относится к церкви и духовенству: *духовник, лица духовного звания*, божественное, нисходящее на человека от Бога, возвышенное, противостоящее мирскому, земному, естественному, природному, *человеческому* в широком смысле слова: то есть отделяющее себя от традиций, нравственности, гуманизма, культуры, *жизни* в наиболее полном, широком смысле слова: семьи, работы, творчества.

(И сегодня какой-то всплеск христианской злобы уже не против даже тела и мира. но против души, душевного, человеческого сочувствия, симпатии, участия, помощи. *Добро, которое не для Бога делается, это зло*, сказал Константин Леонтьев. И именно поэтому с их Богом мне невыносимо, он слишком античеловеческий! Как ни обличали пророки Ветхого Завета человеческие грехи и слабости, но они и сами были люди, этот же безжалостный обличитель словно бы и вовсе не вочеловечивался!)

Итак, нужна революция, преодолевающая разрыв тела и души, народа и интеллигенции (хотя *то* опускание всех и вся, которое произошло сегодня, соединило на дне, как кажется, и интеллигенцию и народ, отделив их от культуры).

Что мне самому делать? Во-первых, не пить совсем, или только немного (бокал) сухого вина, а за пять дней пьянства я выпил в пересчете на водку 250 грамм, что оказалось для меня чрезмерно и плохо и из-за этого тоже.

Что же еще?

Строить баню и благоустраивать деревенскую жизнь и писать книги. Возможно, еще вернутся и музы и волхвы и помогут мне понять, что делать еще. Ну а теперь пора идти работать!

**12 сентября, понедельник, 18-53.** Заходил к Г.С., взял у него автореферат на проверку, получил тысячу рублей, хватит на дорогу в деревню и обратно, сегодня куплю батон и завтра тоже и даже в деревне куплю и батон и хлеб, есть у меня еще 150 рублей (пересчитал, точнее, 142-50 – ну, все равно на батоны хватит, а бачком для нагревания воды в бане пока послужит эмалированное ведро).

Но – завтра у Вики День рождения, я с нею встречаюсь, надо подарить ей цветок и купить стограммовый шкалик. Кроме того, вечером презентация журнала «Русские просторы», надо купить экземпляр журнала, хотя бы за сто рублей...

Следовательно, трехсот рублей для благоденствия мне не хватает, придется встречаться с Викою без выпивки и цветка (подарю ей свою книгу «Прощание с N»), и журнала пока не покупать (или и Т.М. подарить свою книгу в обмен на ее журнал?)

А Г.С. и В.П. любят наш режим и жизнью довольны, и народ жизнью доволен, и советский народ *все как один* любили родную коммунистическую партию...

Но песен не поют и петь разучились. Книг не читают и читать разучились. Народные промыслы Палеха, Гжели и Хохломы почти повсеместно исчезли. Пить еще пьют, но не разучатся ли и пить?

Вот о чем надо помнить, размышлять и спорить. О качестве образования и культуры интеллигенции и народа. О качестве самого человека, в высшем и низшем слое. О снижении и возвышении интеллектуального и нравственного уровня народа, о его вырождении или спасении. Не надо говорить ни о зарплате, ни о пенсии, ни об успехах в спорте, ни о ценах и престиже, если падает народ, и кто пренебрегает величиим народа, тот враг хуже Мамая и Гитлера, любит ли он правительство или не любит.

## ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**КОГДА ЖЕ ВОБЬЮ Я ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ?***1. Строительство идет медленно и мучительно...*

*2 сентября, четверг, 23-00.* Если существует *монада*, то есть, некая неуничтожимая субстанция души, не исчезающая с разрушением тела, то возможно перевоплощение, продолжение ее бытия в другой жизни, от рождения до нового завершения. Но если то, что я представляю себе как мое трансцендентное Я, не соединяет новую жизнь и прежнюю, то чем отличается перевоплощение от смерти? (Возможно, Будда знает, что я еще не совсем умер, но я то этого не знаю!) Если новый человек не помнит, кому он наследует, то чем перевоплощение лучше христианского воскресения? В котором со смертью исчезает не только тело, но и семья, друзья, родина, те цели и идеалы, ради осуществления которых я жил, восхищался, претерпевал, трудился, любил и вдохновлялся!

*Два часа ночи.* Я уже было заснул, но вдруг усилились боли в спине и пояснице, с трудом встал с кровати, с трудом спустился по лестнице в сарае.

Сделал гимнастику, намазался «лошадиной силой», оделся потеплее, записал несколько замечаний и лег спать снова, успокаивая себя надеждою на грядущий день.

*2. Путем подмен...*

Тварь ли я дрожащая или право имею?

Я спорю с христианством в связи с утверждениями и мнениями, но осмеливаюсь ли я спорить в поступках? Разумеется, не убийством старушек доказывается смелость и право, революционные и оппозиционные партии в России право человека на человеческое достоинство и свободу отстаивали способами многообразными, в конце концов дело дошло до Революции (как и во Франции в 1789 году), кардинальная смена общественного устройства произошла и в 1991 году. Не ожидал Ф.М., что не удастся ему насмешкой над неудавшимся Наполеоном Раскольниковым остановить порыв человека к свободе. Но мой личный спор с Ф.М. о моем *праве* разрешится в мою пользу лишь в том случае, если я осмелюсь заявить о своих правах публично. Раб ли я, и прав ли Христос, говоря: «Рабы, повинуйтесь господам своим?»

Прав ли Достоевский, так пренебрегающий умом читателя, что почти нагло, оскорбительно насмешливо изображает лживое доказательство того, что человек только тварь и прав никаких не имеет, потому что он не может убивать кого хочет без зазрения совести? Наполеонами не становятся только тем, что разрешают себе убивать старушек, и генералы разрешают, и всякий офицер, и даже солдат, но никто из них не становится Наполеоном, и великая Французская революция, свергнувшая тиранию христианства, разве только ради прав на убийства свершилась? Она низвергла власть духовенства и власть земельной аристократии, она сломала феодальный строй ради утверждения строя буржуазного, и хотя бы один слой людей почувствовал себя людьми, а не рабами!

### 3. Бесконечность и вечность

Смерть страшит – но не страшат ли в еще большей степени вечность и бесконечность, которые одинаково обесмысливают и человека и Бога?

Глядя на звездное небо, испытываешь восхищение, пока воспринимаешь небо как дополнение и расширение того мира, который существует рядом с тобой и вокруг тебя. Но представляя все новые звезды, за границей того что видишь, звездные скопления, галактики, миры – и так без границы, за каждой видимой галактикой есть и невидимые, а за ними еще и еще – но даже Бог не может творить бесконечно и вечно, не может творить он и целостный мир как бесконечность.

Бог Ветхого Завета (по Библии) сотворил Землю и небо (то небо, которое обнимает Землю, природу и человека, луну и солнце – не сказано в Библии, что Он творил Вселенную с бесконечным числом обитаемых миров и человечеств на них, если только не свой Бог для каждого обитаемого мира.

Бесконечность обесмысливает даже мысль, словно не хватает дыхания, и только образ Земли с ее земным небом, на котором сияют луна и солнце, приносит успокоение.

Итак, представление бесконечной вселенной удручает, еще более удручает представление бесконечного числа человечеств, у каждого из которых свой Бог (что унижает идею божества) или единый Бог (тот, в которого уверовал человек) для всех, и близких, и далеких, и за гранью границ...

Но после *воскресения* Христос обещал нам вечную жизнь...

Меня уже начали мучить мои книги, не слишком ли много я уже написал, да еще продолжаю писать – не столько, как Лев Толстой (90 томов), но все же чрезмерно (кажется, 12 или 14).

Но если я воскресну – что я буду делать? Не займусь ли я производством все новых книг? А если воскреснут Пифагор и Архимед? Математика ведь станет бесконечной как вселенная, и никому не удастся ее изучить – да будет ли и Пифагор помнить свои старые теоремы, когда появится бесконечное количество новых?

Да и всякому человеку после воскресения будет тошно, особенно если отменят и семью и выпивку и встречи с друзьями. Вечная жизнь автоматически порождает бесконечность и бессмысленность, если только не станем мы листьями на Древе Господнем и не будем трепетать вечно в состоянии блаженства, то есть словно бы находясь «под кайфом», как от наркотиков.

Жизнь и интереснее и осмысленнее. Жаль, что она заканчивается – но если не слишком быстро, то, может быть, и ничего, что заканчивается, и насылаются болезни и угомление, и даже несчастная любовь, чтобы уж не цепляться за жизнь до бесконечности, как христиане.

### 4. Так в чем же смысл христианства?

Понять христианство помогает образ большевизма: те обещали *светлое будущее* для всего человечества, равенство и справедливость, но сначала, говорили они, *«весь мир насилья мы разрушим, кто был ничем, тот станет всем»* – и на этом разрушении мира они и застряли, а светлое будущее так и не наступило.

Ненависть и энергия разрушения оказалась сущностью учения, а все остальное – как в «супе из топора» – только "пищевые добавки", чтобы этот суп стал съедобным.

Большевизм с его обещанием светлого будущего рухнул, потому что народ устал ждать, не только устал караул матроса Железняка.

Почему же не рушится христианство?

Кто его знает! Даже я не могу все объяснить. Я не знаю, почему так яростно бросила меня N, почему отвернулась Анна. Да и Достоевский не знал, почему его бросила Полина, почему она ему изменяла.

Обыденный человек ищет в христианстве утешение и находит его, следовательно, соединенными усилиями богословов, священников, обычных христиан вместо христианства изобретена другая вера, которая верующих утешает и даже делает счастливыми. Христос ведь призвал к обратному: взять крест и пойти за Ним, то есть стать несчастливым, обречь себя мукам и испытаниям. А чего ищут, что находят, куда идут *посюсторонние христиане*? Ждут ли они конца света, радуются ли смерти (как Нилус, православный писатель, и как многие ныне пишущие во славу христианской духовности)? Или живут как все как всегда во всю возможную широту жизни, то есть получают образование, женятся и рожают детей (иногда заводят любовниц, особо благочестивые в этом каются и священник им грехи отпускает), работают, делают карьеру, богатеют (забывая о том, что богатым в рай не войти), иногда пишут православные книги (хотя подлинному христианину незачем и книги писать, все уже Учитель сказал, и остается отряхнуть мир от ног своих, а не книги писать!) Чем же я от них отличаюсь? Тем, что я еще размышляю по собственному пониманию, а они «как батюшка скажет», но живем мы на самом деле все одинаково (кроме тех, кто уже совсем сошел с ума как Кьеркегор и швырнул даже кольцо невесте своей, обручившись с Христом и уйдя неведомо куда... неведомо и для себя).

### 5. Но что вместо?

Станьте образованными и умными, читайте книги, заботьтесь о мире и близких, любите: цветы, работу, творчество, детей, девушку из метро; дружите с хорошими людьми... да, **не отрекайтесь от мира, не воскреснете**, потому что **для воскресения по христиански необходимо отречься от мира** (перечитайте евангелие, там это сказано и разъяснено, не спорьте со мною напрасно)... но и с Христом не воскреснете, ибо ни Он, ни его ученики, ни все знающие проповедники ни разу не сказали, в чем будет состоять воскресение. Никто это не сказал. Так во что же тогда надо верить? Вот вы заботитесь о том, чтобы воскреснуть, а я целую жизнь жил (по разному), работая, размышляя, влюбляясь и заботясь о тех, кого любил, или кто нуждался в помощи. Итак, *часть своего я отдал, но что-то оставил себе и детям*. В евангелии рассказано, что человека, не отдавшего **всё**, ученики Христа подвергли смерти, сначала его, а потом и жену его, и она упала бездыханной.

Следовательно, я не христианин (если бы даже это учение восхвалял, а не исследовал). Но и никто из вас, намеревающихся порицать меня, не

христианин тоже, кроме единиц, таких, как Нил Сорский или Серафим Саровский. Человеку тяжело жить для себя самого, одни пускаются в веру (то есть влюбляются в Бога). Но они всерьез больше никого не любят, ни семью, ни друзей, ни женщин ни Россию, ни природу, ни культуру ни творчество. Вот я и пустился в любовь... Создалась ли твердь под ногами, такая, чтобы и смерть не была страшна, как не страшна она была еллинам и римлянам, не была страшна Сократу? Увы, еще нет. Христианство мне не поможет, с моим умом математика или философа, да еще и астронома, да еще и редактора, все таки в христиане идут люди односторонние, какие-то не как все, Мышкины или Кошкины... мне в нем оказалось тошно.

### **6. Вера в марксизм, в Ленина, в Сталина...**

Как-то так случилось, что бывшие марксисты растеряли из своей старой веры почти всё, кроме самого худшего, то есть уцепились за Сталина (правда, чем Ленин лучше своего продолжателя, я сказать не могу).

И вот они пытаются Сталина возвеличить и оправдать именно тем, что в нем самого людоедского.

Во-первых, говорят они, он сделал Россию индустриальной (обменяв жизнь миллионов крестьян на немецкие и американские станки и тамошних инженеров, перестреляв частично своих: на одной только Левашовской пустоши восемьдесят тысяч расстрелянных перед войной, совершенно ни за что, просто так. Кстати, миллионы крестьян уничтожены тоже бессмысленно, не все они обменены на станки, многие просто были сосланы на голодную смерть). Во-вторых, говорят они, он выиграл войну.

И я по этому поводу хочу кое-что добавить.

Войну людоед выиграл как Пирр, завалив русскими убитыми пол-Европы. *«Но нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим!»*, пели некогда известные актеры. Если бы цена была уменьшена хотя бы на одну полушку – человеческую жизнь – возможно, остался бы в живых мой отец. Если бы цена была чуть больше, то возможно у кого-то из них отец бы погиб: пели ли бы они тогда, что все равно не постоят за ценою?.

Победа была оплачена смертью моего отца.

А почему надо было приносить в жертву лишние миллионы жизней? Почему и Суворов воевал, и Кутузов, и Ушаков, и Россия возрастала, а после Сталина захирела, некому стало рожать и не от кого, дух нации подорван сначала большевистской революцией и бесконечной Гражданской войной, продолжавшейся семьдесят лет (даже меня посадили в рамках этой войны, причем дважды), потом войной с немцами, которую большевики возглавляли так же бездарно, как и строительство коммунистического рая (как бездарно две тысячи лет строился и христианский рай).

Возможно, бесконечность Гражданской войны объяснима. Придя к власти и разгромив Белое движение (воюя плохо, но белых было намного меньше, чем красных, крестьяне поверили в то, что им отдадут барскую землю, а рабочие поверили в то, что меж ними разделат буржуйское добро), большевики вдруг убедились, что социализм и социалистическое соревнование в хозяйственном отношении менее эффективны, чем буржуазная предприим-

чивость и конкуренция и стремление к прибыли – и вот, чтобы скрыть правду бездарности социалистического строя, они в основание этого строя воздвигли ТЕРРОР как единственный способ удержания власти – но неотвратимо правящий слой был обречен на бездарность. И сам строй был бездарен, и командиры – в труде и в войне – были бездарны. (Троцкий это увидел раньше всех, поэтому и предлагал сразу же рабочих и крестьян объединить в трудовые армии, а сзади наступающих поставить пулеметы, чтобы никто не отступил. Его методы и идеи и были реализованы, хотя сам Вождь был уничтожен. Ну, не знаю, вероятно, с кого-то надо было начинать, начали с троцкизма... хотя, правда, еще раньше была Гражданская война, которая тоже была во многом организована Лениным со-товарищи).

(Инквизиция и Крестовые походы очевидным образом напоминают большевистскую бесконечную Гражданскую войну, как и большевики напоминают и во многом повторяют христиан).

Да и строительство коммунизма, который обещался вот-вот, и всё отодвигался, напоминает и повторяет ожидаемое Пришествие Христа и Конец света, после которого наступит *воскресение* и пробуждение в раю.

### 7. Стало ли бы хорошо в раю или при коммунизме

*Ночь на 9 сентября, половина второго.* Ленин был любим и притягателен не тем, что коммунизм пообещал и молочные реки с кисельными берегами, или что тяжелой бедную жизнь с болезнями и усталостью заменил на привольную и богатую (нет, не заменил, началась только бесконечная гражданская война), а что уничтожил мучающие человека химеры: *неравенства, эксплуатации, несвободы* (крепостное право как подлинная несвобода было уничтожено еще до его рождения, а он обещал рабочего сравнять с фабрикантом, фабрику отнять у владельца и отдать работнику (отнять-то отнял – но отдал ли?) Жить человек стал хуже, чем жил при царе, но зато бывшие фабриканты и помещики и сам царь стали жить еще хуже. Вот и Христос любим и всемерно восхваляем вот уже две тысячи лет не за обещание воскресения ирая, которые пока еще не наступили, и не за то, что жить стали лучше (не стали, да и не обещал), и не за то, что все стали равны (апостол Павел говорит, что хотя и раб и рабовладелец остались, но они стали братьями: «Бытие сделалось двойственным, и раб уже не только раб господину своему, но и брат во Христе.») – нет, как видим, не стали равны, как и при социализме провозглашалось «человек человеку друг, товарищ и брат», но одновременно поощрялись доносы и одна часть народа была поставлена в палачи и надзиратели над другой).

Так за что же Христос любим?

Он – **Спаситель**. Он пришел не для улучшения жизни и мира, а для изменения их сущности и смысла, пришел старый мир отвергнуть и заменить новым («*Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое.*») – сравните у большевиков «*мы наци, мы новый мир построим*» – но большевики призывали новый мир строить, а Христос обещал, что он наступит магически, как следствие его распятия, вот он за тем и пришел: быть распятым для магического преобразования мира, уничтожения

в нем тления – правда, произойдет сие не теперь, а только после Второго пришествия и Конца света.

Так неужели вся двухтысячелетняя любовь только за обещание будущего преображения мира? Нет: во-первых, за цену, которую Он заплатил за это (хотя и мой отец и миллионы русских солдат, тоже невинных, тоже заплатили эту же цену за спасение России и они ее спасли подлинно, а не при имеющем наступить конце света), во-вторых, любим Он за чудеса и благодеяния, которые коснулись единиц, но остались в памяти всех (хотя разве эти чудеса и благодеяния изменили мир и жизнь человека? Нет. Он исцелил некоторых, и иные и сегодня молятся, вместо того, чтобы идти к врачу, ибо медицина действительна для всех, и хотя я болен и мне она при этой болезни не помогает, но все же не истребляет чума и холера и черная оспа половины Европы, и детская смертность сократилась более, нежели при Христе (а врачей христиане сжигали).

Правда, врач не восклицает «Девушка, встань!», так чтобы девушка встала с одра (но три года назад, когда я лежал на операционном столе, и из этого мира на время исчез, я вдруг услышал голос врача: *Операция закончилась, просыпайтесь!* – и проснулся – разве это не было воскресением? А я испытал перед тем некий смертный ужас ухода, я так чувствовал, справедливо или нет, *не вем*. Я уходил на время – и вернулся: проснулся или воскрес).

#### ***Дополнение к рассуждениям по поводу «Братьев Карамазовых».***

Христос был распят, потому что Он к этому и стремился, это было его миссией, как у Пушкина смерть на дуэли. Только Пушкин всех простил, а Христос? "Батюшка" его говорит Марии (в "Легенде"): разве можно простить мучителей твоего сына? (словно мы все, всё человечество Христа мучили). И она обратилась к святым и мученикам, и те встали на колени, и "Батюшка" разрешил грешникам послабление на один день в году. (А вообще образ Ада и вечных мук – это образ *злого Творца*).

Христос стремился на Голгофу, чтобы победить [*около двух часов ночи, ложусь спать*] – свой ли народ, синедрион, судьбу, непризнание? [И я иногда думаю, что лучше, чтобы меня расстреляли, подспудно надеясь все же таким способом победить, хотя и посмертно, воскреснуть: в памяти читателей.].

Но добр Христос или жесток (ибо церковь христианская явила себя миру как церковь суровая, часто жестокая, почти всегда воинствующая. Большевики залили Россию кровью, и сам их вождь бездушен и жесток, притом жесток до патологии; жестокости персонально и Сталин, и Мао, и дядюшка Хо, и все коммунистические вожди, как стало известно сегодня, сплошь негодяи. Но объективные истории показывают, что и ...

#### **8. Жизнь для родины, родных, культуры – или ожидание конца света?**

*11 сентября, воскресенье.* Неделю назад в деревне за праздничным столом с нашей гостьей состоялся примечательный спор. Мы попарились в бане, которая опробовалась первый раз, настроены были празднично, на столе стояли водка, вино, шампанское... и пиво! – но гостья была настроена ко мне критически и всё старалась уличить в *неправильных* мыслях и чувствах, а я все как-то увливал от спора, искал общие точки.

И тут она вдруг вспомнила о национальной идее: "ненавижу, – говорит, – людей, превозносящих свой народ, не любящих никого кроме своих!" – а это общая идея всего советского времени: явная или замаскированная ненависть к России и русскому, она же воспиталась в советской школе и вообще еще в советской жизни. "А восхищаться собственным народом можно? – спросил я. Вот даже большевик-космополит Ленин написал статью «О национальной гордости великороссов».

"Ну, можно за что-то любить своих, но *надо* и других любить тоже!" – ответила она.

Вообще презрение или ненависть к националистам (или народникам, как предпочитают называть себя я) свойственна людям как раз не широким, не настроенным на понимание чужих характеров и образов мысли: христиане проповедуют (устами апостола Павла), что огненные "*несть ни еллина ни иудея, но все братья во Христе*", но нехристиан презирают, часто гонят, и моя русскость ли или славянскость им чужда, но моя нехристианскость им ненавистна. В спорах против "любви к отеческим гробам, любви к родному пепелищу" (как и во многих подобных же враждах ко всему душевному, естественному, культурному и человеческому) основной прием – *подмена* или *смещение понятий*. Любит ли мать свое дитя, спрашиваю я? Больше ли она его любит, чем чужого ребенка? Может ли она к чужому ребенку быть равнодушной (сочувствовать или помогать при необходимости, но в норме быть занятой своим и НЕ любить чужого – в смысле равнодушия, а не вражды)? Вот так же, разве не естественно любить свою родину и защищать, что и составляло значительную часть человеческой истории (а не христианские паломничества и молитвы)?

Есть целые движения, призванные защищать разнообразие видов в культуре. Казалось бы, не все ли равно, миллион видов бабочек или только полмиллиона, остался только *серый брянский волк* или есть еще корейские волки и японские, но подсчитывают, сколько тех и других, размножают тигров в неволе и выпускают в тайгу, председатель правительства лично возглавляет пернатую стаю и ведет ее на нерест – все для того, чтобы сохранялось разнообразие видов – но почему же, как только речь заходит о сохранении народов, культур, языков и традиций, защитники вселенского смещения заходятся прямо священным негодованием против проклятых националистов, стремящихся защитить свой народ – а особенно достается народникам и патриотам, если они не чукчи или евреи, а русские.

### ***9. Отбор как важнейшая форма усвоения культуры***

В наше время пишущих больше, чем читающих, и в интернете выставлены сотни тысяч романов, повестей, рассказов, эссе; даже если надеяться, что большинство пишущих талантливы, все же как пробиться к читателю современным Толстым и Достоевским, какова вероятность, что читатель, протянувший руку наугад к бесчисленным полкам Интернета, вытащит именно роман Толстого или Достоевского? Вероятность эта почти равна нулю.

Но и в прошедшие времена авторов и книг было как рыбы в море, даже

одних лауреатов премий вождей за всю жизнь не перечитаешь. А я детство провел в глухой деревушке... И все же неведомыми путями попадает ко мне «Весна света» Пришвина, затем такой же большой сборник сибирских писателей, среди которых отрывки из Аввакума (и я прочитал его в восемь лет, а через пятьдесят лет издал наиболее полное собрание его текстов); попадает Джек Лондон, Марк Твен, Вальтер Скотт, Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Маяковский (не худшие авторы, хотя социальные перемены понизили их в должности), и в одиннадцать лет «Анна Каренина» Толстого, а в шестнадцать Мельников-Печерский и Достоевский. И много еще других, каждый из которых немало потрудился над моим возделыванием, в семнадцать лет Гегель и Аристотель, Маркс и Фихте, в восемнадцать Розанов, в девятнадцать Библия и Оскар Уайльд... перечисляю я авторов случайным образом, как и ко мне их приводил случай. Но какой он был удивительно умный, этот Случай, как заботливый учитель – всё нужное и ничего почти лишнего. И «Прямая линия» Корбюзье, Штирнер и Герцен, Вольтер и Лесаж, Иоанн Златоуст и Николай Полевой – все годилось, все шло в дело, не зря говорила античная пословица *«Посеешь случай – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу»*. Но случай стоит в начале пути, и он так кстати, что вопреки его природе хочется воскликнуть: все **не** случайно в нашей жизни! (хотя случай и не устраним.)

Но нас пестует еще среда и школа, начиная с семьи, родных и друзей и тех бесчисленных случайных знакомых, попутчиков и собеседников, с которыми нас сводит судьба. Почти все, кто меня задел локтем, взглядом и словом, были значительны, со всеми мне повезло, и девушки были прекрасны и очаровательны, и мужчины умны и талантливы, других друзей я не хотел бы и других возлюбленных, других учителей и даже других следователей. Но не может быть, что это только обо мне так самоотверженно заботилась жизнь, вероятно, это общее свойство мира и жизни: как солнечный свет возвращает все обильные урожаи мира, согревает и освещает всякую былинку, так и сумма случайностей направляет каждого человека к возвышению, если он ему не противится, если не увязает в пороках или в лени.

Но есть еще и особая неслучайная сила, которая нам помогает приобретать знания, таланты и опыт – музы, волхвы, ангелы и демоны нас направляют, нам помогают, нас воспитывают и учат, и даже великий Пушкин не только сам собой, но и питомец муз (я в это верю). Почему эти высшие силы которого-то из нас выбирают, я не знаю – но ведь мы не знаем и никогда, быть может, не узнаем, почему нас избирают и прекрасные женщины (я, неблагодарный, не всегда был с ними нежен).

Жизнь не должна быть полностью исчислима! – вот в чем, возможно, разгадка (которая, правда, ничего не объясняет и не увеличивает исчислимость).

Итак, море культуры и ее ветер, ее энергия, имеющая направление, составляясь из случайности, среды и высшей воли, нас несут, как море и ветер несут парусник, направляемый, впрочем, рукой капитана.

### ***10. Сны о счастье в отобранной у народа России***

Я ругаю русский народ за его пьянство, раболепие перед властью, поддержку неправедных – от Грозного и Малюты до Иосифа Кротового.

Но не потому ли он таков, что уже отчаялся добиться справедливости и свободы и потому СДАЛСЯ на волю победителей?

Пушкин говорит, что *на свете счастья нет, но есть покой и воля*, Блок добавляет, что *покой нам только снится*, и я, соглашаясь с обоими, записываю *сны о воле*.

От **народа** я отделяю следующие сословия:

**Правительство и чиновников**, от царя до мелких исполнителей, которые часто угнетены сами, поэтому иногда и нам помогают... а о генералах, помогают ли они нам, пусть повествует художественная литература.

**Армию**, в которой офицерский корпус является властным слоем, вроде *дворянства*, а солдатская масса – тот же *бесправный народ*.

**Купечество и слой предпринимателей**, от олигархов до мелких владельцев ларьков; чем мельче, тем человечнее, внизу из них многие даже лучше многих.

**Правоохранительный аппарат**, стремящийся стать *только* репрессивным (по отношению к народу), – но если украли любовница пять миллиардов, министр разворовал казну, следственный полковник хранит полторы тонны денег – пожурят и отпустят; обыватель же украл бутылку водки, сидит под следствием пятнадцать лет и умирает до приговора по старости.

Так мечтаю ли я о справедливости? Нет, только о некотором послаблении: большинство нарушителей совершают мелкие нарушения, поэтому я смотрю сны о том, что их не будут сажать на время следствия, а только после приговора, как и ко мне были милосердны, следствие тянулось семь лет, а я оставался на свободе. В остальном ничего не изменится, богатые будут богатеть, чиновники будут поедать деньги вдов и сирот, правительство будет охранять существующий режим, следователи будут сажать кого скажут.

Жизнь ко мне была милосердна, в меня влюблялись красотки, **Н** меня **обожала** (бросила... но да ведь мы иногда даже и умираем, боеем, падаем... увы...), разрешили учиться в школе и университете, в тюрьмах и психушках сидел недолго, не отбирают нынче мои Записки (они безвредны, их никто не читает), разрешали работать то преподавателем, то мелким научным работником, платили зарплату (да была еще и калтура) и я жил безбедно, читал книги и слушал музыку, бродил по России; разрешили завести семью и друзей, ездить в деревню и копать огород и даже строить баню из вторсырья... Где тут Бог и что тут Бог? Возможно, **чудо** и **Бог** в моей жизни состоят только в том, что они не дают Российскому государству меня совсем раздавить, помогают впитывать в себя культуру и совершенствоваться – разве не они меня наградили тем, что я один из образованных, умных и талантливых писателей (или своеобразных философов, вроде Розанова).

Но при этом, возможно, я так и умру безвестным и книги мои постепенно исчезнут из истории вовсе... **или у Бога еще все же есть обо мне необычные замыслы?**

### 11. Динамическое взаимопонимание

16 сентября, пятница, 21-42. Рано утром приходили волхвы, объяснили, можно ли надеяться на то, что я буду интересен и понятен хотя бы единицам.

Проблема *непонимания*, разрыва между авторами и читателями придумана западными философами во второй половине двадцатого столетия. Дело в том, что **взаимопонимание** существует всегда, но оно бывает *статическим* и *динамическим*, которое существует в диалоге, подобно тому как существует при ходьбе динамическое равновесие.

Основой взаимопонимания является русский язык, общий и у автора и у читателя, язык консервативен и выражает собою традиционные ценности, также общие для всех. Чтобы оправдать миф о разрыве и непонимании, философы создают новые понятия и втискивают их в язык, ухудшая и развращая его, такие меседж (послание), тренд (направление, смещение, движение по воле ветра или течения), ... (порыв, ветер).

В норме автор говорит о том, что является понятийной основой и для читателя, диалог (соединяет ли он позиции или является спором и поиском общности) приводит к тому пониманию, которое является динамически возникающим и прекращающимся (как равновесие при ходьбе) – но это лучшая форма взаимопонимания.

Идеология, отказывающаяся в другой точке зрения, то есть настаивающая на статической неизменности, обречена на разрушение (как это и случилось с марксизмом в России). Христианство также настаивает на статической неизменности, но непрерывно возникающие ереси позволяют ему оставаться живым.

Идея *динамического взаимопонимания и согласия* расширяет *норму Истины*, дополняя ее теми системами мысли и образами мира, относительно которых мы ищем в диалоге точки соприкосновения. Так, например, если взять рассуждения Конст. Леонтьева о христианстве и любви, являющейся следствием страха божия как своего рода таблицу умножения, то с ними невозможно согласиться, и так же обстоит дело с рассуждениями Толстого об интеллигентском искусстве, чуждом народу – но оспаривая их в целом, мы находим много частных, с которыми следует соглашаться, и главная из них состоит в том, что искусство преимущественно чужд большинству – не только большинству народа, но и большинству интеллигенции (ну, хотя бы классическая музыка)...

Поразительно. Статически утверждение или идея либо справедливы либо нет, но *динамически* это не так: например, неравенство не может быть только справедливым или только несправедливым, и любовь к своему народу, как и всякое **предпочтение**, справедливы и несправедливы... **Без неравенства и реки не потекут! А любовь без предпочтения хуже равнодушия или даже ненависти.** (Настоятель Афонского монастыря, любящий всех монахов одинаково, без предпочтения – *якобы любящий* – по утверждению Страхова – никого из них не любил, как я думаю, а был только кроток и ровен в отношениях со всеми, хотя и я вежлив со всеми, а люблю немногих.

### ***12. Преобразование матерьяла***

*19 сентября, понедельник, 17-12.* Волхвы меня утешали, говоря о грядущем взаимопонимании с читателем, но я утешился только на минуту. Стоят ли мои книги того, чтобы читатель находил в них нечто важное? Разве, воистину, то, что я пишу, это не бесконечный дневник, не навязчивый **поток сознания**? Великий роман дает судьбы нескольких людей, сословия, народа, Европы, в моих книгах представлена судьба только одного человека, самого автора, да и его судьба автору мало понятна.

Множество идей и образов, которые я вываливаю на страницы своих книг, это необработанный сырой матерьял, это скошенная на поле пшеница, которую – для полноценного художественного романа – надо еще обмолотить, просушить, провеять, смолотить, добавить к муке соли, масла, закваски, тесто скатать, положить на капустный лист и испечь в русской печи – вот тогда можно было бы надеяться на создание полноценного литературного произведения, которое от моих сырых, наспех, записок, в метро и автобусе, отличается так же, как гряда дерева, сваленная на пустом месте в конце огорода, отличалась от бани, которую я из нее построил – еще не совсем, еще не отделал как следует, но все же в ней уже можно париться. А на постройку бани требуется времени и сил гораздо больше, чем на то, чтобы притащить на нее матерьял. Прискорбно все это сознавать, но признать печальную правду необходимо.

Продолжая сравнение готового здания и груды матерьяла, сваленного для его постройки, можно сказать и так, что литература представляет собою великий город с улицами и площадями, дневники, заметки и собрания мыслей и образов – вроде складов и магазинов, в которых находятся бревна, доски, кирпичи и гвозди.

(Но, кстати, хотя строительство бани несет с собою горькое критическое прозрение обо мне самом, оно приносит мне и пользу, расширяя видение мира. Так, пока я строил баню в последние три месяца, я ясно увидел, что ТРУД почти совсем не входит в русскую классическую культуру 19-го столетия, дворяне размышляют, влюбляются, стреляются на дуэли, изредка воюют, воспитывают детей, но кроме Льва Николаевича и Петра Первого, почти никто не пашет землю, не строит домов и не занимается каким-либо другим производительным физическим трудом. То самое, что является главным в жизни большинства, то есть их профессиональная работа и добывание *хлеба насущного*, в дворянской литературе отсутствует – но труд в его подлинном жизненном содержании отсутствовал и в советской литературе, вместо подлинного труда в ней был представлен фальшивый героический труд на благо народа или труд как подвиг, разумеется, в советской литературе отсутствовал и подневольный труд заключенных, и несвободный труд согнанных в колхозы крестьян.)

### ***13. Уныние и душевное угнетение. Упадок духа***

*21 сентября, среда, 9-07.* Продолжая размышлять о бане, которую я уже почти построил (уменьшив ее размером) из тех бревен и досок, которые наломал из старой полусгнившей бани, я впадаю в уныние: не так ли надо мне разломать на части все мои толстые книги и построить из них меньшие?

Ибо все написанное – это не только дневник, не только ручей полусонных мыслей, как бывает и в постели при засыпании, но это еще и худшая разновидность устного текста: так иногда в поезде или в автобусе я пристаю к бесхозной девице и потчую ее своим разговором, в некоторой степени даже привлекательным, но все же не намного более значительным и содержательным, чем и другие случайные разговоры или чтение газет, от которых уже на следующий день не остается ничего?

Увы мне, увы мне!

Таковы были и «Коробы листьев» Розанова, только он раньше меня занял эту стезю – этим ли только он и привлекательнее?

Случайно вспоминаю что-нибудь из его поспешных, на ходу, замечаний, каковы и мои: что в них более предпочтительного, чем у меня?

Ну, например, он пишет, что евреи умнее русских и почти все сплошь умны и образованны (при том, что через полчаса он же напишет, что не так уж они умны, и ум у них не оригинальный, большей частью заемный).

И я думаю, что они умны и воистину умнее русских, которые в большинстве какие-то наивные, невежественные, иногда прямо таки глупые, например, многие из них без всякой критики усваивают и повторяют чужие утверждения, иногда просто уж дикие, например, что этруски – это русские, или что Рим основан после Киева и т.п. – но я продолжаю размышлять о еврейском уме и Розановское замечание хотя не оспариваю, но дополняю, так что высказываю уже нечто иное, более точное и менее легкомысленное. Итак, русские невежественнее в массе, чем евреи, потому что и среднее и высшее образование в еврейской среде более распространено и учатся евреи прилежнее других. Почему так? Кажется, что у еврейского народа словно бы есть Редактор, который над ними более надзирает, более о них заботится, отчасти, более сильное влияние на воспитание человека имеет у них семья, и не только родители, но семья в самом широком смысле слова, многочисленные и близкие и дальние родственники; сильнее влияют вообще среда, особенно племенная, собственно еврейские предания, например, Библия, Синагога, Талмуд, общественное мнение. Итак, еврей в большей степени, чем русский, отделяется в горне народной культуры и истории. По уму, мне кажется, все народы равны, так они созданы изначально, без предпочтений, и можно взять случайного ребенка от какого угодно племени, цыгана или чукчу, поместить в культурную среду и вырастить из него по крайней мере рядового ученого, рядового писателя, рядового политика (и на этом основании у евреев есть преимущества к занятию интеллигентских должностей в культуре и в государственной жизни, что ставит в неравное с ними положение другие народы и племена Российской империи: если принимать в университеты всех на равном основании, то это приведет к тому, что скоро подавляющее число студентов в них будет из евреев, что в большей степени ущемляет не русских даже, а чукчей, киргизов, башкиров (повторяю рассуждения Плеве... ммм...) Евреи в массе интеллигентнее и образованнее, этим они и умнее, так что замечание Розанова неверно – но, парадокс, говоря и грубо, прямолинейно и по существу **неверно**, он останавливает внимание читателя, а я своими пространными рассуждениями, притупляющими острую мысль – нет.

Вот так же я начинаю исправлять утверждение, что евреи совершили русскую революцию. Нет, говорю я, дело в том, что эта Революция была многообразна, она была и социальной (усиливая права и влияние буржуазии) и политической, ограничивая власть аристократии и разрушив монархию, и в этом отношении она определялась столкновением сословий: буржуазии, крестьянства, пролетариата, интеллигенции, дворянства, аристократии, ограничивающей власть старых властных сословий и увеличивая влияние новых. Но в еще большей степени эта революция была национальной, антиимперской, антирусской (ибо русский народ и составлял преимущественно империю, которую он и создал), и участвовали в ней против империи и монархии и в значительной степени против русского народа все окраины и все инородцы вне окраин, в том числе даже казаки (русские) и евреи. Но евреи, как это чаще всего бывает, поспешили возглавить новое перспективное общественное движение. Будучи *закваской истории*, они и всегда и везде стремятся все возглавить. В этом смысле отчасти верно, что революция совершена в значительной степени ими, они преобладали среди большевистских публицистов, чекистов, руководителей партийных организаций, затем стали преобладать в новой советской культуре.

Но течение своих вод изменила Река, это Россия избрала новый путь своего развития, обрекла себя на новые испытания, которые почти поставили русский народ на грань национальной катастрофы, а вместе с гражданской войной и изгнанием большинства образованных слоев, вместе затем с трагической войной против Германии и победой, давшей нам слишком дорогой ценой (потому что народ всегда невежественнее интеллигенции и аристократии, придя к управлению государством, он справлялся с управлением и государства, и промышленности, и армии неизмеримо хуже прежних чиновников, предпринимателей, военных. Эта революция русская, но преимущественно совершенная не русскими руками, говорю я. (И мысль эта гораздо труднее понимается и усваивается, чем хлесткое утверждение, что *жиды погубили Россию*, как иногда говорил Розанов – говоривший, впрочем, и противоположное).

Но через все мои рассуждения проходит чувство, не покидающее меня ни на минуту, что все мои замечания – тоже не более чем *коробы листьев*, только я попал в менее удачную эпоху для их собирания и представления читателям, чем Розанов.

И чувство неудачи и даже разгрома усиливается больше: из меня не получился сколько-нибудь значительный математик, несмотря на Учебник, не получился философ, публицист, писатель, издатель. Отчасти я был Редактором, но известность моя ограничилась двумя десятками авторов, не приобретших известности, как и я.

Я не состоялся даже как преподаватель, ни в школе ни в Высшем учебном заведении, я был посторонним для системы, не укорененным в ней, и она мною пренебрегла, когда образование начало падать и число преподавателей и студентов стало сокращаться. Мне, как это ни удивительно, не найти работы даже сторожа, я посторонний для всей нынешней государственной системы.

#### 14. Еще заметки о христианстве

Христианство – учение, оправдывающее эксплуатацию и угнетение одной части народа (работающей) другой (управляющей и владеющей), как это и утверждал Маркс и вслед за ним Ленин и большевики. Неправота сих критиков христианства состояла в том, что они этим и ограничивали содержание христианского учения, в то время как любая религиозная система, как всякая великая система общественной мысли, содержит в себе множество пластов и смыслов, она и *сакральна* (в наибольшей степени), повествует о Сверхбытии, Боге и отношениях с Ним, она представляет собою и Миф, систему архаического сознания, но она включает в себя элементы и других движений сознания: культуры в целом, философии, онтологии, Магии, эсхатологии, этики и политики...

Одно из самых больших заблуждений состоит в том, что будто бы христианство представляет собою учение о добре и зле, противостоянии злу и избрании человеком такого способа существования, при котором он приближается к идеалу добра, **становится лучше**. Нет ничего более нелепого, чем отождествление христианского учения с нравственностью, системой этических предписаний и предписаний, вроде морального кодекса коммунизма – нет, в этом пункте они противоположны. Христианство – это учение о *спасении*, которое наступит вследствие веры в Иисуса Христа, отвержения себя и жизни и следования за Христом. Становятся лучше или хуже те, кто живет и намеревается жить, но отказываясь от жизни и от своей личности (ибо *живет теперь во мне Христос*, говорит апостол Павел), человек полагает себя вне моральных оценок и понятий о прогрессе, относится ли этот прогресс к обществу или к самому человеку.

В рамках христианского учения о человеке невозможно сказать, что он стремится к просветлению, возвышению, одухотворению, что он стремится изменить и переделать самого себя в каком-либо отношении: нет, он от себя стремится полностью избавиться, от своей воли, чести, гордости, воспоминаний, увлечений, пристрастий... можно было бы сказать, что христианин стремится человека в себе заменить на некоторое другое существо, не являющееся человеком, если бы он не подавлял в себе и волю, не отказывался и от стремлений. Христианин стремится перестать стремиться, перестать быть, перестать, пере... пе...

Он ложится в гроб и начинает постепенно отмирать.

Разумеется, вот эта центральная ось, о которой я говорю, которая состоит в **переставании** чего либо, не принимается всеми, да не всеми и понимается, поэтому, если предположить, что существует идеальное христианство, тождественное самой личности Христа, то христиане не исповедуют в массе своей это учение и не идут за Христом, они принимают тот или иной образ учения и следуют за этим образом, вовсе не отказываясь от жизни.

Но существует ли идеальное христианство, совпадающее с личностью Христа? В том начальном пункте учения, который требовал от Христа смертной магической жертвы, достаточной для спасения и преобразования мира (которое, впрочем, не могло быть ни спасением ни преобразованием мира,

ибо конечной эсхатологической целью земного бытия должно было явиться уничтожение этого падшего мира, конец света) – в этом начальном пункте все было ясно: *Христос пришел для того, чтобы принести себя в жертву*.

Но так как предполагалось не изменение мира, а полная замена естественного бытия бытием сверхъестественным, потусторонним, то все то, что должно было происходить в мире после Его Распятия, оказывалось неустранимым противоречием. Чувствуя это противоречие, апостол Павел предложил христианам единственное, достойное новой логики: **сораспяться Христу**. Но как надо было жить и зачем надо было жить, при этом оставалось неясным. Кажется, что сам Христос не понимал, что остается делать человеку после того, как Бог принесен в жертву во имя человека (притом, во имя человека презренного, ничтожного, омерзительного, как его аттестуют правоверные христиане). Человек предполагается двойственным. **Теперь все новое**, говорит Христос (и апостол Павел) – но это *новое* должно появиться и наступить после окончания сего мира. Христос возносится на небо, но с миром и с человеком ничего не происходит, они остаются теми же, что и были, хотя и уверяет апостол Павел, что они уже другие. Новую цель новому человеку Христос сообщил: *дождаться воскресения*. Но как жить в этом мире, пока он еще не исчез? Только ли не жениться, поститься, проповедовать евангелие (да и проповедь бессмысленна, окончательное падение мира наступит именно после того, как евангелие буде проповедано всему человечеству и всеми принято – и тут-то наступит крах, говорит Достоевский и Константин Леонтьев, повторяя Христа)? То, о чем я сейчас говорю, понимали иудеи, не принявшие Христа и оставшиеся со своим учением и своим ожиданием *подлинного мессии* (Христос, таким образом, по их мнению, не был Богом, и в лучшем случае искренне заблуждался). Найдутся, я думаю, и такие, которые скажут, что не надо пытаться понимать и устранять противоречия христианского учения, ибо *слепо должен верить человек* – мне им сказать нечего, как нечего сказать всякому человеку, отказывающемуся смотреть и слушать.

По ветхозаветным представлениям о мироздании, Творец его создал так хорошо, что и сам восхитился – и либо надо принять мир как восхитительное создание Творца и отвергнуть Христа, либо надо принять Христа и отвергнуть мир (но и Творца отвергнуть!)

Но отвергаю ли я мою ласточку? Я ее отпускаю на волю из моего сознания. Я пытаюсь найти новую жизнь и не притягиваться к старой, оставаясь благодарным ей за то, что она меня на мгновение однажды избрала и даже, как ей показалось, полюбила.

Отвергаю ли я христианство? Я его и отвергаю, от него ухожу, оставляя его в покое, перестаю с ним спорить и его порицать, как не порицаю я Античность, хотя и в ней не все хорошо. Но я его и оставляю в своем историческом сознании как трансцендентную попытку преобразования мира, попытку, которая не удалась. Я ухожу из христианской церкви, но не призываю уйти из нее тех, кто искренне верит в их Бога. Среди них есть и те, кто мне дорог, подвижники и просветленные.

Но среди них и те, кто просто достоин любви и уважения по человеческим качествам, их христианство не делает ни хуже ни лучше.

### ***15. Но баня еще не достроена***

И много еще осталось в ней достраивать. Надеюсь, правда, что спор мой с христианством действительно все же подходит к концу, и прощание с моей ласточкой – тоже, дострою я баню или нет.

Жизнь не окончилась, рухнули только старые скрепы, меня завалило, как при землетрясении, но я еще жив. Ну, что ж, надо выбираться и прорасти в новом бытии, строить новый мир взамен рухнувшего – впрочем, не весь ведь мир рухнул, только сны и иллюзии, мечты и надежды... Но осталась культура, возможно, и мне удастся написать нечто другое, более значительное. Остались женщины, некоторые из них нуждаются в сочувствии, участии, дружбе, помощи и заботе (что не означает, будто я отказываю в заботе моим близким или тем детям, о которых я заботился, никогда они не терпели ущерба, сколько бы меня ни носили бури и смерчи), и вот не исключено, что одна из них протянет мне руку. А разве я прошу большего?

Итак, наступает полночь, завтра день труда, не достроена баня, не поднялся и я из праха, надо трудиться, а посему сегодня пора отправиться в путешествие в страну снов...

### ***16. И все же баня еще не достроена***

**23 сентября, пятница, 8-49,** Не спеша пью чай, устал спешить в достройке бани, возможно, в этом году она останется слегка недостроенной...

Спал очень плохо, не знал, доживу ли до утра, стучало сердце молотом по наковальне, а у меня не было воли выпить лекарство.

Вчера топил баню, и не слишком-то и парился, больше лежал на горячем полке – да, в этом отношении баня удивительна, еще не все дыры залатаны, а стены и полки и ручка у двери и кочерга раскаляются.

Всю ночь шел дождь, упорно, без конца,  
Мир промочил, казалось бы, навеки.  
Держась за раму скользкого крыльца,  
Я прошептал: *О, что мы, человеки!*

С рассуждениями о христианстве все никак не могу расстаться, это учение многосторонне, оно произрастает из разных корней и даже из разных семян.

Что оно произрастает из иудаизма, боковой побег, захотевший стать всем древом ветхой (но, как оказалось, не столь уж ветхой) религии – несомненно. Онтология заимствована, радостное создание мира Богом и торжество Бога в *седьмой* день, глядящего на Свое творение, принято тоже.

Но жизнь не у всех складывается как должно, страдания и болезни и неотвратимая смерть – и право Просвещения и атеизм, объясняющие потребность в Религии страхом человека перед жизнью и смертью.

Психологически в своем обещании будущего, в эсхатологии христианство стремится утешить человека идеей Воскресения и вечной загробной жизни.

И правы социалисты, и Маркс и Ленин, что оно оказалось поразительно удобно для правящих классов, для феодального устройства жизни, призывая рабов к смирению и самоотверженности на благо царя и рабовладельцев.

Но есть ведь еще мыслители, необъятные в стремлении понять мироздание, есть смелые, гордые, сильные, умные и красивые! – или их нет?

Умиление Достоевского по поводу воскресения девочки в Севилье... нелепо: вселенная доброты, источаемая милосердными людьми, которых в мире немало, их забота и помощь умаляются как прах перед единичными чудесами (а сколько из этих чудес, таких, как возжжение рождественских свеч, мнимы!)

Многие размышляют, читают, слушают музыку, перечитывают евангелие, боятся власти, бояться болезни и смерти; не у всех жизнь складывается совсем уж трагически, безысходно, как сложилась она у Пушкина, завязшего в долгах и боящегося, что фортуна от него совсем отвернется (и не ухватился ли он за дуэль как за способ разом разрубить узел, его запутавший?)

Итак, многие умны, глубоки, разносторонни, даже бани не вынуждены воздвигать из всякого хлама, оставшегося от полусгнившей бани – раз, от старого сгнившего сарая – два, от постройки нового сарая – три, и от кучи обрешков, привезенных мне на дрова, из которых я выбираю получше и строю предбанник – четыре, у них не отбирают пенсионные деньги, да к тому же и те, которые государство платило мне в извинение за несправедливое заключение в тюрьму и в сумасшедший дом в 70-м году – и вот, нет причины впадать им в отчаяние и ухватываться за неправдоподобные иллюзии – "вы, дескать, после смерти воскреснете", – не поразмыслив даже, возможно ли какое либо приемлемое устройство в мире или где бы то ни было после воскресения – так почему же так слепо либо и такие принимают Роман о Христе, написанный двенадцатью авторами в первом веке нынешней эры, названной христианской, не пытаюсь его даже осмыслить, либо так же слепо его отвергают, не размышляя, как сегодня отвергли марксизм, которому вчера поклонялись до ярости (а некоторые Гитлеру, а иные Мао, а те Бен-Ладену, а то еще Шиве и Заратустре)?!

Только это меня и удивляет...

Правда, восемнадцатый и девятнадцатый век отчасти меня примиряют с историей и культурой. Вяземский в Бога не верил, Бог Пушкина не отличим от того, в которого верю и я, который является человеку в томлении духовной жажды, Достоевский... я склонен думать, что социализм в нем остался в душе, только он так был запуган мнимой казнью, что пытался примирить его с казенным христианством... да и не был он слишком умен и философичен, поэтому не все понимал в христианстве ясно... как и в социализме. Толстой и умен не был, и усомнился в своем праве жить за счет бесправного и нищего крестьянства, как усомнились многие русские дворяне (что у Блока выражено резко в его Дневнике, где он оправдывает и сожжение крестьянами своей библиотеки в Шахматове). Розанов был умен, христианство отверг, но надо было кормить большую семью, поэтому он старался усидеть на десятирех стульях, угодить просвещенной новобуржуазной русской печати, угодить евреям, народникам (патриотам), читателю, критику, друзьям-писателям... все это его не умаляет, а придает своеобразие: полурасхристианный, полуеврейский, полурусский, талантливый, пишущий в спешке, сильно, но не всегда до конца (а те, кто до конца, либо в каземате, либо на виселице, либо во рву... изредка, правда, попадают на трон, как Ленин и Троцкий, хотя потом черт те что, или в *бункер*, хотя потом не лучше и тех, у кого черт те что ...)

Так вот, бывшим комсомолкам, разочаровавшимся и в комсомоле и в мужчинах, я не удивляюсь, плоть тленна, душу они порастеряли на комсомольских собраниях, вот и ринулись за Иеронимом и Игнатием и призывают душу распять окончательно и стать листом на Древе Господнем, они не читали ни Аристотеля ни Платона, может быть, не читали и Маркса; но есть же и разумные, те, кто и на троих распивал, и кроме Аристотеля заглядывал даже в Николая Кузанского, как я (только я заглядывал, ни черта в нем не понял) – где же эти, почему мне не с кем даже поговорить хоть за рюмкой, но вразумительно?! Почему кроме общих слов никто не говорит точно, что он понимает в христианстве и во что верит? В существование Христа? И я уверен, что он существовал. Верит в то, что Христос Бог? До недавнего времени и я в это же верил, но мне еще хотелось понять, что этот Бог предложил нам, людям, кроме отвержения мира и самого себя и во имя чего это отвержение? Если во имя воскресения, то в чем оно состоит? Неужели все остальные христиане даже и не пытаются поразмыслить над тем, в чем состоит воскресение? Ведь знают они, что оно произойдет когда-то потом, но где, на земле или в некоем сверхмире? Встретим ли мы там кого-то из близких, узнаем ли? Обрадуемся? Узнаем ли мы даже сами себя, вспомним ли? В каком возрасте, до момента смерти, или только в юности, в детстве? Вспомним ли, из-за кого застрелились или погибли на дуэли? Вот воскреснут мой отец и мать, отцу 29 лет, матери 80... Ринутся ли они навстречу друг другу? Или прежняя земная жизнь будет уже после воскресения неинтересна? Так кто же воскреснет вместо меня: тот, кому уже неинтересна и Россия, литература, мои книги, мои вопросы, мои друзья, родные, природа – но ведь этот, воскресающий без всякого интереса к женщинам и семье – ведь этот уже будет не Я? И неужели никто из христиан не задает себе этих вопросов? Дескать, приведут куда надо и там объяснят? А куда ведут то? Да не хочу и знать, верю, что куда надо! Да, можно верить и так – неизвестно во что, неизвестно кому, неизвестно, в какое воскресение... А было ли грехопадение Евы? Или все дело в том, как и в любви, что когда я влюбился, то я хочу прибежать к ней и прижаться, и я не сомневаюсь, что в этом и есть смысл моей жизни, и никаких вопросов больше я не задаю и не сомневаюсь ни в чем, и вера такова же: доверяю, не сомневаюсь, стремлюсь прибежать и слиться с Христом! Возможно, все именно так, и люди делятся на тех, кто жив *всемирным притяжением любви* или *всемирным притяжением веры*?

Она возникает, как и любовь, не по нашему даже желанию, как возникает порою страх, болезнь, уныние, надежда...

Есть еще и третьи, живущие для себя, собой, своими близкими: карьерой, богатством, благополучием, удовольствием, например, воры, предприниматели, политики, фанатики... Ну, есть, правда, и еще всякие, например, юродивые, хлысты, скопцы (для себя или для Бога, «ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного»), но, в общем, люди культуры и мифа составляют два разряда людей, и как влюбленные не могут объяснить, ЗАЧЕМ влюблись, так и уверовавшие.

Но подавляющее большинство людей хоть раз в жизни влюблялись, даже политики и воры, и такие могут узнать себя в литературе, в романах ли, в песнях, в романсах – могут ли узнать себя верующие в богословских сочинениях, не ясных даже для богословов, если писатель, плохо или хорошо, но героев своих показывает и отчасти объясняет, восхищаясь или порицая, а богослов исходит из *презумпции слепой веры*?

Правда, не все исчерпывается литературой и богословием, есть еще науки, по крайней мере, подобная философии и богословию по форме чистой мысли *математика*.

И хотя математические идеи и образы не похожи ни на фигуры людей, ни на фигуры ангелов, но они помогают правильно мыслить. В тоске кризиса, тупика, разрыва происходит разрыв на две бытийные системы: обычных чисел и комплексных, разрыв на Мир евклидовой геометрии, в котором живут и страдают нормальные люди, не задетые Откровением и Благодатью, и Мир *неевклидовой*, в котором пребывают христиане, ожидающие Конца света в «бесконечно-удаленной точке», в которой пересекаются параллельные прямые. Что их заставило переместиться в свой необычный мир, нам не понять, людям, живущим под солнцем, но для того они и «люди лунного света», иначе говоря, *лунатики*, чтобы в сомнамбулических снах бродить по своим бесконечным параллельным прямым.

***17. Но пора расходиться: или конвой устал, или перо, или устал литератор... Или и читатель тоже больше не в силах читать***

**24 сентября, суббота, 18-09**, Вчера вернулся из деревни, никто ко мне не приехал, и дождь промочил мою душу. Вероятно, во мне она уже заболела, пригнулся вкус к жизни, кажется, что пора умирать, хотя умирать и не хочется и страшно. Но надо попытаться помочь родным в их издательских планах, моя собственная литература уже плодов других, кроме всеобщего равнодушия, не принесет.

Итак, надо с иным проститься, иное попробовать переменить. Надо проститься и с N и с Анной, даже мысленно, даже в воспоминаниях не приставать к ним больше: очевидно, что никоторой из них я не нужен, никоторая во мне не нуждается, а если и был некий случайный порыв... ну, был и прошел...

Надо перестать продолжать непрерывный сериал моих полуфилософских книг, этот *Дневник для себя*. Но что тогда мне писать, ибо в писании я хоть отчасти себя утешаю и отчасти проясняю темноту своего пребывания в мире?

Можно было бы попытаться написать художественный роман, но, боюсь, получится еще хуже, чем с моей Мениппеей.

И пора ухватиться за старое предположение писать Историю философских идей, хотя бы для себя: во-первых, таким образом я восполню свой скудный философский багаж, попытаюсь понять философию и тех авторов, которых я раньше понять не мог, во-вторых, океанский вал моего «Потока сознания» переключится на более трудный матерьял и неизмеримо потеряет в скорости и продуктивности, писать я буду гораздо медленнее, теперь придется много читать и обдумывать.

И таким образом я неизмеримо меньше буду мучить читателя необходимостью слишком много читать однообразного текста, но перестану мучить и себя угрызениями совести: хотя я не верю, чтобы чьи бы то ни было книги писались по внушению бесов, но что они внушаются тщеславием и самомнением, это я допускаю. Возможно, моя История будет книгой значительной, как и моя Азбука математики, даже если ее не будут читать.

21-16, Виталий привез вещи для сельских подростков, я ему передал коробку конфет для В---и, две большие тяжелые тыквы из деревенского огорода и последнюю из напечатанных книг «Прощание с N, или строительство бани в деревне» – вот эту самую книгу, которую я еще дописываю, в связи с которой страдаю от своей чрезмерной расписанности (литературной болтливости), в которой сегодня только вознамерился окончательно попрощаться с двумя, занозившими мое сердце, но которая уже, оказывается, допечатана, и с ними я уже попрощался на ее последней странице, где я написал: **«Я побежден. И так и не понял, что такое любовь...»**

Виталию я посетовал на свою графоманскую природу, и он стал меня разуверять в том, что это так, стал уверять в том, что мои книги интересны и разнообразны и он их с удовольствием читает. Мою депрессию он не излечил, но все же отчасти ее ослабил.

Я – дитя двадцатого века, века жестокого и искусительного, два Искушения напустились на Европу и почти погубили два великих народа: русский и немецкий – интернационал-социализм Маркса и Ленина и национал-социализм Гитлера. Что же им противодействовало (как в христианскую эру полной гибели европейских народов)? Культура. Разрушительный натиск христианства был ослаблен философией, сначала античной (и в старых ее образцах и у ее продолжателей, Оригена, Дионисия, Плотина), затем эпохой Возрождения и Просвещения и зародившейся европейской наукой и литературой, и, наконец, взлетом полноты европейской культуры в 18-19 столетиях; натиск социализма в России ослаблен и преодолен поздней советской литературой 60 – 90 годов, плеядой писателей-народников: Андрей Платонов, Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев, Василь Быков, Борис Можаев, Василий Шукшин, Константин Воробьев... Неужели монахи победили великую русскую литературу, которую не смогли победить даже большевики?

Первая Иудейская война, восстание евреев против Рима под предводительством Баркохбы – разве это не славная страница истории еврейского народа? Почему же проповедь борьбы и сопротивления уступила проповеди смирения и покорности? Потому что когда герои бывали побеждены, то победители их не возвеличивали, потому что чужие герои не нужны победившему народу. Но Рим принял Христа, призывавшего к покорности не только собственный народ, но и другие, принял, чтобы вернее владычествовать, однако и сам был побежден проповедью покорности – отныне не один народ подчинял себе другой, более слабый, но богатые и властные сословия подчинили крестьян и ремесленников, навязав им Бога, обещающего награду за покорность на небе. Увы, это же говорил и Маркс, но это правда. И хотя я не еврей, я выбираю Баркохбу, а не Христа.

### 18. Последние страницы

Не затянула бы меня депрессия в свое болото? Послезавтра утром уезжаю в деревню достраивать баню, пробуду в деревне не меньше недели, потом вернусь в город, к литературе и общественной жизни, я человек преимущественно общественный, долго в деревне жить один я не смогу...

Буду редактировать свою «Легенду о великом инквизиторе», выставлю ее на подмошки литературного скандала, посмотрим, что из этого выйдет.

Буду писать *Историю идей* – не выйдет из этого ничего для меня житейски полезного, а будет ли польза для философии, я не знаю. Собственную философскую систему я сочинить не могу. Может быть, сочиню что-то другое – если придут однажды утром волхвы и помогут, как Пушкину помогали музы.

Может быть, однажды случится чудо, на перекрестке поздней жизни столкнусь я снова с необыкновенной, которой я буду нужен – ибо я нуждаюсь и в помощи музы, одних волхвов мне не достаточно. Тогда, не исключено, случится еще одно чудо, я научусь, наконец, писать...

А пока оставляю недописанными последние три страницы, чтобы их дописать более достойно, нежели размазывая слезы по экрану компьютера, на котором пишу я вместо бумаги...

**28 сентября, среда, 19-59,** Сегодня вел себя плохо. Вышел на работу почти в десять, и в пять бросил работать и ринулся в магазин, купил белого хлеба и бутылку водки, "третюшку". Меня назад подвезли, и даже в шесть я вернулся, было светло, стало стыдно, обрезал один угол в бане (плохо), наколол дров для дома, нажарил картошки, заварил чай и *напился* (почти веселый и хмельной).

Печка гудит, в доме тепло, в теле даже жарко, мучаю компьютер, но хочется спать.

Не помню, дал ли я исчерпывающий отчет читателю об отношении ко мне прекрасного пола.

От 16-ти до 23-х лет я точно нравился девушкам. Но сие нуждается в подробностях. В своем классе одним я нравился (они со мною дружили), другим нет. Любовный роман начался с девочкой из десятого класса, одной из трех красоток школы (а в Сибири девушки изумительно красивы). Вся школа оказалась вовлечена в перипетии моего романа, об этом я писал – тут и ранняя литературная слава, и исключение меня из школы... Однажды в кино я вызвался проводить домой девушку, сидевшую рядом (это я к ней подсел). Девушки, в которых я влюблялся, обладали следующими особенностями: они были красивы, милы, привлекательны, загадочны, они были совершенством обаяния и нежности. Да, они были нежны, как раскрывающиеся бутоны цветов на заре. Надо к понятиям, обозначающим триаду истины, красоты и добра присоединить еще одно, которое не вмещается в красоту, а обнимает собою: нежность небесной зари, майского утра, начальной поры вечерних сумерек, умиротворенного детства, ... Соберем в человеке и природе все очаровательное – не просто красивое. А очаровательное – вместе они

создадут то самое впечатление, которое не тождественно ни красоте, ни истине, ни добру. Иногда у Паши (маленького внука) вот это самое впечатление, когда он пребывает в блаженстве.

Ну так вот, я влюблялся в таких девчонок, которые оставались девчонками и в девичестве, у них не было жеманства, кокетства, притворства, ...

Естественно, что я в таких влюблялся (а что они именно такими и были, я слышал от третьих лиц) – но почему они разрешали мне с ними встречаться, иногда обниматься, и даже целоваться? А я был так себе паренек, на четыре с минусом. Мне кажется, что к ним другие боялись подходить, и я оказывался один, рискнувший пойти по минному полю.

На первом курсе университета, мне 17 лет, я стал заходить в книжный магазин, в котором работала двадцатилетняя Галочка, самая красивая девушка университета. Мужики выстраивались в очередь, чтобы обратиться к ней с какой-либо просьбой, а она кричала мне через их голову: Василёк, ты мне нужен, иди сюда! И все ждали, удрученные, пока мы разговаривали. В общежитии ребятам из нашей комнаты я сказал, что приглашу ее в гости, никто не верил, так можно было пригласить в гости Бриджит Бардо. Галочке я сказал, что я с ними поспорил, что она придет, они в случае проигрыша купят бутылку водки и торт (конечно, тортом водку не закусывают, и Галочка сказала, что я пить совершенно не умею – это правда, сегодня я выпил, но я стараюсь пить немного, чтобы не болело сердце).

Когда мне стало лет больше, чем нужно, я начал влюбляться в тринадцатилетних (правда, безоговорочно влюблялись в меня девочки от трех до семи – и это философская загадка, я не строю им глазки, не пристаю с конфетами или другими знаками внимания, я еду в трамвае, в соседнем трамвае едет такая девчушка, смотрит в окно и говорит: мама, давай пригласим в гости Васю! Ну, вот этого, который сидит в трамвае напротив!

Так мы же его не знаем? Но когда-нибудь надо же с ним познакомиться? А то так никогда и не узнаем, даже как его зовут!

Но я не был Дон-Жуаном, я женщины в женщине боялся, я не смел подумать о том, о чем другие мечтают.

Когда я отважился погладить Манон по спине (или чуть ниже), она не заметила, пришлось ей сказать (и это в первый раз в жизни я погладил девушку по спине чуть ниже, уже меня трижды сажали в тюрьму – но не за это, простите...)

О чем-то задумавшись и сообразив дурацкую затею, Манон пришла ко мне в гости и разделась, совсем – потому что ты сам на это не способен, объяснила она.). Что из этого вышло, я не скажу, я не открываю до конца окна и двери моих потайных комнат в доме.

Ну, как правило, ни с кем из моих любимых девушек у меня ничего не было.

А как исключение?

Я не скажу, останусь загадочным (а, впрочем, было или нет?!)

Но мы любили друг друга часто трагичнее и сильнее, чем миллионы других, воистину иногда останавливались мгновения и исчезало время, когда мы стояли рядом и падали навстречу друг другу как в пропасть.

Почему же мы расставались и приходила другая? Причин было много, женщине надо создавать семью, как птице высидывать яйца, только одна из них решилась выйти за меня замуж, не думая, что из этого выйдет – да все хорошо, не хуже чем у других!

Ибо я не верю, что ей со мной хуже, чем около телевизора с другими, при всех моих странностях, которых нет у других, я умел делать многое: мог разжечь костер под проливным дождем, нести рюкзак весом около 60-ти килограмм, умел косить, рубить дрова, мыть посуду и приготовить обед, много работал, так называемый *отдых* (лежа на песке на морском берегу) случился со мною только один раз в жизни в течение дня, ибо когда я не работал, мы шли в театр или на концерт или в гости или шли по глинистому берегу Днестра, Днепра, Волги, Немана, Енисея, Ангары, ... или пытались проехать зайцами границу между двумя странами (иногда удавалось).

Я пил с американским послом, с русским послом, с претендентами в президенты, с епископами, знаменитыми писателями и актерами, губернаторами, главами парламентов, с путанами, смотрящим камеры из блатных, бандитами, следовательницами и надзирательницами (и целовался)... однажды на кладбище выпивал с одной девушкой... потом она куда-то исчезла... нет, лучше я ничего объяснять не буду...

Школьницы меня любили, студентки тоже. Самое удивительное, даже сверхудивительное, что меня любили учителя и начальство. Нет, есть и еще удивительнее: меня любили следователи и прокуроры, надзиратели и начальники тюрем. Теперь у меня портится характер, и это худшее, что со мной происходит.

Не надо раздражаться, не надо слишком себя любить, не надо слишком стремиться к успеху, славе, богатству, власти.

Не надо застревать мыслями и мечтою на том, чтобы меня наконец начали читать многие. Это не главное. Что же главное? Чтобы я совершенствовал свое умение писать. Чтобы я иногда был полезен тем, кто во мне нуждается. Чтобы иногда я производил впечатление очень хорошего человека (и при этом все же и был хотя бы отчасти хорошим).

Я еще ожидаю чуда и надеюсь на чудо. В чем оно будет состоять, я не знаю.

### **Но я живу и надеюсь.**

*30 сентября, пятница, 9-12.* Я уже позавтракал, подмел пол (и каждое утро пол в мусоре, неужели за ночь с меня столько нападает, как с деревьев в саду?), вымыл посуду, вынес помой и даже сделал зарядку. Я уже отчаялся сегодня завершить баню, поэтому почти не спешу на работу. Спал плохо, сердце все же стучало, хотя я выпил всего полторы рюмки, меньше пятидесяти граммов, в два раза меньше, чем позавчера. Бутылку я поставил на нижнюю полку, в водке я разочаровался, как и в пиве и в сухом вине, больше пить я не буду (а в крайних случаях одну только рюмку – и это серьезно, читатель, я буду писать Историю идей, и именно это меня утешит).

Снились безумные сны, какой-то прорицатель предсказал, что меня посадят в тюрьму на восемь лет. Столько мне в тюрьме не прожить, с меня и на воле уже облетают листья. Всю ночь шел дождь и выл ветер и что-то стучало в окно – оказывается, слишком длинные ветви той яблони, которая в этом году разродилась наконец мелкими яблочками (правда, варенье из них оказалось вкусным, сварила жена, совсем меня не ревнуя) – как видно, яблоня теперь требует узаконить наши с ней отношения.

Проснувшись, еще долго размышлял о любви. Я не узнал, дописывая четвертую книгу, что такое любовь, но только я любил женщину идеально. В этой книге надо изменить посвящение, не только N, с которой я обнимался, но целовал только руку, но и Анне, с которой я тоже почти обнялся. К N меня привязала почти смертельная жалость, я не могу от нее отлепиться, а вдруг она снова страдает, и только я могу ей помочь? Как видно, я влюбился в нее как в доченьку, о которой мечтал даже в отрочестве, а встретив, перепутал все чувства; впрочем, это тоже любовь, только сильнее. В Анну, как видно, влюбился я тоже, хотя и сказал ей, чтоб она не боялась, что я влюбляться в нее не буду – но она идеальна, я влюбился в нее в то мгновение, когда увидел, как она разговаривает со своими детьми. К Анне потом я пришел жаловаться на свою несчастную любовь (ну, что я могу сказать в оправданье?.. Ничего и не говорю...) Обе они и красивы и милосердны, обе талантливы и несчастны, обе женщины по преимуществу – что им может пообещать христианский Бог?

Только я любил женщину *идеально!* – (оглядываясь на литературу, воскликну я)

Но Любовь, как и человек, удивительнее и непостижимее, загадочнее и трансцендентнее, они СИНТЕЗ несоединимого. Какие-то дикие глупости молот Шопенгауэр, находя в любви «половой подбор», когда мы любим своих жен, как и они нас, даже и осенью, когда уже с нас облетела листва; когда наши жены продолжают нас любить, когда мы воюем, сидим в тюрьме, даже когда мы умерли. Но правда и то, что любовь НЕ идеальна, и я любил женщину не совсем так, как ей надо. Любовь не существует (то есть, не до конца существует) без постели и криков сладострастных объятий, как и криков младенца, рождающегося после этого. Все в ней необходимо и она больше всего. **Любовь больше телесного и больше душевного, и неизмеримо больше духовного, вмещающая и их в себя тоже.**

Вот почему любовь к Богу – это аномалия, это разочарование или недостаток. Глубоко неправ Розанов со своими славословиями *сладчайшему Иисусу*, восторгаясь деяниями и чувствами и идеями сухой смоковницы, которую сам же и осудил. Да, не люди лунного света – подлинны христиане, а сухие смоковницы, не смеющие или не умеющие родить.

У Бога есть, казалось бы, все, что надо для счастья – но загадочно следующее: «ибо так возлюбил Бог сына своего едиnorodного, что ради человека принес его в жертву, послал на смерть для спасения человека».

И что же? Вочеловечившись, Христос поспешил умереть. Он не стал воевать, как Баркохба, за освобождение единоплеменников, он не влюбился в

одну из красоток, которые его окружали, как Анна Каренина влюбилась во Вронского, и бросилась за это под поезд, он не влюбился в порочную (как Рогожин, который ее же зарезал, а *вочеловеченный Христос*, – так безумный Достоевский объяснял своего князя Мышкина в Записках и черновиках к *Идиоту*, – вторично сошел с ума), он не швырнул обручальное кольцо невесте, как единственный *истинный христианин* Кьеркегор швырнул его своей, он не стал сжигать всех не беспрекословных, и беспрекословных, но подозрительных тоже, и даже не подозрительных, – как Великий инквизитор, пообещавший сжечь даже и Христа – нет, он не успел стать человеком, он не проявил в себе ничего ясно человеческого, возможно, он и впрямь слишком сладкий, как пишет Розанов, патока и елей, вот и ходят верные, *очи долу и взгляд скорбный и глас тихий* – уже две тысячи лет ходят, и даже бесплатно иногда раздадут свои книжки и даже Библию, как евангелисты – чего же они хотят? ...

Но пойду достраивать баню, уже ровно десять часов, приду на минутку дописывать в перерыв, когда слишком устану...

12-13. Работается плохо – устало сердце. Можно бы сходить в магазин за булкой, но жалко времени, час потеряю. Пообедаю, подогреваю невкусный суп (гнилую капусту надо было выбросить, но экономлю деньги для государства, которому без моей пенсии, которую оно у меня отбирает, не прожить). Чай пить не буду – нет, выпью немного утреннего, но и булка кончается, надо кусочек на вечер оставить, и масло невкусное, слишком, как я сообразил, дешевое, для самых бедных, а у меня еще жену с работы не выгнали, тогда уже и это масло станет вкусным, и вчерашняя капуста.

Но намеревался я не брюзжать по поводу мелких комариных укусов жизни (более существен накат государства на нашу дальнюю?? родственницу, которую мы опекаем, который и нас опалит) – а хотел дописать утренние заметки. Дождь только что перестал (я боялся, что уже до нового года), стало проглядывать солнце, надо мне приободриться. Прошел вдоль грядок, с половины я ободрал все лозы тыкв и свалил в одну кучу, а с двух, хотя и с побуревшими листьями, при двух наливающихся кабачках, оставил, и вижу, на них засияли еще цветки – неужели они еще на что-то надеются? Вот с кого надо брать пример в силе произрастания, а не брюзжать по всякому мелкому поводу!

Итак, надо расширить мое посвящение книги, разве ее не достойна Манон? Разве она, не дождавшись, когда я поглажу ее чуть ниже спины, не предложила сама и разделась? Что из этого вышло, я промолчу, хотя и являлась мне шальная мысль родить с ней ребенка.

Зачем же вочеловечился Иисус? Чтобы нас сильней обличить? Воистину в Библии обличения человека занимают две трети текста. Живете, дескать, как свиньи, и даже движения совершаете иногда *непристойные*, как понял святой Августин, ставший блаженным. Иисус мог бы принять телесный облик и так являться людям, их не смущая своим рождением, которое было отчасти таким, как у всех, но которое у других он объяснил как скверну из скверн. Иисус мог бы оставаться Богом и тем еще больше произвел бы впечатление, ибо предавшие его казни не поверили ему в том, что Он Бог – да ведь и Он ли

себя предал на казнь для спасения человека? Ибо сказано, что *так возлюбил человека Бог*, что даже сына своего единородного заклал для людей.

Ужасно все это. Тем более, что Христос людей не любил. Он призывал их любить каких-то *ближних*, но к женщинам не прикасаться и детей не рожать.

Он обличал почти каждого человека, говоря, что только малый остаток их достоин спасения, а остальные достойны геенны, вара и смолы и зубовного скрежета. И эти самые люди две тысячи лет работали как лошади, чтобы прокормить епископов и царей и своих рабовладельцев, которых он призывал любить не по обязанности а в умилении сердца (в то время как к женщине не прикасаться и относиться к ней как к сосуду дьявольскому – по контексту христианской истории); и эти самые люди часто по ничтожным прихотям своих повелителей, своих кесарей, отбирающих у них не только свое, но и не свое, как скотина на убой шли на поля сражений и умирали миллионами – а не Он ли помазал их на царство и не повелел подчиняться им всякому человеку? И вот Н.И. доказывает, что царь даже выше священника, даже жестокий и даже неправедный, и исполнять царскую волю – служить Богу.

Что же такое любовь? Не только я, но и всякий влюбленный возводит свою принцессу, свою королеву на трон и думает, достоин ли он целовать ее башмачок – так ли любил Иисус человека, которого поднять до себя у него и в мыслях не было, и слуги христовы всякого, подумавшего спорить с Ним и в Нем сомневаться предавали лютой казни?

А как человек *любит Бога*? Отдает ему все, и от жизни своей отрекается и от любви, и берет крест и идет за Ним умирать. Во имя чего?

Того Бога, который создал мир и воскликнул, что *мир прекрасен*, и я бы мог полюбить. Но как мне полюбить Творца, отрекающегося от мира как от мерзости, как от растления, юдоли слез и печали, который отдает этот мир врагу своему для княжения?

Самое важное, что надо еще сказать: **любовь к Богу требует презрения или даже ненависти к человеку**, и часто мы видим только это.

13-24. Но хватит изображать из себя Редактора человеческой истории, надо идти достраивать баню...

Ну, еще только одно замечание.

Розанов умиляется тем, что человек выбрал себе в учителя, в любимцы, в вожди Иисуса, *«сладчайшего Иисуса»*, и его заповеди, его деяния избрал в качестве образца – именно иисусово всё стало для него образцом для любви и подражания – но разве не знал Розанов, что все обманщики, все мнимые вожди и пророки, все предводители всех человеческих толп были кумирами человека, пока их не свергали: и Баркохбу был Мессией и кумиром, и Жанна, и Сталин, подписывавший лично длинные списки расстрелянных, и даже Гитлер был избран в вожди поголовно немецким народом. А не отрекался русский народ и от вчерашних кумиров, и не называл государя Николашкой, а похожих якобы на Христа исусиками? И не обдирал золото с куполов на выплавку танков, еще с Петра?

...Но уже половина второго, работа меня к себе требует!

22-24. Литература, философия, история – не слишком ли я растёкся? Возможно, надо написать Учебник математики для школьников, это отвлечет меня от бесконечной Мениппеи (скорее сказать, от бесконечного Дневника).

Настроение плохое, чувствую, что жизнь мне в основном не удалась. Правда, смотря на себя более снисходительно, можно оценить мою жизнь двусторонне. Во-первых, у меня есть семья и друзья, плохо ли хорошо, но я работал на разных работах, в том числе преподавателем математики, жили мы безбедно (многие были более стеснены, чем мы), достаточно интересно, путешествовали по России, устраивали Литпературно-музыкальные вечера в продолжение десятилетий, я дружил и влюблялся и писал стихи и рассказы о любви, издавал журналы и книги, свои и чужие, затем ринулся в писание литературно-философских сочинений. Жизнь моя была достаточно сложной и интересной, влияние на самый ближний круг (на жену, сына, внучку, на ближайших друзей) я оказал благотворное, поэтому как *частная личность*, *личность ближнего круга*, я состоялся. Но так как читателей у моих книг нет, в литературу они не вошли, то справедливо сказать, что и я сам в литературу не вошел, следовательно, как писатель и философ я не состоялся, или, говоря шире, не состоялся как *общественная личность*, как личность для Культуры и для Народа (возможно, только мою работу Редактором следует оценить как значительный результат моей общественной деятельности, более значительный, чем моя работа преподавателем, чем мой Учебник и мои литературные сочинения).

Три необъяснимых явления сопровождали мою жизнь: во-первых, ожидания от меня значительного общественного будущего, на меня уповали деревенские жители, родные, друзья, учителя и преподаватели, множество интересных людей верили в мою счастливую звезду! Во-вторых, со мною дружили, ко мне *притягивались* значительные люди, в большинстве своем как раз состоявшиеся, имевшие значительные успехи в культуре, и Юрий Борисович Перепелкин, и Л. П. Жукова, и К--ир, и Г--шев, и Г--цкий, и Теодор Адамович Шумовский. Что-то же я из себя представлял, если со мною сближались талантливые мужчины?! И, наконец, ко мне притягивались дети, подростки, красивые девушки – последнее было наиболее удивительно, я влюблялся в очаровательнейших девчонок, иногда и в женщин замужних, и наше знакомство сопровождалось странным *идеальным романом* – но они не были ко мне равнодушны!!! Естественно, что я начал писать Роман о любви, чтобы воздвигнуть из слова памятник женскому очарованию! Даже если он затянут, даже если он интересен только мне, я от него никогда не откажусь, преклонение перед женской красотой никто из писателей не выразил более полно, чем я.

*Ночь на 5 октября, 2-51.* Христианский Бог, требует себе *поклонения* и *веры*, почти только одной веры, он даже готов поступиться добродетелями и благими делами человека, с собой он готов взять и разбойника, но не поэта и философа, не влюбленного и труженика.

Христианский Бог – это Бог мертвых, а не живых, он отверг мир, сотворенный для блага человека Богом-Творцом (хотя утверждает, что он Сын Божий), и требует причастия к себе плотью и кровью, кровью же

клянется и дьявол, и разбойники скрепляют свое единство кровью, и большевики вознесли над Россией знамя, которое они омочили в крови.

Иудеи скрепили свой союз с Богом, пожертвовав единожды ему крайнюю плоть как символ жертвы, которая требуется лишь однажды – но если надо скреплять союз с Богом чем-то принадлежащим плоти, то гораздо возвышеннее слезы, которые льются и в горе и в радости, они по крайней мере могли бы стать символом того, что и жизнь наша не только трудна, но и радостна.

Тем более что:

В мире нам дано так много! –  
Даже зло подчас во благо.  
Не суди о жизни строго,  
сделай к ней и сам полшага.  
Все в ней альфа и омега:  
Нет причины для испуга,  
И безумного побега –  
Это просто плачет вьюга.  
Мир прекрасен! Даже иго  
Жизни нам легко как тога,  
Меч, колчан, перо и книга:  
Славлю в ней живого Бога,  
Радость вечности и мига!!!  
Глубже личности нет лага,  
Нет умнее слов и слога.  
Так да здравствует отвага  
Человека – то есть Бога!

Хотя и говорит Иисус из Назарета, что он Бог живых, а не мертвых, но и распятие, и причастие, и хлеб и рыба, созданные из воздуха, и даже странное воскрешение Лазаря (которое, как следует далее из Новаозаветного текста, никак не является символом и образом грядущего обещанного человеку (верующему только во Христа) воскресения – говорят об обратном. Языческий Озирис и Бог Солнце – Ра гораздо более боги живых, воскресая ежегодно с разливом Нила.

Но уже четвертый час ночи и не пора ли мне продолжить свой ночной сон, а не ночное бдение? Тем более что завтра предстоят труды по воздвижению сарая, в котором следует укрыть на зиму дрова от непогоды.

... Вдогонку утром. Моя ласочка возненавидела девятнадцатое столетие из-за крепостного права, принимала коммунистическое учение с его ненавистью к социальному и политическому неравенству, и одновременно была христианкой. Но именно христианство – идеология неравенства и угнетения человека, притом угнетения изощренного, рабства на всех уровнях бытия, от духовного рабства до полового, социального, политического, гражданского.

Это религия социально-экономически преимущественно феодального строя, а политически – авторитарной монархии. Буржуазная революция сломала власть церкви и христианства. Так как социализм – авторитарно-тоталитарный режим, то во многом он был феодален и создал свою

собственную религию – марксизм и большевизм – и собственную церковь – большевистскую (коммунистическую) партию. Сегодняшний режим – ФЕОДАЛЬНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ, вот почему церковь возродилась. Она необходима богатым и для богатых, но тому классу богатых, который неотделим от государственно-чиновниче-полицейского аппарата, в отличие от буржуа, богатых которых (как у русских купцов и промышленников) основано на предприимчивости.

Итак, христианство – Учение, оправдывающее власть одной, меньшей части народа, над другой, большей, оправдывающее власть Кесаря, Папы, Кардинала, Великого Инквизитора, или, по крайней мере, узкой касты, наследственной или ненаследственной, связанной, как правило, с сильным или слабым "Кесарем" – в России это всегда власть царя и бояр, позже власть царя и аристократии, иногда (как при Петре Первом) исключительно власть царя. Реинкарнацией христианского государства в России были семьдесят лет большевистской деспотии с властью партийного Вождя и Политбюро.

Повторяю – в сегодняшней России, соединяющей в себе черты феодально-буржуазной России конца 19-го – начала 20-го столетий – и позднего социализма Брежневского партийно-чиновнического Застоя – христианство осуществляет те же функции оправдания и поддержки несправедливого классового подавления и эксплуатации одной части народа другой.

Вспомогательная история России второй половины 18-го и 19-го столетий – это Россия не боярская, но дворянская, функции духовного подавления христианство осуществляет только по отношению к эксплуатируемым сословиям, дворянство в основном либо свободно от власти церкви, либо исповедует христианство условное, посястороннее, "адаптированное" к их привольной жизни. Помещик живет за счет крестьян, священник освящает эти отношения властью Бога, помещик иногда живет в дворцах, утопает в роскоши, крестьянин ест черствый кусок хлеба (правда, это все же крайность). Как относится к такому положению вещей просвещенный дворянин, государственный деятель, философ, писатель, ученый, например, Радищев, Карамзин, Пушкин, Герцен, Некрасов...

Считают ли они, что это *справедливо*?

Если в теперешней России (вновь вернувшейся к христианству) 10-ти процентам самых богатых принадлежит 90% всех русских богатств, и это сегодня возмущает ум и совесть честного человека, то что же должен был думать и чувствовать честный человек вчера, в эпоху крепостного рабства?

Правда, увы, история показала, что насильственное введение «свободы, равенства и братства» не сделало людей ни свободными, ни счастливыми. История показала, что культура не может произрастать на ниве, вспаханной на равнине, и на абсолютном равенстве даже реки не потекут! Необходимо, чтобы существовали красавицы, бриллианты и золотые сережки в прелестных ушках, балы и маскарады, дворцы и любовные романы... Но необходимо, чтобы существовала и **справедливость**. Соединить вместе неравенство и братство, аристократов ума и «нищих духом», любимых и отвергнутых – выше даже самой высшей математики – и об этом должен задумываться честный человек и к этому стремиться, даже если это и недостижимо!

## ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ **ДОПОЛНЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ**

### *1. Строительство идет медленно и мучительно...*

*9 октября, воскресенье, 10-15.* Ночь была не безмятежной, хотя уже временами казалось, что я не умру. Телесная разруха не оставляет меня, но ужасно и то, что от нее неотделимо падение духа, безвкусовность жизни. Я болен. Следствие ли это только болезни? Достаточно ли перестать пить?

Сколько блаженства было в школьные и университетские годы, разве оно мне не даром давалось? И вот я сегодня строю баню, пишу книги, влюбляюсь в девушек, встречаюсь с друзьями, спорю и размышляю, продолжаю искать истину – но кажется мне, что если я смогу помочь своей семье построить фундамент издательств и утвердиться прочно в хозяйственной и культурной жизни Петербурга, то можно и умереть, уже не только утомительно, но часто и чрезмерно тяжело тащить этот воз жизни: словно по глинистой дороге, словно временами под обстрелом, словно невыносимо тоскливо, кисло, горько, пресно, оскоминно...

Но хватит мучить читателя бесконечной непогодой, дождем и "завыванием ветра"! Хотя бы для ума имею я нечто ему сообщить?

На вчерашней встрече зашел разговор о доказательстве правоты и истинности утверждений, и я привел слова старца Зосимы, что "Доказать ничего нельзя, но можно проверить!"

История показала, продолжил я мысль старца, что и проверить нельзя, история никого ничему не научила, казалось бы, бессмысленность сталинистской эпохи, с его строительством домен и шахт и заводов в промышленно развитой стране, воевавшей на равных с немцами в Первую мировую, с ее сетью железных дорог, которую большевики удлиннили только дорогою на Воркуту, бессмысленность строительства социализма, который зашел в тупик, который привел к уничтожению тридцати миллионов лучшей части народа, с ее Победой, которая обошлась в сорок миллионов лучших детей народа – и вот две трети оставшихся, закусывая паленую водку килькой с прогоркшим хлебом, вздыхает о мудром и великом вожде.

Сколько же надо уничтожить людей, чтобы доказать бессмысленность построения здешнего рая на крови и муках? Сколько же надо костров инквизиции, чтобы доказать бессмысленность ожидания потустороннего рая на пепле сожженных?

Но, возможно, когда-то, после смерти всех людей и разрушения здешнего мира, каждый из нас очнется, как после летаргического сна – в теле ли, *не вем*, вне тела ли, *не вем* еще более. Во времени ли – не вем, вне времени ли – не вем еще более. Ибо невозможно избрать во вне-историческом времени положение, когда бы каждый из нас мог продолжиться и как отдельный – в детстве ли, в юности ли, или хотя бы в том ветхом состоянии, когда он закончил в мучениях земные дни – и как часть истории мира: семьи, среды, родины, земного бытия, ибо не существует *общего времени*, в котором мы

очнемся и для себя, и для близких, и вот за этим столом, за которым нам так хорошо! О, какая мелкая проблема, чтобы лань возлегла рядом со львом – это только проблема питания! О, какая мелкая проблема, чтобы обиженный обнял обидчика – это только проблема покаяния и прощения! Но ведь обиженный хотел бы обнять и мать, которая его взрастила, и отца, которого он никогда не видел, и который погиб молодым, когда сын его умер старым! И возлюбленную, которой он наслаждался в юности, прежде чем она ушла к другому! И детей своих! И их детей! И друзей! И вот этих собеседников за столь совершенным столом, за которым нам так хорошо – хотя за этим столом не смогут поместиться ни лань ни лев... Отдельное сознание может очнуться, хотя бы в некоем условном теле (если только христиане не станут возражать против любого воскресения тела, ибо сколько они это страдавшее тело изъязвляли, посыпали пеплом, морили голодом, лишали удовольствий плоти, оскорбляли упреками в *похоти очей*, проклинали, призывали уничтожить вместе с душой и миром, оставив только бесплотный дух, восхваляли за немощь, призывали болезни, восхваляли смерть!) – но это отдельное сознание не найдет того положения во времени вселенной (или хотя бы во времени инобытия), которое тало бы общим знаменателем всех желаемых времен воскресения всех отдельных сознаний. Очнувшись и продолжившись, с кем рядом я смогу продолжиться? Если я не смогу найти рядом даже своей жены, ибо как сказал лицемерно Учитель, **там** не женятся и не выходят замуж. Ну, хорошо, там не... то есть плохо, что там бесконечное НЕ! – но зачем мне такое это **там**, в котором я не найду не только жены, которая вышла сначала за брата, а потом еще и за другого (смотри об этом в Евангелии)? Что я **там** найду? **Даже если мы там и очнемся, жизни мы там не найдем!**

Но я как всегда отвлекусь...

Итак, доказать ничего нельзя, но нельзя и проверить, ничему не научает, ничего не доказывает ни жизнь ни история – или, быть может, среди множества ищущих доказательства есть все же те, кои чему-то учатся и что-то узнают, подавляющее большинство уперлось в свои прошлые убеждения и ни шагу от них! Зачем им чужие доказательства, они их не хотят слышать! Зачем им даже собственный опыт, они его отвергают!

Но можно **поверить**, добавил бы я на месте Зосимы (о, лукавый Достоевский, вкладывающий свои убеждения в чьи угодно уста, то в уста Идиота, то Аглаи, то маленького Алеша, то душевнобольного Ивана – и тебя называют творцом *Полифонии*, когда и у тебя, художественно убедительного, как и у меня, художественно слабого, только монолог!!! Возражают тебе либо ублюдок Смердяков, либо прохвост и развратник, старый смешной сластолюбец Федор Павлович). Увы, верить нельзя. Не потому, что нельзя, сколько угодно еще земля может породить идиотов – но не хватит ли уже две тысячи лет презирать человеческий дух, вложенный Богом-Творцом?! Разве я спорю с Богом, если уж начистоту? Да я среди всего этого верующего человечества, умиляющегося мироточащим иконам, воскресающему Лазарю, уже начинавшему смердеть, умиляющемуся инквизиторам, следователям ЧК, расстрельным заград.отрядам, мудрому вождю, выигравшему войну, фюреру,

поднявшему Германию с колен, и хотя войну проигравшему, но убедительно показавшему, что при все ничтожности германской нации, легковой, самодовольной, презирующей других (что признак не-великодушия и даже глупости, жестокой, прямолинейной) – это нация, которая смогла на равных вести войну с целым миром и чуть не победила! По крайней мере, проиграла войну за меньшую неизмеримо цену, чем мы ее выиграли!

Итак, и поверить нельзя, **надоело!!!** Да я больше поверю Баркохбе, Вольтеру, Маркусу и Декарту (*существование* приравнявшему к мысли, но не к вере), пьяному Сократу, во всем призывавшему сомневаться, Аристотелю и Пушкину, ... итак, я готов поверить культуре, которая и не нуждается в вере, ибо для меня она достаточно убедительна, и я не могу понять, почему ее силлогизмы и ее образы так плохо усваиваются совсем, казалось бы, не глупыми собеседниками – но не хочу я верить учению, ненавидящему человека, мир, красоту, жизнь, математику, культуру в целом, науку, философию, ... учению немилосердному, защищающему властвующих и богатых (разве двадцать веков европейской истории это не показывают?), защищающему невежество, духовное рабство, нищету духа, ненавидящему аристократизм творческого гения и оболстительность женской красоты?! Защищающему *скопцов*, ради Господа себя оскопивших, и *бесплодных*, ставших сухими смоквницами уже и не понимаю, ради кого.

Итак, нельзя доказать – но только потому, что тот, которому нельзя доказать, не хочет слышать и убеждаться, не хочет мыслить и понимать! И я не раз встречал откровенные заявления вроде того, что да, пусть мы и *чернь* (на которую напал Пушкин), но мы этим гордимся и не хотим быть другими! Пусть наш Сталин жесток, пусть мы на каждого убитого немца убили семеро своих (включая моего отца), но наши отцы живы и нам этого достаточно. Пусть мы не любим классическую музыку и даже перестали петь русские песни (а других и не знали), не ходим в театр и музеи, не читаем книг, но у нас есть телевизор и нам этого достаточно. Пусть наши деревни и провинциальные города исчезают, иноземцы заселяют наши дворцы, чужим принадлежат наши недра, наши нефть, золото, никель и лес, пусть наши жены перестали рожать, пусть мы уже скоро исчезнем – да и ладно, на наш век хватит, а остальное нас не колышет! Да и доказываешь ты, говорят они, что русский народ виноват и в том, что уничтожил образованное сословие и поэтому плохо строил и плохо воевал, и в том, что ненавидит образованных и поньне и сколько бы ни ругал толстосумов, но ими и восхищается и ни за что на свете не хотел бы иных властителей чем сегодня (чем они ему так милы?), и что хотя бандиты иногда неудобны, но это наши бандиты и мы их будем защищать, а если уж и пропадем аки обры, всеродно, бесследно, то и порадуйся, наконец мы и заслужили то, что ты предрекаешь, то есть **погибель!**

Да, столетие после четырнадцатого года двадцатого столетия – аки некое бесконечное лихолетье, смесь глупостей и безответственности и правящего сословия и управляемого народа. Столетие это состояло в бесконечном геноциде подлинно русского и в государстве и в каждом отдельном русском,

состояло в низости и в растрении и в бесконечной череде унижений и наказаний, которыми словно бы демон или злой бог заключал каждое русское преступление. Большевики убили царя и царскую семью – вслед за этим началась вакханалия убийств уже собственных революционеров, последнего из них, *Лаврентия*, убили уже при последней усталости эпохи убийств.

Бездарно заставили Россию проиграть немцам в уже близящейся к победе всемирной бездарной войне – вслед за этим развязали войну с частью собственного народа, офицерством, дворянством, кадетами, юнкерами, гимназистами, гимназистками, защитниками царя (монархистами, октябристами, аристократами), недавними противниками царя (анархистами, эсерами, меньшевиками), затем развязали войну с крестьянами, победившими помещиков (миллионами моря в голодоморах и ссылая в безлюдные и бесплодные пустыни Сибири), потом и с рабочими в городах, победившими крестьян (на одной Левашовской пустоши лежит сто тысяч убитых **перед** войной). Затем началось возмездие, демон или злой бог подверг ему нас, но революционный Петербург вымер наполовину в 41-м – 42-м годах, а затем дети народа, победившего царскую Россию, устелили русскую и зарубежную Европу своими телами.

И вот этот режим, навязанный русскому народу во имя царствия справедливости и свободной жизни, пал в начале девяностых. Возник новый класс богатых и властвующих – неизмеримо худший того класса, который мы свергли, ибо тот за тысячелетие пропитался культурой, создал глубинную черноземную почву, соединился многими узами со всем талантливым, что было в других сословиях, богатых и бедных, а этот, дикий и наглый, из всех рефлексов усвоил только хватательный.

Иногда они постреливали, отстреливая своих и не своих, тех, кто тоже тащил себе кусок от России – но нищих поэтов не трогали, на меня если и ополчились, то не расстреляли, ни Астафьева, ни Распутина, ни Василия Белова, ни Солженицына... Но этот режим оказался худшим из всех.

Песни петь перестали. Мальчики перестали играть на гитарах, а девочки перестали рожать. Народ начал исчезать быстрее, чем при наступлении немцев, быстрее, чем от раскулачивания и лагерей. Талантливые юноши хлынули за границу помогать *тем* строить науку и хозяйство и грабить Россию. Красивые девушки хлынули на зарубежные панели, помогая тем сохранять семью и рожать для чужих женихов. Но хуже того – *качество человека* стало падать сильнее, чем при большевиках, чекистах, "*строительстве конца света*" "в отдельно взятой стране" и даже при эпохе застоя и застоля. Да и пить стали больше и водка стала хуже.

И все же и доказать ничего нельзя, и проверить, и поверить уже невозможно тоже.

Мне и говорят, что я во всем разочаровался...

Нет. Кажется, что для меня начинается новая эпоха подлинного героизма, героизма отчаяния. Я не ставлю точку и не поднимаю руки вверх. У меня нет единомышленников, нет даже читателей, даже слушатели слушают меня случайно, за общим столом, в общем разговоре, спеша возразить...

Но я призываю искать продолжение для силлогизма отчаяния, для силлогизма невозможности доказательства, опыта, веры.

Нас словно бы заключили в тюрьму, но мы еще не разучились мыслить, мы еще не перестали быть людьми, мы еще не отвергли этот мир как христиане и не разрушаем его как большевики.

Кто я такой? Я – редактор. Моя задача – редактировать мир, созданный не мною.

На примере литературного редактирования я убедился, что деятельность моя не совсем тщетна, и это позволяет мне еще на что-то надеяться.

Да, у меня остается какая-то надежда, быть может, последняя.

Эта последняя надежда не входит в данную книгу, возможно, она составит содержание новой книги, а эту я закончу отчаяньем. Но мы еще встретимся, скажу я читателю...

А теперь и впрямь мне надо бросить пить (думаю, это уже произошло, даже если я иногда и выпью одну-две рюмки вина), достроить, наконец, баню, расстаться с двумя замечательными женщинами, которым удалось меня отвергнуть всецело, как чужого для них человека, не жалея и не сожалея.

Ну и ладно. Я их буду иногда вспоминать. Я им благодарен за встречу. Я счастлив, что наши жизни когда-то пересекались. Если уж суждено мне было влюбляться, о в кого же влюбляться, как не в них?!

## 2. Смысл жизни

*18 октября, вторник, 10-01.* Я в Питере, еду к Паше, автожу лекарства (от коклюша? Врачи так и не поставили диагноза, а ребенок кашляет уже полтора месяца. Недавно он поразил окружающих: увидев на двери красивый рисунок в овале, он меланхолически заметил, уже раздеваясь: «Красивый овал!»)

Итак, в чем смысл жизни? Идя к метро вместе с милкой (она – на работу), я тоже меланхолически заметил: **Смысл жизни в движении к Истине!**

Размышляя, я понял, что это справедливо и плодотворно.

Казалось бы, во всяком движении прежде надо узнать и понять, куда мы движемся, и если нам надо двигаться к истине, то надо **сначала** узнать, *что есть истина.*

Но и утреннюю гимнастику мы делаем, еще не умея сформулировать вместе со всеми, что такое здоровье, насколько эта гимнастика его определяет, какую она должна быть и тому подобное. Можно обо всем этом размышлять и в то время, когда утром мы начинаем бегать, приседать, нагибаться, косить лужайку и готовить завтрак.

Смысл даже не в *стремлении* к истине: *стремлении* уже должно входить в движение к ней, а именно в ежедневном движении. Я иду к вершине горы, не зная еще, что такое горы.

Движение к истине состоит из нескольких сфер, нескольких форм такого движения, которые мы понимаем более определенно. Итак, мы изменяемся логически, можно считать, что сие достигается за счет культурного развития, за счет образования, следовательно, надо стать культурным и образованным человеком, по крайней мере **культурным**. Последнее достижимо в определенном смысле всеми, и крестьянами, и рабочими, и всяким обывателем.

В форме этики (или нравственности) я формулировал смысл жизни как стремление и усилия и деятельность, приводящие к тому, чтобы "**стать человеком и руководствоваться совестью**" – это выражение метафорически понятнее, чем пресловутая духовность, чем следование долгу, чем любовь к богу, природе, народу и т.п. – хотя и не исключает их. Иногда говорят, что надо стать *хорошим человеком* – будем считать, что повеление *стать человеком* означает то же самое.

Остается еще эстетика. Христианство в свой идеал человека не только не включает эстетику, но и проповедует вражду к ней, преследуя культуру, в частности искусство, которые без эстетики не существуют. Идолы, расставленные вдоль улиц Афин, как сказал апостол Павел (и его ученики и последователи уничтожали затем этих идолов повсеместно до сего дня) – метафорическое выражение ненависти христианина к красоте. Сюда же входит и ненависть к женской красоте, и если не ненависть, то равнодушие к природе, равнодушие к детям. Чтобы стать христианином, писатель должен перестать писать (в крайности, заняться писанием душеполезных книг, то есть антилитературой – ибо литература не может исходить в своем осуществлении из понятия пользы, не только для чрева, но и для души), актриса должна бросить театр и в монастыре замаливать свои театральные грехи, врач должен перестать лечить больных, а пуще молиться об их здравии, не говоря уж о том, что все эстетическое в быту и в хозяйстве должно подвергнуться поруганию, и украшение жилищ, и красивая одежда, и женские украшения (лучше, как думают самые верные, вместе с женщиной).

Но мы будем продолжать наше *движение к истине* вопреки многому – вопреки тому, что женщины меня иные отвергли и даже предали, что болезни и лишения одолевают, что дети никак не встанут на ноги и претерпевают неудачи как и я, что в России многое по-прежнему плохо а многое даже хуже... а многое плохо совсем.

### *3. Любовь и Вера*

*23 октября, воскресенье, около семи часов утра.* Взаимоотношения между любовью и верою почти неспостижимы. Если врасплох спросить человека из толпы, из метро, из театра, просто прохожего, что значит в его жизни вера в Бога, что значит церковь, противостоят ли они культуре и его повседневной жизни, его привычкам и поступкам, то **почти** каждый скажет, что... но если этот каждый начнет задумываться, начнет оглядываться вокруг и вглядываться в себя, то ему покажется, что и он иногда задумывается о Боге, оглядывается на храм, иногда, очень редко, в него заходит... молодежь ответит без обиняков, юноши скажут, что они озабочены знакомствами с девушками, желанием завязать с какою-нибудь из них любовный роман, а девушки скажут почти то же самое, но добавят, что в итоге они ищут спутника жизни и мечтают создать счастливую семью.

Любовь (серьезная романтическая любовь или легкомысленная связь, любовь или постель, с любовью или без нее), работа, образование, карьера, семья, творчество, успех, дружба, здоровье и многое, что сопутствует всему

перечисленному – вот что входит в мысли и чувства, пожелания и ожидания, мечты и поступки подавляющего большинства людей. Но не любовь к Богу, не выбор между верою и неверием, не размышления даже о смысле жизни и истории, о содержании бытия и культуры. Очень **немногие** размышляют на религиозные темы и озабочены ими, но почти каждый смотрит по сторонам, видит интересных мужчин и женщин и привлекается к ним.

Кроме любви и семьи, в нашу жизнь входят друзья, природа, культура, работа, творчество; значительное место составляет в нашей жизни любовь к родине, судьба России и ее народа, судьба русской культуры. Но возможна ли любовь к родине у тех, кто отрицает любовь и семью, кто сторонится женщины? **Родины** не существует для безродных, как христианин, «делающих себя скопцами для Бога», кто любовью к Богу вытесняет любовь к женщине, любовь к возлюбленной и жене, любовь к детям и родителям. Достаточно прочесть в евангельских рассказах «пусть мертвые хоронят своих мертвецов», «кто моя мать, мои братья и сестры? – это ученики мои»...

Какая же любовь привязывала меня к миру?

С раннего детства это была любовь к матери и родным, мечтательная любовь к отцу, которого я не видел, любовь к природе и России. Потом в мою жизнь стали входить девочки и девушки, притяжение к ним было прежде всего идеальным, а потом даже я начал переживать особое состояние сверхбытия, влюбляясь, и именно это состояние меня притягивало, как пьяницу притягивает опьянение, как верующий стремится опьяниться верой и воображаемым присутствием Бога.

Что я испытывал в своих привязанностях к **N** и Анне? **N** я любил состраданием, я хотел ей помочь, вернуть мир и счастье в ее жизнь, я ее если и любил как женщину, то в наибольшей степени как свою дочь, ученицу, подругу. Анной я восхищался, я вдыхал ее, как мы вдыхаем аромат цветка.

Итак, в моих притяжениях к этим двум женщинам не было жажды обладания и жажды присвоения, если и говорить о любви к ним, то это особенное чувство влюбленной дружбы, какое почти всякая девушка испытывает в пятнадцать лет.

Почему же я так долго не могу от них отвязаться?

Вероятно, из-за неожиданности разрыва и их нежелания со мною объясниться на прощанье.

Что же дальше?

С ними я расстанусь, не буду больше ни печалиться, ни сожалеть, ни вспоминать так привязчиво, как до сих пор вспоминаю, а как смутный позавчерашний сон...

А что будет в будущем?.. Да пусть оно само за себя решает, как и советовал Иисус Назаретянин... по отношению к знакомствам и чувствам к женщинам этот совет его приемлем...

---

---

## ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

### 1. Так в чем же смысл христианства?

*26 октября, среда, 14-37.* Казалось бы, я уже чрезмерно сотрясаю воздух, Библия, включая Ветхий Завет и Новый, гораздо меньше по объему всего того, что я нашел им возразить. Но ведь за две тысячи лет весьма изощренные философы, богословы, писатели, проповедники и энтузиасты веры написали в защиту его, в восхваление и пропаганду неизмеримо больше всего того, что написано не только мною, но и всеми возразителями христианству, включая, конечно, не только Вольтера и Ницше, но и Маркса с его последователями, большевистских вождей и составителей атеистических брошюр (не буду только включать сюда всякий газетный и стенгазетный атеистический мусор, как и в их апологетику я не включаю ежедневные проповеди сотен тысяч священников по всему миру).

Много написано в возвышение и восхваление христианства, и по большей части то, что под видом христианства нам подается, никакого отношения к нему не имеет.

Обо всем этом я уже писал, но суммирую в завершение.

1. *Христианство и нравственность*, идея добра и зла, мораль, правила человеческого общежития, правила, объясняющие положение человека в мире по отношению к другим, к обществу, государству, сословиям, народам внутри государства и вне...

Христианская нравственность не существует, все делается для Бога и все покрывается верой в Бога, добро и зло, заветы отцов, воспитание, народные традиции, история и память. Любовь к своему народу и самопожертвование для него – патриотизм и национализм, или *народность* – не существенны в сравнении с верою в Бога и принадлежностью к церкви. (Впрочем, вопреки, казалось бы, сему, послушание царю и господину еще важнее, и не по долгу даже, а «в простоте сердца», как указывают апостолы).

2. *Христианство и красота (похоть плоти, похоть очей)*. Красота гонима, во всех ее проявлениях, культура гонима тем более, и улицы Афин уставлены идолами, и даже иконы были долго гонимы. К счастью, нет единства в учении, оно противоречиво, и вдруг что-то человеческое прорывается и в него: так прорвались в христианство зодчество, музыка, литургия, так для пропаганды учения в церковь введены были венчание и отпевание, вопреки тому, что проповедовалось, что *лучше сделаться скопцами для Господа*, то есть не жениться и не рождать детей, во-первых, и *предоставить мертвым хоронить своих мертвецов*, во вторых. Младенцев уже приобщают к церкви и к Иисусу Христу, то есть **крестят**, не спрашивая, хотят ли они стать христианами. Семья и род и народ не следствие, впрочем, красоты, но и они гонимы вместе с любовью и красотой, как и искусство, и *похоть очей* в христианстве стала не отделима от похоти плоти, а последняя стала проклята как и рождение и сам человек, посягнувший на плод познания добра и зла.

Слово «нравственность» не случайно одного корня с нравами, то есть обычаями народной жизни. Не может быть нравственности вне жизни, не может быть и культуры, да и ничего не может быть, более того, не существует и Бог, если нет народа и Ева не стала б его рожать, бессмысленно было бы и существование Спасителя (Иисуса Христа), если бы некого было спасать.

Сам этот вывод обесмысливает всю христианскую проповедь, но он же показывает и бессмысленность понятий *христианской нравственности* и *христианской культуры* (в частности, христианской философии и "*христианской математики*").

3. Христианство стоит над нравственностью и враждебно культуре – ну так, может быть, оно согласуется с Истиной, тем более что Христос сказал, что это Он – Истина, и что надо познать истину, и тогда станешь свободным. Но или математика и творчество не имеют отношения к истине, ибо они внушены бесами, а тогда и литература, и образование, да и сама письменность не имеют отношения к истине – и каково же содержание истины, если в нее не вмещено ничего из того, чем жив человек?

В узком смысле слова понятие *истины* обозначает критерий, позволяющий разделять умозаключения на верные и неверные, несомненные и сомнительные, в подобном же узком смысле слова понятие *истины* обозначает и правило, назидание, вывод или утверждение, или объяснение частных явлений жизни, мира, истории, в возвышенном же значении *истиной* мы называем синтез множества справедливых умозрений, указывающий, как необходимо жить на этом свете или в чем смысл жизни, потому и говорит поэт, что "*тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман!*" Возможно, говоря о том, что Он есть истина, Христос и имел в виду свод правил или учение, объясняющее, как предпочтительнее жить и к чему стремиться, не претендуя быть критерием, позволяющим в том числе и отличать верные математические утверждения от неверных (тем более что и те и другие, как думают христиане, внушены бесами).

Но если философское значение понятия *истины* относит ее к логике, к тому, как правильно рассуждать и искать верные выводы среди необъятного моря умозаключений, мнений, наблюдений и выводов опыта, то очевидно, что христианство стоит в оппозиции и к логике и истине, как стоит оно в оппозиции к нравственности и красоте; но надо еще подчеркнуть, что христианство **враждебно** нравственности и красоте, оно учит жить, не руководствуясь эстетическими критериями, не притягиваясь к красоте, а избегая ее и даже ее уничтожая и уничтожая (разрушение античной Пальмиры исламистами в этом же роде); так же в качестве идеала не ставит христианство и стремление к добру, руководство совести, сострадание (вот почему была так жестока к еретикам инквизиция, вот почему и большевики (как своего рода ответвление христианств) были так жестоки к инакомыслящим и даже просто к подозреваемым в инакомыслии).

Но в чем же смысл христианства? Может быть, он в духовном томлении, в стремлении к истине, справедливости, совершенству, о чем говорится в Пушкинском Пророке (*духовной жаждою томим...* – и эта жажда – состояние души, испытываемое многими, как жажда телесная, как жажда любви)?!

**28 октября, пятница, 21-24.** Я в деревне, холодом и сыростью пронизаны здесь и дом и огород и даже вещи в доме, и никак не нагревается в комнате, пока всего лишь 15 градусов. В куртке влезу в постель и предамся теплему сну, а баню буду завершать завтра.

Ходил в Сушилово за сахаром, мокро было повсюду, я словно плыл по реке, а не шел по дороге... и пел новый романс...

Побег из времени, из мира, из тоски...

Но сердце рвется в полночь под дождем!

Жизнь распадается на странные куски...

Мы снова встретимся... Но все чего-то ждем...

Побег из времени, из следствий и причин...

Чужая осень опрокинулась на нас,

Мы только смотрим, плачем и молчим,

Я твой учитель, ты мой прошлый первый класс.

Побег из времени, в отчаянии, всерьез...

Пути запутались... Последняя игра...

Дрожали карты в кисее дождя и слез,

И расставание назначено вчера...

Вот так же я назначу на завтра окончание строительства бани, кое что еще успею за день в ней исправить, вечером протоплю и прогреюсь...

**29 октября, суббота, 21-11.** В четыре часа баню я затопил, дымом была объята округа, в шесть я возлег на полок!

Пропарился хорошо, еле дотащился до дома.

Что я сегодня делал? К Антонине Дм. отнес детские вещи, по дороге увидел во дворе маленькую Кристину с ватажкой детей, она бросилась ко мне в объятия. За что ты меня любишь? – спрашиваю я ее. Не знаю, просто вы мне нравитесь.

И я еще иногда жалуясь на жизнь!

Но работал сегодня плохо и мало, сила произрастания во мне ослабела, октябрьская сырость и грязь угнетает душу.

Да и ладно, вдруг я подумал, почему это надо баню закончить в октябре? Пусть ее довершение останется до апреля, и мы еще немало порадуемся, когда вобьем последний гвоздь и на жарком полке нальем в стаканы холодного вина.

Юле отнес для Ани рюкзак с тыквой и курткой, и 550 р. денег, сметану, три луковицы, а Юле отдал вино в картонной упаковке. Она уже не пьет, но отдаст, как она выразилась, это вино алкашам, когда им будет плохо с похмелья.

Завтра в два часа дня уезжаю от Сушилова, рюкзак и тележку уже уложил, что есть успею утром, то и сделаю, а что не успею, то пусть останется так. Попытаюсь опилить часть досок, и уложу в сарай, что успею.

Анна меня отвергла, N меня бросила – но еще меня любит Манон и маленьким девочкам я нравлюсь неизвестно за что и зачем.

Но, вероятно, жизнь моя еще не закончилась, многое я еще должен понять и кое что сделать...

### Прощание с деревней

Вчера улетела последняя стая. Как жаль,  
Что осень спустилась в ноябрь опустелый,  
Вместились в околицу небо и даль,  
И мой огород то ль седой, то ли белый.  
Сегодня и я, как они, впопыхах улетел,  
Стряхнула душа деревенские хаты.  
И шар мой воздушный конечно же бел,  
И мокрый рюкзак одеваю, как латы...

*31 октября, 12-00.* Даже октябрь меня покидает. Во многом я оказался неправ – но не по небрежному или непочтительному умыслу, а по извечной восторженности. Я как жеребенок, ноги у меня спешат забежать вперед, и поэтому и на ровном месте я спотыкаюсь.

Да, я был счастлив и упоен – две милых и очаровательных женщины меня выделили из всех и даже обняли. Я виноват, что поспешил с признаниями в любви и перепугал их. Ну, конечно же, это не любовь в житейском смысле слова, к первой меня притянуло сочувствие и желание помочь – и ничего, ничего, ничего я от нее не только не требовал, но и не желал, и ни в чем кроме того, что она во мне нуждалась и ко мне притягивалась, я не нуждался, и теперь ни о чем не сожалею, но бесконечно благодарен ей за это мимолетное притяжение; теперь ни о чем не сожалею, но бесконечно благодарен ей за это мимолетное притяжение. Вторую я восхитился, и ей благодарен тоже за очарование восхищения, пусть наше знакомство тоже было мимолетным.

Теперь хочу только добавить несколько совсем коротких рассуждений о мире, отношениях между людьми и их отношениях с миром и Богом, о любви и вере. Зачем я столько книг написал о том же, но ничего в них не объяснил, когда, как мне теперь кажется, в этих рассуждениях достаточно полно выскажу, что я думаю о существующем порядке вещей.

Итак, Бытие или Существование – это все то, что в нас и вокруг, что происходит в мире и с нами, что мы чувствуем и мыслим.

Происходящее имеет свои причины и побуждения волею или происходит беспричинно (случайно или чудесно), произрастает, как растение произрастает из семени и земли и затем из самого себя и всего остального – из бытия или существующего (так я думал), воспринимая мир как саморазвивающийся мир. Любовь и вера имеют причины в Бытии (Существовании, Мире), так же наши поступки, замыслы, побуждения – но и не совсем так...

Вот об этом я теперь и напишу.

*1 ноября, вторник, полночь.* Работал прилежно, вел себя посредственно...

Но, впрочем, может быть, философией я немного заглажу свою вину?

Правда, меня отчасти искупляет и то, что всю ночь я болел: болела спина, поясница, шея, правая скула, лодыжки, иногда сердце, пальцы на руках, руки в целом, локти отдельно, левая нога, правая иногда тоже... и все остальное периодически... Вот и эти обстоятельства склонили меня к тому, что пора приступить к философии и рассмотреть, есть ли смысл в нашей личной жизни, есть ли встроены в мир всеобщий смысл живущего (в частности,

человечества), или даже всего целого, и можно ли говорить о мире как о целом, учитывая первостепенную важность его разделения на живое и неживое, и в последнем – выделение человека как самостоятельного полного мира, а в последнем – разделение человечества на культурно-исторические типы (дополняя типы, данные Данилевским в его «России и Европе» отдельно типом русского человека и России как цивилизации и отдельно типом дикого человека, который у себя на родине – в Африке, Австралии и на островах вымирает, а в нас возрождается), затем, по Розанову, определяется ли человек в своем отношении к миру и в своей жизни тремя типами: "*люди лунного света*", у которых смыслом мира и жизни является вера в Бога; люди, определяющиеся "*силой произрастания*" (по идее В.И.) и связанной с нею силой любви и связанной с ними онтологически-эсхатологической идеей развития и прогресса (возвышения, улучшения, подтягива на вершину) и связанным с ними КРИТЕРИЕМ, позволяющим противопоставлять одно другому как худшее лучшему: безобразное красивому, честное нечестному, доброе злему, правильное неправильному – или правы *люди лунного света*, и ТРИАДА этического, эстетического и логического, выдвинутая эллинской философией и связанная с человеком и неотрывно с РОДОМ (в котором все: и пол и любовь) – неверна, и бытие должно определяться только *верой в Бога* и *страхом Божиим* и только из страха (по Леонтьеву) вытекающей любовью, и что *не для бога* делается, то вздор и скверна. Или, наконец, существенны и правы люди третьего типа (существование которых я предполагаю, которые не погружены в веру, не погружены в эллинизм и в род, и в связанную с последним целесообразную и целеполагающую *силу произрастания и развития*, но видят мир как слабо организованный хаос, как набор и столкновение множества случайностей и множества бесцельных вещественных связей, как, например, "Происхождение видов" по Дарвину, когда нежизнеспособное вымирает и жизнеспособное (при этом почему-то естественно более предпочтительное и лучшее) сохраняется, но нет никакого вложенного в бытие импульса и плана и силы, причем и мир, возможно, появился в результате когда-то давно случившегося случайного бессмысленного взрыва слишком плотного ВЕЩЕСТВА, в котором не было ни времени ни пространства, ни атомов ни молекул, ни математики ни субъективности с объективностью, а потом все это ПОЯВИЛОСЬ само собою из того самого разбегающегося ВЕЩЕСТВА в появившемся неизвестно откуда пространстве. Эти третьи люди напрочь отрицают всякую философию (в старом смысле) и не понимают моих терзаний: было ли в исходном сверхплотном вещественном случайном зародыше мира страдание, был ли в нем источник Я, было ли в нем основание для любви и красивого с некрасивым? Потом появилось, говорят они. **Сначала чуть-чуть, потом много.** Сначала вирус, правирус, молекула, прамолекула – потом человек, потом и любовь.

Почему я не могу абсолютно ясно сформулировать даже для глухонемых, в чем тут для меня проблема? Вот ползают две ящерицы, у одной появляется утолщение, из которого потом появляются крылья, та, что без утолщения, вымирает, с утолщением – размножается и его культивирует... вплоть до крыла. Но это недомыслие – вранье. Чтобы появилось потом крыло, должно

прежде содержатся его обещание и замысел. К тому же ведь на самом деле никто не вымирает, все сохраняется, даже вирусы, вымирают лишь те, у которых или нет импульса, ЗАДАНИЯ на развитие, или нет установки на неизменность (остаться ящерицей). В самом грубом виде я вижу карикатуру на идею случайного непредумышленного развития в фантастических домьслах о мутантах, появляющихся под влиянием радиации, из которых появляется сверх-существо, подобно тому, что если бы какой-то несовершенный черновик «Войны и мира» облучить радиацией, то из него бы вдруг выросло вместо лопуха нечто даже более совершенное, нежели «Война и мир». И вот эти третьи (помимо *людей лунного света* и тех, чье мировоззрение и существование определяется *Родом и силой произрастания*), это почти большинство обычных и необычных людей в нашем мире, действительно в нем живущих: это Базаров, Иван Карамазов, Ленин, Дарвин, отчасти Лев Толстой в старости, отчасти Достоевский, отчасти Брежнев с его поворотом рек, отчасти буржуа с их стихийностью рынка и производства и накопления богатств, отчасти рядовые *ученые* и сама НАУКА в представлении о том, что она исчерпывает всякое плодотворное познание, а философия просто болтовня – эти третьи сегодня определяют бытие и жизнь. Даже *сила произрастания* осталась только у азиатов и негров, Европа делает все возможное, чтобы вымереть до последнего европейца и замениться Азией, Россия делает все возможное, чтобы не только вымереть до последнего русского, но и вычерпать до последнего весь лес, всю руду, всю нефть и отправить на Запад, а здесь поселить сто тысяч человек с поварешкой для вычерпывания, олигархи же будут жить в виллах на лазурном берегу (правда, и туда придут шахиды!)... и что самое удивительное, не только Европа любит Азию, заменяющую ее, но и русский народ любит вот эту свою олигархию! Ну, вот, все вопросы я задал, главный вопрос: почему мне не удастся диалог с мыслящими? Почему кружок Н.П.Ильина строил *христианскую философию* (новые *социалистические таблицы логарифмов*, как предлагал когда-то академик Глазенап)? Почему в Союзе писателей, где я пытался создать некий Кружок близких людей ("Северный союз русских писателей") выросли лопухи и крапива, то есть какое-то махровое православие из смеси К. Леонтьева, Игнатия Брянчанинова, протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и Ксении Блаженной – или православный большевизм, осененный иконой с ликом Сталина, которую несет какая-то полоумная Матрона? Правда, зараза нигилизма, которую я наполнен, тоже опасна, и я боюсь слишком влиять на тех, кто мыслит пусть и односторонне, но интересно, я вовсе не хочу, чтобы все мыслили одинаково! И все же осмысленные вопросы о смысле жизни возможны лишь для тех, кто не сводит бытие к движению и развитию вещества, но и не сводит к движению глины в руках все сильного лепщика, еврейского Бога Яхве. Зря ли существовала эллинская философия? Зря ли существует математика ("внушенная бесами", как проповедует христианство?) В мире уже заключены Творчество, красота и нравственность – через силу произрастания и притяжение любви; в мире заключены Истина и познание (через способность мыслить и Логос)... Быть может, в мире все уже существует и все появляется, ибо он и тождествен себе и во всем изменяется?

**3 ноября, около полуночи.** Вчера получил Книгу о школе, в которой я учился, передала ее мне дочь издателя, я ее проводил от ст. метро Московская до Парка Победы, рассказывал о себе, своих книгах и своих любовных и литературных романах. Написал письмо редакторше книги.

**4 ноября, пять часов утра.** Вчера вел себя плохо, и вот терплю наказание, стоя в темном углу на горохе. Положил под язык кардиойку, она мне поможет. А пока продолжу последние странички в своей безумной книге о любви, чтобы представить читателю некий важный вывод из книги...

И вот я рассуждаю. Ну, влюбился... (бывает). Ну, отвергла в конце концов (бывает еще чаще). Пошел к другой за сочувствием, и она отвергла тоже (другого и не могло быть). Но и каждый из нас ходил по таким же дорогам, в чем мое преимущество, почему я имею право писать об этом толстые тома и заставлять читателя их читать (вот и вчера бедной Наташе навязал второй том)?!

Но разве я влюблялся только в девочек? Я влюблялся и в тех, кто казался мне героем – но все они обветшали, и сердце мое ныне принадлежит единственной достойной – Жанне Д\*Арк.

Я влюблялся и в школу, и в университет, и в литературу и в музыку – сердце мое им принадлежит по-прежнему.

Девочки любили со мною ДРУЖИТЬ. Я казался им идеальным, совершенным другом. А я отвечал им на их идеальные порывы тем, что или в них влюблялся, или затевал безумную любовь на стороне, и дружбу я предавал во имя любви.

Так как жизнь в конце концов связывает все концы и начала, то началось для меня покаяние, и вот почти все время я стал отдавать заботе о своих писателях – и о тех, коих вовлек в свой кружок и в журнал, и о тех, коих редактировал. Одних печатал в журнале, иным помогал издаваться, даже сканируя и набирая текст на компьютере (и это не случайно, это тоже связано с детством, это благодарение за то, что делалось тогда для меня), это благодарность и искупление за то, что со мною так много носились и от меня так многого ожидали. А моя редакторская работа – это реинкарнация меня как учителя. Но, возможно, моя жизнь – это выбор между страстью и дружбой, как когда-то я выбирал между литературой и математикой.

Нас не читали, и меня тоже, потому что, как я объяснял писателям из своего кружка, *высше* на нас имеют свои виды, и они заставляют нас идти по каменистой дороге к вершине, а для того стараться писать все лучше, а для этого не отвлекают на тщеславное самомнение писательского успеха.

А разве учителей балуют? Они, как крестьяне, ежегодно вспахивают и засевают поле, чтобы научить и прокормить, и редко кто воздвигает им в благодарность памятники и книги.

И вот я уже заканчиваю свой трехтомник о любви, ничего в ней не понимая, даже меньше, чем раньше. Но не была ли моя любовь соединением любви материнской (я эту девочку любил как дочь), редакторской (я редактировал и ее книги и ее саму), соединением сострадания (я хотел ее спасти и ей помочь выбраться из трясины отчаяния, печали, тоски...), очарования и обольщения.

Но мне надо написать еще одну книгу, лучшую, самую лучшую, чтобы ею искупить свои вины. Эта книга нужна и для того, чтобы исполнить некоторое обещание миру: в меня верили мои из моей сибирской деревни и ждали, когда же из меня что-то получится, в меня верили мои одноклассники, учителя, даже некоторые товарищи все еще в меня верят.

О любви я не смогу написать, потому что о любви не удалось написать ни Толстому, ни Достоевскому, Толстой возразил любви Анны Карениной и развенчал ее, наказав, бросив даже под поезд, а Достоевский и Розанов... какую любовь они могли представить нам после своих романов с Аполлинарией Суловой? К тому же только женщина способна любить, не поэтому ли я и сам пытался любить по-женски... В любви женщина выражает себя всю, и все свое идеальное, и все свое природное, даже на творчество ее остается мало. И тем более ее остается мало на дружбу. И так как я пытался любить по-женски, но оставался мужчиной, то я метался, и моя жизнь – это выбор между опьянением творчеством, любовной страстью и дружбой, и я предавал то одно то другое. Не уверен, что перед дружбой я виноват, я и в нее вкладывал столько же заботы, сколько крестьянин в поле. Не уверен, что я виноват и перед любовью, даже если и был иногда сумасшедшим... Это иррациональные, даже трансцендентные порывы и уходы из мира. Но виноват ли я перед творчеством, которое часто соединялось с любовью?

А в мире? Разве я не помогаю жене и родным, даже редактируя многих, отвлекаясь на дружбу, на строительство бани, на вертихвосток, которых я переплавляю в стихи? Разве не вскапываю огород, по первому зову не отправляюсь грузить книги для сына, гулять с внуком, или забираю внучку из школы, или встречаю ее теперь у метро после работы? И разве не я варю суп и картошку, мою пол и посуду, не я ли заботливый муж и прилежный работник, хотя вместе с тем и таков, как в своих книгах? Вероятно, с мужем и женой и детьми нас связывает другое чувство, которое превосходит и дружбу и любовь, как жизнь превосходит даже литературу. Это два разных измерения бытия, как культура и религия, нельзя их противопоставлять друг другу... Но так же разнобытийны и наша повседневная деятельность в мире (работа и творчество) и наше призвание поэта, учителя, воина и ниспровергателя привычных устоев мира, как и призвание и труд матери. И что мое подлинное: я ли как писатель, влюбленный, странник, ищущий ключ от закрытых дверей, или я как редактор и заговорщик?

*Дождь промочил мою голову, Истлели дела и одежды. Так, может быть, жить теперь голому, Не прячась в пустые надежды?*

*Боюсь, упрекнут: некрасиво, мол, Без лампы и даже без бочки Философу невыносимому Ставить последние точки...*

*Поэтому буду смиреннее: Есть посох, есть рубище, вервие, И труд, и юдоль, и парение, Отставшие, ставшие, первые...*

Осталось теперь установить главное для догматической философии: каковы отношения между *базисом* и *надстройкой*, как говорили когда-то махровые философствующие марксисты-ленинцы? Между миром – и тем, как мы его понимаем, через какие механизмы, как это понимание выражается в

философии и науке, в культуре в целом (включая в нее даже миф, религиозный и марксистский в том числе) и в жизни человека. Марксисты (и просто материалисты *позитивистского* склада) утверждают, что **понимание** в целом и представление понимания (и математика в частности) условны, что не истекают они из мира по необходимости как его неотделимые акциденции, а избретыны человеком (если не внушены бесами), что категории истины, добра и красоты так же не принадлежат миру, а являются результатом договоренности и что *красиво* кому что нравится, или как договорились или как полезно (как утверждал Лев Толстой), и вот раньше были красивы здоровые и грудастые бабы, а декаденты передоговорились и стали красивыми худосочные, точно так же и *справедливо* только то, что думает волк, но не заяц (и мир в целом тут не при чем – что и не совсем неверно), и даже *Закон всемирного тяготения* вовсе не закон, а предметы падают с Пизанской башни с разным ускорением в дождь и в ветер (не договорились ли и они тоже?), что показал еще Галилей (не говоря уж про условность и придуманность *Всемирного притяжения любви*, ибо никакой любви нет, как доказали Дарвин и Шопенгауэр, а есть только *Половой инстинкт размножения*, в который встроен еще Инстинкт наслаждения, чтобы кто-то не вздумал отвернуться от размножения), и даже что дважды два – четыре, а интеграл от  $DX$  (дэикс) – это  $X$ , тоже не мировая необходимость, а – договорились!

Так вот, исчезни человек – исчезнут и красота, и добро и зло, и истина, и справедливость, и математика, и астрономия, и планеты перестанут вращаться по эллипсам, или, по крайней мере, забудут об этом.

Единственное, что на это удастся возразить, что это всего лишь глупое рассуждение глупого гимназиста, и при исчезновении человека исчезнет и данное рассуждение, и некому станет это ни утверждать, ни оспаривать, и про и contra будут одинаково верны (или одинаково неверны). (Так же, в скобках заметим, действительно ли глаза зеленоглазых дивчин зеленого цвета, или нам это лишь кажется, потому что ощущение цвета субъективно, а на самом деле... – невозможно ни подтвердить ни опровергнуть, потому что невозможно спросить у глаз, что они думают по этому поводу, а дивчины по наивности думают, что сами они зеленоглазы, ибо они не читали ни Бэкона ни... да ведь и категория «истины» и категория «на самом деле», как показал еще Лев Толстой, как и про относительность и субъективность красоты, справедливы настолько же, как *договорились* или *кому как нравится*). (И неизбежность объективно данного не противостоит относительно субъективному, и воистину истина и красота и справедливость не призраки, а связаны с порядком вещей, но и с жизнью, культурой и историей, которые тоже связаны с порядком вещей и изменяются вместе с ним, так что красота и изменчива вместе с историей, и неизбежна как математика ... *но нетождественность тождества вменяют лишь умные...*)

Увы, если даже аксиомы логики и математики мы не в состоянии доказать, а – договорились (и с ужасом я думаю: а что, если бы договорились иначе, не стал бы мир совершенно другим и "крокодилы стали б летать", хотя и *низенько*?! – то ничего больше я не буду доказывать, а буду заканчивать свою книгу на том, на чем я договорился с собою...

Но на чем я с собою договорился? Да, кажется, я уже смирился с тем, что *отвергнут*, что надо мне закрыть эти главы своей жизни и не мучить ни себя, ни образы милых женщин, которым на мгновение я оказался дорог... только на мгновение... – и утешиться тем, что жизнь еще не закончилась, что она может мне преподнести еще уроки и поучения, и наставления, и радости и наслаждения...

Мне ли жаловаться? Женщины, за которыми я ухаживал более пятидесяти лет назад, до сих пор хранят мои письма и меня еще помнят; маленькая тринадцатилетняя Кристина бросается стремглав мне навстречу из двора, увидев меня идущим по дороге, и на вопрос, за что она меня любит, говорит: "*не знаю... просто нравитесь, и всё!*" (но не надо мне ее искушать)... Книга моя написана, одной зеленоглазой я ее подарил, да и то, что девушки и молодые женщины еще соглашаются, чтобы я проводил их от одной станции метро до другой – разве не доказывает, что я им еще интересен, и разве этого мало для счастья?

Немножко что-то еще напишу... немножко на что-то порадуюсь, на что-то посетую... и прощусь... только с двумя, о которых пишу... Мир пусть остается открытым, с ним я еще не прощаюсь!

Я еще, быть может, пробовал открыть не все двери и не все открывались. Так что для меня возможны еще и открытия, и новые главы жизни... И даже баня еще не достроена, и либо еще съезжу в деревню в ноябре, либо отложу ее довершение до весны...

*6 ноября, воскресенье, одиннадцать часов утра.* Вчера были в гостях у И., я читал свои стихи, пел романсы (уже лучше), рассказывал о школе, в которой учился. Человек – единство души и плоти, вовсе не противостоящих друг другу так, как это проповедуется философски невежественным христианством, и жизнь – соединение почти несоединимого, как и любовь, плотью которой, быть может, является природный Инстинкт родового продолжения, а душою – множественность жизненно важного: и сострадание, и жалость (близкая состраданию), и забота, и потребность в дружбе, умиление, восхищение, восторг, преклонение, очарование (в том числе красотой)... Но есть в любви нечто еще, не знаю, испытываемое ли большинством? Некое трансцендентное чувство, **состояние**, подобное состоянию веры, состоянию прозрения, преображения, вдохновения, порыва... Это состояние – дуновение инобытия, в котором меняется восприятие времени, пространства, меняется целеполагание, отношения человека с жизнью в целом.... Время становится вечностью, но и остается как длительность, продолжаясь... Вот это состояние преображенного бытия, подобное тому, что испытывали некоторые верующие в экзальтации, Жанна при явлении ей ангелов и святых – это сердцевина *мистической любви*... да и той *любви*, которую испытываю почти все...

Находясь в этом состоянии, человек переживает наслаждение большее, чем природное, чем то, которое он испытывает в экстатическом состоянии природного слияния, он, так сказать, *идеально любит*, и отчасти происходит и подобное природному слияние душ. Я не знаю, что такое "духовная любовь" и что происходит с теми, которые ее способны испытывать, но я не уверен, что они зато способны испытывать то, что испытывал я в блаженстве

соприкосновения душ и *дуновения* (и что я пытался описывать в стихах), из-за чего я вечно стремлюсь вновь и вновь пережить это чудное состояние.

При встречах с N мы только смотрели в глаза друг другу, через глаза нам открывались двери в иной мир, и мы оба испытывали состояние счастья (и нечто подобное было в той встрече с Анной, когда я пришел к ней в деревню, хотя я и успокаивал ее, говоря, что я не буду в нее влюбляться). В этом состоянии возлюбленная кажется существом идеальным, она прекраснее всех (да и не открывается ли ее подлинная сущность, закрытая и невидимая в обычном состоянии, так что любящий не идеализирует ее, а только подлинно видит, в отличие от всех, видящих неподлинно?) И Мир весь в гармонии и пронизан красотой... Вот так я ее любил, и такая любовь состоит из двух половинок, порывов двух друг к другу, эта любовь взаимна, потому что она является взаимоприятием. *Она прекрасна, сострадательна, чиста, счастлива...* Сравним с этой любовью вымученную натужную «любовь к ближнему», о которой говорит Иван Карамзев и в которую играет христианский святой, вдыхающий тепло в зловонный рот охолоделого прохожего – есть ли в этой любви красота, гармония, очарование?

Вчера прощался и с Анною, смотрел кусочки из ее фильмов. Удивительно сходство современных сериалов с художественностью Нового Завета. В центре их либо разбойник, вор и убийца, либо шлюха, иногда разбойник с шлюхой, и оба преобразаются, проповедуя *сладость любви к врагам* (которых у меня даже нет). *Врагов надо любить*, говорит Христос – но эта проповедь фальшива, она вносит неправду в нашу жизнь, в которой «Дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей», ибо наша жизнь и история неотделимы, наша личность и наша семья и наш народ неотделимы, Христос же выбрасывает человека из мира, истории, жизни, поэтому обращается к мертвому человеку, а не к живущему. В той войне, в которой погиб мой отец, защищая меня, вся Германия была нашим врагом, и правы были только те, кто с нею сражался. Но когда соседка привезла умирающего немца из Тайшета, и выходила его, она привезла несчастного человека, а не врага. (Вот в чем пагуба христианства: живую диалектику жизни оно подменяет мертвой схемой, РАЗРУШАЮЩЕЙ и жизнь и все в жизни, потому что Христос ненавидел и жизнь и все в жизни, в особенности же семью и подлинную любовь).

Но он обещал *воскресение!* И это обещание согревает сердца тех, кто любит только себя, кто весь смысл бытия видит только в сохранении своего существования, а что они ТАМ не встретят своих близких или их не узнают, это их «не колышет».

Что отделяет меня от человека, объявившего себя Сыном Божиим и ценою своего распятия обещавшему спасение человеку, которого он в конструкции своего Учения о мире распял, наделив всеми сквернами и всей низостью, да еще для спасения потребовал у этого человека отказаться от всего, чем он жив, то есть от любви, от семьи, от родины, от детей, от женщины и от творчества, от труда, даже от плоти, а вместе с нею и от красоты, холода и тепла, жажды и удовлетворения, от страдания и счастья? Он говорит, что его семья – это ученики его. А моя семья – и моя жизнь – моя школа, и друзья и народ и история, и весь прекрасный и мучительный мир.

Он проповедует натужную и фальшивую любовь к ближнему, а я естественным образом наполнен **сочувствием** почти ко всем, кому плохо, и сочувствием ко всякому движению добра и красоты, но отвращением к безобразию, обману, низости и жестокости. Я покупаю пиво падшей, привожу в деревню вещи нуждающимся детям, учу школьников и студентов, строю баню и вскапываю огород (для многих, не для одного себя). *Он – человек исключительный*, может быть, и впрямь сын Бога, а я почти такой же как все, и справедливо сказать, что *я человек всеобщий* (исключая христиан, которых в моем народе меньшинство). Я не умею воскрешать и совершать чудеса, но и без них я умею накормить голодного и вытащил из сугроба замерзающую глупую пьяную девушку и оттащил от котлована пьяного, который туда полз, и полтора часа тащил его к нему домой, в то время как он пытался меня ударить, и я этого придурка ненавидел, а вовсе НЕ любил.

Конечно, между мною и Христом пропасть, прежде всего потому, что **я человек и почти все человеческое мне не чуждо**, а ему все наше и наш мир отвратительны и он велит отряхнуть мир как прах с обуви своей. Правда, обычный человек, в какую бы компанию его ни занесло, остается человеком хорошим, и те коммунисты, с которыми меня сталкивала жизнь, были добродетельны, и те христиане, с которыми я знаком, добродетельны тоже. Был добродетелен и Кнут Гамсун, хотя и обольстился романтикой арийского учения и проповедью сверхчеловека (но не образ ли *сверхчеловека* и в центре христианского учения, ибо хотя Христос *вочеловечился* и стал почти во всем подобен человеку, но все же своими чудесами и воскресением человека превосходил). Не буду сравнивать *Сына Божия* с собою (хотя, впрочем, и для евреев и для коммунистов его божественность не только сомнительна, но даже несомненно, что это не так), но сравню с моим отцом. Для спасения своего грешного народа («Я пришел спасти **Свой** народ», сказал Иисус моавитянке), Он пошел даже на смерть, зная, впрочем, что умрет и воскреснет; для спасения и меня, и России, и солдат своего взвода мой отец тоже пошел на смерть, зная, что умрет и не воскреснет... И что же, вы в него бросите камень за то, что любовь для него была важнее веры? А разве его подвиг меньше?

*Но если отвергнуть христианство, то с чем жить? – часто я слышу.* Так и не отвергайте. Живите как можете, только старайтесь делать больше добра и меньше зла. Не любите врагов (по крайней мере тех, кто пытается погубить ваших близких), но сочувствуйте несчастным. Не ненавидьте мир, а помогайте стать ему лучше. **Любовь, работа и забота не меньше веры** – хотя бы допустите это, и **продолжим нашу жизнь для блага** (я – для блага человека, вы – для блага Бога).

Простите меня – те, кого я обидел. Прости меня, удивительная **N**, прости меня, очаровательная **Эни**! Простите меня, друзья и близкие, вероятно, я досадил вам своими влюбленностями и своим равнодушием к красивым женщинам, как досадил и неуёмным писанием книг. Но зато я много работал, и *в поте лица своего ел свой хлеб*. Всех, кого я любил, я благодарю за любовь, я не разочаровался в вас, я счастлив, что вы были в моей жизни. Но жизнь еще продолжается, может быть, мне удастся написать и такую книгу, которую захотят читать хотя бы некоторые, а не только двое, как читают теперь.

Василий Иванович Чернышев

**ЛЮБОВЬ КАК ВСЕМИРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ**

Книга третья

**ПРОЩАНИЕ с N**

Подписана в печать **7 ноября 2017**

Формат 60x90 1/16 **25,5** п. л., **408** стр. 17 x 24 = 408

Отпечатано с готового оригинал-макета в 4-х экз.

Санкт–Петербург

2016 - 2017